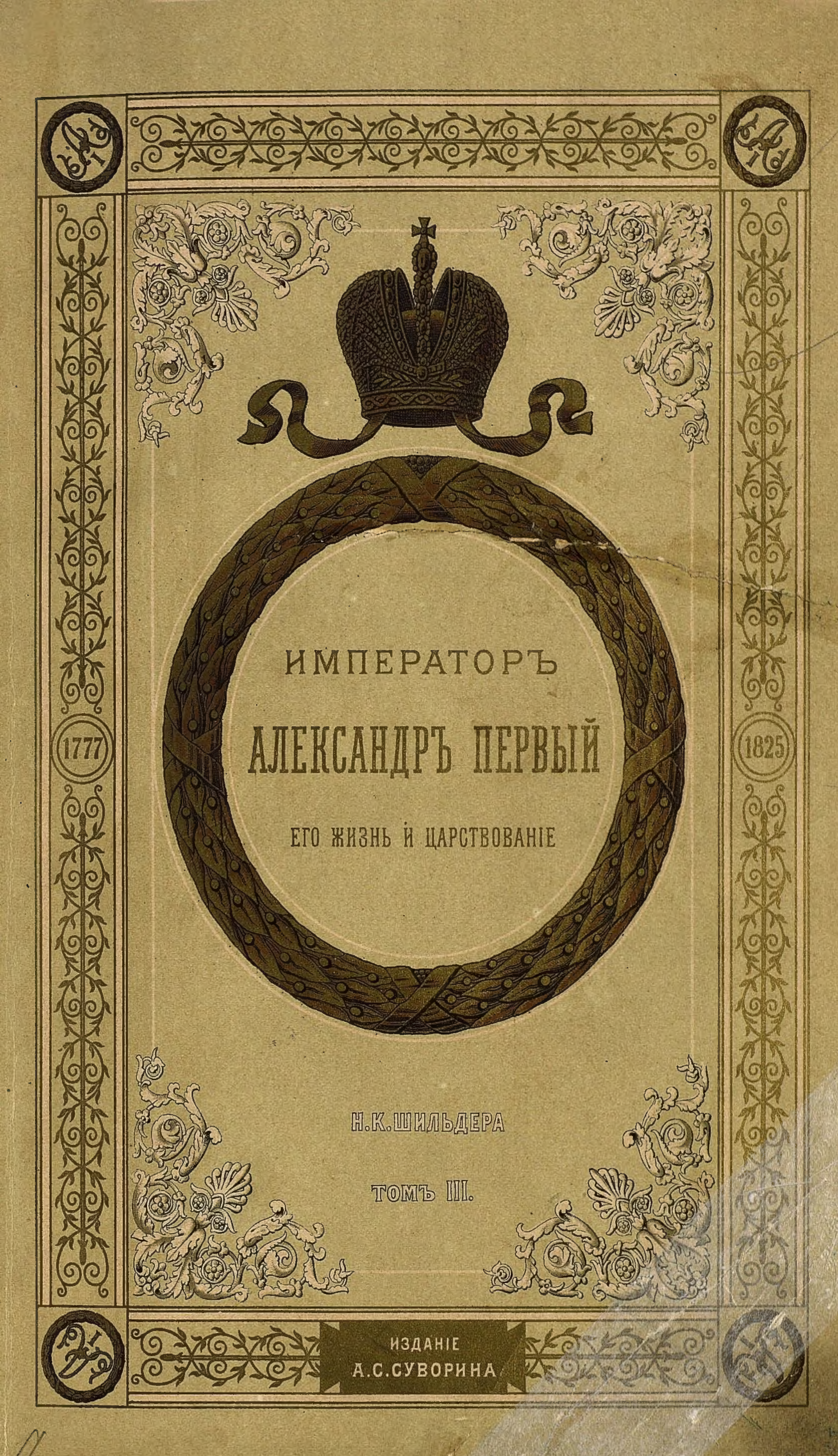

1777
1825
ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ Й ЦАРСТВОВАНІЕ
Н.К.ШИЛЬДЕРА
ТОМЪ III.
ИЗДАНІЕ
А.С.СУВОРИНА

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

СЪ 450 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

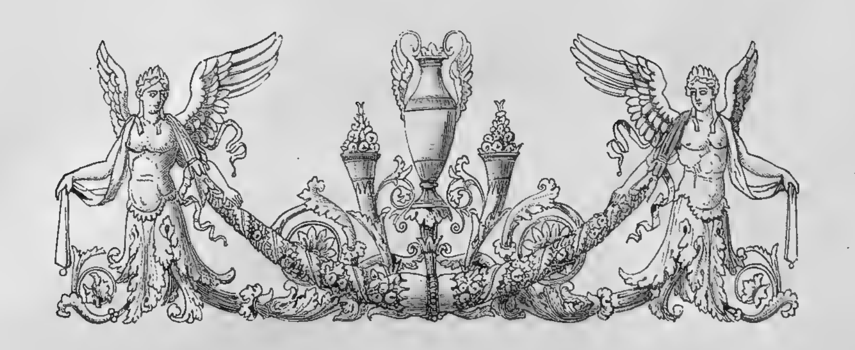

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

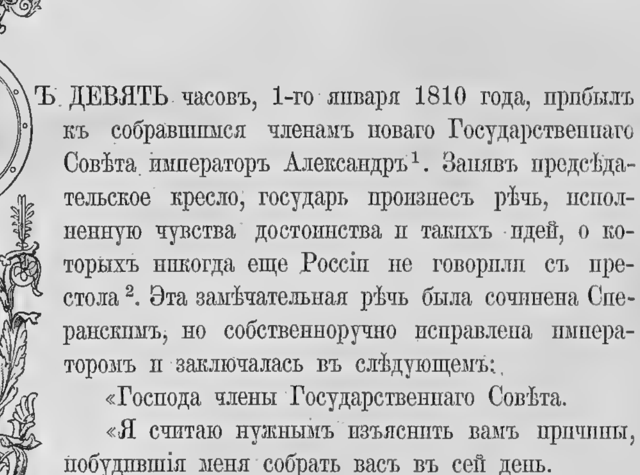
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1905

Рисунки дозволены цензурою 16 декабря 1904 г. С.-Петербургъ

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВЪ ДЕВЯТЬ часовъ, 1-го января 1810 года, прибылъ къ собравшимся членамъ новаго Государственнаго Совѣта императоръ Александръ[1]. Занявъ предсѣдательское кресло, государь произнесъ рѣчь, исполненную чувства достоинства и такихъ идей, о которыхъ никогда еще Россіи не говорили съ престола[2]. Эта замѣчательная рѣчь была сочинена Сперанскимъ, но собственноручно исправлена императоромъ и заключалась въ слѣдующемъ:

«Господа члены Государственнаго Совѣта.

«Я считаю нужнымъ изъяснить вамъ причины, побудившія меня собрать васъ въ сей день.

«Порядокъ и единообразіе дѣлъ государственныхъ требуютъ, чтобъ было одно средоточіе для общаго ихъ соображенія.

«Въ настоящемъ составѣ управленія нѣтъ у насъ сего установленія.

«Какимъ образомъ въ государствѣ, столь обширномъ[3], разныя части управленія могутъ идти съ

стройностью и съ успѣхомъ, когда каждая движется по своему направленію, и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству?

«Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего, лица умираютъ; одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основанія государствъ.

«Всѣ благонамѣренные люди давно уже чувствовали сіи истины.

«Любя отечество, бывъ поставленъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ въ счастіи его и благоустройствѣ, я болѣе другихъ долженъ былъ ихъ ощущать [4].

«Не частными исправленіями, не подробностями многосложными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства.

«Среди всѣхъ [5] заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда меня не оставляла. Я всегда желалъ, чтобъ благосостояніе имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ.

«Я считалъ всѣ минуты жизни моей потерянными для блага Россіи, въ кои войною и внѣшними происшествіями намѣренія мои отвлекались отъ сей великой цѣли.

«Не скрыты были отъ меня всѣ послѣдствія сего умедленія. Я чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка съ тою же живостію, съ коею обыкъ я любить и всему предпочитать пользы отечества.

«Наконецъ Всевышній благословляетъ мои желанія. Въ сей день, съ началомъ новаго года, имѣю я удовольствіе положить твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установленій.

«Государственный Совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу имперіи принадлежащихъ.

«Призвавъ васъ въ составъ сего сословія, я не могъ вамъ дать высшаго свидѣтельства моего къ вамъ довѣрія.

«Все, что въ мысляхъ и желаніяхъ человѣческихъ есть самаго твердаго и непоколебимаго, все будетъ мною употреблено, чтобъ установить порядокъ и оградить имперію добрыми законами.

«Вы пріемлете священную обязанность мнѣ въ семъ содѣйствовать. Предъ отечествомъ, предъ Богомъ, вы будете въ семъ отвѣтствовать.

«Предъ сими великими именами всѣ личныя уваженія должны исчезнуть. Изочтите милліоны, кои отъ васъ ожидать будутъ твердой собственности, тишины и благоустройства, и измѣрьте симъ пространство вашихъ обязанностей и степень моего къ вамъ довѣрія.

«Уповая на благословеніе Всевышняго, мой долгъ будетъ раздѣлять труды ваши и искать одной славы, для сердца моего чувствительной,

чтобъ нѣкогда, въ позднихъ временахъ, когда меня уже не будетъ, истинные[6] сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при мнѣ и моимъ искреннимъ[7] желаніемъ блага Россіи».

По окончаніи рѣчи императоръ Александръ повелѣлъ назначенному въ этотъ день на должность государственнаго секретаря Сперанскому прочитать манифестъ объ образованіи Государственнаго Совѣта, самое образованіе его, списокъ предсѣдателей департаментовъ, членовъ и чиновъ государственной канцеляріи и расписаніе дней засѣданій[8]. По окончаніи этого чтенія императоръ вручилъ графу Н. П. Румянцеву проектъ первой части гражданскаго уложенія и планъ финансовъ, для внесенія ихъ въ подлежащіе департаменты Совѣта, и засимъ оставилъ собраніе. Послѣ удаленія государя члены Совѣта подписали особо установленную для нихъ присягу.

Въ манифестѣ, изданномъ по случаю образованія Совѣта, Александръ провозглашалъ передъ лицемъ Россіи, что законы гражданскіе, сколь бы они ни были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды; Совѣтъ и Сенатъ прямо названы были сословіями; впервые всенародно выражалось сознаніе, что положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія; впервые возвѣщалось, что разумъ всѣхъ усовершеній государственныхъ долженъ состоять въ учрежденіи образа управленія на твердыхъ и непремѣнныхъ основаніяхъ закона. Вообще все образованіе Государственнаго Совѣта носило на себѣ явный отпечатокъ понятій и формъ, совершенно новыхъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ — начиная съ первой главы (или, какъ значится въ образованіи, отдѣленія перваго), носящей наименованіе: «Коренные законы Государственнаго Совѣта». Все это было совершенно ново по содержанію, еще болѣе ново по духу.

Начиная съ 1-го января 1810 года, императоръ Александръ присутствовалъ разъ въ недѣлю въ общихъ собраніяхъ Совѣта. Рано утромъ, передъ каждымъ засѣданіемъ, Сперанскій являлся къ государю съ дѣлами и журналами; такой порядокъ продержался въ продолженіе двухъ лѣтъ, въ 1810 и 1811 годахъ[9]. Въ званіи государственнаго секретаря Сперанскій, по степени личнаго своего вліянія, сталъ истинно первымъ министромъ. Благоволеніе и довѣріе къ нему императора не имѣли, какъ казалось, предѣловъ.

Въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1810 годъ Сперанскій писалъ слѣдующее по поводу дѣятельности Совѣта за первый годъ его существованія въ новомъ видѣ: «Излишне было бы изображать здѣсь пользу сего установленія. Приводя его въ движеніе и поддерживая личнымъ вашимъ дѣйствіемъ, ваше величество лучше другихъ можете объять

все его вліяніе на общее благоустройство. Совѣтъ учрежденъ не для разрѣшенія судныхъ дѣлъ, но для того, чтобъ власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы и учрежденія не были разсматриваемы съ большею зрѣлостію, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ большею свободою, такъ какъ и никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ее съ большимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые свѣтлые едва представляли возможнымъ, чтобъ россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: «внявъ мнѣнію Совѣта»; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое Совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности; они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало. Они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному его камню. Но есть ли бы зданіе сіе и не совершилось, есть ли бы политическія наши установленія и не двинулись впередъ, то и въ семъ предположеніи Совѣтъ есть уже весьма важное учрежденіе».

Такимъ образомъ, оказывается, что Сперанскій въ началѣ 1811 года не переставалъ еще надѣяться быть зодчимъ того огромнаго зданія, внутренніе распорядки котораго извѣстны были одному императору Александру. Ввиду умедленія въ образованіи государственныхъ установленій, согласно первоначальному предположенію, Сперанскій хотя и не скрылъ въ отчетѣ чувства сожалѣнія, вызваннаго потерею времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупилъ, что, «есть ли что можетъ въ семъ утѣшить, то одна только та мысль, что предметы сіи не отложены и не потеряны изъ виду, но всѣ находятся въ движеніи и большею частію близки къ своему концу».

Открытіе Государственнаго Совѣта сопровождалось важными перемѣнами въ личномъ составѣ высшихъ правительственныхъ лицъ. Графъ Аракчеевъ, назначенный предсѣдателемъ департамента дѣлъ военныхъ въ Совѣтѣ, былъ уволенъ отъ званія военнаго министра; государь избралъ ему преемникомъ главнокомандующаго финляндскою арміею и генералъ-губернатора вновь покореннаго княжества Барклая де-Толли. Министромъ юстиціи былъ назначенъ И. И. Дмитріевъ, вмѣсто князя Лопухина, занявшаго мѣсто предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ. Министръ народнаго просвѣщенія графъ

Завадовскій, назначенный председателемъ департамента законовъ Совѣта, былъ замѣненъ графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ. Министерство финансовъ, ввѣренное послѣ смерти графа Васильева, въ 1807 году, Ѳ. А. Голубцову, съ званіемъ государственнаго

Графъ Михаилъ Богдановичъ Барклай де-Толли.
Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Сентъ-Обена.

казначея, перешло къ Д. А. Гурьеву, управлявшему съ 1805 года вѣдомствомъ удѣловъ.

Немедленно послѣ учрежденія Государственнаго Совѣта Сперанскій внесъ въ департаментъ экономіи финансовый планъ; онъ былъ одоб-

ренъ департаментомъ и общимъ собраніемъ Совѣта и постепенно приведенъ въ исполненіе. 2-го февраля 1810 года былъ обнародованъ манифестъ, коимъ было положено прекратить дальнѣйшій выпускъ ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено о сокращеніи расходовъ и возвышеніи податей и налоговъ. Вслѣдъ за тѣмъ была открыта Коммиссія погашенія долговъ, обнародованы манифесты о преобразованіи монетной системы, а 19-го декабря 1810 года издано «Положеніе о неутральной торговлѣ на 1811 годъ въ портахъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ», которое было утверждено на одинъ только годъ; новый тарифъ, встрѣченный сочувственно въ Россіи, оживилъ нашу торговлю и промышленность, но разгнѣвалъ Наполеона, какъ явное уклоненіе отъ континентальной системы [10].

Одновременно съ обширными работами по финансовой части Сперанскій занялся также преобразованіемъ министерствъ. Манифестомъ 25-го іюля (6-го августа) 1810 года было обнародовано «новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ», съ подробнымъ исчисленіемъ предметовъ вѣдѣнія каждаго министерства и главнаго управленія. Въ слѣдующемъ году, при манифестѣ 25-го іюня (7-го іюля) 1811 года, было издано «общее учрежденіе министерствъ». Министерство коммерціи было упразднено, и дѣла его распредѣлены между министерствомъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Учреждены были главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ, главноуправляющимъ котораго былъ назначенъ баронъ Б. Б. Кампенгаузенъ, и министерство полиціи, въ составъ котораго отдѣлили отъ министерства внутреннихъ дѣлъ предметы вѣдѣнія внутренней безопасности. Первымъ министромъ полиціи былъ избранъ с.-петербургскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Балашовъ. Вслѣдствіе уменьшенія круга дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ, оно перешло отъ князя Алексѣя Борисовича Куракина къ Осипу Петровичу Козодавлеву.

Кромѣ того было образовано главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, ввѣренное, 25-го августа 1810 года, князю Александру Николаевичу Голицыну.

Къ числу законодательныхъ работъ, порученныхъ за это время Сперанскому, относится также новое образованіе Сената: правительствующаго и судебнаго; послѣдній предположено было размѣстить въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ. Въ началѣ 1811 года обширный проектъ обоихъ Сенатовъ былъ оконченъ и затѣмъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ графа Завадовскаго, князя Лопухина и графа Кочубея; въ началѣ іюня 1811 года проектъ, по напечатаніи его, былъ внесенъ въ общее собраніе Государственнаго Со-

вѣта. Онъ вызвалъ рѣзкія и горячія пренія, продлившіяся почти до половины сентября[11], но тѣмъ не менѣе былъ принятъ большинствомъ голосовъ, которое утвердилъ государь. Однако, проектъ все-таки не былъ приведенъ въ исполненіе ввиду неизбѣжнаго уже тогда разрыва съ Наполеономъ.

При всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ Сперанскаго императору Александру угодно было привлечь его еще къ дѣламъ

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ Иванова «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи».

финляндскимъ и возложить на него, 17-го апрѣля 1809 года, званіе канцлера Абовскаго университета. «Финляндія есть государство, а не губернія», писалъ Сперанскій, и, подъ вліяніемъ подобнаго взгляда, новопріобрѣтенный край былъ образованъ въ видѣ отдѣльнаго государства, къ которому, 11-го (23-го) декабря 1811 года, были присоединены не только земли, отошедшія къ Россіи по Абовскому миру 1743 года, но и завоеванная Петромъ Великимъ Выборгская губернія, уже сто лѣтъ принадлежавшая имперіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вопросъ объ округленіи Финляндскаго государства былъ уже давно рѣшенъ въ умѣ императора Александра, и едва ли мысль объ этомъ принадлежала Сперанскому, хотя современники и признавали его виновникомъ этого проекта[12]; напротивъ того, подобное облагодѣтельствованіе завоеваннаго края вполнѣ соотвѣтствовало излюбленнымъ, сокровеннымъ мыслямъ государя и было тѣсно связано съ его представленіемъ о превосходствѣ конституціоннаго порядка надъ неограниченнымъ самодержавіемъ. Въ бесѣдѣ съ генераломъ барономъ Армфельдомъ, въ началѣ 1811 года, Александръ высказалъ свои воззрѣнія по поводу этого щекотливаго вопроса съ полною откровенностью и со свойственною ему изысканною скромностью. «Клянусь вамъ», сказалъ ему государь: «что эти порядки нравятся мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ пользованіе свободной волею, основанной лишь на моей личной волѣ и предполагающей въ монархѣ такую степень совершенства, которая, увы, несвойственна человѣчеству. Здѣсь (т. е. въ Финляндіи) я могу ошибиться только въ такомъ случаѣ, если бы я этого пожелалъ, такъ какъ всѣ свѣдѣнія предоставляются въ мое распоряженіе; тамъ (т. е. въ Россіи) я окруженъ одними сомнѣніями и почти всегда привычками, замѣнившими собою законы.—Вы увидите, какъ я думаю объ этомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда представится возможнымъ произвести перемѣну въ моихъ владѣніяхъ, потому что я имѣю въ виду присоединить въ скоромъ времени старую Финляндію къ остальной ея части и даровать ей ту же конституцію и тѣ же формы свободы»[13]. Армфельдъ восторгался мыслями Александра и замѣтилъ: «Императоръ—ангелъ и умный ангелъ. Работать съ нимъ—это рай»[14].

Присоединеніе Выборгской губерніи къ Финляндіи, придвинувшее границы покореннаго княжества къ самой столицѣ имперіи, не произвело въ Россіи особаго впечатлѣнія; оно показалось большинству современниковъ простою правительственною мѣрою, а не фактомъ политической важности. Поэтому распоряженіе, которое въ другомъ государствѣ взволновало бы общественное самосознаніе, осталось незамѣченнымъ въ имперіи, еще страдавшей полнымъ отсутствіемъ всякой политической жизни и сопряженнаго съ нею движенія общественной мысли. «При неизмѣримомъ пространствѣ земель, коими владѣетъ Россія», пишетъ современникъ, «нѣкоторые только посмотрѣли на то, какъ на уступку немногихъ десятинъ богатою вотчиною другой небольшой сосѣдней деревнѣ, одному же съ нею помѣщику принадлежащей. Всѣ взоры устремлены были на западъ и на югъ, а до сѣвера никому дѣла не было. Лучше сказать, никто почти не узналъ о томъ; въ этомъ случаѣ Россія была, какъ огромная хоромина, для изображенія величины которой есть поговорка, что въ одномъ углу обѣдаютъ, а въ другомъ не вѣдаютъ»[15].

55.

Получ. 10 Сентября

102 / 157.

Sire!

[illegible]

Je prends la liberté de prier treshumblement Votre Majesté Imperiale, d'avoir la grace de me permettre, que je puis arriver a St. Petersbourg, pour quelques affaires particulieres, mais aussi pour y jouir du bonheur de me mettre aux pieds de Votre Majesté Imperiale.

Je suis

Sire

de Votre Majesté Imperiale

Je vous prie General de repondre que je n'ai pas jugé apropos d'acquiescer à la demande de M. de Benningsen

[illegible]

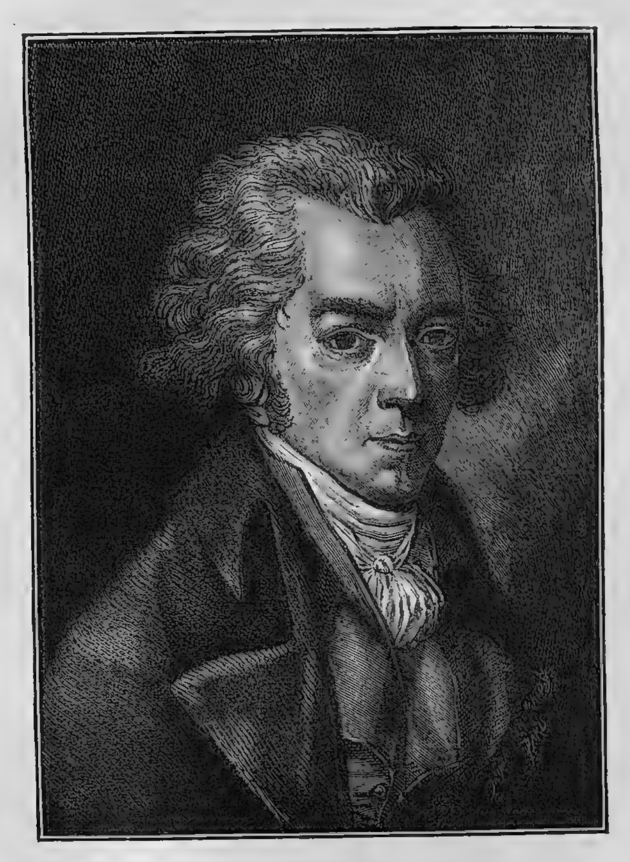
a Vilna le 22. May 1810.

le treshumble tres obeissant et tres fidel

General de Cavalerie Baron de Benningsen

ПИСЬМО БАРОНА БЕНИГСЕНА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ СЪ РЕЗОЛЮЦІЕЙ ГОСУДАРЯ И НАДПИСЬЮ ВОЕННАГО МИНИСТРА БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ.

Дѣятельность Сперанскаго не ограничивалась однако всѣми перечисленными здѣсь вкратцѣ работами. Всѣ дѣла по управленію водяными и сухопутными сообщеніями также восходили къ государю черезъ Сперанскаго[16]. Кромѣ того, императоръ Александръ поручилъ ему еще дѣла по Бѣлостокской и Тарнопольской областямъ, переписку по дѣламъ польскимъ, дѣла лифляндскія, комиссію духовныхъ училищъ. Біографъ Спе-

Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій.

Съ портрета, приложеннаго къ сочиненію Васильчикова «Семейство Разумовскихъ».

ранскаго справедливо замѣтилъ, что въ эту пору онъ представлялъ какъ бы зажигательную точку, въ которую стекались всѣ разрозненные лучи государственнаго управленія. Розенкампфъ, одинъ изъ непримиримыхъ недоброжелателей государственнаго секретаря, называлъ Сперанскаго «fa tutto». Всеобъемлющая дѣятельность его не ускользнула также отъ вниманія другого современника, графа Жозефа де-Местра, кото-

рый, упоминая о немъ въ донесеніяхъ къ своему королю, называлъ его «le grand et tout-puissant Spéransky, secrétaire général de l'Empire, et dans le fait, premier ministre, peut-être même ministre unique» [17].

Однако, несмотря на блескъ совершенно исключительнаго положенія, занятаго тогда Сперанскимъ, и на безспорное вліяніе его на всѣ государственныя дѣла того времени, проницательный умъ любимца Александра не затмился неожиданнымъ счастіемъ: Сперанскій ясно сознавалъ всю непрочность своего положенія и чувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется. Поэтому, въ отчетѣ о своей дѣятельности за 1810 годъ онъ не замедлилъ откровенно высказать государю волновавшія его опасенія; въ этомъ отчетѣ, представленномъ императору Александру 11-го февраля 1811 года, Сперанскій писалъ:

«Когда вашему величеству угодно было возложить на меня званіе государственнаго секретаря, я считалъ невозможнымъ отъ сего уклониться. Можетъ быть, въ началѣ сего установленія было и нужно, чтобъ я понесъ сіе бремя, но теперь Совѣтъ принялъ уже свой ходъ. Званіе государственнаго секретаря, отдѣльно взятое, не трудно, но, соединенное съ званіемъ директора коммиссіи и въ связи съ работами, выше приведенными, весьма тягостно и для силъ моихъ почти невозможно.

«Не скрою здѣсь, что раздѣленіе сихъ должностей имѣло бы еще и другія личныя для меня выгоды.

«Меня укоряютъ, что я стараюсь всѣ дѣла привлечь въ однѣ руки. Вашему величеству извѣстно, сколь укоризна сія въ существѣ ея несправедлива, но во внѣшнемъ ея видѣ она имѣетъ всѣ вѣроятности. Представляясь попремѣнно то въ видѣ директора коммиссіи, то въ видѣ государственнаго секретаря, являясь по повелѣнію вашему то съ проектами новыхъ государственныхъ постановленій, то съ финансовыми операціями, то со множествомъ текущихъ дѣлъ, я слишкомъ часто и на всѣхъ почти путяхъ встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистію, а еще болѣе съ неразуміемъ. Кто можетъ устоять противъ всѣхъ сихъ встрѣчъ? Въ теченіе одного года я попеременно былъ мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и сдѣлался наконецъ записнымъ иллюминатомъ. Толпа подьячихъ преслѣдовала меня за указъ 6-го августа эпиграммами и карикатурами; другая такая же толпа вельможъ со всею ихъ свитою, съ женами ихъ и съ дѣтьми, меня, заключеннаго въ моемъ кабинетѣ, одного, безъ всякихъ связей, меня, ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуютъ, какъ опаснаго уновителя. Я знаю, что большая ихъ часть и сами не вѣрятъ симъ нелѣпостямъ, но, скрывая собственныя ихъ страсти подъ личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Съ акварели, рисованной съ натуры Килемъ (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

1

именемъ вражды государственной; я знаю, что тѣ же самые люди превозносили меня и правила мои до небесъ, когда предполагали, что я во всемъ съ ними буду соглашаться, когда воображали найти во мнѣ послушнаго кліента, и когда пользы ихъ страстей требовали противоположить меня другому. Я былъ тогда одинъ изъ самыхъ лучшихъ и надежнѣйшихъ исполнителей; но какъ скоро движеніемъ дѣлъ приведенъ я былъ въ противоположность имъ и въ разномысліе, такъ скоро превратился въ человѣка опаснаго и во все то, что вашему величеству извѣстно болѣе, нежели мнѣ.

«Въ семъ положеніи мнѣ остается или уступать имъ, или терпѣть ихъ гоненіе. Первое я считаю вреднымъ службѣ, унизительнымъ для себя и даже опаснымъ. Дружба ихъ еще болѣе для меня тягостна, нежели разномысліе. Къ чему мнѣ раздѣлять съ ними духъ партій, худую ихъ славу и то пренебреженіе, коимъ они покрыты въ глазахъ людей благомыслящихъ? Слѣдовательно, остается мнѣ выбрать второе.

«Смѣю мыслить, что терпѣніе мое, время и опытъ опровергнутъ всѣ ихъ навѣты.

«Удостовѣренъ я также, что одно слово ваше всегда довлѣетъ отразить ихъ покушенія.

«Но къ чему, всемилостивѣйшій государь, буду я бременить васъ своимъ положеніемъ, когда есть самый простой способъ изъ него выйти и разъ навсегда прекратить тягостныя для васъ и обидныя для меня нареканія.

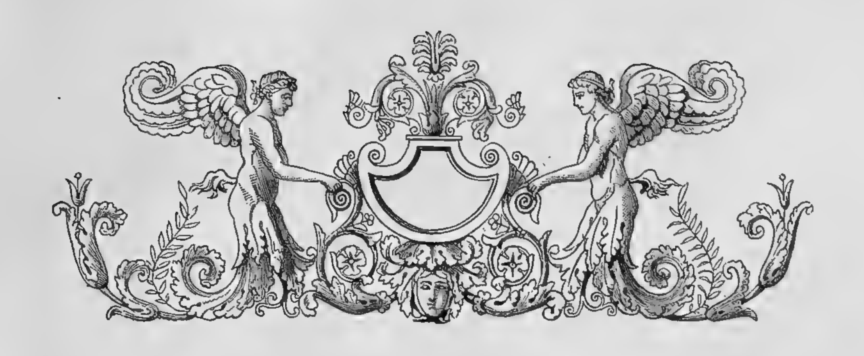
«Способъ сей состоитъ въ томъ, чтобъ, отдѣливъ званіе государственнаго секретаря и сложивъ съ меня дѣла финляндскія, оставить меня при одной должности директора коммиссіи. Тогда 1) зависть и злорѣчіе успокоятся. Они почтутъ меня ниспровергнутымъ, я буду смѣяться ихъ побѣдѣ, а ваше величество разъ навсегда освободите себя отъ скучныхъ предположеній. Симъ приведенъ я буду паки въ то счастливое положеніе, въ коемъ быть всегда желалъ, весь плодъ трудовъ моихъ посвящать единственно вамъ, не ища ни шуму, ни похвалъ, для меня совсѣмъ чуждыхъ. Смѣю привести здѣсь на память тотъ девизъ, которой нѣкогда вамъ понравился: j'ai désiré de faire du bien, mais je n'ai pas désiré de faire du bruit, parce que j'ai senti que le bruit ne ferait pas de bien, comme le bien ne ferait pas de bruit. 2) Тогда, и сіе есть самое важнѣйшее, буду я въ состояніи обратить все время, всѣ труды мои на окончаніе предметовъ выше изображенныхъ, безъ коихъ, еще разъ смѣю повторить, всѣ начинанія и труды ваши будутъ представлять зданіе на пескѣ.

«Изъ сего ваше величество усмотрѣть изволите, что не охлажденіе къ дѣламъ, но самая польза и успѣхъ дѣлъ заставляютъ меня желать и просить сего раздѣленія. Не отъ трудовъ, не отъ службы (сколько

впрочемъ она для меня ни тягостна, и по стѣсненному положенію домашнихъ экономическихъ моихъ дѣлъ, и по личнымъ непріятностямъ) я ищу симъ уклониться, но желаю и ищу дать времени моему лучшее и полезнѣйшее употребленіе.

«Простите мнѣ, ваше величество, еще одно откровенное здѣсь изъясненіе. Изъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе къ вамъ приближаться, я имѣлъ случай, можетъ быть, болѣе другихъ, познать силу и пространство вашихъ мыслей и желаній, не въ подробностяхъ ежедневныхъ текущихъ дѣлъ, но въ самыхъ коренныхъ истинахъ, на коихъ стоятъ государства. Слѣдовательно, доколѣ истины сіи будутъ составлять главный предметъ вашихъ намѣреній, доколѣ останется самый слабый лучъ надежды въ ихъ исполненіи, доколѣ могу я хотя нѣсколько быть для сего полезнымъ, дотолѣ никакія униженія, никакія непріятности не превозмогутъ надъ моимъ желаніемъ видѣть ихъ событие».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда императоръ Александръ, при содѣйствіи Сперанскаго, вступилъ на путь рѣшительныхъ преобразованій, внѣшнія дѣла начали все болѣе отвлекать вниманіе государя отъ задуманныхъ реформъ. Исполненіе ихъ оказалось въ зависимости отъ соображеній, связанныхъ съ сохраненіемъ внѣшней безопасности имперіи. Переговоры, начатые, какъ уже было упомянуто, Коленкуромъ въ исходѣ 1809 года о заключеніи брака Наполеона съ великою княжною Анною Павловною, не привели къ желаемому упроченію дружественныхъ связей между Франціею и Россіей; напротивъ того, эти переговоры подготовили окончательный разрывъ между тильзитскими друзьями. Послѣ ряда отсрочекъ и неопредѣленныхъ обѣщаній, императоръ Александръ сообщилъ наконецъ французскому послу, 23-го января (4-го февраля) 1810 года, что императрица Марія Θеодоровна, ввиду крайней молодости великой княжны, не можетъ согласиться на бракъ своей дочери ранѣе, какъ

по прошествіи двухъ лѣтъ [18]. Для смягченія этого отрицательнаго отвѣта государь сказалъ Коленкуру: «N'ayant pu donner à l'Empereur Napoléon, comme garant de mon amitié, l'une de mes soeurs, j'élèverai mes frères dans les sentiments de l'alliance et des intérêts communs des deux Etats».

Наполеонъ, конечно, не дождался отрицательнаго отвѣта императора Александра и, предвидя этотъ печальный для его самолюбія исходъ переговоровъ, немедленно предложилъ руку дочери императора Франца, эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ. Австрійцы, опасавшіеся болѣе всего заключенія брака съ русской великой княжною и связаннаго съ нимъ упроченія поколебавшейся съ 1809 года дружбы двухъ императоровъ, отнеслись къ предложенію Наполеона съ нескрываемымъ удовольствіемъ и полною предупредительностью. 25-го января (6-го февраля) 1810 года князю Шварценбергу пришлось рѣшить этотъ важный политическій вопросъ въ нѣсколько часовъ времени, а затѣмъ на другой же день подписать брачный договоръ [19].

Уклончивый образъ дѣйствій, усвоенный императоромъ Александромъ въ переговорахъ съ Коленкуромъ, сопровождался новымъ для него огорченіемъ: Наполеонъ отказался ратификовать конвенцію о Польшѣ, подписанную его посломъ въ Петербургѣ, и предложилъ новую редакцію ея, несогласную съ видами нашего правительства, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы это соглашеніе оставалось секретнымъ [20]. Съ этихъ поръ при обстановкѣ, созданной бракомъ Наполеона, полный разрывъ между тильзитскими друзьями становился только вопросомъ времени. Изъ довѣренныхъ совѣтниковъ Наполеона одинъ только Камбасересъ предвидѣлъ этотъ печальный исходъ. Онъ высказалъ Пакье полную увѣренность, что чрезъ два года Франціи предстоитъ вести войну съ тою державою, съ которою не породнится Наполеонъ; новое столкновеніе съ Австріею не внушало Камбасересу никакихъ опасеній, но онъ страшился войны съ Россіею, послѣдствія которой казались ему неисчислимыми [21].

15-го (27-го) марта 1810 года, Марія-Луиза прибыла въ Компіенъ, а 20-го марта (1-го апрѣля) было отпраздновано въ Парижѣ съ необычайной пышностью бракосочетаніе Наполеона. Императоръ Александръ поспѣшилъ послать одного изъ своихъ сановниковъ для принесенія поздравленій Наполеону; выборъ государя остановился на министрѣ внутреннихъ дѣлъ князѣ Алексѣѣ Борисовичѣ Куракинѣ. Онъ прибылъ въ Парижъ 1-го (13-го) мая съ письмомъ императора Александра. Принимая князя Куракина [22], Наполеонъ въ отвѣтъ на привѣтственную рѣчь посла сказалъ: «Я чрезвычайно тронутъ участіемъ, проявленнымъ императоромъ Александромъ по случаю моего бракосочетанія, и тою торжественностью, которою онъ постарался облечь ввѣренное вамъ порученіе. Въ этомъ я вижу доказательство его дружескихъ чувствъ ко мнѣ и вѣрное

выраженіе тѣхъ началъ, которыя всегда лежали въ основаніи его поступковъ. Надо думать, что теперь утратитъ всякую цѣну мнѣніе уличныхъ политиковъ, полагающихъ, что союзъ съ Австріей несомнѣнно долженъ произвести охлажденіе между Россіей и Франціей. Но я смотрю на

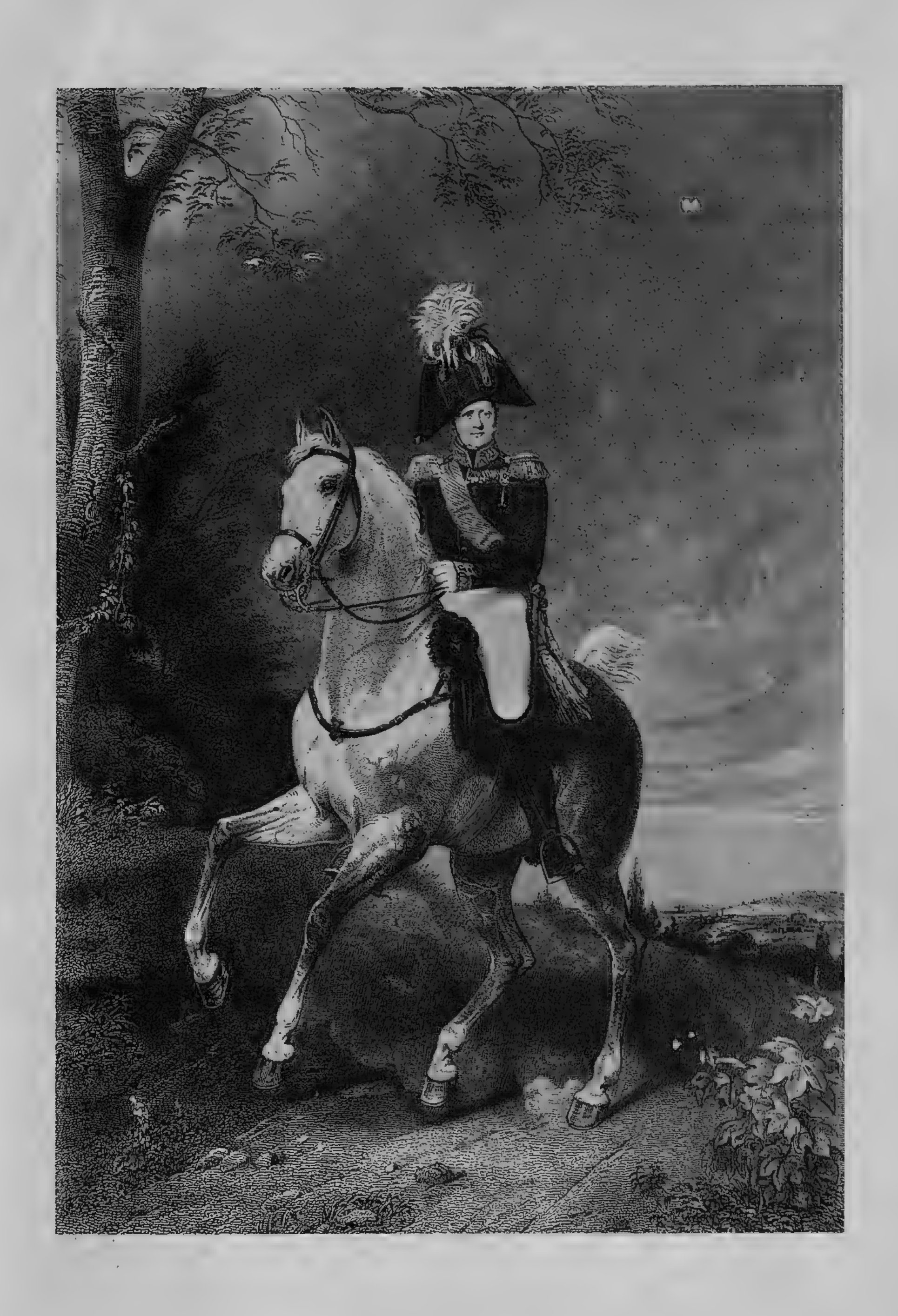

Графъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ.
Съ литографіи начала XIX столѣтія.

этотъ союзъ иначе. Этотъ родственный союзъ не можетъ имѣть вліянія на политическіе союзы, въ основѣ которыхъ лежатъ выгоды обѣихъ имперій. Я женился, потому что долженъ былъ когда-нибудь это сдѣлать; но отъ этого не измѣнятся ни мои правила, ни мои обязанности. Находясь во главѣ народа, ввѣрившаго мнѣ свои интересы, я буду забо-

титься о нихъ безъ всякой зависти къ преимуществамъ и благосостоянію Россіи; отдаленность разстоянія между обоими государствами не можетъ и не должна давать повода къ несогласіямъ, которыхъ всѣ непремѣнно ожидаютъ. Событія доказали, какъ сильно я желалъ союза съ Россіей: въ войну 1807 года ничто не препятствовало мнѣ овладѣть Вильною и сосѣдними губерніями; въ заявленіи, сдѣланномъ мною законодательному корпусу, я ясно высказалъ, что мнѣ было пріятно слышать о завоеваніи Финляндіи и занятіи Молдавіи и Валахіи, потому что это было выгодно для моего лучшаго союзника. Заключивъ миръ съ Австріей, я отдалъ Россіи часть Галиціи и тѣмъ доказалъ, что считаю невозможнымъ возстановленіе Польши... Все это должно служить доказательствомъ моего расположенія къ Россіи и лично къ императору Александру, котораго я люблю, безпредѣльно уважаю и всегда буду любить. Я васъ убѣдительно прошу передать все это императору, потому что мнѣ рѣдко представляется подобная возможность выразить ему мои чувства. Франція не должна быть врагомъ Россіи: это неоспоримая истина. Географическое положеніе устраняетъ всѣ поводы къ разрыву. Мои естественные враги — море и Англія. Но если даже случится такъ, что по различнымъ политическимъ обстоятельствамъ произойдетъ разрывъ между Россіей и Франціей, то я все-таки буду любить императора Александра, и мои личныя чувства къ нему никогда не измѣнятся»[23].

Во время послѣдующихъ затѣмъ бесѣдъ Наполеонъ не разъ касался злополучной польской конвенціи, жаловался на графа Румянцева, что онъ преслѣдуетъ его булавочными уколами, что онъ хочетъ предписывать ему законы, и утверждалъ, что уже полгода пересталъ понимать его[24]. «Вы не можете отрицать», сказалъ Наполеонъ: «что союзъ принесъ Россіи выгоды; слѣдствіемъ его было пріобрѣтеніе трехъ большихъ областей, усиливающихъ могущество вашей имперіи и обезпечивающихъ безопасность вашихъ границъ. Между тѣмъ меня обвиняютъ въ дурныхъ умыслахъ противъ Россіи и, притомъ, въ такую минуту, когда я надѣялся, что вы будете благодарны за предоставленныя вамъ выгоды. Правда, мнѣ могутъ поставить на видъ расширеніе Варшавскаго герцогства; но развѣ моя вина, что вы при первомъ же пушечномъ выстрѣлѣ не послали значительнаго войска въ Галицію: тогда не произошло бы польскаго возстанія, и моею обязанностью было бы оставить ее въ вашемъ владѣніи, какъ область, завоеванную силою оружія; это мнѣ было бы даже гораздо пріятнѣе, чѣмъ присоединеніе ея къ Варшавскому герцогству. Если бы жаловаться было въ моемъ характерѣ, то я могъ бы сдѣлать это во время войны съ Австріей. Вы перешли границу, когда я былъ уже въ Вѣнѣ и успѣлъ положить прочное основаніе выгодамъ, которыя миръ долженъ былъ утвердить; если бы я принялъ когда-нибудь обязательство помогать вамъ, то я пришелъ бы на

Императоръ Александръ I.

Съ гравюры Гудлета и Моррисона, сдѣланной съ портрета, писаннаго Крюгеромъ.

3

помощь не съ тридцатью тысячами, но съ двумястами, съ тремястами тысячами человѣкъ».

Когда князь Куракинъ замѣтилъ, что Россія въ то время вела четыре войны, Наполеонъ возразилъ: «Если бы вы отдали приказаніе, чтобы 30,000 или 40,000 изъ вашей арміи въ Турціи сдѣлали полуоборотъ направо, то этимъ вы бы дѣйствительнѣе выполнили свое обязательство».

Александръ Дмитріевичъ Балашовъ.
Съ гравюры Шифлера, сдѣланной съ портрета Варнека.

Во время прощальной аудіенціи, 7-го (19-го) августа 1810 г., Наполеонъ сказалъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину: «Еще разъ повторяю: я не желаю и не могу желать разрыва между Франціей и Россіей... Однимъ словомъ, все требуетъ продолженія союза между Франціей и Россіей, и я никогда не измѣню ему, если меня не принудятъ къ тому»[25].

Пока Наполеонъ разсуждалъ съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ о своемъ непремѣнномъ желаніи сохранить въ полной неприкосновен-

ности союзъ съ Россіею, какъ наивыгоднѣйшій для Франціи, Меттернихъ, находившійся въ то время въ Парижѣ, уже подготовлялъ почву для будущаго австро-французскаго союза, направленнаго противъ Россіи. Въ іюлѣ 1810 года между Наполеономъ и Меттернихомъ произошелъ первый разговоръ въ этомъ духѣ. Австрійскій дипломатъ началъ съ того, что прямо поставилъ своему собесѣднику вопросъ: намѣренъ ли императоръ поддерживать обязательства, принятыя имъ на себя въ Эрфуртѣ, или не согласится ли онъ сдѣлать совмѣстно съ Австріею представленіе въ Петербургѣ, чтобы спасти придунайскія княжества отъ русскаго владычества. Наполеонъ отвѣтилъ, что онъ тяготится обязательствами, принятыми на себя по отношенію къ Россіи, признавая въ нихъ существенный вредъ для Франціи; «но вы знаете», прибавилъ онъ, «что меня вынудило къ этому.— Если вы хотите объявить войну Россіи, то я не буду вамъ препятствовать. Я приму на себя обязательство оставаться нейтральнымъ»[26]. Но затѣмъ Наполеонъ сказалъ, что если русскіе потребуютъ отъ Порты болѣе того, что имъ предоставляется договоромъ, то онъ сочтетъ себя свободнымъ отъ принятыхъ на себя обязательствъ, и Австрія можетъ вполнѣ разсчитывать на него (de toute manière)[27].

Послѣ этого разговора для Меттерниха вполнѣ выяснились истинныя намѣренія Наполеона: ловкому дипломату оставалось только извлечь для Австріи наибольшія выгоды изъ новой политической обстановки.

Предательскія намѣренія Наполеона относительно его тильзитскаго союзника еще лучше выразились въ секретной запискѣ, выработанной, по указаніямъ императора, еще ранѣе, а именно 4-го (16-го) марта 1810 года; она имѣла предметомъ будущую политику Франціи, обусловленную бракомъ Наполеона съ австрійской эрцгерцогиней[28]. Ввиду неизбѣжнаго, по словамъ записки, сближенія Россіи съ Англіею, въ ней утверждалось, что союзъ съ Россіею приходитъ къ концу, и война съ нею выставлялась какъ настоятельная необходимость для упроченія первенствующаго положенія, занятаго Франціею въ Европѣ. Разрывъ съ Россіею долженъ былъ сопровождаться совершеннымъ переустройствомъ политической карты Европы, причемъ, конечно, не была позабыта и Польша: при такихъ условіяхъ, какъ сказано въ запискѣ, имперія Карла Великаго была бы дѣйствительно возстановлена, но только увеличенная и усиленная просвѣщеніемъ десяти вѣковъ (accru et fortifié par les lumières de dix siècles). Весь этотъ гигантскій проектъ заканчивался краснорѣчивымъ заключеніемъ, что все это является результатомъ довѣрія, внушеннаго еще большими чудесами, уже выполненными геніемъ Наполеона[29].

Съ этого времени (слѣдовательно, начиная съ марта мѣсяца 1810 года) политика Наполеона слѣдовала по пути, предначертанному ей въ

упомянутой запискѣ. «Еще три года, и я буду владыкою вселенной» (encore trois ans et je serai le maître de l'univers), сказалъ Наполеонъ, обращаясь во время охоты къ генералу Вреде и предрѣшая такимъ образомъ въ своемъ умѣ будущее торжество смѣлыхъ плановъ, задуманныхъ имъ съ увѣренностью въ полномъ успѣхѣ [30].

Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.

Съ гравированнаго портрета Зенфа.

Брачныя торжества Наполеона закончились баломъ у князя Шварценберга 19-го іюня (1-го іюля). Праздникъ этотъ былъ прерванъ ужасающимъ пожаромъ, мгновенно охватившимъ танцовальную залу, построенную изъ досокъ. Въ какія-нибудь двѣ минуты все зданіе съ трескомъ рухнуло. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ едва не погибъ во время этой катастрофы; онъ жестоко потерпѣлъ отъ огня: у него со-

всѣмъ не осталось волосъ, голова была повреждена во многихъ мѣстахъ, и особенно пострадали уши; рѣсницы сгорѣли, ноги и руки были помяты и покрыты ранами, а на лѣвой рукѣ обжогъ оказался столь сильнымъ, что кожу можно было снять какъ перчатку. Спасеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ отчасти своему костюму изъ золотого сукна, которое сильно нагрѣлось, но не воспламенилось. Люди, вытащившіе его изъ огня, долго не рѣшались поднять его, обжигаясь отъ одного прикосновенія къ его одеждѣ; если бы она была шелковая, то онъ погибъ бы[31].

Возможность новаго столкновенія съ Франціею побудила императора Александра направить всѣ усилія къ скорѣйшему разрѣшенію борьбы, длившейся уже столько лѣтъ на Балканскомъ полуостровѣ. Однако, новый главнокомандующій, графъ Николай Михайловичъ Каменскій, замѣнившій князя Багратіона, подобно своимъ предшественникамъ, не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ: русское оружіе потерпѣло за Дунаемъ новыя неудачи, и походъ 1810 года не приблизилъ насъ ни на одинъ шагъ къ желаемой развязкѣ, а именно къ уступкѣ Оттоманскою Портой придунайскихъ княжествъ. Хотя открытіе 10-го (22-го) мая кампаніи на Дунаѣ сопровождалось сначала нѣкоторыми успѣхами—22-го мая (3-го іюня) былъ взятъ приступомъ Базарджикъ, 30-го мая (11-го іюня) сдалась крѣпость Силистрія, а 5-го (17-го) іюня овладѣли укрѣпленіями Разграда,—но затѣмъ графъ Каменскій потерялъ время и средства на покореніе Шумлы. Убѣдясь въ невозможности овладѣть этой твердынею, главнокомандующій двинулъ армію противъ Рущука и 22-го іюля (3-го августа), въ день тезоименитства императрицы Маріи Θеодоровны, предпринялъ неудачный штурмъ этой крѣпости, сопровождавшійся потерею болѣе 8,000 человѣкъ. Побѣда, одержанная 26-го августа (7-го сентября) подъ Батинымъ, не поправила дѣла; и хотя затѣмъ Систово, Рущукъ, Журжа, Турно и Никополь сдались, и русскіе утвердились на правомъ берегу Дуная, но графъ Каменскій, ввиду наступившаго ненастья, считалъ, однако, невозможнымъ продолжать военныя дѣйствія: большая часть арміи была переведена на лѣвый берегъ Дуная. Послѣдствія похода 1810 года оказались крайне неутѣшительными: армія лишилась почти половины наличнаго числа людей, а достигнутые результаты не сдѣлали Порты болѣе сговорчивой къ миру. Графъ Каменскій смертельно заболѣлъ[32]; временное начальство надъ арміею перешло къ старшему генералу графу Ланжерону, сохранившему его вплоть до прибытія 7-го (19-го) апрѣля 1811 года новаго главнокомандующаго, Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова.

Задача, предстоявшая старому полководцу, была не легкая; онъ долженъ былъ принудить Турцію къ заключенію мира, располагая только

четырьмя дивизіями, между тѣмъ какъ пять дивизій были направлены къ Днѣстру, ввиду опасности, начинавшей угрожать нашей западной границѣ. Тѣмъ не менѣе Михаилъ Иларіоновичъ вышелъ съ торжествомъ изъ этой невыгодной обстановки и блистательно закончилъ кампанію 1811 года. Кутузову удалось скромнымъ своимъ поведеніемъ выманить визиря изъ Шумлы. Разбивъ визиря подъ Рущукомъ 22-го іюня (4-го іюля), главнокомандующій очистилъ Рущукъ, Силистрію, Никополь и отступилъ на лѣвый берегъ Дуная; затѣмъ русская армія расположилась между Журжею и Слободзеею[33]. Турки, ободренные уходомъ русскихъ, перешли въ числѣ 36,000 человѣкъ Дунай и, въ свою очередь, расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ; успокоенные видимымъ успѣхомъ, они пребывали въ полномъ бездѣйствіи. Тогда Кутузовъ, подкрѣпивъ себя двумя дивизіями, возвращенными съ Днѣстра, переправилъ на правый берегъ Дуная выше Рущука корпусъ подъ начальствомъ генерала Маркова, который 2-го (14-го) октября овладѣлъ находившимся тамъ турецкимъ лагеремъ и началъ оттуда громить изъ батарей армію визиря, отрѣзавъ ему сообщеніе, отступленіе и продовольствіе. Визирь спасся ночью въ челнокѣ въ Рущукъ. Послѣдствіемъ этихъ искусныхъ дѣйствій Кутузова явились перемиріе и открытіе переговоровъ о мирѣ. Между тѣмъ положеніе турокъ, обложенныхъ въ лагерѣ при Слободзеѣ, сдѣлалось истинно отчаяннымъ; они гибли тысячами отъ голода и болѣзней. Наконецъ, 23-го ноября (5-го декабря), турки сдались; ихъ осталось 12,000 человѣкъ изъ 36,000, перешедшихъ за Дунай. Совершивъ этотъ славный подвигъ, Кутузовъ перевелъ главную квартиру въ Бухарестъ, гдѣ продолжались начавшіеся въ Журжѣ переговоры. Императоръ Александръ пожаловалъ Кутузову графское достоинство[34]. Узнавъ о побѣдѣ Кутузова, Наполеонъ вышелъ изъ себя. «Какъ понять этихъ собакъ, этихъ негодяевъ турокъ, допустившихъ побить себя такимъ образомъ», сказалъ онъ: «кто могъ предвидѣть это?»[35].

Въ то время, какъ въ 1810 и 1811 годахъ война на Балканскомъ полуостровѣ продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ, отношенія Россіи къ Франціи приняли окончательно враждебный характеръ. Для упроченія континентальной системы Наполеонъ началъ съ 1810 года расширять предѣлы своей имперіи путемъ декретовъ; наступила эпоха внутреннихъ завоеваній. Послѣдовательно была уничтожена самостоятельность голландскаго королевства, и присоединены къ Франціи ганзеатическіе города, Лауенбургъ и все побережье Нѣмецкаго моря между нижними частями Эмса и Эльбы. «Присоединеніе требуется обстоятельствами» (la réunion est commandée par les circonstances), писалъ французскій министръ внѣшнихъ сношеній по поводу этихъ картографическихъ фантазій Наполеона. Къ несчастью для Россіи, въ числѣ пострадавшихъ оказался

герцогъ Ольденбургскій; это обстоятельство побудило императора Александра повелѣть князю Куракину вручить Шампаньи декларацію, заключавшую въ себѣ формальный протестъ противъ нарушенія существующихъ трактатовъ. Когда французское правительство не приняло протеста, государь приказалъ отправить по этому поводу ноту ко всѣмъ русскимъ посольствамъ для сообщенія ея дворамъ, при которыхъ они находились. Послѣ этого скрытые и явные враги тильзитской политики могли наконецъ торжествовать побѣду: антагонизмъ двухъ императоровъ былъ засвидѣтельствованъ передъ Европою. Великодушное убѣжденіе въ необходимости спасти Европу отъ ненасытнаго честолюбія Наполеона снова получило преобладающее значеніе въ политической программѣ Александра; ему казалось необходимымъ оградить несчастное человѣчество отъ угрожающаго ему варварства; въ его воображеніи приближавшаяся война рисовалась какъ послѣдняя борьба независимости противъ угнетенія, либеральныхъ идей противъ тираніи. Прусско-нѣмецкіе патріоты и іезуитско-эмигрантская колонія въ Петербургѣ дружно сплотились вокругъ Александра, стремясь къ одной общей цѣли: къ низверженію ненавистнаго имъ Наполеона и къ возбужденію русскаго національнаго чувства противъ преобладающаго вліянія Франціи. Въ этомъ же духѣ неусыпно дѣйствовала и императрица Марія Ѳеодоровна.

Иностранные дипломаты, которые привыкли, послѣ смерти Екатерины II, смотрѣть на Россію, какъ на орудіе своихъ своекорыстныхъ цѣлей, страшились только одного, что борьба Россіи съ Наполеономъ не состоится. Графъ Меттернихъ не скрывалъ своихъ опасеній насчетъ возможнаго соглашенія Россіи съ Франціею, въ ущербъ Австріи и Пруссіи.

Страхъ, внушаемый этимъ соглашеніемъ, былъ такъ великъ, что онъ преслѣдовалъ дипломатовъ даже почти наканунѣ вторженія Наполеона въ Россію. Жозефъ де-Местръ писалъ, что послѣдствіемъ громадныхъ воинственныхъ приготовленій можетъ быть миръ, «потому что оба государя запугиваютъ одинъ другого; но если подобное соглашеніе состоится, то оно совершится при помощи новаго дьявольскаго соглашенія: съ одной стороны будетъ признанъ титулъ Западнаго императора со всѣми его послѣдствіями, а съ другой — кто же помѣшаетъ этимъ двумъ господамъ раздѣлить между собою Европу» [36]?

Правъ поэтому писатель, сказавшій, что двѣнадцатый годъ былъ собственно великою политическою ошибкою, обращенною духомъ русскаго народа въ великое народное торжество [37].

Къ существовавшимъ тогда политическимъ неудовольствіямъ между обоими государствами присоединилась еще таможенная борьба. 19-го (31-го) декабря 1810 года было издано «положеніе о нейтральной

торговлѣ на 1811 годъ», коимъ дозволялся привозъ колоніальныхъ товаровъ подъ американскимъ флагомъ, а издѣлія французскихъ фабрикъ частію запрещались, частію же были обложены высокою пошлиною, чтобы оградить вывозъ звонкой монеты въ уплату за предметы роскоши. Этимъ распоряженіемъ былъ нанесенъ чувствительный ударъ континентальной системѣ, незыблемость которой болѣе всего озабочивала Наполеона; одно изъ самыхъ существенныхъ условій тильзитскаго соглашенія пере-

Баронъ Густавъ Армфельдъ.

Съ литографіи Сальмена.

стало существовать въ дѣйствительности. Наполеонъ сказалъ по этому поводу присланному къ нему флигель-адъютанту Чернышеву: «Вотъ большая планета, которая принимаетъ ложное направленіе; я ничего болѣе не понимаю въ ея движеніи; она можетъ такъ дѣйствовать только съ намѣреніемъ разойтись съ нами; будемъ настороже и примемъ всѣ мѣры, предписываемыя благоразуміемъ» [38]. Съ этого времени Наполеонъ дѣйствительно приступилъ къ серьезнымъ военнымъ приготовленіямъ.

предполагая, что Россія твердо рѣшилась броситься въ объятія Англіи. Переписка между обоими императорами потеряла дружественный характеръ и получила полемическій оттѣнокъ. «Votre Majesté n'a plus d'amitié pour moi», восклицалъ Наполеонъ въ письмѣ къ императору Александру.

Вопросъ о вознагражденіи пострадавшаго герцога Ольденбургскаго поддерживалъ натянутыя отношенія, установившіяся между тильзитскими друзьями. Императоръ Александръ упорно отказывался опредѣлить точнѣе вознагражденіе, которое онъ желалъ бы предоставить герцогу Ольденбургскому, утверждая въ разговорѣ съ Коленкуромъ, «qu'il attendait justice de l'Empereur Napoléon, et justice telle qu'elle devait être pour l'un des plus proches parents, pour l'oncle d'un allié tel que lui».— Наполеонъ говорилъ, что если непремѣнно желаютъ изъ неважнаго вопроса сдѣлать важный, то всякое объясненіе съ его стороны не можетъ привести къ цѣли [39]. Шампаньи писалъ Коленкуру, 19-го февраля (3-го марта) 1811 года: «Бесѣдуя съ императоромъ Александромъ, обращайтесь также къ его сердцу; затроньте его честь и чувствительность. Скажите ему, что монархъ, котораго онъ ставитъ въ затруднительное положеніе, тотъ самый, которому онъ сказалъ въ Тильзитѣ въ тотъ день, который онъ считалъ годовщиной Полтавы: «Вы спасли Россійскую имперію». Неужели въ вознагражденіе за эту важную услугу императоръ долженъ быть вынужденъ начать войну противъ Россіи ради спасенія собственной чести и во избѣжаніе упрека, что онъ, находясь на той степени славы, до которой вознесся, дозволилъ то, чего никогда не потерпѣлъ бы Людовикъ XV, уснувшій въ объятіяхъ госпожи Дюбари» [40].

Наполеонъ весьма мѣтко охарактеризовалъ установившееся въ то время политическое положеніе въ письмѣ къ королю виртембергскому, отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1811 года: «Война разыграется вопреки мнѣ, вопреки императору Александру, вопреки интересамъ Франціи и Россіи. Я уже не разъ былъ свидѣтелемъ этому, и личный опытъ, вынесенный изъ прошлаго, открываетъ мнѣ эту будущность. Все это уподобляется оперной сценѣ, и англичане стоятъ за машинами... Но если я не желаю войны, и, въ особенности, если я очень далекъ отъ намѣренія быть Донъ-Кихотомъ Польши, то, по крайней мѣрѣ, я имѣю право требовать, чтобы Россія оставалась вѣрною союзу» [41].

Еще во время эрфуртскаго свиданія Сперанскій сблизился съ графомъ Карломъ Васильевичемъ Нессельроде; когда же, въ 1809 году, начались недоразумѣнія между Наполеономъ и императоромъ Александромъ, Сперанскому пришла мысль воспользоваться поѣздкою графа Нессельроде въ Парижъ, по дѣламъ предполагавшагося тогда внѣшняго

Господину Адмиралу Маркизу де Траверсе.

Предпишите съ нарочнымъ курьеромъ Полковнику Гамену съ девятію Гренадерскими ротами трехъ Морскихъ Полковъ, выступить завтра въ Среду 4го Октября изъ Кронштата и переехавъ на Ораніенбаумскую сторону, расположиться на ночлегъ въ деревнѣ Мартышкиной и около лежащихъ селеніяхъ. Въ четвергъ же 5го приттить въ тѣ квартеры около Красного Кабака, въ которыхъ ежегодно Морскія Полки помещаются приходя для Крещенія въ Петербургъ. Въ Пятницу 6го числа дается имъ роздыхъ; а въ Субботу 7го вступить имъ въ Петербургъ и въ 9ть часовъ по утру меня ожидать въ Михайловскомъ Экзерциргаузѣ. —

С: Петербургъ. Октября 3го 1811го Года

Александръ

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I АДМИРАЛУ МАРКИЗУ ДЕ-ТРАВЕРСЕ.

займа, чтобы возложить на него, какъ на умнаго и скромнаго чиновника, другое важнѣйшее порученіе. Онъ предложилъ императору Александру открыть съ графомъ Нессельроде секретную дипломатическую переписку. Это предложеніе Сперанскаго было совершенно во вкусахъ и мысляхъ Александра, не имѣвшаго большого довѣрія къ талантамъ князя Куракина, который, не обладая даромъ разузнавать о событіяхъ, могущихъ интересовать правительство, сообщалъ въ своихъ депешахъ свѣдѣнія ничтожнаго содержанія[42]; кромѣ того, государь еще менѣе желалъ посвятить въ свои намѣренія графа Румянцева ввиду извѣстныхъ его чувствъ искренняго почтенія къ Наполеону. Къ тому же, въ это время императоръ Александръ началъ уже руководствоваться политикою совершенно противоположною открытымъ заявленіямъ нашего двора; увлеченіе, а въ глазахъ современниковъ даже раболѣпная покорность Наполеону уступили въ Александрѣ мѣсто ревнивой ненависти къ тильзитскому другу. Поэтому между графомъ Нессельроде и Сперанскимъ установилась не только съ вѣдома, но и по точной волѣ императора Александра, постоянная переписка, остававшаяся глубокой тайной для князя Куракина, равно какъ и для государственнаго канцлера графа Румянцева.

Графу Нессельроде предписано было войти въ непосредственныя сношенія съ Талейраномъ, въ лицѣ котораго императоръ Александръ пріобрѣлъ тайнаго союзника для своей враждебной Наполеону политики. Прибывъ въ Парижъ, Нессельроде явился къ Талейрану и сказалъ ему: «Я пріѣхалъ изъ Петербурга; офиціально я состою при князѣ Куракинѣ, на самомъ же дѣлѣ я акредитованъ при васъ. Я веду частную переписку съ императоромъ и привезъ вамъ письмо отъ него»[43]. Сообщенія графа Нессельроде, попадавшія черезъ Сперанскаго въ руки императора Александра, продолжались безостановочно съ 13-го (25-го) марта 1810 года по 6-е (18-е) августа 1811 года»[44]. Самыя любопытныя свѣдѣнія и полезные совѣты графъ Нессельроде получалъ отъ лица, называвшагося въ перепискѣ: «mon cousin Henry»; этотъ добродѣтельный «cousin» былъ не кто иной, какъ Талейранъ. Правъ былъ Альфредъ де-Виньи, заклеймившій предательскія дарованія Талейрана словами: «На его памяти лежитъ огромное пятно, заключающееся въ томъ, что онъ сдѣлался типомъ изящнаго и оплачиваемаго измѣнника»[45].

Послѣднія наставленія, данныя Талейраномъ отъѣзжавшему въ августѣ 1811 года графу Нессельроде, заключались въ слѣдующихъ добрыхъ совѣтахъ: «Se rendre fort et le plus fort qu'on peut en évitant toutefois de provoquer des concentrations prématurées; faire la paix avec la Turquie à quel prix que ce soit[46] et envoyer à Paris un homme fort, muni de pouvoirs illimités, afin de sortir par une négociation de

cet état de tension qui n'est utile qu'à la France». Графъ Нессельроде съ своей стороны прибавляетъ: «voilà toujours son refrein et celui de tous les hommes qui jugent sainement la position de la Russie et par conséquent celle de l'Europe».

Съ тѣхъ поръ, какъ охладѣла дружба обоихъ императоровъ, Наполеонъ началъ обвинять Коленкура въ томъ, что онъ сдѣлался русскимъ и забываетъ интересы Франціи[47]. Вслѣдствіе этого онъ былъ отозванъ и представилъ свои отзывныя граматы 29-го апрѣля (11-го мая) 1811 года; Коленкура замѣнилъ графъ Лористонъ. Кромѣ того, вмѣсто Шампаньи министромъ внѣшнихъ сношеній былъ назначенъ Марè, герцогъ Бассано; въ этомъ министрѣ Наполеонъ пріобрѣталъ еще болѣе гибкое орудіе для своихъ политическихъ цѣлей.

Прощаясь съ Коленкуромъ, императоръ Александръ высказалъ ему съ полною откровенностью свой взглядъ на положеніе дѣлъ: «У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши, я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступить съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, и самъ его не перейду; будьте увѣрены, что я не объявлю вамъ войны; я не хочу войны; мой народъ, хотя и оскорбленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, но такъ же, какъ и я, не желаетъ войны, потому что онъ знакомъ съ ея опасностями. Но если на него нападутъ, то онъ сумѣетъ постоять за себя».

Еще ранѣе, въ письмѣ къ Наполеону отъ 13-го (25-го) марта, императоръ Александръ высказалъ тѣ же мысли: «Повторяю, если начнется война, то лишь потому, что ваше величество желали ея, и, употребивъ всѣ мои усилія, чтобы предотвратить ее, я сумѣю сражаться и дорого продамъ свое существованіе».

Въ августѣ 1811 года вооруженія Наполеона настолько подвинулись впередъ, что онъ счелъ возможнымъ обратиться къ способу, которымъ любилъ возвѣщать Европѣ, что въ умѣ его рѣшена новая война. Во время торжественнаго пріема въ Тюльерійскомъ дворцѣ, вечеромъ 3-го (15-го) августа, императоръ разыгралъ съ княземъ Куракинымъ сцену, напоминавшую подобныя же бесѣды съ Витвортомъ въ 1803 году и съ Меттернихомъ въ 1808 году. Болѣе двухъ часовъ Наполеонъ бесѣдовалъ съ княземъ Куракинымъ въ присутствіи дипломатическаго корпуса и всего двора, перебирая публично всѣ накопившіеся у него поводы къ неудовольствію противъ Россіи. «Toutes nos affaires y ont été discutées de manière que l'Europe entière en sait autant que vous et moi», писалъ графъ Нессельроде Сперанскому[48]. Самымъ выдающимся мѣстомъ грозной рѣчи разгнѣваннаго императора слѣдуетъ признать слѣдующія слова: «Не понимая

ничего въ ходѣ дѣлъ, которому у васъ слѣдуютъ, я поступаю, какъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, который, когда не разумѣетъ, выказываетъ недовѣрчивость. Въ Россіи есть таланты; но то, что тамъ дѣлается, доказываетъ, что у васъ или потеряли голову, или таятъ задніе мысли. Въ первомъ случаѣ вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ и который кружится то въ ту, то въ другую сторону,

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

Съ портрета, приложеннаго къ книгѣ Иванова «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи».

не зная, ни по какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда добѣжитъ».

Послѣ выходки Наполеона 3-го (15-го) августа, снова наступилъ періодъ политическаго затишья. Обѣ враждовавшія стороны пріискивали союзниковъ. Насталъ вѣчно памятный 1812 годъ.

24-го февраля (7-го марта) Фридрихъ-Вильгельмъ III долженъ былъ, какъ онъ писалъ императору Александру, пожертвовать влеченіями своего сердца и заключить союзный договоръ съ Франціею[49]. 2-го (14-го)

марта та же участь постигла и Австрію. Россія, въ свою очередь, успѣла сблизиться съ Швеціею и заключила 16-го (28-го) мая миръ съ Оттоманскою Портою.

Турція уступила Россіи Бессарабію, и рѣка Прутъ была признана границею между обоими государствами. Относительно разграниченія въ Азіи графу Кутузову удалось мастерски провести, какъ онъ выражался, статью темную и запутанную, которая дозволила Россіи сохранить миръ съ Портою до 1828 года, не нарушая пріобрѣтенныхъ цѣною семилѣтней войны территоріальныхъ выгодъ въ Закавказьи.

Въ ожиданіи заключенія мира съ Портою императоръ Александръ, недовольный медленнымъ ходомъ переговоровъ, избралъ преемникомъ Кутузову адмирала П. В. Чичагова, «homme de tête», какъ отзывался о немъ государь въ своей перепискѣ; но, когда новый главнокомандующій пріѣхалъ въ Бухарестъ, миръ сталъ уже совершившимся фактомъ. Адмиралу оставалось только подготовить и осуществить предначертанную тогда государемъ диверсію въ Далмацію, при помощи славянъ и содѣйствіи Турціи, съ которой предполагалось заключить союзъ[50].

Въ собственноручной инструкціи, данной адмиралу Чичагову при отправленіи его въ княжества, императоръ Александръ писалъ слѣдующее: «Коварное поведеніе Австріи, соединившейся съ Франціею, заставляетъ Россію употребить всѣ способы, находящіеся у нея въ рукахъ, для опроверженія вредныхъ замысловъ сихъ двухъ державъ. Главнѣйшіе изъ сихъ способовъ суть славянскіе народы, какъ-то: сербы, босняки, далматцы, черногорцы, бокезцы, кроаты, иллирійцы. Венгры, недовольные ихъ правительствомъ, представляютъ намъ столь же сильныя средства озаботить Австрію. Всѣ сіи народы, бывъ соединены воедино и подкрѣплены нашими регулярными войсками, составятъ ополченіе довольно огромное, чтобы противустать замысламъ Австріи, произвести сильную диверсію на правомъ крылѣ французскихъ владѣній. Цѣлью диверсіи противу Франціи, завоевавъ Боснію, Далмацію и Кроацію, должно быть направленіе славянскаго ополченія на Тріестъ, дабы, учредя изъ сего порта сношенія съ англійскимъ флотомъ, устремить старанія пробраться до Тироля и симъ соединиться съ симъ храбрымъ и недовольнымъ народомъ, равномѣрно съ швейцарцами. Все, что можетъ возвысить духъ славянскихъ народовъ, должно быть употреблено главнокомандующимъ, какъ-то: обѣщанія независимости, возстановленіе славянскаго царства и прочее»[51].

Всѣ эти фантастическія предположенія оказались, однако, только минутною вспышкою; самозащита и благоразуміе одержали верхъ надъ несвоевременными увлеченіями незрѣлыми политическими комбинаціями. Поэтому вскорѣ императоръ Александръ нашелся вынужденнымъ са-

мымъ ходомъ событій сообщить адмиралу Чичагову, что онъ признаетъ полезнымъ нѣсколько пощадить Австрію, обѣщавшую государю ограничить свое содѣйствіе Наполеону вспомогательнымъ корпусомъ въ 30,000 человѣкъ[52].

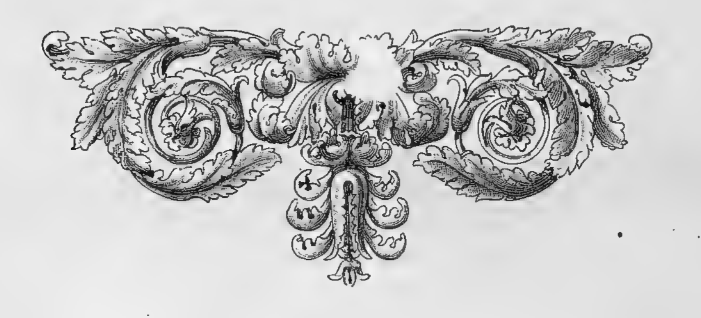
Сближеніе съ Швеціею состоялось еще въ исходѣ 1810 года, вскорѣ послѣ избранія маршала Бернадота наслѣднымъ принцемъ шведскимъ. Онъ поручилъ присланному къ нему флигель-адъютанту Чернышеву довести до свѣдѣнія императора Александра, что послѣ своего прибытія въ Швецію онъ сдѣлался совершенно человѣкомъ сѣвера, что Россія можетъ смотрѣть на Швецію, какъ на свой вѣрный передовой постъ (sa vedette fidèle); что онъ понимаетъ все, чѣмъ онъ обязанъ Франціи, и употребитъ всѣ старанія, чтобы сохранить дружескія спошенія съ нею, но что это соображеніе никогда не заставитъ его потерять изъ виду свои интересы, сдѣлавшіеся всецѣло шведскими. Затѣмъ наслѣдный принцъ присовокупилъ, что даетъ священный обѣтъ (sa parole d'honneur sacrée), что Швеція не двинется съ мѣста, въ какихъ бы обстоятельствахъ Россія ни находилась, и ничего не сдѣлаетъ, что могло бы быть непріятно ей, и что онъ готовъ дать это обѣщаніе даже письменно.

Вскорѣ между наслѣднымъ принцемъ и императоромъ Александромъ завязалась оживленная дружеская переписка, которая привела къ тому, что Наполеонъ утратилъ всякую возможность разсчитывать на содѣйствіе Швеціи въ подготовлявшемся имъ походѣ противъ Россіи[53]. Французскій маршалъ, къ крайнему его разочарованію, дѣйствительно всецѣло преобразился въ шведскаго наслѣднаго принца и сталъ преслѣдовать одни шведскіе интересы, позабывъ о Франціи.

Въ концѣ февраля 1812 года императоръ Александръ назначилъ въ Стокгольмъ, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго, генерала Сухтелена; онъ былъ снабженъ полномочіемъ подписать актъ тѣснѣйшаго между обоими государствами союза, оборонительнаго и наступательнаго. Между тѣмъ шведское правительство уже отправило въ Петербургъ особаго посланника, графа Лёвенгельма, для заключенія союза съ Россіею, и 24-го марта (5-го апрѣля) 1812 года былъ подписанъ предварительный союзный трактатъ между обѣими державами.

Ввиду неминуемаго разрыва съ Франціею, подготовленіе мира съ Англіею являлось одною изъ главнѣйшихъ заботъ императора Александра. Но миръ съ Англіею былъ равносиленъ объявленію войны Франціи; отказавшись отъ наступательныхъ предпріятій и остановившись на рѣшеніи выжидать вторженія Наполеона, государь долженъ былъ дѣйствовать крайне осмотрительно. Англійскій уполномоченный Торнтонъ находился въ Швеціи, готовый въ любую минуту подписать мирный договоръ съ Россіею.

Когда французскія войска уже совсѣмъ пододвинулись къ русской границѣ, и ежедневно приходилось ожидать открытія военныхъ дѣйствій со стороны Наполеона, государь уполномочилъ генерала Сухтелена заключить мирный договоръ съ Англіею. Извѣщая наслѣднаго принца шведскаго о неминуемой близости войны, Александръ сообщилъ ему принятое имъ рѣшеніе и писалъ 3-го (15-го) іюня изъ Вильны: «Этотъ же нарочный везетъ полномочія генералу Сухтелену, чтобы заключить миръ съ Англіею. Я поставилъ только одно условіе, чтобы со стороны Англіи былъ подписанъ въ то же время договоръ о субсидіяхъ Швеціи. Это послужитъ для Англіи новымъ побужденіемъ къ ихъ назначенію»[54].

Графъ Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Съ гравюры Гопвуда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

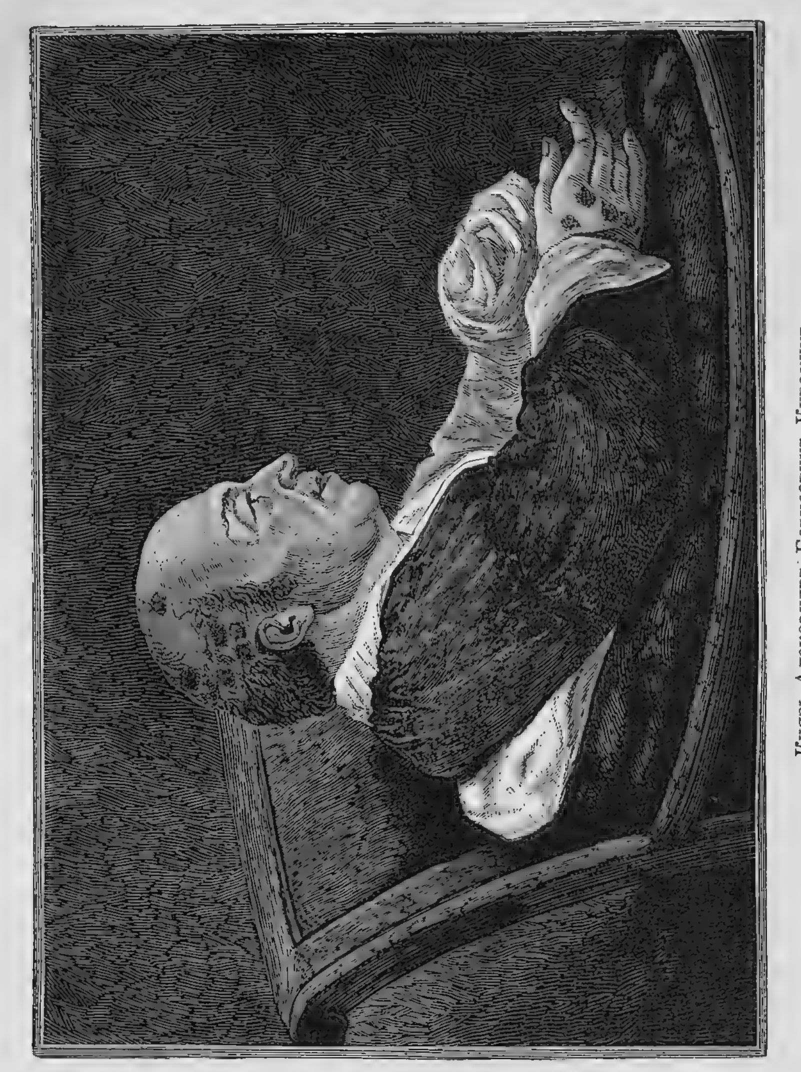
Войнѣ 1812 года предшествовало важное событіе во внутренней жизни Россіи, находившееся въ тѣсной связи съ политической обстановкой того времени. Императоръ Александръ рѣшился прервать преобразовательную дѣятельность Сперанскаго и пожертвовать имъ для успокоенія умовъ русскаго общества, относившагося со все болѣе возраставшею враждебностью къ смѣлому реформатору и видѣвшаго въ немъ источникъ всѣхъ золъ. Высшій классъ былъ раздраженъ сближеніемъ съ Наполеономъ и вообще политическими послѣдствіями Тильзитскаго мира; купечество страдало отъ запретительной системы, совершеннаго упадка курса и дурного управленія финансами; чиновничество вопило противъ указа, преграждавшаго путь къ производству въ нѣкоторые чины безъ экзамена, и печалилось, что вмѣсто произвола и неурядицы въ производствѣ дѣлъ вводились отчетность и контроль. При этомъ общемъ ропотѣ еще не рѣшались громко произносить имя

Александра, но называли, не стѣсняясь, другого, близкаго ему человѣка, виновника большей части ненавистныхъ преобразованій. Сперанскаго обвиняли въ томъ, что онъ попиралъ ногами прошедшее, къ которому заинтересованные классы общества привыкли и которое поэтому считали почти безукоризненнымъ. Честолюбцы не могли помириться съ мыслью, что выскочка-секретарь, поповичъ, не только опередилъ ихъ по службѣ, но и сталъ довѣреннымъ лицомъ государя. До чего доходила эта ненависть къ Сперанскому, видно изъ отзыва о немъ одного современника, который хотя и не отказываетъ въ чувствѣ уваженія къ знаменитому государственному дѣятелю, но присовокупляетъ: «Близъ него мнѣ все казалось, что я слышу сѣрный запахъ и въ голубыхъ очахъ его вижу синеватое пламя подземнаго міра»[55]. Дѣйствительно, въ глазахъ русскаго общества Сперанскій былъ вольнодумецъ, революціонеръ, мартинистъ, иллюминатъ; вскорѣ его называли уже прямо измѣнникомъ и врагомъ общественнаго блага!

Затруднительность положенія Сперанскаго усугубилась въ началѣ 1811 года еще тѣмъ прискорбнымъ явленіемъ, что прежнее единство въ мысляхъ между нимъ и императоромъ было поколеблено. Сперанскій, конечно, хотѣлъ идти далѣе и, въ особенности, скорѣе Александра; между тѣмъ, только что выступивъ на путь преобразованій, государь началъ уже одумываться и, по свойственному ему обыкновенію, перешелъ къ неизбѣжнымъ колебаніямъ и задержалъ дальнѣйшее осуществленіе имъ же намѣченной реформы. Александру нашептывали, что Сперанскій хитро подкопался подъ самодержавіе, и государь, въ свою очередь, началъ говорить, что онъ обязанъ самодержавіе всецѣло передать своимъ наслѣдникамъ, что учрежденіе министерствъ есть ошибка; онъ высказывалъ даже сожалѣніе, что согласился на учрежденіе Государственнаго Совѣта и вообще сталъ какъ бы забывать, что Сперанскій въ своихъ преобразовательныхъ проектахъ повиновался высшей волѣ[56]. Одно обстоятельство еще въ сильнѣйшей степени способствовало упроченію новаго настроенія, овладѣвшаго въ эту пору императоромъ Александромъ.

При посѣщеніи государемъ въ Твери, 15-го (27-го) марта 1811 года, великой княгини Екатерины Павловны, онъ получилъ изъ рукъ сестры записку Карамзина «О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ», на которой красовалась надпись: «à mon frère seul». Въ этой запискѣ Александръ прочелъ рѣзкое осужденіе либеральныхъ начинаній первыхъ годовъ своего царствованія и недавнихъ реформъ Сперанскаго. «Всѣ россіяне были согласны въ добромъ мнѣніи о качествахъ юнаго монарха», писалъ Карамзинъ: «онъ царствуетъ десять лѣтъ, и никто не перемѣнилъ о томъ своихъ мыслей; скажу еще болѣе: всѣ согласны, что едва ли кто-

нибудь изъ государей превосходилъ Александра въ любви, въ ревности къ общему благу; едва ли кто-нибудь столь мало ослѣплялся блескомъ вѣнца и столь умѣлъ быть человѣкомъ на тронѣ, какъ онъ!.. Но здѣсь имѣю нужду въ твердости духа, чтобы сказать истину. Россія наполнена

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ.

Съ обожженными руками и головой послѣ пожара, случившагося во время бала у князя Шварценберга въ августѣ 1810 г.

Съ весьма рѣдкой гравюры Руа.

недовольными: жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры. Удивительный государственный феноменъ! Обыкновенно бываетъ, что преемникъ монарха жестокаго легко снискиваетъ всеобщее одобреніе, смягчая правила власти: успокоенные кротостію Александра,

безвинно не страшась ни тайной канцеляріи, ни Сибири, и свободно наслаждаясь всѣми позволенными въ гражданскихъ обществахъ удовольствіями, какимъ образомъ изъяснимъ сіе горестное расположеніе умовъ? Несчастными обстоятельствами Европы и важными, какъ думаю, ошибками правительства, ибо, къ сожалѣнію, можно съ добрымъ намѣреніемъ ошибаться въ средствахъ добра».

Негодованіе Карамзина на реформы Сперанскаго вполнѣ выразилось въ слѣдующихъ строкахъ его записки: «Новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола. Скажемъ ли, повторимъ ли, что одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія россіянъ на нынѣшнее правительство есть излишняя любовь его къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною».

Сперанскій и Карамзинъ стояли на противоположныхъ политическихъ полюсахъ. Сущность политическаго міросозерцанія Сперанскаго заключалась въ слѣдующемъ: люди ничего не значатъ въ исторической жизни народовъ; дѣйствующая, движущая сила—учрежденія. При правильномъ законномъ порядкѣ люди будутъ хорошо вести себя; хорошіе же люди, вращаясь въ дурномъ порядкѣ, будутъ дурны. Порядокъ, а не люди — вотъ что дѣйствуетъ въ исторіи.

Карамзинъ же защищалъ противоположный взглядъ: порядокъ учрежденія ничего не значитъ, все зависитъ отъ людей; хороши люди, они установятъ хорошій порядокъ; дурные люди испортятъ хорошій порядокъ.

По плану Сперанскаго, чтобы сдѣлать людей хорошими, надо заставить ихъ вращаться въ хорошемъ порядкѣ. Планъ Карамзина иной: не нужно новыхъ порядковъ, нужно сначала сдѣлать новыхъ людей. «Не нужны намъ конституціи», писалъ Карамзинъ: «дайте намъ 50 умныхъ и добродѣтельныхъ губернаторовъ и все пойдетъ хорошо».

Карамзинъ, увлеченный народною молвою, устрашенный нововведеніями и не зная вполнѣ всѣхъ задуманныхъ преобразованій, открыто заявилъ себя сторонникомъ прежнихъ порядковъ и врагомъ реформы. Смиренный труженикъ, оставивъ на время свою исторію, выступилъ дѣятелемъ на политическомъ поприщѣ, не подозрѣвая въ правотѣ своего сердца, какъ пишетъ Погодинъ, что онъ работаетъ для иной цѣли, менѣе высокой, чѣмъ какую предполагалъ онъ [57].

Чтеніе записки, основная мысль которой заключалась въ томъ, что «самодержавіе есть палладіумъ Россіи; цѣлость его необходима для ея счастія», должно было произвести на императора Александра сильное впечатлѣніе, въ особенности при тревожной обстановкѣ того времени, въ виду приближавшейся грозной войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта записка неизбѣжнымъ образомъ навела Александра на размышленія, неблагопріятныя для дѣятельности Сперанскаго. Къ этимъ тягостнымъ

думамъ присоединилось еще и нѣчто другое, успѣвшее въ то время уже глубоко запасть въ душу императора: хотя въ преобразовательныхъ замыслахъ Сперанскаго во всякомъ случаѣ не было ничего преступнаго и, въ юридическомъ смыслѣ, государственно-измѣнническаго, но, къ несчастію для Сперанскаго, было что-то предательское въ личныхъ отношеніяхъ его къ государю, и это обстоятельство вызвало его гибель.

Сперанскій былъ невоздерженъ въ своихъ отзывахъ объ императорѣ Александрѣ не только въ разговорахъ, но даже и въ перепискѣ. Въ часы сколько-нибудь свободные отъ работы Сперанскій любилъ поговорить о дѣлахъ государственныхъ, всецѣло занимавшихъ его тогда, любилъ выставлять напоказъ свои большія познанія, свои предположенія и нерѣдко въ разговорахъ своихъ не щадилъ государя какъ разъ въ то самое время, когда тотъ удостоивалъ его полной своей довѣренности и даже пріязни. Въ разговорахъ этихъ Сперанскій имѣлъ неосторожность унижать и характеръ, и умъ, и заслуги Александра; онъ выставлялъ его человѣкомъ ограниченнымъ, равнодушнымъ къ пользѣ отечества, беззаботнымъ, красовавшимся своею фигурою, свиставшимъ у окна, когда ему докладывали дѣла. Сперанскій не пренебрегалъ также шутками и насмѣшливыми прозвищами, заимствованными, между прочимъ, изъ сказокъ Вольтера. Доходили до государя, напримѣръ, и такіе разговоры Сперанскаго: «Пора намъ сдѣлаться русскими», сказалъ однажды Сперанскій. Его собесѣдникъ отвѣчалъ ему: «Что же, не тебя ли уже въ цари русскіе?» Сперанскій же какъ будто въ шутку возразилъ: «А хотя бы и меня, не меня одного — и васъ, мало ли людей русскихъ, кромѣ нѣмцевъ». Этимъ онъ намекалъ, какъ говорится въ доносѣ, на республиканское правленіе[58]. Было также перехвачено письмо, въ которомъ Сперанскій, увѣдомляя своего пріятеля объ отъѣздѣ государя съ цѣлью осмотра вновь возводимыхъ укрѣпленій на западной границѣ, употребилъ выраженіе: нашъ Вобанъ, нашъ Вобланъ (veau blanc).

Наконецъ, самъ министръ полиціи, генералъ-адъютантъ Балашовъ, доносилъ о разговорѣ со Сперанскимъ по поводу расширенія круга дѣйствій своего министерства. Сперанскій отвѣтилъ Балашову, что развѣ только современемъ можно будетъ исполнить его желаніе, и прибавилъ: «Вы знаете подозрительный характеръ государя. Tout ce qu'il fait, il le fait à demi. Il est trop faible pour régir et trop fort pour être régi». Александру все это, конечно, сдѣлалось извѣстнымъ и не могло не имѣть прискорбнаго отголоска въ чувствахъ государя, который никогда не простилъ Сперанскому учиненной имъ дружеской измѣны. Нѣсколько мнительный и недовѣрчивый[59] по природѣ и, при всей кротости своей, въ высшей степени самолюбивый и злопамятный, Але-

ксандръ чувствовалъ себя нравственно и лично оскорбленнымъ этимъ тайнымъ неуваженіемъ къ нему Сперанскаго. Въ подобныхъ дѣйствіяхъ государственнаго секретаря онъ могъ видѣть даже предательство и во всякомъ случаѣ имѣлъ полное основаніе признать это, какъ онъ выразился, «самой черной, самой гнусной неблагодарностью» (l'ingratitude la plus noire, la plus abominable)[60]. Такимъ образомъ прежняя неогра-

Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде.
Съ гравированнаго портрета 1830 года Росмелера.

ниченная довѣренность и сердечное расположеніе обращались мало-по-малу въ охлажденіе, охлажденіе въ недовѣрчивость, недовѣрчивость въ сильное подозрѣніе, если не въ убѣжденіе въ виновности прежняго любимца[61].

При безпокойномъ состояніи духа, въ которомъ находился императоръ Александръ въ ожиданіи приближавшихся грозныхъ событій 1812 года, онъ рѣшился принести силѣ обстоятельствъ великую жертву. Полити-

ческія соображенія побудили государя создать такое положеніе дѣлъ, которое, возбудивъ патріотизмъ, соединило бы вокругъ него всѣ сословія. Для достиженія этой цѣли нельзя было придумать ничего лучшаго, какъ обвиненіе въ измѣнѣ противъ государя и отечества, приписавъ всѣ эти козни Сперанскому. Почва для подобныхъ фантастическихъ обвиненій была прекрасно подготовлена; общее недовольство, сопровождавшее оглашеніе государственныхъ мѣръ, разработанныхъ при главномъ участіи Сперанскаго, возрастало въ ужасающей степени и нашло себѣ вліятельныхъ и краснорѣчивыхъ обличителей въ лицѣ великой княгини Екатерины Павловны, графа Ростопчина, Карамзина и другихъ недовольныхъ мѣропріятіями правительства. Графъ Аракчеевъ, вѣроятно, тоже не бездѣйствовалъ, чтобы погубить человѣка, осмѣлившагося похитить исключительную привязанность къ нему государя; независимо отъ чувства оскорбленной ревнивой дружбы, Аракчеевъ по характеру и убѣжденіямъ своимъ долженъ былъ испытывать чувство ненависти къ человѣку гуманному, ученому и либеральному, какимъ былъ Сперанскій. Общественное мнѣніе въ своемъ возбужденіи скоро дошло до провозглашенія по всей Россіи Сперанскаго измѣнникомъ. Стали появляться нелѣпыя подметныя письма, расходившіяся по Петербургу и Москвѣ въ тысячахъ списковъ; въ этихъ письмахъ Сперанскій обвинялся не только въ гласномъ опорочиваніи существовавшей политической системы, въ предсказываніи паденія имперіи, но даже и въ явной измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ агентами Наполеона, въ продажѣ государственныхъ тайнъ. Оставалось только раздуть искру, чтобы произвести пожаръ. Дѣйствующими лицами замышляемой интриги были избраны генералъ-адъютантъ Балашовъ, генералъ баронъ Армфельдъ, перешедшій недавно изъ Швеціи на русскую службу, и французскій эмигрантъ Вернегъ; затѣмъ этими лицами были привлечены и второстепенные дѣятели: къ нимъ принадлежалъ Дмитрій Николаевичъ Бологовскій, замѣшанный въ событіяхъ 1801 года[62]. Кромѣ того, императоръ Александръ призналъ нужнымъ войти въ непосредственныя сношенія съ директоромъ канцеляріи министерства полиціи Яковомъ Ивановичемъ де-Сангленомъ; таинственныя бесѣды, для которыхъ послѣдній съ декабря 1811 года призывался въ Зимній дворецъ, оставались, конечно, неизвѣстными его начальнику, генералъ-адъютанту Балашову. Всѣ орудія этой колоссальной интриги, не посвященныя въ тайну конечной ея цѣли, дѣйствовали, какъ маріонетки, нити которыхъ были въ рукахъ лица, направлявшаго весь ходъ этой загадочной драмы. Руководствуясь самыми разнообразными побужденіями, всѣ привлеченныя къ дѣлу лица усердно хлопотали о томъ, что уже давно было рѣшено въ умѣ Александра и чего они не знали, не сразу проникнувъ до пониманія истинной подкладки интриги; они, какъ бы заброшенные въ дре-

мучій лѣсъ, не видѣли исхода[63]. Сперанскій въ пермскомъ письмѣ осторожно поднялъ таинственную завѣсу, написавъ: «Отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ»[64]. «C'est un trompeur qui fait lui même tous les clabaudages», замѣтилъ впослѣдствіи умудренный опытомъ Армфельдъ.

Окруженный водоворотомъ враждебныхъ теченій, Сперанскій стоялъ вполнѣ одиноко, не имѣя въ средѣ правительственной и въ средѣ общественной ни чистосердечныхъ союзниковъ, ни преданныхъ единомышленниковъ, — фактъ неоспоримый, хотя Сперанскій никогда не злоупотреблялъ властью и нисколько не пользовался положеніемъ съ цѣлью кому-нибудь повредить и отстранить съ занимаемаго мѣста[65]. Онъ довольствовался тѣмъ, что преодолѣлъ всѣхъ и сталъ головою выше, нежели всѣ другіе. И все же, несмотря на подобное добродушіе, рѣдкое незлобіе, Сперанскій ни на что и ни на кого опереться не могъ. Единственная же опора его дѣятельности, которую онъ имѣлъ въ самомъ государѣ, измѣнила ему отчасти по его собственной винѣ. Въ пылу охватившаго его лихорадочнаго преобразовательнаго творчества Сперанскій не оцѣнилъ по достоинству измѣнившейся вокругъ него обстановки и хотя смутно и сознавалъ непрочность своего служебнаго положенія, но въ то время, когда ему уже грозила ссылка, думалъ только объ отставкѣ, которая, замѣтимъ здѣсь, была самымъ милостивымъ образомъ отклонена государемъ. Наконецъ, 1-го января 1812 года, Сперанскій былъ даже награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Такимъ образомъ, намѣченная жертва утратила всякую возможность добровольнаго и своевременнаго отступленія.

Къ 17-му марта 1812 года дѣло созрѣло настолько, что императоръ Александръ, неожиданно призвавъ къ себѣ рано утромъ де-Санглена, сказалъ ему: «Конечно, какъ мнѣ ни больно, но надобно разстаться съ Сперанскимъ. Его необходимо отлучить изъ Петербурга». При этомъ случаѣ Александръ сказалъ еще де-Санглену: «Сперанскій самъ ускорилъ свое отправленіе. Я спрашивалъ его, какъ онъ думаетъ о предстоящей войнѣ и участвовать ли мнѣ въ ней своимъ лицомъ? Онъ имѣлъ дерзость, описавъ мнѣ всѣ воинственные таланты Наполеона, совѣтовать, чтобъ, сложивъ все съ себя, я собралъ Боярскую Думу и предоставилъ ей вести отечественную войну. Но что жъ я такое? Развѣ нуль? Изъ этого я убѣждаюсь, что онъ своими министерствами точно подкапывался и подкапывался подъ самодержавіе, котораго я не могу и не въ правѣ сложить съ себя самовольно къ вреду моихъ наслѣдниковъ»[66].

Въ это время въ Петербургѣ находился Парротъ. 16-го марта, въ субботу вечеромъ, онъ былъ призванъ въ Зимній дворецъ. «Импера-

торъ», пишетъ Парротъ, «описалъ мнѣ неблагодарность Сперанскаго съ гнѣвомъ, котораго я у него никогда не видѣлъ, и съ чувствомъ, которое вызывало у него слезы. Изложивъ полученныя имъ доказательства этой измѣны, онъ сказалъ мнѣ: «Я рѣшился завтра же разстрѣлять его и, желая знать ваше мнѣніе по поводу этого, пригласилъ васъ къ себѣ». Я отвѣтилъ ему, что онъ находится въ возбужденномъ

Павелъ Васильевичъ Чичаговъ.

Съ гравированнаго портрета Гейнце.

состояніи и что его душевное настроеніе настолько взволновало меня, что я не могу отвѣтить тотчасъ же, но что на слѣдующій день онъ получитъ мой отвѣтъ, такъ какъ я нуждаюсь въ нѣсколькихъ часахъ времени, дабы имѣть возможность дать ему разумный совѣтъ». Въ заключеніе Александръ, прощаясь съ Парротомъ, сказалъ ему: «Жестокая борьба, которая должна начаться, рѣшитъ судьбу моей имперіи, и я не надѣюсь восторжествовать надъ геніемъ и силами моего противника. Но я, конечно, не заключу постыднаго мира: скорѣе я похороню себя подъ

обломками имперіи. Если Небо такъ рѣшило, то повѣдайте обо мнѣ потомству. Вы знаете мое сердце»[67]. Парротъ обѣщалъ исполнить это и, прощаясь, обнялъ государя въ послѣдній разъ. Была полночь, когда онъ покинулъ дворецъ.

Въ воскресенье вечеромъ, 17-го марта, Парротъ, обдумавъ сообщенныя ему необыкновенныя событія, написалъ императору Александру слѣдующее письмо: «Одиннадцать часовъ; вокругъ меня царствуетъ глубокая тишина. Хочу писать моему возлюбленному, этому дорогому существу, съ которымъ не хотѣлъ бы никогда разлучаться. Уже сутки прошли со времени нашего послѣдняго прощанія... Когда вы довѣрили мнѣ горькую скорбь вашу объ измѣнѣ Сперанскаго, вы находились въ возбужденномъ состояніи. Я надѣюсь, что теперь вы не намѣрены болѣе разстрѣлять его. Признаюсь, что приведенные вами факты сильно говорятъ противъ него. Но вы не находитесь въ настроеніи духа, необходимомъ для обсужденія ихъ справедливости, а если бы это и имѣло мѣсто, то не вамъ приходится судить его; комиссія же, наскоро для этой цѣли назначенная, могла бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте, что Сперанскаго ненавидятъ за то, что вы слишкомъ возвысили его. Никто не долженъ стоять выше министровъ, кромѣ васъ самихъ. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ покровительствовать ему; я не состою съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ; я знаю даже, что онъ не безъ зависти смотритъ на меня, и то, что вы когда-то сообщили мнѣ о его характерѣ, не возбудило во мнѣ желанія сблизиться съ нимъ. Но если бы и предположить, что онъ виновенъ, — что я вовсе еще не считаю доказаннымъ, — то онъ долженъ быть преданъ законному суду, а теперь у васъ нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, необходимыхъ для назначенія такого суда. По моему мнѣнію, совершенно достаточно будетъ удалить его изъ Петербурга и надсматривать за нимъ такъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріятелемъ. Послѣ войны можно будетъ выбрать судей изъ самыхъ неподкупныхъ лицъ, находящихся около васъ»[68].

Императоръ Александръ получилъ письмо Паррота въ понедѣльникъ утромъ, 18-го марта; государь запискою поблагодарилъ его за письмо и прибавилъ, что прочелъ его «avec émotion et sensibilité»[69].

Между тѣмъ, въ то время, какъ Парротъ, уѣзжая 18-го числа въ Дерптъ, воображалъ, что ему удалось спасти Сперанскаго отъ смертной казни, судьба государственнаго секретаря уже рѣшилась въ смыслѣ ссылки еще наканунѣ, въ воскресенье вечеромъ, 17-го марта; въ этотъ день послѣдовала наконецъ неожиданная для многихъ развязка[70].

17-го марта фельдъегерь передалъ Сперанскому приказаніе явиться къ государю въ 8 часовъ вечера. Прибывъ во дворецъ въ назначенное время, Сперанскій нашелъ въ секретарской комнатѣ пріѣхавшаго также съ докладомъ князя Александра Николаевича Голицына, но государ-

Господинъ Порутчикъ Шильдеръ.

Въ воздаяніе отличнаго усердія вашего къ службѣ и трудовъ, понесенныхъ вами во время производства Бобруйскихъ крѣпостныхъ работъ, Жалую васъ — кавалеромъ Ордена Святыя Анны третьяго класса, коего знакъ у сего къ вамъ препровождая, повелѣваю возложить на себя и носить по установленію; Увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящшему продолженію ревностной службы вашей. Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ

въ С. Петербургѣ
27го Декабря 1811го

Военный Министръ Барклай де Толли

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ПОРУЧИКУ ШИЛЬДЕРУ.

ственный секретарь былъ позванъ прежде. Аудіенція продолжалась слишкомъ два часа. Наконецъ Сперанскій вышелъ въ великомъ смущеніи, затѣмъ дверь изъ кабинета государя открылась, и на порогѣ показался Александръ, видимо растроганный: «Еще разъ прощайте, Михайло Михайловичъ»,—проговорилъ онъ и потомъ скрылся.

Въ чемъ же состояла тайна послѣдняго разговора императора Александра со Сперанскимъ? До сихъ поръ объясненія государя съ своимъ

Георгъ-Фридрихъ Парротъ.

Съ весьма рѣдкой литографіи, находящейся въ Юрьевскомъ университетѣ.

опальнымъ любимцемъ остались тайною. Сперанскій хранилъ всю жизнь упорное молчаніе объ этой аудіенціи и на вопросы даже своей дочери отвѣчалъ, что про то вѣдаетъ и долженъ быть судьею — одинъ Богъ. Что же касается императора Александра, то онъ о своемъ разговорѣ со Сперанскимъ сообщилъ Новосильцову нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ минуту довѣрчивой бесѣды [71], только слѣдующее: «Вы думаете, что онъ измѣнникъ?—Нисколько; онъ, въ сущности, виновенъ только относительно меня одного,—виновенъ тѣмъ, что отплатилъ за мое довѣріе и мою дружбу самой черной, самой гнусной не-

благодарностью. Но это еще не побудило бы меня прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, если бы лица, которыя съ нѣкотораго времени взяли на себя трудъ слѣдить за его словами и его поступками, не усмотрѣли въ нихъ и не донесли о тѣхъ случаяхъ, которые заставляли предполагать въ немъ самыя зложелательныя намѣренія. Время, положеніе, въ которомъ находилось отечество, не позволили мнѣ заняться обстоятельнымъ и строгимъ разсмотрѣніемъ обвиненій, которыя доходили до меня въ этомъ отношеніи. Поэтому я сказалъ ему, удаляя его отъ моей особы: «Во всякое другое время я бы употребилъ два года, чтобы провѣрить съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ всѣ свѣдѣнія, которыя дошли до меня по поводу вашего поведенія и вашихъ дѣйствій. Но ни время, ни обстоятельства не позволяютъ мнѣ этого въ настоящую минуту: непріятель приближается къ предѣламъ имперіи и ввиду того положенія, въ которое васъ поставили подозрѣнія, вызванныя вашимъ поведеніемъ и рѣчами, которыя вы себѣ позволяли, для меня весьма важно, въ случаѣ несчастія, не казаться виновнымъ въ глазахъ моихъ подданныхъ, продолжая оказывать вамъ довѣріе и даже сохраняя за вами занимаемое вами мѣсто. Ваше положеніе такого рода, что я не совѣтовалъ бы вамъ даже оставаться въ Петербургѣ или по близости этого города. Выберите себѣ сами мѣсто для вашего дальнѣйшаго пребыванія до конца событій, которыя приближаются; я играю въ большую игру (je joue gros jeu), и чѣмъ она больше, тѣмъ болѣе вы подвергались бы опасности въ случаѣ неуспѣха, ввиду характера народа, которому внушили недовѣріе и ненависть къ вамъ»[72]. Мѣстомъ удаленія Сперанскаго былъ избранъ Нижній-Новгородъ; объясненіе кончилось, какъ и слѣдовало ожидать, слезами. «Когда я отъ него вышелъ», разсказывалъ впослѣдствіи Сперанскій: «на моихъ щекахъ были его слезы»[73].

Изъ дворца Сперанскій проѣхалъ къ Магницкому, но не засталъ своего друга; онъ уже былъ отправленъ въ ссылку въ Вологду. Возвратясь домой, Сперанскій нашелъ у себя генералъ-адъютанта Балашова и де-Санглена, поджидавшихъ его съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Санглену пришла мысль сказать Балашову: «Ну! если онъ оправдается, и, вмѣсто Сперанскаго, отправлены будутъ ваше превосходительство и я, вашъ усердный слуга?» Министръ отвѣтилъ: «Чего добраго? Ни на что полагаться нельзя».—Балашовъ удалился со Сперанскимъ въ кабинетъ. Начались сборы... Балашовъ дозволилъ Сперанскому взять съ собою два портфеля[74]. Нѣкоторыя бумаги Сперанскій отложилъ въ особый пакетъ и при нѣсколькихъ, тутъ же имъ написанныхъ строкахъ, запечатавъ, поручилъ передать государю.—«Дай Богъ, чтобы отъѣздъ мой обратился государю и отечеству въ пользу! Прошу довести до свѣдѣнія его величества, что уѣзжаю съ пламеннымъ желаніемъ счастія

Графъ Петръ Корниловичъ Сухтеленъ.
Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

ему и Россіи». Де-Санглепъ былъ пораженъ хладнокровіемъ, спокойствіемъ и твердостію духа Сперанскаго; о начальникѣ же своемъ онъ пишетъ: «Балашовъ ходилъ подлѣ него, какъ мальчикъ, который труситъ: не знаетъ ли учитель, сколько онъ напроказничалъ?» Уже поздно ночью Сперанскій сѣлъ въ кибитку въ сопровожденіи частнаго пристава Шипулинскаго, который умчалъ его въ Нижній-Новгородъ, минуя Москву [75].

23-го марта Шипулинскій привезъ своего узника къ нижегородскому губернатору, Андрею Максимовичу Руновскому. Онъ объявилъ ему

изустно, «что тайный совѣтникъ Сперанскій присланъ въ Нижній для пребыванія, а на какомъ основаніи имѣть за нимъ надзоръ, дано будетъ высочайшее повелѣніе, вслѣдъ затѣмъ, черезъ эстафету».

Въ тотъ же день, т. е. 23-го марта, Сперанскій, съ отправившимся обратно Шипулинскимъ, письменно поблагодарилъ Балашова за добраго товарища и спутника и рекомендовалъ ему его, какъ чиновника «отлично умнаго и усерднаго». Затѣмъ онъ присовокупилъ: «Повергните меня къ стопамъ государя императора и примите на себя трудъ вручить письмо, при семъ прилагаемое». По содержанію своему это замѣчательное письмо, къ тому же написанное на французскомъ языкѣ, рѣзко отличается отъ послѣдующихъ обращеній бывшаго государственнаго секретаря къ монаршему милосердію, когда новыя невзгоды и незаслуженныя притѣсненія окончательно сломили бодрость духа и самоувѣренность опальнаго любимца Александра[76].

«По прибытіи къ мѣсту моего назначенія», писалъ Сперанскій, «мнѣ остается просить только одной милости у вашего величества, это дозволить, чтобы моя небольшая семья присоединилась ко мнѣ. Одинъ ребенокъ и три англичанки, соединившись вмѣстѣ за тысячу верстъ отъ Петербурга, никакъ не могутъ служить предметомъ подозрѣній даже для самыхъ недовѣрчивыхъ изъ моихъ враговъ. Жизнь сдѣлалась для меня уже достаточно тягостна съ той минуты, какъ я лишился вашихъ милостей; но она стала бы для меня положительно невыносимой, если бы мнѣ предстояло быть разлученнымъ съ моею дочерью, единственнымъ утѣшеніемъ, которое остается мнѣ на землѣ. Я не буду утруждать въ настоящее время вниманіе вашего величества моимъ оправданіемъ. Ваше время, государь, слишкомъ драгоцѣнно, и, къ тому же, есть вещи, которыя, для надлежащей оцѣнки ихъ, должны быть разсматриваемы на нѣкоторомъ разстояніи и времени и мѣста. Единственное благодѣяніе, о которомъ я осмѣлился бы просить въ настоящее время, это не позволять, чтобы бумаги, захваченныя въ моемъ кабинетѣ, были разрознены или затеряны. Я полагаю, что онѣ уже подверглись разсмотрѣнію; поэтому я желалъ бы, чтобы, по отдѣленіи всего, относящагося до общественныхъ дѣлъ, остальное было собрано и положено на сохраненіе, для того, чтобы ваше величество въ болѣе удобное время могли бросить взглядъ на содержаніе этихъ бумагъ. Онѣ двухъ родовъ. Однѣ относятся къ плану государственнаго образованія, составленному подъ вашимъ руководствомъ и по вашему непосредственному приказанію. Подлинникъ этого плана долженъ находиться въ кабинетѣ вашего величества, а французскій переводъ его былъ врученъ въ то время, по вашему повелѣнію, принцу Ольденбургскому. Этотъ трудъ, государь, первый и единственный источникъ всего, что случилось со мною, имѣетъ слишкомъ важное значеніе для того, чтобы допустить смѣшеніе его съ

другими бумагами и дать ему валяться въ канцеляріяхъ министерства. Если бы я былъ въ Сибири, государь, то и въ такомъ случаѣ я не пересталъ бы вѣрить, что рано или поздно ваше величество вернетесь къ тѣмъ же основнымъ мыслямъ: онѣ были запечатлѣны въ вашемъ сердцѣ, онѣ не были предложены мною: я нашелъ ихъ вполнѣ образовавшимися въ вашемъ умѣ, и если осуществленіе ихъ на дѣлѣ можетъ и должно быть измѣнено или отложено до болѣе спокойнаго времени, то принципъ ихъ останется навсегда неприкосновеннымъ. Тамъ есть еще ограниченное число другихъ бумагъ, которыя касаются предметовъ политическихъ и въ особенности дѣлъ Польши. Это записки, которыя ваше величество требовали отъ меня въ разное время. Едва ли было бы умѣстно, государь, чтобы въ настоящее время онѣ сдѣлались гласными. Архивъ моего кабинета заключаетъ въ себѣ еще рядъ изслѣдованій о финансахъ и о различныхъ частяхъ администраціи. Это моя собственность, самая священная и, быть можетъ, самая значительная. Было ли бы справедливо, если бы я лишился ея?—Но какъ бы ваше величество ни соблаговолили судить объ этихъ предметахъ, я никогда не перестану жить воспоминаніями о вашихъ милостяхъ ко мнѣ и, будучи устраненнымъ отъ государственной службы, не могу однако воспретить себѣ считать себя еще на личной службѣ вашего величества».

Вѣсть о паденіи Сперанскаго разнеслась по всей Россіи и вызвала всеобщее одобреніе и восторгъ не только въ столицѣ, но и въ провинціи. Удаленіе ненавистнаго государственнаго секретаря вполнѣ удовлетворяло желаніямъ огромнаго большинства русскаго населенія, и свидѣтельства современниковъ не позволяютъ сомнѣваться, что ссылку Сперанскаго торжествовали, какъ первую побѣду надъ французами. Такимъ образомъ, предначертанная цѣль была вполнѣ достигнута и сопровождалась замѣчательнымъ успѣхомъ; духъ патріотизма и приверженности къ правительству былъ пробужденъ и укрѣпленъ во всѣхъ сословіяхъ, подготовляя веденіе національной войны, въ которой видѣли спасеніе Россіи.

По поводу ссылки Сперанскаго современникъ пишетъ: «Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человѣкъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единаго изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіе многихъ лѣтъ трудился въ тишинѣ кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли, какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли наконецъ глаза обманутому государю. Только дивились милосердію его

и роптали, какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя, и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ!»[77].

Въ запискахъ другихъ современниковъ удовольствіе, вызванное паденіемъ Сперанскаго, проявляется въ еще болѣе рѣзкихъ разсужденіяхъ по поводу его государственной дѣятельности; они заслуживаютъ вниманія, какъ отраженіе слуховъ, рисующихъ общественное настроеніе этой тревожной эпохи.

В. И. Бакунина пишетъ: «Великъ день для отечества и насъ всѣхъ— 17-й день марта! Богъ ознаменовалъ милость свою на насъ, паки къ намъ обратился, и враги наши пали. Открыто преступленіе въ Россіи необычайное, измѣна и предательство. Неизвѣстно еще всѣмъ, ни какъ открылось злоумышленіе, ни какія точно были намѣренія, и какимъ образомъ должны были приведены быть въ дѣйствіе. Должно просто полагать, что Сперанскій намѣренъ былъ предать отечество и государя врагу нашему. Увѣряютъ, что въ то же время хотѣлъ возжечь бунтъ вдругъ во всѣхъ предѣлахъ Россіи и, давъ вольность крестьянамъ, вручить имъ оружіе на истребленіе дворянъ. Извергъ, не по доблести возвышенный, хотѣлъ довѣренность государя обратить ему на погибель... 17-го, ввечеру, Сперанскій былъ призванъ къ государю, который, какъ увѣряютъ, долго его увѣщевалъ, надѣясь и ожидая признанія, но тщетно; ожесточенный измѣнникъ твердо увѣрялъ о своей невинности, наконецъ, уличенный доказательствами, кои были въ рукахъ государя, бросился къ ногамъ его и рыдалъ горько, отъ страху ли то было или досады, что открылось, или отъ раскаянія—Богу одному извѣстно. Послѣ сего разговора былъ онъ отправленъ съ полицейскимъ чиновникомъ, какъ говорятъ, въ Нижній, Магницкій (наперсникъ его и сотрудникъ)— въ Вологду... 18-го числа, потихоньку, за великую тайну, на ухо другъ другу шептали о ссылкѣ недостойнаго вельможи, но 19-го сдѣлалось то совершенно гласно, и принята вѣсть съ восторгомъ; посѣщали другъ друга для поздравленія, воздали славу и благодареніе Спасителю Господу и хвалу сыну отечества, открывшему измѣну, но намъ неизвѣстному. Никакое происшествіе на моей памяти не возбудило всеобщаго вниманія до такой степени, какъ это; все забыто,—одно занятіе, одна мысль, одинъ у всѣхъ разговоръ... Никого, однакоже, измѣна не удивила; давно ее угадывали изъ всѣхъ новыхъ постановленій, клонящихся къ разрушенію порядка повсемѣстно и потрясенію въ самомъ основаніи зданія правленія. Исчислять начали всѣ вымышленныя положенія для удаленія отъ дворянства и для возрожденія взаимнаго негодованія».— Только нѣсколько робкихъ и слабыхъ голосовъ, прибавляетъ Бакунина, защищали Сперанскаго, сѣтовали «на клевету, злобу и ухищренія министровъ противъ невинности». Въ обществѣ же вообще «всѣ благо-

Видъ Твери въ началѣ XIX столѣтія.

Съ гравюры того времени.

мыслящіе люди сожалѣли, что не гласно преступленіе, и не строго наказаніе. Не радовались милосердію, называя оное попущеніемъ»[78].

Въ заключеніе упомянемъ еще, въ какихъ выраженіяхъ императоръ Александръ отозвался нѣкоторымъ лицамъ о событіи 17-го марта.

На другой день утромъ, въ 12 часовъ, государь потребовалъ къ себѣ де-Санглена, чтобы узнать отъ него всѣ обстоятельства, сопровождавшія ссылку Сперанскаго. Александръ сказалъ ему: «Вы не можете себѣ представить, какой вчера былъ тяжелый день для меня. Я Сперанскаго возвелъ, приблизилъ къ себѣ, имѣлъ къ нему неограниченное довѣріе и вынужденъ былъ его выслать. Я плакалъ! — Но въ отношеніи къ государству нужно было отправить Сперанскаго. Это доказывается радостью, которую отъѣздъ его произвелъ въ столицѣ,—вѣрно, и вездѣ, погодя немного. Люди мерзавцы! тѣ, которые вчера утромъ ловили еще его улыбку, тѣ нынѣ меня поздравляютъ и радуются его высылкѣ». Государь взялъ со стола книгу и съ гнѣвомъ бросилъ ее опять на столъ, сказавъ съ негодованіемъ: «О, подлецы! вотъ кто окружаетъ насъ, несчастныхъ государей»[79].

По приказанію государя, 18-го марта явился также съ докладомъ князь А. Н. Голицынъ, которому наканунѣ было отказано въ пріемѣ послѣ аудіенціи Сперанскаго. Онъ засталъ императора ходящимъ по комнатѣ съ весьма мрачнымъ видомъ. «Ваше величество нездоровы?»— спросилъ Голицынъ. — «Если бъ у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно», сказалъ Александръ: «у меня въ прошлую ночь отняли Сперанскаго, а онъ былъ моею правою рукою!» Все это было передано со слезами на глазахъ.

Объясненіе, данное министру юстиціи И. И. Дмитріеву, отличалось болѣе суровымъ оттѣнкомъ. Александръ назвалъ всю эту исторію «пакостною» и разсказалъ Дмитріеву, что Сперанскій за двѣ комнаты отъ кабинета позволилъ себѣ, въ присутствіи близкихъ къ нему людей, опорочивать политическія мнѣнія нашего правленія, ходъ внутреннихъ дѣлъ и предсказывалъ паденіе имперіи[80]. «Этого мало», продолжалъ государь: «онъ простеръ наглость свою даже до того, что захотѣлъ участвовать въ государственныхъ тайнахъ». Съ этими словами государь, взявъ со стола листъ, писанный рукою Сперанскаго, и подавая его Дмитріеву, сказалъ: «Вотъ письмо его и собственное признаніе. Прочитай самъ».

19-го марта, во вторникъ, императоръ Александръ призвалъ къ себѣ графа Нессельроде, дружескія чувства котораго къ Сперанскому были ему извѣстны. Нессельроде не могъ скрыть глубокаго своего сокрушенія, что государь лишилъ себя въ Сперанскомъ слуги самаго преданнаго, вѣрнаго и ревностнаго. «Ты правъ», отвѣчалъ Александръ: «но именно теперешнія только обстоятельства и могли вынудить у меня эту жертву общественному мнѣнію»[81].

Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

7.

Императорскій дворецъ въ Твери въ началѣ XIX столѣтія.

Съ литографіи того времени.

Итакъ, патріотизмъ, требованія общественнаго мнѣнія прикрыли собою сведеніе личныхъ счетовъ оскорбленнаго мстительнаго сердца. Страшныя слова, измѣна, предательство, были пущены въ ходъ съ рѣдкимъ умѣніемъ, были найдены подходящіе исполнители, и простое по сущности своей дѣло затмилось настолько, обратилось въ такую громадную мистификацію, что потребовалось почти сто лѣтъ, чтобы нѣсколько распутать его и найти путеводную нить среди цѣлаго лабиринта преднамѣренной лжи и противорѣчивыхъ показаній.

Въ дипломатической перепискѣ того времени встрѣчается мало указаній относительно этого необыкновеннаго событія[82].

Когда свѣдѣнія объ удаленіи Сперанскаго дошли до Наполеона, онъ обратился къ князю Куракину съ вопросомъ: «J'ai appris que Spéranski vient d'être arrêté. Pouvez-vous m'apprendre les causes de cet événement?» Куракинъ отвѣтилъ, что ему ничего не сообщили о катастрофѣ, постигшей Сперанскаго. «Mon courrier m'avait dit seulement», прибавилъ князь, «qu'il n'était plus en place, ni même à Pétersbourg»[83].

Датскій посланникъ въ Петербургѣ Бломе, сообщая своему двору извѣстіе о ссылкѣ Сперанскаго и Магницкаго, пишетъ: «Начинаютъ предполагать, что вина ихъ скорѣе касается внутреннихъ дѣлъ, а не преступныхъ внѣшнихъ сношеній... Направленіе, господствовавшее во всемъ, что вырабатывалось Сперанскимъ, проникнуто началами новыхъ философовъ. Онъ, между прочимъ, стремился ограничить и опредѣлить неограниченную власть правительства (il tendait, entre autres, à limiter et à circonscrire l'autorité absolue du gouvernement). Но почва была слишкомъ мало подготовлена, чтобы разводить на ней республиканскіе плоды. Произошло явленіе необычайное: общество противится усиліямъ государя, желающаго лишить себя значительной доли своей власти, тогда какъ вездѣ въ другихъ странахъ это стремленіе къ преобразованіямъ обнаруживается совершенно въ противоположномъ духѣ. Мнѣ кажется, можно предсказать, что новый Государственный Совѣтъ, нынѣ лишенный главнаго своего дѣльца (sa cheville ouvrière), не замедлитъ сдѣлаться попрежнему ничего не значащимъ».

Графъ Лористонъ, сообщая герцогу Бассано различные петербургскіе слухи по поводу удаленія Сперанскаго, довольно близко подошелъ къ истинѣ, упоминая и о слѣдующемъ: «Говорятъ также, что главная вина Сперанскаго состояла въ нескромныхъ отзывахъ объ императорѣ, котораго онъ осуждалъ за недостатокъ характера и энергіи, заставлявшій его колебаться въ проведеніи мѣръ, имъ же самимъ одобренныхъ... Императоръ, какъ увѣряютъ, сказалъ, что не будутъ знать, въ чемъ заключается виновность Сперанскаго»[84].

Дружеская переписка императора Александра съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ представляетъ болѣе интересныхъ данныхъ относи-

Таврическая улица и домъ Сперанскаго въ Петербургѣ въ началѣ XIX столѣтія.

Съ акварели съ натуры Патерсона (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

тельно паденія Сперанскаго, чѣмъ свѣдѣнія, извлеченныя изъ дипломатической переписки.

Въ письмѣ отъ 7-го (19-го) апрѣля 1812 года наслѣдный принцъ поздравляетъ государя съ открытіемъ заговора, который клонился къ разрушенію его имперіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ какъ бы нѣкоторое удивленіе по поводу милосердія, выказаннаго имъ въ этомъ дѣлѣ[85]. Отвѣтъ государя служитъ новымъ подтвержденіемъ невиновности Сперанскаго, хотя его имя и не упомянуто въ письмѣ. Александръ писалъ, 24-го мая (5-го іюня) 1812 года, изъ Вильны:

«Прежде чѣмъ кончить, я попрошу позволенія поблагодарить за все то участіе, которое было проявлено вами по поводу открытія мною окружавшихъ меня подпольныхъ происковъ. Тѣмъ не менѣе я долженъ сдѣлать поправку къ высказанному вами мнѣнію. У меня болѣе подозрѣній, чѣмъ неоспоримыхъ данныхъ, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ они были достаточны для меня, чтобы ни на мгновеніе не дать мнѣ колебаться и удалить причастныхъ къ дѣлу лицъ. Доказательства заглушили бы во мнѣ всякое милосердіе, и я почелъ бы себя призваннымъ долгомъ, налагаемымъ на меня моимъ положеніемъ, не пощадить виновныхъ».

(Avant d'achever qu'elle me permette de la remercier pour tout l'intérêt qu'elle a pris à la découverte que j'ai faite des menées sourdes autour de moi. Cependant je dois rectifier son jugement. J'ai plus de soupçons que de données certaines; mais ils m'ont suffi pour ne pas balancer un instant dans les circonstances présentes à éloigner les individus impliqués. Des preuves auraient suspendu en moi toute clémence, et je me serais cru appelé par les devoirs de ma place à sévir contre les coupables)[86].

Въ заключеніе нашего разсказа о паденіи Сперанскаго припомнимъ слова, сказанныя однажды императоромъ Александромъ: «Нельзя примѣнять одну и ту же мѣрку къ государямъ и къ частнымъ лицамъ. Политика налагаетъ на нихъ обязанности, осуждаемыя сердцемъ» (on ne peut taxer les souverains d'après l'échelle des particuliers. La politique leur dicte des devoirs que le coeur réprouve)[87].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СПЕРАНСКІЙ въ своемъ паденіи естественно долженъ былъ увлечь за собою и разныхъ другихъ лицъ, причастныхъ его дѣятельности; наибольшаго вниманія заслуживаетъ участь, постигшая Жерве и Бека.

Жерве[88] завѣдывалъ въ иностранной коллегіи, въ эпоху возвышенія Сперанскаго, дѣлами важнѣйшихъ нашихъ заграничныхъ миссій и имѣлъ также подъ своимъ начальствомъ экспедицію дешифровки депешъ. Въ этой экспедиціи главнымъ лицомъ былъ занимавшійся издавна этимъ дѣломъ статскій совѣтникъ Христіанъ Андреевичъ Бекъ.

Выше уже было упомянуто, что секретная дипломатическая переписка графа Нессельроде изъ Парижа направлялась къ государю, помимо канцлера, черезъ Сперанскаго. Сверхъ того, Сперанскій и другимъ еще путемъ состоялъ въ соприкосновеніи съ дипломатическою частью. Весьма извѣстный въ то время итальянецъ Маллія (Mallia), находясь при вѣнской нашей миссіи, имѣлъ связи во всѣхъ европейскихъ

кабинетахъ и присылалъ къ Жерве, въ частныхъ письмахъ, разныя секретныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и умовъ за границею. Эти свѣдѣнія были представляемы государю, тоже по его приказанію и тоже втайнѣ отъ графа Румянцева, черезъ посредство Сперанскаго. Такимъ образомъ въ то время, когда ни одно дѣло по внутреннему управленію не проходило безъ него и мимо него, внѣшнія сношенія Россіи стали ему также извѣстными съ одной, но, можно сказать, наиболѣе интересной стороны, хотя и не въ полномъ объемѣ. Сперанскій не могъ примириться съ подобнымъ положеніемъ вещей и, чтобы положить ему конецъ, рѣшился повліять въ этомъ смыслѣ на Жерве. Преданный ему по старой дружбѣ и, сверхъ того, покорный его волѣ, которая и для всѣхъ имѣла тогда силу закона, Жерве, безъ вѣдома своего начальства и, въ этомъ случаѣ, уже безъ всякихъ къ тому уполномочій свыше, собиралъ въ министерствѣ и тайно представлялъ Сперанскому все, что поступало любопытнѣйшаго и важнѣйшаго по сношеніямъ нашимъ съ западной Европой. Всѣ эти обстоятельства создали въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ совершенно особенную обстановку; въ то время, какъ графъ Румянцевъ, руководствуясь наружными изъявленіями дружбы императора Александра къ Франціи и не сомнѣваясь, что мы попрежнему идемъ заодно съ Наполеономъ, былъ вполнѣ убѣжденъ, что дѣла его министерства составляютъ недосягаемую для всѣхъ тайну, Александръ, помимо канцлера, велъ черезъ Сперанскаго непріязненную Наполеону переписку со второстепенными въ дипломатической іерархіи лицами, а Сперанскій, помимо обоихъ, былъ посвященъ во всѣ высшія тайны нашей политики болѣе Румянцева, а нерѣдко, можетъ быть, болѣе и самого Александра! Но оказалось, что въ Петербургѣ бодрствовали люди болѣе зоркіе, нежели государственный канцлеръ.

Въ январѣ 1811 года была перлюстрована шифрованная депеша прусскаго посланника при нашемъ дворѣ барона Шладена къ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ графу Гольцу. Бекъ открылъ въ ней слѣдующее мѣсто: «достовѣрно, что государь имѣетъ, помимо вѣдома канцлера, секретную переписку съ графомъ Нессельроде чрезъ 5667 xxxкі (шифръ), а также и съ однимъ чиновникомъ въ Вѣнѣ». Не зная еще тогда ничего объ этихъ тайныхъ сношеніяхъ, Бекъ, при представленіи депеши Жерве, выразилъ догадку, что шифрованная фамилія можетъ означать: Сперанскаго. Жерве отвѣчалъ, что Сперанскій дѣйствительно состоитъ въ секретной перепискѣ съ графомъ Нессельроде, и потребовалъ копіи съ помянутой депеши и со сдѣланнаго Бекомъ переложенія ея, говоря, что все это нужно вручить самому Сперанскому для представленія прямо государю. Вскорѣ затѣмъ Бекъ получилъ наставленіе, въ какомъ видѣ подносить впредь свои дешифровки канцлеру, и съ тѣхъ поръ установился по этой части слѣдующій распорядокъ. Шифрован-

ныя депеши иностранныхъ миссій, которыя удавалось перехватить, равно какъ подобныя же депеши нашихъ посольствъ, поступая къ графу Румянцеву, нисходили отъ него въ обыкновенномъ порядкѣ въ экспедицію дешифровки; но здѣсь Бекъ, вмѣсто того, чтобы представлять свои переложенія канцлеру, отсылалъ ихъ, на основаніи секретно объявленной ему Сперанскимъ высочайшей воли, сперва къ государю. Орудіемъ этихъ пересылокъ служилъ гардеробмейстеръ Гесслеръ. Государь, прочитавъ переложенія, собственноручно вычеркивалъ въ нихъ все, о чемъ не желалъ ставить въ извѣстность графа Румянцева, и уже тогда, переписанныя вновь съ указанными пропусками, онѣ представлялись послѣднему отъ Бека подъ видомъ полныхъ дешифровокъ, а затѣмъ канцлеръ, съ своей стороны, нисколько не подозрѣвая всего промежуточнаго дѣйствія, подносилъ сокращенныя переложенія государю, который дѣлалъ видъ, будто содержаніе ихъ совсѣмъ ново для него. Въ то же время Жерве, требуя и получая отъ Бека, какъ его начальникъ, полныя дешифровки, сообщалъ ихъ, втайнѣ отъ государя и отъ всѣхъ, Сперанскому, для котораго, такимъ образомъ, ничто не оставалось сокрытымъ.

Вдругъ наступило роковое 17-е марта 1812 года.

Выше было упомянуто, что въ ночь высылки Сперанскаго въ Нижній-Новгородъ онъ лично запечаталъ нѣкоторыя бумаги и просилъ генералъ-адъютанта Балашова вручить ихъ, при особомъ письмѣ, въ собственныя руки государю. Эти бумаги и были именно тѣ, которыя доставлялись ему Жерве. Въ письмѣ Сперанскаго сказано: «Между бумагами, въ одномъ изъ трехъ пакетовъ находящимися, ваше императорское величество изволите найти расшифрованныя перлюстраціи. Онѣ мнѣ были доставляемы по временамъ отъ Бека. Въ семъ проступкѣ сознаю себя виновнымъ и, не ища оправданій, предаюсь милосердію вашего величества»[89]. Это письмо императоръ Александръ давалъ читать министру юстиціи И. И. Дмитріеву, когда сообщалъ ему въ разговорѣ о неудовольствіяхъ своихъ противъ Сперанскаго.

Въ продолженіе недѣли послѣ ссылки Сперанскаго ничего особеннаго не послѣдовало, какъ вдругъ, 25-го марта, Бекъ былъ внезапно схваченъ и, безъ объявленія ему его вины, заключенъ въ петербургскую крѣпость. Когда объ этомъ узналъ Жерве, онъ тотчасъ послѣдовалъ благородному порыву своего сердца, не желая, чтобы за него пострадалъ другой. Но, затрудняясь повѣрить свою тайну ничего не подозрѣвавшему канцлеру, онъ предпочелъ обратиться къ графу Нессельроде и, черезъ его посредство, 26-го марта написалъ государю письмо, въ которомъ, оправдывая Бека, принималъ всю вину на себя. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, въ высшей степени любопытномъ для характеристики императора Александра. Письмо Жерве содержало

въ себѣ указанія на секретную дипломатическую переписку, и передать его графу Румянцеву, какъ начальнику Жерве, значило бы разоблачить тайну; вслѣдствіе этого Александръ собственноручно вычеркнулъ въ представленномъ ему письмѣ всѣ указанія, сдѣланныя Жерве по этому поводу, и, черезъ графа Нессельроде, велѣлъ Жерве переписать и подать его себѣ вновь уже въ такомъ исправленномъ видѣ[90]. Устранивъ произведенными въ письмѣ перемѣнами возможность какого бы то ни было неудовольствія со стороны канцлера, императоръ Александръ сказалъ графу Нессельроде: «Je vois bien qu'il n'y a dans tout cela rien de criminel; je laisserai tomber cette affaire et ferai sortir Beck».

Между тѣмъ, 26-го марта вечеромъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Юдинъ, вмѣстѣ съ министромъ полиціи Балашовымъ, явился въ квартиру Жерве для опечатанія его бумагъ, а 27-го числа послѣдній, по высочайшей волѣ, былъ замѣщенъ въ своей должности княземъ Козловскимъ. Бекъ, больной и пораженный незаслуженнымъ несчастіемъ до такой степени, что впалъ во временное умопомѣшательство, оставленъ былъ въ крѣпости и по отъѣздѣ государя къ арміи, и все это ясное и простое дѣло было поручено разсмотрѣнію секретнаго Комитета, учрежденнаго указомъ 13-го января 1807 года. Такъ нужно было, чтобы окончательно ввести въ заблужденіе государственнаго канцлера, равно какъ и въ другихъ тайныхъ видахъ, находившихся въ связи съ удаленіемъ Сперанскаго[91].

Въ Комитетѣ 13-го января этимъ дѣломъ не торопились; только 27-го апрѣля, болѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ заключенія Бека, рѣшились предложить ему первые вопросы. Въ отвѣтѣ своемъ онъ, хотя съ большою запутанностью, вызванною, вѣроятно, болѣзненнымъ состояніемъ, но, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно чистосердечно говорилъ о своихъ сношеніяхъ со Сперанскимъ, а равно разсказалъ исторію депеши барона Шладена со всѣми подробностями, способными оправдать его, Бека. Сущность дальнѣйшихъ его показаній, очень многословныхъ и запутанныхъ, состояла въ слѣдующемъ: 1) по поводу вышеприведенной, дешифрированной въ январѣ 1811 года, депеши Шладена министръ полиціи тогда же призвалъ къ себѣ Бека и поручилъ ему приложить всемѣрное стараніе къ открытію всего того, что могло бы обнаружить тайныя у насъ связи прусской миссіи, ибо государю весьма важно узнать ихъ источникъ; но розыски по сему предмету его, Бека, остались безплодными; 2) полиція съ своей стороны сама наблюдала за прусскимъ посольствомъ, но по оплошности ея агентовъ или по другой причинѣ только Шладенъ и совѣтникъ его Шёлеръ скоро замѣтили этотъ надзоръ. Одно изъ своихъ писемъ въ Берлинъ Шладенъ оканчиваетъ такъ: «что идетъ далѣе, то большой секретъ». Но хотя слѣдовавшая за симъ приписка была написана измѣненнымъ шифромъ,

1264/ Въ походѣ 43. Получ. 4 Іюля 77. 119

Милостивый Государь Михаилъ Богдановичъ,

Его императорскому величеству благоугодно было повелѣть Г-ну дѣйствительному камергеру Лавалю заняться редакціею статей о военныхъ дѣйствіяхъ Молдавской Арміи на французскомъ языкѣ для изданія оныхъ въ иностранныхъ журналахъ. Въ слѣдствіе сего Государю императору было угодно, чтобы ваше высокопревосходительство сообщали Г-ну Лавалю подробныя выписки изъ донесеній по мѣрѣ ихъ поступленія разумѣя тѣ статьи, кои должны быть публичны. Дабы статьямъ симъ, [illegible] непрерывно въ иностранныхъ журналахъ изложеннымъ, дать болѣе связи и единства Г-нъ Лаваль считаетъ нужнымъ начать краткимъ описаніемъ дѣйствій начиная съ открытія сей кампаніи или съ дѣла при Базарджикѣ. Почему не угодно ли вамъ Милостивый Государь

6 Іюля № 45 Лавалю.

будутъ доставлены ему бумаги къ
сему относящіяся а потомъ до-
ставляемы послѣдующія по части
Задержаній дѣлъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
честь имѣю быть

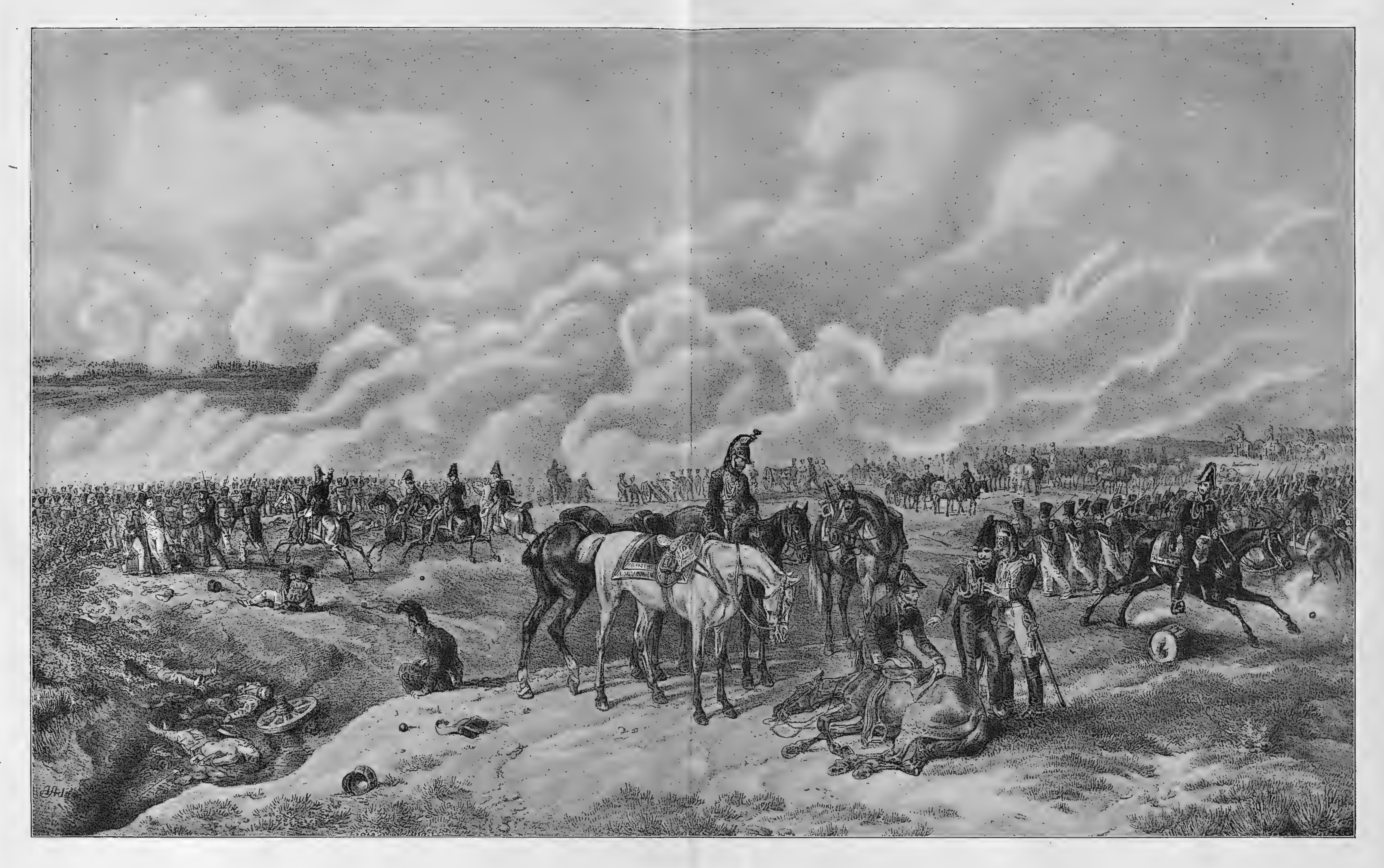
Вашего высокопревосходительства

покорный слуга
М. Сперанскій.

Въ С. Пбургѣ
Іюня 4го дня
№ 10.

Его в-ству М. Б. Барклаю де Толли

ПИСЬМО М. М. СПЕРАНСКАГО КЪ М. Б. БАРКЛАЮ-ДЕ-ТОЛЛИ.

СРАЖЕНІЕ ПРИ БОРОДИНѢ.

Съ литографіи того времени Германа.

однако Беку, послѣ пятидневной надъ ней работы, удалось разобрать и этотъ «большой секретъ». «Здѣшнее правительство», писалъ Шладенъ, «замѣтило, что мнѣ извѣстны нѣкоторыя его тайны, и пред-

Комната, служившая кабинетомъ Сперанскому и обращенная въ столовую по пріобрѣтеніи дома Сперанскаго Н. П. Дубенскимъ.

Съ акварели того времени.

писало полиціи наблюдать за нашими друзьями, но мы приняли всѣ нужныя предосторожности, чтобъ не выдать ихъ»; 3) по совѣту Жерве, Бекъ отправился съ этимъ открытіемъ къ Сперанскому. Тамъ произошелъ разговоръ о важности для государя узнать, чрезъ кого прус-

ская миссія получаетъ свои свѣдѣнія? Бекъ замѣтилъ, что свѣдѣнія, подобныя сообщенному въ первой депешѣ Шладена о секретной перепискѣ Сперанскаго съ Нессельроде, могутъ исходить только отъ людей, находящихся у дѣлъ. («Я не хотѣлъ», прибавилъ Бекъ, «сказать: изъ круга друзей его, Сперанскаго»). Сперанскій отвѣчалъ только, что при дворѣ никогда нѣтъ недостатка въ людяхъ нескромныхъ. Бекъ изъявилъ свое опасеніе, чтобы прусское правительство, узнавъ теперь о наблюденіи за нимъ нашей полиціи, не перемѣнило своего шифра. «Напишите государю», сказалъ Сперанскій: «чтобы его величество разрѣшилъ вамъ, какимъ путемъ представить ему эту переложенную вами новую депешу съ вашими замѣчаніями, и отдайте ваше письмо Гесслеру; прусскій шифръ особенно важенъ; вамъ уже извѣстно, что мнѣ поручена государемъ секретная переписка, а изъ этой переписки я знаю, что французскій дворъ надѣется узнавать всѣ виды и намѣренія нашего правительства посредствомъ берлинскаго. Впрочемъ», продолжалъ Сперанскій, «покамѣстъ оставьте и эту новую депешу у меня: она можетъ дать мнѣ еще нѣкоторыя поясненія къ моей перепискѣ. Я возвращу се Жерве. Я съ моей стороны прусскаго шифра не выдамъ, лишь бы только дѣло не было уже сдѣлано черезъ то, что теперь случилось»; 4) въ заключеніе этого разговора Сперанскій спрашивалъ Бека о его жалованьи и другихъ средствахъ существованія, и когда Бекъ, между прочимъ, сказалъ, что желалъ бы продать въ казну свою аренду, то Сперанскій совѣтовалъ ему написать объ этомъ государю, обѣщая и съ своей стороны поддержать его просьбу, когда будетъ о ней предувѣдомленъ; 5) спустя нѣсколько дней послѣ этого Бекъ представилъ государю переложеніе упомянутой депеши Шладена. Государь самъ предначерталъ тогда нѣкоторыя новыя мѣры, и прусскій кабинетъ удержалъ прежній свой шифръ безъ всякой перемѣны. Все это случилось въ мартѣ 1811 года, и тотъ же самый шифръ употреблялся прусскою миссіею и тогда еще, когда арестовали его, Бека, т. е. 25-го марта 1812 года[92].

Эти объясненія были представлены государю, находившемуся тогда въ Вильнѣ, безъ всякаго заключенія со стороны Комитета. Посланныя бумаги возвратились съ рѣшеніемъ въ такомъ именно смыслѣ, въ какомъ и надлежало ожидать его для тѣхъ, кто былъ посвященъ въ предшествовавшія обстоятельства. Александру невозможно было оправдать Бека и невозможно было также принять на свою совѣсть обвинить того, который былъ простымъ орудіемъ и исполнителемъ собственной его воли; онъ вывелъ себя изъ затруднительнаго положенія съ обычнымъ своимъ искусствомъ.

«О Бекѣ», писалъ императоръ Александръ графу Н. И. Салтыкову, «долженъ сказать, что объясненія его со всемъ невѣрны, что бы мнѣ

легко было доказать бумагами; но оныя остались въ Петербургѣ — я щитаю не безполезно бы было призвать Жервѣ и взять отъ него объясненіи. Бека жѣ, взявъ съ него строгою подписку, что онъ будетъ

Христіанъ Бекъ.

Съ литографіи Фишера, сдѣланной съ портрета Крюгера.

жить смирно и не вмешиватся ни въ какія сплетни, можно выпустить, предписавъ полиціи иметь за поведеніемъ его надзоръ»[93].

Вслѣдствіе приведеннаго здѣсь высочайшаго повелѣнія, Жерве былъ лично призванъ 3-го іюля въ собраніе Комитета и на сдѣланные ему вопросы отвѣчалъ, что дешифрированныя Бекомъ бумаги онъ точно

сообщалъ Сперанскому, какъ самъ донесъ о томъ государю 26-го марта 1812 года; что дѣлалъ онъ это съ цѣлью содержать его въ извѣстности о теченіи дѣлъ, какъ вельможу, котораго считалъ облеченнымъ неограниченною довѣренностью государя, что посылалъ къ нему и Бека съ дешифрированною бумагою, которую не хотѣлъ представить государю чрезъ канцлера, что не помнитъ, чтобы говорилъ Беку о секретной перепискѣ, въ которой состоялъ Сперанскій съ графомъ Нессельроде помимо канцлера, но что, впрочемъ, Беку не трудно было и самому догадаться, что всѣ эти сообщенія дѣлались имъ, Жерве, Сперанскому безъ вѣдома графа Румянцева.

Поняли ли члены Комитета настоящій ходъ дѣла или только догадывались о немъ, трудно сказать, но рѣшеніе, поставленное ими въ тотъ же самый день, 3-го іюля, было тоже очень искусно, хотя въ отношеніи къ Беку и не совсѣмъ добросовѣстно.

Постановленіе Комитета заключалось въ слѣдующемъ:

«Комитетъ, внимательно замѣчая тонъ и поступки Бека и Жерве [94], находитъ, что первый былъ не что иное, какъ орудіе Жерве и Сперанскаго, которымъ они могли располагать по своей волѣ. Жерве же, напротивъ, не только зналъ, что онъ дѣлалъ худо, сообщая Сперанскому всѣ бумаги, какія ему имѣть хотѣлось, но и самое въ томъ признаніе старался представить съ какою-то особенною рѣшимостью и въ такомъ тонѣ, который показывалъ, что онъ хотя и виноватъ, однакожъ не думаетъ, чтобъ могъ подвергнуться какому-либо за то осужденію. Положили: Бека, въ исполненіе Высочайшей воли, изъ-подъ караула освободить, взявъ съ него строгую подписку, чтобы онъ жилъ смирно и ни въ какія сплетни не вмѣшивался. Полиціи жъ имѣть за поведеніемъ его надзоръ, для чего и сообщить главнокомандующему выписку изъ сего журнала [95]. Но какъ Комитетъ находитъ, что оба они, а особливо Жерве, которому ввѣрены были наиважнѣйшія тайны иностраннаго департамента, не только по службѣ не могутъ быть полезны, но даже и пребываніе ихъ въ столичномъ городѣ, наполненномъ иностранцами, легко можетъ обратиться во вредъ, то дабы удалить всякую опасность, не излишнимъ считаетъ представить Его Величеству, не благоугодно ли будетъ приказать обоихъ выслать отсюда, и Беку можно дозволить основать свое пребываніе гдѣ-нибудь поближе, а Жерве назначить для жительства какой-нибудь отдаленный городъ, по крайней мѣрѣ, до развязки настоящихъ обстоятельствъ, и за обоими, а особливо за послѣднимъ, мѣстному начальству имѣть строгой присмотръ. Что и предать въ благоразсмотрѣніе Его Величества» [96].

6-го іюля 1812 года, графъ Салтыковъ представилъ императору Александру заключенія Комитета. Какое послѣдовало по этому дѣлу рѣшеніе государя, изъ дѣлъ Комитета не видно; извѣстно только, что Жерве

Александръ Семеновичъ Шишковъ.

Съ гравюры Степанова, сдѣланной съ портрета Эстерейха.

былъ исключенъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а потомъ снова принятъ на службу, но уже по вѣдомству министерства финансовъ, въ которомъ и оставался до своей смерти, послѣдовавшей въ 1832 году. Что же касается Бека, то онъ былъ оставленъ при прежней своей должности [97].

Изъ этого краткаго обзора дѣла Жерве и Бека нельзя не признать, что оно бросаетъ нѣкоторую тѣнь на Сперанскаго, проникнувшаго самовольно въ чужую ему область далѣе, чѣмъ этого желалъ и какъ это предполагалъ императоръ Александръ. Разсмотримъ въ заключеніе, какимъ образомъ Сперанскій въ объясненіяхъ своихъ съ государемъ старался ослабить или даже вовсе снять съ себя ложившіяся на него подозрѣнія. Объясненія эти мы находимъ въ пермскомъ письмѣ Сперанскаго; все сказанное имъ по данному вопросу въ этой оправдательной запискѣ становится вполнѣ яснымъ только при сопоставленіи ея со всѣми вышеизложенными обстоятельствами.

«Мнѣ остается», писалъ Сперанскій, «пояснить одно обстоятельство, которое, бывъ обвиненію постороннимъ[98], чрезмѣрно однако же обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною. Ваше величество припомнить безъ сомнѣнія изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у васъ минуту вниманія. «На что?» изволили вы спросить. «Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ казать канцлеру, не представивъ прежде вамъ». Ваше величество сказали мнѣ, что позовете его чрезъ Гесслера, что дѣйствительно и исполнили и, давъ ему ваши наставленія, дозволили и впредъ въ подобныхъ случаяхъ также къ себѣ относиться. Бекъ, благодаря меня за сей случай, предложилъ, что, когда встрѣтится въ дѣлѣ его что-либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать въ чистотѣ совѣсти, не считая меня чуждымъ правительству и его тайнамъ. Съ вѣдома его или нѣтъ, но чрезъ третье лицо, въ самомъ дѣлѣ, изрѣдка и безъ связи, получалъ я нѣсколько сихъ листовъ[99]. Что они въ себѣ содержали? Пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія, кои, стоя въ средоточіи дѣлъ и имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ вашему величеству, я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе всегда зналъ, нежели они. Что могли мнѣ новаго сказать какой-нибудь г. Бушъ[100] и ему подобные жалкіе дипломаты? Слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги, даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать имъ высокой важности. Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ (при удаленіи я доставилъ ихъ къ вашему величеству) удостовѣритъ васъ, всемилостивѣйшій государь, въ ихъ маловажности; числа ихъ докажутъ, что онѣ вошли ко мнѣ безъ связи, а все вмѣстѣ можетъ увѣрить, что тутъ могло быть легкомысліе, но никогда никто не въ силахъ превратить сего въ государственное преступленіе. Со всѣмъ тѣмъ», заключилъ Сперанскій, «и прежде, и теперь я повергаю себя единственно въ ваше великодушіе и желаю еще лучше быть прощеннымъ, нежели во всемъ правымъ».

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЪ ОКТЯБРѢ 1811 года графъ Нессельроде, таинственный парижскій корреспондентъ Сперанскаго, возвратился въ Петербургъ. Императоръ Александръ принялъ его весьма милостиво и назначилъ статсъ-секретаремъ [101]. При представленіи графа Нессельроде государь сказалъ ему: «Я сомнѣваюсь, чтобы новая съ моей стороны попытка къ соглашенію, обращенная къ Наполеону, привела бы къ мирной развязкѣ. Такъ же, какъ и вы, я считаю разрывъ неизбѣжнымъ. Въ случаѣ войны я намѣренъ стать во главѣ армій; тогда мнѣ нуженъ будетъ человѣкъ молодой, могущій всюду слѣдовать за мною верхомъ и завѣдывать моею политическою перепиской. Канцлеръ, графъ Румянцевъ, старъ, болѣзненъ, на него нельзя возложить этой обязанности. Я рѣшился остановить свой выборъ на васъ; надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе, исполняя свои обязанности съ вѣрностію и скромностію» [102].

Паденіе Сперанскаго причинило графу Нессельроде сильнѣйшее безпокойство и огорченіе; онъ называетъ

его въ своихъ запискахъ задушевнымъ другомъ и главной опорой у государя въ продолженіе царской къ нему милости. 19-го марта, во вторникъ, какъ выше упомянуто, императоръ Александръ призвалъ къ себѣ графа Нессельроде и съ ангельскою добротою (avec sa bénté angélique) успокоилъ его относительно участи парижской переписки: Сперанскій прислалъ переписку запечатанною къ государю, и она находилась въ его кабинетѣ. По поводу ссылки Сперанскаго графъ Нессельроде пишетъ: «Онъ былъ очевидно жертвою интриги; Балашовы и Армфельты воспользовались извѣстнымъ общественнымъ мнѣніемъ, враждебнымъ преобразованіямъ, которыя императоръ намѣренъ былъ ввести, поручивъ осуществленіе ихъ Сперанскому. Они представили его величеству, что наканунѣ войны, во время которой одинъ русскій патріотизмъ могъ спасти страну, опасно было оскорбить національное чувство, сохранивъ при себѣ человѣка, обвиняемаго даже въ измѣнѣ и въ тайныхъ сношеніяхъ съ Франціею. Сношенія же эти были не что иное, какъ переписка моя съ герцогомъ Бассано для полученія отъ него подробныхъ свѣдѣній о наполеоновскихъ учрежденіяхъ, которымъ хотѣли подражать въ Россіи».

Особаго указа объ удаленіи Сперанскаго не послѣдовало. Занимавшіяся имъ разнородныя должности были распредѣлены между различными лицами. 3-го апрѣля статсъ-секретарю Государственнаго Совѣта, тайному совѣтнику Оленину, какъ старшему изъ статсъ-секретарей, повелѣно было править должность государственнаго секретаря впредь до дальнѣйшаго высочайшаго повелѣнія. Коммиссія законовъ, съ барономъ Розенкампфомъ, непримиримымъ врагомъ Сперанскаго, во главѣ, поступила подъ высшее начальство князя Лопухина. Баронъ Армфельдъ занялъ мѣсто канцлера абовскаго университета, и ему же были ввѣрены всѣ финляндскія дѣла. Затѣмъ нужно было подумать, кѣмъ замѣнить Сперанскаго, какъ неподражаемаго редактора всѣхъ манифестовъ, рескриптовъ и указовъ. Выборъ государя готовъ былъ остановиться на Карамзинѣ, къ которому онъ вообще лично благоволилъ, но окончательно восторжествовалъ А. С. Шишковъ, который въ то время вызывалъ въ Петербургѣ восторгъ своимъ разсужденіемъ о любви къ отечеству и народной гордости. Императоръ Александръ рѣшился предоставить ему мѣсто государственнаго секретаря, съ тѣмъ, чтобы имѣть его при себѣ въ качествѣ личнаго секретаря для составленія манифестовъ и другихъ бумагъ своей канцеляріи.

22-го марта (3-го апрѣля) къ Шишкову явился фельдъегерь. «Государь приказалъ васъ просить къ себѣ», передалъ онъ смущенному адмиралу. Шишковъ поѣхалъ во дворецъ и дорогою придумывалъ причины, которыя могли бы подать государю поводъ пригласить его для личнаго свиданія, и ничего не могъ придумать. «Хотя по совершенному удаленію моему отъ всякихъ дѣлъ, казалось, ничто не могло до меня

Графъ Θедоръ Васильевичъ Ростопчинъ.
Съ гравюры Мейера, сдѣланной съ портрета Гебауейра, 1815 г.

касаться», пишетъ Шишковъ, «однакожъ высылка Сперанскаго, отставка Мордвинова[103] и, наконецъ, явное неблаговоленіе ко мнѣ государя императора — приводили меня въ сильнѣйшее безпокойство»[104]. Опасенія Шишкова оказались напрасными, и, когда его позвали въ кабинетъ государя, Александръ встрѣтилъ его слѣдующими словами: «Я читалъ разсужденіе ваше о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, вы можете быть ему полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами;

нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ, чтобъ вы написали о томъ манифестъ, въ которомъ бы побудительнымъ для народа образомъ изложена была необходимость сей предпринимаемой правительствомъ мѣры». Ласковый пріемъ государя и порученіе, ему данное, совершенно успокоили Шишкова. Въ тотъ же день онъ написалъ манифестъ и на другой день, 23-го марта, отвезъ его государю во дворецъ; государь остался доволенъ произведеніемъ пера Шишкова и, подписавъ манифестъ, отослалъ его въ Сенатъ. Это былъ первый правительственный актъ, указывавшій народу на близость войны, которую уже давно считали неминуемою. Манифестъ, написанный Шишковымъ, дѣйствительно не похожъ на прежніе: въ немъ нельзя найти и слѣдовъ обычнаго канцелярскаго слога, а, напротивъ того, полнѣйшую искренность. Хотя онъ отличается нѣкоторою торжественностью тона, но эта особенность его соотвѣтствовала настроенію, которое начинало господствовать въ Россіи среди приготовленій къ встрѣчѣ иноплеменнаго нашествія.

Этотъ первый удачный опытъ послужилъ предвѣстникомъ новаго назначенія Шишкова. Въ день отъѣзда изъ Петербурга въ Вильну, 9-го апрѣля, императоръ Александръ, призвавъ къ себѣ Шишкова, обратился къ нему со словами: «Я бы желалъ, чтобъ вы поѣхали со мною. Можетъ быть, для васъ это и тяжело, но для отечества нужно». Затѣмъ государь подписалъ указъ, повелѣвавшій вице-адмиралу Шишкову быть при его особѣ въ званіи государственнаго секретаря.

Одинъ изъ современниковъ пишетъ: «Наступила вѣчно-памятная эпоха 1812 года, и съ удивленіемъ узналъ я, что Александръ Семеnычъ сдѣланъ былъ государственнымъ секретаремъ на мѣсто Михайла Михайловича Сперанскаго. Нисколько не позволяя себѣ судить, на своемъ ли онъ былъ мѣстѣ, я скажу только, что въ Москвѣ и другихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ которыхъ мнѣ случилось въ то время быть, всѣ были обрадованы назначеніемъ Шишкова, и что писанные имъ манифесты дѣйствовали электрически на цѣлую Русь. Несмотря на книжныя, иногда нѣсколько напыщенныя выраженія, русское чувство, которымъ они были проникнуты, сильно отозвалось въ сердцахъ русскихъ людей»[105].

Готовилось и другое назначеніе въ подобномъ же духѣ. Ввиду важности ожидавшихся въ скоромъ времени событій нужно было подумать о замѣнѣ болѣе подходящимъ лицомъ московскаго главнокомандующаго, престарѣлаго фельдмаршала графа Гудовича. По совѣту великой княгини Екатерины Павловны, императоръ Александръ предназначилъ на его мѣсто графа Ѳ. В. Ростопчина, прибывшаго въ Петербургъ за пять дней до ссылки Сперанскаго. Указъ объ этомъ послѣдовалъ только 24-го мая, въ Вильнѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дѣйствительный тайный совѣтникъ и двора е. и. в. оберъ-камергеръ

графъ Ростопчинъ, всемилостивѣйше переименовывается въ генералы отъ инфантеріи и назначается военнымъ губернаторомъ въ Москву»[106]. Черезъ нѣсколько дней, 29-го мая, состоялось новое высочайшее повелѣніе о назначеніи графа Ростопчина главнокомандующимъ въ Москвѣ.

Предстоявшій отъѣздъ императора Александра въ армію вызвалъ еще и другія назначенія и распоряженія. Желая имѣть при себѣ государственнаго канцлера, графа Румянцева, государь назначилъ 29-го марта фельдмаршала графа Салтыкова предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Еще ранѣе, 20-го марта, послѣдовалъ нижеслѣдующій указъ Сенату: «По случаю отбытія нашего изъ столицы, за благо признали мы учредить подъ предсѣдательствомъ генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова комитетъ министровъ съ особою властію, по дѣламъ всѣхъ министерствъ, снабдивъ его на сей случай правилами, которыми онъ руководствоваться долженъ»[107]. 30-го марта высочайше повелѣно было князю Лопухину предсѣдательствовать въ департаментѣ законовъ[108] и въ прочихъ департаментахъ Государственнаго Совѣта. Затѣмъ, 3-го апрѣля состоялся указъ о порядкѣ производства дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, на время отсутствія государя; этимъ указомъ повелѣно было, между прочимъ, для ускоренія дѣлъ, требующихъ отпуска денегъ, соединять засѣданія департаментовъ законовъ и экономіи.

28-го марта генералъ Вязмитиновъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ввиду предстоявшаго отъѣзда генералъ-адъютанта Балашова, обязанности министра полиціи были также возложены на Вязмитинова, за исключеніемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя Балашовъ, находясь при государѣ, могъ исполнять самъ.

Управленіе департаментами военнаго министерства, по случаю отъѣзда военнаго министра Барклая де-Толли, указомъ 22-го марта 1812 года, ввѣрено было генералъ-лейтенанту князю Алексѣю Ивановичу Горчакову[109].

Среди всѣхъ этихъ приготовленій къ становившейся все болѣе неизбѣжной войнѣ императоръ Александръ нашелъ своевременнымъ, руководствуясь, вѣроятно, политическими соображеніями относительно Польши, возвести Полоцкую іезуитскую коллегію, «толикую пользу принесшую воспитаніемъ юношества», на степень академіи; права и преимущества ея были уравнены съ университетскими. Всемилостивѣйше пожалованная академіи грамата была подписана 1-го марта 1812 года[110]. Государь надѣялся, что іезуиты будутъ работать въ Польшѣ «dans le bon sens»[111].

Со времени безкровной войны съ Австріею въ 1809 году и послѣдовавшаго тогда крушенія политической системы, усвоенной послѣ Тильзитскаго мира, императоръ Александръ снова обратился къ своей любимой мысли, которая неизмѣнно сохранялась въ глубинѣ его души[112].

Эта мысль заключалась въ возстановленіи Польши, и съ 1811 года начались по этому вопросу дѣятельные переговоры съ княземъ Чарторижскимъ и графомъ Огинскимъ. Въ чемъ заключалось возстановленіе или возрожденіе (régénération) Польши, осуществить которое императоръ Александръ считалъ тогда своевременнымъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ письмѣ государя къ князю Чарторижскому, отъ 31-го января (12-го февраля) 1811 года[113].

«Подъ этимъ возрожденіемъ», писалъ Александръ, «разумѣю соединеніе всего того, что прежде составляло Польшу, со включеніемъ русскихъ областей, за изъятіемъ Бѣлоруссіи, такъ, чтобы границами были Двина, Березина и Днѣпръ». Сообщая эти мысли другу своей юности, государь присовокупилъ, что предполагаетъ даровать этой возстановленной Польшѣ либеральную конституцію, которая могла бы удовлетворить желаніямъ жителей. Но все это предполагалось подъ слѣдующими условіями sine qua non: «1-е. Чтобы Польское королевство навсегда было присоединено къ Россіи, императоръ коей впередъ будетъ носить титулъ императора Россіи и короля Польши. 2-е. Формальное и положительное удостовѣреніе въ единодушіи расположенія и чувствъ жителей (Варшавскаго) герцогства относительно достиженія этого результата, которое должно быть скрѣплено подписью лицъ наиболѣе вліятельныхъ»[114].

Эти предположенія привели къ тайному единоборству между Наполеономъ и Александромъ по поводу того, кому окончательно удастся заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ поляковъ. Достойно замѣчанія, что эта борьба началась послѣ того, какъ за нѣсколько времени передъ этимъ оба монарха были готовы подписать конвенцію, первая статья которой провозглашала, что Польша никогда не будетъ возстановлена! Подобное небывалое въ жизни государствъ явленіе весьма мѣтко очерчено однимъ историкомъ словами: «une nation qu'on se dispute»[115]. Наполеонъ одержалъ верхъ въ завязавшейся неравной борьбѣ, что было и не трудно, ибо онъ владѣлъ въ дѣйствительности всѣми средствами Варшавскаго герцогства и неограниченно господствовалъ надъ умами его жителей: къ довершенію же его торжества, Австрія и Пруссія присоединились къ политическимъ замысламъ его, направленнымъ противъ Россіи. Столь благопріятная для Франціи политическая обстановка побудила императора Александра обратиться къ другому плану и временно ограничить свои намѣренія относительно возрожденія Польши: переговоры съ графомъ Огинскимъ стали вращаться уже около предположенія образовать великое княжество Литовское. По мнѣнію Огинскаго, рѣшеніе вопроса въ этомъ смыслѣ подорвало бы мнѣніе, что Польша можетъ быть возстановлена только Наполеономъ. «Нужно дать почувствовать герцогству различіе между правительствомъ», писалъ онъ государю, «угнетающимъ народъ для своихъ выгодъ, заманивая обѣщаніями, кото-

рыхъ оно не намѣрено исполнить, и правительствомъ благодѣтельнымъ». Новое великое княжество Литовское Огинскій предполагалъ образовать изъ губерній Гродненской, Виленской, Минской, Кіевской, Подольской и областей Бѣлостокской и Тарнопольской и предлагалъ императору Александру сдѣлать для нихъ то, что было имъ совершено въ недавнее время для Финляндіи[116].

Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ.

Съ литографіи Брезе.

Въ продолженіе 1811 года графъ Огинскій представилъ императору Александру нѣсколько записокъ по этому предмету и къ одной изъ нихъ даже приложилъ проектъ манифеста объ образованіи великаго княжества Литовскаго. Замышлявшееся новое расчлененіе Россіи, по образу совершившагося, 11-го декабря 1811 года, отторженія Выборгской губерніи, не осуществилось. Открывшаяся вскорѣ война помѣшала привести въ исполненіе всѣ эти несбыточныя предположенія.

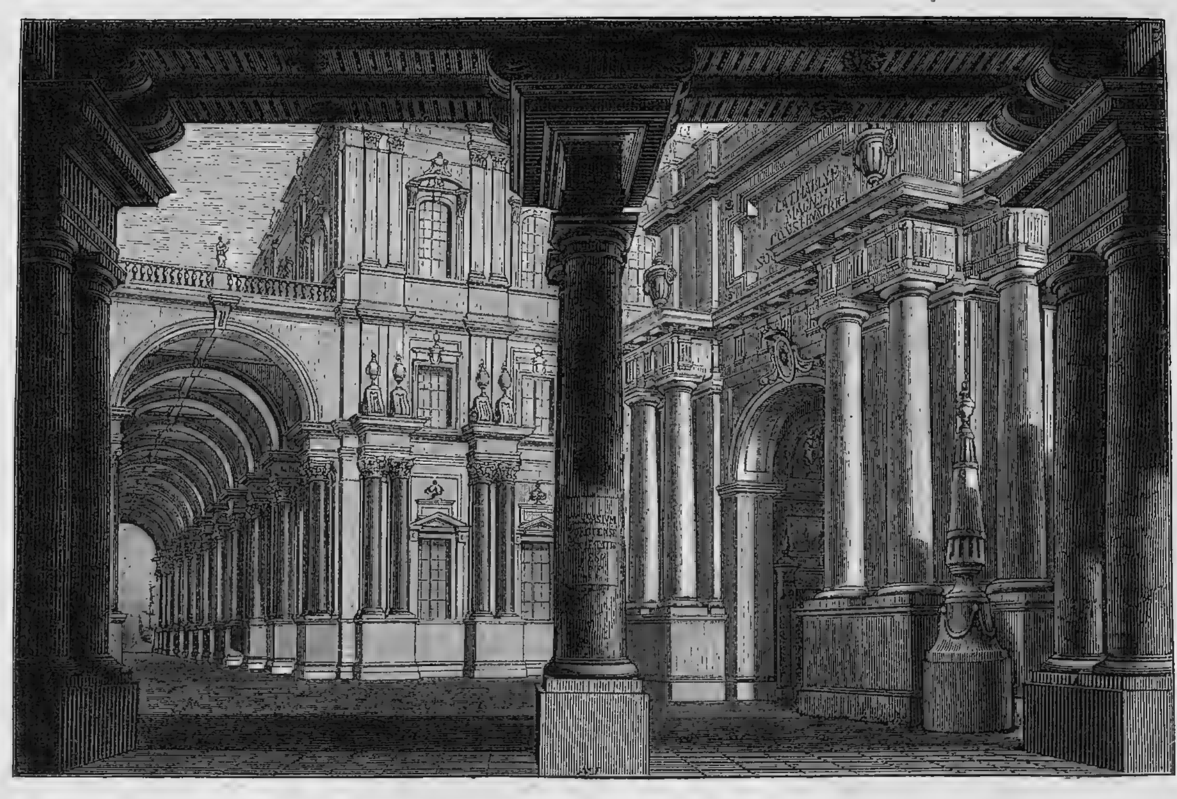
Обстоятельства, принудившія императора Александра отказаться отъ его польскихъ плановъ, повліяли на ходъ предстоявшихъ событій и

въ другомъ отношеніи: государь отказался отъ наступательныхъ дѣйствій противъ Франціи, и убѣжденіе въ необходимости не выходить изъ оборонительнаго положенія, къ счастію для Россіи, окончательно восторжествовало и окрѣпло въ русской главной квартирѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ очерку многолѣтней борьбы Александра съ Наполеономъ, завязавшейся въ 1812 году, упомянемъ еще о нѣкоторыхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ мирную дѣятельность императора незадолго до начала этого кроваваго столкновенія.

11-го (23-го) января 1811 года былъ обнародованъ уставъ Царскосельскаго лицея, окончательно разработанный Сперанскимъ. Цѣль учрежденія лицея заключалась въ образованіи юношества, преимущественно предназначавшагося къ важнымъ частямъ государственной службы. Побудительной причиной къ учрежденію этого высшаго учебнаго заведенія послужило слѣдующее обстоятельство. Хотя императоръ не вмѣшивался въ дѣло воспитанія своихъ младшихъ братьевъ, великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, всецѣло предоставленное императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, по вскорѣ представился случай, когда государь призналъ нужнымъ отступить отъ принятаго имъ сдержаннаго положенія. Вдовствующая императрица пожелала отправить своихъ сыновей для довершенія образованія въ Лейпцигскій университетъ, чему однако рѣшительно воспротивился государь; взамѣнъ этого ему пришло на мысль учредить въ Царскомъ Селѣ лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи. Для этой цѣли былъ отведенъ дворцовый флигель, соединенный галереею съ главнымъ корпусомъ дворца. Торжественное открытіе Царскосельскаго лицея, въ присутствіи императора Александра, послѣдовало 19-го октября 1811 года[117]; оно началось молебствіемъ въ придворной царскосельской церкви, затѣмъ присутствовавшіе сопровождали духовенство, обходившее зданіе лицея для окропленія. По окончаніи духовной церемоніи, въ актовой залѣ прочитана была императорская грамата, дарованная лицею, и началось произнесеніе рѣчей. Изъ нихъ рѣчь адъюнктъ-профессора Куницына заслужила особенное одобреніе государя за искусство, съ которымъ ораторъ сумѣлъ обойти общепринятые въ подобныхъ случаяхъ пріемы, направленные къ прославленію учредителя[118]. Въ заключеніе Александръ обозрѣлъ помѣщеніе воспитанниковъ и присутствовалъ во время ихъ обѣденнаго стола.

1811 годъ ознаменовался еще окончаніемъ постройки Казанскаго собора, первый камень въ основаніе котораго былъ положенъ императоромъ Александромъ 27-го августа 1801 года. Строителемъ собора былъ русскій зодчій Андрей Никифоровичъ Воронихинъ. Комиссія для построенія этого храма находилась подъ предсѣдательствомъ президента академіи художествъ графа Александра Сергѣевича Строгонова[119]. Десять лѣтъ

Іезуитская коллегія въ Полоцкѣ въ Екатерининское время.

Съ оригинальнаго рисунка, сдѣланнаго генераломъ ордена іезуитовъ Груберомъ (Изъ собранія (П. Я. Дашкова).

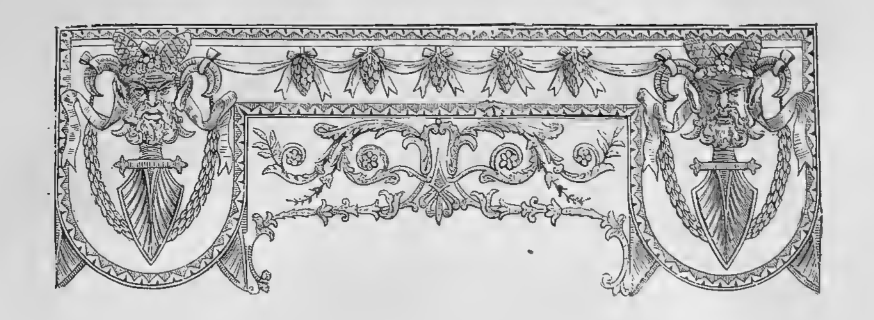
продолжалось строеніе храма, и 15-го сентября 1811 года, въ день вѣнчанія на царство Александра, происходило торжественное освященіе новаго собора въ присутствіи государя. Графъ Строгоновъ былъ пожалованъ въ этотъ день изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ въ первый классъ. Недолго суждено было ему радоваться окончанію трудовъ своихъ: черезъ десять дней онъ умеръ почти скоропостижно[120].

Въ самый разгаръ военныхъ приготовленій и среди небывалыхъ досёлѣ тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ, императоръ Александръ продолжалъ относиться съ прежнею заботливостью къ дѣлу просвѣщенія Россіи. Это выразилось особенно въ учрежденіи Публичной библіотеки.

Мысль Екатерины II основать въ столицѣ для общей пользы книгохранилище и сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ, была приведена въ исполненіе Александромъ. Для этой цѣли построено было особое зданіе, начатое постройкой еще въ царствованіе Екатерины. Къ 1812 году всѣ предварительныя работы по устройству этого книгохранилища были окончены, и 2-го (14-го) января 1812 года, императоръ Александръ удостоилъ вновь созданную библіотеку своимъ посѣщеніемъ и подробнымъ осмотромъ всѣхъ ея достопримѣчательностей[121]. Затѣмъ, 23-го февраля (7-го марта), высочайше утверждены были «Начертанія подробныхъ правилъ для управленія императорскою публичною библіотекою».

Событія 1812 года отсрочили однако самое открытіе библіотеки: вскорѣ пришлось думать о спасеніи ея драгоцѣнностей[122]. Поэтому торжество открытія состоялось только двумя годами позже, въ 1814 году. Для этой цѣли былъ избранъ день, служившій воспоминаніемъ всемилостивѣйшаго посѣщенія библіотеки императоромъ Александромъ, а именно незабвенный для этого учрежденія день 2-го января.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВВИДУ ожидавшейся войны съ Франціею русскія вооруженныя силы были окончательно раздѣлены на три арміи: первая западная, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая де-Толли, въ числѣ 120,000 человѣкъ, была расположена между Россіенами и Лидою, имѣя главную квартиру въ Вильнѣ; вторая западная, князя Багратіона, въ числѣ 37,000 человѣкъ, стояла между Нѣманомъ и Бугомъ, имѣя главную квартиру въ Волковискѣ. Наконецъ, присоединеніе Австріи къ наполеоновскимъ замысламъ противъ Россіи побудило сформировать третью армію, такъ называемую резервную обсерваціонную, подъ начальствомъ генерала Тормасова, въ числѣ 46,000 человѣкъ; войска этой арміи находились на южной сторонѣ Полѣсья, имѣя главную квартиру въ Луцкѣ, и предназначались для прикрытія Вильны отъ австрійскаго вспомогательнаго корпуса великой арміи Наполеона [123].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Какимъ же планомъ дѣйствій намѣренъ былъ руководствоваться императоръ Александръ въ предстоявшей войнѣ, когда благоразуміе побудило отказаться отъ наступательныхъ предпріятій, имѣвшихся первоначально въ виду, и заставило предпочесть оборонительный образъ дѣйствій, выжидая вторженія противника въ предѣлы имперіи? Множество современныхъ записокъ свидѣтельствуетъ о томъ, что лица, задумывавшіяся тогда надъ рѣшеніемъ этого вопроса, сознавали, что единственный способъ веденія войны противъ Наполеона заключается въ противопоставленіи ему времени, разстоянія, суровости климата и развалинъ, въ отступленіи шагъ за шагомъ, избѣгая рѣшительныхъ сраженій и тревожа его фланги и сообщенія. Справедливость этихъ мыслей сознавали въ то время даже люди не военные; такъ, напримѣръ, графъ Ростопчинъ, еще до перехода французовъ черезъ Нѣманъ, писалъ императору Александру[124]: «Ваша имперія имѣетъ двухъ могущественныхъ защитниковъ въ ея обширности и климатѣ.... Русскій императоръ всегда будетъ грозенъ въ Москвѣ, страшенъ въ Казани и непобѣдимъ въ Тобольскѣ». Несмотря на то, что этотъ планъ, такъ сказать, инстинктивно чувствовался въ воздухѣ, онъ не былъ принятъ къ руководству. Въ эту знаменательную для Россіи эпоху, въ вопросѣ о предстоявшемъ образѣ военныхъ дѣйствій, генералъ Фуль (Phull) пользовался преобладающимъ довѣріемъ императора Александра; это былъ прусскій офицеръ, вступившій въ русскую военную службу въ 1806 году. Пертцъ, біографъ барона Штейна, называетъ его военно-духовнымъ отцомъ государя (militärischer Gewissensdirektor); благодаря его вліянію, въ основу нашихъ первоначальныхъ дѣйствій въ 1812 году легъ планъ, составленный этимъ теоретикомъ. Фуль полагалъ вести оборонительную войну двумя арміями, изъ которыхъ одна удерживала бы непріятеля съ фронта, между тѣмъ какъ другая дѣйствовала бы ему во флангъ и тылъ; при этомъ, лучшій, по его мнѣнію, способъ удерживать наступающаго противника заключался въ томъ, чтобы расположиться въ сторонѣ отъ прикрываемаго пути, занявъ фланговую позицію. Вырабатывая свои теоретическія измышленія, Фуль совершенно упустилъ изъ виду требованія обстановки, обусловленныя громаднымъ численнымъ превосходствомъ, которымъ располагалъ Наполеонъ. Вслѣдствіе этого принятіе идеи Фуля привело къ неумѣстному раздѣленію нашихъ и безъ того слабыхъ силъ, занимавшихъ западную границу, на двѣ арміи и къ возведенію на Двинѣ укрѣпленнаго лагеря въ Дриссѣ, отъ устройства котораго ожидали всякихъ стратегическихъ чудесъ[125].

Получивъ въ началѣ апрѣля извѣстіе о приближеніи французскихъ войскъ къ западной границѣ Россіи, императоръ Александръ призналъ своевременнымъ отправиться въ Вильну. За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Петербурга у государя былъ обѣденный столъ, къ которому было

приглашено много военныхъ лицъ. Послѣ обѣда его величество обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и, кажется, долгъ свой исполнили; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія, и потому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ

Графъ Іосифъ де-Местръ.
Съ литографіи Вилена, сдѣланной съ портрета Бульона.

насъ исполнитъ свою обязанность, и что мы не помрачимъ военную славу, нами пріобрѣтенную»[126].

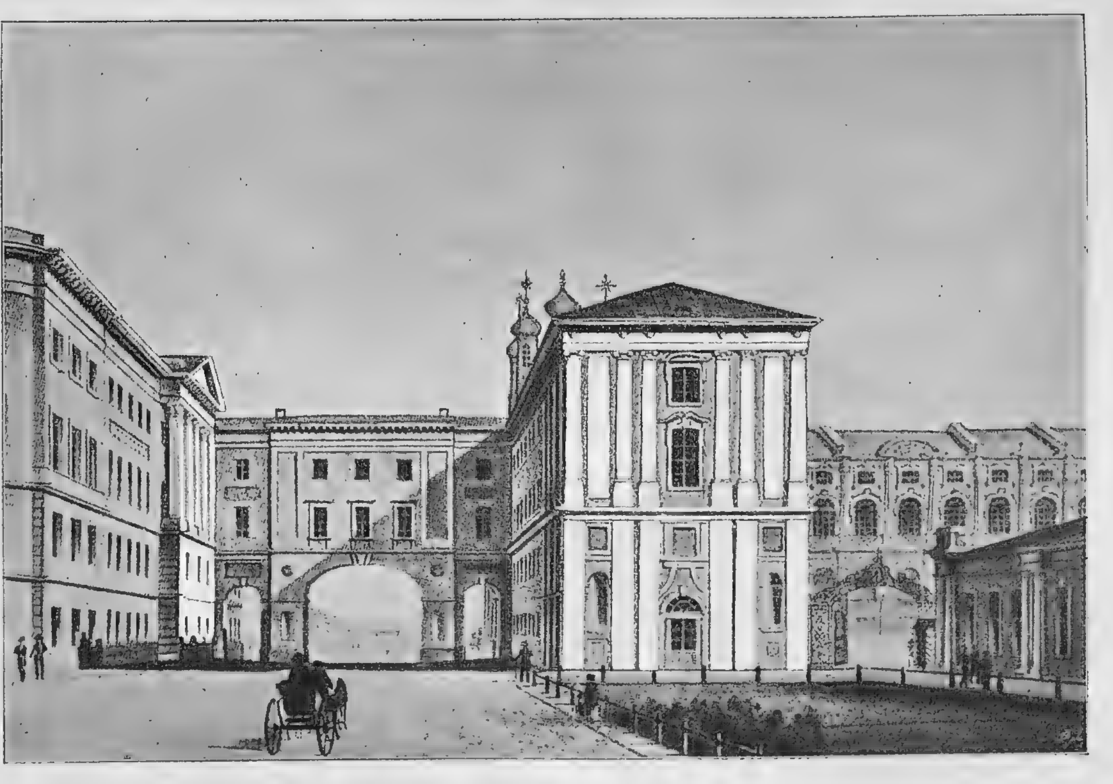
9-го (21) апрѣля, въ два часа пополудни, послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, государь, сопровождаемый мольбами во множествѣ стекшагося на пути его народа, выѣхалъ изъ столицы. Императоръ повелѣлъ прибыть въ Вильну принцу Георгію Ольденбургскому, герцогу Александру Виртембергскому, государственному канцлеру графу Румянцеву, графу Нессельроде, графу Кочубею, оберъ-гофмаршалу графу Н. А. Толстому, государственному секретарю Шишкову, генераламъ

барону Бенигсену, графу Аракчееву и Фулю, генералъ-адъютантамъ Балашову, князю П. М. Волконскому и графу Комаровскому, генералу Армфельду и др.

Въ день отъѣзда его величества графъ Румянцевъ пригласилъ къ себѣ французскаго посла графа Лористона и передалъ ему отъ государя порученіе сообщить Наполеону, что его величество въ Вильнѣ такъ же, какъ и въ Петербургѣ, остается его другомъ и самымъ вѣрнымъ союзникомъ (son ami et son allié le plus fidèle), что онъ не желаетъ войны и сдѣлаетъ все, чтобы избѣгнуть ея, что его отъѣздъ въ Вильну вызванъ извѣстіемъ о приближеніи французскихъ войскъ къ Кенигсбергу и имѣетъ цѣлью воспрепятствовать генераламъ предпринять какое-либо движеніе, которое могло бы вызвать разрывъ[127].

14-го (26) апрѣля, въ день вербнаго воскресенія, въ два часа, громъ орудій и колокольный звонъ возвѣстили жителямъ Вильны прибытіе императора Александра. За шесть верстъ отъ города государя встрѣтилъ военный министръ и главнокомандующій первою западною арміею Барклай де-Толли; въ предмѣстіи Антоколь ожидали его величество виленскій магистратъ, всѣ городскіе цехи со знаменами и литаврами, еврейскій кагалъ съ десятословіемъ и съ хлѣбомъ и солью и тысячи народа. Населеніе заняло не только городскія улицы и площади, но и антокольскіе холмы, башни костеловъ, крыши домовъ. На слѣдующій день императоръ принималъ во дворцѣ духовенство и всѣ власти, знатнѣйшихъ дворянъ, а также членовъ университета, магистратъ, купечество и кагалъ. Въ первый день праздника св. Пасхи былъ большой парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ около Вильны; затѣмъ, на святой недѣлѣ виленское дворянство давало блестящій балъ. Когда императоръ вошелъ въ залъ, хоръ пропѣлъ кантату: «Мы прославляемъ и прославитъ потомство въ тебѣ божественную благость. Свѣтъ никогда не забудетъ о Титѣ и о тебѣ». Политическій расчетъ побуждалъ государя привлечь къ себѣ поляковъ, которые составляли тогда единственную силу въ этомъ краѣ. Посыпались награды, многіе получили ордена, придворныя званія, а дѣвицы назначались фрейлинами.

«Императору Александру въ это время было 35 лѣтъ, но онъ казался гораздо моложе», писала потомъ графиня Шуазель (рожденная графиня Тизенгаузъ). «Красота его, несмотря на правильныя, тонкія черты и свѣжесть цвѣта лица, съ перваго взгляда поражала менѣе, чѣмъ выраженіе благоволенія, которое плѣняло всѣ сердца и сразу возбуждало довѣріе. Его фигурѣ, благородной, высокой, величественной, принимавшей иногда изящныя наклоненныя положенія, напоминавшія собою позы античныхъ статуй, тогда грозила полнота, но онъ былъ чрезвычайно хорошо сложенъ. Его глаза, цвѣта безоблачнаго неба, были живые и умные; онъ былъ нѣсколько близорукъ, но владѣлъ улыб-

Царскосельскій лицей въ 1822 году.

Съ весьма рѣдкой акватинты Майера.

кою глазъ (le sourire des yeux), если можно такъ выразиться о его взглядѣ, исполненномъ благорасположенія и доброты. Носъ у него былъ прямой и прекрасно очерченный, ротъ небольшой и пріятный, овалъ лица и профиль сильно напоминали его красивую августѣйшую мать. Лысина надъ лбомъ придавала его лицу что-то открытое и ясное. Золотисто-бѣлокурые волосы, тщательно причесанные, какъ на красивыхъ головахъ камей или античныхъ медалей, казалось, предназначены были украситься тройнымъ вѣнцомъ изъ лавровъ, миртъ и масличныхъ вѣтвей. Въ его голосѣ и манерахъ было безконечное разнообразіе оттѣнковъ. Когда онъ обращалъ рѣчь къ лицамъ высокопоставленнымъ, онъ говорилъ съ большимъ достоинствомъ и въ то же время привѣтливо; съ лицами своей свиты онъ говорилъ съ видомъ доброты, почти запросто, съ пожилыми женщинами почтительно, съ молодыми съ безпредѣльною граціею, съ нѣжнымъ, очаровательнымъ видомъ, со взглядомъ, полнымъ выразительности. Въ молодости его слухъ пострадалъ отъ сильнаго залпа артиллеріи, вслѣдствіе чего онъ всю жизнь нѣсколько дурно слышалъ на лѣвое ухо и потому, слушая, склонялся на правую сторону. Но что особенно было странно, это то, что императоръ слышалъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше былъ шумъ, производимый вокругъ него. Ни одному живописцу, безъ исключенія, не удалось вѣрно схватить черты его лица и въ особенности передать свойственныя имъ тонкость и выраженіе. Александръ не любилъ, чтобы съ него снимали портреты, и они большею частью дѣлались тайкомъ»[128].

Это описаніе императора Александра, хотя и восторженное, въ сущности, должно быть признано вѣрнымъ и подтверждается всѣми современниками, имѣвшими съ нимъ личныя сношенія. Чарующее обращеніе его выказалось въ полномъ блескѣ во время пріемовъ въ Вильнѣ и объѣздовъ сѣверозападнаго края, когда государь производилъ смотры войскамъ и посѣтилъ Вилькомірь, Шавли и Гродно.

Между тѣмъ въ многолюдной главной квартирѣ, въ ожиданіи открытія военныхъ дѣйствій, шумѣли, интриговали, среди обстановки, затруднявшей всякую разумную дѣятельность[129]. Одинъ изъ очевидцевъ замѣтилъ по этому поводу: «nos grands faiseurs sont à la Wellington», но, прибавляетъ онъ, въ видѣ особаго сфинкса, состоящаго изъ рака и зайца[130]. Всѣ дружно высказывались противъ плана Фуля; каждый изъ его противниковъ предлагалъ свой планъ, но эти предложенія противорѣчили одно другому и давали только поводъ къ постояннымъ совѣщаніямъ, которыя хотя и не приводили къ опредѣленному рѣшенію, которое соотвѣтствовало бы болѣе вѣрной оцѣнкѣ условій, при которыхъ должна была разыграться предстоявшая борьба, но зато сильно раздражали Барклая, не одареннаго способностью говорить и спорить[131]. Императоръ Александръ, отказавшійся отъ наступательныхъ дѣйствій ввиду

союзовъ, заключенныхъ Наполеономъ съ Пруссіею и Австріею, явился въ Вильну съ однимъ неизмѣннымъ рѣшеніемъ не быть зачинщикомъ войны, но съ убѣжденіемъ въ полной пригодности и цѣлесообразности плана, выработаннаго Фулемъ.

Всѣ возраженія противъ плана Фуля, несмотря на разнообразіе мѣръ, предлагавшихся для исполненія, сходились въ одной общей мысли— дать сраженіе непріятелю и не отступать безъ боя. Эту мысль поддерживалъ Барклай. Главный доводъ, представлявшійся сторонниками этого мнѣнія, заключался въ томъ, что продолжительное отступленіе, непривычное для русскихъ войскъ, можетъ поколебать тотъ духъ, которымъ они были проникнуты, и распространить среди нихъ уныніе. Но при всѣхъ разсужденіяхъ руководствовались ошибочной оцѣнкой силъ, которыми въ дѣйствительности располагалъ Наполеонъ для войны съ Россіею; у насъ предполагали силы обѣихъ враждующихъ сторонъ почти равными. Обычай Наполеона преувеличивать численность своихъ войскъ, чтобы запугать противниковъ, былъ извѣстенъ императору Александру, и онъ не вѣрилъ, чтобы чрезъ Нѣманъ перешло такое огромное количество враговъ, какъ то, которое дѣйствительно оказалось перешедшимъ [132]. Это заблужденіе было всеобщимъ и разсѣялось лишь послѣ вторженія непріятеля въ русскіе предѣлы; только тогда убѣдились наконецъ, что наши силы далеко не соотвѣтствуютъ силамъ Наполеона.

Получивъ извѣстіе о выѣздѣ императора Александра изъ Петербурга въ армію, Наполеонъ, въ свою очередь, покинулъ Парижъ и направился въ Дрезденъ [133]. Но до отъѣзда онъ отправилъ къ государю графа Нарбонна съ письмомъ. Главная цѣль посылки Нарбонна, независимо отъ собранія свѣдѣній, заключалась въ томъ, чтобы выиграть время, необходимое для спокойнаго сосредоточенія великой арміи, такъ какъ Наполеонъ опасался вторженія войскъ въ Восточную Пруссію или герцогство Варшавское [134]. Нарбоннъ убѣдился въ Вильнѣ въ неосновательности опасеній относительно перехода русской арміи черезъ Нѣманъ. «Мы не настолько счастливы, чтобы они думали объ этомъ», писалъ Нарбоннъ Даву [135]. Указавъ на лежавшую передъ нимъ карту Россіи, императоръ Александръ сказалъ Нарбонну: «Я не ослѣпляюсь мечтами; я знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ великій полководецъ, но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда бы я не отступилъ, нѣтъ такого пункта, который я не сталъ бы защищать, прежде чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи» [136].

То же самое государь высказалъ барону Штейну, вызванному имъ изъ Праги и прибывшему 31-го мая (12-го іюня) въ Вильну; онъ со-

общилъ ему о своей непоколебимой рѣшимости вести войну со всевозможною настойчивостью и охотнѣе подвергнуться всякимъ опасностямъ и бѣдствіямъ, нежели согласиться на безславный миръ[137].

Наполеонъ вмѣстѣ съ императрицею Маріею-Луизою находился съ 4-го (16-го) мая въ Дрезденѣ. Здѣсь собрались почти всѣ государи Рейнскаго союза, императоръ Францъ и король прусскій. По прибытіи графа Нарбонна Наполеонъ, выслушавъ его донесеніе, сказалъ: «Хотятъ войны, я ее начну»[138] и немедленно ускорилъ движеніе своихъ войскъ къ русскимъ границамъ. 16-го (28-го) мая императоръ выѣхалъ изъ Дрездена въ Позенъ и затѣмъ постепенно приближался съ своей главной квартирой къ Нѣману.

Въ это время А. С. Шишковъ, находясь въ Вильнѣ и наблюдая за положеніемъ дѣлъ въ главной квартирѣ, нашелъ многія вещи странными. Упоминая объ этомъ въ своихъ запискахъ, онъ останавливается на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Прежде всего его удивляло, что государь говорилъ о Барклаѣ, какъ бы о главномъ распорядителѣ войскъ, а Барклай отзывался, что онъ только исполнитель его повелѣній. «Могло ли», пишетъ Шишковъ, «такое разнорѣчіе между ними служить къ благоустройству и пользѣ?» Затѣмъ Шишкова удивляло, «что мы съ войсками зашли въ Вильну и завезли запасы, предполагая оставить оную безъ всякаго сопротивленія непріятелю, отступая до Дриссы, гдѣ Фулю поручено было сдѣлать укрѣпленіе, при которомъ надлежало остановиться и дать сраженіе. Зачѣмъ, думалъ я, идти въ Вильну съ намѣреніемъ оставить ее и нести какъ бы на плечахъ своихъ непріятеля внутрь Россіи, которая всю свою надежду полагала на войска, и гдѣ никакихъ новыхъ силъ для обороны ея не было приготовлено? Развѣ бы непріятель, безъ отступленія нашего, не пошелъ къ намъ? И къ чему иному отступленіе сіе, весьма похожее на бѣгство, могло служить, какъ не къ тому, чтобъ слухами о немъ разливать повсюду страхъ и ужасъ?» Шишкова также немало удивлялъ способъ обученія солдатъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, чему онъ былъ случайно свидѣтелемъ. Великій князь показывалъ имъ, въ какомъ положеніи держать тѣло, голову, грудь, гдѣ у ружья быть рукѣ и пальцу, какъ красивѣе шагать, повертываться, и другіе тому подобные пріемы. Какъ, думалъ Шишковъ, то ли теперь время, чтобы заниматься такими пустыми мелочами? «Казалось, великій князь угадалъ мою мысль, потому что, взглянувъ на меня, сказалъ мнѣ: «Ты вѣрно смотришь на это какъ на дурачество?»— Вопросъ сей такъ смутилъ меня, что я, ничего не отвѣчая, только низко поклонился»[139].

Пока въ Вильнѣ ежедневно приходилось ожидать открытія военныхъ дѣйствій, 11-го (23-го) іюня послѣдовала ратификація государемъ присланнаго ему Чичаговымъ Бухарестскаго мира. По случаю этого ра-

10

СУДЪ НАДЪ ВЕРЕЩАГИНЫМЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Съ картины Кившенко.

Казанскій соборъ въ Петербургѣ въ началѣ XIX столѣтія.

Съ гравюры Дорміэ.

достнаго для Россіи событія императоръ Александръ написалъ Наполеону собственноручное письмо, которое не было отправлено по назначенію вслѣдствіе вторженія французовъ, но которое, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ вниманія историка, какъ несомнѣнное свидѣтельство неизмѣнныхъ миролюбивыхъ намѣреній, даже въ то время одушевлявшихъ государя. Приведемъ здѣсь содержаніе этого письма; въ немъ не проставлено только имени лица, которому предполагалось поручить передачу его Наполеону:

«Государь, братъ мой. Вѣрный пути, который я себѣ начерталъ, посылаю къ вашему величеству « » , чтобы извѣстить васъ, что миръ между Россіей и Оттоманской Портой подписанъ 15-го мая въ Бухарестѣ и ратификованъ визиремъ 25-го. Несмотря на прискорбное положеніе, въ которомъ мы находимся одинъ относительно другого, въ надеждѣ на ваши личныя чувства, я позволяю себѣ еще разсчитывать, что вы примете нѣкоторое участіе въ столь важномъ для меня событіи. « » въ особенности уполномоченъ подтвердить вашему величеству, что этотъ миръ, увеличивая находящіяся въ моемъ распоряженіи силы, нисколько не уменьшаетъ моихъ миролюбивыхъ намѣреній по отношенію къ Франціи. До сихъ поръ никакое обязательство не связываетъ меня съ Англіей, и никакого измѣненія не послѣдовало въ порядкахъ моей торговли. Я всегда готовъ вступить въ переговоры на основаніяхъ, которыя князю Куракину было поручено представить герцогу Бассано, и если ваше величество питаете одинаковыя со мною чувства, то возможно еще отклонить войну. Въ такомъ случаѣ лица, снабженныя необходимыми полномочіями, могутъ собраться въ мѣстѣ, относительно котораго легко войти въ соглашеніе. Въ противномъ случаѣ, если вы намѣрены продлить настоящее неопредѣленное положеніе, я долженъ объявить вамъ съ полною откровенностью, что вы принудите меня открыть мои гавани кораблямъ всѣхъ націй, чтобы положить предѣлъ тому стѣсненію, которое сильно тяготитъ мои народы. Отъ вашего величества зависитъ въ настоящее время избавленіе человѣчества отъ несчастій новой войны» [140].

Вторженію Наполеона въ Россію предшествовало еще одно происшествіе, которое могло сопровождаться для насъ весьма печальными послѣдствіями. Генералъ- и флигель-адъютанты просили у государя разрѣшенія дать балъ въ загородномъ замкѣ генерала Бенигсена, Закретѣ. За неимѣніемъ тамъ большой залы, мѣстному архитектору было поручено построить въ саду деревянную галерею. Наканунѣ бала, назначеннаго на 12-е (24-е) іюня, императоръ получилъ записку, въ которой его предостерегали, что зала эта ненадежна и должна рушиться во время танцевъ. Александръ поручилъ директору военной полиціи де-Санглену осмотрѣть эту постройку во всѣхъ подробностяхъ. Едва де-Сангленъ

успѣлъ прибыть въ Закретъ, какъ выстроенная галерея обрушилась; уцѣлѣлъ одинъ полъ. Архитекторъ скрылся. «Такъ это правда», сказалъ императоръ де-Санглену, выслушавъ его донесеніе: «поѣзжайте и прикажите полъ немедленно очистить; мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ». Въ то время, когда всѣ веселились на балу, Балашовъ передалъ государю извѣстіе, полученное изъ Ковно, о начавшейся переправѣ французской арміи черезъ Нѣманъ. Императоръ Александръ явилъ рѣдкій примѣръ самообладанія: онъ приказалъ Балашову хранить извѣстіе въ тайнѣ и продолжалъ очаровывать всѣхъ приглашенныхъ своею изысканною любезностью[141]. Возвратившись въ Вильну, государь провелъ въ работѣ большую часть ночи. Призвавъ къ себѣ Шишкова, императоръ Александръ поручилъ ему написать приказъ нашимъ арміямъ и рескриптъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову о вступленіи непріятеля въ русскіе предѣлы. По изготовленіи ихъ, государь подписалъ бумаги безъ измѣненій. Рескриптъ графу Салтыкову оканчивался достопамятными словами: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».—«Россія увлечена рокомъ», сказалъ Наполеонъ въ приказѣ по войскамъ передъ переправой черезъ Нѣманъ[142]. Словами: «На зачинающаго Богъ», оканчивался приказъ Александра.

Торжественный обѣтъ Александра не вступать ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ, пока хоть одинъ человѣкъ изъ непріятельской арміи будетъ находиться въ предѣлахъ Россіи, нашелъ благодарный отголосокъ въ каждомъ русскомъ, возвративъ государю прежнюю безусловную любовь и безграничную вѣру въ него народа. Но въ Европѣ никто не ожидалъ подобной рѣшимости отъ императора Александра, и сомнѣвались, чтобы онъ удержался на высказанной имъ точкѣ зрѣнія. Всѣ дипломатическіе и военные дѣятели, начиная съ самого Наполеона, полагали, что одно побѣдоносное сраженіе заставитъ Россію подчиниться требованіямъ Франціи[143]. Наполеонъ готовился въ сущности ко второй польской войнѣ, нисколько не сознавая, что начинается война съ Россіей: борьба съ природой и пространствомъ. Даже такой даровитый нѣмецкій патріотъ, какъ Гнейзенау, высказалъ въ 1811 году слѣдующую несообразность: «Я всего ожидаю отъ малодушной слабости Александра. Послѣ перваго потеряннаго сраженія онъ уступитъ всѣ земли по Двину и Днѣпръ; послѣ второго—Петербургъ и Москву и удовольствуется Казанью и Астраханью»[144]. Оказалось, что всѣ наши враги ошибались въ своихъ расчетахъ и предсказаніяхъ, а непоколебимая рѣшимость государя готовила ему небывалую побѣду надъ геніальнымъ соперникомъ.

Немедленно по полученіи извѣстія о вторженіи французовъ въ Россію сдѣлано было распоряженіе для сосредоточенія первой арміи у Свенцянъ; князю Багратіону послано было приказаніе идти къ

Вилейкѣ, а въ случаѣ невозможности исполнить это направиться на Минскъ къ Борисову.

Планъ Наполеона заключался въ томъ, чтобы прорвать центръ нашего растянутаго расположенія. Для достиженія этой цѣли онъ предполагалъ главную массу великой арміи (220,000) возможно поспѣшнѣе

Андрей Никифоровичъ Воронихинъ.

Съ гравированнаго портрета Боброва.

направить противъ первой арміи, оттѣснить ее, а потомъ одну часть двинуть вслѣдъ за первой арміей, другую же направить въ тылъ второй арміи, которая сначала должна была быть временно удержана на мѣстѣ, а затѣмъ атакована съ фронта 80,000 короля Іеронима, которымъ предназначено было перейти Нѣманъ въ Гроднѣ нѣсколькими днями позже главныхъ силъ. Между этими двумя массами, противъ промежутка между

первой и второй арміями, должны были наступать 80,000 человѣкъ вице-короля Евгенія Богарне, чтобы разобщить наши арміи и, въ случаѣ боя, содѣйствовать главнымъ французскимъ силамъ. Распорядившись такимъ образомъ, Наполеонъ считалъ уже соединеніе нашихъ армій невозможнымъ, выражаясь по поводу ожидавшагося имъ результата со свойственнымъ ему лаконизмомъ: «Теперь Багратіонъ съ Барклаемъ уже болѣе не увидятся».

Въ видѣ послѣдней миролюбивой попытки императоръ Александръ рѣшился послать къ Наполеону генералъ-адъютанта Балашова съ собственноручнымъ письмомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ государь поручилъ ему подтвердить Наполеону еще словесно, что если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они могутъ начаться сейчасъ, съ однимъ, но непремѣннымъ условіемъ, то есть, чтобы арміи его отошли за границу; въ противномъ же случаѣ императоръ давалъ слово, что, пока хоть одинъ вооруженный французъ будетъ находиться въ Россіи, онъ не скажетъ и не выслушаетъ ни одного слова о мирѣ. Александръ замѣтилъ еще Балашову: «Хотя, впрочемъ, между нами сказать, я и не ожидаю отъ сей присылки прекращенія войны, но пусть же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы»[145].

Наполеонъ принялъ Балашова уже по вступленіи, 16-го (28-го) іюня, въ Вильну и отклонилъ предложенія императора Александра; въ письменномъ же отвѣтѣ, между прочимъ, сказалъ: «Даже Богъ не можетъ сдѣлать, чтобы не было того, что произошло»[146].

Между тѣмъ императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вильны на зарѣ 14-го (26-го) іюня и направился въ Свенцяны; здѣсь онъ призвалъ къ себѣ графа Аракчеева и просилъ, чтобы Алексѣй Андреевичъ опять вступилъ въ управленіе военными дѣлами. «Съ онаго числа», пишетъ графъ Аракчеевъ, «вся французская война шла черезъ мои руки: всѣ тайныя повелѣнія, донесенія и собственноручныя повелѣнія государя императора»[147].

Хотя военныя дѣйствія начались отступленіемъ русскихъ войскъ, но тѣмъ не менѣе не сразу покинута была мысль дать сраженіе непріятелю. По вторженіи французовъ въ Россію лишь постепенно пришли къ убѣжденію, что наши силы далеко не соотвѣтствуютъ громадной численности великой арміи. Занявъ войсками первой арміи, 28-го іюня (10-го іюля), дрисскій укрѣпленный лагерь, императоръ Александръ, 4-го (16-го) іюля, писалъ графу Салтыкову: «До сихъ поръ, благодаря Всевышняго, всѣ наши арміи въ совершенной цѣлости; но тѣмъ мудренѣе и деликатнѣе становятся всѣ наши шаги. Одно фальшивое движеніе можетъ испортить все дѣло противу непріятеля, силами насъ превосходнѣе, можно сказать смѣло, на всѣхъ пунктахъ. Противу нашей первой арміи, составленной изъ 12-ти дивизій, у него ихъ 16 или 17.

кромѣ трехъ, направленныхъ въ Курляндію и на Ригу. Противу Багратіона, имѣющаго 6 дивизій, у непріятеля ихъ 11. Противу Тормасова одного силы довольно равны. Рѣшиться на генеральное сраженіе столь же щекотливо, какъ и отъ онаго отказаться. Въ томъ и другомъ случаѣ можно легко открыть дорогу на Петербургъ, но, потерявъ сраженіе, трудно будетъ исправиться для продолженія кампаніи. На негоціаціи же намъ и надѣяться нельзя, потому что Наполеонъ ищетъ нашей гибели, и ожидать добраго отъ него есть пустая мечта. Единственно продолженіемъ войны можно уповать съ помощью Божіею перебороть его»[148].

Такимъ образомъ, съ самаго начала войны усиленіе нашихъ боевыхъ средствъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій являлось настоятельною необходимостью. Къ этой цѣли отнынѣ были направлены всѣ распоряженія, дѣлавшіяся императоромъ Александромъ; вскорѣ они совершенно измѣнили первоначальный планъ дѣйствій, потерпѣвшій полнѣйшее крушеніе, и заключались, главнымъ образомъ, въ признаніи безусловной необходимости соединенія второй арміи съ первой и въ возбужденіи народной войны.

Въ это время адмиралъ Шишковъ заболѣлъ и не могъ выходить изъ своей квартиры. «Мысль во время болѣзни моей», пишетъ Шишковъ, «о скорой долженствующей на семъ мѣстѣ произойти битвѣ представлялась мнѣ ежечасно. Безнадежность на успѣхъ нашего оружія и худыя отъ того послѣдствія крайне меня устрашали. Нѣсколько дней уже передъ симъ бродило у меня въ головѣ размышленіе, что, можетъ быть, положеніе наше приняло бы совсѣмъ иной видъ, если бы государь оставилъ войска и возвратился черезъ Москву въ Петербургъ. Чѣмъ чаще помышлялъ я о семъ, тѣмъ болѣе возрастало во мнѣ желаніе произвесть намѣреніе мое въ дѣйствіе. Но какимъ образомъ? Единственное средство было написать письмо къ государю». Шишковъ составилъ такое письмо и переписалъ его набѣло. Оставалось придумать средство, какимъ образомъ доставить эту бумагу въ руки императора. Быть можетъ, недоумѣнія Шишкова продолжались бы еще долго, но на другой день утромъ флигель-адъютантъ Чернышевъ принесъ ему приказъ войскамъ, который государь поручалъ ему просмотрѣть и исправить. Этотъ приказъ отъ имени государя оканчивался словами: «Я всегда буду съ вами и никогда отъ васъ не отлучусь». Это выраженіе привело Шишкова въ отчаяніе, но въ то же время вдругъ воспламенило въ немъ духъ твердости. Онъ подчеркнулъ эти слова и сказалъ Чернышеву: «Донесите государю, что это зависѣть будетъ отъ обстоятельствъ, и что онъ не можетъ сего обѣщать, не подвергаясь опасности не сдержать даннаго имъ слова». Это случайное обстоятельство заставило Шишкова вспомнить, что однажды государь сказалъ ему: «Вы бы трое (разумѣя подъ симъ графа Аракчеева, Балашова и Шишкова) схо-

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ.

Съ гравюры Клаубера, сдѣланной съ портрета Ламши.

дились иногда и что-нибудь между собою разсуждали». Такимъ образомъ приготовленное Шишковымъ письмо или записку представлялось возможнымъ подать императору за подписью трехъ лицъ [149].

Балашовъ немедленно согласился подписать письмо, сочиненное Шишковымъ. Графъ Аракчеевъ колебался; когда ему доложили, что отъѣздъ государя въ Москву представлялся единственнымъ средствомъ спасти отечество, Аракчеевъ возразилъ: «Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи?» Шишковъ

и Балашовъ отвѣчали ему: «Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда еще не велика!»[150]. Послѣ этихъ объясненій графъ Аракчеевъ подписалъ бумагу и положилъ ее съ вечера на письменный столикъ государя. Она была прочитана Александромъ утромъ, и при докладѣ Аракчеева его величество сказалъ ему: «Я читалъ ваше посланіе»[151]. Затѣмъ, на другой день (6-го іюля) къ ночи велѣно было приготовить коляски, чтобы ѣхать черезъ Смоленскъ въ Москву, а Шишкову поручено было написать воззваніе къ первопрестольной столицѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи. Отнынѣ борьба съ Наполеономъ получала значеніе народной и священной войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ принято было еще другое, весьма важное рѣшеніе: императоръ Александръ, убѣдившись въ совершенной несостоятельности дрисскаго лагеря, рѣшился вывести оттуда армію. Вслѣдствіе этого первая армія продолжала отступленіе сначала къ Витебску, а затѣмъ далѣе для соединенія со второю арміею; оно осуществилось 22-го іюля (3-го августа) въ Смоленскѣ. Надежды Наполеона не оправдались: Багратіонъ встрѣтился съ Барклаемъ.

Одновременно съ распоряженіями, сопровождавшими отъѣздъ императора Александра въ Москву, послѣдовали также особыя предначертанія для операцій, предстоявшихъ дунайской арміи. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 29-го іюня (11-го іюля) адмиралъ Чичаговъ сдѣлалъ государю неожиданное предложеніе занять Константинополь и тамъ предписать законы югу Европы. «Если Наполеонъ подвигается къ сѣверу», писалъ Чичаговъ: «будемъ подвигаться къ югу; если онъ пойдетъ къ Петербургу—заставимъ его трепетать за Константинополь, который его занимаетъ гораздо болѣе»[152]. Императоръ Александръ отвѣчалъ Чичагову 6-го (18-го) іюля изъ Ляхова, близъ Полоцка, что предположенія его очень обширны, очень смѣлы, но кто можетъ ручаться за ихъ успѣхъ?[153]. Затѣмъ государь въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ отклонялъ политическія бредни храбраго адмирала, обращая его вниманіе на болѣе благоразумное (plus sage) рѣшеніе предстоявшей ему задачи. «Вопросъ о Константинополѣ», писалъ Александръ, «можетъ быть отложенъ до будущаго времени. Какъ только наши дѣла противъ Наполеона пойдутъ хорошо, мы будемъ въ состояніи тотчасъ же возвратиться къ вашему плану относительно турокъ и провозгласить тогда или славянскую, или греческую имперію. Но заниматься этимъ теперь, когда мы должны бороться со столькими затрудненіями и противъ столь многочисленныхъ силъ, представляется мнѣ рискованнымъ и неблагоразумнымъ». На этомъ основаніи государь предлагалъ Чичагову выборъ между двумя предположеніями: дѣйствовать въ тылъ непріятелю «или со стороны Адріатическаго моря, приближаясь къ Тиролю и Швейцаріи и оттуда къ сердцу Германіи и даже къ границамъ Франціи, или—

прямѣе черезъ герцогство Варшавское, уничтожая тамъ все, что устроилъ непріятель, лишая его возможности извлекать новые способы изъ своего тыла»[154].

Появленіе императора Александра, вечеромъ 11-го (23-го) іюля, въ Москвѣ произвело всеобщее воспламененіе чувствъ и сердецъ, разлившееся по окрестностямъ ея и по всему пространству Россіи. Государь остановился въ Кремлѣ. При немъ находились оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Аракчеевъ, А. С. Шишковъ, баронъ Штейнъ, генералъ-адъютанты: Балашовъ, князь Волконскій и графъ Комаровскій и флигель-адъютантъ Чернышевъ. Генералъ-адъютантъ князь Трубецкой прибылъ ранѣе, будучи отправленъ изъ Ляхова съ воззваніемъ и манифестомъ немедленно послѣ ихъ подписанія. Съ восходомъ солнца Кремль наполнился народомъ, жаждавшимъ видѣть своего царя, котораго съ нимъ еще болѣе сроднила опасность, угрожавшая отечеству. Графъ Ростопчинъ имѣлъ полное основаніе писать барону Штейну, что если онъ желаетъ видѣть императора, обожаемаго своимъ народомъ, то онъ предлагаетъ ему пожаловать во дворецъ. Александръ, выйдя въ 9 часовъ утра на Красное крыльцо, остановился, видимо растроганный представившимся зрѣлищемъ. Государь поклонился народу, и вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ слились привѣтственные клики многотысячной толпы. Но рядомъ съ обычнымъ «ура» слышались другіе возгласы: «Веди насъ куда хочешь; веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ». Началось шествіе къ Успенскому собору, замедлявшееся народомъ, который не могъ наглядѣться на государя. На каждой ступени Краснаго крыльца сотни торопливыхъ рукъ со всѣхъ сторонъ хватались за ноги государя, за полы мундира; ихъ цѣловали и орошали слезами. Быстрый приливъ народа тѣснилъ его все болѣе; окружавшія его лица порывались раздвигать ряды. Императоръ, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: «Не троньте, не троньте ихъ, я пройду». Одинъ изъ толпы, посмѣлѣе другихъ, купецъ или мѣщанинъ, подошелъ къ нему и сказалъ: «Не унывай! видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же по всей Россіи? Всѣ умремъ за тебя». Онъ передалъ словами то, что было у всѣхъ на сердцѣ. Находившіеся при государѣ генералъ-адъютанты, пишетъ очевидецъ этого народнаго торжества, «принуждены были составить родъ оплота, чтобы довести императора отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами. Между тѣмъ громогласное «ура» заглушило почти звонъ колоколовъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время»[155].

При вступленіи государя въ храмъ пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Августина (викарія престарѣлаго митрополита Платона),

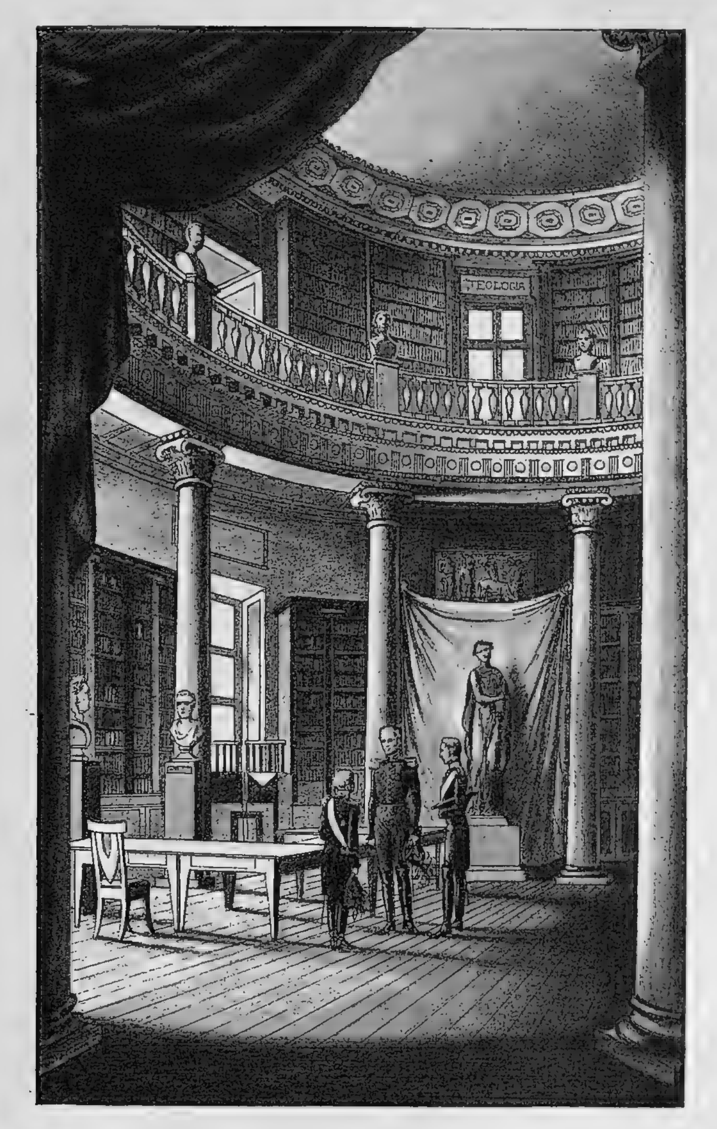
запѣли: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его». Епископъ привѣтствовалъ Александра рѣчью, въ которой, несмотря на риторическое убранство, выразилось необычайное увлеченіе, съ которымъ Москва встрѣчала государя въ это грозное время. «Оружіемъ ты побѣдилъ тысящи, а благостію — тьмы», сказалъ Августинъ. «Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими. Царю! Господь съ тобою: Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бури, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны потопныя.—Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»[156].

Въ состоявшемся въ Слободскомъ дворцѣ 15-го (27-го) іюля собраніи дворянства и купечества Москва выразила императору твердую рѣшимость спасти Россію пожертвованіями денегъ и людей. «Пріѣздъ мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу», писалъ государь графу Салтыкову. «Въ Смоленскѣ дворянство мнѣ предложило на вооруженіе 20,000 человѣкъ, къ чему уже тотчасъ приступлено. Въ Москвѣ одна сія губернія даетъ мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80,000, кромѣ поступающихъ охотою изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуютъ до трехъ милліоновъ, купечество же слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, нельзя не быть тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ»[157].

Императоръ Александръ, по возвращеніи изъ собранія въ Кремль, сказалъ графу Ростопчину, что онъ поздравляетъ себя съ тѣмъ, что посѣтилъ Москву и что назначилъ такого генералъ-губернатора. Прощаясь, онъ ласково поцѣловалъ Ростопчина въ обѣ щеки; при этомъ присутствовали графъ Аракчеевъ и Балашовъ. «По выходѣ въ другую комнату», пишетъ графъ Ростопчинъ въ своихъ Запискахъ о 1812 годѣ, «Аракчеевъ поздравилъ меня съ полученіемъ высшаго знака благоволенія. «Я,» прибавилъ онъ, «я, который служу ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствуетъ, никогда этого не получалъ».— «Будьте увѣрены», сказалъ мнѣ потомъ Балашовъ: «что Аракчеевъ никогда не забудетъ и никогда не проститъ этого поцѣлуя». Я разсмѣялся въ то время, но впослѣдствіи неопровержимые доводы убѣдили меня, что министръ полиціи былъ правъ, и что онъ болѣе зналъ графа Аракчеева, нежели я»[158].

Дѣйствительно, государь имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ своимъ пріѣздомъ въ Москву. Въ ней изъ военачальника онъ сталъ русскимъ царемъ и почувствовалъ силы народа. За большимъ обѣденнымъ столомъ, который былъ 15-го (27-го) іюля во дворцѣ, Александръ нѣсколько разъ повторялъ: «Этого дня я никогда не забуду».

Во время пребыванія императора въ Москвѣ тамъ были получены: мирный трактатъ, заключенный съ Великобританіею въ Эребро 6-го (18-го) іюля,[159] и союзный договоръ, подписанный въ Великихъ Лукахъ 8-го (20-го) іюля уполномоченными Россіи и испанскихъ кортесовъ.

Посѣщеніе Александромъ I Публичной библіотеки.

Съ гравюры начала XIX столѣтія.

Въ Москвѣ императоръ Александръ окончательно предрѣшилъ цѣль дѣйствій, предстоявшихъ дунайской арміи, и положилъ конецъ какъ мечтательнымъ замысламъ адмирала-полководца, такъ и предположенной диверсіи въ тылъ непріятелю въ Далмацію и сѣверную Италію. Поэтому государь 18-го (30-го) іюля писалъ Чичагову изъ Москвы: «Рѣ-

шившись продолжать войну до послѣдней крайности, я долженъ былъ позаботиться о собраніи новыхъ силъ въ помощь дѣйствующимъ войскамъ. Для достиженія этой цѣли мнѣ пришлось провести нѣсколько дней въ сердцѣ имперіи, чтобы воодушевить умы и подготовить ихъ къ новымъ пожертвованіямъ въ пользу святого дѣла, которое мы защищаемъ. Послѣдствія превзошли мои ожиданія. Отложимъ наши предпріятія относительно Порты. Подумаемъ о томъ, чтобы всѣ наши средства обратить противъ великаго врага, съ которымъ намъ предстоитъ бороться. Направьте всѣ ваши силы къ Днѣстру, и оттуда на Дубно. Тамъ вы будете подкрѣплены всею арміею Тормасова и корпусомъ Ришелье; такимъ образомъ составится армія въ 8 или 9 пѣхотныхъ дивизій и въ 4 или 5 кавалерійскихъ, и тогда вы будете въ состояніи перейти въ наступленіе или на Пинскъ, или на Люблинъ и Варшаву. Подобное движеніе поставило бы надвигающагося на насъ императора Наполеона въ затруднительное положеніе и могло бы придать дѣламъ совершенно иное направленіе». Въ заключеніе своего письма государь присовокупилъ: «Покончивъ съ Наполеономъ, мы сейчасъ же возвратимся назадъ, но тогда уже для того, чтобы создать славянскую имперію»[160].

Адмиралъ Чичаговъ какъ бы предугадалъ намѣренія императора Александра и еще до полученія письма государя отъ 6-го (18-го) іюля двинулъ свою армію къ Днѣстру на соединеніе съ войсками Тормасова.

Пробывъ въ первопрестольной столицѣ восемь дней, Александръ выѣхалъ изъ Москвы въ ночь съ 18-го (30-го) на 19-е (31-е) іюля и, прощаясь, сказалъ графу Ростопчину, просившему приказаній и наставленій: «Я даю вамъ полную власть дѣйствовать, какъ сочтете нужнымъ. Какъ можно предвидѣть въ настоящее время, что можетъ случиться? Я полагаюсь на васъ».—«Онъ оставилъ меня полновластнымъ распорядителемъ», пишетъ Ростопчинъ, «вполнѣ облеченнымъ его довѣренностью, и въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи покинутаго импровизатора, которому дали задачу: Наполеонъ и Москва»[161].

Императоръ Александръ остановился на однѣ сутки въ Твери у великой княгини Екатерины Павловны и прибылъ въ Петербургъ къ 22-му іюля (3-го августа), дню тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны[162].

Вскорѣ послѣ возвращенія на Каменный островъ императоръ Александръ, разговаривая съ фрейлиною Р. С. Стурдзою, коснулся патріотизма и проявляемой народомъ мощи[163].

— «Мнѣ жаль только, что я не могу, какъ бы желалъ, отвѣчать на преданность этого чуднаго народа (de cette admirable nation)», замѣтилъ Александръ.

— «Какъ же это, государь? я васъ не понимаю», возразила его собесѣдница.

— «Да, этому народу нуженъ вождь, способный вести его къ побѣдѣ, а я, къ несчастью, не имѣю для этого ни опытности, ни нужныхъ дарованій. Моя молодость протекла подъ сѣнью двора (à l'ombre d'une cour); если бы тогда меня довѣрили Суворову или Румянцеву, они образовали бы меня для войны, и, можетъ быть, я сумѣлъ бы предотвратить бѣдствія, которыя угрожаютъ намъ теперь».

— «Ахъ, государь, не говорите этого. Вѣрьте, что ваши подданные знаютъ цѣну вамъ и ставятъ васъ во сто кратъ выше Наполеона и всѣхъ героевъ на свѣтѣ».

— «Мнѣ пріятно вѣрить этому, потому что вы говорите это; у меня нѣтъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы исправлять, какъ бы я желалъ, должность, которую я занимаю, но, по крайней мѣрѣ, у меня не будетъ недостатка въ мужествѣ и въ силѣ воли, чтобы не погрѣшить противъ моего народа въ настоящій страшный кризисъ. Если мы не дадимъ непріятелю напугать насъ, онъ можетъ разрѣшиться къ нашей славѣ. Непріятель разсчитываетъ поработить насъ миромъ; но я увѣренъ, что, если мы настойчиво отвергнемъ всякое соглашеніе, то въ концѣ концовъ восторжествуемъ надъ всѣми его усиліями».

— «Такое рѣшеніе, государь, достойно вашего величества и единодушно раздѣляется народомъ».

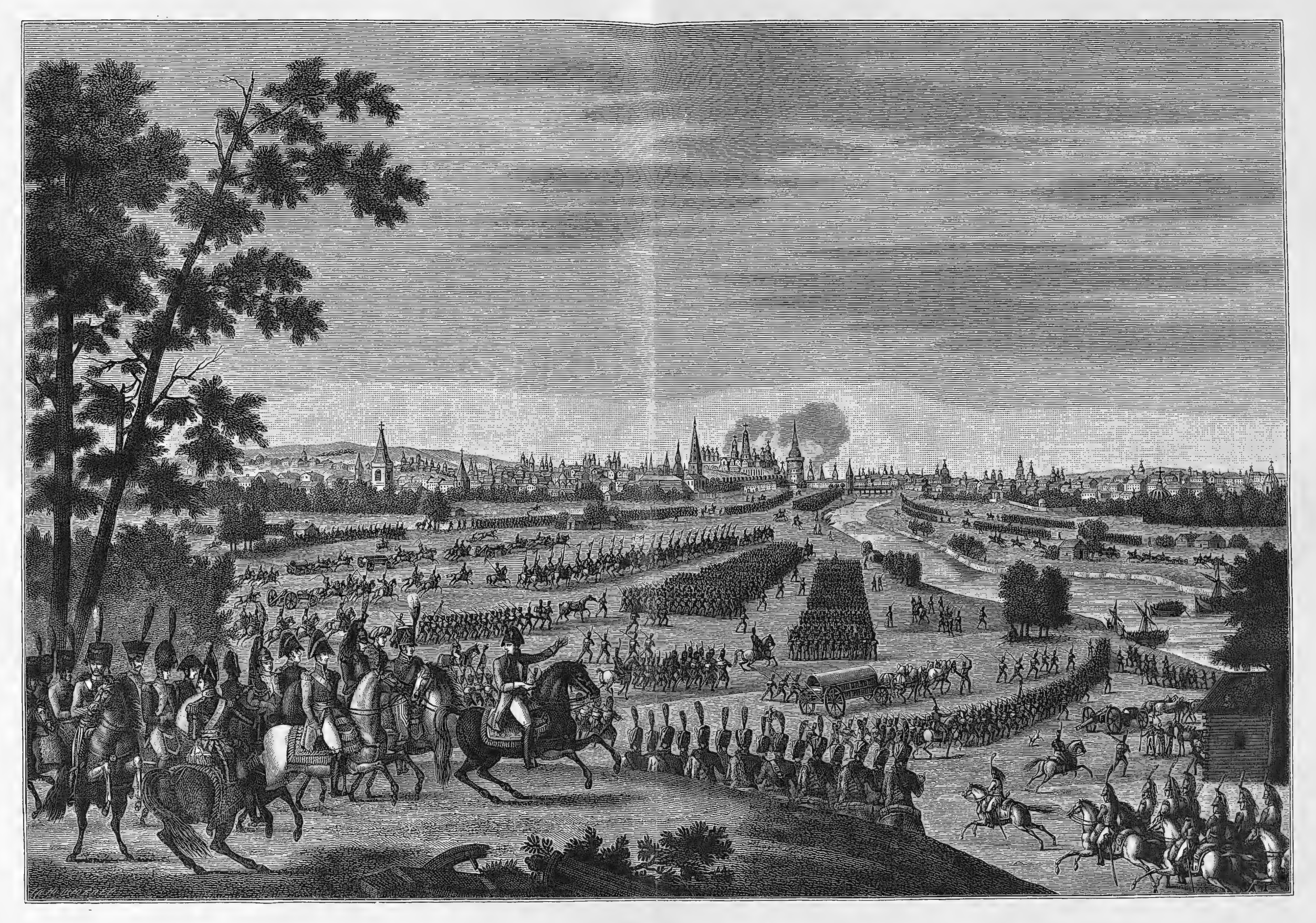
— «Это и мое убѣжденіе; я требую отъ него одного—не ослабѣвать въ усердіи, приносить великодушныя жертвы, и я увѣренъ въ успѣхѣ. Лишь бы не падать духомъ, и все пойдетъ хорошо (point de découragement, et tout ira bien)».

Въ это время въ Петербургъ прибыла г-жа Сталь, которая, преслѣдуемая Наполеономъ, бѣжала изъ Швейцаріи и явилась въ Россію, какъ въ послѣднее убѣжище угнетенныхъ. Императоръ Александръ, бывшій великимъ художникомъ въ искусствѣ очаровывать другихъ, когда онъ признавалъ это нужнымъ, и являвшійся въ такомъ случаѣ, по выраженію Сперанскаго, сущимъ прельстителемъ (un vrai charmeur), плѣнилъ также и госпожу де-Сталь. Государь удостоилъ знаменитую изгнанницу продолжительной бесѣды; описывая свое свиданіе, де-Сталь говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Наконецъ я увидѣла этого монарха, неограниченнаго, какъ въ силу закона, такъ и въ силу обычая, и столь умѣреннаго по своимъ личнымъ наклонностямъ. Сначала я была представлена императрицѣ Елисаветѣ, и она показалась мнѣ ангеломъ-хранителемъ Россіи. Ея обращеніе крайне сдержанно, но то, что она говоритъ, полно жизни, и ея чувства и мнѣнія почерпнули силы и пылкости у самаго источника великодушныхъ мыслей. Слушая ее, я была взволнована чѣмъ-то невыразимымъ, совершенно не зависѣвшимъ отъ ея высокаго положенія, но обусловленнымъ гармоніей ея жизни; давно уже я не встрѣчала сочетанія мощи и добродѣтели.

Когда я разговаривала съ императрицей, дверь раскрылась, и императоръ Александръ оказалъ мнѣ честь, придя побесѣдовать со мною. Что прежде всего поразило меня въ немъ, такъ это выраженіе доброты и величія, до того сильное, что оба эти качества представляются нераздѣльными, и кажется, точно онъ слилъ ихъ въ одно. Я была также очень тронута благородной простотою, съ которою онъ коснулся, съ первыхъ же словъ, обращенныхъ ко мнѣ, великихъ интересовъ Европы. Я всегда считала признакомъ посредственности это опасеніе разсуждать о серьезныхъ предметахъ, которое сумѣли внушить большинству европейскихъ государей; они опасаются произнести слово, которое имѣло бы дѣйствительный смыслъ (ils ont peur de prononcer des mots qui aient un sens réel). Императоръ Александръ, напротивъ того, разговаривалъ со мною такъ, какъ это сдѣлали бы государственные люди Англіи, полагающіе свою силу въ себѣ самихъ, а не въ преградахъ, которыми можно окружать себя. Императоръ Александръ, котораго Наполеонъ старался представить въ превратномъ видѣ, удивительно умный и образованный человѣкъ, и я не думаю, чтобы онъ могъ найти въ своей имперіи министра, болѣе свѣдущаго, чѣмъ онъ, во всемъ, что касается сужденія о дѣлахъ и ихъ направленіи. Онъ не скрылъ отъ меня, что сожалѣетъ о восторгахъ, которымъ предавался въ своихъ отношеніяхъ къ Наполеону. Дѣдъ Александра точно также сильно увлекался Фридрихомъ II. Въ подобнаго рода иллюзіяхъ, возбуждаемыхъ необыкновеннымъ человѣкомъ, независимо отъ того, какія бы заблужденія ни могли послѣдовать отъ этого, всегда таится какое-нибудь великодушное побужденіе. Однако, императоръ Александръ съ большой проницательностью обрисовалъ впечатлѣніе, произведенное на него бесѣдами Бонапарта, въ продолженіе которыхъ тотъ высказывалъ самыя противоположныя мысли, какъ будто слѣдовало постоянно восхищаться каждою изъ нихъ, не думая о томъ, что онѣ противорѣчатъ одна другой. Онъ разсказывалъ мнѣ также объ урокахъ въ духѣ Маккіавеля, которые Наполеонъ счелъ удобнымъ преподать ему. «Видите ли», говорилъ онъ Александру, «я стараюсь ссорить между собою моихъ министровъ и генераловъ, чтобы они выдавали другъ друга; я поддерживаю вокругъ себя безграничную зависть, достигая этого моимъ способомъ обращенія съ окружающими меня; одинъ день одинъ считаетъ себя предпочитаемымъ, а завтра другой, и никто никогда не можетъ быть увѣренъ въ моей милости».

«Убѣдившись въ чистосердечіи отношеній императора Александра къ Наполеону, я въ то же время увѣрилась, что онъ не послѣдуетъ примѣру несчастныхъ государей Германіи и не подпишетъ мирнаго договора съ тѣмъ, кто настолько же является врагомъ народовъ, какъ и врагомъ королей. Благородная душа не можетъ быть дважды обма-

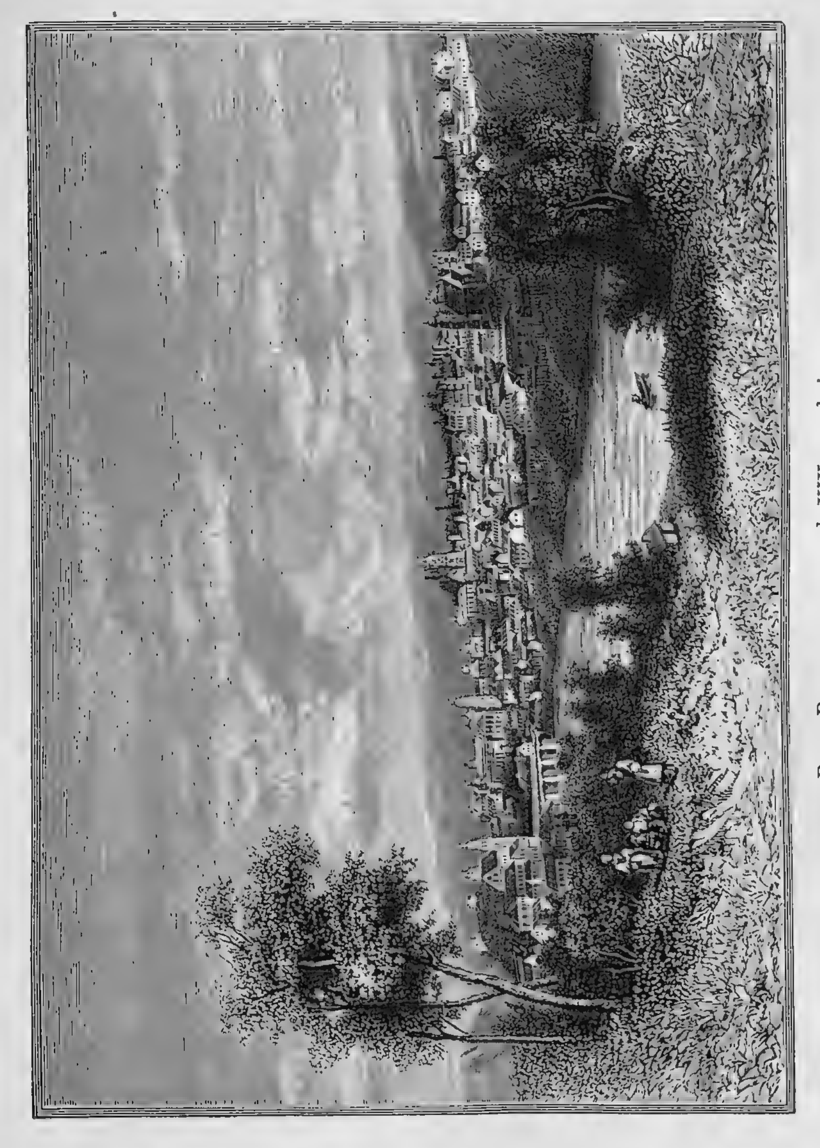

ВСТУПЛЕНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ВЪ МОСКВУ.

Гравюра Бовинѣ, съ картины Куше.

11

нута однимъ и тѣмъ же лицомъ. Александръ даритъ и лишаетъ своего довѣрія съ величайшей осмотрительностью. Его молодость и счастливая внѣшность однѣ лишь могли, въ началѣ его царствованія, дать поводъ

Видъ Вильны въ началѣ XIX столѣтія.

Съ рисунка того времени Андріолли.

подозрѣвать его въ легкомысліи; но онъ серьезенъ, какъ только можетъ быть серьезенъ человѣкъ, извѣдавшій горе. Александръ выразилъ мнѣ свое сожалѣніе, что онъ не великій полководецъ; на это проявленіе благородной скромности я отвѣтила ему, что государь предста-

вляетъ болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ генералъ, и что поддерживать своимъ примѣромъ общественный духъ своего народа равносильно выигрышу самаго важнаго сраженія и, притомъ, перваго въ такомъ родѣ, которое когда-либо было выиграно. Императоръ съ восторгомъ говорилъ мнѣ о своемъ народѣ и о томъ, чѣмъ онъ способенъ сдѣлаться въ будущемъ. Онъ выразилъ мнѣ желаніе, которое всѣмъ извѣстно, улучшить положеніе крестьянъ, еще находящихся въ крѣпостной зависимости. «Государь», сказала я ему, «вашъ характеръ является конституціей для вашей имперіи, а ваша совѣсть служитъ гарантіей этого».—«Если бы это и было такъ», отвѣтилъ онъ, «я былъ бы не чѣмъ инымъ, какъ счастливой случайностью». Чудныя слова, первыя, какъ мнѣ кажется, въ такомъ родѣ, произнесенныя когда-либо самодержавнымъ государемъ! Сколько нужно нравственныхъ достоинствъ, чтобы судить о деспотизмѣ, будучи деспотомъ, и для того, чтобы никогда не злоупотреблять неограниченною властью, когда народъ, находящійся подъ этимъ правленіемъ, почти удивляется столь большой умѣренности»[164].

Тѣмъ временемъ извѣстія, получавшіяся изъ арміи, продолжали быть неблагопріятными. Нѣкоторымъ исключеніемъ среди цѣлаго ряда удручающихъ событій являлись только извѣстія изъ корпуса графа Витгенштейна, оставленнаго на Двинѣ, послѣ очищенія дрисскаго лагеря, для прикрытія дороги въ Петербургъ. 25-го іюля (6-го августа) пушечная пальба возвѣстила столицѣ о побѣдѣ, одержанной графомъ Витгенштейномъ надъ Удино при Клястицахъ. Этотъ успѣхъ пріостановилъ движеніе французовъ по дорогѣ къ Пскову; Удино отступилъ къ Полоцку. Графъ Витгенштейнъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія второй степени и пенсіею въ 12,000 рублей.

Къ сожалѣнію, генералъ Кульневъ, преслѣдуя разбитаго непріятеля, увлекся одержаннымъ успѣхомъ и потерпѣлъ пораженіе; подъ конецъ дѣла ядро оторвало ему обѣ ноги выше колѣнъ. Для арміи это была чувствительная потеря: воинскія доблести, подвиги, даже причуды Кульнева носили на себѣ отпечатокъ «духа высокаго», предпріимчивости необыкновенной, какъ выразился о немъ Михайловскій-Данилевскій.

Необходимость назначенія общаго надъ всѣми арміями главнокомандующаго становилась все болѣе очевидною, въ особенности ввиду разномыслія, возникшаго между Барклаемъ и княземъ Багратіономъ послѣ соединенія обѣихъ армій въ Смоленскѣ. Рѣшеніе этого вопроса было поручено чрезвычайному комитету, составленному изъ графа Салтыкова, генерала Вязмитинова, графа Аракчеева, генералъ-адъютанта Балашова, князя Лопухина и графа Кочубея. Въ засѣданіи 5-го (17-го) августа всѣ члены комитета единогласно постановили: ввѣрить начальство надъ всѣми арміями Кутузову, предоставить ему одному власть, опредѣленную положеніемъ о большой дѣйствующей арміи, и

предписать начальникамъ губернскихъ ополченій доносить ему объ успѣхѣ вооруженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было управленіе военнымъ министерствомъ предоставить князю Алексѣю Ивановичу Горчакову[165]. Императоръ Александръ, хотя и неохотно, утвердилъ мнѣніе комитета и, призвавъ къ себѣ Кутузова въ Каменноостровскій дворецъ, объявилъ ему, 8-го (20-го) августа, о назначеніи его главнокомандующимъ всѣми русскими арміями и ополченіями. Государь уполномочилъ Кутузова

Генералъ Нарбоннъ.

Съ гравюры начала XIX столѣтія.

дѣйствовать по его собственному усмотрѣнію. Одно строжайше запрещалъ ему Александръ — вступать въ переговоры съ Наполеономъ, и, кромѣ того, приказалъ еще, при благополучномъ оборотѣ войны, занимая нашими войсками западныя губерніи, поступать кротко съ тѣми жителями, которые по отношенію къ Россіи забыли долгъ вѣрноподданныхъ.

Императоръ Александръ не довѣрялъ ни высокимъ военнымъ способностямъ, ни личнымъ свойствамъ Кутузова. Ввѣряя ему судьбу Россіи, государь превозмогъ въ себѣ предубѣжденіе противъ него и сдѣлалъ уступку общественному мнѣнію; тѣмъ не менѣе, Александръ

не скрылъ своихъ настоящихъ мыслей относительно избраннаго имъ новаго полководца, сказавъ тогда же генералъ-адъютанту Комаровскому: «Публика желала назначенія его, я назначилъ его: что касается меня, то я умываю себѣ руки въ этомъ (le public a voulu sa nomination, je l'ai nommé: quant à moi, je m'en lave les mains)».

На этотъ разъ, однако, гласъ народный дѣйствительно оказался гласомъ Божіимъ.

Назначеніе Кутузова, возведеннаго еще ранѣе, а именно 29-го іюля, въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости, было встрѣчено съ восторгомъ во всей Россіи; даже порицатели его сознавали, что никто не могъ бы замѣнить его въ то время, когда Наполеонъ неудержимо двигался къ самому сердцу имперіи.

Характеристикой вновь избраннаго полководца могутъ служить слова его, сказанныя въ тѣсномъ родственномъ кругу передъ отъѣздомъ въ армію: «Я бы ничего такъ не желалъ, какъ обмануть Наполеона»[166]. Прощаясь съ государемъ, Кутузовъ увѣрилъ его, что онъ скорѣе ляжетъ костьми, чѣмъ допуститъ непріятеля къ Москвѣ[167]. Узнавъ о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ, Наполеонъ, говоря о немъ, назвалъ его «le vieux renard du Nord». «Постараюсь доказать великому полководцу, что онъ правъ», замѣтилъ Кутузовъ, когда ему сдѣлался извѣстнымъ этотъ отзывъ[168].

Въ то время, когда въ Петербургѣ состоялось назначеніе князя Кутузова, на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій произошли важныя событія.

Задуманныя Барклаемъ де-Толли, по соединеніи первой и второй армій, наступательныя дѣйствія противъ Наполеона кончились тѣмъ, что Смоленскъ, послѣ двухдневнаго кровопролитнаго боя, 4-го (16-го) и 5-го (17-го) августа, перешелъ въ видѣ горящихъ развалинъ въ руки французовъ; русскія же войска, выдержавъ еще бой у Лубина (или Валутиной горы), продолжали безостановочно отступать по Московской дорогѣ, увлекая за собою усталаго и разстроеннаго непріятеля, все еще не покидавшаго надежды однимъ рѣшительнымъ ударомъ сломать упорство императора Александра и предписать Россіи миръ.

Вступивъ въ коренныя русскія области, Наполеону пришлось столкнуться съ тѣмъ врагомъ, значеніе котораго онъ понялъ въ Испаніи — съ народной войной. Впослѣдствіи, будучи уже на островѣ св. Елены, Наполеонъ говорилъ: «Намъ предстояла новая Испанія, но Испанія безъ границъ, безъ городовъ, безъ средствъ». Французы, подобно тому, какъ въ Испаніи, не замедлили обратиться къ кровавой расправѣ и тѣмъ, конечно, такъ же мало поправили свои дѣла, какъ и въ безнадежной борьбѣ съ геройскимъ испанскимъ народомъ.

Въ Смоленскѣ отставной полковникъ Энгельгардтъ и коллежскій ассесоръ Шубинъ, защищавшіе свое имущество отъ грабителей, были

осуждены французами на казнь. Непріятель выразилъ готовность даровать имъ жизнь подъ условіемъ, что они измѣнятъ своей присягѣ. Это предложеніе было отвергнуто съ негодованіемъ, и ихъ разстрѣляли. Энгельгардтъ даже не позволилъ завязать себѣ глаза передъ казнью.

11-го (23-го) августа, въ воскресенье, князь Кутузовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ армію. Народъ толпился по улицамъ и провожалъ полководца пожеланіями счастливаго пути и восклицаніями: «Спаси насъ! побей супостата!»

На первой станціи, въ Ижорѣ, князь Кутузовъ встрѣтилъ курьера изъ арміи. Имѣя разрѣшеніе распечатывать привозимыя оттуда бумаги, онъ узналъ тамъ о занятіи французами Смоленска. «Ключъ къ Москвѣ взятъ!» съ горечью воскликнулъ старый полководецъ. Дальнѣйшій переѣздъ его къ арміи имѣлъ видъ непрерывнаго торжественнаго шествія; жители городовъ и селеній стекались на дорогу, по которой онъ былъ долженъ проѣхать; многіе, привѣтствуя его, становились на колѣни. Врядъ ли кто, отправляясь на поле брани, былъ сопровождаемъ болѣе усердными благословеніями.

17-го (29-го) августа Кутузовъ прибылъ въ Царево-Займище на позицію, избранную Барклаемъ для рѣшительнаго боя. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, онъ сказалъ, смотря на солдатъ: «Можно ли все отступать съ такими молодцами». Эти слова быстро разнеслись по арміи, и тотчасъ же создалась поговорка: «пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ». Тѣмъ не менѣе, признавъ мѣстность невыгодною для сраженія и желая сблизиться съ приближавшимися подкрѣпленіями, Кутузовъ приказалъ продолжать прерванное Барклаемъ отступленіе и остановился на Бородинской позиціи въ одиннадцати верстахъ передъ Можайскомъ.

Назначивъ князя Кутузова главнокомандующимъ, императоръ Александръ отправился 10-го (22-го) августа въ Або для свиданія съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, желая личнымъ знакомствомъ скрѣпить союзъ съ Швеціею, заключенный еще 24-го марта (5-го апрѣля) 1812 года.

Отправляясь на это свиданіе, Александръ остановился въ Гельсингфорсѣ; здѣсь онъ встрѣтилъ Эренстрема, назначеннаго предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной по высочайшему повелѣнію для завѣдыванія дѣлами по распланировкѣ и постройкѣ вновь города Гельсингфорса, сгорѣвшаго до тла въ 1808 году. Государь удостоилъ его продолжительнаго разговора и высказалъ своему собесѣднику свои взгляды на политическое положеніе дѣлъ, говорилъ о настроеніи русскаго народа, о начавшейся войнѣ съ Наполеономъ и о своихъ намѣреніяхъ. Все это императоръ излагалъ съ такою откровенностью, пишетъ Эренстремъ въ своихъ запискахъ, «какъ будто бы я былъ ему извѣстенъ уже давно и пользовался его полнымъ довѣріемъ, или былъ членомъ его тайнаго совѣта, и съ такими подробностями, что рѣчь его затянулась болѣе чѣмъ на два

часа, т. е. за полночь. Я не могу припомнить всей этой рѣчи, хотя она была такъ умна и замѣчательна, что мнѣ не слѣдовало забыть и части ея. Могу привести только отдѣльныя фразы или такія выраженія, которыя глубже врѣзались въ мою память. Начну съ того замѣчанія, что императоръ Александръ всегда говорилъ прекрасно и такимъ правильнымъ языкомъ, что къ нему вполнѣ можно было отнести то, что ска-

Переходъ французской арміи черезъ Нѣманъ.
Съ гравюры Бейера, сдѣланной съ рисунка Раффе.

зано о г-жѣ Сталь, а именно, что ея рѣчи въ обществѣ, записанныя такъ, какъ она ихъ произносила, могли бы быть, безъ всякихъ поправокъ и добавленій, отправлены въ типографію для печатанія»[169].

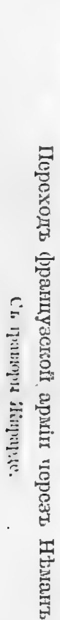
Императоръ по поводу войны сказалъ Эренстрему:

«Когда всѣ убѣдились, что война неизбѣжна, то у насъ образовались различныя мнѣнія насчетъ того, какимъ образомъ ее начать. Согласно

одному изъ этихъ мнѣній, слѣдовало идти навстрѣчу непріятелю прежде, нежели онъ успѣлъ бы сосредоточить всѣ свои силы и подкрѣпить ихъ всѣми союзными войсками. Это представляло ту выгоду, что государство было бы такимъ образомъ избавлено отъ несчастья стать театромъ военныхъ дѣйствій; численность непріятеля, съ которымъ пришлось бы сразиться, была бы не такъ велика; мы имѣли бы въ тылу Польшу и могли бы подать руку помощи Германіи, которой приходится стенать подъ игомъ Франціи и которая, вѣроятно, только ждетъ случая освободиться отъ него и стать въ ряды ея противниковъ. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, заставляли чашу вѣсовъ значительно склоняться въ пользу этого мнѣнія. Но, съ другой стороны, соображенія первостепенной важности побуждали предпочесть то рѣшеніе, которое и было принято — именно, предоставить непріятелю самому напасть на насъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала европейскою державою, ей пришлось не разъ вести продолжительныя войны, но онѣ велись всегда внѣ ея предѣловъ. Необходимый наборъ рекрутовъ постоянно вызывалъ ропотъ и неудовольствіе со стороны владѣльцевъ этихъ людей. Когда исходъ войны не былъ благопріятенъ для государства, то подымались клики противъ правительства, утверждавшіе, что оно могло бы избѣжать войны, что война велась дурно, выборъ генераловъ былъ плохой и т. д. Вслѣдствіе чрезвычайной отдаленности театра военныхъ дѣйствій, людямъ празднымъ и пустымъ болтунамъ представлялась хорошая пища для всевозможныхъ измышленій, такъ какъ даже наиболѣе прискорбныя событія войны, которою они мало интересовались, затрогивали ихъ только косвенно. Теперь нужно было убѣдить народъ, что правительство не ищетъ войны, что оно вооружилось только на защиту государства, надобно было сильно заинтересовать народъ въ войнѣ, показавъ ее русскимъ, по прошествіи ста слишкомъ лѣтъ, впервые вблизи, у нихъ на родинѣ; это было единственнымъ средствомъ сдѣлать ее народною и сплотить общество вокругъ правительства, для общей защиты, по его собственному убѣжденію и по собственной его волѣ; вотъ главныя причины, заставившія принять рѣшеніе — ожидать непріятеля не переходя границы. Въ настоящее время обнаруживаются уже благотворные результаты этого рѣшенія. Духъ народа при этихъ обстоятельствахъ сдѣлался превосходный. Большинство готово принести отечеству величайшія жертвы. Бонапартъ надѣется, можетъ быть, на сочувствіе къ нему нѣкоторой части русскаго населенія, но онъ ошибается въ расчетѣ, такъ какъ всѣ классы общества ожесточены противъ него и противъ французовъ. Этому есть убѣдительныя доказательства. Вы знаете, что русскіе дворяне, особенно живущіе въ Москвѣ, имѣютъ множество прислуги и разной челяди, преимущественно изъ людей крѣпостныхъ, которые толпятся у нихъ на кухняхъ и на заднихъ дворахъ.

Французскіе лазутчики старались взбунтовать этотъ народъ, проповѣдуя ему свободу и представляя появленіе французовъ какъ признакъ скораго освобожденія ихъ и какъ начало лучшаго порядка вещей. Вмѣсто того, чтобы слушать со вниманіемъ подобныя внушенія подстрекателей, слушатели схватили ихъ и привели къ своимъ господамъ, чтобы ихъ

Переходъ французской арміи черезъ Нѣманъ.
Съ гравюры Жирарде.

подвергли наказанію.—Страшная борьба наконецъ начата. Невозможно предвидѣть ея исхода. Русскія войска горятъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ, но осторожность повелѣваетъ сдерживать ихъ пылъ и избѣгать, насколько возможно, большихъ сраженій, въ которыхъ непріятель, по своей долголѣтней боевой опытности и по искусству своихъ генераловъ, несомнѣнно будетъ имѣть превосходство надъ нами. Мои

генералы не могутъ сравняться съ ними, поэтому они должны дѣйствовать съ величайшею осмотрительностью.—Во всякомъ случаѣ мое рѣшеніе неизмѣнно: я не подпишу мира съ Бонапартомъ до тѣхъ поръ, пока на русской землѣ будетъ находиться хотя одинъ вооруженный солдатъ-французъ».

«До сихъ поръ государь», пишетъ Эренстремъ, «облокотившись рукою на комодъ, говорилъ одинъ, а я былъ только нѣмымъ слушателемъ. Когда онъ произнесъ свое увѣреніе, я вспомнилъ ту перемѣнчивость рѣшеній, за которую его такъ обвиняли въ Европѣ, и печальнымъ доказательствомъ которой былъ Тильзитскій миръ, уронившій его такъ сильно въ общественномъ мнѣніи. Считая упорство Россіи въ этой борьбѣ единственнымъ средствомъ для уничтоженія рано или поздно ненавистной мнѣ тиранической власти Бонапарта, для меня было чрезвычайно важно окончательно убѣдиться въ твердости заявленія императора, а потому я имѣлъ смѣлость сказать: «Итакъ ваше величество твердо рѣшились не заключать съ нимъ мира, даже въ томъ случаѣ, ежели французскія войска одержатъ въ этой войнѣ выдающіеся успѣхи?»—Тогда императоръ Александръ быстро выпрямился, ударилъ кулакомъ по комоду и отвѣтилъ: «Нѣтъ, даже не на берегахъ Волги (non, pas même sur les bords de la Wolga)». Въ эту минуту онъ показался мнѣ столь величественнымъ и могучимъ, звукъ его голоса и жесты выражали такую силу и такое непоколебимое рѣшеніе, что сомнѣнія мои исчезли, и я съ волненіемъ сказалъ: «Слава Богу, что вами принято это смѣлое рѣшеніе. Да пошлетъ Онъ вашему величеству силы выполнить его! Только этимъ путемъ вы можете спасти вашу имперію и Европу».

«Этотъ разговоръ продолжался такъ долго, что я, можетъ быть, и противъ правилъ строгаго этикета, осмѣлился напомнить государю, что было уже такъ поздно, и что ему, утомленному путешествіемъ, слѣдовало бы теперь отдохнуть. Указаніе это однакоже не было ему непріятно. Послѣ глубокаго поклона я вышелъ въ смежную комнату; государь послѣдовалъ туда за мною, продолжая разговоръ. Онъ желалъ узнать, довольна ли Финляндія настоящимъ своимъ положеніемъ».

Эренстремъ отвѣтилъ: «Я не въ состояніи, ваше величество, отвѣтить на эти вопросы съ точностью и на основаніи фактовъ. Я былъ въ этой странѣ слишкомъ короткое время, чтобы имѣть возможность узнать положеніе дѣлъ, а съ тѣхъ поръ, какъ вашему величеству угодно было назначить меня предсѣдателемъ коммиссіи строеній, я живу постоянно здѣсь и менѣе чѣмъ когда-либо могу знать настроеніе умовъ въ губерніяхъ. Но я увѣренъ въ одномъ, что ваше величество пользуетесь въ Финляндіи всеобщею любовью, какъ это было подтверждено мнѣ со всѣхъ сторонъ, и что финляндцы въ восторгѣ отъ вашего великодушія и преисполнены къ вамъ глубочайшей признательности за

вашу справедливость и доброту. Не ждите однако, государь, чтобы финляндцы могли въ столь короткое время проникнуться чувствомъ дружбы и расположенія къ русскому народу, на который они смотрѣли въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, какъ на народъ враждебный себѣ, или чтобы они могли вдругъ порвать узы дружбы и любви къ Швеціи, съ которою они были связаны въ теченіе пятисотъ лѣтъ и отъ которой заимствовали свою вѣру, языкъ, образованность, свои законы и обычаи. Ваши взгляды, государь, слишкомъ возвышенны и великодушны, чтобы вы могли не презирать въ душѣ народъ, способный измѣнить, такъ сказать, въ одинъ день свои склонности, свои чувства, привязанности и свою признательность, какъ мы мѣняемъ рубашку».

Александръ на это отвѣтилъ: «Нѣтъ ничего естественнѣе отчужденія финляндцевъ отъ русскихъ. Оно началось съ того времени, когда русскіе воевали въ Финляндіи, какъ варвары и губители; ненависть, вызванная ихъ поведеніемъ, переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію, по преданію. Я надѣюсь, однако, что она значительно уменьшилась вслѣдъ за прошлой войною, такъ какъ было строжайше приказано соблюдать самую строгую дисциплину и наказывать за каждое насиліе, и до меня не доходило ни одной жалобы относительно нарушенія этого приказанія. Во время моего настоящаго путешествія я замѣтилъ съ удовольствіемъ дружелюбныя отношенія, установившіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ между русскими солдатами и мѣстными крестьянами. Я надѣюсь, что это доброе согласіе постоянно будетъ возрастать». Потомъ, послѣ небольшой паузы, государь присовокупилъ: «Мы не думали о завоеваніи Финляндіи, но должны были уступить силѣ обстоятельствъ. Мы только что окончили тогда страшную войну съ французами и не были въ состояніи начать новую борьбу. Надобно было время, чтобы къ ней приготовиться. Швеція понесла, безспорно, большую потерю, но мы позаботились о способѣ вознагражденія ея».

Этими словами закончилась замѣчательная бесѣда государя, въ которой затронулъ онъ столько животрепещущихъ вопросовъ, занимавшихъ политическіе умы въ эпоху приснопамятнаго 1812 года.

12-го (24-го) августа императоръ Александръ прибылъ въ Або; три дня спустя, 15-го (27-го) августа, пріѣхалъ туда моремъ наслѣдный принцъ шведскій. Переговоры государя съ своимъ союзникомъ составляютъ истинное дипломатическое торжество Александра, исключительно ему одному принадлежащее: они обезпечили неприкосновенность Финляндіи и успѣхъ дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ.

Когда во время переговоровъ наслѣдный принцъ коснулся возвращенія Швеціи Аландскихъ острововъ, государь отвѣчалъ ему: «Съ удовольствіемъ исполнилъ бы просьбу вашего высочества, если бы не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что такая уступка повредитъ мнѣ во мнѣ-

Секретно

Господину Генералу Лейтенанту
Графу Ланжерону.

Когда узнаете особливо ваше
Сіятельство отступить изъ нынѣ-
шняго расположенія съ корпусомъ
вашимъ возвратившимся итти въ
прежде назначенный лагерь [illegible]
и тамъ расположиться, и по выходѣ
оттуда ожидать дальнѣйшаго моего.
Съ истиннымъ моимъ [illegible] Ва=
=шего Сіятельства [illegible]

Г: Кутузовъ.

2е Іюня 1811.
№ 391.

ПРЕДПИСАНІЕ М. И. КУТУЗОВА ГРАФУ ЛАНЖЕРОНУ.

нія народа. Для меня лучше отдать вамъ Ригу съ островами Эзель и Даго, но только въ залогъ до совершеннаго исполненія заключенныхъ между нами условій». Когда же принцъ сказалъ, что слово императора Александра для него важнѣе всякаго залога, государь, пожавъ ему руку, отвѣчалъ, что онъ никогда не забудетъ столь высокаго довѣрія. Очарованный увлекательнымъ обращеніемъ государя, наслѣдный принцъ отказался отъ своихъ требованій и удовольствовался прежнею уступкою Нор-

Архіепископъ московскій Августинъ.

Съ гравированнаго портрета Афанасьева, 1822 года.

вегіи, подтвержденной особою конвенціею, заключенной 18-го (30-го) августа. Кромѣ того, Швеція обязывалась, въ случаѣ расширенія предѣловъ Россійской имперіи до Вислы, признать такое пріобрѣтеніе справедливымъ вознагражденіемъ за пожертвованія и усилія, сдѣланныя противъ общаго врага.

Наслѣдный принцъ простеръ свою предупредительность еще далѣе и предложилъ государю усилить корпусъ графа Витгенштейна, прикрывавшаго дорогу въ Петербургъ, войсками, находившимися въ Финляндіи и предназначавшимися для содѣйствія шведамъ при завоеваніи Норве-

гіи.—«Вашъ поступокъ прекрасенъ», отвѣчалъ государь: «но могу ли я принять такое предложеніе? Если я сдѣлаю это, то какимъ образомъ вы получите Норвегію»?—«Ежели успѣхъ будетъ на вашей сторонѣ», сказалъ наслѣдный принцъ: «я получу ее. Вы сдержите ваше обѣщаніе. Если же вы будете побѣждены, Европа подвергнется порабощенію, всѣ государи будутъ подчинены произволу Наполеона, и тогда лучше быть простымъ пахаремъ, нежели царствовать при такихъ условіяхъ». Принявъ предложеніе своего вѣрнаго союзника, императоръ повелѣлъ войска, собранныя въ Финляндіи подъ начальствомъ барона Штейнгеля, отправить моремъ въ Ревель, предназначая ихъ для содѣйствія графу Витгенштейну[170]. Всего высадилось въ Ревелѣ къ 28-му августа (9-го сентября) 10,000 человѣкъ, которые немедленно были направлены къ Ригѣ.

Ввиду нерадостныхъ извѣстій, получавшихся изъ арміи, прибытіе этихъ войскъ на театръ военныхъ дѣйствій пріобрѣтало особенное значеніе; къ довершенію всѣхъ огорченій, императоръ Александръ, находясь еще въ Финляндіи, получилъ извѣстіе о занятіи Наполеономъ 6-го (18-го) августа Смоленска. Такимъ образомъ, отнынѣ Москва являлась уже ближайшимъ предметомъ дѣйствій для дальнѣйшихъ разрушительныхъ плановъ грознаго завоевателя.

Александръ не остался въ долгу передъ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ; пользуясь честолюбивыми стремленіями бывшаго маршала, онъ вселилъ въ него увѣренность въ предстоявшую возможность замѣнить имъ Наполеона на французскомъ престолѣ. Насколько предположенія государя совпадали съ тайными помыслами наслѣднаго принца, можно судить по позднѣйшему письму его къ императору Александру, въ которомъ онъ признается, что часто думалъ о предположеніяхъ, сообщенныхъ ему государемъ въ Або; къ этому признанію наслѣдный принцъ присоединялъ увѣренія, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Франціи, осуществленіе этого дѣла не представляется невѣроятнымъ[171].

22-го августа (3-го сентября) императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ. Здѣсь государь нашелъ поджидавшаго его англійскаго генерала Вильсона, оставившаго русскую главную квартиру еще до прибытія князя Кутузова. Вильсонъ былъ уполномоченъ представить государю, отъ имени всей арміи, что только удаленіе графа Румянцева изъ министерства можетъ возстановить полное довѣріе къ повелѣніямъ правительства, и что затѣмъ всякое приказаніе, присланное изъ Петербурга о прекращеніи военныхъ дѣйствій и открытіи переговоровъ съ французами, будетъ принято не за дѣйствительное выраженіе воли государя, а за выраженіе постороннихъ злоумышленныхъ внушеній; что поэтому армія намѣрена продолжать войну, пока непріятель не будетъ изгнанъ изъ предѣловъ имперіи[172]. Передавая все это императору Але-

ксандру, Вильсонъ заключилъ свои объясненія просьбою принять во вниманіе опасное положеніе государства, могущее служить извиненіемъ поступка, внушеннаго чистѣйшими побужденіями любви къ отечеству и преданности государю; какъ только военачальники убѣдятся, что его величество лишилъ своего довѣрія лицъ, политика которыхъ возбуждаетъ ихъ недовѣріе, то они докажутъ свою преданность усиліями и жертвами, могущими возвысить блескъ державы и охранить непоколебимость престола.

Во время этого объясненія государь нѣсколько разъ измѣнялся въ лицѣ. Когда Вильсонъ замолчалъ, императоръ подошелъ къ окну и оставался тамъ одну или двѣ минуты, какъ бы желая собраться съ мыслями; затѣмъ Александръ подошелъ къ Вильсону, взялъ его руку и, обнявъ, сказалъ: «Вы единственный человѣкъ, отъ котораго я могъ выслушать это сообщеніе. Еще въ минувшую войну вы, доказавъ мнѣ свою преданность на дѣлѣ, заслужили право на мое искреннее довѣріе, но вамъ не трудно понять, въ какое тяжелое положеніе вы поставили меня, меня, государя Россіи (Moi! Souverain de la Russie)! Я долженъ былъ выслушать это. Но армія заблуждается относительно Румянцева; никогда онъ не совѣтовалъ мнѣ покориться Наполеону, и я не могу не питать къ нему особеннаго уваженія: онъ одинъ никогда ничего не просилъ у меня, между тѣмъ какъ всѣ прочіе, находящіеся на моей службѣ, безпрестанно добиваются почестей, денегъ, или преслѣдуютъ частную выгоду для себя или для своихъ родныхъ. Я не могу напрасно пожертвовать имъ; впрочемъ, пріѣзжайте ко мнѣ завтра, я долженъ собраться съ мыслями, прежде чѣмъ отправить васъ обратно съ отвѣтомъ. Я прекрасно знаю генераловъ и офицеровъ, окружавшихъ васъ; они полагаютъ, что исполнили свой долгъ, я убѣжденъ въ этомъ и нисколько не опасаюсь, чтобы они могли задумать непозволительные планы, противные моей власти. Но, къ сожалѣнію, немногіе лишь изъ окружающихъ меня лицъ получили надлежащее воспитаніе и отличаются твердыми правилами; дворъ моей бабки испортилъ воспитаніе во всей имперіи, ограничивъ его изученіемъ французскаго языка, французскаго вѣтрогонства и пороковъ и, въ особенности, азартныхъ игръ. Немного у меня такихъ, на кого я могъ бы положиться съ увѣренностью; всюду увлеченія,—я долженъ, по возможности, не быть податливымъ; но я подумаю о всемъ, что вы сказали мнѣ». Государь обнялъ Вильсона еще разъ и назначилъ ему аудіенцію на слѣдующій день.

Когда Вильсонъ явился, согласно полученному приказанію, императоръ встрѣтилъ его словами: «Господинъ посланникъ мятежниковъ (monsieur l'ambassadeur des rebelles), я думалъ всю ночь о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ. Вы повезете въ армію увѣренія въ моей рѣшимости продолжать войну съ Наполеономъ, пока хоть одинъ вооруженный французъ

останется въ предѣлахъ Россіи. Я не отступлю отъ своихъ обязательствъ, что бы ни случилось. Я готовъ отправить свое семейство въ отдаленныя губерніи и принести всевозможныя жертвы, но что касается выбора моихъ собственныхъ министровъ, то въ этомъ дѣлѣ я не могу дѣлать уступокъ. Такая сговорчивость повлекла бы за собою другія требованія, еще болѣе неумѣстныя и неприличныя. Графъ Румянцевъ не подастъ повода ни къ какому несогласію, либо разномыслію. Все будетъ сдѣлано для разсѣянія опасеній въ этомъ дѣлѣ, но такъ, чтобы это не имѣло вида уступки угрозамъ, и чтобы я не могъ упрекать себя въ несправедливости. Въ данномъ случаѣ весьма важно найти средства и способъ исполненія. Дайте мнѣ время — все будетъ устроено къ лучшему».

Когда послѣдовало разрѣшеніе Вильсону возвратиться въ армію, императоръ уполномочилъ его объявить самымъ положительнымъ образомъ, что онъ не вступитъ въ переговоры съ Наполеономъ и никому сдѣлать этого не дозволитъ, пока хоть одинъ вооруженный французъ будетъ оставаться въ Россіи, и прибавилъ: «Лучше отрощу себѣ бороду и буду питаться картофелемъ въ Сибири».

Обѣ императрицы, принимавшія дѣятельное участіе во всемъ, что могло поддержать государя въ его рѣшеніи не заключать мира, подтвердили Вильсону, что онъ можетъ безусловно положиться на непоколебимое исполненіе даннаго императоромъ слова; онѣ уполномочили его сообщить это личное ихъ убѣжденіе вліятельнымъ начальникамъ арміи, которые удостоились чести пользоваться ихъ довѣріемъ[173].

Въ день своего тезоименитства, 30-го августа (11-го сентября), императоръ Александръ получилъ донесеніе князя Кутузова о сраженіи 26-го августа (7-го сентября) при Бородинѣ, которое, какъ писалъ главнокомандующій, «кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами». Затѣмъ Кутузовъ присовокупилъ, что, ночевавъ на полѣ сраженія, онъ ввиду громадныхъ потерь, понесенныхъ арміею, отступилъ за Можайскъ. Потеря съ каждой стороны простиралась до 40,000 человѣкъ. По мѣткому выраженію Ермолова, «французская армія расшиблась о русскую». Хотя императоръ Александръ не былъ введенъ въ заблужденіе относительно истиннаго значенія Бородинскаго побоища, но, желая поддержать въ народѣ надежду на успѣшное окончаніе борьбы съ Наполеономъ и довѣріе къ Кутузову, принялъ донесеніе о боѣ 26-го августа, какъ сообщеніе о побѣдѣ. Князь Кутузовъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, и ему было пожаловано 100,000 рублей. Барклай де-Толли былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени, а смертельно раненый князь Багратіонъ пятьюдесятью тысячами рублей. 14 генераловъ получили орденъ св. Георгія 3-й степени. Всѣмъ бывшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ было пожаловано по пяти рублей на каждаго.

Донесеніе императору Александру князя Кутузова, отъ 27-го августа 1812 года, было прочтено княземъ Горчаковымъ въ Невскомъ монастырѣ передъ благодарственнымъ молебномъ въ присутствіи ихъ величествъ и напечатано въ «Сѣверной Почтѣ». Но слѣдующія строки изъ донесенія были исключены: «Ваше императорское величество изволите согласиться, что, послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская арміи не могли не разстроиться, и за

Госпожа Сталь.
Съ литографіи, сдѣланной съ портрета Герарда.

потерею, сей день сдѣланною, позиція, прежде занимаемая, естественно стала обширнѣе и войскамъ несовмѣстною, а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе французской арміи, я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ».

Въ Петербургѣ наступила минута томительнаго ожиданія. Между тѣмъ Кутузовъ, отступая шагъ за шагомъ, привелъ армію къ Москвѣ и 1-го (13-го) сентября собралъ въ деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ.

Здѣсь рѣшилась участь первопрестольной столицы. Послѣ продолжительныхъ преній Кутузовъ заключилъ совѣщаніе, сказавъ: «Je sens que je payerai les pots cassés, mais je me sacrifie pour le bien de ma patrie. J'ordonne la retraite» (Я чувствую, что мнѣ придется поплатиться за все, но я жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать)[174].

Уже къ ночи графу Ростопчину было доставлено отъ Кутузова слѣдующее письмо: «Непріятель, отдѣливъ колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ, и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе, вынуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на рязанскую дорогу». Такимъ образомъ графъ Ростопчинъ получилъ первое опредѣлительное свѣдѣніе о намѣреніи Кутузова оставить Москву за нѣсколько часовъ до появленія французовъ въ виду столицы; при такихъ обстоятельствахъ московскій главнокомандующій сдѣлалъ все, что могъ съ своей стороны, и принялъ всѣ мѣры для зажженія города по выступленіи арміи. Къ сожалѣнію, Ростопчинъ омрачилъ свою дѣятельность кровавой расправой, приказавъ, утромъ 2-го (14-го) сентября, изрубить на своемъ дворѣ купеческаго сына Верещагина, уличеннаго въ переводѣ одного наполеоновскаго воззванія; чернь добила несчастнаго страдальца и повлекла его трупъ по улицѣ, между тѣмъ какъ Ростопчинъ тѣмъ временемъ безпрепятственно уѣхалъ на дрожкахъ чрезъ заднія ворота[175].

Когда, 2-го (14-го) сентября, Наполеонъ прибылъ къ Драгомиловской заставѣ, онъ ожидалъ найти тамъ депутацію съ мольбою о пощадѣ города, но вмѣсто того получилъ донесеніе объ оставленіи Москвы ея жителями. «Москва опустѣла! Какое невѣроятное событіе. Надобно удостовѣриться въ томъ. Ступайте и приведите мнѣ бояръ», сказалъ онъ графу Дарю, отправляя его въ городъ[176]. Вмѣсто бояръ собрали нѣсколько иностранцевъ, которые подтвердили вѣсть объ оставленіи Москвы почти всѣми ея жителями[177]. Переночевавъ въ предмѣстьи, Наполеонъ утромъ 3-го (15-го) сентября перенесъ главную квартиру свою въ Кремль. Но здѣсь его ожидало еще болѣе непредвидѣнное событіе. Начавшіеся еще наканунѣ пожары не прекращались, и въ ночь съ 3-го (15-го) на 4-е (16-е) сентября огонь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, охватилъ большую часть города. Въ полдень пламя достигло Кремля, и Наполеонъ былъ вынужденъ искать убѣжища въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ онъ оставался до 6-го (18-го) сентября, когда пожаръ началъ стихать[178]. Девять десятыхъ города сдѣлались добычею пламени; грабежъ довершилъ бѣдствія остававшихся тамъ жителей.

Только 7-го (19-го) сентября императоръ Александръ получилъ черезъ Ярославль краткое донесеніе графа Ростопчина о томъ, что Кутузовъ рѣшился оставить Москву. На другой день, 8-го (20-го) сентября, роковая вѣсть о занятіи Наполеономъ первопрестольной столицы

подтвердилась донесеніемъ фельдмаршала отъ 4-го (16-го) сентября, привезеннымъ полковникомъ Мишо. Кутузовъ писалъ изъ селенія Жилина (на маршѣ къ Боровскому мосту) слѣдующее: «Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны, отъ 26-го числа августа, сраженія, долженъ я былъ оставить позицію при Бородинѣ по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастіе донести вашему императорскому величеству. Послѣ сраженія того армія была весьма ослаблена. Въ такомъ положеніи приближались мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія дѣла съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семъ недальнемъ разстояніи не представилось позиціи, на которой могъ бы я съ надежностью принять непріятеля. Войска, съ которыми надѣялись мы соединиться, не могли еще придти; непріятель же пустилъ двѣ новыя колонны, одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы: а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли бы послѣдствіемъ не только разрушеніе арміи, но и кровопролитнѣйшую гибель и превращеніе въ пепелъ самой Москвы. Въ такомъ крайне сумнительномъ положеніи, по совѣщанію съ первенствующими нашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ я былъ рѣшиться попустить непріятеля взойти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества, какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены, и ни одинъ почти житель въ ней не остался. Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести вамъ, всемилостивѣйшій государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ того, съ арміею дѣлаю я движеніе на Тульской дорогѣ. Сіе приведетъ меня въ состояніе прикрывать пособія, въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заготовленныя. Всякое другое направленіе пресѣкло бы мнѣ оныя, равно и связь съ арміями Тормасова и Чичагова. Хотя не отвергаю того, чтобы занятіе столицы не было раною чувствительнѣйшею, но не колеблясь между симъ происшествіемъ и событіями, могущими послѣдовать въ пользу нашу съ сохраненіемъ арміи, я принимаю теперь въ операцію со всѣми силами линію, посредствомъ которой, начиная съ дорогъ Тульской и Калужской, партіями моими буду пресѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы, и тѣмъ самымъ отвращая всякое пособіе, которое бы непріятельская армія съ тылу своего имѣть могла, и обративъ на себя вниманіе непріятеля, надѣюсь принудить его оставить Москву и перемѣнить всю свою операціонную линію. Генералу Винценгероде предписано отъ меня держаться самому по Тверской дорогѣ, имѣя между тѣмъ по Ярославской казачій полкъ для охраненія жителей отъ набѣговъ непріятельскихъ партій. Теперь въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы собравъ свои войска, твердою ногою могу ожидать непріятеля, и пока

армія вашего императорскаго величества цѣла и движима извѣстною храбростію и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Впрочемъ, ваше императорское величество всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ».

Это донесеніе фельдмаршала князя Кутузова было тогда же напечатано въ «Сѣверной Почтѣ», отъ 18-го сентября (№ 75), за исключеніемъ заключительныхъ словъ этого рапорта: «и съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ».

Печальное извѣстіе, привезенное полковникомъ Мишо, не поколебало, однако, рѣшимости императора Александра продолжать войну и не вступать съ непріятелемъ въ переговоры. Выслушавъ донесеніе Мишо, онъ обратился къ нему съ слѣдующими достопамятными словами: «Возвратитесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ, объявляйте всѣмъ моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ, гдѣ вы проѣзжать будете, что, если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей имперіи. Она представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ мои враги думаютъ это. Но если Божественнымъ провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы когда-либо моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня»[179].

«Потеря Москвы», писалъ Александръ шведскому наслѣдному принцу 19-го сентября (1-го октября), «дастъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну противъ ея угнетателя. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны. Нынѣ болѣе нежели когда-либо я и народъ, во главѣ котораго я имѣю честь находиться, рѣшились стоять твердо и скорѣе погрести себя подъ развалинами имперіи, нежели примириться съ Аттиллою новѣйшихъ временъ».

Письмо Наполеона къ государю, отъ 8-го (20-го) сентября изъ Москвы, въ которомъ онъ отклонялъ отъ себя отвѣтственность за сожженіе столицы, было оставлено безъ отвѣта. Извѣщая объ этомъ письмѣ наслѣднаго принца, императоръ Александръ прибавилъ: «Elle ne contient d'ailleurs que des fanfaronnades».

Рѣшимость государя не мириться съ Наполеономъ не раздѣлялась всѣми государственными сановниками, и въ малодушныхъ совѣтахъ не-

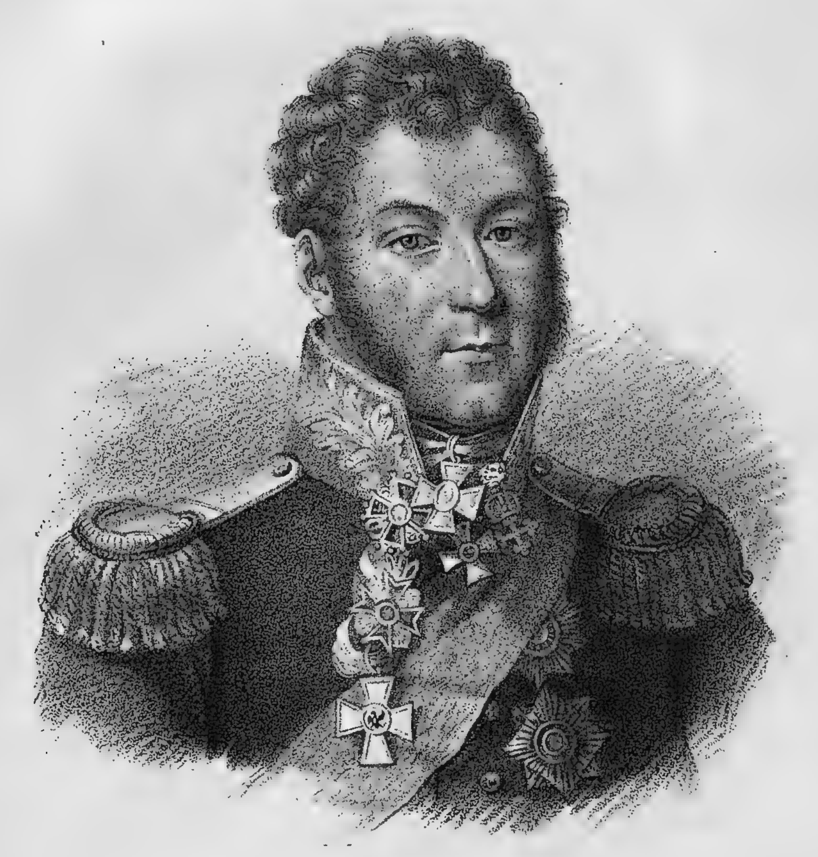

СРАЖЕНІЕ ПРИ МАЛОЯРОСЛАВЦѢ.

Съ картины Мартине.

13.

достатка не было. Поборники мира, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Румянцевъ, графъ Аракчеевъ, выражали сомнѣніе въ успѣхѣ борьбы съ Наполеономъ. Но Александръ остался непреклоннымъ въ принятомъ рѣшеніи и напоминалъ Кутузову, что онъ еще обязанъ отвѣтомъ оскорбленному отечеству за потерю Москвы[180]. Графъ Жозефъ

Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Ферьера.

де-Местръ отмѣтилъ въ своей перепискѣ: «Императоръ твердъ и слышать не хочетъ о мирѣ»[181].

Императрица Елисавета Алексѣевна вполнѣ раздѣляла этотъ взглядъ, усвоенный государемъ съ самаго начала его борьбы съ Наполеономъ; она съ замѣчательною проницательностью вѣрно оцѣнила обстановку, среди которой совершались потрясающія событія 1812 года. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ ея переписка. Въ самый день Бородинской битвы императрица писала своей матери, маркграфинѣ Амаліи: «Мы готовы

дѣйствительно на все, только не на переговоры. Чѣмъ дальше будетъ подвигаться Наполеонъ, тѣмъ менѣе онъ долженъ разсчитывать на заключеніе мира. Таково единодушное мнѣніе императора и всего народа, всѣхъ классовъ общества; благодаря Бога, въ этомъ отношеніи существуетъ полнѣйшее согласіе. На это именно Наполеонъ и не разсчитывалъ; онъ ошибся въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ. Каждый его дальнѣйшій шагъ въ этой необъятной Россіи все болѣе и болѣе приближаетъ его къ безднѣ. Увидимъ, какъ онъ перенесетъ въ ней зиму».

28-го августа (9-го сентября) императрица писала: «Если настоящія обстоятельства и имѣютъ свои тяжелыя стороны вслѣдствіе тѣхъ страданій и личныхъ бѣдствій, которыя вызваны ими, зато въ нихъ есть также много великаго и такого, что лишь изрѣдка встрѣчается во всемірной исторіи, такъ какъ эпохи, подобныя переживаемой нами, къ счастью для человѣчества, не часты. Надо, подобно намъ, видѣть и слышать ежедневно о доказательствахъ патріотизма, самопожертвованія и геройской отваги, проявляемыхъ всѣми лицами военнаго и гражданскаго сословій, чтобы не считать ихъ преувеличенными. О, этотъ доблестный народъ наглядно показываетъ, чѣмъ онъ является въ дѣйствительности, и что онъ именно таковъ, какимъ издавна его считали люди, понимавшіе его, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые упорно продолжали считать его народомъ варварскимъ. А между тѣмъ какъ разъ варвары сѣвера и хапжи юга Европы и причиняютъ болѣе всего хлопотъ націи цивилизованной, по преимуществу, и силы ихъ далеко еще не истощены. Съ той минуты, какъ Наполеонъ перешелъ границу, точно электрическая искра распространилась по всей Россіи, и если бы при ея громадномъ протяженіи было возможно, чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ одновременно во всѣхъ концахъ имперіи, то раздался бы такой грозный крикъ негодованія, который долетѣлъ бы, какъ мнѣ кажется, до края вселенной. По мѣрѣ того какъ Наполеонъ будетъ подвигаться впередъ, это чувство будетъ усиливаться все болѣе. Старики, потерявшіе все или почти все свое состояніе, говорятъ: мы найдемъ средства къ жизни, все предпочтительнѣе постыднаго мира. Женщины, у которыхъ всѣ близкіе находятся въ арміи, считаютъ опасности, коимъ тѣ подвергаются, лишь второстепенными и опасаются только мира. Этотъ миръ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ Россіи, къ счастью, не можетъ быть заключенъ; императоръ не допускаетъ и мысли о немъ, а если бы даже онъ и желалъ его, то не могъ бы осуществить своего желанія. Вотъ прекрасная героическая сторона нашего положенія».

«Каждый день приноситъ также свои утѣшенія. Тѣ чувства и мнѣнія, которыя въ теченіе пяти лѣтъ были подавляемы, сдерживаемы и ежеминутно оскорбляемы, теперь съ каждымъ днемъ пробиваются наружу все сильнѣе. Со всѣхъ сторонъ стекаются люди умные и достойные,

которые были вынуждены мелочнымъ деспотизмомъ Наполеона скрываться или покидать континентъ. Словомъ, мы снова живемъ здѣсь въ хорошемъ обществѣ: замѣтно дѣятельное оживленіе въ пользу праваго дѣла, благотворно отражающееся на моей душѣ, столько лѣтъ изнемогавшей среди отравленной атмосферы, которой она была окружена.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Доу.

Англичане, стекающіеся со всѣхъ сторонъ, испанцы и нѣмцы — мученики праваго дѣла, составляютъ какъ бы одну семью; всѣ обнялись бы даже съ турками, если бы послѣдніе проявили подобную же ревность ко всеобщему благу».

Занятіе и пожаръ Москвы нисколько не поколебали рѣшимости императрицы; убѣжденія ея, высказанныя съ такимъ увлеченіемъ въ выше-

приведенныхъ строкахъ, не измѣнились. Въ письмѣ къ матери, отъ 24-го сентября (6-го, октября) она продолжаетъ сообщать свои взгляды на событія, остававшіеся неизмѣнными даже послѣ новыхъ бѣдствій, постигшихъ Россію. «Наполеонъ, вступивъ въ Москву, не нашелъ того, на что онъ надѣялся», писала императрица: «онъ разсчитывалъ найти общество, — его уже не было, всѣ удалились; онъ разсчитывалъ найти здѣсь средства, и почти ничего не нашелъ; онъ разсчитывалъ на нравственное впечатлѣніе, на уныніе и упадокъ духа, которые онъ возбудитъ въ народѣ, а между тѣмъ онъ возбудилъ лишь озлобленіе и желаніе отмстить; онъ разсчитывалъ, что конечнымъ результатомъ всего этого будетъ миръ... Если бы подобная участь угрожала даже Петербургу, то и тогда императоръ былъ бы такъ же далекъ отъ мысли заключить постыдный миръ... Впрочемъ, каковы бы ни были испытанія, которыя намъ суждено еще перенести, но какъ только Наполеонъ не будетъ въ состояніи разсчитывать на миръ, то, по всеобщему убѣжденію, по мѣрѣ того, какъ онъ станетъ затягивать свое пребываніе въ Россіи, онъ очутится въ крайне затруднительномъ положеніи» [182].

Вообще, императрица Елисавета Алексѣевна, всегда склонная къ высокимъ движеніямъ души, старалась нѣжною предупредительностью утѣшать государя во время тяжелыхъ для него испытаній 1812 года. «Это его тронуло», пишетъ въ своихъ запискахъ графиня Эдлингъ, «и во дни страшнаго бѣдствія въ ихъ сердце пролился лучъ взаимнаго счастія» [183].

Вступленіе Наполеона въ Москву побудило правительство принять мѣры предосторожности на случай движенія непріятеля къ Петербургу и сдѣлать заблаговременно распоряженія для вывоза изъ столицы драгоцѣнностей; усиливали укрѣпленія Кронштадта, и предполагалось отослать флотъ въ Англію.

Императоръ Александръ, хотя и ощущалъ глубокую скорбь, но, скрывая снѣдавшую его грусть, усвоилъ себѣ видъ спокойствія и покорности судьбѣ, соединенной съ бодростью духа, что составляло впослѣдствіи отличительную черту его характера. Забывая про опасности, которыя могли грозить его жизни, онъ продолжалъ прогуливаться одинъ по Каменноостровскимъ рощамъ, предаваясь новымъ для него размышленіямъ, а дворецъ его попрежнему стоялъ открытымъ и безъ стражи [184]. Изъ деиста онъ обращался постепенно въ вѣрующаго христіанина. Гибель Москвы потрясла его до глубины души; онъ ни въ чемъ не находилъ утѣшенія и признавался товарищу своей молодости, князю Александру Николаевичу Голицыну, что ничто не могло разсѣять его мрачныхъ мыслей. Князь Голицынъ, самый легкомысленный и блестящій изъ царедворцевъ, незадолго передъ тѣмъ остепенился и сталъ читать библію съ ревностью человѣка, обратившагося на путь истины. Робко предложилъ онъ Але-

ксандру почерпнуть утѣшеніе изъ того же источника. Государь ничего не отвѣтилъ, но черезъ нѣсколько времени, придя къ императрицѣ, спросилъ, не можетъ ли она дать ему почитать библію. Императрица очень удивилась этой неожиданной просьбѣ и отдала ему свою библію. Государь ушелъ къ себѣ, принялся читать и почувствовалъ себя перенесеннымъ въ новый для него кругъ понятій. Онъ сталъ подчеркивать карандашомъ всѣ тѣ мѣста, которыя могъ примѣнить къ своему собственному положенію, и, когда вновь перечитывалъ ихъ, ему казалось, что какой-то дружескій голосъ придавалъ ему бодрости и разсѣевалъ его заблужденія. «Пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу», признавался впослѣдствіи императоръ Александръ прусскому епископу Эйлерту, «и наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я не ощущалъ до тѣхъ поръ. Тогда я позналъ Бога»[185]. Пламенная и искренняя вѣра проникла къ нему въ сердце. «Про эти подробности», пишетъ графиня Эдлингъ, «я узнала много времени спустя отъ него самого. Онѣ будутъ занимательны для людей, которые знали его и которые не могли надивиться внезапной перемѣнѣ, происшедшей въ этой чистой и страстной душѣ. Его умственныя и нравственныя способности получили новое направленіе; сердце его удовлетворилось, потому что онъ могъ любить самое прекрасное, что есть на свѣтѣ, т. е. Богочеловѣка. Чудныя событія этой страшной войны окончательно убѣдили его, что для народовъ, какъ и для царей, спасеніе и слава только въ Богѣ»[186].

Вотъ разсужденія, которыми сопровождаетъ перемѣну міросозерцанія Александра непосредственный очевидецъ роковыхъ событій 1812 года, надолго видоизмѣнившихъ строй европейской мысли. Въ этомъ случаѣ вполнѣ оправдались слова одного русскаго мыслителя: идеи — это тѣни приближающихся событій.

Среди безпримѣрныхъ политическихъ тревогъ настало 15-е (27-е) сентября, день коронаціи императора Александра. Сильный ропотъ раздавался въ столицѣ. Среди раздраженнаго и встревоженнаго народа могли возникнуть волненія. Дворянство громко винило Александра въ бѣдствіяхъ государства, и въ обществѣ почти никто не осмѣливался выступать его защитникомъ и опровергать нелѣпые слухи и клеветы, распространяемые про дворъ. Государя уговорили въ этотъ день не ѣхать по городу верхомъ, а прослѣдовать въ Казанскій соборъ въ каретѣ вмѣстѣ съ императрицами. Онъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни уступилъ совѣту боязливаго благоразумія, и по одному этому можно судить, какъ велики были опасенія. Царскій поѣздъ встрѣтила пасмурная и мрачно молчаливая толпа. «Никогда въ жизни не забуду тѣхъ минутъ», пишетъ графиня Эдлингъ: «когда мы поднимались по ступенямъ въ соборъ, слѣдуя среди толпы; не раздалось ни одного привѣтствія. Можно было слышать наши шаги, и я нисколько не сомнѣ-

валась, что достаточно было малѣйшей искры, чтобы все кругомъ воспламенилось. Я взглянула на государя, поняла, что происходитъ въ его душѣ, и мнѣ показалось, что колѣна подо мною подгибаются»[187]. Однако, все обошлось благополучно.

Между тѣмъ Кутузовъ, отступая съ арміею по Рязанской дорогѣ, предпринялъ оттуда свое знаменитое фланговое движеніе на старую Калужскую дорогу, согласно вышеприведенному донесенію его государю отъ 4-го (16-го) сентября, въ которомъ былъ высказанъ въ общихъ чертахъ весь планъ предстоявшихъ дѣйствій вождя русской арміи. Вслѣдъ за этимъ донесеніемъ Кутузовъ писалъ государю изъ Подольска, 6-го (18-го) сентября, еще слѣдующее:

«Сдѣлавъ два марша по Коломенской дорогѣ для приведенія въ дѣйствіе намѣренія моего склониться ближе на дорогу коммуникацій непріятельской арміи, оставя аріергардъ мой на рѣкѣ Пахрѣ, на позиціи у Куликова, форсированнымъ маршемъ сдѣлалъ я фланговый къ Подольску».

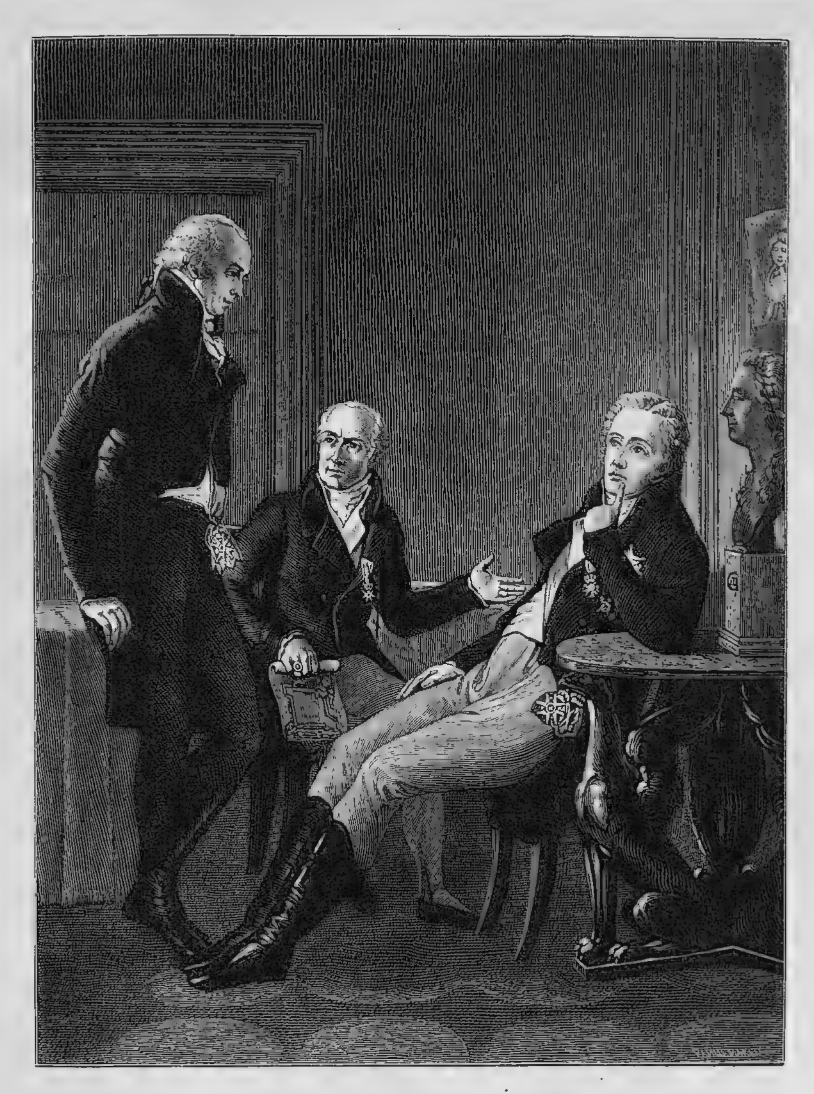
Между тѣмъ Наполеонъ введенный въ заблужденіе движеніемъ русской арміи на Коломну, потерялъ изъ виду наши войска; со времени вступленія въ Москву, въ продолженіе двѣнадцати дней, до 14-го (26-го) сентября, онъ находился въ невѣдѣніи относительно пути отступленія, избраннаго Кутузовымъ[188].

Такимъ образомъ русская армія въ виду зарева Москвы потянулась безпрепятственно къ Подольску и Красной Пахрѣ и оттуда отошла къ Тарутину, гдѣ заняла 20-го сентября (2-го октября) позицію за р. Нарою. Войска отдохнули здѣсь, оправились и усилились прибывшими подкрѣпленіями[189].

Вильсонъ пишетъ, что послѣдній солдатъ въ арміи сознавалъ цѣну и, можно сказать, достоинство этой позиціи. «Не было уже отчаянія, прекратился ропотъ осужденія: часъ мнимаго стыда и униженія миновался, возвратилась увѣренность. Солдаты вновь ободрились, предвидя борьбу съ непріятелемъ; въ самой ихъ поступи, въ самомъ обращеніи ихъ съ оружіемъ видѣлась ихъ готовность сразиться, прорвать вражескіе ряды и отбить свои пылающія жилища».

Возгорѣлась народная война, и начались успѣшныя партизанскія дѣйствія на сообщеніяхъ непріятеля, сдѣлавшія извѣстными всей Россіи имена Сеславина, Фигнера, Дорохова и Дениса Давыдова.

Въ то же время послѣдовали также перемѣны по личному составу главныхъ начальниковъ въ арміи: Барклай де-Толли получилъ отъ фельдмаршала увольненіе въ отпускъ; армія генерала Тормасова была подчинена Чичагову, дежурнымъ генераломъ былъ назначенъ Коновницынъ. Приказомъ 16-го (28-го) сентября вторая армія была присоединена къ первой; по отъѣздѣ же изъ арміи Барклая, Кутузовъ объявилъ, что всѣ его обязанности принимаетъ на себя. Когда, 8-го (20-го) октября, въ

Графъ Армфельтъ, Аминовъ и Эгерстромъ.
Съ акватинты Ипхлера, сдѣланной съ портрета Бертона.

Тарутино прибылъ Тормасовъ, фельдмаршалъ поручилъ ему начальство надъ арміею (кромѣ корпусовъ, составлявшихъ авангардъ Милорадовича), предоставивъ себѣ только верховное распоряженіе дѣйствіями. Кутузовъ, оставаясь видимо въ бездѣйствіи, разставлялъ сѣти Наполеону. Сознавая, что занятіе Москвы послужитъ къ гибели французской арміи, онъ всѣми мѣрами старался продлить пребываніе враговъ среди развалинъ столицы; для достиженія этой цѣли онъ прибѣгалъ къ искусно распускаемымъ

слухамъ относительно слабости и бѣдственнаго положенія русской арміи и общаго желанія мира, представляющаго будто бы единственное средство для спасенія имперіи. Всѣ эти мѣры содѣйствовали къ удержанію Наполеона въ Москвѣ, поддерживая въ немъ надежду на полученіе мирныхъ предложеній со стороны императора Александра.

Подобный образъ дѣйствій Кутузова не былъ встрѣченъ сочувственно ни при дворѣ, ни въ обществѣ, ни даже среди арміи. Императоръ попрежнему не любилъ фельдмаршала; оставленіе Москвы, конечно, не послужило къ упроченію довѣрія государя къ главнокомандующему, назначеніе котораго состоялось единственно подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, взволнованнаго появленіемъ непріятеля въ сердцѣ Россіи. Къ тому же, въ недоброжелателяхъ Кутузова вообще не было недостатка. Однимъ изъ самыхъ ярыхъ его противниковъ былъ графъ Ростопчинъ; въ письмахъ къ государю московскій главнокомандующій, осуждая бездѣйствіе и преступное, по его мнѣнію, равнодушіе фельдмаршала, съ обычнымъ ему злословіемъ называлъ Кутузова старой бабой, сплетницей, которая потеряла голову и думаетъ что-нибудь сдѣлать, ничего не дѣлая[190]. Поэтому Ростопчинъ совѣтовалъ императору для предотвращенія мятежа «отозвать этого стараго болвана и пошлаго царедворца» (ce vieux imbécile et plat courtisan). Въ письмахъ Ростопчина къ графу П. А. Толстому встрѣчаются еще болѣе рѣзкіе отзывы о фельдмаршалѣ. «Кутузовъ», писалъ Ростопчинъ, «самый гнусный эгоистъ, пришедшій отъ лѣтъ и развратной жизни почти въ ребячество, спитъ, ничего не дѣлаетъ»[191]. Въ руководящихъ сферахъ немногіе отдавали должную справедливость Кутузову и понимали значеніе его кажущагося бездѣйствія, какъ напримѣръ, генералъ Кноррингъ, который по поводу обвиненія главнокомандующаго въ томъ, что онъ спитъ по 18-ти часовъ въ сутки, сказалъ: «Слава Богу, что онъ спитъ; каждый день его бездѣйствія стоитъ побѣды. Онъ возитъ съ собою переодѣтую въ казацкое платье любовницу. Румянцевъ возилъ ихъ по четыре. Это не наше дѣло».

Послѣ всего вышесказаннаго неудивительно, что переписка императора Александра съ Кутузовымъ представляетъ немало доказательствъ сдержаннаго неудовольствія государя, требовавшаго, чтобы немедленно были открыты рѣшительныя дѣйствія противъ непріятельской арміи. Укажемъ здѣсь на два примѣра.

23-го сентября (5-го октября) Кутузовъ допустилъ въ свою главную квартиру графа Лористона, прибывшаго къ нему съ письмомъ Наполеона. «Неужели эта небывалая, эта неслыханная война должна продолжаться вѣчно»? сказалъ Лористонъ фельдмаршалу. — «Императоръ искренно желаетъ положить предѣлъ этой распрѣ между двумя великими и великодушными народами и прекратить ее навсегда». Кутузовъ отвѣтилъ, что

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія, привезли отъ Главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія:

Вчерашній день 26го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею Руское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ его. Завтре надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую Святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизчетная. Онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать нѣкого), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сего дня, съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ Армію 4000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды, провіанта. Православные, будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества. Наша готова; естьли придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Руской.

27 Августа. Графъ Растопчинъ.
1812.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ГРАФА РОСТОПЧИНА О БОРОДИНСКОМЪ СРАЖЕНІИ.

не имѣть на это никакого наставленія. «При отправленіи меня къ арміи и названіе мира ни разу не было упомянуто», сказалъ онъ: «я навлекъ бы на себя проклятіе потомства, если бы сочли, что я главный виновникъ какого-либо соглашенія; таковъ, въ настоящее время, образъ мыслей нашего народа». Затѣмъ Лористонъ просилъ Кутузова исходатайствовать у императора Александра разрѣшеніе ему, Лористону, прибыть въ Петербургъ

Наслѣдный принцъ шведскій Бернадотъ.

Съ гравюры начала XIX столѣтія.

для переговоровъ и предложилъ, въ ожиданіи отвѣта, заключить перемиріе. Фельдмаршалъ обѣщалъ довести до свѣдѣнія государя о желаніи Наполеона, но въ перемиріи отказалъ. Получивъ донесеніе Кутузова о появленіи Лористона въ русской главной квартирѣ, императоръ Александръ изъявилъ главнокомандующему свое неудовольствіе въ слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ: «Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генералъ-адъютантомъ Лористономъ. При самомъ от-

правленіи вашемъ къ ввѣреннымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ моихъ съ вами объясненій, извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ. Нынѣ же, послѣ сего происшествія, долженъ съ такою же рѣшимостью повторить вамъ: дабы сіе принятое мною правило было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо... Всѣ свѣдѣнія, отъ меня къ вамъ доходящія, и всѣ предначертанія мои, въ указахъ на имя ваше изъясняемыя, и однимъ словомъ, все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество»[192].

Другой выговоръ, полученный Кутузовымъ, былъ еще болѣе строгъ. Фельдмаршалъ поручилъ одинъ отрядъ, сформированный большею частью изъ ополченія, генералъ-майору князю Яшвилю, проживавшему въ Калужской губерніи. Между тѣмъ оказалось, что князь Яшвиль, какъ причастный къ событіямъ 1801 года, находился подъ надзоромъ полиціи, вслѣдствіе чего императоръ Александръ поспѣшилъ написать Кутузову 3-го (15-го) октября: «Съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ я изъ одного изъ рапортовъ вашихъ[193], что вы употребили на службу находящагося въ ссылкѣ извѣстнаго Яшвиля, не взирая даже на донесеніе, которымъ губернаторъ извѣстилъ васъ, что онъ подъ присмотромъ. Вы сами себѣ приписали право, которое я одинъ имѣю, что поставляю вамъ на замѣчаніе, предписываю немедленно послать Яшвиля смѣнить и отправить его въ Симбирскъ подъ строгій надзоръ къ губернатору». Посылая графу Аракчееву этотъ собственноручный рескриптъ, государь на обложкѣ написалъ карандашомъ: «какое канальство». — Кутузовъ отвѣтилъ, 31-го октября (12-го ноября) краткимъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ: «Вашему императорскому величеству имѣю счастіе донести, что отставной генералъ-майоръ Яшвиль въ деревню свою возвратился»[194].

Еще до занятія французами Москвы, на другой день по полученіи извѣстія о Бородинскомъ сраженіи, императоръ Александръ отправилъ къ Кутузову, 31-го августа (12-го сентября), флигель-адъютанта Чернышева съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій, имѣвшимъ цѣлью совокупными усиліями всѣхъ нашихъ армій запереть Наполеону выходъ изъ Россіи. Сущность плана, задуманнаго государемъ, заключалась въ томъ, чтобы русскія войска, дѣйствовавшія на флангахъ театра войны (на Двинѣ и на Западномъ Бугѣ), усилясь подкрѣпленіями, оттѣснили стоявшаго противъ нихъ непріятеля и потомъ направились въ тылъ великой арміи Наполеона, атакованной въ то же время съ фронта нашими главными силами.

Смоленскъ 6-го (18-го) августа 1812 года.

Съ рисунка Альберта Адама.

Чернышевъ нашелъ главную квартиру въ Красной-Пахрѣ, на старой Калужской дорогѣ. Хотя взаимное положеніе противниковъ послѣ занятія Наполеономъ Москвы измѣнилось, но привезенный Чернышевымъ планъ не потерялъ отъ этого своего значенія и былъ выполненъ въ его основныхъ чертахъ; но главная предначертанная императоромъ Александромъ цѣль— загородить Наполеону выходъ на берегахъ Березины, вслѣдствіе частныхъ ошибокъ исполнителей, не была достигнута.

Наконецъ тяжелые дни, переживавшіеся императоромъ Александромъ, миновали, и проявилась надежда на лучшее будущее. 15-го (27-го) октября изъ арміи вторично прибылъ въ Петербургъ полковникъ Мишо, но на этотъ разъ съ радостнымъ извѣстіемъ о Тарутинскомъ сраженіи, происшедшемъ 6-го (18-го) октября. Посланный доложилъ также государю о желаніи войскъ, чтобы онъ лично принялъ начальство надъ ними. Императоръ отвѣчалъ: «Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и я не менѣе другихъ честолюбивъ; внявъ теперь одному этому чувству, я сѣлъ бы съ вами въ коляску и отправился въ армію. Принимая во вниманіе невыгодное положеніе, въ которое мы вовлекли непріятеля, отличный духъ арміи нашей, неисчерпаемыя средства имперіи, приготовленныя мною многочисленныя запасныя войска, распоряженія, посланныя мною въ молдавскую армію,— я несомнѣнно увѣренъ, что побѣда у насъ неотъемлема, и что намъ остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если бы я находился при арміи, то вся слава отнеслась бы ко мнѣ, и что я занялъ бы мѣсто въ исторіи; но когда подумаю, какъ мало я опытенъ въ военномъ искусствѣ въ сравненіи съ непріятелемъ моимъ, и что, не взирая на добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь моихъ дѣтей, тогда, не взирая на мое честолюбіе, я готовъ охотно пожертвовать моею славою для блага арміи. Пусть пожинаютъ лавры тѣ, которые болѣе меня достойны ихъ; возвратитесь въ главную квартиру, поздравьте князя Михаила Ларіоновича съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ выгналъ непріятеля изъ Россіи, и что тогда я поѣду къ нему навстрѣчу и ввезу его торжественно въ столицу»[195].

Въ это время участь великой арміи уже окончательно рѣшилась. Потерявъ надежду на столь желанный имъ миръ, Наполеонъ сталъ готовиться къ отступленію. Пораженіе его авангарда у Тарутина, 6-го (18-го) октября, ускорило выступленіе французовъ изъ Москвы; оно началось въ тотъ же день вечеромъ. Намѣреніе Наполеона заключалось въ томъ, чтобы двинуться сперва по старой Калужской дорогѣ, соединиться съ авангардомъ Мюрата, а потомъ перейти на новую Калужскую дорогу; императоръ надѣялся такимъ образомъ обойти русскую армію и открыть себѣ свободный доступъ къ Калугѣ. Но партизанъ

Сеславинъ, смѣло пробравшись на Боровскую дорогу, открылъ движеніе Наполеона. Стоя на деревѣ въ лѣсу, онъ увидѣлъ карету, въ которой находился самъ императоръ, окруженный своими маршалами и гвардіей. Не удовольствовавшись однако этимъ подвигомъ, безстрашный Сеславинъ захватилъ еще отдѣлившагося отъ опушки лѣса и дороги унтеръ-офицера старой гвардіи, связалъ его и, перекинувъ черезъ сѣдло, умчался съ нимъ.

Свѣдѣнія, доставленныя Сеславинымъ, имѣли послѣдствіемъ немедленное движеніе корпуса Дохтурова къ Мало-Ярославцу; вмѣстѣ съ тѣмъ Кутузовъ рѣшился двинуться за нимъ изъ Тарутина со всею арміею. Эти распоряженія привели 12-го (24-го) октября къ сраженію при Мало-Ярославцѣ. Городъ восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и хотя, послѣ 18-тичасового боя, былъ окончательно уступленъ французамъ, но зато Кутузовъ успѣлъ своевременно сосредоточить къ югу отъ него, въ $2^1/_2$ верстахъ, всю армію.

Здѣсь, какъ справедливо замѣчаетъ Сегюръ, остановилось завоеваніе вселенной, исчезли плоды двадцатилѣтнихъ побѣдъ, и началось разрушеніе всего, что думалъ создать Наполеонъ[196]. Виновникъ этого успѣха, Сеславинъ, пишетъ: «Непріятель предупрежденъ подъ Мало-Ярославцемъ, французы истреблены, Россія спасена, Европа освобождена, и миръ всеобщій есть слѣдствіе сего важнаго открытія».

Теперь фельдмаршалу предстояло рѣшить вопросъ: дать ли генеральное сраженіе для уничтоженія французской арміи и тѣмъ покончить кампанію сразу, или же стремиться къ той же цѣли болѣе осторожнымъ путемъ. Нашъ полководецъ остановился на послѣднемъ рѣшеніи. «Все это развалится и безъ меня» (tout cela se fondera sans moi), говорилъ Кутузовъ нетерпѣливымъ сторонникамъ рѣшительныхъ дѣйствій. Англійскому генералу Вильсону, находившемуся въ русской главной квартирѣ, онъ высказалъ при этомъ случаѣ свою мысль еще болѣе опредѣлительно: «Я предпочитаю построить «pont d'or», какъ вы называете, моему противнику, нежели поставить себя въ такое положеніе, чтобы получить отъ него «coup de collier». Сверхъ того, я опять повторяю то, что уже нѣсколько разъ говорилъ вамъ, что я вовсе не убѣжденъ, будетъ ли великимъ благодѣяніемъ для вселенной совершенное уничтоженіе императора Наполеона и его арміи. Наслѣдство его достанется не Россіи или какой-либо другой изъ державъ материка, а той державѣ, которая уже теперь господствуетъ на моряхъ, и тогда преобладаніе ея будетъ невыносимо». — Вильсонъ отвѣтилъ: «Fais ce que dois, advienne que pourra»[197].

Русская армія начала отходить ночью съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) октября къ Детчину. Милорадовичъ остался противъ Мало-Ярославца. Въ то время какъ Кутузовъ рѣшалъ вопросъ о постановкѣ цѣли для

дальнѣйшихъ дѣйствій, тотъ же вопросъ обсуждался и Наполеономъ: атаковать ли русскую армію, или отступать къ Смоленской дорогѣ. Наполеонъ принялъ послѣднее рѣшеніе. Такимъ образомъ, 14-го (26-го) октября обѣ арміи отступили одна отъ другой въ противоположныя стороны: Кутузовъ къ Детчину, Наполеонъ къ Боровску. Съ этого времени онъ думалъ только о Парижѣ, пишетъ графъ Сегюръ, точно такъ же, какъ, выѣзжая изъ Парижа, онъ думалъ только о Москвѣ[198].

16-го (28-го) октября Наполеонъ въ Можайскѣ вышелъ на Смоленскую дорогу, представлявшую въ полномъ смыслѣ пустыню. Окончательная гибель великой арміи, дѣйствительно, становилась отнынѣ только вопросомъ времени, и русскій главнокомандующій оказался правымъ, утверждая, что все это развалится и безъ него.

Въ тотъ же день Кутузовъ прибылъ съ главными силами къ Полотнянымъ Заводамъ, а Чичаговъ двинулся къ Пружанамъ, направляясь черезъ Слонимъ на Минскъ, оставивъ Сакена противъ Шварценберга и Ренье, оттѣсненныхъ за р. Бугъ. Только въ этотъ день измѣнилась стоявшая до тѣхъ поръ благопріятная осенняя погода; подулъ рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ, и термометръ палъ до 4°.

При извѣстіи объ очищеніи Москвы недовольные замолчали, а народъ, никогда не покидавшій надежды на Божью помощь, успокоился[199]. Непоколебимое рѣшеніе императора Александра не вступать съ Наполеономъ въ переговоры принесло свои плоды; каждый дальнѣйшій шагъ Наполеона все болѣе и болѣе приближалъ его къ погибели. Отечество было спасено.

Съ отступленіемъ Наполеона по Смоленской дорогѣ началось параллельное преслѣдованіе великой арміи, но Кутузовъ не увлекся бѣдственнымъ положеніемъ своего противника и остался вѣренъ усвоенному осторожному образу дѣйствій, щадя, по возможности, ввѣренныя ему войска. Онъ ни разу не измѣнилъ своей руководящей идеѣ и остался ей вѣренъ до конца похода. Сторонникамъ же болѣе рѣшительныхъ мѣропріятій онъ говорилъ: «Наша молодежь сгоряча досадуетъ на меня, старика, за то, что удерживаю ея порывы. Надлежало бы имъ сообразить, что обстоятельства сами собою болѣе сдѣлаютъ, чѣмъ наше оружіе».

Нерѣшительность Кутузова подъ Вязьмою и Краснымъ, ошибки Чичагова и осторожность графа Витгенштейна дали генію Наполеона возможность восторжествовать съ новымъ блескомъ надъ постигшими его небывалыми невзгодами: 14-го (26-го) ноября началась переправа французовъ черезъ Березину у Студянки, а затѣмъ жалкіе остатки великой арміи, до 9,000 человѣкъ, поспѣшно двинулись или, лучше сказать, бѣжали къ Вильнѣ, преслѣдуемые по пятамъ русскими войсками. Морозы до 30° довершили разстройство непріятеля; вся дорога была усѣяна трупами людей, погибшихъ отъ холода и голода. Видя гибель своихъ

войскъ и необходимость создать новую армію для продолженія борьбы, Наполеонъ написалъ въ Молодечнѣ, 21-го ноября (3-го декабря), 29-й бюллетень, которымъ оповѣстилъ Европу о плачевномъ исходѣ начатой шесть мѣсяцевъ тому назадъ войны и, передавъ начальство надъ ар-

Подвигъ Энгельгардта въ 1812 году.
Съ гравюры Ческаго, сдѣланной по рисунку Иванова.

міей королю неаполитанскому Мюрату, 23-го ноября (5-го декабря) выѣхалъ изъ Сморгони въ Парижъ[200].

По мѣрѣ приближенія остатковъ наполеоновской арміи къ границамъ Россіи, императору Александру предстояло рѣшить сложный вопросъ:

слѣдуетъ ли русскимъ войскамъ остановиться на Вислѣ и довершить торжество Россіи славнымъ миромъ, или же продолжать борьбу съ Наполеономъ для возстановленія политической самобытности Германіи и возвеличенія Австріи[201]. Государь склонялся къ послѣднему рѣшенію, т. е. къ продолженію войны; подобное намѣреніе вполнѣ согласовалось съ высказаннымъ имъ ранѣе убѣжденіемъ: «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать». Въ концѣ 1812 года конечная цѣль войны съ Наполеономъ уже была намѣчена императоромъ Александромъ. Это видно изъ разговора его съ Р. С. Стурдзою незадолго до отъѣзда въ Вильну, въ которомъ государь подѣлился съ нею радостнымъ чувствомъ по поводу счастливаго исхода войны. Александръ коснулся въ бесѣдѣ необыкновеннаго человѣка, который, ослѣпленный счастіемъ, причинилъ столько бѣдствій людямъ. Заговоривъ о загадочномъ характерѣ Наполеона, онъ вспоминалъ, какъ изучалъ его во время тильзитскихъ переговоровъ. Государь по этому поводу сказалъ: «Нынѣшнее время напоминаетъ мнѣ все, что я слышалъ отъ этого необыкновеннаго человѣка въ Тильзитѣ. Тогда мы подолгу бесѣдовали, такъ какъ онъ любилъ выказывать мнѣ свое превосходство, говорилъ съ любезностью и расточалъ передо мною блестки своего воображенія. Война, сказалъ онъ мнѣ однажды, вовсе не такое трудное искусство, какъ воображаютъ, и, откровенно говоря, иной разъ трудно выяснить, какимъ образомъ удалось выиграть именно то или другое сраженіе. Въ дѣйствительности оказывается, что побѣжденъ тотъ, кто послѣднимъ устрашился, и въ этомъ заключается вся тайна. Нѣтъ полководца, который бы не опасался за исходъ сраженія; все дѣло въ томъ, чтобы скрывать этотъ страхъ возможно продолжительное время. Лишь этимъ средствомъ можно настращать противника, а затѣмъ дальнѣйшій успѣхъ уже не подлежитъ сомнѣнію. Я выслушивалъ», продолжалъ государь, «съ глубокимъ вниманіемъ все, что ему угодно было сообщить мнѣ по этому поводу, твердо рѣшившись воспользоваться тѣмъ при случаѣ, и въ самомъ дѣлѣ, я надѣюсь, что съ тѣхъ поръ мною пріобрѣтена нѣкоторая опытность для рѣшенія вопроса, что намъ остается сдѣлать».— «Неужели, государь, мы не обезпечены навсегда отъ всякаго подобнаго нашествія?» возразила Р. С. Стурдза.—«Развѣ врагъ осмѣлится еще разъ перейти наши границы?»—«Это возможно», отвѣтилъ Александръ, «но если хотѣть мира прочнаго и надежнаго, то надо подписать его въ Парижѣ; въ этомъ я глубоко убѣжденъ»[202].

Кутузовъ былъ сторонникомъ совершенно противоположнаго взгляда; онъ полагалъ, что Наполеонъ теперь для Россіи не опасенъ, и что слѣдуетъ поберечь его для англичанъ, которые стремятся захватить его наслѣдство въ ущербъ Россіи и другимъ континентальнымъ державамъ. Всѣ помыслы фельдмаршала клонились только къ спасенію отечества, а не

Взятіе Шевардинскаго редута.
Съ гравюры Коллена, сдѣланной съ картины Белланже.

Европы, какъ того желали англичане и нѣмецкіе патріоты, свыкшіеся уже съ мыслью смотрѣть на Россію, какъ на удобное орудіе для достиженія и упроченія своихъ политическихъ цѣлей. Мнѣніе Кутузова, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, сильно порицалось приближенными Александра и, вообще, людьми, судившими о происходившихъ военныхъ дѣйствіяхъ изъ глубины своего кабинета.

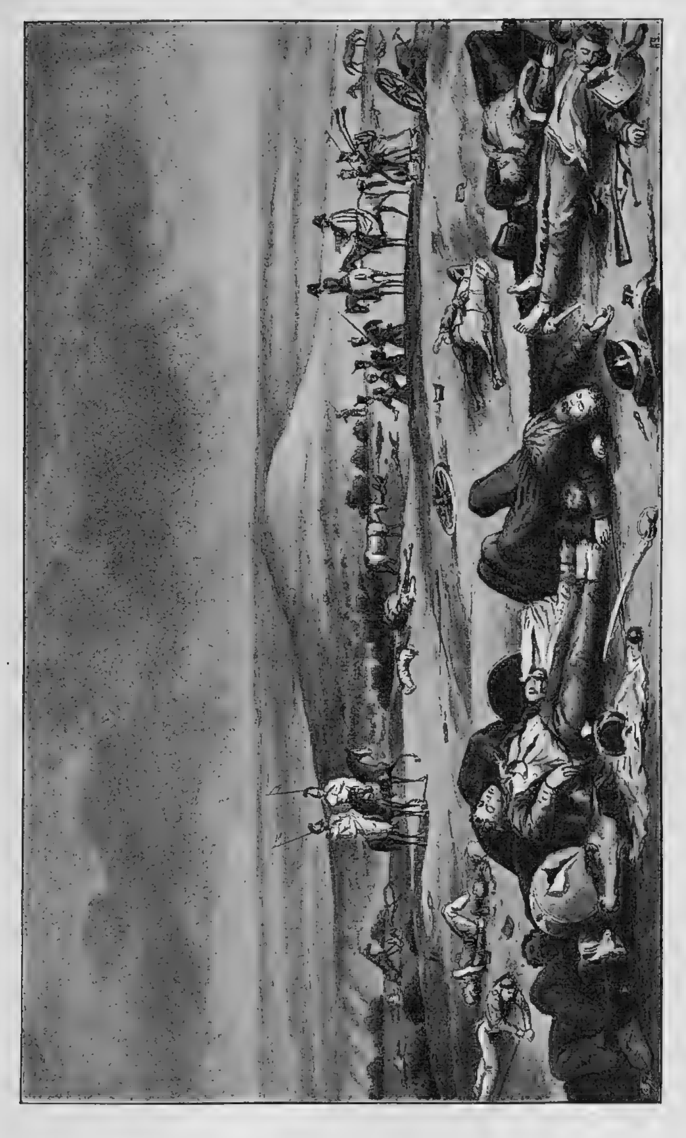
Настроеніе этихъ людей лучше всего выразилось въ перепискѣ барона Армфельта, посвятившаго этому жгучему вопросу слѣдующія остроумныя строки: «Наши дѣла могли бы идти еще лучше, если бы Кутузовъ не взялъ себѣ за образецъ черепаху, а Чичаговъ—флюгеръ, который не слѣдуетъ никакому плану—послѣдній грѣшитъ излишествомъ ума и недостаткомъ опытности, а первый чрезмѣрною осторожностью. Я полагаю, однако, что при переходѣ черезъ Нѣманъ у Бонапарта не останется большое общество... холодъ, голодъ и пики казаковъ причинятъ ему затрудненія. Между тѣмъ, пока этотъ человѣкъ существуетъ, никогда мы не будемъ въ состояніи разсчитывать на покой; поэтому нужно вести войну на смерть—нашъ добрый государь раздѣляетъ этотъ взглядъ, вопреки мнѣнію тѣхъ презрѣнныхъ людей, которые хотѣли бы остановиться на Вислѣ. Но это не есть желаніе народа, который, однакоже, одинъ несетъ бремя войны, и у котораго болѣе здраваго смысла и чувства, чѣмъ у напудренныхъ головъ, украшенныхъ орденами и вышивками».

28-го ноября (10-го декабря) русскія войска заняли Вильну, захвативъ здѣсь 140 орудій, болѣе 14,000 человѣкъ и обширные склады запасовъ. 30-го ноября (12-го декабря) прибылъ князь Кутузовъ, явившійся въ край уже знакомый ему, такъ какъ нѣкогда онъ занималъ мѣсто литовскаго военнаго губернатора. Населеніе, забывъ Наполеона и исчезнувшія мечты о возстановленіи Польскаго королевства, привѣтствовало торжествующаго полководца; посыпались оды, рѣчи, на театральной сценѣ засіяло изображеніе Кутузова съ надписью: «Спасителю отечества».

По очищеніи Вильны непріятель бѣжалъ, не останавливаясь, въ Ковну. 2-го (14-го) декабря здѣсь явились казаки Платова, и городъ былъ немедленно очищенъ французами. Черезъ Нѣманъ перешли жалкіе остатки нѣкогда блестящей арміи, 1,000 человѣкъ съ девятью орудіями и около 20,000 безоружныхъ. «Богъ наказалъ безразсуднаго», писалъ 27 лѣтъ спустя императоръ Николай въ приказѣ по войскамъ, празднуя открытіе Бородинскаго памятника: «отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ—и мы вошли въ Парижъ»[203].

Всѣ эти поразительные успѣхи были, однако, куплены дорогою цѣною. Достаточно указать, что главная армія, выступившая изъ Тарутина въ составѣ 97,112 человѣкъ, считала по прибытіи въ Вильну въ своихъ рядахъ 27,464 человѣка. Изъ 622 орудій, находившихся при арміи,

оставалось налицо только 200; прочія были оставлены позади вслѣдствіе потери лошадей и убыли въ прислугѣ. 48,000 больныхъ разсѣяны были по госпиталямъ, а остальные убиты въ дѣлахъ, умерли отъ ранъ и

Поле битвы подъ Бородинымъ.
Съ рисунка съ натуры Фаберъ Дюфора.

болѣзней. Такая неутѣшительная обстановка побудила фельдмаршала высказать государю убѣжденіе въ необходимости пріостановить на время наступательное движеніе ввѣренной ему арміи и даровать ей отдыхъ. «Между тѣмъ признаться долженъ», писалъ въ заключеніе Кутузовъ:

«ежели бы не пріостановясь, а продолжать дѣйствіе ею верстъ на полтораста, тогда бы, можетъ быть, разстройка ея дошла до такой степени, что должны бы, такъ сказать, снова составлять армію»[204].

Императоръ Александръ, совершенно расходясь во взглядахъ съ своимъ фельдмаршаломъ, писалъ ему: «Поверхность наша надъ непріятелемъ, разстроеннымъ и утомленнымъ, пріобрѣтенная помощію Всевышняго и искусными распоряженіями вашими, и, вообще, положеніе дѣлъ нынѣшнихъ требуетъ всѣхъ усилій къ достиженію главной цѣли, несмотря ни на какія препятствія. Никогда не было столь дорого время для насъ, какъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. И потому ничто не позволяетъ останавливаться войскамъ нашимъ, преслѣдующимъ непріятеля, ни на самое короткое время въ Вильнѣ. Я уважаю причины, въ донесеніи вашемъ помѣщенныя[205], нахожу полезнымъ остановить въ Вильнѣ единственно небольшую часть войскъ, болѣе другихъ разстроенную, которая бы собрала отставшихъ и выздоровѣвшихъ людей, равно и батальоны князя Урусова[206], а прочимъ всѣмъ войскамъ какъ большой арміи, такъ арміи адмирала Чичагова и корпуса графа Витгенштейна, слѣдовать безпрерывно за непріятелемъ, взявъ такое направленіе, чтобы не только внутри, но и внѣ границъ нашихъ имѣть въ виду ту же цѣль—отрѣзывать ему сообщеніе и соединеніе съ новыми подкрѣпленіями его»[207].

Не разсчитывая на исполнительность Кутузова въ указанномъ въ письмѣ смыслѣ, императоръ Александръ призналъ необходимымъ лично отправиться въ армію. 7-го (19-го) декабря государь, помолившись наканунѣ вечеромъ, въ одиннадцатомъ часу, въ Казанскомъ соборѣ, выѣхалъ въ 9 часовъ утра въ армію[208]. На этотъ разъ его сопровождалъ только оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Аракчеевъ, государственный секретарь Шишковъ, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, статсъ-секретарь графъ Нессельроде и дѣйствительный статскій совѣтникъ Марченко. Баронъ Штейнъ получилъ приказаніе присоединиться къ императору по вступленіи русскихъ войскъ въ Пруссію. Несмотря на сильную стужу, государь ѣхалъ все время въ открытыхъ саняхъ на тройкѣ; его везъ кучеръ Илья.

11-го (23-го) декабря князь Кутузовъ въ парадной формѣ, съ строевымъ рапортомъ въ рукѣ, стоялъ у дворцоваго подъѣзда въ Вильнѣ съ почетнымъ карауломъ отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Въ 5 часовъ пополудни прибылъ императоръ, прижалъ къ сердцу фельдмаршала, принялъ рапортъ и, поздоровавшись съ семеновцами, вошелъ во дворецъ рука объ руку съ побѣдоноснымъ полководцемъ. Онъ повелъ его въ свой кабинетъ и бесѣдовалъ съ нимъ безъ свидѣтелей. По выходѣ Кутузова изъ государева кабинета, графъ Толстой поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ св. Георгія первой степени.

Генералъ Вильсонъ, непримиримый врагъ Кутузова и потому едва ли заслуживающій безусловнаго въ отзывахъ своихъ о немъ довѣрія, утверждаетъ, что императоръ Александръ весьма неохотно удостоилъ фельдмаршала высшей изъ военныхъ наградъ и даже сказалъ Вильсону,

Мостъ черезъ р. Колочу послѣ Бородинскаго сраженія.
Съ рисунка съ натуры Фаберъ Дюфора.

что Кутузовъ не оказалъ никакой заслуги, и что пожалованіе фельдмаршалу Георгія первой степени не за дѣйствительное отличіе, а въ угожденіе дворянству, нарушаетъ статутъ ордена. Вильсонъ передаетъ слѣдующимъ образомъ слова государя, въ которыхъ, вѣроятно, выразились настоящія

чувства Александра по отношенію къ Кутузову, нѣсколько отличныя отъ офиціальной оцѣнки его дѣятельности, какъ полководца, встрѣчающейся въ рескриптахъ и указахъ того времени:

«Теперь вамъ предстоитъ выслушать отъ меня тягостное признаніе... Мнѣ извѣстно, что фельдмаршалъ ничего не исполнилъ изъ того, что слѣдовало сдѣлать, не предпринялъ противъ непріятеля ничего такого, къ чему бы онъ не былъ буквально вынужденъ обстоятельствами. Онъ побѣждалъ всегда только противъ воли; онъ сыгралъ съ нами тысячу и тысячу штукъ въ турецкомъ вкусѣ. Однако дворянство поддерживаетъ его, и, вообще, настаиваютъ на томъ, чтобы олицетворить въ немъ народную славу этой кампаніи... Мнѣ предстоитъ украсить этого человѣка орденомъ св. Георгія первой степени, но, признаюсь вамъ, я нарушаю этимъ статуты этого славнаго учрежденія... я только уступаю самой крайней необходимости. Отнынѣ я не разстанусь съ моей арміею и не подвергну ея болѣе опасностямъ подобнаго предводительства. За всѣмъ тѣмъ, это старецъ. Я прошу васъ не отказывать ему въ подобающемъ вниманіи и не отталкивать открыто оказанную съ его стороны предупредительность. Я желаю, чтобы съ этого дня прекратилось всякое между вами неудовольствіе. Мы начинаемъ новую эру; надо освятить ее живою благодарностью къ Провидѣнію и чувствами великодушнаго прощенія въ отношеніи всѣхъ».

Затѣмъ Александръ благодарилъ Вильсона за его поведеніе во время пребыванія при арміи. «Вы говорили мнѣ всегда правду, которую я другимъ путемъ не могъ услышать», заключилъ государь[209].

На слѣдующее утро, въ день рожденія императора Александра, 12-го (24-го) декабря, государь сказалъ собравшимся во дворецъ генераламъ: «Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу». Въ этихъ немногихъ словахъ была выражена тайная дума Александра явиться защитникомъ угнетенныхъ народовъ; это высокое призваніе казалось ему предназначеннымъ всевышнимъ промысломъ. День этотъ ознаменовался еще манифестомъ, провозглашавшимъ для поляковъ въ западныхъ губерніяхъ, принявшихъ сторону непріятеля, забвеніе прошлаго, всеобщее прощеніе[210]. Всепрощеніе, объявленное государемъ, разстроило намѣреніе князя Кутузова представить на монаршее воззрѣніе предположеніе, чтобы генераловъ и офицеровъ, отличившихся во время отечественной войны, наградить помѣстьями литовскихъ и бѣлорусскихъ мятежниковъ. На обѣдѣ у фельдмаршала, когда пили здоровье императора при громѣ орудій, Кутузовъ сказалъ государю, что наши артиллеристы палятъ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ французскимъ порохомъ. Вечеромъ императоръ Александръ посѣтилъ балъ у главнокомандующаго, который, незадолго передъ тѣмъ получивъ отъ Платова отбитыя донцами знамена, повергъ ихъ къ стопамъ государя при входѣ его въ баль-

Военный совѣтъ въ Филяхъ.

Съ картины Кившенко.

ную залу. Предложеніе, сдѣланное виленскими жителями дать балъ, было отклонено императоромъ, потому что «въ настоящихъ обстоятельствахъ ни танцы, ни звуки музыки не могли быть пріятны»; согласившись же удостоить своимъ присутствіемъ балъ, данный Кутузовымъ, государь, какъ онъ выразился, имѣлъ въ виду единственно сдѣлать удовольствіе старику.

Дѣйствительно, Вильна ко времени прибытія императора Александра представляла нерадостное зрѣлище. Городъ былъ переполненъ ранеными и больными. На всѣхъ главныхъ улицахъ были разведены большіе костры для уничтоженія міазмовъ и очищенія воздуха. Госпиталь въ Базиліанскомъ монастырѣ представлялъ наиболѣе ужасающую картину: 7,500 труповъ были навалены другъ на друга по коридорамъ, подобно грудамъ свинца; разбросанные трупы валялись всюду и въ другихъ помѣщеніяхъ; всѣ отверстія разбитыхъ оконъ или стѣнъ были заткнуты руками, ногами, туловищами и головами мертвыхъ, чтобы предохранить живыхъ отъ доступа холоднаго воздуха. И въ этихъ помѣщеніяхъ, наполненныхъ зловредными испареніями, лежали несчастные больные и раненые, обреченные на гибель. Пріѣздъ въ Вильну Александра былъ истиннымъ благодѣяніемъ Провидѣнія для оставшихся въ живыхъ непріятелей, которымъ немедленно была оказана всевозможная помощь не только по его повелѣнію, но даже подъ его личнымъ надзоромъ. Государь не побоялся явиться среди гнѣздилища смерти и, не думая о заразѣ, утѣшалъ своимъ присутствіемъ тѣхъ, кого долгъ и несчастіе собрали въ эти скорбныя помѣщенія. Никто не прославилъ тогда трогательныхъ проявленій человѣколюбія и милосердія Александра къ падшимъ врагамъ, но они не должны быть забыты потомствомъ. «Я изстрадался», признался императоръ во время одной изъ дружескихъ бесѣдъ въ Вильнѣ съ фрейлиною графинею Тизенгаузъ. «Я не обладаю счастливой философіей Наполеона, и эта несчастная кампанія стоитъ мнѣ десяти лѣтъ жизни» [211].

Вскорѣ получено было въ Вильнѣ извѣстіе чрезвычайной политической и военной важности: прусскій генералъ Іоркъ, подчиненный маршалу Макдональду, заключилъ съ генераломъ Дибичемъ на Пошерунской мельницѣ, недалеко отъ Таурогена, конвенцію, по условіямъ которой было положено, чтобы ввѣренныя ему войска расположились между Мемелемъ и Тильзитомъ на пространствѣ, признанномъ нейтральнымъ на все время стоянки прусскихъ войскъ. Такимъ образомъ, отложеніе Іорка отъ корпуса Макдональда лишило французовъ въ самую критическую минуту похода 1812 года содѣйствія вполнѣ сохранившихся къ бою 16,000 человѣкъ съ 48 орудіями. Войска графа Витгенштейна, перешедшія черезъ Нѣманъ у Юрбурга 16-го (28-го) декабря, направились къ Кенигсбергу, и 24-го декабря (5-го января 1813 года) русскій авангардъ безпрепятственно занялъ этотъ городъ.

Графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.

Съ гравюры Карделли.

15

Napoléon, Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin, Médiateur de la Confédération Suisse, &c. &c.

Avons décrété et décrétons:

Art. 1er.

Le Colonel Nagle, est nommé Général de brigade.

Art. 2.

Il sera employé, en cette qualité, au 4ème Corps de la Grande armée

Art. 3.

Notre M[illegible] de la Guerre est chargé de l'exécution du présent décret.

Donné à notre quartier général Impérial de Moscou, le 11 Octobre 1812.

ПРИКАЗЪ НАПОЛЕОНА, ОТДАННЫЙ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

Несмотря на успѣшное окончаніе похода и изгнаніе Наполеоновскихъ полчищъ изъ предѣловъ Россіи, Кутузовъ не сразу согласился съ мнѣніемъ императора Александра о необходимости продолжать войну въ предѣлахъ Германіи и освободить Европу. «Слава Богу, у насъ все хорошо, но нѣсколько трудно выжить отсюда фельдмаршала, что весьма необходимо», писалъ императоръ графу Салтыкову[212]. «Вашъ обѣтъ исполненъ; ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось на русской землѣ; теперь остается исполнить и вторую половину обѣта—положить оружіе», сказалъ Кутузовъ Александру. Но государь не внялъ ни доводамъ своего полководца, ни голосу общаго мнѣнія въ Россіи, которое было противъ заграничной войны. Полагали, что, отразивъ нашествіе, съ Наполеономъ можно заключить миръ самый для насъ выгодный и что нѣтъ причины переступать за Нѣманъ, навстрѣчу новымъ случайностямъ перемѣнчиваго счастія. Итакъ, война за освобожденіе Европы отъ французскаго ига, рѣшенная императоромъ Александромъ, является его личнымъ достояніемъ, принадлежитъ ему одному.

Шишковъ, сочувствовавшій взглядамъ Кутузова относительно необходимости отказаться отъ заграничнаго похода, какъ не соотвѣтствующаго выгодамъ Россіи, спросилъ фельдмаршала, отчего онъ не настаиваетъ на этомъ передъ государемъ? «Онъ», прибавилъ Шишковъ, «по вашему сану и знаменитымъ подвигамъ, конечно, уважилъ бы ваши совѣты». Кутузовъ отвѣчалъ: «Я представлялъ ему объ этомъ, но, первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно; и, другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ: тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ»[213].

Наполеонъ, съ своей стороны, также не могъ не сознавать всей пользы для себя отъ примиренія съ Россіею и высказалъ по этому поводу весною 1813 года, когда прибылъ въ Эрфуртъ во главѣ вновь сформированной арміи, слѣдующія мысли: «Всего проще и разсудительнѣе было бы войти въ непосредственное соглашеніе съ императоромъ Александромъ. Я всегда считалъ польскій вопросъ средствомъ, а отнюдь не главнымъ дѣломъ. Удовлетворивъ Россію на счетъ Польши, мы могли бы унизить и уничтожить Австрію. Какихъ бы уступокъ ни сдѣлалъ императоръ Александръ, если бы мы, чтобы выйти изъ затрудненія, уступили ему Польшу. Посылка въ русскую главную квартиру раздѣлила бы весь міръ между нами»[214].

Обѣ враждовавшія стороны поступили, однако, какъ разъ противно своимъ истиннымъ интересамъ. Война продолжалась.

25-го декабря 1812 года (6-го января 1813 года), въ день Рождества Христова, манифестомъ было возвѣщено Россіи о благополучномъ окончаніи Отечественной войны[215]; вмѣстѣ съ тѣмъ въ особомъ

манифестѣ государь высказалъ намѣреніе соорудить въ Москвѣ храмъ во имя Спасителя Христа, въ ознаменованіе благодарности къ промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели.

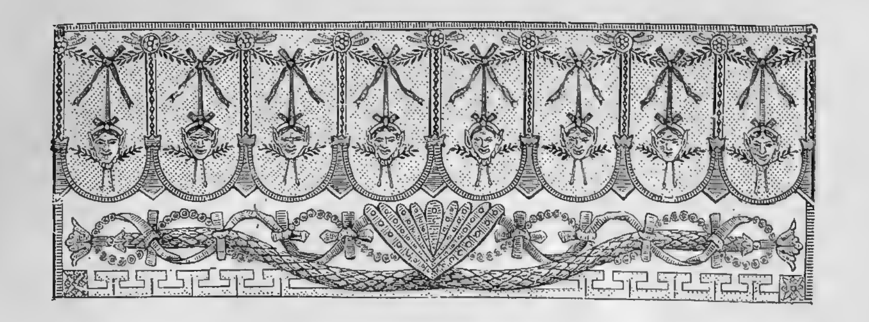
28-го декабря 1812 года (9-го января 1813 года), главныя силы выступили изъ Вильны, направляясь къ Меречу на Нѣманѣ. При нихъ находились императоръ Александръ и Кутузовъ. Начиналась война за освобожденіе Германіи.

Кому принадлежитъ честь этого безкорыстнаго подвига? — Несмотря на гибель великой арміи, не будь Александра, Европа не возстала бы противъ Наполеона. Отважился ли бы на это Фридрихъ-Вильгельмъ, вышедшій тогда изъ-подъ вліянія Кекерица и Цастрова, но слѣдовавшій внушеніямъ еще болѣе ничтожныхъ Калькрейта и Витгенштейна? Пожелали ли бы этого двуличные Францъ и Меттернихъ? Нѣтъ; Пруссія вела одновременно переговоры съ Россіею и Франціею, Австрія же довольствовалась пока выжидательнымъ положеніемъ. Пришло ли бы нѣчто подобное въ голову князьямъ Рейнскаго союза? Нѣтъ, напротивъ того, они не замедлили послѣдовать повелѣнію своего протектора и приступили къ усиленнымъ вооруженіямъ. Могли ли бы сдѣлать что-либо германскіе патріоты? «Нѣтъ и еще разъ нѣтъ!» восклицаетъ одинъ изъ правдивыхъ нѣмецкихъ историковъ: «безъ Александра не было бы войны 1813 года»[216].

Итакъ, Германія и въ особенности Пруссія всецѣло обязаны своимъ освобожденіемъ и независимостью великодушной инипіативѣ императора Александра.

Тѣмъ не менѣе, безкорыстная помощь Россіи давно позабыта и даже отрицается нѣмецкою исторіографіею; оказывается, напротивъ того, что дѣло освобожденія совершено геройскими прусскими руками, а Россія только препятствовала осуществленію патріотическихъ мечтаній страны. Современники и непосредственные участники великой борьбы 1813 года оцѣнили, конечно, съ бо́льшимъ безпристрастіемъ заслуги истиннаго виновника знаменитыхъ «Befreiungskriege». Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ извѣстный прусскій фельдмаршалъ Гнейзенау; онъ писалъ: «Если бы императоръ Александръ по отступленіи Наполеона изъ Россіи не преслѣдовалъ завоевателя, вторгнувшагося въ его государство, если бы онъ удовольствовался заключеніемъ съ нимъ мира, то Пруссія нынѣ находилась бы подъ вліяніемъ Франціи, а Австрія не ополчилась бы противъ послѣдней. Тогда не было бы острова св. Елены, Наполеонъ былъ бы еще живъ, и одинъ Богъ знаетъ, какъ бы онъ выместилъ на другихъ тѣ невзгоды, какія ему пришлось вынести въ Россіи. — Русскому союзу мы обязаны нашей настоящей независимостью»[217].

Такъ разсуждалъ въ 1831 году прусскій патріотъ, мнѣніе котораго должно быть подтверждено безпристрастною исторіею.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИМПЕРАТОРЪ Александръ съ княземъ Кутузовымъ, 1-го (13-го) января 1813 года, отслужа молебенъ, перешли съ войсками Нѣманъ у Мереча и вступили въ герцогство Варшавское; они двинулись черезъ Лыкъ къ Плоцку, который заняли 24-го января (5-го февраля)[218].

Въ главной квартирѣ, по замѣчанію очевидца[219], произошла большая перемѣна противъ того, что было въ Тарутинѣ, гдѣ всѣ ходили запросто и нерѣдко въ сюртукахъ, сшитыхъ изъ солдатскаго сукна, и, вообще, жили какъ спартанцы, между тѣмъ какъ въ Плоцкѣ государь находился съ блестящею свитою, появилось множество новыхъ лицъ, щегольскихъ лошадей и экипажей. Всѣ проявляли величайшую дѣятельность, писали и составляли планы для будущихъ военныхъ дѣйствій; особенное вниманіе обращено было на формированіе запасныхъ войскъ и на заключеніе союза съ Пруссіею и Австріею. Государь былъ всегда верхомъ, одѣтъ щеголемъ, и

удовольствіе не сходило съ прекраснаго лица его. Въ герцогствѣ Варшавскомъ никто, однако, не встрѣчалъ русскихъ, какъ своихъ избавителей. Одни евреи каждаго мѣстечка, лежавшаго по дорогѣ, гдѣ проходили войска, выносили разноцвѣтныя хоругви съ изображеніемъ на нихъ вензеля государя; при приближеніи русскихъ они били въ барабаны и играли на трубахъ и литаврахъ. Иногда показывались поляки, которые, по обыкновенію своему, сами не знали, чего хотѣли; одни говорили, что имъ наскучило иго французовъ, другіе же смотрѣли на русскихъ съ сердитыми лицами, какъ вслѣдствіе вкоренившихся въ нихъ къ Россіи чувствъ, такъ и потому, что каждый шагъ русской арміи впередъ отодвигалъ часъ возстановленія Польши. Впрочемъ, полякамъ нельзя было жаловаться: войска наши соблюдали величайшій порядокъ.

Передъ началомъ заграничнаго похода генералъ-адъютантъ князь Волконскій былъ наименованъ начальникомъ главнаго штаба всѣхъ армій при фельдмаршалѣ князѣ Кутузовѣ. А. П. Ермоловъ въ запискахъ своихъ пишетъ: «Государю надобенъ былъ человѣкъ, давно къ нему приближенный и совершенно имъ испытанный. Князь Волконскій преданъ ему безпредѣльно, и не легко было бы замѣнить его другимъ. Съ этого времени отъ самого государя исходили всѣ распоряженія. Онъ наблюдалъ за исполненіемъ ихъ».

Адмиралъ Чичаговъ, огорченный неудачнымъ исходомъ его дѣйствій подъ Березиной, неоднократно просилъ уволить его отъ командованія арміею, ссылаясь на свое совершенно разстроенное здоровье; но императоръ уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ адмирала лишь во время начатой имъ блокады Торна. 3-го (15-го) февраля Чичаговъ сдалъ начальство надъ войсками Барклаю-де-Толли и уѣхалъ въ Петербургъ.

18-го (30-го) января Милорадовичъ заключилъ перемиріе съ княземъ Шварценбергомъ, которое обезпечивало австрійцамъ свободное отступленіе въ Галицію, а 26-го января (7-го февраля) русскія войска вступили въ Варшаву; ключи города были поднесены Милорадовичу тѣмъ самымъ чиновникомъ, который въ 1794 году поднесъ ихъ Суворову. По приказанію государя, Варшава была освобождена отъ постоя.

Успѣхи русскаго оружія побудили князя Адама Чарторижскаго возобновить съ императоромъ Александромъ прерванную событіями послѣдняго времени переписку. По пути въ Плоцкъ государь получилъ письмо, въ которомъ князь Адамъ предлагалъ образовать особое Польское королевство подъ властью великаго князя Михаила Павловича[220]. Императоръ отклонилъ это предложеніе и высказалъ въ отвѣтномъ письмѣ свой взглядъ на польскій вопросъ, получившій до нѣкоторой степени осуществленіе лишь въ 1814 году. «Я буду говорить съ вами совершенно откровенно», писалъ Александръ. «Для того, чтобы провести въ Польшѣ мои любимыя идеи (mes idées favorites), мнѣ, несмотря на блескъ

моего теперешняго положенія, предстоитъ побѣдить нѣкоторыя затрудненія: прежде всего, общественное мнѣніе въ Россіи—образъ поведенія у насъ польской арміи, грабежи въ Смоленскѣ и въ Москвѣ, опустошеніе всей страны оживили прежнюю ненависть. Затѣмъ, разглашеніе въ настоящую минуту моихъ намѣреній относительно Польши бросило бы всецѣло Австрію и Пруссію въ объятія Франціи: результатъ, воспрепятствовать коему было бы весьма желательно, тѣмъ болѣе, что эти державы уже выказываютъ наилучшее расположеніе ко мнѣ. Эти затрудненія, при благоразуміи и осторожности, будутъ побѣждены. Но, чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы вы и ваши соотечественники содѣйствовали мнѣ. Нужно, чтобы вы сами помогли мнѣ примирить русскихъ съ моими планами и чтобы вы оправдали всѣмъ извѣстное мое расположеніе къ полякамъ и ко всему, что относится къ ихъ любимымъ идеямъ.—Имѣйте нѣкоторое довѣріе ко мнѣ, къ моему характеру, къ моимъ убѣжденіямъ, и надежды ваши не будутъ болѣе обмануты. По мѣрѣ того, какъ будутъ выясняться результаты военныхъ дѣйствій, вы будете видѣть, до какой степени дороги мнѣ интересы вашего отечества, и насколько я вѣренъ моимъ прежнимъ идеямъ.—Что касается до формъ правленія, то вамъ извѣстно, что я всегда отдавалъ предпочтеніе формамъ либеральнымъ».

«Я долженъ предупредить васъ, однакоже, и притомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что мысль о моемъ братѣ Михаилѣ не можетъ быть допущена. Не забывайте, что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя до сихъ поръ областями русскими и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, чтобы онѣ могли быть подъ владычествомъ иного государя, кромѣ того, который царствуетъ въ ней. Что же касается до наименованія, подъ коимъ онѣ будутъ входить въ составъ имперіи, то это затрудненіе легче устранить. Итакъ, я прошу, чтобы, съ своей стороны, вы сообщили изъ этого письма то, что вы сочтете удобнымъ, лицамъ, содѣйствіе коихъ вы признаете необходимымъ; убѣдите вашихъ соотечественниковъ выказать къ Россіи и къ русскимъ добрыя чувства, для того, чтобы изгладить впечатлѣнія этой кампаніи и тѣмъ облегчить мой трудъ... Итакъ, вотъ въ общемъ выводѣ результаты, которые я могу сообщить вамъ: Польшѣ и полякамъ нечего опасаться отъ меня какой бы то ни было мести[221]. Мои намѣренія по отношенію къ нимъ все тѣ же... Успѣхи не измѣнили ни моихъ идей относительно вашего отечества, ни моихъ принциповъ вообще, и вы всегда меня найдете таковымъ, какимъ вы знали меня»[222].

Общее наступленіе русскихъ войскъ продолжалось безостановочно. Въ началѣ февраля они уже находились на берегахъ Одера, и 12-го (24-го) февраля главная квартира императора Александра была перенесена въ Калишъ. Здѣсь появился князь Адамъ Чарторижскій. При-

бытіе этого страстнаго ревнителя возстановленія Польши въ русскую армію служило доказательствомъ, что поляки начали отчаиваться въ успѣхахъ Наполеона и обратились къ новому солнцу, восходившему на политическомъ небосклонѣ Европы.

Между тѣмъ прусскій король, покинувъ Потсдамъ, переселился въ Бреславль и приступилъ къ вооруженіямъ, поддерживая одновременно переговоры съ Франціею и Россіею [223]. Колебанія короля между двумя союзами кончились, однако, тѣмъ, что 16-го (28-го) февраля 1813 года заключенъ былъ въ Калишѣ союзный договоръ съ Россіею.

Вскорѣ послѣ занятія русскими войсками Берлина, императоръ Александръ отправился въ Бреславль для свиданія съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. На силезской границѣ пруссаки встрѣтили государя, какъ своего избавителя. 3-го (15-го) марта король поѣхалъ навстрѣчу къ своему союзнику. Увидѣвъ его, государь вышелъ изъ коляски и бросился къ нему въ объятія; молча, нѣсколько минутъ, они прижимали одинъ другого къ сердцу. Не доѣзжая города, оба монарха сѣли верхомъ и торжественно въѣхали въ Бреславль при колокольномъ звонѣ и громѣ орудій. 21-го марта (2-го апрѣля) король прусскій, въ свою очередь, пріѣхалъ въ Калишъ. Императоръ Александръ ожидалъ его на первой станціи отъ города. Армія была построена на высотахъ близъ Калиша, подъ начальствомъ Кутузова, который, не имѣя силъ ѣхать верхомъ, стоялъ впереди строя. Король нашелъ войска въ отличномъ состояніи, но обратилъ вниманіе на ихъ малочисленность; дѣйствительно, собранныя здѣсь главныя силы арміи не превышали 18,000 человѣкъ. Понесенная въ Отечественную войну ужасающая убыль еще не могла быть пополнена; резервы же, выступившіе изъ Россіи, были задержаны на пути непроходимою грязью.

Съ открытіемъ заграничнаго похода здоровье князя Кутузова видимо начинало слабѣть. Хотя вліяніе его отчасти ограничивалось присутствіемъ государя, но безъ его воли ни къ чему не приступали. Когда недуги не позволяли ему лично докладывать дѣла, то Александръ приходилъ къ нему самъ и занимался съ нимъ въ его кабинетѣ. Вообще, императоръ обращался съ фельдмаршаломъ со всевозможнымъ уваженіемъ; казалось, что онъ хотѣлъ вознаградить его за тѣ неудовольствія и огорченія, которыя были испытаны имъ со времени Аустерлицкаго сраженія. Графъ Витгенштейнъ, Блюхеръ, почти всѣ генералы, настаивали на необходимости быстрѣйшаго перенесенія наступательныхъ дѣйствій за Эльбу. Упорствовалъ въ противномъ только Кутузовъ, не желавшій дѣйствовать наудачу, не принявъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей для обезпеченія успѣха.—«Самое легкое дѣло», сказалъ онъ однажды съ негодованіемъ, «идти теперь за Эльбу, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ крови».

26-го марта (7-го апрѣля) императоръ Александръ выступилъ съ главною арміею изъ Калиша, направляясь въ Саксонію. Наканунѣ въ приказѣ по арміи, отданномъ государемъ, было сказано, что Пруссія идетъ вмѣстѣ съ нами «положить конецъ сему нестерпимому кичению, которое, несмотря на собственную свою и другихъ земель пагубу,

Французская армія подъ Москвой.
Съ гравюры Бейера, сдѣланной съ картины Шарлантье.

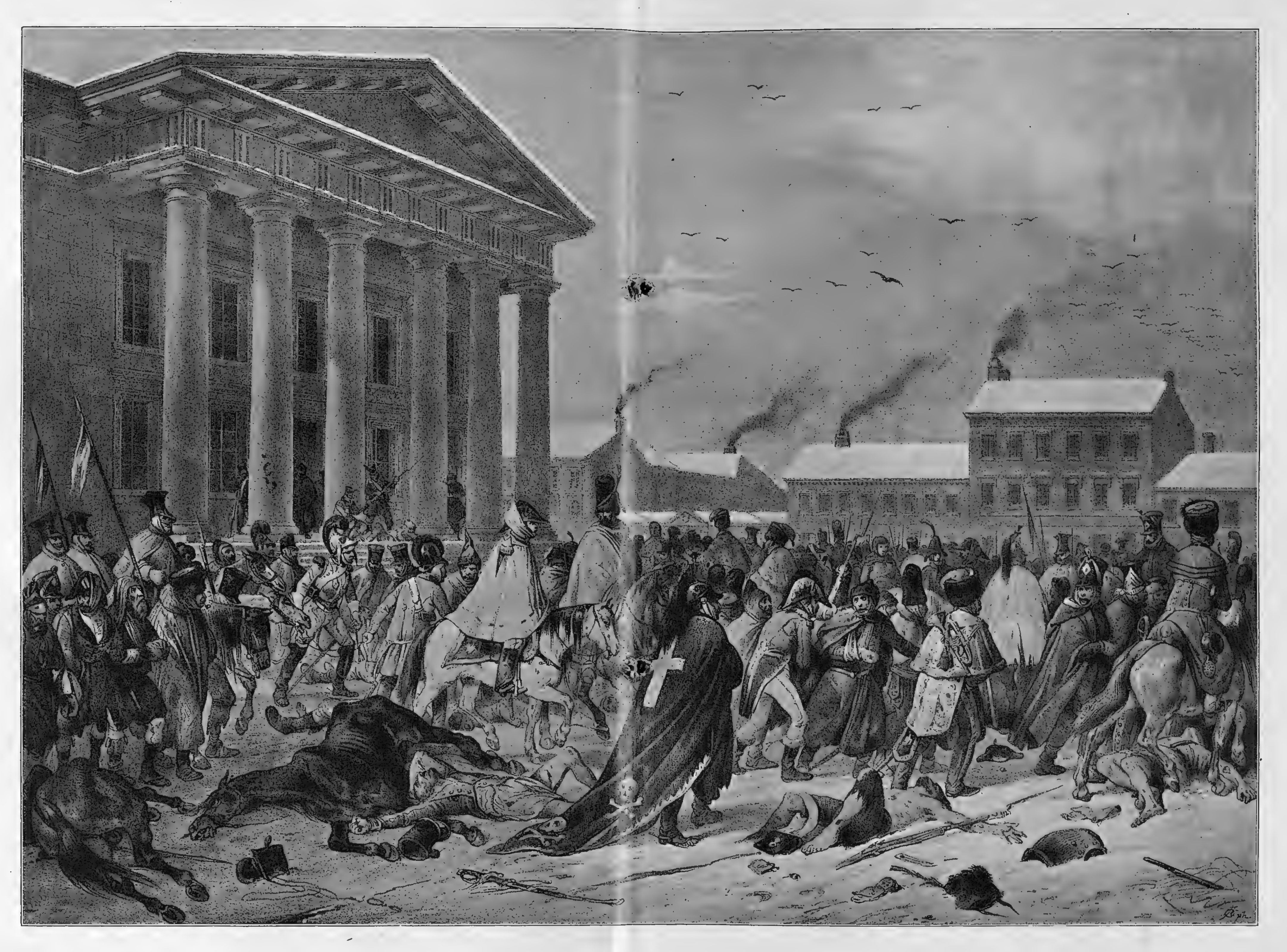
алчетъ рѣками крови и грудами костей человѣческихъ утвердить господство свое надъ всѣми державами... Мы стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу противъ властолюбія, за человѣчество — противъ звѣрства. Богъ видитъ нашу правду! Онъ покоритъ подъ ноги наши гордаго врага и посрамитъ ползающихъ къ стыду человѣчества предъ нимъ рабовъ».

Главное начальство надъ прусскими войсками король предоставилъ нашему фельдмаршалу. Въ первомъ силезскомъ городѣ, Мпличѣ, появленіе Кутузова вызвало необыкновенный восторгъ со стороны населенія. На улицахъ кричали: «Vivat der grosse Alte! Vivat unser Grossvater Kutuzoff!» — «Такого энтузіазма не будетъ въ Россіи», писалъ фельдмаршалъ женѣ: «нѣсть пророкъ честенъ во отечествѣ своемъ». 3-го (15-го) апрѣля армія перешла въ Штейнау черезъ Одеръ. У моста императору Александру поднесли лавровый вѣнокъ. Государь отослалъ его Кутузову, сказавъ, что лавры принадлежатъ ему.

По прибытіи главной квартиры въ Бунцлау, 6-го (18-го) апрѣля, болѣзнь Кутузова не позволила ему далѣе слѣдовать за арміею. Фридрихъ-Вильгельмъ поручилъ попеченіе о немъ знаменитому врачу Гуфеланду; но дни фельдмаршала были уже сочтены: онъ скончался 16-го (28-го) апрѣля. «Болѣзненная и великая не для однѣхъ васъ, но и для всего отечества потеря», писалъ государь овдовѣвшей княгинѣ. «Не вы одна проливаете о немъ слезы: съ вами плачу я, и плачетъ вся Россія!» [224].

По полученіи извѣстія о кончинѣ славнаго вождя, императоръ Александръ поручилъ главное начальство надъ арміями графу Витгенштейну, хотя въ дѣйствующихъ войскахъ находились генералы старѣе его въ чинѣ. Король прусскій послѣдовалъ примѣру государя и также подчинилъ свои войска графу Витгенштейну. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ приказалъ до времени утаить это извѣстіе отъ войскъ, пишетъ Шишковъ, дабы передъ самымъ наступающимъ сраженіемъ не привесть ихъ въ уныніе.

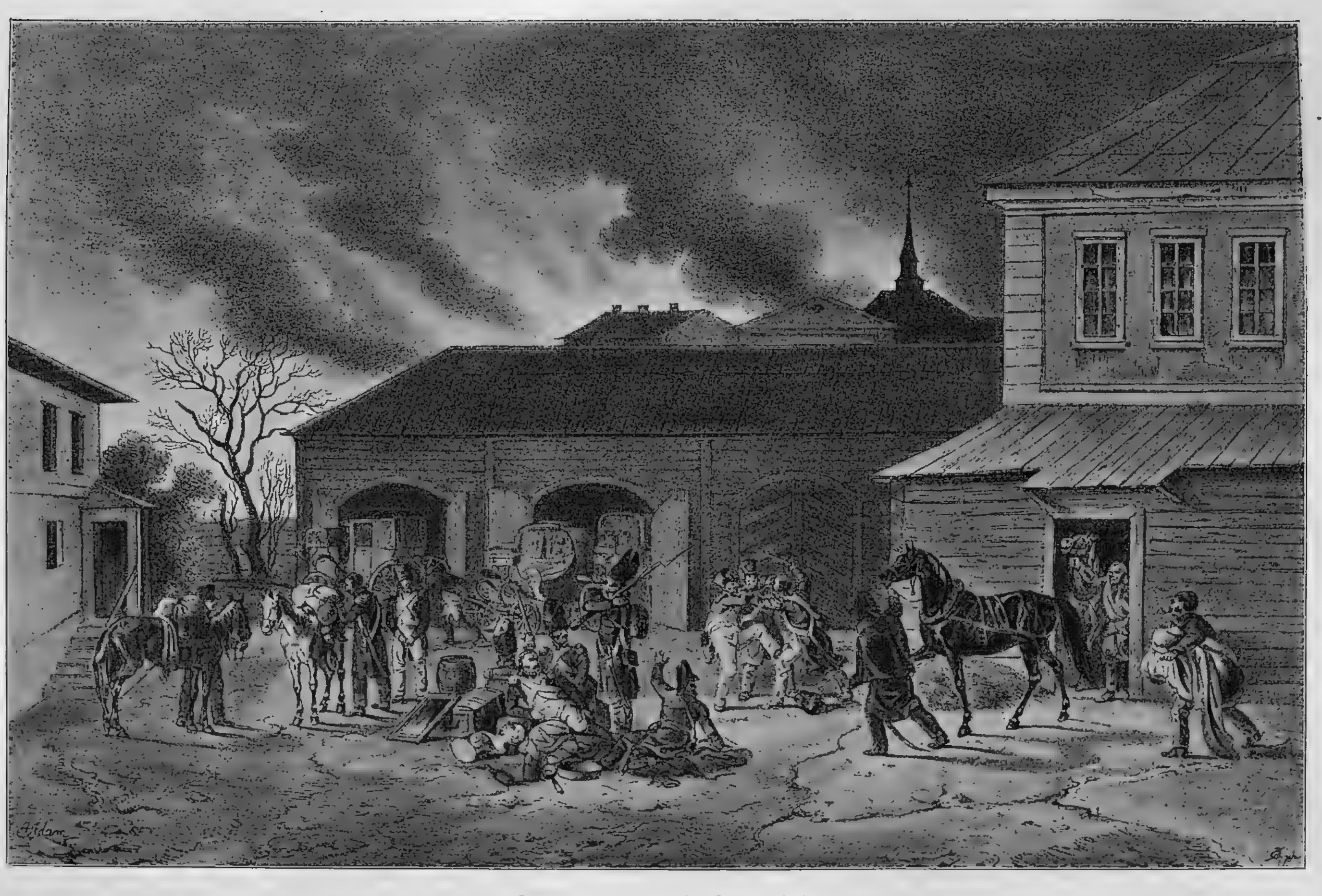
Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія, т. е. 12-го (24-го) апрѣля, императоръ Александръ прибылъ въ Дрезденъ. По свидѣтельству очевидца, А. С. Шишкова, великолѣпіе въѣзда государя въ столицу Саксоніи было очаровательно, представляя «картину, которую никакимъ перомъ, ни кистью изобразить невозможно. День былъ прекраснѣйшій, и солнце посреди неба сіяло во всемъ своемъ блескѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги стояли въ парадѣ наши и прусскія войска. Къ нимъ присоединялась саксонская гвардія. Толпящійся народъ версты за три выбѣжалъ къ намъ навстрѣчу. Государь съ прусскимъ королемъ ѣхали верхами. За нимъ многочисленная свита чиновниковъ верхами и въ коляскахъ. Музыка гремѣла. Радостные крики раздавались. По въѣздѣ въ городъ государь и король остановились на площади, гдѣ всѣ войска, при множествѣ зрителей, наполнявшихъ улицы и окна домовъ, проходили мимо ихъ. По окончаніи сего прусскій король проводилъ государя въ такъ называемый Бриблевъ дворецъ и, откланявшись, отправился въ отведенный для него домъ. Между тѣмъ государю представлялись всѣ здѣшніе чиновники и съѣхавшіеся сюда изъ разныхъ городовъ посланники наши: Ханыковъ,

ОТСТУПЛЕНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ЧЕРЕЗЪ ВИЛЬНО ВЪ 1812 ГОДУ.

Съ литографіи, сдѣланной съ рисунка съ натуры Даніеля.

17.

Французы въ Москвѣ въ 1812 г.

Съ литографіи того времени Германа.

Головкинъ, Барятинскій, Алопеусъ, Мальтицъ и нѣкто, давно живущій здѣсь Путятинъ. Отпустя ихъ, государь ходилъ осматривать дворецъ и очень былъ веселъ. Онъ сказалъ намъ шутя: «Здѣсь нѣтъ у насъ экипажей,—мы можемъ ходить пѣшкомъ». И въ самомъ дѣлѣ пошелъ пѣшкомъ къ прусскому королю въ домъ, отведенный ему за рѣкою, съ полверсты отъ Брилева дворца. Лишь только онъ вышелъ, народъ тотчасъ окружилъ его, и мы шли, какъ туда, такъ и оттуда, посреди многочисленной толпы, которая за нимъ и передъ нимъ бѣжала и почти безпрестанно кричала: ура!»[225].

Король саксонскій не раздѣлялъ радостныхъ чувствъ, одушевлявшихъ его подданныхъ при встрѣчѣ ихъ съ русско-прусскими войсками. Сомнѣваясь въ успѣшномъ исходѣ борьбы императора Александра съ Наполеономъ, онъ благоразумно удалился въ Богемію, выжидая дальнѣйшаго хода освободительнаго движенія въ Германіи.

Рѣшительная минута приближалась. 5-го (17-го) апрѣля Наполеонъ прибылъ въ Майнцъ, а 16-го (28-го) апрѣля въ Веймаръ, гдѣ, сѣвъ на коня, отправился къ арміи, двигавшейся въ долинѣ рѣки Заалы. Онъ сказалъ при открытіи имъ этой новой кампаніи: «Je ferai cette campagne comme le général Bonaparte et non pas en empereur».

Подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона къ Лейпцигу двинулись 125,000 человѣкъ (въ томъ числѣ 8,000 плохой кавалеріи) при 250 орудіяхъ. 20-го апрѣля (2-го мая) разбросанныя силы французовъ были неожиданно атакованы подъ Люценомъ союзниками, располагавшими для боя 72,000 войскъ (39,000 русскихъ и 33,000 прусскихъ). Императоръ Александръ и король прусскій, выѣхавъ 17-го (29-го апрѣля) изъ Дрездена, прибыли къ войскамъ и участвовали въ разыгравшемся на люценскихъ поляхъ сраженіи, находясь нерѣдко подъ ружейнымъ огнемъ. На просьбу окружавшихъ государя удалиться изъ опаснаго мѣста Александръ отвѣтилъ: «Для меня здѣсь нѣтъ пуль».

По словамъ Гнейзенау, «основная идея боя была хороша, а распоряженія плохи. Потеряно время на медленное развертываніе войскъ вмѣсто внезапнаго нападенія на настигнутаго врасплохъ непріятеля». Вообще, обстановку, при которой начался бой, нельзя назвать благопріятною. Сраженіемъ долженъ былъ руководить графъ Витгенштейнъ, вступившій въ командованіе русско-прусскими войсками лишь въ день Люценскаго сраженія, и который, слѣдовательно, не могъ знать ни состава, ни нуждъ арміи; здѣсь, среди поля, императоръ Александръ даже впервые встрѣтился съ нимъ послѣ похода 1812 года. Къ тому же, присутствіе при арміи двухъ монарховъ должно было неизбѣжно стѣснять свободу дѣйствій полководца, которому была ввѣрена участь войскъ. Такимъ образомъ, оказывалось, что графъ Витгенштейнъ былъ, въ сущности, главнокомандующимъ только по названію.

Наполеонъ и въ этотъ день восторжествовалъ надъ своими противниками съ обычнымъ ему искусствомъ; это было, какъ онъ выразился, сраженіе, данное и выигранное главнокомандующимъ арміи итальянской и египетской[226]. Къ вечеру союзники стали уже помышлять о безопасномъ отступленіи. Императоръ и король прусскій только съ наступленіемъ темноты оставили поле сраженія и отправились ночевать въ деревню Гройчъ, съ трудомъ пробираясь среди раненыхъ и всякаго рода повозокъ при помощи фельдъегеря, освѣщавшаго имъ путь фонаремъ.

Когда Александръ изъ полученныхъ имъ донесеній убѣдился въ необходимости отказаться отъ продолженія боя на слѣдующій день, онъ ночью отправился въ домъ, который занималъ король, и приказалъ разбудить его, чтобы сообщить союзнику эту печальную вѣсть. Фридрихъ-Вильгельмъ, замѣтно огорченный, отвѣчалъ съ нѣкоторою запальчивостью: «Это мнѣ знакомо; если только мы начнемъ отступать, то не остановимся на Эльбѣ, но перейдемъ также за Вислу; дѣйствуя такимъ образомъ, я себя снова вижу въ Мемелѣ». Императоръ удалился; король вскочилъ съ постели и, подойдя къ окну, сказалъ: «То же самое, какъ и при Ауерштедтѣ». Онъ успокоился только тогда, когда раненый генералъ Шарнгорстъ убѣдилъ его въ необходимости для Пруссіи сохранить неразрывнымъ союзъ съ Россіею[227].

На разсвѣтѣ, 21-го апрѣля (3-го мая), штабсъ-капитанъ свиты его величества по квартирмейстерской части Михайловскій-Данилевскій былъ посланъ къ графу Витгенштейну узнать отъ него о распоряженіяхъ на наступавшій день. Долго Данилевскій ѣздилъ по полямъ: никто не зналъ, гдѣ главнокомандующій; наконецъ онъ нашелъ графа, хладнокровно сидѣвшаго въ полѣ, и получилъ отвѣтъ, что такъ какъ въ арміи находится императоръ, то главнокомандующій ожидаетъ повелѣній отъ его величества. Такимъ образомъ, оказалось, что никто не давалъ приказаній: государь разсчитывалъ на главнокомандующаго, а послѣдній на государя. Возвратившись отъ графа Витгенштейна, Данилевскій былъ посланъ къ Милорадовичу съ приказаніемъ ему отъ государя принять начальство надъ аріергардомъ и прикрывать отступленіе арміи. Милорадовичъ находился въ городкѣ Цейцъ, гдѣ провелъ день Люценскаго сраженія съ 11,500 человѣкъ въ бездѣйствіи, служа резервомъ, который графъ Витгенштейнъ не призналъ возможнымъ ввести въ дѣло, чтобы обезпечить армію отъ возможнаго обхода съ лѣваго фланга. «Съ Наполеономъ», говорилъ графъ, «нельзя сражаться, не имѣя за собою сильнаго резерва». Данилевскій засталъ Милорадовича совершенно разстроеннымъ; онъ сказалъ ему: «Вчера я плакалъ, какъ ребенокъ, потому что въ первый разъ въ жизни, слыша пушечные выстрѣлы, не участвовалъ въ дѣлѣ. Доложите государю, что я буду служить подъ чьею командою онъ при-

кажетъ; если мнѣ не ввѣряютъ арміи, то пусть дадутъ батальонъ или роту, мнѣ все равно».

Рѣшено было отступить на правый берегъ Эльбы. Политическія соображенія не позволили вступить во вторичное сраженіе, не имѣя увѣренности въ успѣхѣ. Нельзя было также забыть Австрію; поэтому императоръ Александръ справедливо замѣтилъ: «Осторожность должна была взять верхъ, когда приходилось разсчитывать на содѣйствіе третьей державы»[228]. Въ Пенигѣ государь и нѣсколько приближенныхъ къ нему особъ проскакали мимо Данилевскаго во весь опоръ въ колясках. Князь Волконскій, сидѣвшій въ одной изъ нихъ, увидя Данилевскаго, остановился и сказалъ: «Напиши въ реляціи, что мы идемъ фланговымъ маршемъ». Едва онъ выговорилъ эти слова, какъ закричалъ своему почтальону: «пошелъ», и понесся вслѣдъ за государемъ. «Какова должна быть исторія, основанная на подобныхъ матеріалахъ», писалъ будущій историографъ войны 1813 года въ своихъ запискахъ: «а къ сожалѣнію, большая часть исторій не имѣетъ лучшихъ источниковъ»[229].

Вечеромъ того же дня государь прислалъ Данилевскому собственноручную записку слѣдующаго содержанія для помѣщенія какъ бы отъ главнокомандующаго въ концѣ реляціи: «Я вообще не могу довольно отдать справедливости всѣмъ войскамъ, сражавшимся въ сей достопамятный день подъ глазами своихъ государей, храбрости ихъ, такъ и порядку, съ коимъ подъ жарчайшимъ огнемъ всѣ движенія были исполняемы... Вслѣдъ за симъ не премину я представить объ отличившихся».

Въ реляціи Люценское сраженіе было выставлено какъ побѣда; графъ Витгенштейнъ былъ награжденъ Андреевской лентой, а Блюхеръ орденомъ св. Георгія второй степени.

По неимѣнію кавалеріи Наполеонъ не могъ извлечь особенной выгоды изъ Люценскаго боя, благодаря чему союзная армія могла совершить отступленіе къ Эльбѣ въ полномъ порядкѣ и съ относительно незначительными потерями. Французы заняли Дрезденъ 26-го апрѣля (8-го мая). Наполеонъ, настойчиво пригласивъ короля саксонскаго возвратиться въ покинутое имъ государство, вмѣстѣ съ нимъ въѣхалъ въ Дрезденъ 30-го апрѣля (12-го мая) при громѣ пушекъ, колокольномъ звонѣ и восклицаніяхъ войскъ. Союзныя войска отступили къ Бауцену, гдѣ расположились на выгодной позиціи, которую начали укрѣплять. Императоръ Александръ поселился въ замкѣ Вуршенъ. Генералъ Милорадовичъ, оказавшій арміи незабвенныя заслуги во время отступленія отъ Люцена къ Бауцену, былъ возведенъ въ графское достоинство. Къ союзникамъ подошли подкрѣпленія; главнѣйшія изъ нихъ принадлежали Барклаю де-Толли, прибывшему въ Бауценъ послѣ покоренія Торна. Вслѣдствіе этого силы возрасли до 100,000 человѣкъ (70,000 русскихъ и 30,000 пруссаковъ) при 610 орудіяхъ.

Молебствіе въ церкви св. Евпла въ Москвѣ, въ присутствіи французовъ, 15-го сентября 1812 года.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Кавалергардскаго полка».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Между тѣмъ Австрія, постепенно уклоняясь отъ союза съ Наполеономъ, приняла на себя роль посредницы для возстановленія общаго мира. Раздраженный явною измѣною родственнаго ему австрійскаго двора и тяжкими условіями, намѣченными Меттернихомъ для общаго примиренія, Наполеонъ сдѣлалъ попытку вступить въ непосредственное соглашеніе съ императоромъ Александромъ; онъ намѣревался договориться съ нимъ о славномъ для Россіи мирѣ, чтобы заставить Австрію поплатиться за коварную политику и нарушеніе союза. Съ этою цѣлью онъ послалъ Коленкура, удостоеннаго, во время пребыванія въ Петербургѣ, особенной благосклонности императора Александра, съ предложеніемъ заключить перемиріе и открыть переговоры о мирѣ. «Если я долженъ принести какія-либо жертвы», сказалъ Наполеонъ Коленкуру: «то охотнѣе сдѣлаю ихъ въ пользу императора Александра, который ведетъ со мною войну открыто, либо въ пользу короля прусскаго, въ коемъ принимаетъ участіе Россія, нежели въ угожденіе Австріи, разорвавшей союзъ со мною и присвоивающей себѣ, подъ предлогомъ посредничества, право распоряжаться дѣлами Европы.—Императоръ Александръ долженъ охотно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отомстить блистательно за глупую диверсію австрійцевъ въ Россію». Надежды и расчеты Наполеона не оправдались. Коленкуръ не былъ допущенъ въ союзную квартиру; государь объявилъ, что всѣ переговоры должны быть ведены черезъ Австрію. Такимъ образомъ, Александръ, предпочитая общее благо Европы частнымъ выгодамъ, какія его имперія могла бы пріобрѣсти, заключивъ отдѣльный миръ съ Наполеономъ, отклонилъ условія, которыя были полезны только для Россіи [230]. Независимо отъ заботъ, касавшихся общаго благополучія Европы, для Александра казалось невозможнымъ протянуть руку примиренія Наполеону послѣ всѣхъ ужасовъ, сопровождавшихъ вторженіе его полчищъ въ Россію; отнынѣ «ce grand diable d'homme» [231], какъ онъ называлъ его до перехода черезъ Нѣманъ, сдѣлался для него уже современнымъ Аттилою (Attila moderne). Очарованіе исчезло и навсегда.

Итакъ, Наполеону оставался одинъ исходъ — снова обратиться къ оружію. 8-го (20-го) и 9-го (21-го) мая въ Бауценѣ разыгралось кровопролитное сраженіе, которое окончилось новымъ торжествомъ Наполеона. Александръ слѣдилъ за сраженіемъ съ высотъ при деревнѣ Кайнѣ. Во время боя 9-го (21-го) мая Александръ и Наполеонъ прибыли на поле сраженія въ 5 часовъ утра и находились одинъ въ виду другого; государь расположился на горѣ позади деревень Башюцъ и Іенковицъ, Наполеонъ на высотахъ при Нидеръ-Кайнѣ. Государь не съѣзжалъ съ высоты до отступленія армій; Наполеонъ также не трогался съ мѣста во весь день. Графъ Витгенштейнъ ни на минуту не оставлялъ государя и ни разу не подъѣзжалъ къ войскамъ. Около четырехъ часовъ пополудни государю было предложено прервать сраженіе. «Я не желаю быть

свидѣтелемъ этого пораженія. Прикажите отступать»[232], сказалъ Александръ главнокомандующему, оставляя поле сраженія. Отступленіе исполнено было въ совершенномъ порядкѣ. Союзныя войска понесли въ два дня уронъ въ 12,000 человѣкъ; но непріятелю не удалось взять ни орудія, ни знамени, ни повозки у арміи, выдержавшей двухдневный бой. Наполеонъ въ неудовольствіи, что сраженіе при Бауценѣ не доставило ему никакихъ трофеевъ, сказалъ съ негодованіемъ: «Какъ, послѣ такой бойни не достигнуто никакихъ результатовъ! Нѣтъ плѣнныхъ! Эти люди не оставятъ мнѣ гвоздя»[233].

Союзные монархи направились къ Рейхенбаху. Императоръ Александръ ѣхалъ шагомъ, стараясь утѣшить короля прусскаго. «Я ожидалъ иного!» сказалъ Фридрихъ-Вильгельмъ: «мы надѣялись идти на западъ, а двигаемся на востокъ». Государь отвѣчалъ, что ни одинъ изъ союзныхъ батальоновъ не былъ разстроенъ, и что, хотя отступленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ, однакоже еще ничего не потеряно, и, съ помощію Божіей, дѣла пойдутъ лучше. «Если Богъ благословитъ наши общія усилія», возразилъ король: «то мы должны будемъ сознаться предъ лицомъ всего свѣта, что Ему одному принадлежитъ слава успѣха». Александръ, пожавъ руку своему другу, изъявилъ ему, что онъ совершенно раздѣляетъ эти чувства[234].

Въ Рейхенбахѣ государь повелѣлъ графу Витгенштейну продолжать отступленіе къ Швейдницу, чтобы сблизиться съ корпусомъ Сакена и съ резервами, шедшими изъ Россіи, но въ особенности для того, чтобы не удаляться отъ австрійской границы въ надеждѣ на содѣйствіе вѣнскаго двора. Французы, между тѣмъ, продолжали подвигаться къ Одеру, заняли Лигницъ, Неймаркъ и наконецъ Бреславль.

Ближайшимъ послѣдствіемъ Бауценскаго сраженія было назначеніе новаго главнокомандующаго союзной русско-прусской арміи: Барклая де-Толли. Оно состоялось 17-го (29-го) мая. Очевидецъ событій войны 1813 года, Михайловскій-Данилевскій, пишетъ, что послѣ пораженій подъ Люценомъ и Бауценомъ стало очевиднымъ, насколько званіе, въ которое, послѣ смерти Кутузова, былъ облеченъ графъ Витгенштейнъ, не соотвѣтствовало его силамъ. «Безпечность его относительно внутренняго управленія арміи привела ее въ разстройство до такой степени, что иногда не знали расположенія нѣкоторыхъ полковъ. Главная квартира его походила на городскую площадь, наполненную вѣстовщиками. По добротѣ души своей, онъ не воспрещалъ къ себѣ свободнаго доступа никому; комнаты его наполнены были всегда праздными офицерами, которые разглашали свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, даже и самыхъ секретныхъ; по этой причинѣ, какъ бы тайно ни было дано повелѣніе графу, оно немедленно дѣлалось всѣмъ извѣстнымъ. Я не постигаю, какъ Наполеонъ не воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы со-

брать свѣдѣнія о томъ, что у насъ происходило. Союзники наши, пруссаки, равномѣрно были недовольны графомъ Витгенштейномъ; это и неудивительно: имъ необходима была побѣда, а подъ предводительствомъ его они испытали два пораженія и видѣли ежедневно увеличивавшееся разстройство арміи. Такимъ образомъ, графъ Витгенштейнъ, недавно еще превозносимый, какъ оплотъ Европы, упалъ съ этой высоты и испыталъ участь, свойственную тѣмъ, кому счастіе перестаетъ улыбаться; тѣ, которые восхваляли его до небесъ, первые его оставили и наводнили главную квартиру государя, съ тѣмъ, чтобы искать мѣста, въ которомъ бы можно было пріобрѣсти имъ болѣе знаковъ отличія, страсть къ коимъ до невѣроятной степени усилилась тогда въ нашей арміи. Недавно ставили его на ряду съ Кутузовымъ и полагали, что кончина фельдмаршала не можетъ имѣть послѣдствій на ходъ военныхъ дѣйствій, потому что его заступилъ Витгенштейнъ: но это самое сравненіе сдѣлалось для новаго главнокомандующаго пагубнымъ, ибо при паденіи его начали сравнивать порядокъ, бывшій при жизни Кутузова въ арміи, подчиненность между генералами и рядъ неслыханныхъ успѣховъ съ тѣмъ, что случилось при преемникѣ его. Легко заступить мѣсто знаменитаго мужа, но трудно замѣнить его».

Ко всему этому, для полной характеристики тогдашней обстановки, необходимо еще добавить, что въ арміи находились три генерала старше Витгенштейна чинами: Барклай де-Толли, Милорадовичъ и Блюхеръ; поэтому, вмѣсто того, чтобы приказывать, Витгенштейну приходилось нерѣдко просить и вести переговоры, почитая одолженіемъ то, что онъ имѣлъ право требовать. Случалось также, что донесенія поступали прямо въ главную квартиру государя и короля, и въ отвѣтъ посылались разрѣшенія, нерѣдко помимо главнокомандующаго, отчего происходили недоразумѣнія и столкновенія властей.

Графъ Милорадовичъ наиболѣе содѣйствовалъ возведенію Барклая въ главнокомандующіе. 13-го (25-го) мая онъ поѣхалъ къ Витгенштейну и сказалъ ему: «Зная благородный образъ вашихъ мыслей, я намѣренъ объясниться съ вами откровенно. Безпорядки въ арміи умножаются ежедневно, всѣ на васъ ропщутъ, и благо отечества требуетъ, чтобы назначили на мѣсто ваше другого главнокомандующаго».—«Вы старѣе меня», отвѣчалъ графъ Витгенштейнъ, «и я охотно буду служить подъ начальствомъ вашимъ или другого, котораго императоръ опредѣлитъ на мое мѣсто». Послѣ этого объясненія Милорадовичъ поѣхалъ къ государю, изобразилъ ему настоящее положеніе дѣлъ и просилъ его принять лично начальство надъ арміею, на что Александръ отвѣтилъ: «Я взялъ на себя управленіе политическими дѣлами; что же касается до военныхъ, то я не беру ихъ на себя».—«Въ такомъ случаѣ поручите армію Барклаю, онъ старѣе всѣхъ», сказалъ Милорадовичъ.—«Онъ не

Секретно

Господину Генералу отъ инфантеріи Графу Ланжерону

Наполеонова армія въ бѣгствѣ,
виновникъ бѣдствій Европы съ нею —
Мы находимся на путяхъ его, легко
быть можетъ, что всевышнему уго[illegible]
будетъ прекратить гнѣвъ свой пре[illegible]
его намъ, почему желаю я чтобы
примѣты сего человѣка были всѣмъ
извѣстны. Онъ росту малого, плотенъ,
блѣденъ, шея короткая и толстая
голова большая, волосы черные. Для
вящей надежности ловить и
приводить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ.
Я не говорю о наградѣ за сего [illegible]
Извѣстныя щедроты Монарха [illegible]
за сіе отвѣтствуютъ

Чичаговъ

№ 1140

Лошница
7 ноября
1812

СЕКРЕТНОЕ ПРЕДПИСАНІЕ АДМИРАЛА ЧИЧАГОВА ГРАФУ ЛАНЖЕРОНУ.

Московскій Кремль въ началѣ XIX столѣтія.

Съ акватинты Финдена.

захочетъ командовать», возразилъ государь. — «Прикажите ему, ваше величество; тотъ измѣнникъ, кто въ теперешнихъ обстоятельствахъ осмѣлится воспротивиться вашей волѣ».

Принявъ начальство надъ союзными войсками, Барклай немедленно занялся приведеніемъ въ порядокъ арміи; нѣсколько дней онъ не могъ опредѣлить истинный численный составъ ея; сначала полагали ее слишкомъ въ 100,000, потомъ въ 70,000, а на повѣрку вышло, что она состояла изъ 90,000. Это происходило оттого, что полки были такъ перемѣшаны, что нѣкоторыя дивизіи и бригады имѣли полки, вовсе къ нимъ не принадлежавшіе и не знавшіе, гдѣ отыскать настоящихъ своихъ начальниковъ.

Несмотря на успѣхи французскаго оружія, Наполеонъ возобновилъ переговоры о перемиріи, начавшіеся еще до Бауценскаго сраженія, во время которыхъ Коленкуръ снова появился на русскихъ аванпостахъ, но попрежнему не былъ принятъ императоромъ Александромъ. Переговоры привели къ заключенію лишь военнаго перемирія, состоявшагося 23-го мая (4-го іюня) въ Пойшвицѣ, срокомъ на шесть недѣль, по 8-е (20-е) іюля, съ обязательствомъ предварить за шесть дней о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Перемиріе впослѣдствіи было продолжено еще на три недѣли, до 29-го іюля (10-го августа). Французы очистили Бреславль; была установлена нейтральная полоса между противниками; союзная главная квартира перешла въ Рейхенбахъ; императоръ Александръ поселился въ окрестностяхъ его, въ замкѣ Петерсвальдау; Наполеонъ отправился въ Дрезденъ. По поводу заключеннаго перемирія онъ сказалъ: «Если союзники не хотятъ мира чистосердечно, то это перемиріе можетъ сдѣлаться для насъ роковымъ»[235]. Исходъ войны 1813 года зависѣлъ отнынѣ отъ того, которая изъ враждующихъ сторонъ заручится содѣйствіемъ Австріи. Впослѣдствіи, уже находясь на островѣ св. Елены, Наполеонъ созналъ свою ошибку. «Не слѣдовало мнѣ», говорилъ онъ, «согласиться на перемиріе послѣ побѣды при Бауценѣ. Я уже былъ въ Бреславлѣ и если бы продолжалъ безостановочно движеніе, то русскіе и пруссаки ушли бы за Вислу, поляки снова вооружились бы, и мой тесть никогда не отважился бы явно возстать противъ меня». Нельзя отрицать, что третье большое сраженіе, по всей вѣроятности, имѣло бы для Наполеона весьма благопріятныя послѣдствія: русскіе отступили бы въ Польшу, Пруссія была бы подавлена, Австрія осталась бы нейтральною.

По заключеніи перемирія императоръ Александръ отправился, 4-го (16-го) іюня, на нѣсколько дней въ Опочну въ Сѣверной Богеміи для свиданія съ великою княгинею Екатериною Павловною[236]. Сюда прибылъ также Меттернихъ для переговоровъ съ государемъ. Императоръ Францъ, въ виду близкой развязки подготовлявшихся событій, переселился въ это время въ Гичинъ.

15-го (27-го) іюня Россія и Пруссія заключили въ Рейхенбахѣ секретную конвенцію съ Австріей, въ силу которой вѣнскій дворъ обязывался объявить войну Наполеону, если до истеченія перемирія онъ не согласится: 1-е) предоставить въ распоряженіе союзниковъ герцогство Варшавское; 2-е) увеличить Пруссію раздѣломъ Варшавскаго герцогства и уступкою Данцига и другихъ занятыхъ французами крѣпостей въ прусскихъ владѣніяхъ; 3-е) возвратить Австріи Иллирію и 4-е) отказаться отъ ганзеатическихъ городовъ и, вообще, прибрежья сѣверной Германіи. Еще ранѣе, 2-го и 3-го (14-го и 15-го) іюня, заключены были трактаты съ Англіею о субсидіяхъ.

Для совѣщанія насчетъ общаго плана предстоявшихъ военныхъ дѣйствій императоръ Александръ, король прусскій и наслѣдный принцъ шведскій съѣхались 28-го іюня (10-го іюля) въ Трахенбергскій замокъ близъ Бреславля. Главныя основанія принятаго плана заключались въ слѣдующемъ: «Направлять всѣ союзныя войска туда, гдѣ находятся главныя силы непріятеля, и потому корпусамъ, долженствовавшимъ дѣйствовать на флангахъ и въ тылу противника, двигаться по кратчайшему направленію на его путь дѣйствій. Главнымъ силамъ союзниковъ стать такимъ образомъ, чтобы онѣ всегда могли предупредить непріятеля. Выдающееся, подобно бастіону, положеніе Богеміи тому способствуетъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было, что та армія, противъ которой направится Наполеонъ съ главными силами, должна не принимать боя, но уклоняться отъ него и отступать, увлекая за собою непріятеля; остальнымъ же арміямъ въ это время слѣдовало перейти въ наступленіе противъ сообщеній противника и тѣмъ вынудить его къ отступленію.

Со времени отъѣзда императора въ Вильну, въ декабрѣ 1812 года, государственный канцлеръ графъ Румянцевъ оставался въ Петербургѣ вдали отъ дѣлъ и внѣ всякаго вліянія на дальнѣйшій ходъ политическихъ событій. Графъ Николай Петровичъ сильно тяготился этимъ, выпавшимъ на его долю, невольнымъ бездѣйствіемъ. Не сочувствуя новому теченію, принятому русской политикой и сопровождавшемуся войною за освобожденіе Германіи, онъ не желалъ «слыть государственнымъ канцлеромъ, когда отлученъ отъ участія и свѣдѣнія государственныхъ дѣлъ». Поэтому графъ Румянцевъ неоднократно утруждалъ государя просьбами объ увольненіи его отъ службы. Въ письмѣ къ графу Аракчееву, отъ 1-го (13-го) мая 1813 года, онъ подтвердилъ свое намѣреніе удалиться отъ дѣлъ въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: «Государь канцлера своего держитъ въ черномъ тѣлѣ и тѣмъ худо воздаетъ за очень извѣстную къ нему приверженность и за службу не вовсе же пустую, когда она обозначена Фридрихсгамскимъ миромъ; но съ сильными на землѣ нѣтъ расчета — есть развязка. Я подалъ просьбу объ отставкѣ».

Императоръ Александръ воспользовался первою свободною минутою, чтобы въ милостивомъ письмѣ, отъ 12-го (24-го) іюня изъ Петерсвальдау, успокоить огорченнаго канцлера и отклонить выраженную имъ просьбу. Письмо государя служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ его неутомимой дѣятельности за это тревожное время и дружескихъ чувствъ его къ заслуженному государственному дѣятелю.

«Наконецъ, я могу взяться за перо, чтобы отвѣтить вамъ на ваши различныя письма», писалъ Александръ. «Прежде чѣмъ перейти къ какому-либо другому предмету, нужно, чтобы я сдѣлалъ собственную апологію. Болѣзнь фельдмаршала и возобновленіе наступательныхъ дѣйствій со стороны Наполеона начались приблизительно въ одно время, то есть, съ начала апрѣля; такимъ образомъ, возрастающія заботы по военной части, вызванныя приближеніемъ непріятельской арміи, обрушились на меня въ то время, когда недоставало мнѣ главнаго дѣятеля по этой части; вы легко поймете, какой громадный трудъ предстояло мнѣ тогда преодолѣть. Я могу сказать, что съ того времени я не имѣлъ въ своемъ распоряженіи не только одного дня, но даже одной ночи. Присовокупите къ этому, что съ начала апрѣля я провелъ на одномъ мѣстѣ только два дня въ Дрезденѣ, послѣ чего мы выступили противъ непріятеля, и съ тѣхъ поръ мы находились въ безпрерывномъ движеніи. Заключеніе перемирія, конечно, пріостановило это передвиженіе для войска, но не для меня; моя работа не уменьшилась отъ этого, она только измѣнилась по своему роду; потребовалась неустанная дѣятельность, чтобы реорганизовать многія существенныя части въ арміи послѣ кампаніи, продолжавшейся болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ, и послѣ переходовъ, начиная отъ Москвы до Дрездена. Приведя въ порядокъ главнѣйшее, я поѣхалъ прежде всего въ Опочну, куда меня призывали заботы другого рода. Едва я успѣлъ возвратиться, какъ пришлось уже думать о второй поѣздкѣ, для свиданія съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ въ Трахенбергѣ. По возвращеніи въ Петерсвальдау, проведя тамъ 24 часа, я снова отправился въ другую поѣздку на три дня въ горы, на границу Богеміи, для различныхъ военныхъ цѣлей. Наконецъ, только теперь, въ теченіе пяти дней я нахожусь, собственно говоря, на мѣстѣ, и вотъ принимаюсь за перо, чтобы писать вамъ».

«Люди, спокойно живущіе на мѣстѣ, замѣчаютъ, какъ послѣдовательно проходитъ день за днемъ и протекаетъ время, находя, что два или три мѣсяца составляютъ очень продолжительную эпоху; но для тѣхъ, кто находится въ безпрестанномъ движеніи, недѣли кажутся днями и мѣсяцы — недѣлями. Вы находились не разъ, если не въ виду непріятеля, то, по крайней мѣрѣ, вели образъ жизни, сходный съ моимъ по роду дѣятельности, поэтому можете хорошо понять, что я хочу этимъ сказать. Въ спокойные дни, которыми я пользовался со времени пере-

Видъ Москвы до пожара 1812 года.

Съ гравюры Химели, сдѣланной по рисунку съ натуры Бойе.

мирія, я былъ погруженъ въ чтеніе государственныхъ бумагъ, которыя вы мнѣ присылали, въ чемъ вы можете убѣдиться по помѣтамъ моимъ, потому что при полученіи ихъ во время кампаніи я едва имѣлъ возможность прочесть краткій перечень ихъ, который вы мнѣ сообщали въ вашихъ письмахъ. Я желалъ возвратить вамъ все разомъ и ознакомиться съ ходомъ дѣлъ. Вы найдете мои резолюціи на депешахъ, которыя требовали этого».

«Теперь я перехожу къ многократнымъ просьбамъ объ увольненіи, съ которыми вы обращались ко мнѣ въ самый разгаръ нашихъ передвиженій. Признаюсь вамъ откровенно, что я не ожидалъ съ вашей стороны подобнаго поступка, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ. Вы, какъ мнѣ кажется, упрекаете меня въ томъ, что, находясь вдали отъ меня, считаете себя устраненнымъ отъ общаго хода политическихъ дѣлъ. Будьте справедливы: можете ли вы сердиться на меня за то, что я не взялъ васъ съ собою, когда предстояло выдержать зимній походъ, особенно послѣ серьезной болѣзни, постигшей васъ во время поѣздки въ Вильну? Въ одномъ могу увѣрить васъ, что, оставляя васъ въ Петербургѣ, я имѣлъ въ виду лишь сохраненіе вашего здоровья. Отдавая всегда полную справедливость исполненію вами ввѣренныхъ вамъ обязанностей, я не ожидалъ встрѣтить въ вашихъ письмахъ выраженія, подобныя тѣмъ, которыя вы употребили. Впрочемъ, я могу засвидѣтельствовать вамъ, на основаніи опыта этихъ семи мѣсяцевъ и моего глубокаго убѣжденія, что дипломатамъ почти нечего дѣлать въ эпоху, которую мы переживаемъ теперь; только мечъ можетъ и долженъ рѣшить исходъ событій; даже при умноженіи военныхъ силъ, имѣющихся у насъ въ распоряженіи противъ общаго врага, путемъ присоединенія къ нашему дѣлу новыхъ державъ, краснорѣчіе и искусство лицъ, ведущихъ переговоры, совершенно безполезны, такъ какъ все зависитъ отъ большей или меньшей рѣшимости, проявляемой монархами для пренебреженія опасностями, которымъ они подвергаютъ свои государства, присоединяясь къ дѣлу, за которое мы сражаемся. Когда вы познакомитесь со всѣми бумагами, относящимися къ этому времени, вы сами убѣдитесь въ этомъ. Итакъ, будьте увѣрены, что вовсе не существовало ни малѣйшаго намѣренія отстранить отъ васъ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ, на знакомство съ которыми даютъ вамъ право занимаемое вами мѣсто и, прибавлю, личное мое къ вамъ довѣріе. Мѣстныя условія и въ особенности же постоянное движеніе, въ которомъ я находился, отняли у меня всякую возможность исполнить это. Поэтому я прошу васъ взять обратно вашу просьбу и сохранить за собою то мѣсто, къ которому мое уваженіе и довѣріе васъ призвали. По крайней мѣрѣ, обождите моего возвращенія; тогда отъ васъ будетъ зависѣть выборъ—или возобновить наши прежнія отношенія, или разстаться со мною, если таково уже ваше непремѣнное намѣреніе»[237].

Наполеонъ не могъ скрыть своего гнѣва противъ Австріи, когда съ наступленіемъ перемирія переговоры съ этой державой получили первенствующее значеніе. Съ какими чувствами Наполеонъ относился къ этому дѣлу, лучше всего видно изъ слѣдующихъ строкъ, написанныхъ имъ Коленкуру: «Россія имѣетъ полное право на выгодныя условія мира. Она купила ихъ цѣною двухъ тяжкихъ походовъ, опустошеніемъ областей, потерею столицы. Австрія, напротивъ того, не заслуживаетъ ничего. Ничто не огорчило бы меня такъ, какъ если бы Австрія, въ награду за свое вѣроломство, получила выгоды и славу возстановленія мира въ Европѣ». Неудивительно поэтому, что Наполеонъ озадачилъ Меттерниха, прибывшаго къ нему въ Дрезденъ, оскорбительнымъ вопросомъ: «Сколько вамъ дала Англія за то, чтобы вы сдѣлались моимъ врагомъ?»

Дрезденская бесѣда съ Меттернихомъ сопровождалась разрывомъ союзнаго договора 1812 года; затѣмъ Наполеонъ, согласившись принять посредничество Австріи, предложилъ созвать конгрессъ въ Прагѣ для переговоровъ о возстановленіи мира въ Европѣ, въ которыхъ участвовала бы и Англія. Рѣшено было продолжить перемиріе до 29-го іюля (10-го августа) и открыть переговоры въ Прагѣ: они не привели къ миру, потому что никто не хотѣлъ его, но дозволили державамъ съ успѣхомъ окончить вооруженія. Въ запискахъ графа Нессельроде справедливо сказано: «Ainsi nul congrès ne fut-il plus désoeuvré... au fond personne ne voulait sincèrement la paix»[238].

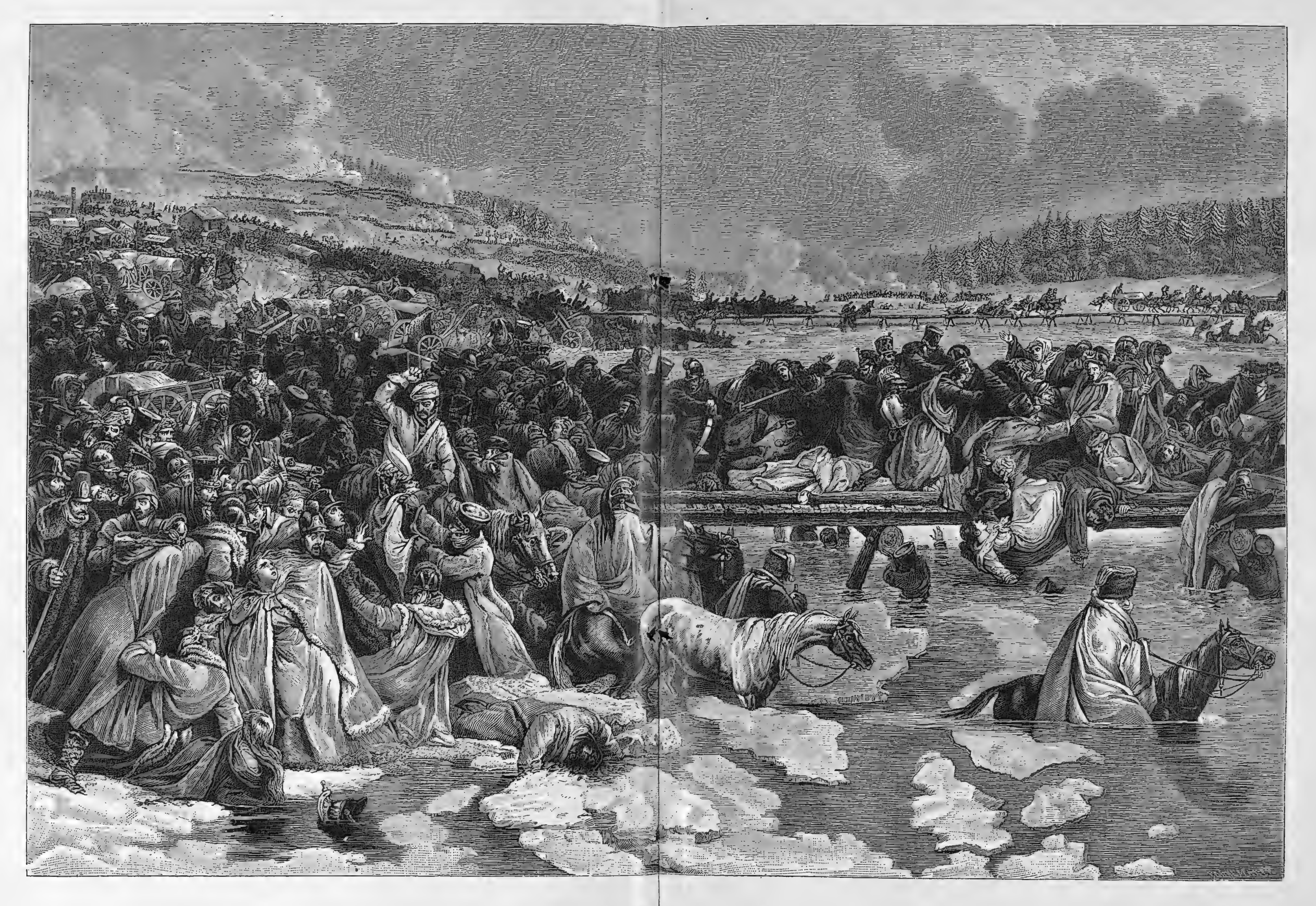
Только мечъ можетъ и долженъ рѣшить исходъ событій, высказалъ тогда съ полнымъ основаніемъ императоръ Александръ. 31-го іюля (12-го августа) Меттернихъ прислалъ на имя графа Нарбонна, находившагося при вѣнскомъ дворѣ въ качествѣ французскаго посла, объявленіе войны. Но еще наканунѣ, въ ночь съ 29-го на 30-е іюля (съ 10-го на 11-е августа), запылали костры на всемъ пространствѣ отъ Праги до главной квартиры союзныхъ армій. Это были сигналы, возвѣщавшіе о прерваніи переговоровъ. Въ ту же ночь Барклай де-Толли послалъ на непріятельскіе аванпосты объявленіе о прекращеніи перемирія. На слѣдующій день 125,000 русско-прусскихъ войскъ выступили изъ Силезіи въ Богемію. Начался осенній походъ 1813 года.

Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Прагу 3-го (15-го) августа. Командованіе главной, Богемской арміей было поручено князю Шварценбергу. Государь, не принимая, однако, званія главнокомандующаго, оказывалъ главнѣйшее вліяніе на всѣ движенія армій, несмотря на присутствіе двухъ другихъ монарховъ. Два императора, король прусскій и множество лицъ, принадлежавшихъ къ ихъ свитѣ, имѣли пребываніе въ Градчинѣ. День и ночь, разсказываетъ очевидецъ, пріѣзжали отъ разныхъ корпусовъ и отрядовъ адъютанты, и курьеры посылались въ ты-

сячу различныхъ мѣстъ, такъ что пражскій Градчинъ уподобился главной квартирѣ. Въ это время въ Прагу прибыли Моро изъ Америки и Жомини изъ только что покинутыхъ имъ рядовъ французской арміи. Оба генерала предложили свои услуги коалиціи по вызову императора Александра.

Ко времени открытія осенней кампаніи союзники раздѣлили свои силы на три арміи: 1) Главная (Богемская), въ 237,000 при 764 орудіяхъ (русскихъ войскъ—77,200 при 274 орудіяхъ; прусскихъ—49,300 при 128 орудіяхъ; австрійскихъ—110,500 при 362 орудіяхъ), состояла подъ начальствомъ австрійскаго фельдмаршала князя Шварценберга; 2) Силезская армія, въ 99,500 при 340 орудіяхъ (русскихъ войскъ—61,220 при 236 орудіяхъ; прусскихъ—37,200 при 104 орудіяхъ), состояла подъ начальствомъ Блюхера, а 3) Сѣверная, въ 155,500 при 359 орудіяхъ (русскихъ войскъ—30,500 при 120 орудіяхъ; прусскихъ—73,000 при 115 орудіяхъ; шведскихъ—24,000 при 62 орудіяхъ, и отдѣльный корпусъ Вальмодена, на нижней Эльбѣ—28,000 при 62 орудіяхъ), находилась подъ начальствомъ наслѣднаго принца шведскаго Карла-Іоанна. Кромѣ того, въ герцогствѣ Варшавскомъ формировалась резервная армія (такъ называемая «польская армія») подъ начальствомъ Бенигсена. Она могла перейти Одеръ только въ концѣ августа (первой половинѣ сентября). Всего въ составѣ союзныхъ дѣйствующихъ армій находилось 492,000 при 1,383 орудіяхъ. Дѣйствующая французская армія, ко времени открытія военныхъ дѣйствій послѣ перемирія, считала въ своихъ рядахъ до 440,000 при 1,200 орудіяхъ.

10-го (22-го) августа началось наступательное движеніе Богемской арміи. Между тѣмъ Наполеонъ, не получивъ своевременно точныхъ свѣдѣній о соединеніи русско-прусскихъ войскъ съ австрійской арміей въ Богеміи, двинулся противъ Силезской арміи Блюхера, который ранѣе другихъ перешелъ въ наступленіе, уже 3-го (15-го) августа. Шварценбергъ предполагалъ сначала направиться къ Лейпцигу, на сообщенія Наполеона, но, получивъ свѣдѣнія, что въ Дрезденѣ находится только слабый корпусъ Сенъ-Сира и что Наполеонъ двинулся въ Силезію, союзники измѣнили первоначальное направленіе, данное Богемской арміи, съ цѣлью овладѣть дрезденскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ. Къ четыремъ часамъ пополудни 13-го (25-го) августа успѣла собраться подъ Дрезденомъ лишь четвертая часть арміи (60,000). Около полудня императоръ Александръ и король прусскій вмѣстѣ съ княземъ Шварценбергомъ и всею своею свитою обозрѣвали Дрезденъ съ высоты у селенія Рекницъ. Начались пренія, обнаружившія полное разногласіе во взглядахъ лицъ, призванныхъ къ обсужденію вопроса: приступить ли немедленно къ атакѣ Дрездена? Наконецъ, уже поздно вечеромъ было рѣшено отложить нападеніе въ ожиданіи прибытія остальныхъ войскъ союзной

ПЕРЕПРАВА ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ЧЕРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ ВЪ 1812 ГОДУ.

Съ картины Ланглуа.

Домъ Пашкова въ Москвѣ въ началѣ XIX столѣтія.

Съ гравюры того времени Дюрфельда.

арміи. Благопріятный моментъ для овладѣнія Дрезденомъ былъ, такимъ образомъ, безвозвратно упущенъ по собственной винѣ союзниковъ, а Наполеонъ выигралъ цѣлыя сутки для своевременной поддержки Сенъ-Сира. Ночью, по указаніямъ князя Шварценберга, выработали неопредѣленную диспозицію, въ смыслѣ попытки овладѣть Дрезденомъ путемъ обстрѣливанія его полевою артиллеріею и рядомъ демонстрацій. 14-го (26-го) августа союзники приступили къ выполненію этой жалкой полумѣры.

Рано утромъ завязался бой между передовыми войсками. Въ 11 часовъ императоръ Александръ прибылъ на высоты Рекница, откуда видно было движеніе французскихъ войскъ по Бауценской дорогѣ на правомъ берегу Эльбы; они спѣшили на помощь корпусу Сенъ-Сира. Союзники получили также свѣдѣніе о прибытіи Наполеона въ Дрезденъ. Шварценбергъ пріостановилъ наступленіе своей арміи до 4-хъ часовъ пополудни. Снова приступили къ безплоднымъ совѣщаніямъ. Данилевскій пишетъ, что «то мѣсто, гдѣ стояли монархи съ штабомъ своимъ, уподоблялось шумному народному совѣщанію. Моро пришелъ въ крайнее раздраженіе и, бросивъ шляпу на землю, сказалъ Шварценбергу: «Eh! sacrebleu, monsieur, je ne suis plus étonné si depuis dix-sept ans vous êtes toujours battu!» Императоръ Александръ старался успокоить его и отвелъ его въ сторону. «Sire, cet homme-là va tout perdre», прибавилъ Моро[239]. Наконецъ совѣщанія привели къ заключенію, что атаку Дрездена слѣдуетъ признать несвоевременною; къ тому же обнаружилось, что союзная армія уже начинала терпѣть недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, и, въ случаѣ неудачи, ей предстояло отступленіе по весьма неудобнымъ дорогамъ, черезъ Рудныя горы. Всѣ эти обстоятельства побудили князя Шварценберга дать слово союзнымъ государямъ, что онъ отмѣнитъ диспозицію наступленія къ Дрездену. Онъ поскакалъ отыскивать своего начальника штаба Радецкаго и генералъ-квартирмейстера Лангенау, чтобы черезъ нихъ сдѣлать распоряженіе объ извѣщеніи войскъ относительно отмѣны атаки.

Но время проходило, обѣщанная отмѣна не послѣдовала, и въ четыре часа, по тремъ залпамъ съ Рекницкихъ высотъ, пять колоннъ, раскинутыя на 15 верстъ, двинулись впередъ по указаннымъ направленіямъ для выполненія предписанной большой демонстраціи. Въ 6 часовъ вечера Наполеонъ перешелъ въ наступленіе и отбросилъ союзниковъ. Императоръ Александръ очень долго оставался на полѣ сраженія во мракѣ ненастнаго осенняго вечера; когда пальба утихла, и заблистали тысячи огней, разложенныхъ войсками, снова принялись за совѣщанія о томъ, что надлежало предпринять на слѣдующій день. Ввиду сосредоточенія къ ночи до 160,000 человѣкъ подъ Дрезденомъ, рѣшились остаться съ войсками на занимаемой ими позиціи. Наполеонъ

былъ убѣжденъ, что союзники въ ночь отступятъ, и готовился къ ихъ преслѣдованію; Вандаммъ былъ двинутъ на сообщенія Богемской арміи, но, занявъ Пирнское плато, онъ оставался здѣсь въ день 15-го (27-го) августа въ бездѣйствіи.

Домъ Пашкова въ Москвѣ послѣ пожара 1812 года.

Съ гравюры того времени.

Въ глубокой темнотѣ государь пріѣхалъ въ замокъ Нетницъ, гдѣ расположился ночевать. Поднялась ужасная буря, и пошелъ крупный, холодный дождь; казалось, что тучи разверзлись надъ Дрезденомъ. Союзныя войска провели ужасную ночь подъ открытымъ небомъ, въ

грязи, на бивакахъ; кромѣ того, ощущался совершенный недостатокъ продовольствія, и ко всѣмъ физическимъ страданіямъ присоединился еще упадокъ духа, вызванный отбитымъ приступомъ.

15-го (27-го) августа, въ шестомъ часу утра императоръ Александръ уже выѣхалъ на позицію; обѣ арміи стояли другъ отъ друга на самомъ близкомъ разстояніи, и въ седьмомъ часу завязалась сильная канонада. Дождь съ вихремъ продолжался, и бой начался при самой невыгодной для союзниковъ обстановкѣ. Въ третьемъ часу генералъ Моро былъ смертельно раненъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора Александра; у него ядро оторвало правую ногу и, пролетѣвъ сквозь лошадь, вырвало лѣвую икру и повредило колѣно[240]. Къ счастію, Провидѣніе сохранило государя; онъ замѣтилъ, что лошадь его ударяла ногою о камень, лежавшій на землѣ, и немного поворотилъ ее въ сторону, а только что Моро успѣлъ встать на то мѣсто, на которомъ императоръ находился довольно долго, какъ роковое ядро сразило его. Вслѣдъ за несчастіемъ, постигшимъ генерала Моро, союзники узнали о пораженіи австрійцевъ за Плауэнскимъ оврагомъ. Здѣсь положили оружіе четыре полка австрійской арміи. Сверхъ того Мюратъ захватилъ 16 орудій и нѣсколько знаменъ. Извѣстіе это произвело потрясающее впечатлѣніе; заговорили о немедленномъ отступленіи въ Богемію.

Императоръ Александръ предложилъ возобновить бой на слѣдующій день, опасаясь движенія черезъ горы въ столь ненастную погоду. Но Шварценбергъ настоятельно потребовалъ отступленія; австрійскіе солдаты были до того изнурены отъ голода, что многіе падали замертво; болѣе трети людей шло босикомъ. Ко всѣмъ невзгодамъ, испытаннымъ союзниками, нужно еще присоединить значительныя потери, которыя въ оба дня сраженія подъ Дрезденомъ возросли до 30,000. Государь съ сокрушеннымъ сердцемъ принужденъ былъ согласиться на представленія главнокомандующаго.

Отступленіе разстроенной и изнуренной арміи началось среди непроницаемаго мрака, при сильномъ вихрѣ и дождѣ, въ грязи по колѣно; только и слышны были вопли раненыхъ и ругательства, раздававшіяся почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Такимъ образомъ, наступательное движеніе союзниковъ къ Дрездену кончилось полною неудачею. Это была послѣдняя улыбка фортуны Наполеону.

Побѣдитель, измокшій до костей, къ вечеру отправился во дворецъ къ своему союзнику, королю саксонскому. Несмотря на продолжавшуюся непогоду, его шествіе представляло торжественное зрѣлище: за нимъ несли взятыя знамена, позади нихъ слѣдовали отбитыя орудія и толпы плѣнныхъ. Великій полководецъ могъ справедливо гордиться своею побѣдою. Когда саксонскій военный министръ, генералъ Герсдорфъ, поздравилъ императора съ побѣдой, онъ отвѣчалъ, что ненастье спасло

союзниковъ отъ совершеннаго истребленія. «Я хотѣлъ овладѣть высотами, но не могъ этого сдѣлать по случаю дождя», сказалъ Наполеонъ. «Надѣюсь придти въ Богемію ранѣе моихъ противниковъ. Я вполнѣ доволенъ достигнутыми результатами; но тамъ, гдѣ меня нѣтъ, все идетъ плохо». И, какъ бы предчувствуя неудачи, которыя ему предстояло испытать, онъ продолжалъ: «Войска, направленныя противъ Берлина, разбиты; опасаюсь также и за Макдональда—онъ храбръ, преданъ мнѣ, но ему недостаетъ счастья».

Дѣйствительно, тамъ, гдѣ не было Наполеона, побѣда не сопровождала дѣйствій его маршаловъ. 11-го (23-го) августа Сѣверная армія, подъ начальствомъ наслѣднаго принца шведскаго, одержала побѣду надъ Удино при Гросъ-Бееренѣ, а 14-го (26-го) августа Блюхеръ разбилъ Макдональда на рѣкѣ Кацбахѣ.

16-го (28-го) августа Наполеонъ лично распорядился преслѣдованіемъ отступавшихъ союзныхъ войскъ. Вандамму, занимавшему Пирнское плато, послано было приказаніе всѣми силами атаковать стоявшаго противъ него принца Евгенія Виртембергскаго и, двинувшись черезъ Петерсвальде въ Богемію, предупредить союзниковъ при выходѣ ихъ войскъ изъ горныхъ дефиле. Въ это же время Мюратъ, Мармонъ и Сенъ-Сиръ должны были тѣснить Богемскую армію съ тыла. Вечеромъ 16-го (28-го) августа Наполеонъ со всею гвардіей прибылъ въ Пирну. Но, къ счастью для коалиціи, разбитыя подъ Дрезденомъ войска не подверглись энергическому преслѣдованію; французы ограничились захватомъ въ плѣнъ отсталыхъ и повозокъ, брошенныхъ на маршѣ отступавшими войсками. Наполеонъ внезапно заболѣлъ и вынужденъ былъ отказаться отъ личнаго руководства преслѣдованіемъ; озабоченный къ тому же неблагопріятными извѣстіями съ другихъ театровъ военныхъ дѣйствій, онъ поспѣшилъ возвратиться въ Дрезденъ; за императоромъ послѣдовала старая гвардія. Вандаммъ одинъ принялся за выполненіе довѣренной ему Наполеономъ задачи[241]. Движеніе Вандамма въ Богемію сопровождалось, 17-го (29-го) и 18-го (30-го) августа, сраженіемъ при Кульмѣ, кончившимся полнымъ уничтоженіемъ его корпуса; своевременныя распоряженія императора Александра спасли союзную армію и вывели ее изъ критическаго положенія. Двухдневный бой увѣнчался блистательной побѣдой: Вандаммъ со всею свитою былъ взятъ въ плѣнъ, были захвачены вся непріятельская артиллерія (82 орудія) и 10,000 плѣнныхъ[242]. Это была первая побѣда надъ французами, при которой лично присутствовалъ императоръ Александръ, имѣвшій къ тому же полное право приписать себѣ одержанный успѣхъ; поэтому Кульмское сраженіе до конца жизни государя оставалось для него любимымъ воспоминаніемъ. Плѣнные, разсказываетъ Данилевскій, проходили мимо государя цѣлыми толпами. Наконецъ, издали показался генералъ

Вандаммъ, ведомый казаками; онъ сошелъ съ лошади и поцѣловалъ ее. Императоръ сначала принялъ его съ важностью, но когда Вандаммъ сдѣлалъ масонскій знакъ, то его величество сказалъ ему, что онъ облегчитъ, сколько можно, его участь. На другой день плѣнный генералъ былъ отправленъ въ Москву[243].

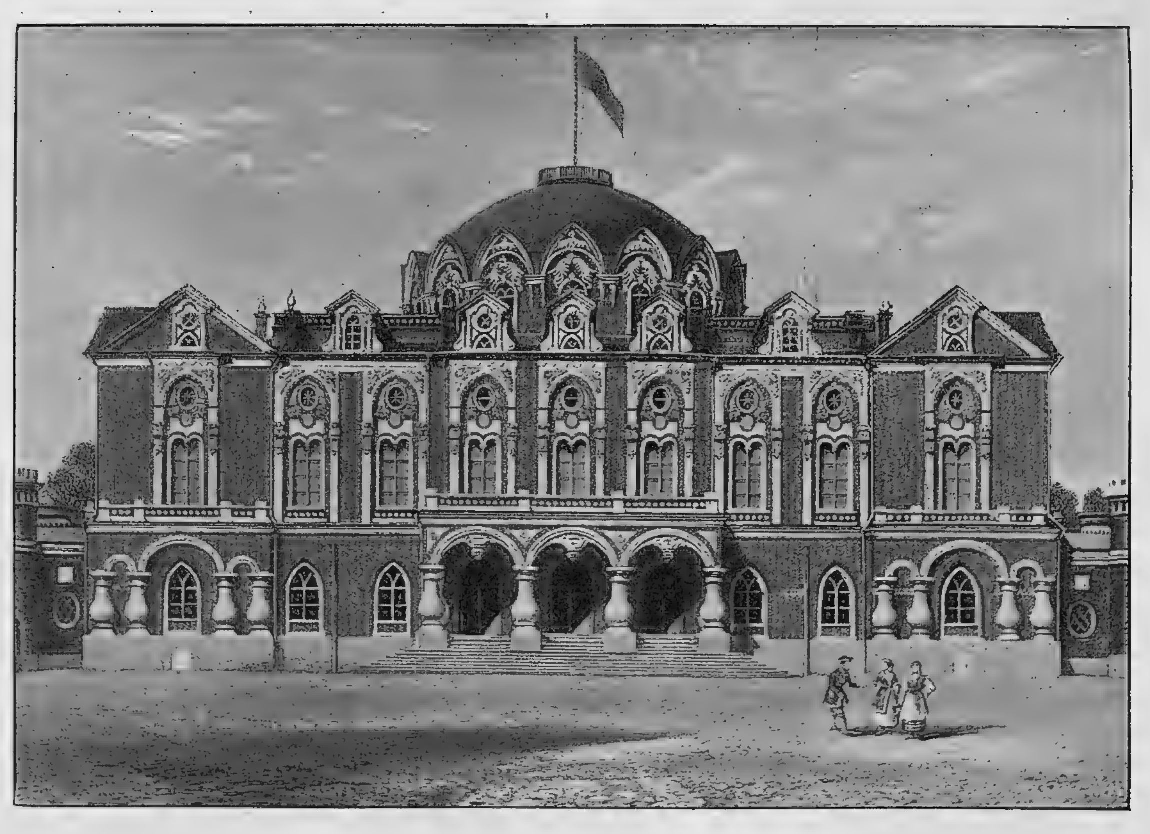
Въ этотъ день императоръ Александръ на самомъ полѣ сраженія при Кульмѣ испыталъ еще и другую радость: пріѣхалъ курьеръ отъ Блюхера съ донесеніемъ о побѣдѣ при Кацбахѣ. Возвращаясь вечеромъ въ Теплицъ, государь встрѣтилъ на дорогѣ длинный рядъ повозокъ съ нашими ранеными, къ которымъ онъ подъѣзжалъ, благодарилъ ихъ и спрашивалъ о нуждахъ, называя ихъ своими сотоварищами. «Какъ послѣ этого», пишетъ очевидецъ, «военнымъ было не боготворить Александра, который дѣлилъ съ ними и непогоды, и опасности, зналъ лично многихъ офицеровъ, а сраженнымъ на полѣ битвы являлся въ видѣ ангела-утѣшителя».

Побѣда при Кульмѣ имѣла особенно важное значеніе въ смыслѣ подъема духа арміи, испытавшей пораженіе подъ Дрезденомъ и затѣмъ разстроенной безпорядочнымъ отступленіемъ. Князь Шварценбергъ, отчаиваясь въ успѣхѣ, уже намѣренъ былъ отвести австрійскую армію за рѣку Эгеръ; Меттернихъ въ то же время готовился отдѣлить Австрію отъ коалиціи.

Для характеристики императора Франца и той роли, которую онъ игралъ среди военныхъ событій того времени, лучше всего привести слѣдующій разсказъ принца Леопольда Кобургскаго, впослѣдствіи бельгійскаго короля.

Въ то время какъ императоръ Александръ и король прусскій распоряжались въ Кульмскомъ боѣ, императоръ Францъ спокойно оставался въ Теплицѣ и подъ громъ орудій предавался своей любимой страсти— музыкѣ. Тотчасъ по окончаніи сраженія принцъ Леопольдъ, командовавшій тогда русской кавалерійской бригадой, пріѣхалъ въ Теплицъ съ цѣлью найти здѣсь помѣщеніе для чиновъ своего штаба; ввиду переполненія города войсками принцъ явился во дворецъ, занимаемый императоромъ Францемъ, съ просьбою уступить часть апартаментовъ усталымъ офицерамъ, только что прибывшимъ съ поля сраженія. Леопольдъ засталъ императора играющимъ тріо въ наилучшемъ настроеніи духа; онъ тотчасъ же изъявилъ полную готовность исполнить просьбу принца и сказалъ съ невыразимою добротою: «И прекрасно, мы можемъ продолжать нашу игру и внизу». Совершенно довольный, императоръ немедленно принялся за смычокъ въ нижнемъ этажѣ[244].

День 18-го (30-го) августа, въ связи съ побѣдами при Гросъ-Беерена и Кацбахѣ, произвелъ рѣшительный переворотъ въ общемъ положеніи дѣлъ въ пользу союзниковъ[245]. Коалиція, которой уже грозило

Петровскій дворецъ въ Москвѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры Гурлимана.

полное распаденіе, немедленно сплотилась еще тѣснѣе. 28-го августа (9-го сентября) Россія скрѣпила союзъ съ Австріею и Пруссіею новыми договорами, заключенными въ Теплицѣ. Всѣ три державы обязались содержать для войны до 150,000 человѣкъ каждая, не договариваться о мирѣ отдѣльно и не заключать его иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ.

14-го (26-го) сентября резервная (такъ называемая польская) армія Бенигсена пришла въ окрестности Теплица. Располагая отнынѣ значительнымъ перевѣсомъ въ силахъ, союзники предполагали перейти къ рѣшительному наступленію всѣми арміями на сообщенія Наполеона, чтобы, по возможности, однимъ ударомъ окончить кампанію. Для достиженія этой цѣли рѣшено было двинуть Богемскую армію съ арміей Бенигсена въ Саксонію, а Силезскую и Сѣверную переправить черезъ Эльбу и направить всѣ эти силы къ Лейпцигу. Къ 4-му (16-му) октября союзники сосредоточили всѣ арміи къ Лейпцигу, за исключеніемъ арміи Бенигсена и корпуса Коллоредо, которые могли подойти только 5-го (17-го) октября.

Наполеонъ, ввиду наступательнаго движенія союзныхъ армій, оставивъ Сенъ-Сира съ 30,000 въ Дрезденѣ, поспѣшилъ сосредоточить всѣ остальныя свои силы къ Лейпцигу.

Въ союзной главной квартирѣ рѣшено было неотлагательно атаковать Наполеона, чтобы предупредить сосредоточеніе его силъ, но относительно плана атаки возникло, какъ всегда, сильное разногласіе. Желая зайти непріятелю въ тылъ, Шварценбергъ намѣревался направить главныя силы въ мѣстность, образуемую теченіемъ Плейссы и Эльстера[246]. Императоръ Александръ съ обычнымъ своимъ спокойнымъ видомъ старался убѣдить Шварценберга въ нецѣлесообразности подобнаго распоряженія, но выведенный наконецъ изъ терпѣнія упорствомъ фельдмаршала, сказалъ ему съ неудовольствіемъ: «Дѣлайте съ австрійской арміей что хотите; что же касается русскихъ войскъ великаго князя Константина Павловича и Барклая, то они двинутся на правую сторону Плейссы, гдѣ должны находиться, а не въ другое мѣсто»[247]. Во время этого спора императоръ Францъ и король прусскій молчали, какъ будто посторонніе, только изрѣдка дѣлая ничего незначащія измѣненія и соглашаясь попеременно то съ государемъ, то съ Шварценбергомъ[248]. Сраженіе, разыгравшееся 4-го (16-го) октября, блистательнымъ образомъ подтвердило справедливость мнѣнія, высказаннаго императоромъ Александромъ; Шварценбергъ же, двинувъ, тѣмъ не менѣе, австрійскія войска Мерфельда и принца Гессенъ-Гомбургскаго въ мѣстность между Эльстеромъ и Плейссою, жестоко поплатился за свои ошибочныя распоряженія.

«Вообще», замѣчаетъ очевидецъ по поводу историческаго спора, происшедшаго 3-го (15-го) октября, «сколько я ни видалъ государя,

Выступленіе Наполеона изъ Москвы.

Съ рисунка съ натуры Фабръ Дюфора.

разсуждающаго о военныхъ дѣлахъ въ полѣ, то его мнѣнія были самыя основательныя и дальновидныя; но въ немъ была какая-то недовѣрчивость къ самому себѣ, и онъ имѣлъ тотъ недостатокъ для военнаго человѣка, что онъ не скоро узнавалъ мѣстное положеніе поля сраженія, или, говоря техническимъ языкомъ, онъ съ трудомъ могъ оріентироваться»[249].

Утромъ 4-го (16-го) октября императоръ Александръ прибылъ на поле сраженія, когда армія строилась въ боевой порядокъ; шагомъ и въ молчаніи ѣхалъ онъ къ первой линіи, какъ вдругъ въ началѣ десятаго часа раздался гулъ перваго непріятельскаго выстрѣла. «Непріятель привѣтствуетъ прибытіе вашего величества», сказалъ графъ Милорадовичъ, находившійся подлѣ государя. Вскорѣ двинулись впередъ, но встрѣтили на всѣхъ пунктахъ упорное сопротивленіе. Уже три часа кипѣлъ бой, а атакующій нигдѣ не выигралъ ни шагу.

Всѣ атаки союзниковъ, веденныя слабыми и притомъ разбросанными на разстояніи восьми верстъ силами, были отбиты. Тогда Наполеонъ рѣшился прорвать центръ союзниковъ и отбросить Богемскую армію къ Плейссѣ. Съ этой цѣлью онъ около двухъ часовъ пополудни двинулъ значительную массу кавалеріи, поддержанную главными силами. Французы достигли уже прудовъ и селенія Госсы, въ близкомъ разстояніи отъ высоты, на которой находился императоръ Александръ. Генералы, бывшіе въ свитѣ государя, умоляли его удалиться, но Александръ, не обращая вниманія на опасность, съ безмятежнымъ спокойствіемъ, обычнымъ ему въ важныхъ случаяхъ жизни, заботился только о подкрѣпленіи опрокинутыхъ войскъ. Всѣ стоявшіе близъ Александра считали сраженіе проиграннымъ, не отчаивался только государь. Это была блистательнѣйшая изъ минутъ его военнаго поприща. «Я смотрѣлъ нарочно въ лицо государю», пишетъ Данилевскій: «онъ не смѣшался ни на одно мгновеніе и, приказавъ самъ находившимся въ его конвоѣ лейбъ-казакамъ ударить на французскихъ кирасиръ, отъѣхалъ назадъ не болѣе какъ шаговъ на пятнадцать. Положеніе императора было тѣмъ опаснѣе, что позади его находился длинный и глубокій оврагъ, черезъ который не было моста». Въ эту критическую минуту боя государь распорядился ввести въ дѣйствіе резервную артиллерію. Подозвавъ къ себѣ начальника артиллеріи, генерала Сухозанета, Александръ, указавъ на поле среженія, сказалъ: «Видишь, теперь тотъ лучше, кто прежде всѣхъ сюда приспѣетъ; далеко ли твоя артиллерія?» — «Она будетъ здѣсь черезъ двѣ минуты», отвѣчалъ Сухозанетъ, заблаговременно приказавшій всѣмъ резервнымъ батареямъ идти на рысяхъ къ Госсѣ. За ними слѣдовалъ гвардейскій корпусъ, за которымъ также послалъ государь, замѣтивъ сосредоточеніе непріятельскихъ силъ у Вахау. 112 орудій русской резервной артиллеріи открыли

огонь. Полтора часа обѣ стороны продолжали на разстояніи не болѣе тысячи шаговъ съ ожесточеніемъ ужасную канонаду, о которой графъ Милорадовичъ сказалъ, что она была громче Бородинской.

Между тѣмъ Наполеонъ, видя центръ союзной арміи прорваннымъ, послалъ въ Лейпцигъ поздравить короля саксонскаго съ побѣдой, приказалъ во всѣхъ церквахъ города звонить въ колокола и сказалъ стоявшему подлѣ него графу Дарю: «Le monde tourne encore pour nous». Канонада продолжалась до шести часовъ, и въ результатѣ оказалось, что хотя атака союзниковъ и была отбита, ибо они всюду встрѣтили превосходныя силы непріятеля, но и контръ-атака Наполеона (прорывъ центра союзниковъ), по недостаточности силъ, осталась безъ послѣдствій.

Наступательныя дѣйствія Блюхера, предпринятыя въ тотъ же день, 4-го (16-го) октября, къ сѣверу отъ Лейпцига у Мекерна, сопровождались бо̀льшимъ успѣхомъ. Трофеями боя были 53 орудія и 2,000 плѣнныхъ. Напротивъ того, дѣйствія австрійцевъ на пространствѣ между Эльстеромъ и Плейссою, предпринятыя по распоряженію Шварценберга, закончились рѣшительной неудачею, причемъ генералъ Мерфельдъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Общая потеря каждой изъ сторонъ въ первый день Лейпцигскаго сраженія простиралась до 30,000 человѣкъ.

5-е (17-е) октября прошло въ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ; готовились къ новому бою. Союзники поджидали присоединенія подкрѣпленій: корпусъ Коллоредо, армію Беннигсена и Сѣверную армію. Императоръ Александръ провелъ весь день въ полѣ, подъ дождемъ, занимаясь лично принятіемъ необходимыхъ мѣръ ввиду предстоявшаго рѣшительнаго сраженія; въ дѣйствительности государь начальствовалъ надъ союзными войсками, а не кто другой; къ князю Шварценбергу потеряли довѣріе, а прочіе два монарха ни во что не вмѣшивались. Александръ, ознакомившись въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ австрійцами и ихъ порядками, уже не оказывалъ имъ такой уступчивости, какъ при началѣ своего союза съ ними; при разногласіяхъ онъ твердо настаивалъ на своемъ мнѣніи. Пруссаки во всемъ покорялись ему, и сами австрійцы, признавая его выдающіяся дарованія и отсутствіе всякихъ личныхъ честолюбивыхъ видовъ, начинали слушаться его, тѣмъ болѣе, что сосредоточеніе подъ Лейпцигомъ всѣхъ союзныхъ армій увеличивало число войскъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ распоряженій государя, который, по выраженію очевидца, былъ «истиннымъ Агамемнономъ сей великой брани».

Наполеонъ, сознавая затруднительность своего положенія ввиду несомнѣннаго превосходства силъ союзниковъ, рѣшился 5-го (17-го) октября прибѣгнуть къ переговорамъ: онъ отправилъ къ союзнымъ мо-

нархамъ взятаго наканунѣ въ плѣнъ австрійскаго генерала Мерфельда съ предложеніемъ заключить перемиріе, а потомъ начать переговоры о мирѣ. Сущность предложеній Наполеона заключалась въ томъ, что онъ соглашался уступить Варшавское герцогство, Голландію и ганзеатическіе города, признавалъ независимость Италіи, отказывался отъ Рейнскаго союза и Испаніи и только требовалъ возвращенія ему завоеванныхъ англичанами французскихъ колоній. «Пришлите ко мнѣ кого-нибудь, къ кому я могу имѣть довѣріе», сказалъ онъ Мерфельду, «и тогда мы придемъ къ соглашенію. Меня обвиняютъ въ томъ, будто бы я все предлагаю перемирія. Я потому и не предложу его. Но согласитесь, что человѣчество много выиграло бы отъ этого. Если пожелаютъ, я отступлю за Заалу, русскіе и пруссаки за Эльбу, вы въ Богемію, а несчастная Саксонія, которая столько пострадала, останется нейтральною».—На возраженіе Мерфельда, что союзники надѣются, что онъ еще осенью отойдетъ за Рейнъ, Наполеонъ отвѣтилъ: «Для этого мнѣ надобно проиграть сраженіе. Это можетъ случиться, но этого еще нѣтъ» (Cela peut arriver, mais cela n'est pas). Въ заключеніе онъ прибавилъ: «Надѣюсь, что мои слова, переданныя вами, возбудятъ въ обоихъ императорахъ краснорѣчивыя воспоминанія». Графа Мерфельда препроводили на нашу передовую цѣпь, и ночью князь Шварценбергъ прислалъ его къ императору Александру, но на привезенныя имъ предложенія Наполеона не послѣдовало отвѣта.

Наполеонъ не воспользовался ночною темнотою, чтобы скрытно отойти за Эльстеръ. Потерявъ цѣлый день въ ожиданіи отвѣта на сдѣланныя имъ мирныя предложенія, онъ наконецъ остановился на неполномъ отступленіи, имѣвшемъ видъ перемѣны позиціи; ночью съ 5-го (17-го) на 6-е (18-го) октября онъ занялъ расположеніе ближе къ Лейпцигу, верстахъ въ семи отъ него.

6-го (18-го) октября, по утру прекраснѣйшаго осенняго дня, началась «битва народовъ» (Völkerschlacht). Императоръ Александръ прибылъ къ войскамъ прежде выступленія ихъ съ биваковъ. Слѣдуя за колоннами центра, онъ переѣзжалъ съ одной высоты на другую подъ ядрами, перелетавшими черезъ него, и неоднократно подвергался опасности, въ особенности, при продолжительной атакѣ деревни Пробстгейда. Одно ядро упало весьма близко отъ государя; ему совѣтовали отъѣхать, но онъ сказалъ любимую свою пословицу, которой всегда придерживался: «Одной бѣды не бываетъ: посмотрите, сейчасъ прилетитъ другое ядро». Дѣйствительно, едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ зажужжала граната и осколками своими ранила нѣсколькихъ конвойныхъ солдатъ. Австрійскій императоръ и король прусскій были неразлучны съ государемъ, къ которому безпрерывно пріѣзжали адъютанты отъ разныхъ корпусныхъ командировъ и отъ арміи Беннгсена, шведскаго наслѣднаго

принца и Блюхера. Но самымъ радостнымъ вѣстникомъ былъ начальникъ саксонскихъ войскъ, генералъ Рюссель, перешедшій съ ними на сторону союзниковъ часу въ третьемъ; онъ явился къ императору Александру, который при этомъ случаѣ превознесъ его патріотизмъ.

Результаты, достигнутые союзниками въ день 6-го (18-го) октября, далеко не соотвѣтствовали ихъ громадному численному превосходству

Драгомиловская застава въ Москвѣ въ началѣ XIX столѣтія.

Съ рисунка того времени.

надъ противникомъ. Атаки были ведены разновременно, и до 100,000 человѣкъ оставалось въ резервѣ, вовсе не принимая участія въ боѣ.

Въ сумерки, когда императоръ австрійскій уже уѣхалъ съ поля сраженія въ Рету, всѣ первенствующіе генералы собрались вокругъ государя и короля прусскаго на такъ называемомъ Монаршемъ холмѣ. Рѣшено было съ разсвѣтомъ приготовить войска къ новому бою, въ случаѣ же совершеннаго оставленія непріятелемъ занятой позиціи — двинуться къ Лейпцигу и штурмовать городъ. Государь присовокупилъ, что такъ какъ отступленіе Наполеона кажется ему несомнѣннымъ, то полезно

было бы гвардію и гренадеръ немедленно направить ночью на правый берегъ Эльстера для дѣйствія во флангъ непріятелю. Очевидецъ и правдивый историкъ Плото пишетъ: «Императоръ Александръ говорилъ такъ ясно, опредѣлительно и съ такимъ знаніемъ стратегическихъ движеній, что возбудилъ общее удивленіе»[250]. Тѣмъ не менѣе, князь Шварценбергъ упросилъ государя отказаться отъ этого намѣренія, ссылаясь на усталость войскъ и недостатокъ продовольствія. Преслѣдованіе было отложено до слѣдующаго утра, и принятыя главнокомандующимъ излюбленныя имъ полумѣры лишили союзниковъ возможности нанести противнику рѣшительный ударъ.

Съ разсвѣтомъ 7-го (19-го) октября императоръ Александръ объѣзжалъ войска, благодарилъ ихъ и ободрялъ колонны, шедшія на приступъ, но велѣлъ щадить городъ. Подъѣхавъ къ войскамъ графа Витгенштейна, Александръ сказалъ: «Ребята! Вы вчера дрались, какъ храбрые воины, какъ непобѣдимые герои; будьте же сегодня великодушны къ побѣжденнымъ нами непріятелямъ и къ несчастнымъ жителямъ города. Вашъ государь этого желаетъ, и если вы преданы мнѣ, въ чемъ я увѣренъ, то вы исполните мое приказаніе». Слова государя съ быстротою молніи были переданы во всѣ ряды войскъ.

Около полудня императоръ Александръ въѣхалъ въ Лейпцигъ во время не прекращавшагося еще боя. У одного окна показался король саксонскій, но государь, замѣтивъ его, отвернулся[251].

Въ союзныхъ войскахъ въ трехдневномъ Лейпцигскомъ сраженіи выбыло изъ строя болѣе 50,000 человѣкъ (22,000 русскихъ, 16,000 пруссаковъ, 12,000 австрійцевъ и 300 шведовъ)[252].

Среди всѣхъ союзниковъ шведы понесли наименьшую потерю подъ Лейпцигомъ. Это объясняется нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій наслѣднаго принца шведскаго, стоявшаго во главѣ Сѣверной арміи. Эта нерѣшительность и видимое желаніе щадить французовъ можно прослѣдить въ его дѣйствіяхъ въ продолженіе всего осенняго похода 1813 года. Это объясняется политическими соображеніями наслѣднаго принца, вызванными разговорами съ государемъ въ Або; разговоры эти не были забыты и глубоко врѣзались въ честолюбивую душу непримиримаго антагониста Наполеона[253].

«Благодареніе Всевышнему», писалъ Александръ графу Салтыкову изъ Лейпцига, «съ душевнымъ удовольствіемъ извѣщаю вашего сіятельства, что [побѣда совершенная. Битва продолжалась 4-го, 6-го и 7-го чиселъ. До 300 пушекъ, 22 генерала и до 37,000 плѣнныхъ достались побѣдителямъ. Всемогущій единъ всѣмъ руководствовалъ»[254].

Независимость Германіи была обезпечена. Наполеонъ съ остатками разбитой арміи быстро подвигался къ Рейну, медленно преслѣдуемый Шварценбергомъ. Между тѣмъ баварскій король присоединился къ ко-

аліаціи и объявилъ войну Франціи. Отпаденіе Баваріи могло сильно затруднить отступленіе Наполеона; однако измѣна короля своему протектору не принесла ожидавшихся союзниками плодовъ. 18-го (30-го) октября Наполеонъ нанесъ у Ганау пораженіе австро-баварскимъ войскамъ, находившимся подъ начальствомъ генерала Вреде, и проложилъ себѣ путь къ Франкфурту. 23-го октября (4-го ноября) французская армія перешла въ Майнцѣ на лѣвый берегъ Рейна. Здѣсь Наполеонъ покинулъ остатки своихъ войскъ и возвратился въ Парижъ[255].

Наступленіе Богемской арміи къ Рейну было соображено княземъ Шварценбергомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы австрійскія войска предупредили прочихъ союзниковъ во Франкфуртѣ; затѣмъ императоръ Францъ долженъ былъ торжественно вступить въ этотъ древній имперскій городъ прежде императора Александра, явившись какъ бы главою коалиціи. Государь сперва не обратилъ вниманія на этотъ дипломатическій маршрутъ, но потомъ, убѣдясь въ видахъ австрійцевъ, онъ со свойственною ему ловкостью разстроилъ расчеты вѣнскихъ политиковъ. Русско-прусская кавалерія, получивъ новые маршруты, двинулась усиленными переходами къ Франкфурту. 24-го октября (5-го ноября) императоръ Александръ прибылъ въ этотъ городъ, сопровождаемый болѣе чѣмъ 7,500 всадниковъ. На другой день государь принялъ императора Франца, какъ хозяинъ, встрѣтивъ его у заставы, и провожалъ его оттуда до собора. Большинство войскъ, выстроенныхъ по улицамъ, составляли русскіе кирасиры[256].

Союзная главная квартира пробыла здѣсь болѣе мѣсяца; на это время Франкфуртъ сдѣлался средоточіемъ политическихъ дѣлъ Европы и наполнился съѣхавшимися со всѣхъ концовъ Германіи принцами. «Я видѣлъ», пишетъ очевидецъ, «въ пріемныхъ комнатахъ государя и королей, и владѣтелей, лишенныхъ французами престоловъ своихъ, и членовъ Рейнскаго союза, которые незадолго еще отправляли войска свои противъ Россіи. Австрійцы и пруссаки могли къ нимъ имѣть болѣе или менѣе притязаній, но за безпристрастіе Александра ручалось могущество его; они видѣли въ Россіи державу, которой не нужно было расширять свои предѣлы на ихъ счетъ, а потому всѣ обращались къ государю, какъ къ новому солнцу, возсіявшему на горизонтѣ ихъ».

Во время пребыванія императора Александра въ Франкфуртѣ изъ Россіи получено было радостное извѣстіе о заключеніи мира съ Персіею, подписаннаго 12-го (24-го) октября 1813 года въ Гюлистанѣ. Мирный договоръ, заключенный наконецъ послѣ столь продолжительной войны съ шахомъ, упрочилъ за Россіею сдѣланныя нашими войсками завоеванія на Кавказѣ и доставилъ въ нѣкоторой степени спокойствіе краю. Графъ Румянцевъ писалъ по этому случаю графу Аракчееву[257]: «Миръ съ Персіею, весь въ пользу и въ отличіе имперіи нашей, написанъ ясно и будетъ имѣть полезныя послѣдствія».

Государственный канцлеръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вновь возобновить просьбу объ отставкѣ, которою онъ уже неоднократно утруждалъ государя; во всеподданнѣйшемъ письмѣ, отъ 5-го (17-го) декабря 1813 г., онъ сдѣлалъ по этому случаю слѣдующую оцѣнку своей политической дѣятельности за время завѣдыванія имъ внѣшними сношеніями Россіи.

«Препровождая къ утвержденію вашего императорскаго величества заготовленныя ратификаціи персидскаго мирнаго договора», писалъ графъ Румянцевъ, «я сужу, что симъ оканчивается министерское мое служеніе, и благодарю Промыслъ Всевышняго за то, что и посреди перемѣнившагося жребія моего Онъ допустилъ меня давнюю ко мнѣ монаршую довѣренность, по возможности, оправдать. Въ министерскомъ званіи служилъ я вамъ, всемилостивѣйшій государь, двѣнадцать лѣтъ, а шесть тому минуло, какъ ваше императорское величество, подписавъ Тильзитскій миръ, которому былъ я совершенно чуждъ, мнѣ поручить изволили начальство иностранныхъ дѣлъ. Тогда, государь, двѣ войны уже имѣли вы на рукахъ: персидскую и турецкую; да и самымъ мирнымъ Тильзитскимъ договоромъ обязалися неукоснительно вступить въ войну съ Англіею и въ войну со Швеціею; и то монаршее обѣщаніе исполнить изволили. Въ таковомъ положеніи дѣла имперіи находилися, когда я, не по домогательству своему и не по желанію, а единственно по всеавгустѣйшей волѣ вашей, принялъ министерство иностранныхъ сношеній, и самъ исповѣдаю, что чуждъ къ сему служенію особой способности. Будучи просто исполнителемъ воли вашей и ежедневно руководимъ самими вами, всемилостивѣйшій государь, нынѣ достигъ той цѣли, что всѣмъ онымъ войнамъ положенъ благополучный конецъ. Въ 1812 году возстановленъ миръ съ Англіею, и предшествовавшая ему война не нанесла отечеству никакихъ бѣдъ. Въ 1809 году подписанъ Фридрихсгамскій миръ, на сѣверѣ поставлена межа имперіи не на Кименѣ, но тамъ, гдѣ течетъ Торнео. Въ 1812 окончена турецкая война, и на полудни Прутъ и Дунай обозначили новыя границы. Теперь, всемилостивѣйшій государь, возстановляется миръ съ Персіею, и на востокѣ Куръ и Араксъ составятъ предѣлъ отечества. Ставъ наконецъ таковыхъ событій счастливымъ свидѣтелемъ и волею вашею отстраненъ отъ поприща дипломатическихъ дѣлъ, нынѣ съ такимъ блескомъ текущихъ, я въ долгъ себѣ вмѣняю припасть снова ко священнѣйшему престолу вашего императорскаго величества и наиубѣдительнѣйше просить васъ, всемилостивѣйшій государь, вспомнить и милостивымъ рѣшеніемъ удостоить неоднократно принесенную мою просьбу объ отставкѣ. Я принесъ престолу службу посильную, и съ меня довольно. Отпустите меня, всемилостивѣйшій государь! Какую пользу могу я доставить тѣмъ, что въ службѣ остаюсь безъ служенія, а столь многія гублю собственныя вы-

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЪ КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ.

Съ гравюры Карделли, сдѣланной съ портрета Орловскаго.

20

годы? Причтите меня, государь, къ лику тѣхъ, которыхъ милостію вашею счастливить изволите; а я за то ручаюсь, что и въ отставкѣ, какъ и въ службѣ, буду отличаться всегда особенною къ вамъ приверженностію».

Императоръ Александръ и на этотъ разъ не призналъ своевременнымъ удовлетворить настоятельной просьбѣ государственнаго канцлера;

Партизанъ Сеславинъ.

Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ портрета Витберга.

графу Румянцеву пришлось ожидать возвращенія государя въ Россію, чтобы разстаться съ ввѣреннымъ ему министерствомъ [258].

Союзныя войска, нѣсколько утомленныя и разстроенныя выдержаннымъ труднымъ походомъ, расположились для отдыха и устройства вдоль Рейна; тѣмъ временемъ среди побѣдителей проявилась, однако, склонность къ дипломатическимъ переговорамъ, и сторонники мира снова подняли голосъ. Императоръ Францъ и Меттернихъ нисколько не стремились къ низложенію Наполеона, а только къ ослабленію его могуще-

ства. Англія также склонялась къ подобному воззрѣнію, и русскіе, съ своей стороны, не были чужды такого же взгляда на политическую обстановку. Уже при началѣ войны 1813 года многіе изъ нихъ находили, что выгоднѣе заключить миръ, нежели продолжать борьбу съ Наполеономъ за дѣло намъ чуждое — освобожденіе Германіи. Когда союзники достигли Рейна, сторонники этой политики полагали, что послѣ столь труднаго, хотя и славнаго похода, настала пора заключить миръ, и что дальнѣйшее продолженіе войны не обѣщаетъ Россіи никакой пользы и было бы въ политическомъ отношеніи грубою ошибкою. «L'armée russe était muette: elle regardait son but comme atteint», — пишетъ Меттернихъ въ своихъ запискахъ. Одинъ императоръ Александръ не вѣрилъ въ возможность прочнаго мира съ Наполеономъ во главѣ французскаго правительства и намѣренъ былъ продолжать борьбу до послѣдней крайности, чтобы предписать миръ въ Парижѣ. Онъ стремился къ низложенію Наполеона и къ полному освобожденію Европы отъ его вліянія; поэтому государь требовалъ немедленнаго продолженія войны и зимняго похода, желая воспользоваться полнымъ разстройствомъ французскихъ вооруженныхъ силъ. Дѣйствительно, съ военной точки зрѣнія государь былъ вполнѣ правъ; французская армія послѣ лейпцигскаго пораженія считала въ рядахъ своихъ не болѣе 60,000 человѣкъ, изъ которыхъ лишь 40,000 были способны къ бою, и для довершенія одержанныхъ уже успѣховъ весьма важно было не дать Наполеону времени создать новую армію. Независимо отъ того императоръ Александръ былъ твердо убѣжденъ, что всякій мирный договоръ съ Наполеономъ явится не чѣмъ инымъ, какъ перемиріемъ, которое французскій владыка всякій разъ считалъ возможнымъ нарушать, какъ только этого требовали его выгоды. «Я не могу каждый разъ поспѣвать къ вамъ на помощь за 400 лье», говорилъ Александръ своимъ союзникамъ.

Мнѣніе государя поддерживали нѣкоторые изъ выдающихся прусскихъ дѣятелей, какъ-то, Блюхеръ и Гнейзенау; но однако и въ прусскомъ станѣ раздавались голоса въ пользу мира, которые глумились надъ «романическою идеею сумасбродовъ Блюхеровой главной квартиры». Даже Фридрихъ-Вильгельмъ считалъ вторженіе во Францію опаснымъ рѣшеніемъ: воспоминанія о злополучномъ походѣ 1792 года оставили во многихъ прусскихъ сердцахъ неизгладимое впечатлѣніе. Опасались послѣдствій народнаго возстанія, которое могло вспыхнуть, какъ только союзники перейдутъ старую границу Франціи.

Случайность доставила Меттерниху возможность завязать съ Наполеономъ дипломатическіе переговоры; онъ немедленно ею воспользовался. Послѣ Лейпцигскаго сраженія баронъ Сентъ-Эньянъ (St.-Aignan), французскій министръ при веймарскомъ дворѣ, былъ взятъ въ плѣнъ. Меттернихъ бесѣдовалъ съ нимъ во Франкфуртѣ и вручилъ ему условія,

на основаніи которыхъ европейская коалиція соглашалась открыть переговоры съ Наполеономъ для установленія общаго мира [259]. Союзники требовали признанія независимости Германіи, Италіи и Голландіи, возстановленія династіи Бурбоновъ въ Испаніи, предоставляя Франціи сохраненіе ея естественныхъ границъ: Рейна, Альпъ и Пиренеевъ. Со стороны Англіи была изъявлена готовность къ значительнымъ уступкамъ и къ соглашенію насчетъ свободы мореплаванія и торговли. Въ случаѣ

Александръ Самойловичъ Фигнеръ.

Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ портрета Кипренскаго.

принятія Наполеономъ этихъ условій, Меттернихъ предлагалъ признать нейтральнымъ какой-либо городъ на правомъ берегу Рейна и пригласить туда уполномоченныхъ всѣхъ воюющихъ державъ, не прерывая однакоже военныхъ дѣйствій.

Несмотря на крайне выгодныя условія мира, предложенныя Наполеону, онъ медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, изъявивъ только согласіе на созваніе конгресса въ Мангеймѣ. Между тѣмъ во Франціи приступлено было къ усиленнымъ вооруженіямъ, и это обстоятельство, въ связи

съ уклоненіемъ Наполеона отъ мирныхъ переговоровъ, дало въ союзномъ лагерѣ рѣшительный перевѣсъ партіи продолженія войны. На военномъ совѣтѣ во Франкфуртѣ [260] было рѣшено приступить къ зимнему походу, и была обнародована декларація, въ которой союзники объявили, что они ведутъ войну не противъ Франціи, но противъ преобладанія (prépondérence) императора Наполеона, которымъ онъ, къ несчастью Европы и Франціи, пользовался слишкомъ долго внѣ предѣловъ своей имперіи. Такимъ образомъ, конечная цѣль политики императора Александра получила уже нѣкоторое осуществленіе и всеобщую гласность; союзники разъединяли этою декларацiею Францію и ея повелителя и тѣмъ сдѣлали, очевидно, первый шагъ къ низложенію Наполеона. Не подлежитъ сомнѣнію, что, безъ энергическаго вмѣшательства императора Александра, Наполеонъ цѣною нѣкоторыхъ своевременныхъ пожертвованій и уступокъ сохранилъ бы свое преобладаніе [261].

29-го ноября (11-го декабря) главная квартира государя выступила изъ Франкфурта.

Союзники предполагали начать вторженіе во Францію съ главными силами со стороны верхняго Рейна, но императоръ Александръ, одобряя вполнѣ подобный образъ дѣйствій, выразилъ однако желаніе сохранить неприкосновенность нейтралитета Швейцаріи. По прибытіи же въ Карлсруэ государь узналъ, что австрійцы безъ его вѣдома вступили въ Швейцарію. Этотъ поступокъ Меттерниха глубоко опечалилъ Александра, и онъ выразился при полученіи извѣстія о немъ: «Это одинъ изъ самыхъ непріятныхъ дней въ моей жизни» [262].

Самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ неудовольствія, испытаннаго при этомъ случаѣ императоромъ Александромъ, служитъ письмо его къ Лагарпу, отправленное изъ Фрейбурга 22-го декабря 1813 года (3-го января 1814 года); это было первое письмо государя къ своему бывшему наставнику, написанное имъ послѣ всѣхъ великихъ событій послѣдняго времени.

«Наконецъ, мой дорогой, мой уважаемый другъ, я могу говорить съ вами, не компрометируя васъ своимъ письмомъ и не подвергаясь цензурѣ нескромной инквизиціи почтъ», писалъ императоръ Александръ. «Эти строки доставитъ вамъ г. Монодъ. Для меня было истиннымъ наслажденіемъ познакомиться съ нимъ, зная, насколько вы уважаете его; поэтому ему не стоило большого труда пріобрѣсти мое довѣріе. Я говорилъ съ нимъ съ полною откровенностью обо всемъ, что касается вашего отечества, объ усиліяхъ, употребленныхъ мною, чтобы заставить уважать его нейтралитетъ, о формальныхъ обѣщаніяхъ, сдѣланныхъ мнѣ на этотъ счетъ Австріею, и наконецъ о томъ обстоятельствѣ, которое послужило предлогомъ для невыполненія этихъ обѣщаній, и которымъ вы обязаны вашимъ бернскимъ господамъ и ихъ гнуснымъ интригамъ. Вос-

пользовались тѣмъ временемъ, когда я изъ Франкфурта ѣхалъ въ Фрейбургъ и на нѣсколько дней остановился въ Карлсруэ для свиданія съ родными моей жены, и нарушили швейцарскую территорію будто бы по приглашенію вашихъ бернскихъ господъ. Г. Монодъ могъ самъ судить о негодованіи, вызванномъ во мнѣ подобнымъ поступкомъ союзниковъ и участіемъ, принятымъ въ немъ вашими интриганами. Но перейдемъ къ дѣлу: зло было сдѣлано, надобно было скорѣе исправить его. Вотъ въ краткихъ словахъ то, чего мнѣ удалось добиться, благодаря большой настойчивости и горячности, съ которыми я защищалъ интересы вашего отечества. Перемѣны, происшедшія въ Бернѣ, не будутъ поддержаны, а интриганы, произведшіе ихъ, не будутъ признаны. Не будетъ допущено, чтобы существованіе Водскаго и Аргаускаго кантоновъ было стѣснено или подвергалось опасности со стороны Бернскаго. Сеймъ будетъ собранъ, и онъ произведетъ конституціоннымъ порядкомъ тѣ перемѣны, которыя признаетъ нужнымъ ввести въ актѣ медіаціи (l'acte de médiation). Кантоны будутъ властны исправить то, чего недостаетъ въ ихъ внутреннемъ устройствѣ, не посягая, однако, на права, которыми пользуется каждый изъ нихъ. Союзныя державы не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швейцаріи и будутъ довольствоваться отстраненіемъ своими совѣтами всякаго разъединенія или столкновенія. Вотъ неизмѣнныя правила, установленныя для нашего образа дѣйствій. Уполномоченный, отправленный мною къ ландаману и къ сейму, Каподистрія, человѣкъ весьма достойный по своей честности, мягкости обращенія, по своимъ познаніямъ и либеральнымъ взглядамъ. Онъ родомъ изъ Корфу, слѣдовательно, республиканецъ, и выборъ мой остановился на немъ именно потому, что мнѣ извѣстны принципы, которыми онъ руководствуется. Поручаю его особенному вашему вниманію. Ему предписано совѣтоваться съ г. Монодомъ и съ вами. Настоятельно прошу васъ руководить имъ и ручаюсь вамъ, что онъ питаетъ глубокое уваженіе къ вамъ, зная васъ не только по имени, но и по вашимъ сочиненіямъ, имѣвъ случай прочесть въ Петербургѣ всѣ тетради, которыя вы диктовали намъ во время нашего воспитанія. Онъ много способствовалъ тому, чтобы дать почувствовать австрійскому министерству всю гнусность его образа дѣйствій и пагубныя послѣдствія, которыя могли бы произойти для дѣла союзниковъ отъ подобныхъ поступковъ, марающихъ ихъ честь».

«Прежде чѣмъ окончить это письмо, скажу вамъ, что если, при помощи Провидѣнія, нѣкоторыя настойчивость и энергія, которыя я имѣлъ случай выказать въ теченіе двухъ лѣтъ, могли быть полезными дѣлу независимости Европы, то этимъ я обязанъ вамъ и вашимъ наставленіямъ. Воспоминаніе о васъ въ трудныя минуты, которыя мнѣ приходилось переживать, никогда не покидало моей мысли, и желаніе оказаться до-

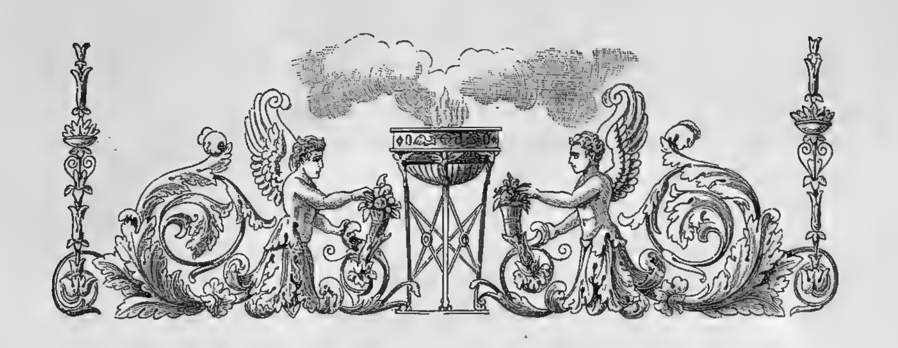
стойнымъ вашихъ заботъ, заслужить ваше уваженіе являлось поддержкой для меня. Вотъ мы съ береговъ Москвы очутились на берегахъ Рейна, который перейдемъ на дняхъ».

«Находясь такъ близко отъ васъ, я питаю отрадную увѣренность, что скоро буду въ состояніи обнять васъ и повторить вамъ изустно увѣренія въ той признательности, которую мое сердце будетъ сохранять къ вамъ до гроба. Это будетъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни. Черезъ четыре или пять дней я ѣду въ Шафгаузенъ для свиданія съ сестрой и останусь тамъ до 29-го декабря (10-го января); затѣмъ, прежде чѣмъ продолжать наше движеніе во Францію — проведу нѣсколько дней въ Базелѣ. Вы будете дорогимъ гостемъ вездѣ, гдѣ вамъ можно будетъ присоединиться ко мнѣ, и скажите себѣ, что васъ ожидаютъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Прощайте, мой дорогой, мой истинный другъ, сердцемъ и душою весь вашъ до конца жизни»[263].

Несмотря на все огорченіе, причиненное императору Александру нарушеніемъ нейтралитета Швейцаріи, пришлось примириться съ совершившимся фактомъ, чтобы не обнаружить разногласія, существовавшаго между союзниками.

Главная квартира государя перемѣстилась въ Базель, и 1-го (13-го) января 1814 года, въ годовщину переправы черезъ Нѣманъ, русскія войска перешли здѣсь, въ присутствіи императора Александра, по мосту черезъ Рейнъ. Погода намъ не благопріятствовала: шелъ дождь, смѣшанный со снѣгомъ, и дулъ пронзительный вѣтеръ. Наконецъ, императоръ Александръ могъ приступить къ окончательному довершенію предначертанной имъ себѣ задачи, заключавшейся, по словамъ государя, въ возстановленіи европейской системы (la restauration du système européen): «возвратить каждому народу полное и всецѣлое пользованіе его правами и его учрежденіями, поставить какъ ихъ всѣхъ, такъ и насъ самихъ подъ охрану общаго союза, охранить себя и защитить ихъ отъ честолюбія завоевателей, — таковы суть основанія, на которыхъ мы надѣемся съ Божіею помощію утвердить эту новую систему. Провидѣніе поставило насъ на дорогу, которая прямо ведетъ къ цѣли. Часть ея мы уже прошли. Та, которая еще предстоитъ намъ, усѣяна большими трудностями. Надобно ихъ устранить»[264]. Эти слова были сказаны Александромъ при отправленіи имъ графа Каподистріи въ Швейцарію.

Вотъ съ какими мыслями императоръ Александръ началъ походъ 1814 года; онѣ вполнѣ выражаютъ политическіе взгляды, усвоенные тогда государемъ подъ впечатлѣніемъ событій послѣднихъ лѣтъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ИМПЕРАТОРЪ Александръ выѣхалъ изъ Базеля, 4-го (16-го) января 1814 года, и имѣлъ первый ночлегъ во Франціи въ городѣ Дель. Главная армія медленно подвигалась къ Лангру, слѣдуя восемью колоннами, длиннымъ фронтомъ въ 350 верстъ. Между тѣмъ Силезская армія Блюхера, перейдя, 20-го декабря 1813 года (1-го января 1814 года), Рейнъ между Мангеймомъ и Кобленцомъ, шла гораздо быстрѣе и 15-го (27-го) января заняла Нанси.

Дожди, снѣгъ, оттепели и морозы затрудняли переходы главной арміи, но не останавливали ни государя, ни войскъ. Хотя князь Шварценбергъ и не желалъ быстраго наступленія, но императоръ Александръ направлялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы побудить главнокомандующаго къ большей предпріимчивости. Пріучивъ себя съ молодыхъ лѣтъ переносить непогоду, онъ большею частью ѣхалъ верхомъ, въ одномъ мундирѣ, и, по обыкновенію, замѣчаетъ очевидецъ, былъ одѣтъ лучше всѣхъ.

Казалось, что онъ былъ не на войнѣ, а спѣшилъ на веселый праздникъ, и на переходахъ очаровывалъ всѣхъ своею привѣтливостью. Въ городахъ, гдѣ назначались ночлеги, Александръ принималъ мѣстныя власти и почетнѣйшихъ обывателей и обнадеживалъ ихъ своимъ покровительствомъ. Войскамъ было строжайше подтверждено о дружественномъ обхожденіи съ французами и о соблюденіи порядка и дисциплины. Это обстоятельство составляло предметъ неусыпной дѣятельности государя. «Болѣе, чѣмъ непогоды», пишетъ участникъ этого похода, «обуревало насъ несогласіе насчетъ военныхъ дѣйствій, возникавшее по временамъ между союзными арміями. Единственно присутствіе Александра, который, бывъ главою союза, всѣмъ старался угождать, нерѣдко съ самоотреченіемъ всякой личности, и черезъ то склонялъ всѣхъ на свое мнѣніе — содѣлало не только возможнымъ успѣхи разнороднаго ополченія, но избавило отъ погибели арміи, которыя безъ него пали бы жертвою несогласій». Когда въ продолженіе похода ночью получались важныя донесенія, то сколько разъ случалось, что Александръ, пренебрегая сномъ, вставалъ и, предшествуемый кѣмъ-нибудь съ фонаремъ, ходилъ въ ненастную погоду по грязнымъ улицамъ деревень къ союзнымъ монархамъ или даже къ князю Шварценбергу, будилъ ихъ и, садясь на ихъ кровать, читалъ имъ донесенія, а также условливался съ ними о мѣрахъ, требовавшихся обстоятельствами [265].

10-го (22-го) января императоръ Александръ прибылъ въ Лангръ и провелъ здѣсь пять дней. Къ нему присоединились также король прусскій и императоръ австрійскій.

Къ немалому огорченію Меттерниха, который находилъ, что Александръ и безъ того преисполненъ революціонными идеями (imbu d'idées révolutionnaires), въ Лангръ прибылъ также Лагарпъ; онъ послѣдовалъ милостивому приглашенію государя, посланному изъ Фрейбурга. Радость Александра снова увидѣть своего бывшаго наставника, съ которымъ онъ не встрѣчался съ 1802 года, была вполнѣ искренней и неподдѣльной; она выразилась въ дружескихъ строкахъ, присланныхъ къ нему тотчасъ послѣ его пріѣзда, такъ какъ свиданіе могло быть назначено только на слѣдующій день. Государь писалъ: «Не нахожу словъ выразить вамъ все счастье, которое я испытываю при мысли имѣть наконецъ возможность заключить васъ въ свои объятія и повторить вамъ на словахъ мою признательность за все то, чѣмъ я обязанъ вамъ, ибо во всѣхъ трудныхъ минутахъ моей жизни меня поддерживала и возбуждала мою бодрость лишь одна мысль — не явиться недостойнымъ вашихъ заботъ» [266].

Представляя Лагарпа въ Лангрѣ прусскому королю и его сыновьямъ, императоръ Александръ выразилъ чувства любви и признательности къ своему бывшему наставнику въ слѣдующихъ краснорѣ-

чивыхъ словахъ: «Всѣмъ, что я знаю и всѣмъ, что, быть можетъ, во мнѣ есть хорошаго, я обязанъ г. Лагарпу»[267].

Союзники, во время пребыванія въ Лангрѣ, занялись разрѣшеніемъ вопроса: довольствоваться ли пріобрѣтенными успѣхами и заключить миръ съ Наполеономъ, или продолжать войну, имѣя въ виду возстановить въ Европѣ существовавшій до революціи порядокъ вещей. Остановились на полумѣрѣ: продолжать войну и вмѣстѣ съ тѣмъ всту-

Иванъ Семеновичъ Дороховъ.

Съ гравюры Вендрамини.

пить въ переговоры съ Наполеономъ, требуя отъ него возвращенія всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Франціею съ 1792 года. Для достиженія этой цѣли было предположено открыть переговоры въ Шатильонѣ. Французскій уполномоченный Коленкуръ, ожидавшій уже три недѣли въ передовой цѣпи рѣшенія союзныхъ державъ относительно предстоявшаго конгресса, могъ наконецъ приступить къ исполненію возложеннаго на него дипломатическаго порученія. Союзниками были назначены для конгресса въ Шатильонѣ слѣдующіе уполномоченные: съ русской

стороны — графъ А. К. Разумовскій, съ австрійской — графъ Стадіонъ, съ прусской — баронъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, съ англійской — Каткартъ, Стюартъ, Абердинъ, которымъ въ продолженіе нѣкотораго времени содѣйствовалъ Кестельри.

Императоръ Александръ хотя и былъ вынужденъ изъявить согласіе на открытіе конгресса, но нисколько не сочувствовалъ принятому рѣшенію, которое могло только возвысить клонившееся къ паденію значеніе Наполеона; поэтому государь, при отправленіи графа Разумовскаго въ Шатильонъ, словесно подтвердилъ ему не торопиться веденіемъ переговоровъ, предоставляя событіямъ войны выяснить положеніе дѣлъ[268]. Въ дѣйствительности, подобно тому, какъ въ 1813 г. во время пражскихъ переговоровъ, никто изъ договаривавшихся сторонъ, за исключеніемъ на этотъ разъ одной Австріи, не желалъ искренно мира даже и на тѣхъ условіяхъ, которыя были обсуждаемы собравшимися уполномоченными. Наполеонъ и Александръ преслѣдовали одну цѣль: они ожидали рѣшенія участи возникшей между ними борьбы отъ исхода военныхъ дѣйствій и старались при помощи переговоровъ выиграть время. Тѣмъ не менѣе не легко было императору Александру сохранить за своею политикою преобладающее значеніе; Австрія, болѣе чѣмъ когда-либо, обнаруживала склонность въ пользу соглашенія съ Наполеономъ; Англія раздѣляла воззрѣнія вѣнскаго кабинета[269], что же касается Пруссіи, этого самаго вѣрнаго союзника Россіи, то она попрежнему всегда была готова колебаться въ рѣшительныя минуты. Совѣтники Фридриха-Вильгельма постоянно заботились о своевременномъ охлажденіи воинственнаго пыла своего повелителя. Кнезебекъ называлъ желаніе идти къ Парижу «eine blosse Gloriole»; по его словамъ, «наступленіе Наполеона отъ Смоленска къ Москвѣ причинило ему вредъ; то же самое произойдетъ съ союзниками, если они двинутся къ Парижу». Сторонниками воззрѣній императора Александра оставались, по отзыву Меттерниха, только отъявленные якобинцы: Штейнъ, Блюхеръ, Гнейзенау, Іоркъ. Мысли Блюхера болѣе всего сходились со взглядами императора Александра; онъ постоянно повторялъ: «der Kerl muss herunter».

Итакъ, среди союзныхъ монарховъ единственнымъ поборникомъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Наполеона, въ продолженіе всего похода 1814 года, неизмѣнно оставался одинъ императоръ Александръ; онъ съ непоколебимою настойчивостью, при счастливыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, утверждалъ, что вѣрнѣйшее средство обезпечить успѣхъ союза и миръ въ Европѣ — продолжать военныя дѣйствія съ возможною быстротою и рѣшительностью. Торжество этой идеи, обезпеченное непреклонной волею государя, вызвало паденіе Наполеона и упрочило за Александромъ славу миротворца Европы. Другой вопросъ, дѣйствительно

ли соотвѣтствовало интересамъ Россіи столь желаемое Александромъ исчезновеніе Наполеона съ политической сцены Европы... Послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Александра можетъ служить краснорѣчивымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ...

Едва принято было союзниками важное рѣшеніе относительно открытія конгресса въ Шатильонѣ, какъ ночью съ 16-го (28-го) на 17-е (29-е) января, прискакалъ изъ Шомона (главной квартиры князя Шварценберга) офицеръ съ донесеніемъ императору Александру о начатіи Наполеономъ наступательныхъ дѣйствій. Государь въ мрачную бурную ночь немедленно отправился въ Шомонъ. Вслѣдъ за тѣмъ союзные уполномоченные выѣхали въ Шатильонъ. Такимъ образомъ военныя дѣйствія и дипломатическіе переговоры открылись почти одновременно и оставались въ неразрывной связи въ продолженіе всего похода 1814 года.

Между тѣмъ Наполеонъ 13-го (25-го) января оставилъ Парижъ и на другой день прибылъ въ Шалонъ. Передъ отъѣздомъ въ армію Наполеонъ назначилъ императрицу Марію-Луизу регентшею, а брата своего Іосифа, бывшаго короля испанскаго, императорскимъ намѣстникомъ. Цѣлью наступательнаго движенія Наполеона была атака Силезской арміи до соединенія ея съ главною арміею. Но уже съ 15-го (27-го) января Блюхеръ находился въ Бріеннѣ, составляя какъ бы авангардъ арміи Шварценберга. Здѣсь онъ былъ 17-го (29-го) января атакованъ Наполеономъ и едва не попалъ въ плѣнъ. Ночью Блюхеръ отступилъ къ Транну, по дорогѣ въ Баръ-сюръ-Объ, для сближенія съ главною арміею. Французы слѣдовали за отступавшими войсками до Ла-Ротьера. Союзники сосредоточили здѣсь до 90,000 человѣкъ, которымъ Наполеонъ могъ противопоставить не болѣе 40,000.

Еще 22-го декабря 1813 года (3-го января 1814 года) Наполеонъ спросилъ Пакье, префекта полиціи, по полученіи извѣстій о вторженіи союзниковъ во Францію, какого рѣшенія ожидаютъ съ его стороны? Пакье отвѣчалъ: «Населеніе не сомнѣвается, что императоръ станетъ во главѣ своихъ войскъ и двинется противъ непріятеля». Наполеонъ возразилъ: «Мои войска! мои войска! Развѣ думаютъ, что я еще имѣю армію? Развѣ та, которую я привелъ обратно изъ Германіи, не погибла почти вся отъ этой ужасной болѣзни, которая явилась довершить мѣру моихъ несчастій? Армія! Я буду очень счастливъ, если черезъ три недѣли отъ сего дня мнѣ удастся собрать тридцать или сорокъ тысячъ человѣкъ»[270]. Послѣднее какъ разъ и удалось осуществить Наполеону.

20-го января (1-го февраля), по настоянію императора Александра, произошло сраженіе при Ла-Ротьерѣ; Наполеонъ, потерявъ 6,000 человѣкъ и 63 орудія, отступилъ по направленію къ Арси и затѣмъ повернулъ къ Троа[271]. Союзники не воспользовались одержаннымъ подъ

Ла-Ротьеромъ успѣхомъ и подавляющимъ превосходствомъ своихъ силъ; преслѣдованіе разбитаго непріятеля ведено было настолько вяло, что до вечера 2-го (14-го) февраля не знали даже о направленіи, принятомъ Наполеономъ при отступленіи [272]. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ въ Бріеннѣ собрался военный совѣтъ для рѣшенія вопроса: какъ продолжать войну? Рѣшеніе послѣдовало вполнѣ въ духѣ шварценберговской стратегіи и заключалось въ томъ, что обѣ союзныя арміи, едва соединившіяся, раздѣлятся опять, разойдутся въ противоположныя стороны, и каждая изъ нихъ будетъ продолжать наступленіе къ Парижу, одна долиною Марны, другая долиною Сены.

Наполеонъ не замедлилъ воспользоваться столь выгодной для него обстановкой и, двинувшись съ 35,000 противъ Блюхера, располагавшаго 57,000, нанесъ ему рядъ чувствительныхъ пораженій: 29-го января (10-го февраля) у Шампобера, 30-го января (11-го февраля) при Монмиралѣ, 31-го января (12-го февраля) у Шато-Тьери и 2-го (14-го) февраля у Вошана и Этожа. Четыре послѣдовательные удара расшатали Силезскую армію, которая была разбита по частямъ и потеряла почти треть личнаго состава (15,000 человѣкъ и до 50 орудій). Хотя армія Блюхера была сильно разстроена, но, однако, далеко не уничтожена; поэтому, благодаря прибывшимъ подкрѣпленіямъ, она вскорѣ была готова къ новому наступленію.

Побѣды, одержанныя вѣнценоснымъ вождемъ, подняли духъ французовъ. Наполеонъ, считая Силезскую армію въ конецъ разгромленною, мечталъ уже о возвращеніи прежней славы и утраченныхъ завоеваній. Послѣ сраженія при Шампоберѣ онъ выражалъ надежду, что послѣ слѣдующей побѣды непріятель отойдетъ за Рейнъ быстрѣе, нежели онъ его перешелъ; затѣмъ онъ прибавилъ: «И я стою еще на Вислѣ». Когда же Наполеонъ замѣтилъ, что эти слова не были встрѣчены сочувственно его сподвижниками, онъ сказалъ: «И потомъ я заключу миръ при условіи естественной границы Рейна» [273]. Блестящія надежды, которыми утѣшалъ себя Наполеонъ послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, лучше всего выразились въ письмѣ его къ вице-королю Евгенію Богарне: «J'ai retrouvé et remis mes bottes de la campagne d'Italie» [274]. Какъ это ни кажется невѣроятнымъ, если принять въ соображеніе громадный перевѣсъ въ силахъ, находившійся на сторонѣ союзниковъ, но надежды Наполеона едва не оправдались. Затрудненія, встрѣченныя коалиціею, еще усилились, когда 31-го января (12-го февраля) Наполеонъ издалъ воззваніе къ народу о поголовномъ ополченіи; война съ этой минуты дѣйствительно начала принимать до нѣкоторой степени оттѣнокъ народной войны.

Въ то время, какъ Наполеонъ наносилъ арміи Блюхера пораженіе за пораженіемъ, князь Шварценбергъ, по обыкновенію, бездѣйствовалъ

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Съ гравюры Дюбурга, сдѣланной съ портрета Орловскаго.

и своею перѣшительностью содѣйствовалъ въ значительной степени упроченію успѣховъ французовъ. Занявъ 26-го января (7-го февраля) Троа, онъ расположилъ армію на квартирахъ въ окрестностяхъ этого города; хотя императоръ Александръ настоятельно потребовалъ, чтобы Шварценбергъ двинулся въ тылъ Наполеону, но главнокомандующій, имѣя отъ своего правительства секретное предписаніе не переходить

Сены, ограничился однѣми полумѣрами, которыя привели только къ еще большей разброскѣ силъ главной арміи. Онъ назначилъ три корпуса для овладѣнія переправами черезъ Сену у Ножана, а съ остальными силами намѣревался маневрировать къ Сансу и Фонтенебло для обхода противника, то-есть одновременно преслѣдовалъ двѣ цѣли въ расходящихся направленіяхъ. Къ исполненію этого плана Шварценбергъ приступилъ 31-го января (12-го февраля). Слабыя силы Виктора и Удино отступили 3-го (15-го) февраля за р. Іеръ и, соединившись здѣсь съ Макдональдомъ, направленнымъ къ нимъ изъ Мо Наполеономъ, расположились здѣсь въ числѣ 40,000 въ двухъ переходахъ отъ Парижа.

Опасность, угрожавшая столицѣ, вынудила Наполеона отказаться отъ окончательнаго уничтоженія арміи Блюхера; онъ немедленно двинулся для поддержки своихъ маршаловъ, сдѣлавъ съ гвардіей болѣе 90 верстъ въ 36 часовъ; пѣхота двигалась на подводахъ, кавалерія шла день и ночь съ небольшими привалами. 4-го (16-го) февраля Наполеонъ сосредоточилъ въ Гинь болѣе чѣмъ 60,000 человѣкъ и на другой день перешелъ въ наступленіе. Несмотря на то, что Шварценбергъ сравнительно съ Наполеономъ располагалъ двойными силами, онъ рѣшилъ отвести армію въ Троа и приказалъ Блюхеру примкнуть къ нему. Частныя неудачи, испытанныя 5-го (17-го) февраля графомъ Паленомъ при Морманѣ и 6-го (18-го) февраля наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ у Монтеро, окончательно подорвали всякую предпріимчивость австрійскаго фельдмаршала. 11-го (23-го) февраля Шварценбергъ приказалъ перевести армію на правый берегъ Сены.

12-го (24-го) февраля, передъ выѣздомъ изъ Троа, въ восемь часовъ утра, союзные монархи и Шварценбергъ собрались къ королю прусскому на совѣщаніе, происходившее въ присутствіи нѣсколькихъ генераловъ и министровъ. Здѣсь рѣшено было отправить письмо къ Бертье съ предложеніемъ перемирія. Среди всеобщаго упадка духа и полнаго разногласія въ мнѣніяхъ, господствовавшихъ въ союзной главной квартирѣ, одинъ императоръ Александръ оставался вѣрнымъ установившемуся въ немъ убѣжденію относительно необходимости довести войну до низложенія Наполеона; между тѣмъ даже лица, непосредственно при государѣ состоявшія и удостоенныя его довѣрія, какъ-то: графъ Нессельроде, князь Волконскій, генералъ Толь, являлись сторонниками мира. Лордъ Кестельри, поспѣвшій въ Троа изъ Шатильона для выясненія тревожнаго положенія дѣлъ, также совѣтовалъ императору Александру не отвергать мира и не ожидать необходимости перейти обратно за Рейнъ; лордъ присовокупилъ: «Я имѣю приказаніе парламента пользоваться обстоятельствами, благопріятствующими заключенію мира, который въ настоящее время тѣмъ болѣе необходимъ, что я вижу нашу коалицію готовою распасться».—Но государь отвѣчалъ ему съ твер-

достью: «Милордъ, это не будетъ миръ; это будетъ перемиріе, которое позволитъ вамъ положить оружіе лишь временно. Я не могу бѣжать къ вамъ на помощь, имѣя передъ собою четыреста льё, которыя я долженъ пройти съ моими войсками. Я не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ находиться на престолѣ»[275].

Фельдъегерь александровскаго времени.
Съ гравюры Бохма.

Въ тотъ же день, когда происходило совѣщаніе въ Троа, Наполеонъ съ гвардіею вступилъ въ этотъ городъ, и въ Люзиньи[276] начались переговоры о перемиріи. Но, ввиду требованія Наполеона не прекращать военныхъ дѣйствій до принятія союзниками франкфуртскихъ условій мира, совѣщанія не сопровождались никакимъ результатомъ и прервались 21-го февраля (5-го марта).

Поспѣшное отступленіе главной союзной арміи, какъ будто послѣ проиграннаго сраженія, среди опустошенной страны, въ холодную по-

году, изнурило и разстроило войска; появилось множество отсталыхъ, искавшихъ пріюта и грабившихъ жизненные припасы. Дальнѣйшее отступленіе могло совершенно погубить армію и обратить ее въ необузданное скопище людей. Ввиду этихъ обстоятельствъ въ Баръ-сюръ-Объ былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ былъ окончательно установленъ новый планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій союзныхъ армій[277]. На совѣтѣ, кромѣ двухъ императоровъ и короля прусскаго, находились: Шварценбергъ, Радецкій, Дибичъ, князь Волконскій, Кнезебекъ и дипломаты Меттернихъ, Гарденбергъ, Нессельроде и Кестельри.

Въ началѣ совѣщанія мнѣнія были не одинаковы; большая часть присутствовавшихъ полагала болѣе выгоднымъ отступить обѣимъ арміямъ. Императоръ Александръ противился предложенію и сказалъ: «Въ случаѣ отступленія я отдѣлюсь отъ главной арміи со всѣми находящимися здѣсь русскими войсками, гвардіею, гренадерами и корпусомъ графа Витгенштейна, соединюсь съ Блюхеромъ и пойду на Парижъ. Надѣюсь», присовокупилъ онъ, обратясь къ королю прусскому, «что ваше величество, какъ вѣрный союзникъ, явившій мнѣ многіе опыты дружбы своей, не откажетесь идти со мною».—Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ, что онъ не разстанется съ государемъ и давно уже предоставилъ свои войска въ распоряженіе его величества».—«Для чего же оставлять меня одного?» сказалъ тогда императоръ Францъ.

«Такъ взаимныя пріязненныя чувствованія монарховъ были причиною единодушныхъ мѣръ, принятыхъ въ Баръ-сюръ-Обѣ», пишетъ очевидецъ похода 1814 года. Болѣе близкимъ къ истинѣ слѣдуетъ признать мнѣніе Барклая де-Толли, имѣвшаго полное основаніе утверждать, что «твердости и неуклонности нашего императора, выносливому терпѣнію и неутомимому попеченію его мы обязаны этимъ еще никогда невиданнымъ и неслыханнымъ феноменомъ, что такая огромная и сложная коалиція до сей поры еще существуетъ и съ энергіей преслѣдуетъ все ту же цѣль».

Во время засѣданія императоръ Александръ записывалъ карандашомъ по-французски сущность статей, о коихъ шли пренія. Онѣ заключались въ слѣдующемъ: 1) Не вступать въ сраженіе въ Баръ-сюръ-Обѣ. 2) Блюхеру продолжать дѣйствовать отдѣльно. 3) Главной арміи продолжать движеніе чрезъ Шомонъ къ Лангру. 4) Продолжительность этого движенія зависитъ отъ обстоятельствъ. 5) Извѣстить Блюхера о движеніяхъ, рѣшенныхъ относительно главной арміи, и о приказаніи Винцингероде и Бюлову состоять подъ его начальствомъ. 6) Дать Винцингероде и Бюлову соотвѣтственныя тому приказанія. 7) Предоставить Блюхеру свободу дѣйствій, но съ условіемъ соблюдать должную военную предосторожность»[278].

Такимъ образомъ, обѣ арміи, Главная и Силезская, помѣнялись ролями: армія Блюхера обращалась въ Главную, а армія Шварценберга въ

КОНЧИНА ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ М. И. КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО.

Съ гравюры Карделли, сдѣланной съ рисунка съ натуры Ефимовича.

21

вспомогательную. Подобное рѣшеніе представляло единственное средство согласовать мнѣнія двухъ главнокомандующихъ, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ наступать, а другой во что бы то ни стало отступать. Императоръ Александръ и король прусскій, сдѣлавъ эту уступку Шварценбергу, требовали, однако, отъ него, чтобы въ случаѣ движенія Наполеона

Русскія войска при Александрѣ I.

Генералы.

противъ Блюхера главная армія немедленно возобновила наступательныя дѣйствія, угрожая въ противномъ случаѣ отобрать свои войска и присоединить ихъ къ Силезской арміи. Затѣмъ императоръ Александръ поѣхалъ въ Шомонъ, гдѣ пробылъ двѣ недѣли. Здѣсь 17-го февраля (1-го марта) союзники скрѣпили коалицію особымъ договоромъ, заключеннымъ на двадцать лѣтъ, по которому Россія, Австрія, Англія и Пруссія обязались, въ случаѣ несогласія Франціи на предъявленныя ей мирныя

условія выставлять противъ общаго непріятеля по 150,000 человѣкъ каждая; Англія же, сверхъ того, обязалась уплатить прочимъ союзнымъ державамъ въ 1814 году пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ субсидіи.

По занятіи Троа, Наполеонъ, убѣдившись въ невозможности вовлечь Шварценберга въ генеральное сраженіе, направилъ противъ него Удино и Макдональда съ 40.000, а самъ съ 35,000 двинулся въ третій разъ противъ Блюхера по полученіи свѣдѣній о вступленіи его въ долину Марны. На этотъ разъ дѣйствія Наполеона противъ Блюхера не сопровождались такимъ рѣшительнымъ торжествомъ, какъ во время перваго наступательнаго движенія союзниковъ къ Парижу. Преждевременная сдача крѣпости Суассона малодушнымъ комендантомъ, генераломъ Моро разстроила превосходно задуманный планъ Наполеона. Благодаря этому роковому обстоятельству, онъ одержалъ только полууспѣхъ подъ Краономъ 23-го февраля (7-го марта), испыталъ пораженіе, хотя далеко не полное, въ двухдневномъ бою подъ Лаономъ 25-го и 26-го февраля (9-го и 10-го марта) и въ заключеніе нанесъ противнику ничтожное пораженіе при Реймсѣ 1-го (13-го) марта. Проведя трое сутокъ въ Реймсѣ, чтобы дать отдыхъ утомленной арміи, Наполеонъ 5-го (17-го) марта обратился снова противъ Шварценберга.

Когда Наполеонъ предпринялъ наступательное движеніе противъ Блюхера, союзной главной арміи открывался свободный доступъ къ Парижу, но Шварценбергъ, конечно, не воспользовался этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ. Послѣ дѣла при Баръ-сюръ-Объ, 15-го (27-го) февраля, и у Лаферте-сюръ-Объ, 16-го (28-го) февраля, слабыя силы Удино и Макдональда отступили къ Троа и заняли позицію впереди города, между тѣмъ какъ Шварценбергъ расположилъ свои войска на квартирахъ. Только 19-го февраля (3-го марта), когда онъ окончательно удостовѣрился въ движеніи Наполеона въ долину Марны, главная армія приступила къ осторожному наступленію къ Троа. Передовые корпуса заняли Троа 20-го февраля (4-го марта), но этотъ успѣхъ не побудилъ Шварценберга къ большей дѣятельности и не склонилъ его къ нѣкоторой предпріимчивости, которая вызывалась благопріятными для союзниковъ обстоятельствами. Расположивъ передовые корпуса на тѣсныхъ квартирахъ, онъ снова предался обычному бездѣйствію съ 90,000 арміею. Наконецъ, 27-го февраля (11-го марта), онъ рѣшился продолжать наступленіе, чтобы вытѣснить французовъ съ позиціи на р. Сенѣ; это движеніе привело къ ряду незначительныхъ столкновеній. Затѣмъ, получивъ извѣстіе объ успѣхѣ, одержанномъ Наполеономъ при Реймсѣ, Шварценбергъ снова впалъ въ свойственныя ему колебанія и готовился отступать. Рядъ принятыхъ тогда нецѣлесообразныхъ мѣропріятій привелъ окончательно къ невообразимой разброскѣ войскъ, такъ что главная армія растянулась на пространствѣ семидесяти верстъ между Ножаномъ и Бріенномъ.

Въ это время императоръ Александръ, оставивъ Шомонъ, снова находился въ Троа; здѣсь онъ имѣлъ свиданіе съ агентомъ, присланнымъ Талейраномъ. Этотъ великій дипломатъ и неподражаемый измѣнникъ, сознавая близость паденія Наполеона, началъ осторожно дѣйствовать противъ своего грознаго повелителя, собирая вокругъ себя враговъ им-

Русскія войска при Александрѣ I.
Штабъ- и оберъ-офицеръ карабинерныхъ полковъ.

технического правительства. Опасное порученіе явиться въ союзную главную квартиру принялъ на себя яростный сторонникъ Бурбоновъ, баронъ Витроль; пробравшись въ Троа, онъ сообщилъ графу Нессельроде свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Парижѣ[279]. Витроль настаивалъ на томъ, какъ легко будетъ союзникамъ овладѣть этимъ городомъ, если рѣшительнѣе распорядиться имѣющимися у нихъ военными силами; онъ утверждалъ, что союзниковъ ожидаетъ въ Парижѣ радушный пріемъ.

5-го (17-го) марта Витроль былъ принятъ императоромъ Александромъ и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду[280]. Къ ужасу этого страстнаго роялиста, государь, обсуждая вопросъ, на какомъ рѣшеніи остановиться, въ случаѣ отстраненія Наполеона, отнесся несочувственно къ возвращенію Бурбоновъ во Францію и сказалъ Витролю: «Если бы вы ихъ знали, вы были бы убѣждены, что бремя такой короны слишкомъ тяжело для нихъ... быть можетъ, разумно организованная республика болѣе соотвѣтствовала бы французскому духу. Идеи свободы не могли развиваться безнаказанно въ теченіе столь долгаго времени въ странѣ, подобной вашему отечеству»[281]. Подобное смѣлое, лишенное предубѣжденія, воззрѣніе на французскія дѣла ошеломило собесѣдника государя. «Вотъ до чего мы дожили, о Боже, 17-го марта! Императоръ Александръ, царь царей, соединившихся для блага вселенной, говорилъ мнѣ о республикѣ», пишетъ Витроль въ своихъ запискахъ. Тѣмъ не менѣе защитникъ правъ Бурбоновъ и легитимизма постарался поколебать воззрѣнія императора; въ заключеніе онъ сказалъ: «Война долженствовала быть политической, а ее дѣлаютъ стратегической. Спрашиваютъ мнѣніе и желаніе Франціи у провинцій, которыя безгласны, въ то время, какъ нашли бы выраженіе ихъ въ Парижѣ, но только въ Парижѣ... Соедините ваши силы, не оглядываясь назадъ, сожгите ваши корабли, двигайтесь прямо къ Парижу, и я предаю мою голову въ руки вашего величества; пусть она падетъ на плахѣ, если общественное мнѣніе не выскажется въ Парижѣ открыто въ пользу возстановленія монархіи». Рѣчь Витроля произвела впечатлѣніе на императора Александра; мысль двинуться на Парижъ и тамъ искать рѣшенія относительно будущаго устройства французскаго правительства вполнѣ согласовалась съ сокровенными мыслями государя. «Господинъ Витроль, въ тотъ день, когда я буду въ Парижѣ, я не признаю болѣе другого союзника, какъ французскую націю. Я обѣщаю вамъ, что этотъ разговоръ будетъ имѣть величайшія послѣдствія», — этими словами Александръ заключилъ бесѣду[282].

Теперь государю приходилось, однако, думать не о Парижѣ, а о другихъ болѣе существенныхъ вопросахъ; ему надлежало, прежде всего, спасти армію отъ гибельныхъ послѣдствій невыгоднаго распредѣленія ея силъ, принятаго главнокомандующимъ. Съ этою цѣлью Александръ 6-го (18-го) марта отправился въ главную квартиру Шварценберга, находившуюся въ Арси. Здѣсь генералъ Толь встрѣтилъ его словами: «Величайшее счастіе, что ваше величество пріѣхали; вы исправите наши ошибки». Въ происшедшемъ затѣмъ совѣщаніи, благодаря настояніямъ императора Александра, рѣшено было какъ можно поспѣшнѣе сосредоточить союзные корпуса, разбросанные между Троа, Арси и Лемонъ.

Одновременно съ этимъ распоряженіемъ произошло событіе, не менѣе важное въ политическомъ отношеніи: переговоры на конгрессѣ въ

Шатильонѣ совершенно прервались. Отнынѣ, какъ и въ 1813 году въ Прагѣ, окончательное разрѣшеніе всѣхъ спорныхъ вопросовъ предоставлялось мечу.

Появленіе Наполеона противъ Шварценберга сопровождалось 8-го (20-го) марта нерѣшительнымъ сраженіемъ при Арси. Около полудня императоръ Александръ прибылъ изъ Троа на высоты, занятыя передъ Арси войсками главной арміи; государь сошелъ съ лошади и, ходя по полю съ Барклаемъ, окруженный обыкновенною свитою, не скрылъ негодованія, вызваннаго въ немъ распоряженіями Шварценберга, и сказалъ громко: «Эти австрійцы сдѣлали мнѣ много сѣдыхъ волосъ». По мнѣнію очевидца, Михайловскаго-Данилевскаго, слова государя получаютъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, что Александръ «не часто обнаруживалъ то, что происходило въ душѣ его».

На слѣдующій день Наполеонъ готовился возобновить бой, но, убѣдившись въ огромномъ превосходствѣ силъ союзниковъ, внезапно обратился къ выполненію задуманнаго имъ другого плана дѣйствій и приказалъ начать отступленіе днемъ, въ виду всей сосредоточенной стотысячной арміи его противниковъ. Вообще, всѣ дѣйствія Наполеона подъ Арси, располагавшаго здѣсь всего только 30,000, отличались крайней дерзостью, но, тѣмъ не менѣе, прошли для него безнаказанно, — до такой степени великъ былъ страхъ, который внушало Шварценбергу одно присутствіе побѣдоноснаго полководца. Замѣтя съ высотъ, на которыхъ развернулась союзная армія, отступленіе французовъ, Шварценбергъ, вмѣсто того, чтобы обрушиться на нихъ тотчасъ же всѣми силами, созвалъ корпусныхъ командировъ на краткое совѣщаніе, продолжавшееся два часа. Наконецъ, только въ третьемъ часу пополудни началось общее наступленіе союзныхъ войскъ; но въ это время Наполеонъ успѣлъ уже перевести большую часть своихъ войскъ на правую сторону р. Объ. Во второй день сраженія при Арси императоръ Александръ не присутствовалъ на позиціи: нездоровье задержало его въ Пужи. Это печальное обстоятельство позволило Шварценбергу, не стѣсняясь, придумывать полумѣры и уклоняться отъ рѣшенія покончить войну однимъ ударомъ. Утвердительно можно сказать, что если бы государь 9-го (21-го) марта находился на полѣ сраженія, то едва ли Наполеону удалось бы благополучно совершить свое смѣлое отступленіе.

Послѣ сраженія при Арси Наполеонъ немедленно приступилъ къ осуществленію новаго плана дѣйствій. Не разсчитывая, чтобы противники его приняли смѣлое рѣшеніе идти къ Парижу, онъ направилъ всѣ силы на сообщенія главной арміи, намѣреваясь присоединить къ нимъ гарнизоны крѣпостей мозельскихъ, маасскихъ и эльзасскихъ и возбудить народную войну въ тылу союзниковъ. Принятіе этого плана

казалось ему особенно цѣлесообразнымъ ввиду крайней заботливости, съ которою Шварценбергъ, во время всего похода 1814 года, относился къ охраненію своихъ сообщеній. Съ этою цѣлью онъ двинулся къ Витри и затѣмъ повернулъ къ Сенъ-Дизье[283].

Союзники вовсе не ожидали, чтобы Наполеонъ двинулся на ихъ сообщенія. Задуманный имъ планъ обнаружился изъ письма его къ

Русскія войска при Александрѣ I.
Штабъ- и оберъ-офицеръ пѣхотныхъ полковъ.

императрицѣ Маріи-Луизѣ, перехваченнаго казаками и присланнаго Блюхеромъ 11-го (23-го) марта. Императоръ Александръ находился въ это время еще въ Пужи, гдѣ утромъ была отслужена «панихида по государѣ Павлѣ», какъ записалъ графъ Аракчеевъ въ собственноручномъ журналѣ[284]. Въ три часа пополудни собрался у императора Александра военный совѣтъ, на которомъ присутствовали король прусскій,

князь Шварценбергъ, Радецкій, нѣсколько генераловъ австрійскаго главнаго штаба и князь Волконскій. Австрійскіе генералы оправдали при этомъ случаѣ надежды, возлагавшіяся на нихъ Наполеономъ, и прежде всего предложили на обсужденіе совѣта вопросъ: возможно ли, сдѣлавъ ускоренное фланговое движеніе на Вандеврь и Баръ-сюръ-Сенъ къ Шатильону, предупредить непріятеля и прикрыть сообщенія

Русскія войска при Александрѣ I.
Офицеры инженернаго корпуса.

съ Рейномъ? Предложеніе австрійцевъ представляло, въ сущности, замаскированное отступленіе къ Рейну, то-есть давало войнѣ именно тотъ оборотъ, къ которому стремился Наполеонъ. Придуманное австрійскими генералами движеніе признано было, однако, несвоевременнымъ, и совѣтъ рѣшилъ только двинуть главную армію къ Шалону, на соединеніе съ Силезскою, а потомъ дѣйствовать обѣимъ въ совокупности

въ тылъ и фланги Наполеона. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили принятыя мѣры императору Францу, находившемуся въ Баръ-сюръ-Объ, чтобы онъ вмѣстѣ со всѣми дипломатами отправился черезъ Шатильонъ въ Дижонъ. Парки и обозы изъ Шомона и Лангра приказано было также перевести на дорогу въ Дижонъ[285].

12-го (24-го) марта, на разсвѣтѣ, императоръ Александръ, король прусскій и князь Шварценбергъ прибыли въ Сомепюи[286]. Здѣсь получено было извѣстіе, что обѣ союзныя арміи вошли между собою въ связь и такимъ образомъ совершенно разобщили Наполеона отъ войскъ Мармона и Мортье, выступившихъ на соединеніе съ нимъ изъ Этожа. Вновь перехваченныя письма доставили важныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ Парижѣ; они свидѣтельствовали о всеобщемъ неудовольствіи и жаждѣ мира, господствовавшихъ въ странѣ и особенно въ столицѣ. Въ своемъ письмѣ къ Наполеону Савари, министръ полиціи, доносилъ, что въ Парижѣ находится множество вліятельныхъ лицъ, враждебныхъ правительству, и что, въ случаѣ приближенія союзной арміи къ столицѣ, онъ не отвѣчаетъ за ея спокойствіе. Тѣмъ не менѣе Шварценбергъ, не измѣняя своего рѣшенія идти съ арміею вслѣдъ за Наполеономъ, отправился около десяти часовъ утра изъ Сомепюи по дорогѣ къ Витри; туда же поѣхалъ и король прусскій.

Между тѣмъ императоръ Александръ, оставшись въ Сомепюи, приказалъ князю Волконскому пригласить къ себѣ генераловъ: графа Барклая де-Толли[287], Дибича и Толя. Когда они явились, государь сказалъ имъ: «По соединеніи обѣихъ нашихъ армій представляются намъ два случая: первый—идти на Наполеона и въ гораздо превосходнѣйшихъ силахъ атаковать его, а второй, — скрывая отъ него наши движенія, идти прямо на Парижъ. Какое ваше мнѣніе, господа?» — Государь прежде всего обратился къ Барклаю, который, взглянувъ на карту, сказалъ: «Надобно со всѣми силами идти за Наполеономъ и атаковать его, какъ только съ нимъ встрѣтимся».—Генералъ Дибичъ предложилъ «отрядить отъ сорока до пятидесяти тысячъ къ Парижу, а съ прочими силами идти вслѣдъ за Наполеономъ». — Тогда генералъ Толь не могъ удержаться и высказалъ противное мнѣніе: «послать корпусъ въ десять тысячъ, преимущественно составленный изъ кавалеріи, за Наполеономъ, а съ арміями Блюхера и Шварценберга идти форсированными маршами къ Парижу». Когда же государь поддержалъ мнѣніе Толя, Дибичъ сказалъ: «Если ваше величество хотите возстановить Бурбоновъ, тогда, конечно, лучше идти со всѣми силами на Парижъ». Государь отвѣчалъ: «Здѣсь дѣло идетъ не о Бурбонахъ, а о сверженіи Наполеона». Затѣмъ приступили къ примѣрному расчету, во сколько переходовъ союзники могли бы достигнуть Парижа. Очевидно было, что, по мѣрѣ приближенія къ столицѣ Франціи, на первомъ маршѣ они удалялись

отъ Наполеоновской арміи на два марша, на второмъ — на четыре и т. д., и что, слѣдовательно, овладѣвъ Парижемъ, они могли имѣть довольно времени для разрушенія господства Наполеона и для встрѣчи его, если бы онъ обратился къ Парижу. По словамъ Толя, «генералъ-адъютантъ князь Волконскій во все время разсужденій находился

Русскія войска при Александрѣ I.

Военные врачи.

въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, какъ адъютантъ, который ожидаетъ приказанія своего генерала».

По окончаніи военнаго совѣта императоръ Александръ, желая сообщить мнѣніе свое королю прусскому и князю Шварценбергу, приказалъ подать лошадь и въ сопровожденіи своего штаба поѣхалъ вслѣдъ за войсками; настигнувъ короля и фельдмаршала, государь, сойдя съ лошади, приказалъ генералу Толю разостлать на землѣ карту и объяснилъ

самъ предположенныя мѣры, настойчиво убѣждая своихъ союзниковъ въ необходимости движенія къ Парижу. Шварценбергъ, несмотря на противорѣчіе многихъ лицъ своего штаба, согласился съ мнѣніемъ государя и тотчасъ измѣнилъ свои прежнія распоряженія. Немедленно всѣмъ корпусамъ посланы были приказанія остановиться, а генералу Винцингероде съ кавалеріей идти къ Сенъ-Дизье, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе непріятеля и прикрыть движеніе союзныхъ армій къ Парижу. Винцингероде долженъ былъ разыгрывать роль авангарда и заготовлять квартиры для союзныхъ монарховъ.

Такимъ образомъ генералъ Толь разсказываетъ въ своихъ запискахъ о рѣшеніи, принятомъ въ Сомепюи и получившемъ всемірно-историческое значеніе. Между тѣмъ впослѣдствіи князь Волконскій приписывалъ себѣ славу спасительнаго совѣта идти на Парижъ. Въ запискахъ Михайловскаго-Данилевскаго встрѣчается по этому поводу слѣдующая замѣтка: «Въ 1816 году, въ Варшавѣ, князь Волконскій дня два что-то безпрестанно писалъ; это мнѣ показалось страннымъ, ибо я зналъ, что онъ не большой грамотей. Онъ сочинялъ описаніе совѣщанія, въ которомъ положено было идти на Парижъ и въ которомъ онъ утверждаетъ, что онъ подалъ къ тому первую мысль. Зная честность его и любовь къ истинѣ, я могу поручиться, что онъ неправды не напишетъ, хотя, впрочемъ, генералы Дибичъ и Толь присвоиваютъ себѣ эту мысль, рѣшившую войну и участь свѣта» [288].

Но какъ бы то ни было, кто бы ни предлагалъ въ Сомепюи двинуться къ Парижу, во всякомъ случаѣ заслуга этого подвига составляетъ неоспоримое достояніе того, кто принялъ на себя отвѣтственность и приведеніе въ исполненіе этой мысли; поэтому смѣлое рѣшеніе идти на Парижъ, бросивъ свои сообщенія, принадлежитъ всецѣло императору Александру [289].

13-го (25-го) марта началось движеніе союзниковъ къ Парижу; за исключеніемъ всѣхъ отдѣльныхъ отрядовъ, они располагали для этой цѣли 170,000 войскъ. Въ тотъ же день произошелъ случайный для обѣихъ сторонъ двойной бой у Феръ-Шампенуаза съ французскими войсками, которыя шли на соединеніе съ Наполеономъ — корпуса Мармона и Мортье (17,000) и дивизіи Пакто и Аме (6,000). Сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ представляетъ блистательный примѣръ побѣды, одержанной исключительно кавалеріей съ конной артиллеріей; пѣхота не сдѣлала ни одного выстрѣла. Императоръ Александръ лично распоряжался ходомъ боя противъ Пакто и Аме, неожиданно появившихся къ вечеру на полѣ сраженія. Русскіе врѣзались въ непріятельскія каре, которыя, будучи окружены со всѣхъ сторонъ, не хотѣли сдаваться. Въ пылу боя войска готовы были не давать пощады даже положившимъ наконецъ оружіе. Чтобы остановить рѣзню, государь, подвергая себя

личной опасности, въѣхалъ въ непріятельское каре съ лейбъ-казачьимъ полкомъ; напрасно многіе напоминали Александру объ угрожавшей ему опасности. «Хочу пощадить ихъ», отвѣчалъ онъ. Пакто и прочіе генералы были представлены императору, который хвалилъ выказанную ими храбрость и принялъ живое участіе въ судьбѣ плѣнныхъ, которыхъ на этомъ одномъ мѣстѣ было болѣе 3,000 человѣкъ. Вообще французы убитыми, ранеными и плѣнными потеряли до 11,000 человѣкъ; побѣдителями было захвачено 75 орудій.

Мармонъ и Мортье отступили къ Парижу и 17-го (29-го) марта подошли къ нему съ южной стороны у Шарантона. Вечеромъ того же дня императоръ Александръ прибылъ на почлегъ въ замокъ Бонди, въ семи верстахъ отъ Парижа. 18-го (30-го) марта участь Парижа должна была рѣшиться сраженіемъ, для котораго союзники располагали 100,000 человѣкъ (изъ нихъ болѣе 63,000 русскихъ).

Для обороны столицы въ распоряженіи брата Наполеона Іосифа находилось всего лишь не болѣе 40,000 человѣкъ съ 154 орудіями; въ это число, кромѣ войскъ Мармона и Мортье (24,000 и 21 орудіе), входило до 12,000 человѣкъ національной гвардіи. Къ довершенію всѣхъ бѣдствій, обрушившихся въ это время на имперію Наполеона, Веллингтонъ, вытѣснивъ французовъ изъ Испаніи, занялъ 28-го февраля (12-го марта) Бордо; кромѣ того, 9-го (21-го) марта австрійцы заняли Ліонъ. Но это безвыходное положеніе Наполеона усиливалось еще тѣмъ, что въ Парижѣ подготовлялась и созрѣвала измѣна законному правительству. Движеніемъ этимъ осторожно руководила искусная, но предательская рука Талейрана, и оно готово было облегчить и довершить задачу, которую союзникамъ предстояло еще выполнить въ открытомъ бою[290]. Отъѣздъ императрицы Маріи-Луизы съ королемъ римскимъ въ Рамбулье и оттуда въ Блуа, послѣдовавшій 17-го (29-го) марта, окончательно развязалъ руки врагамъ Наполеона. Талейранъ долженъ былъ, по приказанію императора, сопровождать регентшу въ случаѣ отъѣзда ея изъ столицы, но онъ уклонился отъ этой непріятной обязанности, исполненіе которой могло разстроить задуманный имъ переворотъ, и остался въ Парижѣ въ ожиданіи скорой развязки дѣла.

На разсвѣтѣ 18-го (30-го) марта вся свита императора Александра ожидала верхомъ, во дворѣ замка въ Бонди, его выѣзда на поле сраженія; уже раздавался громъ пушекъ со стороны Роменвильскаго плато. Въ это время въ Бонди привели захваченнаго въ плѣнъ французскаго капитана Пейра[291]. Государь пожелалъ видѣть его и болѣе получаса разспрашивалъ его о настроеніи умовъ въ Парижѣ; затѣмъ онъ поручилъ ему ѣхать къ главнокомандующему непріятельскими войсками съ объявленіемъ, что императоръ требуетъ сдачи Парижа, стоитъ передъ стѣнами его съ многочисленною арміею и ведетъ войну не съ Фран-

ціей, а съ Наполеономъ. Вмѣстѣ съ Пейромъ велѣно было ѣхать флигель-адъютанту полковнику Михаилу Ѳеодоровичу Орлову. Александръ, отпуская его, сказалъ: «Разрѣшаю вамъ прекращать огонь повсюду, гдѣ вы найдете это нужнымъ. Я уполномочиваю васъ, не подвергаясь никакой отвѣтственности, прекращать самыя рѣшительныя атаки и даже пріоста-

Русскія войска при Александрѣ I.

Гренадеры.

навливать побѣду, чтобы предупреждать и отвращать бѣдствія. Парижъ, лишенный своихъ защитниковъ и своего великаго вождя, не въ силахъ сопротивляться; я глубоко убѣжденъ въ этомъ. Но Богъ ниспослалъ мнѣ власть и побѣду лишь для того, чтобы я доставилъ вселенной миръ и спокойствіе. Если мы можемъ достигнуть этого мира безъ борьбы, тѣмъ лучше; въ противномъ же случаѣ уступимъ необходимости и будемъ сражаться, потому что съ бою или церемоніальнымъ маршемъ, на

развалинахъ или въ пышныхъ палатахъ, но Европа должна нынѣ же ночевать въ Парижѣ» [292].

«Государь, величественный и гордый, когда дѣло касалось интересовъ Европы», пишетъ М. Θ. Орловъ, описывая капитуляцію Парижа, «скромный и смиренный, какъ только шло дѣло о немъ самомъ, либо

Русскія войска при Александрѣ I.

Егеря.

о его славѣ, принимая на себя роль пассивнаго орудія Провидѣнія, былъ въ дѣйствительности повелителемъ судебъ міра. Разговоръ его носилъ отпечатокъ этихъ двухъ оттѣнковъ характера и выражалъ увѣренность въ побѣдѣ, соединенную съ отеческою заботливостью объ участи побѣжденныхъ враговъ. По первымъ словамъ его я понялъ, что настоящій день долженствовалъ ознаменоваться рѣшительною битвою и вслѣдъ за тѣмъ великодушною капитуляціею».

Орловъ съ французскимъ офицеромъ поскакалъ въ Пантенъ, гдѣ въ то время уже происходила перестрѣлка. Нѣсколько разъ парламентеры пытались прекратить кровопролитіе, но всѣ ихъ усилія были напрасны. Человѣколюбивое желаніе Александра не могло быть исполнено. Ожесточенный бой завязался по всей линіи. Въ пятомъ часу пополудни всѣ позиціи, кромѣ Монмартра, были потеряны французами. Между тѣмъ король Іосифъ, получивъ донесеніе Мармона о невозможности продолжать защиту Парижа, поспѣшилъ уѣхать въ Блуа и предоставилъ маршаламъ открыть переговоры съ россійскимъ императоромъ и княземъ Шварценбергомъ и отвести войска за Луару. Послѣ этого къ императору Александру явился парламентеръ безъ всякихъ полномочій, но съ предложеніемъ прекратить бой и условиться о перемиріи. Ему отказали въ этомъ, и государь послалъ Орлова къ маршалу Мармону съ слѣдующими предложеніями: «огонь прекратится, французскія войска отойдутъ за укрѣпленныя заставы, немедленно будетъ назначена коммиссія для переговоровъ о сдачѣ Парижа». Мармонъ изъявилъ согласіе. Возвратясь назадъ, Орловъ нашелъ императора Александра на Бельвильской высотѣ и разставлявшимъ батарею изъ двадцати четырехъ орудій для обстрѣливанія города. Государь, подозвавъ къ себѣ графа Нессельроде и давъ ему инструкцію, поручилъ совмѣстно съ Орловымъ открыть переговоры; къ нимъ былъ присоединенъ адъютантъ князя Шварценберга графъ Паръ. Они направились къ Пантенской заставѣ, гдѣ встрѣтились съ Мармономъ. Французскія войска уже отходили въ городъ. Во время начавшихся переговоровъ снова раздалась перестрѣлка; это былъ заключительный актъ сраженія подъ Парижемъ: графъ Ланжеронъ взялъ штурмомъ Монмартръ.

Успѣхъ подъ Парижемъ былъ купленъ дорогою цѣною; союзники потеряли въ день сраженія 18-го (30-го) марта 8,400 человѣкъ (въ томъ числѣ 6,000 русскихъ). Значительный уронъ объясняется отсутствіемъ единства въ дѣйствіяхъ союзниковъ и происшедшей вслѣдствіе этого неодновременностью атаки со стороны всѣхъ частей союзной арміи. Къ тому же успѣхъ дня рѣшился прямымъ ударомъ на самую сильную часть непріятельской позиціи.

Пока договаривались съ французскими маршалами о сдачѣ Парижа, императоръ Александръ объѣзжалъ войска, расположенныя вблизи Бельвиля и Шомона, и поздравлялъ ихъ съ побѣдою; тогда же государь пожаловалъ графа Барклая де-Толли въ фельдмаршалы. Затѣмъ онъ возвратился въ Бонди[293].

Переговоры о капитуляціи Парижа перенесены были между тѣмъ въ домъ, который занималъ маршалъ Мармонъ. Тамъ собралось большое общество, ожидавшее съ безпокойствомъ рѣшенія участи Парижа. Во главѣ присутствовавшихъ находился Талейранъ. Онъ подошелъ къ фли-

гель-адъютанту русскаго императора и сказалъ ему съ нѣкоторою торжественностью»: «Monsieur, veuillez bien vous charger de porter aux pieds de Sa Majesté l'Empereur de Russie l'expression du profond respect du prince de Bénévent». — Орловъ отвѣчалъ: «Prince, je porterai, soyez en sûr, ce blanc seing à la connaissance de Sa Majesté». — Легкая, едва замѣтная улыбка скользнула по лицу Талейрана, который, будучи, вѣроятно, доволенъ смысломъ, приданнымъ его словамъ, удалился, не показывая вида, что, въ свою очередь, понялъ Орлова.

Соглашеніе между французами и представителями союзныхъ армій наконецъ установилось, и въ третьемъ часу пополуночи капитуляція Парижа, составленная М. Ѳ. Орловымъ, была написана; побѣдителю пришлось, однако, отказаться отъ заявленнаго первоначально требованія, чтобы французскія войска, оборонявшія Парижъ, отступили по Бретанской дорогѣ. Въ заключительной 8-й статьѣ этой капитуляціи, собственно относительно предстоявшаго занятія Парижа союзниками, было лишь сказано, что городъ предается великодушію союзныхъ монарховъ [294].

Орловъ сказалъ маршалу Мармону, что представители Парижа могутъ лично высказать, не стѣсняясь, свои желанія императору Александру. Поэтому предстояло собрать депутацію отъ города, которая немедленно явилась бы въ союзную главную квартиру; она составилась изъ префекта полиціи Пакье, сенскаго префекта Шаброля и нѣкоторыхъ членовъ муниципальнаго совѣта и представителей національной гвардіи. Съ разсвѣтомъ депутаты въ каретахъ двинулись въ Бонди, сопровождаемые полковникомъ Орловымъ, который провелъ ихъ черезъ русскіе бивакп.

По прибытіи въ главную квартиру французы были введены въ большую залу замка. Орловъ приказалъ доложить о себѣ графу Нессельроде, который вышелъ къ депутатамъ, между тѣмъ какъ Орловъ прямо отправился къ императору, который принялъ его, лежа въ постели. «Какія извѣстія привезли вы?» спросилъ государь. «Ваше величество, это капитуляція Парижа», отвѣчалъ Орловъ. Александръ взялъ капитуляцію, прочелъ ее, сложилъ бумагу и, положивъ подъ подушку, сказалъ «Поздравляю васъ; ваше имя связано съ великимъ событіемъ». Затѣмъ Орловъ разсказалъ всѣ подробности вечера, проведеннаго имъ въ Парижѣ у маршала Мармона; государь выказалъ большое удивленіе, когда узналъ о встрѣчѣ русскаго парламентера съ Талейраномъ. «Пока это только анекдотъ, но онъ можетъ обратиться въ исторію» [295], замѣтилъ Александръ. Отпустивъ затѣмъ Орлова, государь заснулъ глубокимъ сномъ почти въ ту же минуту.

Въ то время, когда происходили описанныя выше дѣйствія подъ Парижемъ, Наполеонъ распоряжался слѣдующимъ образомъ. Когда от-

рядъ Винцингероде достигнулъ Сенъ-Дизье, Наполеонъ двигался изъ Дулевана въ Баръ-сюръ-Объ. Для разъясненія истинныхъ намѣреній союзниковъ онъ приказалъ произвести усиленную рекогносцировку, которая привела къ бою у Сенъ-Дизье; Винцингероде былъ отброшенъ къ Баръ-ле-Дюку. Изъ разспросовъ плѣнныхъ Наполеонъ убѣдился, что противъ него оставленъ только кавалерійскій отрядъ, и что главныя силы союзниковъ направились къ Парижу. «Это прекрасный шахматный ходъ! я никогда бы не повѣрилъ, что генералъ коалиціи способенъ сдѣлать это!»[296] воскликнулъ Наполеонъ. Немедленно, 15-го (27-го) марта, Наполеонъ направилъ имѣвшіяся у него силы къ Парижу по кружной дорогѣ черезъ Троа и Фонтенебло. 18-го (30-го) марта, на разсвѣтѣ, когда союзники находились уже передъ Парижемъ и готовились атаковать столицу, Наполеонъ съ передовыми войсками достигъ лишь Троа (150 верстъ отъ Парижа). Въ надеждѣ, по крайней мѣрѣ, личнымъ присутствіемъ поправить дѣла въ Парижѣ, императоръ опередилъ войска и поскакалъ въ Фонтенебло; прибывъ туда вечеромъ, онъ безостановочно продолжалъ путь къ Парижу. Но было уже поздно, и ночью на 19-е (31-е) марта въ двадцати верстахъ отъ Парижа Наполеонъ встрѣтилъ передовыя части выступившихъ уже оттуда французскихъ войскъ, отъ которыхъ онъ узналъ о заключенной Мармономъ капитуляціи. Въ шесть часовъ утра Наполеонъ возвратился въ Фонтенебло.

Около этого же времени, утромъ 19-го (31-го) марта, парижская депутація была принята въ Бонди императоромъ Александромъ. Графъ Нессельроде представилъ государю поименно ея членовъ; затѣмъ Александръ обратился къ нимъ съ рѣчью, которую Пакье въ своихъ запискахъ воспроизвелъ слѣдующимъ образомъ: «У меня только одинъ врагъ во Франціи, это человѣкъ, который обманулъ меня самымъ недостойнымъ образомъ, который употребилъ во зло мое довѣріе, который нарушилъ по отношенію ко мнѣ всѣ свои клятвы, который внесъ въ мое государство войну самую беззаконную, самую возмутительную. Всякое примиреніе между нимъ и мною отнынѣ невозможно; но, повторяю, у меня во Франціи нѣтъ другого врага. Всѣ французы, за исключеніемъ его, пользуются моимъ благоволеніемъ. Я уважаю Францію и французовъ и желаю, чтобы они поставили меня въ положеніе, которое дало бы мнѣ возможность сдѣлать имъ добро. Я чувствую мужество и славу всѣхъ храбрыхъ, противъ которыхъ я сражаюсь уже два года и которыхъ я научился уважать при всѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ они находились. Я всегда буду готовъ оказать имъ справедливость и принадлежащія имъ по праву почести. Передайте же, господа, парижанамъ, что я не вступаю въ ихъ стѣны въ качествѣ врага и что отъ нихъ зависитъ имѣть меня другомъ; но скажите также, что у меня

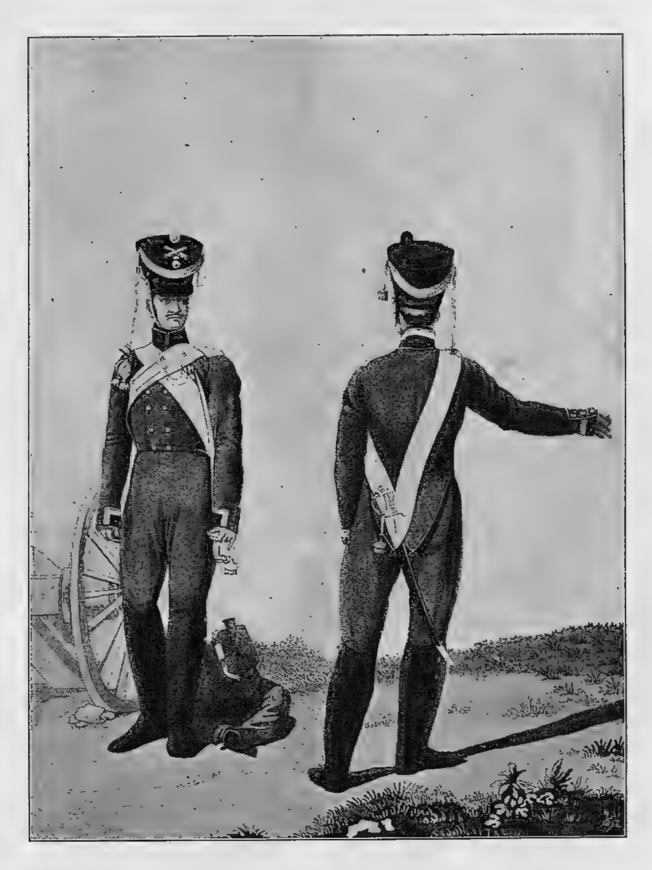
Свиданіе трехъ императоровъ въ Прагѣ въ 1813 году.

Съ гравюры Югеля, сдѣланной съ картины Вольфа.

Т-во Голике и Вильборгъ.

есть единственный врагъ во Франціи, и что въ отношеніи къ нему я непримиримъ»[297]. Пакье прибавляетъ, что эта мысль была повторена на двадцать различныхъ ладовъ и всегда съ выраженіемъ самой крайней запальчивости, причемъ государь прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ[298].

Перейдя затѣмъ къ подробностямъ занятія Парижа, императоръ Александръ согласился предоставить охраненіе спокойствія въ столицѣ

Русскія войска при Александрѣ I.

(Артиллеристы.

національной гвардіи и далъ слово, что онъ ничего не потребуетъ отъ жителей, кромѣ жизненныхъ припасовъ для арміи; войска рѣшено было расположить биваками. Отпустивъ депутацію, императоръ Александръ приказалъ графу Нессельроде немедленно отправиться въ Парижъ къ Талейрану и условиться съ нимъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять на первыхъ порахъ; графъ въѣхалъ въ городъ въ сопровожденіи одного казака.

«Бульвары были покрыты разряженною толпой», пишетъ графъ Нессельроде въ своихъ воспоминаніяхъ. «Казалось, народъ собрался, чтобы погулять на праздникѣ, а не для того, чтобы присутствовать при вступленіи непріятельскихъ войскъ. Талейранъ былъ за туалетомъ. Полупричесанный, онъ выбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу, бросился въ мои объятія и осыпалъ меня пудрой. Успокоившись нѣсколько, онъ велѣлъ позвать нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми находился въ заговорѣ (en pleine conspiration). То были герцогъ Дальбергъ, аббатъ де-Прадтъ, баронъ Луи. Я передалъ своимъ собесѣдникамъ желанія императора Александра, сказавъ имъ, что онъ остановился окончательно на одной мысли — не оставлять Наполеона на французскомъ престолѣ; что затѣмъ вопросъ, какой порядокъ вещей долженъ водвориться отнынѣ, будетъ разрѣшенъ государемъ не иначе, какъ по совѣщанію съ тѣми выдающимися людьми, съ которыми ему предстоитъ войти въ сношеніе» [299].

Императоръ Александръ намѣревался поселиться въ Елисейскомъ дворцѣ (Elysée-Bourbon), но, получивъ увѣдомленіе, что подъ дворецъ этотъ подведены мины, послалъ полученное имъ извѣстіе графу Нессельроде; когда объ этомъ узналъ Талейранъ, онъ не хотѣлъ вѣрить правдивости сообщенія, но, по избытку предосторожности, предложилъ императору остановиться у него, пока не будетъ произведено надлежащаго разслѣдованія. По всей вѣроятности, поднявшаяся тревога была подготовлена самимъ изворотливымъ княземъ Беневентскимъ, заручившимся, такимъ образомъ, присутствіемъ главы коалиціи въ своемъ домѣ.

Послѣ отъѣзда графа Нессельроде въ Парижъ къ императору Александру явился въ Бонди Коленкуръ, присланный Наполеономъ съ предложеніемъ неотлагательнаго мира на условіяхъ, сходныхъ съ требованіями, предъявленными союзными державами въ Шатильонѣ. Государь высказалъ герцогу Виченцкому, что считаетъ себя обязаннымъ упрочить спокойствіе Европы, и что поэтому ни онъ, ни его союзники не станутъ вести переговоровъ съ Наполеономъ. Тщетно Коленкуръ старался поколебать рѣшимость Александра, представляя ему, что союзные монархи, низвергнувъ съ престола государя, всѣми ими признаннаго, выказали бы себя поборниками разрушительныхъ идей революціи. «Союзные монархи не желаютъ ниспроверженія престоловъ», отвѣчалъ Александръ: «они будутъ поддерживать не какую-либо партію недовольныхъ настоящимъ правительствомъ, а общій голосъ почетнѣйшихъ людей Франціи. Мы рѣшились продолжать борьбу до конца, чтобы не возобновлять ея при менѣе выгодныхъ обстоятельствахъ, и будемъ сражаться, пока достигнемъ прочнаго мира, котораго нельзя ожидать отъ человѣка, опустошившаго Европу отъ Москвы до Кадикса». Въ заключеніе Александръ обѣщалъ принять Коленкура во всякое время въ Парижѣ.

«Покореніе Парижа являлось необходимымъ достояніемъ нашихъ лѣтописей. Русскіе не могли бы безъ стыда раскрыть славной книги своей исторіи, если бы за страницею, на которой Наполеонъ изображенъ стоящимъ среди пылающей Москвы, не слѣдовала страница, гдѣ Александръ является среди Парижа».

Оставляя Бонди, посолъ Наполеона увидѣлъ лошадь, поданную государю для предстоявшаго въѣзда въ Парижъ; это была свѣтло-сѣрая

Русскія войска при Александрѣ I.

Гусаръ.

лошадь, по прозванію Эклипсъ, нѣкогда подаренная императору въ то время, когда Коленкуръ былъ посломъ въ Петербургѣ. Около восьми часовъ утра императоръ Александръ выѣхалъ изъ Бонди. «Всѣ готовились встрѣтить день, безпримѣрный въ исторіи», пишетъ очевидецъ.

Проѣхавъ съ версту, государь встрѣтилъ короля прусскаго и гвардію; пропустивъ мимо себя назначенную идти въ головѣ вступавшихъ

въ Парижъ войскъ прусскую гвардейскую и нашу легкую гвардейскую кавалерію, Александръ послѣдовалъ за ними вмѣстѣ съ королемъ и княземъ Шварценбергомъ, сопровождаемый свитою въ числѣ болѣе тысячи генераловъ и офицеровъ различныхъ націй. За ними шли австрійскіе гренадеры, русскіе гренадерскій корпусъ, гвардейская пѣхота и три кирасирскія дивизіи съ артиллеріею. Прекраснѣйшая погода благопріятствовала торжественной обстановкѣ этого незабвеннаго дня.

Какими чувствами преисполнена была тогда душа Александра? Что думалъ государь, переживший тяжелое испытаніе Аустерлица, блескъ Тильзитскаго свиданія, смѣнившій Фридландское пораженіе, и пожаръ Москвы? Онъ съ полнымъ смиреніемъ готовился отплатить за испытанныя зло и огорченіе неслыханнымъ въ исторіи великодушіемъ. Дѣйствительно, среди Парижа явился побѣдитель, не искавшій другого торжества, какъ только счастія побѣжденныхъ. Еще въ Вильнѣ, въ декабрѣ 1812 года, императоръ Александръ сказалъ: «Наполеонъ могъ даровать миръ Европѣ. Могъ — но не сдѣлалъ! теперь очарованіе исчезло! Увидимъ, что лучше: заставить себя бояться или любить» [300]. Въ Парижѣ государю представилось благодарное поприще для примѣненія на дѣлѣ этихъ великодушныхъ помысловъ и идеальныхъ стремленій.

Подозвавъ къ себѣ генерала Ермолова и указавъ незамѣтно на ѣхавшаго съ нимъ князя Шварценберга, Александръ сказалъ по-русски: «По милости этого толстяка не разъ у меня ворочалась подъ головою подушка», и затѣмъ, помолчавъ съ минуту, спросилъ: «Ну, что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали за простачка». «Не знаю, государь», отвѣчалъ Ермоловъ: «могу сказать только, что слова, которыя удостоился я слышать отъ вашего величества, никогда еще не были сказаны монархомъ своему подданному» [301].

Народъ толпился на улицахъ, и даже кровли домовъ были покрыты любопытными зрителями. Изъ оконъ свѣшивались бѣлыя скатерти. Женщины въ окнахъ и съ балконовъ махали бѣлыми платками. Одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ историковъ весьма мѣтко опредѣляетъ настроеніе парижскаго населенія въ день 19-го (31-го) марта слѣдующими словами: «Тогда не разсуждали: дышали» [302]. Ласково отвѣчая на привѣтствія населенія, государь сказалъ громко: «Я не являюсь врагомъ. Я приношу вамъ миръ и торговлю (Je ne viens pas en ennemi. Je viens vous apporter la paix et le commerce). Слова императора вызвали рукоплесканія и возгласы: «Vive la paix!» Одинъ французъ, успѣвшій протиснуться къ самому государю, сказалъ: «Nous vous attendions depuis longtemps». «La faute en est à la bravoure de vos troupes si je ne suis pas venu plus tôt», отвѣчалъ ему Александръ. «Que l'Empereur Alexandre est beau, comme il salue gracieusement. Il faut

qu' il reste à Paris ou qu'il nous donne un souverain qui lui ressemble», передавали французы другъ другу. Союзныя войска встрѣчались радостными возгласами: «Vive Alexandre! Vivent les russes! Vivent les alliés!» По мѣрѣ приближенія союзниковъ къ Елисейскимъ полямъ, энтузіазмъ возрасталъ и началъ принимать демонстративный правительству Наполеона характеръ; появились бѣлыя кокарды на шляпахъ, и раздавались восклицанія: «Vivent les Bourbons! A bas le tyran!» Всѣ эти манифестаціи не возбуждали, однако, въ народѣ ни малѣйшаго сочувствія къ чуждымъ ему Бурбонамъ; это движеніе было чисто поверхностное и отчасти искусственное. Французы, увидя бѣлыя повязки на русскихъ мундирахъ, воображали, что Европа вооружилась изъ-за Бурбоновъ, и выставили въ свою очередь цвѣта, которымъ въ душѣ они вовсе не сочувствовали. Тѣмъ не менѣе французскія демонстраціи принесли то зло, что внушили союзникамъ ложное представленіе о силѣ роялистской партіи. Въ этотъ день съ обѣихъ сторонъ проявилось недоразумѣніе, которое привело къ неожиданной для всѣхъ развязкѣ [303].

Во время прохожденія войскъ церемоніальнымъ маршемъ въ Елисейскихъ поляхъ парижанки, желая удобнѣе видѣть императора Александра, просили офицеровъ свиты сажать ихъ къ себѣ на сѣдла. Государь, замѣтивъ эти продѣлки, указалъ на нихъ съ улыбкою королю прусскому. Князь Шварценбергъ въ свою очередь сказалъ: «Какъ бы не вышло изъ этого новаго похищенія сабинянокъ».

Во время смотра одинъ французъ подошелъ къ Михайловскому-Данилевскому, находившемуся вблизи императора Александра, и просилъ предупредить государя не останавливаться въ Тюльери, потому что въ погребахъ послѣдняго положенъ порохъ съ намѣреніемъ взорвать его. «Я сообщилъ это извѣстіе князю Волконскому», пишетъ Данилевскій, «который сказалъ, что императоръ избралъ на первое время своего здѣсь пребыванія домъ Талейрана». Въ это время Данилевскій, воображеніе котораго, по собственному признанію, было уже «воспалено» сообщеніемъ о взрывѣ, будто бы приготовленномъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, увидѣлъ одного человѣка, который вдругъ, среди толпы, подлѣ самаго государя поднялъ вверхъ ружье. «Мгновенно я на него бросился», разсказываетъ Данилевскій, «и, почувствовавъ въ себѣ необыкновенную силу, вырвалъ у него ружье, схватилъ его за воротъ и закричалъ жандармамъ, чтобы они его взяли. Ужасный шумъ произошелъ въ народной толпѣ; «онъ пьянъ», говорили французы, столько же изумленные появленіемъ сего ружья, а государь, передъ глазами коего все сіе происходило, повторилъ нѣсколько разъ съ торопливостью: «Оставь его, Данилевскій, оставь его». Одному Небу извѣстны намѣренія сего человѣка, который скрылся въ толпѣ народа, но я почту себя всю жизнь счастливымъ, что я исторгъ оружіе изъ рукъ его. Сви-

дѣтелемъ сего явленія былъ одинъ тогдашній товарищъ мой, Щербининъ, потому что всѣ чиновники, принадлежавшіе къ свитѣ государя, находились въ нѣкоторомъ разстояніи» [304].

По окончаніи смотра, въ пятомъ часу пополудни, императоръ Александръ отправился пѣшкомъ въ Сенъ-Флорентинскую улицу въ домъ Талейрана, гдѣ все было готово къ его пріему [305]. Здѣсь ожидали госу-

Русскія войска при Александрѣ I.

Уланъ.

даря тяжелыя заботы. Если уже во время похода 1813 года Александръ писалъ графу Аракчееву: «Съ семи часовъ до сихъ поръ я не закрывалъ по несчастью рта своего съ этою проклятою политикою», то что же предстояло ему теперь въ Парижѣ, когда нужно было создать новое правительство и согласовать самыя противоположныя мнѣнія и убѣжденія. Задача была не легкая, но Александръ вышелъ побѣдителемъ и здѣсь, среди этихъ новыхъ и небывалыхъ политическихъ затрудненій [306].

По прибытіи къ государю короля прусскаго и князя Шварценберга, началось совѣщаніе, къ которому приглашены были Талейранъ, герцогъ Дальбергъ, князь Лихтенштейнъ, графъ Нессельроде и генералъ Поццо ди Борго. Императоръ Александръ открылъ собраніе краткою рѣчью, въ которой заявилъ, что единственною цѣлью его союзниковъ и его

Русскія войска при Александрѣ I.

Оберъ-офицеръ кирасирскаго полка.

самого есть достиженіе прочнаго мира, и что союзники готовы признать регентство императрицы Маріи-Луизы, господство Бернадота (наслѣднаго принца шведскаго), республику, Бурбоновъ — словомъ сказать, всякое правительство, только бы оно было признано всѣми французами. Начались пренія. Талейранъ просилъ разрѣшенія ввести въ собраніе еще нѣсколькихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ Франціею и настроеніемъ

общественнаго мнѣнія. Явились аббатъ де-Прадтъ, баронъ Луи и генералъ Дессоль. Всѣ призванныя Талейраномъ лица утверждали, что владычество Наполеона немыслимо; баронъ Луи нашелъ даже умѣстнымъ прибѣгнуть къ такому циническому отзыву: «Cet homme n'est plus qu'un cadavre, seulement il ne pue pas encore». Затѣмъ всѣ присутствовавшие на совѣщаніи оказались того мнѣнія, что никто, кромѣ Бурбоновъ, не можетъ замѣнить Наполеона. Талейранъ въ заключеніе сказалъ: «Возможны лишь двѣ комбинаціи: Наполеонъ или Людовикъ XVIII. Республика — невозможность, регентство или Бернадотъ — интрига, одни только Бурбоны — принципъ». Императоръ Александръ принялъ высказанный въ совѣтѣ единогласный отзывъ за выраженіе мнѣнія всѣхъ французовъ и, убѣдясь въ одобреніи его прусскимъ королемъ и Шварценбергомъ, сказалъ: «Намъ, чужеземцамъ, не подобаетъ провозглашать низложеніе Наполеона; еще менѣе того можемъ мы призывать Бурбоновъ на престолъ Франціи. Кто же возьметъ на себя починъ въ этихъ двухъ великихъ дѣяніяхъ?» Талейранъ указалъ на сенатъ и взялся устроить дѣло, но поставилъ условіемъ, чтобы союзные монархи объявили всенародно, что не станутъ вести переговоровъ съ Наполеономъ или съ кѣмъ-либо изъ членовъ его семейства и приглашаютъ сенатъ немедленно назначить временное правительство. Прокламація въ такомъ смыслѣ тотчасъ же была составлена графомъ Нессельроде, сообща съ герцогомъ Дальбергомъ, затѣмъ исправлена и подписана императоромъ Александромъ, а 20-го марта (1-го апрѣля) распространена по всему Парижу. Хотя Бурбоны не были названы въ этой прокламаціи, но сокровенная цѣль союзниковъ обнаруживалась въ ней съ достаточною ясностью.

Подъ руководствомъ Талейрана, сенатъ 20-го марта (1-го апрѣля) учредилъ временное правительство и на слѣдующій день объявилъ Наполеона и всѣхъ членовъ его семейства лишенными права на престолъ Франціи. Въ тотъ же день, 21-го марта (2-го апрѣля), государь принялъ сенатъ, представленный ему Талейраномъ, и обратился къ этому собранію съ слѣдующею рѣчью: «Я—другъ французскаго народа; то, что вы совершили только что, еще болѣе усугубляетъ это чувство. Справедливо и разумно дать Франціи учрежденія сильныя и либеральныя, которыя соотвѣтствовали бы степени настоящаго просвѣщенія. Мои союзники и я, мы намѣрены только обезпечить независимость вашихъ рѣшеній». Затѣмъ онъ прибавилъ самымъ доброжелательнымъ тономъ: «Въ доказательство прочнаго союза, который я хочу заключить съ вашей націей, я возвращаю ей всѣхъ плѣнныхъ французовъ, которые находятся въ моей имперіи. Временное правительство обратилось ко мнѣ съ просьбою объ этомъ; дарую свое согласіе сенату послѣ рѣшеній, принятыхъ имъ сегодня».

Въ тотъ же день императоръ Александръ принялъ Коленкура и объявилъ ему о необходимости отреченія со стороны Наполеона; только на этомъ основаніи государь признавалъ возможнымъ войти съ нимъ въ переговоры. «Я не питаю никакой злобы, вѣрьте этому», сказалъ Александръ: «Наполеонъ несчастенъ, и съ этой минуты я прощаю ему то зло, которое онъ причинилъ Россіи; но Франція, Европа нуждаются

Русскія войска при Александрѣ I.
Драгунъ.

въ покоѣ, а съ нимъ онѣ никогда не будутъ имѣть его. Мы твердо стоимъ на этомъ рѣшеніи. Пусть онъ требуетъ для себя лично, чего ему угодно: нѣтъ такого убѣжища, котораго не согласились бы предоставить ему. Если даже онъ пожелаетъ принять руку, которую я протягиваю ему, пусть онъ пожалуетъ въ мои владѣнія, гдѣ встрѣтитъ великолѣпный и, что еще лучше, радушный пріемъ. Мы подадимъ, онъ

и я, великій примѣръ всему міру, я — предлагая, онъ — принимая это гостепріимство».

На вопросъ Коленкура, что именно можетъ быть назначено Наполеону во владѣніе, императоръ Александръ окончательно остановился на островѣ Эльбѣ и въ заключеніе прибавилъ: «Убѣдите вашего повелителя въ необходимости покориться судьбѣ, и затѣмъ мы посмотримъ. Все, что только окажется приличнымъ и почетнымъ, будетъ сдѣлано. Я не забуду, что должно воздать человѣку столь великому и столь несчастному».

Между тѣмъ Наполеонъ, пребывая въ Фонтенебло, готовился, по сосредоточеніи своихъ войскъ, продолжать борьбу и идти на Парижъ. Сообщенія Коленкура еще болѣе утвердили его въ этомъ намѣреніи. Армія оставалась ему вѣрна и готова была съ самоотверженіемъ слѣдовать за своимъ вождемъ, оставаясь вѣрною долгу присяги. Но маршалы, утомленные безпрерывными боевыми тревогами, жаждали покоя; они начали уже преслѣдовать другія цѣли, болѣе мирнаго свойства, и отказались содѣйствовать дальнѣйшимъ воинственнымъ предпріятіямъ императора, угрожавшимъ въ будущемъ нескончаемымъ кровопролитіемъ; они убѣдили Наполеона отказаться отъ престола въ пользу сына. 22-го марта (3-го апрѣля) Наполеонъ подписалъ условное отреченіе и уполномочилъ Коленкура, Нея и Макдональда войти на этомъ основаніи въ переговоры съ союзными державами; дорогою къ нимъ долженъ былъ присоединиться Мармонъ. Разсчитывая на нерасположеніе императора Александра къ Бурбонамъ, уполномоченные надѣялись отстоять права короля римскаго и регентство Маріи-Луизы. Они прибыли въ Парижъ поздно ночью и немедленно были приняты императоромъ. Дѣйствительно, ожиданія сторонниковъ регентства оправдались: выслушавъ маршаловъ, Александръ обнаружилъ нѣкоторое колебаніе, и роялисты начали трепетать, предчувствуя близкое крушеніе подготовленнаго ими съ такимъ искусствомъ переворота. Неожиданное происшествіе выручило сторонниковъ Бурбоновъ: Мармонъ измѣнилъ Наполеону и отвелъ свои войска въ Версаль, за линію, занимаемую союзниками на р. Эссоннѣ. «Вы видите, такъ угодно Провидѣнію: отнынѣ не можетъ быть болѣе ни сомнѣній, ни колебаній», сказалъ Александръ Поццо ди Борго [307]. Послѣ этого событія государь на слѣдущее утро объявилъ уполномоченнымъ Наполеона, что измѣнившіяся обстоятельства заставляютъ отказаться отъ учрежденія регентства, и что одни лишь Бурбоны могутъ удовлетворить требованіямъ Франціи и Европы. Затѣмъ Александръ повторилъ Коленкуру обѣщаніе отдать Наполеону островъ Эльбу и употребить всѣ возможныя старанія доставить Маріи-Луизѣ и ея сыну владѣніе въ Италіи.

Рѣшительное слово было произнесено. Давно уже Наполеонъ предвидѣлъ эту неизбѣжную развязку и еще въ 1810 году признался Мет-

терниху, что, если когда-нибудь ему суждено исчезнуть съ политическаго поприща, никто, кромѣ Людовика XVIII, не можетъ занять его мѣста[308]. Теперь Наполеону оставалось только согласиться на безусловное отреченіе. Оно состоялось 25-го марта (6-го апрѣля) и было изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ виду заявленія союзныхъ державъ, что императоръ Наполеонъ является единственнымъ препятствіемъ для возстановленія европейскаго мира, императоръ Наполеонъ, вѣрный своей присягѣ, объявляетъ, что онъ отказывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ престоловъ Франціи и Италіи, такъ какъ нѣтъ такихъ личныхъ жертвъ, не исключая даже принесенія въ жертву своей жизни, передъ которыми онъ отступилъ бы ради блага Франціи».

На другой же день послѣ подписанія Наполеономъ акта отреченія, 26-го марта (7-го апрѣля), императоромъ Александромъ было получено въ Парижѣ извѣстіе, что Наполеонъ въ сопровожденіи небольшого конвоя выѣхалъ изъ Фонтенебло по Оксерской дорогѣ, направляясь въ Бургундію. Немедленно по полученіи этого извѣстія государь приказалъ князю Волконскому сообщить генералу Винцингероде слѣдующее предписаніе: «Его величество государь императоръ повелѣваетъ вашему превосходительству немедленно отправить достаточно сильный отрядъ для преслѣдованія его (Наполеона) съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если бы указанный поступокъ съ его стороны дѣйствительно былъ совершенъ, нагнать его, схватить и доставить живымъ».

Однако, полученное императоромъ Александромъ извѣстіе о мнимомъ бѣгствѣ Наполеона изъ Фонтенебло не подтвердилось.

Тотчасъ по подписаніи Наполеономъ своего отреченія уполномоченные его, Коленкуръ, Ней и Макдональдъ, снова отправились въ Парижъ, чтобы на основаніи этого новаго акта заключить договоръ съ союзными державами. Ознакомившись съ актомъ отреченія, государь объявилъ имъ, что, считая себя связаннымъ словомъ, даннымъ Коленкуру относительно острова Эльбы, онъ будетъ во время переговоровъ отстаивать интересы Наполеона и его семейства. Отпустивъ маршаловъ и оставшись наединѣ съ Коленкуромъ, Александръ говорилъ съ участіемъ о Наполеонѣ, съ досадою о приверженцахъ Бурбоновъ и ихъ увлеченіяхъ. Въ тотъ же день сенатъ утвердилъ выработанную новую конституцію, одна изъ статей которой постановляла, что Людовикъ, братъ послѣдняго короля, призывается на престолъ свободною волею французскаго народа, и что онъ будетъ провозглашенъ королемъ французовъ по принесеніи присяги конституціи.

Въ то время, когда совершались событія столь громадной міровой важности, наступила уже страстная недѣля. Императоръ Александръ пожелалъ говѣть. Впослѣдствіи государь ознакомилъ князя А. Н. Голицына съ тѣмъ душевнымъ настроеніемъ, въ которомъ онъ находился тогда[309];

оно представляло собою дальнѣйшее развитіе мыслей и чувствованій, возбужденныхъ въ государѣ событіями 1812 года и о которыхъ уже было упомянуто выше. Внутренній духовный процессъ неуклонно совершался, оставаясь пока еще незамѣтнымъ для лицъ, непосредственно окружавшихъ императора, и постепенно Александръ 1801 года обращался въ Александра 1815 года, въ творца Священнаго союза.

Русскія войска при Александрѣ I.

Конно-егерь.

«Наше вхожденіе въ Парижъ было великолѣпное», разсказывалъ государь князю Голицыну. «Все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ; народъ бросался цѣловать мои руки, ноги; хватались даже за стремена; оглашали воздухъ радостными криками, поздравленіями. Но душа моя ощущала тогда въ себѣ другую радость. Она, такъ сказать, таяла въ безпредѣльной преданности къ

Господу, сотворившему чудо своего милосердія; она, эта душа, жаждала уединенія, жаждала субботствованія; сердце мое порывалось пролить предъ Господомъ всѣ чувствованія мои. Словомъ, мнѣ хотѣлось говѣть и пріобщиться св. Тайнъ; но въ Парижѣ не было русской церкви. Милующій Промыслъ, когда начнетъ благодѣтельствовать, тогда бываетъ

Русскія войска при Александрѣ I.

Штабъ-офицеръ донского казачьяго войска.

всегда безмѣренъ въ своей изобрѣтательности; и вотъ, къ крайнему моему изумленію, вдругъ приходятъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что столь желанная мною русская церковь явилась въ Парижѣ; послѣдній нашъ посолъ, выѣзжая изъ столицы Франціи, передалъ свою посольскую церковь на сохраненіе въ домъ американскаго посланника. И вотъ, сейчасъ же, насупротивъ меня, французы наняли чей-то домъ, и церковь

русская въ то же время была устроена; а отъ дома моего, въ которомъ я жилъ уединенно, въ тотъ же разъ французы сдѣлали переходъ для удобнаго посѣщенія церкви. Французское правительство, узнавшее о моемъ намѣреніи исполнить предвзятую мною религіозную обязанность, приняло мѣры распорядиться, въ самое скорѣйшее время, чтобы по той улицѣ никакіе экипажи не ѣздили. И вотъ ничто уже мнѣ не мѣшало исполнять мою обязанность предъ Господомъ. Бывало, всякій день хожу въ церковь. Но, идучи туда и возвращаясь обратно въ домъ, трудно однакожъ мнѣ было сохранять чувствованіе своего ничтожества, котораго требуетъ святая наша церковь въ подвигѣ покаянія: какъ бывало только покажусь на улицу, такъ густѣйшая толпа, что есть только лучшаго въ парижскомъ обществѣ, толпа, составленная изъ кавалеровъ и дамъ, тѣсно обступитъ и смотритъ на меня съ тѣмъ одушевленіемъ признательнаго чувства, съ тѣмъ доброжелательствомъ, которыя для лицъ нашего значенія такъ сладко и обаятельно видѣть въ людяхъ. Съ трудомъ каждый разъ пробирался я на уединенную свою квартиру. Никогда съ такимъ удобствомъ и спокойствіемъ я не говѣлъ, какъ въ многолюдной столицѣ Франціи. Промыслъ всѣ, такъ сказать, милости излилъ на меня отъ Своей десницы; Онъ ниспослалъ мнѣ все возможное спокойствіе къ исполненію этого священнаго долга. Но прежде, чѣмъ я къ тому приступилъ, душа моя была, однакожъ, не безъ смущенія: мнѣ совершенно извѣстно было, что грозныя еще своимъ отчаяніемъ полчища Наполеоновы стягивались въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Фонтенебло; слѣдовательно, союзныя арміи, такъ недавно вступившія въ стѣны столицы, должны были вновь готовиться не для одного отдыха и наслажденія; мнѣ скоро надлежало выводить ихъ для новаго боя, можетъ быть отчаяннѣйшаго, чѣмъ всѣ прежніе; мнѣ надлежало также принять всевозможныя мѣры, чтобъ сдерживать и буйную чернь парижскую, могущую удобно зажигаться и волноваться, даже и отъ наималѣйшаго успѣха Наполеонова. Какъ же мнѣ, говорю, было спокойно говѣть, когда надлежало, можетъ быть, въ скорѣйшее время выводить войска изъ Парижа? Но я и здѣсь повторю то же, что, если кого милующій Промыслъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ божественной Своей изобрѣтательности. И вотъ, въ самомъ началѣ моего говѣнія добровольное отреченіе Наполеона какъ будто нарочно поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи[310], чтобъ совершенно уже успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь»[311].

Императоръ Александръ пожелалъ также, чтобы говѣли войска; послѣдовалъ приказъ, воспрещавшій офицерамъ и солдатамъ посѣщеніе на это время театровъ, шумныхъ народныхъ собраній и всякихъ публичныхъ увеселеній[312].

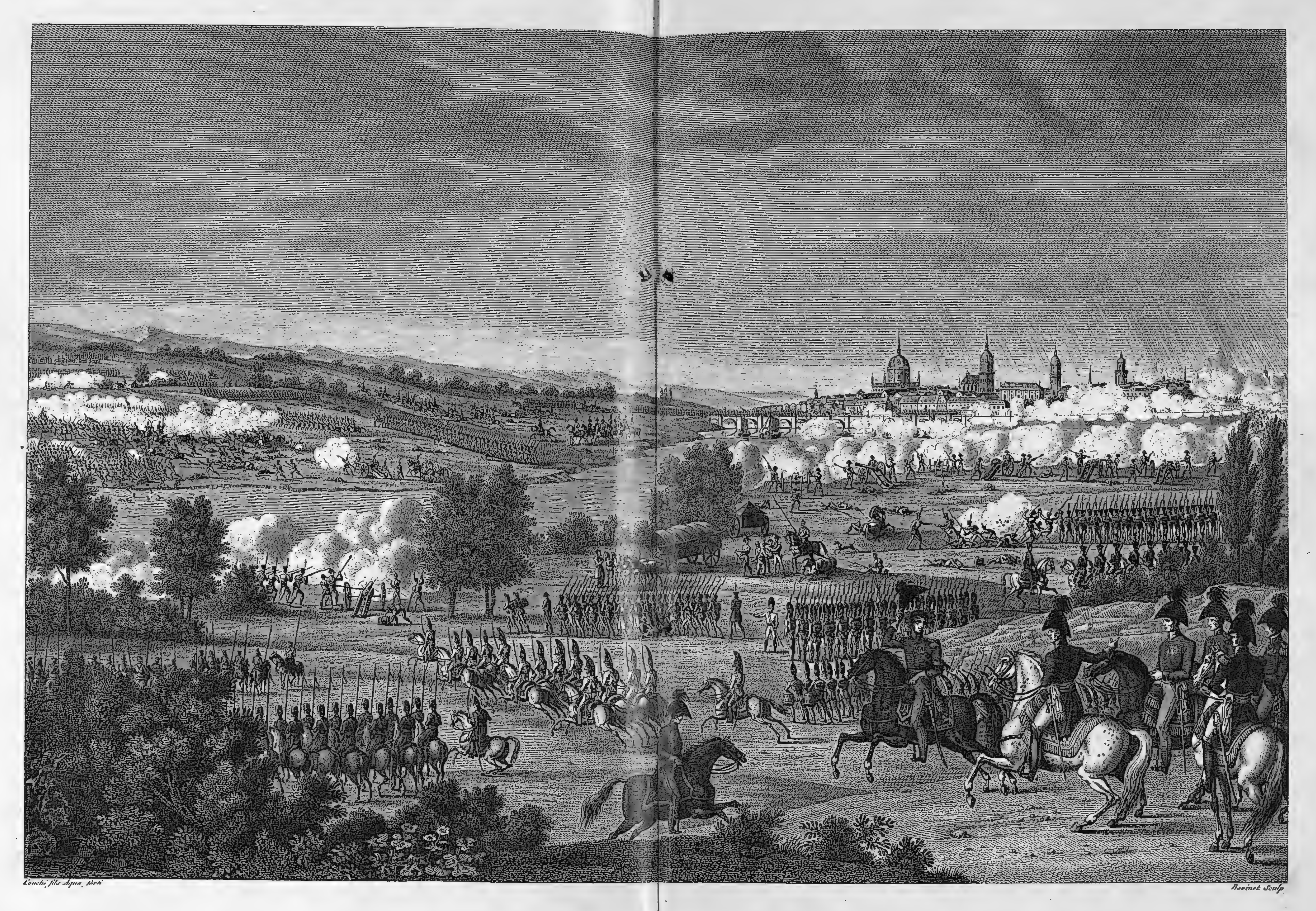
Въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова, 29-го марта (10-го апрѣля), парижское населеніе было свидѣтелемъ совершенно новаго для него зрѣлища. Событіе этого дня также послужило императору Александру предметомъ его бесѣды съ княземъ А. Н. Голицынымъ. «Еще скажу тебѣ о новой и отрадной для меня минутѣ въ продолженіе всей жизни моей», промолвилъ государь: «я живо тогда ощущалъ, такъ сказать, апоѳеозъ русской славы между иноплеменниками; я даже ихъ самихъ увлекъ и заставилъ раздѣлить съ нами національное торжество наше. Это вотъ какъ случилось. На то мѣсто, гдѣ палъ кроткій и добрый Людовикъ XVI, я привелъ и поставилъ своихъ воиновъ; по моему приказанію сдѣланъ былъ амвонъ; созваны были всѣ русскіе священники, которыхъ только найти было можно; и вотъ, при безчисленныхъ толпахъ парижанъ всѣхъ состояній и возрастовъ, живая гекатомба наша вдругъ огласилась громкимъ и стройнымъ русскимъ пѣніемъ... Все замолкло, все внимало!.. Торжественная была эта минута для моего сердца; умилителенъ, но и страшенъ былъ для меня моментъ этотъ. Вотъ, думалъ я, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, изъ холодной отчизны Сѣвера привелъ я православное мое русское воинство для того, чтобъ въ землѣ иноплеменниковъ, столь недавно еще нагло наступавшихъ на Россію, въ ихъ знаменитой столицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пала царственная жертва отъ буйства народнаго, принести совокупную, очистительную и вмѣстѣ торжественную молитву Господу. Сыны Сѣвера совершали какъ бы тризну по королѣ французскомъ. Русскій царь по ритуалу православному всенародно молился вмѣстѣ со своимъ народомъ и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто пораженной царственной жертвы. Духовное наше торжество въ полнотѣ достигнуло своей цѣли; оно невольно втолкнуло благоговѣніе и въ самыя сердца французскія. Не могу не сказать тебѣ, Голицынъ, хотя это и не совмѣстно въ теперешнемъ разсказѣ, что мнѣ даже было забавно тогда видѣть, какъ французскіе маршалы, какъ многочисленная фаланга генераловъ французскихъ тѣснилась возлѣ русскаго креста и другъ друга толкала, чтобъ имѣть возможность скорѣе къ нему приложиться. Такъ обаяніе было повсемѣстно: такъ оторопѣли французы отъ духовнаго торжества русскихъ».

Въ тотъ же первый день праздника императоръ Александръ пожаловалъ своему бывшему наставнику Лагарпу, имѣвшему въ Россіи только чинъ полковника, орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ рескриптѣ, данномъ въ Парижѣ 29-го марта, сказано было: «Желая воздать должную справедливость тѣмъ отличнымъ попеченіямъ и трудамъ, кои оказываемы были вами съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ при воспитаніи моемъ, и будучи движимъ должною къ вамъ благодарностью, препровождаю при семъ знаки ордена нашего св. апостола Андрея Первозваннаго»[313].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лагарпъ, разставшійся съ государемъ при движеніи арміи на Парижъ, не успѣлъ еще прибыть во французскую столицу, чтобы быть свидѣтелемъ торжества своего бывшаго ученика. Но Александръ вспомнилъ о своемъ наставникѣ и среди охватившаго его политическаго водоворота. На другое утро послѣ вступленія въ Парижъ, князь Волконскій послалъ Михайловскаго-Данилевскаго отъ имени императора къ супругѣ Лагарпа извѣстить ее, что мужъ ея находится въ безопасности въ Дижонѣ, въ главной квартирѣ австрійскаго императора, и предложить ей отъ имени его величества всевозможныя услуги, караулъ въ загородный домъ ея въ Плесси-Пике и, если нужно, денегъ. Сверхъ того, ему поручено было сказать ей, что государь не имѣлъ еще ни одной свободной минуты, чтобы посѣтить ее, но что въ самомъ скоромъ времени онъ лично будетъ у нея. Когда Данилевскій извѣстилъ госпожу Лагарпъ о волѣ императора, то она, заплакавъ, отвѣчала: «Вы видите мои слезы, вотъ мой отвѣтъ». Александръ не замедлилъ исполнить свое обѣщаніе и посѣтилъ госпожу Лагарпъ, жившую въ четвертомъ этажѣ. «Вы очень перемѣнились», сказалъ государь.—«Ваше величество, и я, какъ всѣ, терпѣла горе».—«Вы меня не поняли», продолжалъ Александръ: «бывало, вы сидѣли подлѣ воспитанника вашего супруга и дружески съ нимъ разговаривали, а теперь стоите передъ нимъ. Надѣюсь, что наши прежнія отношенія не измѣнились».

29-го марта (10-го апрѣля) Меттернихъ и Кестельри наконецъ прибыли въ Парижъ изъ Дижона. Послѣ разговора съ Александромъ Меттернихъ написалъ императору Францу: «Я нашелъ русскаго императора въ весьма благоразумномъ настроеніи. Онъ фантазируетъ гораздо менѣе, чѣмъ я могъ предполагать; князь Шварценбергъ также остался очень доволенъ имъ»[314]. Но будучи безспорно удовлетворенъ общимъ положеніемъ дѣлъ, созданнымъ въ Парижѣ заботами императора Александра, Меттернихъ возражалъ только противъ одного пункта предстоявшаго соглашенія съ Наполеономъ, а именно противъ предоставленія ему во владѣніе острова Эльбы. Онъ выражалъ опасеніе за спокойствіе Европы въ будущемъ и находилъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ великодушіе неумѣстно. Александръ возражалъ, что онъ не можетъ взять назадъ своего слова, и что нельзя сомнѣваться въ обѣщаніи солдата и государя, не оскорбляя его[315]. Меттернихъ покорился обстоятельствамъ и согласился подписать договоръ, который, по его мнѣнію, не позже какъ черезъ два года снова приведетъ союзниковъ на поле битвы[316]. 30-го марта (11-го апрѣля) въ Парижѣ подписали такъ называемый Фонтенеблоскій договоръ, опредѣлившій судьбу императора Наполеона и его семейства. Побѣжденный, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился ратификовать трактатъ и сталъ готовиться къ отъѣзду въ свои новыя владѣнія.

СРАЖЕНІЕ ПРИ ДРЕЗДЕНѢ.

Съ гравюры Бовине, [illegible] съ картины Куше.

23

Свой отъѣздъ изъ Фонтенебло Наполеонъ назначилъ на 8-е (20-е) апрѣля. Баталіонъ его гвардіи, предназначенный послѣдовать за нимъ на островъ Эльбу, былъ отправленъ впередъ заранѣе. Но, прежде чѣмъ уѣхать самому, Наполеонъ пожелалъ проститься со своею гвардіею, находившеюся въ Фонтенебло. Въ полдень 8-го (20-го) апрѣля она выстроилась во дворѣ дворца, и Наполеонъ, глубоко взволнованный, обратился къ своимъ старымъ солдатамъ со слѣдующими словами:

Графъ Лористонъ.
Съ гравюры Жонстона, сдѣланной съ портрета Жерара.

«Солдаты, вы мои старые сотоварищи по оружію, которыхъ я постоянно находилъ на пути чести, намъ надо наконецъ разстаться. Я могъ бы остаться съ вами еще долѣе, но для этого пришлось бы продолжить тяжелую борьбу, быть можетъ, къ войнѣ съ чужеземцами прибавить войну междоусобную, и я не могъ рѣшиться еще долѣе терзать Францію. Наслаждайтесь покоемъ, на который вы пріобрѣли столь неоспоримое право, и будьте счастливы. Что касается меня, то обо мнѣ не сожалѣйте. У меня есть обязанность, и если я и соглашаюсь жить, то только для того, чтобы выполнить ее—разсказать потомству о томъ

великомъ, что мы совершили вмѣстѣ. Я хотѣлъ бы васъ всѣхъ сжать въ своихъ объятіяхъ, но предоставьте мнѣ обнять это знамя, являющееся вашимъ представителемъ...» При этихъ словахъ онъ привлекъ къ себѣ генерала Пти, носившаго знамя старой гвардіи, прижалъ къ своей груди знамя и знаменосца, затѣмъ при кликахъ и слезахъ присутствовавшихъ, самъ съ влажными глазами, кинулся въ карету, которая должна была увезти его изъ Фонтенебло.

Наполеонъ отправился въ путь въ сопровожденіи комиссаровъ союзныхъ державъ, назначенныхъ состоять при немъ. По прибытіи въ Фрежюсъ, онъ 16-го (28-го) апрѣля сѣлъ на англійскій фрегатъ «Undaunted» (Неустрашимый), на которомъ и совершилъ свой переѣздъ на островъ Эльбу.

Почти одновременно съ этимъ императрица Марія-Луиза съ сыномъ, королемъ римскимъ, направилась въ Вѣну.

Между тѣмъ, 1-го (13-го) апрѣля графъ д'Артуа, братъ Людовика XVIII, въ мундирѣ національной гвардіи торжественно въѣхалъ въ Парижъ и вступилъ въ управленіе дѣлами въ качествѣ намѣстника короля. Вскорѣ затѣмъ, 3-го (15-го) апрѣля, въ Парижъ наконецъ прибылъ и императоръ Францъ. Ему была приготовлена стараніями Меттерниха торжественная встрѣча, но парижане отнеслись къ нему несочувственно и выражали мнѣніе, что отцу Маріи-Луизы подобало бы явиться съ меньшимъ шумомъ [317].

Послѣ благополучнаго окончанія всѣхъ этихъ трудныхъ и сложныхъ дѣлъ, императоръ Александръ вынужденъ былъ еще продлить свое пребываніе въ Парижѣ для окончательнаго разрѣшенія двухъ важныхъ вопросовъ, заключавшихся въ обезпеченіи за Франціею законносвободныхъ учрежденій и въ заключеніи съ новымъ правительствомъ мирнаго договора.

12-го (24-го) апрѣля Людовикъ XVIII отплылъ изъ Дувра, сказавъ, при посѣщеніи имъ Лондона, принцу-регенту, что возстановленіемъ своего дома на престолѣ Франціи онъ, послѣ Всевышняго Промысла, всего болѣе обязанъ совѣтамъ принца, его благоразумнымъ усиліямъ и непоколебимому постоянству англійскаго народа. Король, конечно, умолчалъ о главномъ виновникѣ своего возвращенія во Францію, купленнаго потоками русской крови; въ этихъ немногихъ словахъ воцарявшагося монарха обрисовались вполнѣ будущая политика, которой намѣрено было слѣдовать новое французское правительство, и мѣра той возмутительной неблагодарности, которую Людовикъ XVIII собирался выказать императору Александру за оказанныя благодѣянія.

17-го (29-го) апрѣля король прибылъ въ Компіень. Государь, узнавъ о прибытіи его во Францію, выслалъ къ нему навстрѣчу генералъ-адъютанта Поццо ди Борго съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ Людовику не

уклоняться отъ либеральныхъ идей, не забывать арміи и даровать Франціи свободныя учрежденія [318]. Но этотъ совѣтъ не былъ оцѣненъ по достоинству и былъ принятъ весьма холодно; король удовольствовался неопредѣленнымъ отвѣтомъ. Тогда императоръ Александръ, по своей привычкѣ оказывать личное воздѣйствіе на дѣла и руководясь желаніемъ упрочить будущее спокойствіе Франціи, самъ отправился въ Компіень съ цѣлью уговорить Людовика согласиться на условія, предъявленныя сенатомъ. Король, принимая императора, сѣлъ въ кресло и предложилъ своему высокому гостю стулъ; затѣмъ онъ спокойно выслушалъ его, ничего не отвергъ, ничего не уступилъ, но зато много говорилъ о

Французскій вояжеръ въ 1812 году.

Карикатура 1812 года.

Всевышнемъ Промыслѣ и о могуществѣ великато начала законности, котораго онъ былъ представителемъ.

Послѣ посѣщенія Компіеня императоръ Александръ сказалъ князю Волконскому: «Весьма естественно, что король, больной и дряхлый, сидѣлъ въ креслѣ, но я, въ такомъ случаѣ, приказалъ бы подать для гостя другое». Графъ Нессельроде, сопровождавшій императора въ этой поѣздкѣ, отозвался по поводу свиданія съ Людовикомъ XVIII слѣдующимъ образомъ: «король выказалъ неумѣстную надменность въ отношеніи къ государю, которому онъ былъ обязанъ возвращеніемъ престола; императоръ былъ очень оскорбленъ этимъ поведеніемъ, и оно повліяло на послѣдующія отношенія обоихъ монарховъ» [319].

Неопредѣленное положеніе дѣлъ, относительно водворенія короля въ Парижѣ, продолжалось до прибытія Людовика въ Сентъ-Уэнъ; тогда

Александръ былъ вынужденъ объявить ему, что онъ можетъ въѣхать въ Парижъ не прежде, какъ принявъ конституцію сената или, въ крайнемъ случаѣ, обнародовавъ декларацію о правахъ, даруемыхъ имъ народу. Король избралъ послѣдній путь [320], и 21-го апрѣля (3-го мая) состоялся его въѣздъ въ Парижъ, сопровождавшійся, по свидѣтельству сторонниковъ Бурбоновъ, неописаннымъ энтузіазмомъ. Болѣе трезвые и проницательные очевидцы высказали другое мнѣніе объ этомъ торжествѣ; даже на Меттерниха въѣздъ короля произвелъ тяжелое впечатлѣніе [321].

Съ водвореніемъ Людовика XVIII въ Тюльерійскомъ дворцѣ отношенія его къ императору Александру окончательно обострились. Король, завидуя популярности, которою пользовался Александръ среди французскаго населенія, называлъ его «le petit roi de Paris». Пригласивъ однажды на обѣдъ государя и короля прусскаго, Людовикъ вошелъ въ столовую залу первымъ и сѣлъ на почетномъ мѣстѣ; когда же одинъ изъ придворныхъ служителей, подавая блюдо, подошелъ прежде всѣхъ къ императору Александру, король грозно вскричалъ: «à moi, s'il vous plait» [322]. Впослѣдствіи государь, вспоминая этотъ обѣдъ, замѣтилъ: «Мы, сѣверные варвары, болѣе вѣжливы у себя дома». Вообще же Александръ отозвался въ слѣдующихъ выраженіяхъ по поводу неумѣстнаго высокомѣрія главы Бурбонскаго дома: «Людовикъ XIV, во время своего наибольшаго могущества, не принялъ бы меня иначе; можно было подумать, что онъ возвратилъ мнѣ утраченный престолъ. Его пріемъ произвелъ на меня то же впечатлѣніе, какъ и ушатъ холодной воды, который бы мнѣ вылили на голову» [323].

Къ немалому неудовольствію Тюльерійскаго двора, Александръ усугубилъ, послѣ первыхъ встрѣчъ съ Бурбонами, вниманіе и явное предпочтеніе, которыя оказывалъ семейству Наполеона. Государь навѣщалъ неоднократно императрицу Жозефину въ Мальмезонѣ и сблизился съ королевой Гортензіей. Среди собиравшагося у нихъ общества онъ не стѣсняясь высказывалъ свои взгляды на современное положеніе французскихъ дѣлъ, выражаясь неодобрительно о Бурбонахъ. «Эти люди никогда не сумѣютъ поддержать себя» (Ces gens-là ne se soutiendront jamais), сказалъ Александръ [324]. Все это передавалось куда слѣдуетъ и, конечно, не содѣйствовало улучшенію отношеній между императоромъ и династіею, имъ же водворенной на французскомъ престолѣ.

Населеніе столицы относилось, между тѣмъ, совершенно иначе къ своему великодушному побѣдителю и защитнику противъ излишнихъ требованій союзниковъ, чарующее обращеніе котораго и на чужбинѣ привлекало къ нему сердца всѣхъ. Сперанскій, услышавъ въ далекой ссылкѣ о восторгѣ, съ которымъ вездѣ встрѣчали Александра, сказалъ: «Вѣрьте, что тутъ нѣтъ лжи; будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ — и тотъ

Казакъ, гасящій Наполеона.

Карикатура 1812 года.

не устоитъ противъ обращенія государя: это сущій прельститель» (c'est un vrai charmeur). Не легко было достигнуть полной, рѣшительной побѣды и не оставить никакого раздраженія въ побѣжденныхъ, пріобрѣсти ихъ любовь и уваженіе. Александръ сумѣлъ одержать эту двойную побѣду. Даровитость, гибкость ума и твердость его воли явились въ

Парижѣ въ полной силѣ; всѣ эти качества вполнѣ соотвѣтствовали блестящей и трудной роли, выпавшей на его долю — быть вождемъ государей и народовъ.

Неподкупный, правдивый Штейнъ усматривалъ въ поведеніи Александра рѣдкое сочетаніе мудрости, благородства, мужества и возвышенности души; онъ посвятилъ характеристикѣ его въ своей перепискѣ, относящейся ко времени пребыванія союзниковъ въ Парижѣ, слѣдующія сочувственныя строки: «Благородный, возвышенный и доброжелательный образъ дѣйствій императора Александра покоряетъ всѣ сердца, насильно отрываетъ ихъ отъ тирана, заставляетъ французовъ забыть, что въ ихъ столицѣ распоряжаются иноземцы... Императоръ велъ переговоры о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, руководясь самыми чистѣйшими, возвышеннѣйшими принципами. Онъ предоставилъ дѣйствовать высшимъ государственнымъ учрежденіямъ, онъ ничего не предписывалъ, не принуждалъ ни къ чему, — онъ давалъ свободу дѣйствія, онъ охранялъ, но не говорилъ, какъ владыка»[325].

Лагарпъ, конечно, не отсталъ отъ Штейна въ справедливой оцѣнкѣ и восхваленіи образа дѣйствій Александра въ 1814 году; по его мнѣнію, онъ выдержалъ свою роль до конца съ такимъ совершенствомъ, что самые невѣрующіе люди должны были признать, что онъ представляетъ собою рѣдкое явленіе, встрѣчающееся въ тысячу лѣтъ разъ[326].

Пакье, имѣвшій, какъ префектъ полиціи, постоянныя сношенія съ государемъ, пишетъ въ своихъ запискахъ: «Замѣчали, что все исходитъ отъ Александра. Его союзникъ, король прусскій, оставался незамѣченнымъ; его мало видѣли, онъ избѣгалъ показываться публично и сохранялъ всюду свойственную ему застѣнчивость, которая не могла придать ему особеннаго блеска. Александръ, напротивъ того, ѣздилъ верхомъ по городу по всѣмъ направленіямъ и внимательно осматривалъ всѣ общественныя учрежденія. — Совершая эти поѣздки, онъ искалъ случая дѣлать то, что могло возбудить къ нему сочувствіе всѣхъ классовъ общества»[327]. Всѣ эти поѣздки предпринимаемы были государемъ безъ всякаго конвоя и безъ предваренія о нихъ французской полиціи, чѣмъ причинялось сильнѣйшее безпокойство Пакье, который тщетно умолялъ измѣнить этотъ порядокъ осмотра парижскихъ достопримѣчательностей. Къ счастію, опасенія Пакье оказались напрасными, и все обошлось благополучно.

Популярности императора Александра среди образованной части парижскаго общества несомнѣнно много способствовали его отношенія къ г-жѣ де-Сталь, салонъ которой послужилъ ему ареной для открытаго высказыванія различныхъ либеральныхъ мыслей.

Когда въ Парижѣ совершилась реставрація, и Наполеонъ сошелъ съ политическаго поприща, госпожа де-Сталь находилась въ Лондонѣ.

Несмотря на свою горесть видѣть Парижъ занятымъ чужеземцыми войсками и на первоначальное рѣшеніе не возвращаться въ него, пока онъ не будетъ очищенъ союзниками, госпожа де-Сталь не могла устоять противъ искушенія побывать въ немъ. «Говорить о политикѣ — моя жизнь» (Pour moi, parler politique, c'est vivre), сказала она однажды Веллингтону, а въ 1814 году Парижъ сдѣлался центромъ міровыхъ событій, въ которомъ рѣшалась судьба дорогой ей Франціи. Съ другой стороны, патріотическая горесть госпожи де-Сталь смягчалась тѣмъ, что говорилъ и какъ дѣйствовалъ императоръ Александръ, со дня вступленія на французскую территорію старавшійся пріобрѣсти расположеніе французовъ и сдѣлаться популярнымъ среди нихъ. И вотъ, подъ предлогомъ своихъ частныхъ дѣлъ, требовавшихъ неотложнаго рѣшенія, госпожа де-Сталь отправилась въ Парижъ, куда и прибыла вскорѣ послѣ въѣзда въ столицу Франціи Людовика XVIII.

Появленіе госпожи де-Сталь въ Парижѣ приняло, по свидѣтельству ея современниковъ, размѣры политическаго событія. Черезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія знаменитой писательницы у нея состоялся вечеръ, на которомъ присутствовали герцогъ Саксенъ-Веймарскій, послы иностранныхъ державъ и множество знаменитостей изъ области политики и литературы. Императоръ Александръ также появился въ салонѣ госпожи де-Сталь; на этомъ вечерѣ государь обнаружилъ всю присущую ему любезность и не упусклаъ случая выражаться самымъ либеральнымъ образомъ. Онъ высказалъ полное презрѣніе къ Фердинанду VII, тотчасъ по своему возвращеніи въ Испанію уничтожившему конституцію; говорилъ о раболѣпствѣ французской печати, упомянувъ при этомъ, что ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ Россіи; жаловался, что его добрыя намѣренія не были ни поняты, ни поддержаны во Франціи.

«Бурбоны», сказалъ Александръ между прочимъ, «не исправившіеся и неисправимые (non corrigés et incorrigibles), полны предразсудковъ стараго режима. Либеральные взгляды лишь у одного герцога Орлеанскаго; на прочихъ нечего надѣяться».

Въ теченіе этого же вечера Александръ обѣщалъ госпожѣ де-Сталь, что на предстоявшемъ конгрессѣ потребуетъ уничтоженія невольничества.

«За главою страны, въ которой существуетъ крѣпостничество», замѣтилъ при этомъ государь, «не признаютъ права явиться посредникомъ въ дѣлѣ освобожденія невольниковъ; но каждый день я получаю хорошія вѣсти о внутреннемъ состояніи моей имперіи, и съ Божьею помощью, крѣпостное право будетъ уничтожено еще въ мое царствованіе» (Avec l'aide de Dieu, le servage sera aboli sous mon gouvernement même).

Послѣднія слова онъ произнесъ громко, обращаясь къ Лафайету, присутствовавшему на этомъ собраніи.

Выслушивая такія рѣчи, госпожа де-Сталь имѣла полное основаніе увлекаться освободительной миссіей, принятою, повидимому, на себя императоромъ Александромъ. «Что за человѣкъ этотъ императоръ Россіи! Безъ него мы не имѣли бы ничего похожаго на конституцію», писала тогда восторженная почитательница Александра. «Я отъ всего сердца желаю осуществленія всего того, что можетъ возвысить этого человѣка, представляющагося мнѣ чудомъ, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для спасенія свободы, со всѣхъ сторонъ окруженной опасностями» (je souhaite de toute mon âme tout ce qui peut élever cet homme qui me paraît un miracle de la Providence pour sauver la liberté menacée de toutes parts).

Еще во время пріема парижской депутаціи въ Бонди императоръ Александръ сказалъ: «Общественные памятники будутъ сохранены въ цѣлости». Нарушеніе порядка послѣдовало со стороны самихъ французовъ, увлеченныхъ разъединившими ихъ политическими страстями; они не замедлили выказать полное пренебреженіе и презрительное отношеніе къ собственной національной славѣ. Въ самый день вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, вечеромъ 19-го (31-го) марта, уличная толпа, подстрекаемая роялистами, съ криками: «à bas Napoléon» двинулась на Вандомскую площадь, къ колоннѣ, увѣнчанной статуей великаго полководца. Народъ веревками зацѣпилъ статую императора и старался сбросить ее; но, по личному распоряженію Александра, внезапно явился караулъ л.-гв. Семеновскаго полка; русскіе гвардейцы молча окружили колонну, и бѣсновавшаяся чернь присмирѣла и разошлась [328]. На этотъ разъ Наполеонъ устоялъ на памятникѣ, благодаря вмѣшательству русской вооруженной силы. Но затѣмъ, для предупрежденія подобныхъ безпорядковъ на будущее время, было рѣшено снять статую Наполеона, о которой государь сказалъ: «Я боялся бы, что у меня закружится голова, если бы я былъ поставленъ такъ высоко» (j'aurais craint que la tête me tournât, si j'étais placé si haut) [329]. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1814 года читаемъ: «Въ страстную пятницу [330] снята съ колонны на Вандомской площади статуя тирана Буонапарте. Такъ ниспровергнутъ идолъ и истреблено идолослуженіе». На мѣсто статуи водрузили бѣлое знамя!

Въ то время, когда французы не безъ причины увлекались дѣйствіями Александра, русскія войска проводили время въ Парижѣ безъ особеннаго удовольствія. Очевидецъ, Н. Н. Муравьевъ, представилъ въ своихъ запискахъ весьма непривлекательную картину испытаній и лишеній, перенесенныхъ побѣдителями во французской столицѣ. «Во все время пребыванія нашего въ Парижѣ часто дѣлались наряды», пишетъ

Муравьевъ: «такъ что солдату въ Парижѣ было болѣе трудовъ, чѣмъ въ походѣ. Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ. Государь былъ пристрастенъ къ французамъ и до такой степени, что приказалъ парижской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда ихъ на улицѣ встрѣчали, отъ чего произошло много дракъ, въ которыхъ большею частью наши оставались побѣдителями. Но такое обращеніе съ солдатами отчасти

Генералъ Вильсонъ.

Съ гравюры Готта, сдѣланной съ портрета Госвея.

склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ осталось во Франціи. Офицеры также имѣли своихъ притѣснителей. Первый былъ генералъ Сакенъ, который былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Парижа и всегда держалъ сторону французовъ. Комендантомъ Парижа сдѣлали Рошешуара, флигель-адъютанта государева. Онъ былъ родомъ французъ и въ числѣ тѣхъ, которые во время революціи оставили отечество свое подъ предлогомъ преданности къ своему изгнанному и неспособному королю, но

въ сущности, какъ многіе судили, съ единственною цѣлью миновать бѣдствія и труды, которые соотечественники ихъ переносили для спасенія Франціи. Рошешуаръ дѣлалъ всякія непріятности русскимъ офицерамъ, почему и не терпѣли его. Онъ окружился французами, которыхъ поддерживалъ, и давалъ имъ всегда преимущество надъ нашими, такъ что цѣль государя была вполнѣ достигнута: онъ пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ на себя ропотъ побѣдоноснаго своего войска»[331].

Заботы, связанныя съ устройствомъ французскихъ и обще-европейскихъ дѣлъ, не помѣшали императору Александру подготовить разрѣшеніе еще другого вопроса, весьма близкаго его сердцу, а именно польскаго. Простивъ французамъ ихъ нашествіе на Россію, государь простилъ также и полякамъ яростное участіе, принятое ими въ этомъ нашествіи и въ разореніи Россіи. Теперь Александру представился наконецъ давно желанный случай осуществить мечты юности, возстановить политическое существованіе Польши, хотя на первый разъ еще не въ полномъ объемѣ; но, во всякомъ случаѣ, новое королевство должно было быть поставлено въ тѣсную связь съ Россійскою имперіею. Александръ признавалъ задуманное имъ возстановленіе Польши согласнымъ съ требованіями гуманности и съ историческою справедливостью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ долгомъ чести исполнить данное имъ однажды обѣщаніе, съ какими бы трудностями ни было сопряжено осуществленіе этой новой политической реставраціи. Лично для императора Александра принятое имъ рѣшеніе относительно дальнѣйшей судьбы Польши послужило источникомъ большихъ разочарованій и огорченій, ожидавшихъ его въ будущемъ; для Россіи же оно сопровождалось пагубными послѣдствіями какъ въ международныхъ сношеніяхъ ея, такъ и по отношенію къ внутреннимъ распорядкамъ въ самой имперіи.

Когда русскія войска вступили во Францію, князь Адамъ Чарторижскій не замедлилъ прибыть въ главную квартиру императора Александра въ Шомонъ. Появленіе здѣсь польскаго князя произвело переполохъ между дипломатами союзныхъ армій и привело въ смущеніе Меттерниха, раздраженнаго уже пребываніемъ въ свитѣ государя Лагарпа и Жомини[332]. Глава австрійскаго кабинета утверждалъ, что коалиціи грозитъ распаденіе, если стараніями Чарторижскаго и вліяніемъ его на Александра снова воскреснетъ польскій вопросъ, который неизбѣжно вызоветъ раздоры между союзными монархами. На этотъ разъ опасенія Меттерниха оказались преждевременными, но они уже тогда вполнѣ обрисовали то положеніе, которое Австрія заняла впослѣдствіи по отношенію къ Россіи при обсужденіи политическихъ разграниченій на Вѣнскомъ конгрессѣ. Когда Наполеонъ двинулся на сообщенія союзниковъ, князь Чарторижскій былъ отрѣзанъ отъ главной квартиры наравнѣ съ

прочими дипломатами и присоединился къ императору Александру лишь по занятіи Парижа[333]. Хотя государь просилъ его не касаться здѣсь польскаго вопроса, но по оказанной князю Адаму радушной встрѣчѣ послѣдній убѣдился, что Александръ остался тѣмъ же и для него, и для Польши. Это прежде всего выразилось тѣмъ, что императоръ Александръ разрѣшилъ польскимъ войскамъ, оставшимся до конца вѣрными Напо-

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Сентъ-Обена.

леону, возвратиться въ герцогство Варшавское съ своими знаменами, «tambour battant», какъ хвастались тогда польскіе офицеры. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ предназначался главнокомандующимъ войскъ этого герцогства, и государь предполагалъ ввѣрить ему организацію въ Варшавѣ будущей польской арміи.

Послѣ отреченія Наполеона генералъ Домбровскій послалъ генерала Сокольницкаго и полковника Шимановскаго депутатами къ импе-

ратору Александру для выясненія участи, ожидавшей польскія войска, и изложенія ихъ нуждъ и желаній[334]. На вопросъ генерала Сокольницкаго, могутъ ли польскія войска сохранить національную кокарду, Александръ отвѣчалъ: «Да, и надѣюсь, что въ ближайшемъ будущемъ вы будете носить ее съ полною увѣренностью сохранить ее навсегда. Правда, мнѣ предстоитъ преодолѣть много затрудненій, но вы видите меня въ Парижѣ, и этого довольно. Я предаю забвенію прошлое и хотя имѣю право жаловаться на многихъ лицъ вашей національности, но хочу все забыть; я желаю видѣть однѣ ваши добродѣтели: вы храбрецы и честно исполнили вашу службу»[335]. Въ отвѣтъ на эти милостивыя слова Сокольницкій сказалъ: «Ваше величество можете быть увѣреннымъ, что столь великодушныя намѣренія обезпечиваютъ вамъ нашу благодарность». Императоръ отвѣтилъ: «Господа! я потребую отъ васъ благодарности только тогда, когда фактами, которые въ скоромъ времени получатъ осуществленіе, пріобрѣту права на нее. Я поручаю вамъ передать вашимъ войскамъ о томъ расположеніи, которымъ я преисполненъ по отношенію къ нимъ»[336]. Шимановскій, желая пояснить слова генерала Сокольницкаго, замѣтилъ: «Мы не имѣемъ другого честолюбія и другой привязанности, кромѣ любви къ отечеству; это болѣзнь нашей земли». На это Александръ возразилъ: «Она неизлечима и дѣлаетъ вамъ честь. Спросите у вашихъ соотечественниковъ, какимъ образомъ вели себя мои войска въ вашей землѣ; я уже издавна благорасположенъ къ вашей націи»[337]. Другой депутаціи императоръ Александръ сказалъ: «Обѣ сосѣднія націи, которыхъ сближаютъ обычаи и языкъ, будучи разъ соединены между собою, должны полюбить другъ друга навсегда»[338].

Государь, по просьбѣ цесаревича Константина Павловича, восхищеннаго видомъ польскихъ войскъ, сдѣлалъ имъ смотръ. По окончаніи смотра цесаревичъ передалъ имъ, по приказанію своего державнаго брата, что его величество отдаетъ справедливость храбрости, постоянству и твердости, съ которыми они служили прежнему французскому правительству. На послѣдовавшемъ затѣмъ завтракѣ у генерала Красинскаго цесаревичъ провозгласилъ тостъ за здравіе храброй польской націи (à la santé de la brave nation polonaise).

Императоръ Александръ уже давно питалъ особенное уваженіе къ Костюшкѣ; оно еще усилилось послѣ упорнаго отклоненія польскимъ героемъ предложеній, сдѣланныхъ ему въ разное время Наполеономъ. Послѣ занятія Парижа Костюшко вступилъ въ переписку съ Александромъ. Въ отвѣтномъ письмѣ государя, отъ 3-го (15-го) мая 1814 года, откровенно высказанъ взглядъ, которымъ онъ былъ намѣренъ руководствоваться въ польскомъ вопросѣ. «Съ особымъ удовольствіемъ, генералъ, отвѣчаю на ваше письмо», писалъ Александръ. «Самыя дорогія

желанія мои исполнились. Съ помощью Всевышняго я надѣюсь осуществить возрожденіе храброй и почтенной націи, къ которой вы принадлежите. Я далъ въ этомъ торжественную клятву, и благосостояніе польскаго народа всегда было предметомъ моихъ заботъ. Одни лишь политическія обстоятельства послужили преградою къ осуществленію моихъ намѣреній. Нынѣ препятствія эти уже не существуютъ, они устранены страшною, но въ то же время и славною двухлѣтнею войною. Пройдетъ еще нѣсколько времени, и при мудромъ управленіи поляки будутъ снова имѣть отечество и имя, и мнѣ будетъ отрадно доказать имъ, что именно тотъ человѣкъ, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, и осуществитъ всѣ ихъ желанія. Какъ отрадно будетъ мнѣ, генералъ, имѣть васъ помощникомъ въ этихъ благотворныхъ трудахъ! Ваше имя, вашъ характеръ, ваши способности—будутъ мнѣ лучшею поддержкою» [339].

Независимо отъ переписки, императоръ Александръ лично бесѣдовалъ съ Костюшкой. Свиданіе состоялось на балу, который княгиня Яблонская устроила по совѣту князя Чарторижскаго. Въ разговорѣ государь спросилъ Костюшку, не желаетъ ли онъ возвратиться въ Польшу; тотъ отвѣтилъ, что горячо желаетъ умереть на родинѣ, но вернется въ Польшу только тогда, когда она будетъ свободна. При этихъ словахъ Александръ обратился къ окружавшимъ ихъ польскимъ офицерамъ со словами: «Messieurs, il faut arranger les affaires de sorte que ce galant homme puisse revenir dans sa patrie» [340].

О всѣхъ этихъ событіяхъ и разговорахъ сообщалось въ Варшавское герцогство, и подобныя извѣстія, конечно, возбуждали восторгъ и радужныя надежды среди польскаго общества. Но князь Чарторижскій, знакомый съ политическими затрудненіями, которыя предстояло еще побороть императору Александру для проведенія его любимой идеи, присовокупилъ отъ себя благоразумный совѣтъ не слишкомъ возгордиться всѣмъ случившимся и скромно и спокойно ожидать дальнѣйшихъ событій, не возбуждая зависти преждевременнымъ торжествомъ. Совѣтъ, данный княземъ Адамомъ, былъ буквально исполненъ: Польша съ покорностью и съ патріотическою сдержанностью выжидала рѣшенія своей участи на предстоявшемъ въ скоромъ времени конгрессѣ, всецѣло уповая на доброжелательныя къ ней чувства императора Александра.

Поляки имѣли полное основаніе довѣрять императору Александру. Въ доказательство приведемъ здѣсь мысли, высказанныя государемъ Лагарпу въ 1814 году. «Какимъ образомъ порядочный человѣкъ можетъ отказаться отъ мысли имѣть отечество? Если бы я былъ полякомъ, я поддался бы искушенію, противъ котораго они не устояли. Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы вернуть имъ изъ этого отечества все, что только окажется возможнымъ для меня, даровать имъ консти-

туцію, относительно которой я оставляю за собою право развивать ее по мѣрѣ того, какъ они станутъ возбуждать во мнѣ довѣріе къ себѣ. (Comment un homme de bien renoncerait-il à avoir une patrie? Si j'avais été polonais, j'aurais cédé à la tentation à laquelle ils ont succombé. Mon intention est de leur rendre de cette patrie tout ce que je pourrai, de leur donner une constitution que je me réserve de développer à mesure qu'ils m'inspireront de la confiance)[341]. Въ этихъ немногихъ словахъ ярко выразились политическіе взгляды императора Александра относительно Польши, которыми онъ неизмѣнно, до своей кончины, руководствовался въ польскомъ вопросѣ.

Мирному договору между союзными державами и королевскою Франціею предшествовала конвенція 11-го (23-го) апрѣля, составленная Талейраномъ и подписанная графомъ д'Артуа въ качествѣ королевскаго намѣстника. По условіямъ конвенціи, союзники обязывались выступать изъ Франціи, ограниченной предѣлами 1792 года, по мѣрѣ очищенія французскими войсками крѣпостей внѣ этихъ предѣловъ, французское же правительство, безъ всякаго за то вознагражденія, уступало болѣе пятидесяти крѣпостей и теряло 1,000 орудій, огромные запасы, литейные дворы, корабли въ гаваняхъ, въ общей сложности на 1,200 милліоновъ франковъ. Такимъ образомъ однимъ росчеркомъ предательскаго пера Талейрана для Франціи безслѣдно сокрушились плоды двадцатилѣтнихъ побѣдъ[342].

Послѣ заключенія этой конвенціи не трудно было договориться объ окончательномъ мирѣ; онъ послѣдовалъ 18-го (30-го) мая. Франція лишилась населенія въ 15.360,000 и вошла въ границы 1792 года, съ ничтожными приращеніями, населеніе которыхъ не превышало 450,000 человѣкъ. Произведенія изящныхъ искусствъ, вывезенныя Наполеономъ изъ разныхъ государствъ и украшавшія французскіе музеи, остались въ Парижѣ, гдѣ, по мнѣнію императора Александра, они являлись болѣе доступными для всей Европы; заступничеству государя Франція была обязана тѣмъ, что о нихъ умолчали въ трактатѣ. Англія сохранила Мальту, но обязалась возвратить Франціи, за немногими исключеніями, отнятыя у нея колоніи. По секретной статьѣ Франція обязалась признать распоряженія союзниковъ относительно уступленныхъ ею владѣній. Положено было по истеченіи двухъ мѣсяцевъ собрать конгрессъ въ Вѣнѣ. Король прусскій домогался получить отъ Франціи 132 милліона франковъ въ возвратъ за содержаніе наполеоновскихъ войскъ въ 1812 году, но Людовикъ XVIII воспротивился принять подобное условіе и объявилъ, что скорѣе употребитъ 300 милліоновъ франковъ на войну съ пруссаками, нежели уплатитъ имъ требуемую сумму. Императоръ Александръ вмѣшался въ споръ и явился защитникомъ Франціи противъ требованій, предъявленныхъ его союзникомъ; онъ убѣдилъ

Фридриха-Вильгельма отказаться отъ денежныхъ притязаній. Въ концѣ концовъ, договаривавшіяся стороны пришли къ соглашенію, въ силу котораго французское правительство обязалось выплатить лишь суммы, должныя союзнымъ державамъ, либо ихъ подданнымъ, на основаніи законныхъ документовъ, что по общей ликвидаціи составило 25 милліоновъ франковъ [343].

По случаю заключенія мира съ Франціею, состоявшагося въ праздникъ сошествія Св. Духа, были обнародованы манифестъ и приказъ по арміи [344].

Медаль, выбитая въ память Отечественной войны.

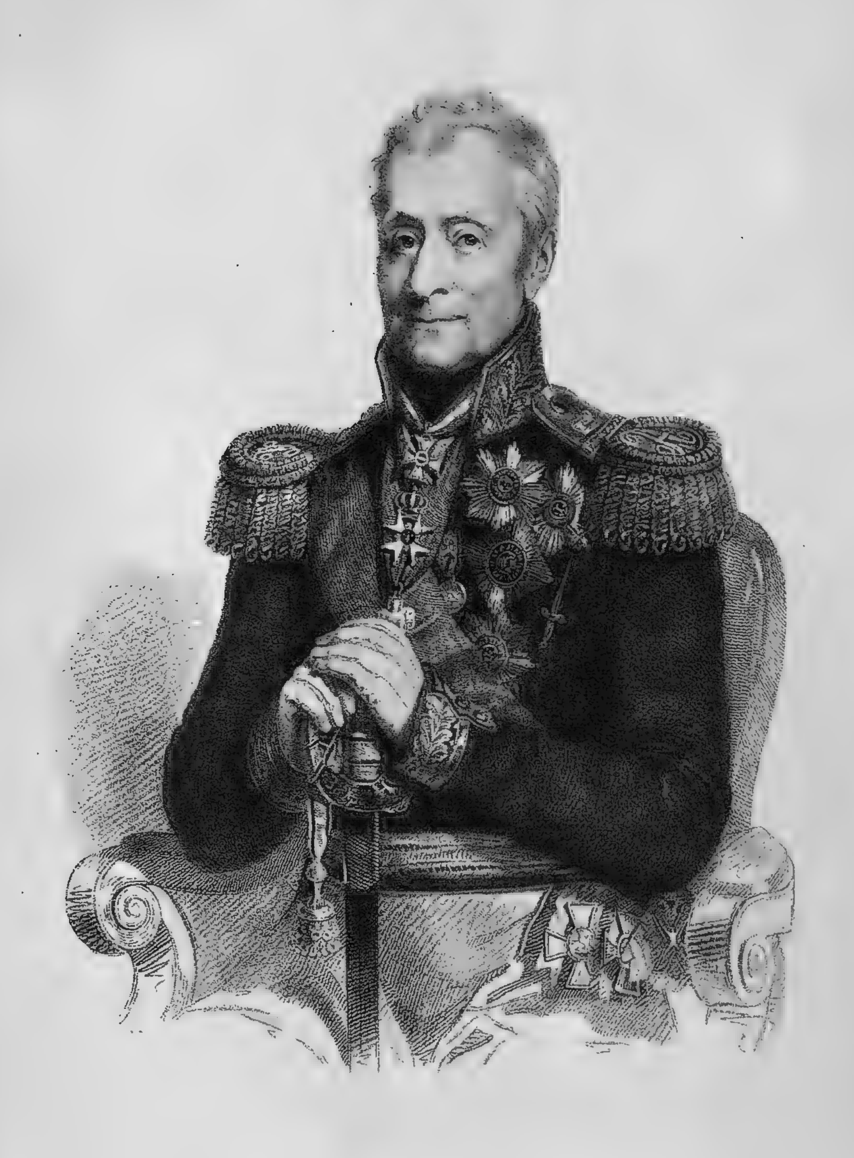
Снимокъ съ подлинной медали.

Въ заключеніи манифеста было сказано, что возникъ новый порядокъ вещей: призванъ на престолъ законный государь. «Франція возжелала мира. Ей дарованъ онъ, великодушный и прочный. Миръ сей, залогъ частной каждаго народа безопасности, всеобщаго и продолжительнаго спокойствія, ограждающій независимость, утверждающій свободу, обѣщаваетъ благоденствіе Европы, пріуготовляетъ возмездія, достойныя понесенныхъ трудовъ, преодолѣнныхъ опасностей. Всемогущій положилъ предѣлъ бѣдствіямъ. Прославилъ любезное намъ отечество въ роды родовъ. Воздалъ намъ по сердцу и желаніямъ».

Въ приказѣ государя по арміи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: «Совершена война, для свободы народовъ и царствъ подъятая... Побѣда, сопровождавшая знамена ваши, водрузила ихъ въ стѣнахъ Парижа. При самыхъ вратахъ его ударилъ громъ вашъ. Побѣжденный непріятель простеръ руку къ примиренію! Нѣтъ мщенія! Нѣтъ вражды! Вы даровали ему миръ, залогъ мира во вселенной! Храбрые воины, вамъ, первымъ виновникамъ успѣховъ, принадлежитъ слава мира!.. Пріятно мнѣ при семъ случаѣ увѣрить, что нѣтъ ни единаго изъ васъ, коего бы отличной неустрашимости и рвенія, или будучи самъ свидѣтелемъ, или зная о многихъ опытахъ мужества и усердія, временемъ и мѣстомъ ознаменованныхъ, не сохранилъ въ памяти моей. Вы снискали право на благодарность отечества, именемъ отечества ее объявляю» [345].

Требованія императора Александра относительно скорѣйшаго обнародованія французской конституціи встрѣтили больше затрудненій, чѣмъ заключеніе мирнаго договора. Государь желалъ, чтобы это дѣло было окончено до его отъѣзда изъ Парижа, имѣя въ виду обезпечить въ будущемъ ввѣрившуюся ему Францію отъ отжившихъ притязаній эмигрантовъ. Для ускоренія дѣла, рѣшеніе котораго оттягивалось подъ разными предлогами, пришлось наконецъ заговорить, по замѣчанію Беньо, наполеоновскимъ языкомъ [346] и объявить французскому правительству, что союзныя войска выступятъ изъ Парижа не прежде, какъ по исполненіи обязательствъ, принятыхъ на себя королемъ въ деклараціи 21-го апрѣля (3-го мая). Тогда Людовикъ XVIII назначилъ на 23-е мая (4-е іюня) торжественное засѣданіе сената и законодательнаго собранія для провозглашенія дарованной имъ конституціи, извѣстной подъ названіемъ хартіи (charte). Наканунѣ этого дня императоръ Александръ разстался съ Парижемъ и отправился въ Англію; въ тотъ же день императоръ Францъ выѣхалъ въ Вѣну. Городскіе караулы были сданы національной гвардіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Сакенъ сложилъ съ себя званіе военнаго губернатора Парижа [347]. Король прусскій выѣхалъ 23-го мая (4-го іюня), чтобы сопровождать государя при посѣщеніи имъ лондонскаго двора [348].

Со времени отъѣзда Александра изъ Петербурга, въ декабрѣ 1812 года, онъ не разставался съ графомъ Аракчеевымъ; среди чрезвычайныхъ обстоятельствъ гигантской борьбы съ Наполеономъ незыблемая дружеская связь графа Алексѣя Андреевича съ государемъ еще болѣе упрочилась. Послѣ окончанія французскихъ дѣлъ графъ Аракчеевъ отказался сопутствовать государю въ Англію; для Александра настала тогда тяжкая минута временной разлуки съ вѣрнымъ другомъ [349]. 13-го (25-го) мая графъ Аракчеевъ былъ уволенъ въ отпускъ, какъ сказано въ рескриптѣ, «на все то время, какое нужно для поправленія здоровья».

Графъ Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ.

Съ гравюры Гейтмана, сдѣланной съ портрета Доу.

24.

СРАЖЕНІЕ ПОДЪ ЛЕЙПЦИГОМЪ.

Съ гравюры Скотта, сдѣланной съ картины Крафта.

Затѣмъ, въ самый день своего отъѣзда изъ Парижа, императоръ Александръ наградилъ еще графа Аракчеева глубоко прочувствованнымъ собственноручнымъ письмомъ[350]. Содержаніе этого письма служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ совершенно исключительныхъ и несокрушимыхъ дружескихъ чувствъ, которыми преисполненъ былъ къ нему его державный покровитель; вмѣстѣ съ тѣмъ оно свидѣтельствуетъ, что почва для будущаго преобладающаго государственнаго значенія графа Аракчеева уже была вполнѣ подготовлена, оставаясь пока тайною для лицъ, не посвященныхъ въ значеніе этой роковой дружбы для грядущихъ судебъ Россіи.

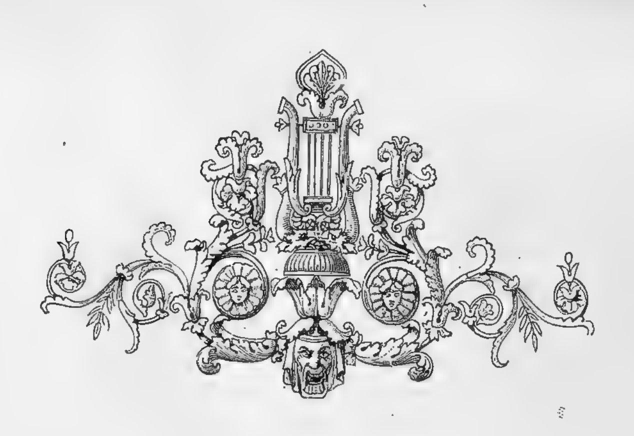
«Съ крайнимъ сокрушеніемъ я разстался съ тобою», писалъ Александръ. «Прими еще разъ всю мою благодарность за толь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и которыхъ воспоминаніе на вѣкъ останется въ душѣ моей. Я скученъ и огорченъ до крайности; я себя вижу послѣ 14-тилѣтняго тяжкаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны, лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была неограниченна всегда. Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной и ничье удаленіе мнѣ столь не тягостно, какъ твое. На вѣкъ тебѣ вѣрный другъ».

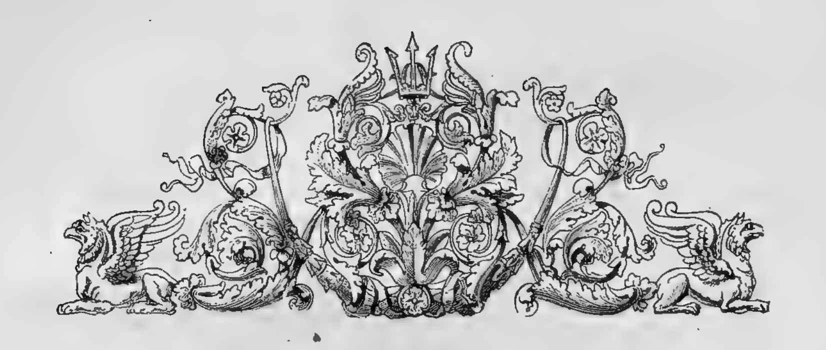
Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ императору Александру слѣдующимъ письмомъ: «Чувствую цѣну милостиваго вашего письма; оно будетъ для меня на всю жизнь утѣшеніемъ. Позвольте, всемилостивѣйшій государь, и мнѣ сказать съ прямою откровенностію, что любовь и преданность моя къ вашему величеству превышали въ чувствахъ моихъ все на свѣтѣ, что желанія мои не имѣли другой цѣли, какъ только заслужить одну вашу довѣренность, не для того, чтобъ употреблять ее къ пріобрѣтенію себѣ наградъ и доходовъ, а для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія вашего о несчастіяхъ, тягостяхъ и обидахъ въ любезномъ отечествѣ. Вотъ была всегда цѣль моя. Но, почувствовавъ слабость здоровья и замѣтя въ себѣ неспособность, которая не дозволяла меня употребить въ дѣлахъ и быть вамъ, всемилостивѣйшій государь, полезнымъ, долженъ былъ просить себѣ увольненія. Не смѣю скрыть предъ вами, государь, и того, чтобы меня не тяготило душевное огорченіе. Вашему императорскому величеству вездѣ и всегда буду благодарнымъ и вѣрнымъ подданнымъ и слугою».

Къ концу пребыванія императора Александра въ Парижѣ отношенія его къ Талейрану окончательно разстроились[351]. При вступленіи союзниковъ въ Парижъ великій дипломатъ, повидимому, не признавалъ другого закона, какъ волю императора всероссійскаго, но, по прошествіи четырехъ недѣль, онъ нашелъ возможнымъ пріобрѣсти полную независимость въ своихъ дѣйствіяхъ[352]. Послѣ праздника Св. Пасхи государь переѣхалъ изъ дома Талейрана въ Елисейскій дворецъ; такимъ

образомъ, окончательной размолвкѣ ихъ предшествовало нарушеніе установившагося съ 19-го марта внѣшняго сближенія. Передъ отъѣздомъ изъ Парижа Александръ отказалъ даже Талейрану въ прощальной аудіенціи и отозвался о немъ въ слѣдующихъ нелестныхъ выраженіяхъ: «Этотъ человѣкъ въ своемъ поведеніи жертвуетъ ради честолюбивыхъ видовъ и своимъ отечествомъ и своими друзьями» (Cet homme par sa conduite sacrifie à son ambition sa patrie et ses amis). Явное нерасположеніе къ нему государя побудило Талейрана написать какъ бы оправдательное письмо[353], въ которомъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто: «Вы спасли Францію, вступленіе ваше въ Парижъ означало конецъ деспотизма. Каковы бы ни были ваши тайныя мысли, то, что было сдѣлано вами, вамъ пришлось бы снова повторить, если бы вы были вновь призваны къ тому, потому что вы не могли бы отказаться отъ вашей славы»[354].

Тѣмъ не менѣе Александръ покинулъ Францію съ глубокимъ убѣжденіемъ, что на развалинахъ революціи нельзя основать прочнаго порядка[355].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ВОЖДЬ безсмертной коалиціи, стяжавшій славу «умиротворителя вселенной», какъ выражались тогда, высадился 26-го мая (7-го іюня) 1814 года въ Дуврѣ, въ сопровожденіи короля прусскаго. Населеніе встрѣтило высокихъ гостей съ невыразимымъ восторгомъ. Какъ только Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ вышли на берегъ и сѣли въ приготовленные для нихъ экипажи, народъ отпрягъ лошадей и повезъ на себѣ обоихъ монарховъ въ городъ[356]. Встрѣтившей его отъ города депутаціи государь сказалъ: «Увѣряю васъ, что буду стараться о всегдашнемъ сохраненіи дружбы между Англіей и Россіей». На слѣдующій день путешественники отправились въ Лондонъ, гдѣ ихъ ожидали не менѣе восторженная встрѣча и нескончаемые пріемы и празднества.

Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ монарховъ въ Англію, находились фельдмаршалъ графъ Барклай де-Толли, графъ Платовъ, генералъ-адъютанты Чернышевъ, Уваровъ и Ожаровскій, графъ Нессельроде,

князь Адамъ Чарторижскій, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, лейбъ-медикъ Вилліе, Гарденбергъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Блюхеръ и Іоркъ[357]. Принимая въ Сенъ-Джемскомъ дворцѣ всѣхъ знатныхъ лицъ, тогда находившихся въ Лондонѣ, Александръ, встрѣтивъ лорда Эрскина, вручилъ ему письмо Лагарпа и сказалъ при этомъ случаѣ: «Я обѣщалъ передать вамъ лично письмо моего друга и наставника, которому я обязанъ правилами, руководящими моимъ умомъ и сердцемъ».

2-го (14-го) іюня въ Оксфордскомъ университетѣ происходило торжественное собраніе, на которомъ императору поднесли дипломъ на званіе доктора правъ. Александръ, обратясь къ ректору, сказалъ: «Какъ мнѣ принять дипломъ! Я не держалъ диспута». — «Государь», возразилъ ректоръ, «вы выдержали такой диспутъ противъ утѣснителя народовъ, какого не выдерживалъ ни одинъ докторъ правъ во всемъ мірѣ»[358].

На обѣдѣ, данномъ городомъ Лондономъ[359], императоръ Александръ сказалъ, между прочимъ, въ отвѣтной рѣчи на привѣтствіе лорда-мэра, что, будучи вѣрнымъ союзникомъ Великобританіи во время войны, онъ желаетъ оставаться такимъ же постояннымъ другомъ ея въ продолженіе мира.

Въ знакъ особеннаго вниманія къ императору Александру принцъ-регентъ даровалъ лейбъ-медику его величества Вилліе сначала достоинство кавалера (sir), а вскорѣ затѣмъ и титулъ великобританскаго баронета, на что ему была выдана грамата съ гербомъ, оригиналъ котораго былъ сочиненъ и нарисованъ самимъ государемъ.

Несмотря на всю пышность празднествъ, устроенныхъ въ честь императора Александра, пребываніе его въ Англіи не прошло, однако, для него безъ неудовольствій. Графъ Нессельроде пишетъ, что государь не сочувствовалъ принцу-регенту; кромѣ того, великая княгиня Екатерина Павловна, прибывшая въ Лондонъ ранѣе императора, сблизилась съ оппозиціей болѣе, чѣмъ съ господствовавшею тогда партіей торіевъ; она склоняла своего державнаго брата усвоить то же направленіе, что не нравилось регенту и было причиной нѣсколькихъ недоразумѣній[360]. Благоволеніе государя къ вигамъ и къ англійскимъ порядкамъ доходило до того, что, бесѣдуя однажды съ выдающимися представителями этой партіи о пользѣ честной и благонамѣренной оппозиціи, онъ присовокупилъ, что озаботится вызвать въ Россіи къ жизни «un foyer d'opposition»[361].

Александръ покинулъ Англію недовольный своимъ пребываніемъ тамъ; онъ составилъ себѣ, однако, высокое мнѣніе о благоденствіи и могуществѣ этой страны.

14-го (26-го) іюня государь отплылъ изъ Дувра въ Кале и оттуда направился въ Остенде, Антверпенъ и далѣе въ Голландію. Здѣсь онъ посѣтилъ всѣ главнѣйшіе города; народъ встрѣчалъ его повсемѣстно, какъ своего освободителя и освободителя человѣчества. Изъ Амстер-

дама Александръ направился въ Брухзалъ, гдѣ находилась въ то время императрица Елисавета Алексѣевна, гостившая у матери своей маркграфини[362].

Графъ Аракчеевъ лечился въ это время водами въ Ахенѣ. Государь воспользовался этимъ случаемъ, чтобы дорогою имѣть съ нимъ

Родомыслъ XIX вѣка.

Гравюра Клаубера по рисунку графа Толстого.

свиданіе въ Кёльнѣ, и послалъ ему изъ Ротердама слѣдующую собственноручную записку[363]:

«Сдѣлай одолженіе, Алексѣй Андреевичъ! если тебѣ не въ тягость, пріѣзжай въ Кёльнъ 22-го по утру, я тамъ буду часу въ 12-мъ и отобѣдаю. Оно не такъ далеко для тебя, а мнѣ будетъ отмѣнно пріят-

но съ тобою видѣться. Пребываю навсегда тебѣ искренно привязаннымъ».

Императрица выѣхала навстрѣчу къ государю въ Рорбахъ, и затѣмъ они вмѣстѣ прибыли въ Брухзалъ.

Графиня Эдлингъ рисуетъ слѣдующую картину дворцовой суеты, начавшейся на другой день въ Брухзальскомъ замкѣ. «Съ ранняго утра онъ наполнился множествомъ лицъ, давно ожидавшихъ императора. Видны были мундиры и ленты всѣхъ цвѣтовъ; замѣчались чрезвычайное волненіе и тревожное любопытство, приправленныя нѣкоторою долею низкопоклонства, которая, къ несчастью, повидимому, составляетъ принадлежность атмосферы, окружающей царственныхъ особъ, и за которую надо винить не ихъ, а человѣческую природу, осужденную либо ползать, либо грозить. Между царедворцами, дипломатами, князьями и любопытствующими лицами, тѣснившимися въ залахъ Брухзальскаго замка, я замѣтила Лагарпа; онъ наслаждался славою Александра, какъ плодомъ трудовъ своихъ. Простота его обращенія составляла противоположность съ его голубою лентою. Чистосердечіе его обезоруживало ненависть и зависть, и самыя сильныя противъ него предубѣжденія незамѣтно пропадали въ бесѣдѣ съ нимъ. Тутъ же былъ доблестный баронъ Штейнъ, привлекавшій къ себѣ вниманіе нѣмецкихъ князей, которые и ненавидѣли его, и льстили ему. Неспособный ни на минуту скрыть свою мысль, онъ принадлежитъ къ числу людей античнаго характера, никогда не вступающихъ въ сдѣлку съ совѣстью. Тиранство Наполеона, какъ и нѣмецкихъ князей, было ему одинаково ненавистно, и, пользуясь покровительствомъ Александра, онъ одинъ боролся съ ихъ притязаніями, отстаивалъ права народовъ, которые обязаны ему обезпеченіемъ своихъ правъ. Юнгъ-Штиллингъ, въ то время лично еще неизвѣстный императору, также находился среди этой разнообразной толпы»[364].

Во время пребыванія въ Брухзалѣ государь получилъ поднесенное ему Св. Синодомъ, Государственнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ, чрезъ депутатовъ: князя Александра Борисовича Куракина, генерала Тормасова и графа А. Н. Салтыкова, прошеніе о принятіи императоромъ наименованія Благословеннаго, «тѣмъ болѣе приличнаго скромности и благочестивому смиренію государя императора, что великіе подвиги его, очевидно, ознаменованы покровительствомъ Всевышняго Промысла». Вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалось высочайшее соизволеніе — выбить медаль и воздвигнуть въ Петербургѣ памятникъ съ надписью: «Александру Благословенному, императору Всероссійскому, великодушному державъ возстановителю отъ признательныя Россіи».

Александръ, призвавъ къ себѣ 29-го іюня (11-го іюля) А. С. Шишкова, оправившагося отъ нездоровья, которое препятствовало ему участвовать въ походѣ во Францію въ 1814 году, приказалъ ему въ от-

вѣть на поднесенное государственными сословіями прошеніе написать указъ, въ которомъ было бы изъявлено, что его величество, благодаря за ихъ къ нему любовь и усердіе, отъ сооруженія памятника и принятія наименованія Благословеннаго «отрицается и не соизволяетъ».— Выслушавъ приказаніе, Шишковъ нѣсколько призадумался, и когда Александръ спросилъ его о причинѣ замѣченнаго сомнѣнія, то онъ сказалъ:

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.

Съ гравюры Карделли.

«Государь! мнѣ кажется, вы, по скромности мыслей вашихъ и чувствъ, можете отречись отъ воздвигнутія вамъ памятника; но отказаться отъ наименованія Благословеннаго требуетъ нѣкотораго особеннаго размышленія, потому что словомъ симъ не иное что испрашивается, какъ называть васъ благимъ, добрымъ государемъ: какъ же можно не желать сего и еще воспрещать, чтобъ народъ вашъ называлъ васъ симъ именемъ? По-истинѣ, я въ недоумѣніи, какимъ образомъ объяснить это. Позвольте мнѣ хорошенько объ этомъ подумать и написать такъ

чтобъ не видно было ни явнаго въ томъ утвержденія, ни совершеннаго отрицанія вашего».—Хорошо», сказалъ государь: «напиши, какъ лучше придумаешь; это не требуетъ поспѣшности».

На другой день Шишковъ принесъ указъ, написанный въ этомъ смыслѣ, и государь безъ всякой перемѣны подписалъ его. Указъ оканчивался словами: «Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе»[365].

Ввиду отъѣзда государя императрица пожелала слѣдовать за нимъ въ Россію; но онъ возвращался въ Петербургъ лишь на нѣсколько недѣль, и послѣ долгихъ пререканій Елисавета Алексѣевна подчинилась волѣ Александра, который желалъ, чтобы императрица присутствовала вмѣстѣ съ нимъ на предстоявшемъ Вѣнскомъ конгрессѣ.

12-го (24-го) іюля, въ одиннадцатомъ часу вечера, государь прибылъ въ Павловскъ послѣ полуторагодового отсутствія изъ Россіи и возвратился побѣдителемъ. Здѣсь его съ нетерпѣніемъ поджидала императрица Марія Ѳеодоровна.

Въ Петербургѣ производились, между тѣмъ, большія приготовленія для торжественной встрѣчи государя. Но уже 7-го (19-го) іюля петербургскій главнокомандующій генералъ Вязмитиновъ получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ: «Сергѣй Козмичъ! Дошло до моего свѣдѣнія, что дѣлаются разныя пріуготовленія къ моей встрѣчѣ. Ненавидя оныя всегда, почитаю ихъ еще менѣе приличными нынѣ. Единъ Всевышній причиною знаменитыхъ происшествій, довершившихъ кровопролитную брань въ Европѣ. Передъ Нимъ всѣ должны мы смиряться. Объявите повсюду мою непремѣнную волю, дабы никакихъ встрѣчъ и пріемовъ для меня не дѣлать. Пошлите повелѣніе губернаторамъ, дабы ни одинъ не отлучался отъ своего мѣста для сего предмета. На вашу отвѣтственность возлагаю точное исполненіе сего повелѣнія». По полученіи имъ этого рескрипта генералъ Вязмитиновъ приказалъ разобрать всѣ тріумфальныя арки и всѣ сооруженія для иллюминаціи.

13-го (25-го) іюля Александръ пріѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ утромъ въ 7 часовъ и прежде всего остановился у Казанскаго собора; вслѣдъ за тѣмъ государь отправился въ Каменноостровскій дворецъ. На слѣдующій день назначено было торжественное молебствіе въ Казанскомъ соборѣ. Императоръ Александръ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ ѣхали верхами передъ парадной каретою, въ которой сидѣли императрица Марія Ѳеодоровна и великая княжна Анна Павловна. Этою церемоніей окончилось все торжество возвращенія государя-побѣдителя въ свою столицу.

По заключеніи Парижскаго мира 1-я гвардейская пѣхотная дивизія возвратилась въ Петербургъ моремъ; она была посажена на суда въ Шербургѣ 18-го (30-го) іюля; войска эти благополучно высадились у Ораніенбаума и 30-го іюля (11-го августа) торжественно вступили въ Петербургъ. Императоръ Александръ встрѣтилъ гвардію у тріум-

Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

фальныхъ воротъ [366], сооруженныхъ въ честь совершенныхъ ею подвиговъ, начавшихся на берегахъ Нѣмана и окончившихся въ Парижѣ.

Несмотря на всѣ старанія императора Александра отклонить отъ себя всякое чествованіе по случаю своего возвращенія въ столицу, онъ не избѣгъ празднества, устроеннаго въ Павловскѣ въ честь побѣдителя

императрицею Маріею Θеодоровною; оно состоялось 27-го іюля (8-го августа) въ Розовомъ павильонѣ. Здѣсь была представлена, въ четырехъ сценахъ, интермедія и пропѣта кантата Державина:

«Ты возвратился, благодатный,
«Нашъ кроткій ангелъ, лучъ сердецъ!»

По окончаніи спектакля начался балъ, прерванный фейерверкомъ. Во время ужина государь, въ сопровожденіи императрицы-матери, обошелъ столы и пилъ за здоровье ратныхъ товарищей.

Разсказываютъ, что по возвращеніи Александра въ Петербургъ Державинъ представился ему, желая лично поздравить государя съ одержаннымъ успѣхомъ. «Да, Гавріилъ Романовичъ», замѣтилъ Александръ: «мнѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но людей нѣтъ».—«Они есть, ваше величество», отвѣчалъ Державинъ: «но они въ глуши, ихъ искать надобно; безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ». Но Александръ и не намѣревался искать новыхъ сотрудниковъ для предстоявшей трудной работы. У него ужъ былъ избранъ суровый дѣлецъ, предназначенный имъ для приведенія въ порядокъ и для управленія внутренними дѣлами имперіи: графъ Аракчеевъ! Быстрыми шагами приближалось то печальное время, когда усталый побѣдитель Наполеона долженъ былъ скрыться за мрачною фигурою гатчинскаго капрала.

Графъ Аракчеевъ былъ на время уволенъ для отдыха въ Грузино. Но разлука его съ вѣрнымъ другомъ продолжалась недолго; уже 6-го (18-го) августа Александръ писалъ къ нему изъ Таврическаго дворца: «Я надѣюсь, что ты будешь доволенъ мною, ибо, кажется, довольно долго я тебя оставлялъ наслаждаться любезнымъ твоимъ Грузинымъ. Пора, кажется, намъ за дѣло приняться, и я жду тебя съ нетерпѣніемъ. Пребываю на вѣкъ тебѣ искреннимъ и преданнымъ другомъ».

Дѣйствительно, императоръ Александръ уже принялся за дѣло.

1-го (13-го) августа послѣдовалъ указъ Сенату, въ которомъ значилось: «Снисходя на прошеніе государственнаго канцлера графа Румянцева, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ дѣлъ, на него возложенныхъ, съ сохраненіемъ всѣхъ получаемыхъ имъ нынѣ окладовъ».

Отставка графа Румянцева, этого выдающагося представителя ненавистной всѣмъ тильзитской политики, была встрѣчена сочувственно въ Россіи и вызвала восторгъ въ заграничныхъ дипломатическихъ кругахъ. Вѣнскій дворъ считалъ графа Николая Петровича послѣднимъ представителемъ системы «безпокойной, своекорыстной, буйной, жаждавшей завоеваній и господства, которая такъ долго и основательно навлекала на россійскій дворъ недовѣріе и ненависть всѣхъ его сосѣдей».

Прогулка императора Александра I по Брюлевской террасѣ въ Дрезденѣ.

Съ картины проф. Виллевальде.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Императоръ Александръ, всегда цѣнившій заслуги своего долголѣтняго сотрудника, отнесся къ нему справедливѣе современниковъ и многочисленныхъ недоброжелателей его и, несмотря на измѣнившіеся свои политическіе взгляды, почтилъ графа Румянцева слѣдующимъ милостивымъ рескриптомъ:

«Графъ Николай Петровичъ. Убѣждаясь принесенными вами во время отсутствія моего изъ столицы неоднократными просьбами и новымъ вашимъ настояніемъ, увольняю я васъ отъ всѣхъ дѣлъ, на васъ возложенныхъ. По извѣстному вамъ вниманію моему къ достоинствамъ вашимъ можете вы судить, сколько прискорбно для меня удовлетворить такому вашему желанію. Надѣюсь я однако несумнѣнно, что изъ любви къ отечеству не отречетесь вы паки быть оному полезнымъ вашими познаніями и опытностію, когда состояніе здоровья вашего то позволитъ. Примите въ семъ случаѣ удостовѣреніе въ отличной моей благодарности за оказанныя вами отечеству заслуги и въ непоколебимомъ моемъ къ вамъ уваженіи. Пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонный».[367].

Вслѣдъ за увольненіемъ графа Румянцева данъ былъ Сенату 10-го (22-го) августа слѣдующій указъ: «Статсъ-секретарю тайному совѣтнику графу Нессельроде повелѣно продолжать докладывать Его Величеству по всѣмъ дѣламъ иностраннаго департамента, какъ то исполнялось во все теченіе послѣдней съ французами войны. Тайному совѣтнику Вейдемейеру повелѣно впредь до указа управлять коллегіею иностранныхъ дѣлъ».[368].

Оправдались слова Наполеона, сказавшаго однажды, указывая на Нессельроде за обѣдомъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ: «Voilà un petit homme qui sera un grand homme». Назначеніе графа Нессельроде вызвало удовольствіе и одобреніе среди австрійскихъ дипломатическихъ сферъ. Генцъ писалъ, что Александръ, ввѣряя Нессельроде портфель, хотѣлъ доказать этимъ, что онъ намѣренъ и впредь продолжать быть своимъ первымъ министромъ. «Тѣмъ не менѣе, съ личнымъ характеромъ императора», продолжаетъ австрійскій дипломатъ: «такимъ въ особенности, какимъ онъ сталъ въ теченіе великихъ событій двухъ минувшихъ лѣтъ, весьма важно, чтобы министръ, завѣдующій внѣшними сношеніями, былъ человѣкомъ благоразумнымъ, умѣреннымъ, безъ всякой наклонности къ честолюбію и интригѣ, чуждымъ романтическихъ проектовъ (projets romanesques) и, главное, другомъ мира. Насколько вліяніе графа Нессельроде способно распространиться, оно всегда будетъ направлено въ благую сторону и безопасно для сосѣдей Россіи. Въ этомъ отношеніи, правда, болѣе отрицательномъ, чѣмъ положительномъ, назначеніе его драгоцѣнно для всѣхъ, кому дорого сохраненіе всеобщаго спокойствія. Онъ не будетъ настолько

силенъ, чтобы постоянно предупреждать мѣры, могущія нарушить это спокойствіе, но, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не станетъ благопріятствовать имъ»[369].

Въ Петербургъ явились депутаты отъ дворянства разныхъ губерній для принесенія поздравленій съ благополучнымъ возвращеніемъ въ столицу государя «по совершеніи его величествомъ достославныхъ подвиговъ не только для блага своихъ, но и чуждыхъ народовъ». Депутаты были приняты государемъ во дворцѣ Каменнаго острова[370].

Наполеонъ передъ сраженіемъ при Бауценѣ.

Гравюра Жирарда, съ рисунка Раффе.

Особенное политическое значеніе получило представленіе депутатовъ губерній Кіевской, Подольской, Волынской, Могилевской, Витебской, Минской, Виленской, Гродненской, Курляндской, а также Бѣлостокской области. Императоръ вышелъ въ собраніе съ такимъ строгимъ выраженіемъ лица, какого никто не видывалъ, пишетъ свидѣтель графъ Огинскій, — онъ имѣлъ видъ государя, который опредѣлилъ судьбу Европы. Послѣ общаго привѣтствія Александръ громко произнесъ слѣдующую рѣчь[371]: «Господа! съ удовольствіемъ вижу собравшихся вокругъ меня депутатовъ губерній, отъ которыхъ отдалилъ меня на нѣкоторое время походъ 1812 года. Я очень доволенъ большею частью

вашихъ соотечественниковъ, оставшихся мнѣ вѣрными и преданными, хотя, къ сожалѣнію, и знаю, что нѣкоторые увлеклись иноземными обольщеніями и ложными надеждами. Но я отомстилъ имъ однимъ актомъ амнистіи, по которому они могутъ судить о моемъ образѣ мыслей. Скажите вашимъ довѣрителямъ, что все забыто и прощено, и чтобы они не сомнѣвались ни въ моемъ искреннемъ участіи къ ихъ судьбѣ, ни въ моемъ желаніи видѣть ихъ счастливыми и довольными». Затѣмъ государь обошелъ всѣхъ депутатовъ; приблизившись къ графу Огинскому, онъ сказалъ: «Весьма радъ видѣть васъ еще разъ представителемъ вашихъ литовскихъ земляковъ; искренно сожалѣю, что не могъ на этотъ разъ возвратиться черезъ Вильну; этотъ городъ оставилъ во мнѣ много хорошихъ воспоминаній. Скажите жителямъ Вильны, что я никогда не забуду усердія и преданности, выказанныхъ мнѣ ими во время моего пребыванія среди нихъ передъ началомъ войны 1812 года, и всегда охотно буду принимать участіе въ ихъ судьбѣ». Въ заключеніе пріема императоръ ко всему сказанному еще прибавилъ: «Господа, еще немного терпѣнія, и вы всѣ будете болѣе довольны мною!» [372].

По всему видно было, что въ это время польскій вопросъ и связанный съ нимъ вопросъ объ участи западныхъ губерній выдвинулись на первый планъ. Намѣреніе Александра возстановить Польское королевство, которое онъ неизмѣнно питалъ въ продолженіе всей войны, начинало проникать въ высшія петербургскія сферы; оно вызвало нѣкоторое охлажденіе того радостнаго впечатлѣнія, которое возбудило въ обществѣ вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ. Тщетно нѣкоторыя лица осмѣливались представлять государю доводы противъ осуществленія намѣренія, столь антипатичнаго Россіи, какъ выражался графъ Нессельроде [373]. Къ числу противниковъ этой новой политической комбинаціи принадлежалъ предсѣдатель временнаго управленія въ герцогствѣ Варшавскомъ В. С. Ланской; мысли, которыми онъ былъ одушевленъ, ясно выразились въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ позднѣйшихъ писемъ его къ императору Александру: «Государь, прости русскому, открывающему предъ тобою чувства свои и осмѣливающемуся еще изъяснить, что благосердіе твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ и вообще войско польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ правиламъ; и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда изліять ядъ свой на насъ. Болѣе не смѣю говорить о семъ, и, какъ сынъ отечества, какъ вѣрный подданный вашего императорскаго величества, не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ не можно». Но Александръ остался непреклоннымъ въ принятомъ имъ рѣшеніи и не измѣнилъ своего на-

мѣренія воскресить Польшу; онъ готовился отстоять передъ европейскимъ ареопагомъ въ Вѣнѣ осуществленіе своей излюбленной мысли.

Первая годовщина Кульмскаго сраженія, 18-го (30-го) августа 1814 года, ознаменована была парадомъ на Царицыномъ лугу. Торжество это послужило поводомъ къ учрежденію комитета, обязанности

Михаилъ Богдановичъ Барклай де-Толли.
Съ портрета Доу.

котораго, какъ сказано было въ высочайшемъ приказѣ по арміямъ, заключались въ томъ, чтобы «принимать просьбы, пещись о доставленіи возможности вспомоществованія неимущимъ и изувѣченнымъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ и представлять объ нихъ ко мнѣ черезъ состоящаго при мнѣ генерала-отъ-артиллеріи графа Аракчеева» [374]. Первыми членами «Комитета, учрежденнаго въ 18-й день августа

1814 года», были назначены генералъ-адъютанты Уваровъ, графъ П. А. Строгоновъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Закревскій и Сипягинъ [375].

Императоръ Александръ, желая выразить признательность всѣмъ сословіямъ русскаго народа за ихъ участіе въ Отечественной войнѣ, поручилъ А. С. Шишкову составить въ этомъ смыслѣ манифестъ, который рѣшено было обнародовать 30-го августа. Въ немъ возвѣщалось о ежегодномъ торжественномъ чествованіи дня избавленія Россіи отъ непріятельскаго нашествія, о дарованіи духовенству особаго наперснаго креста, дворянству и воинству особыхъ медалей, купечеству «благоволенія и благодарности», а мѣщанству и крестьянству объявлялось, что съ нихъ не будетъ производимо въ продолженіе нѣкотораго времени рекрутскихъ наборовъ, и что, впрочемъ, они «получатъ мзду свою отъ Бога».

Чтеніе проекта манифеста не обошлось безъ споровъ. Шишковъ поставилъ въ манифестѣ дворянство выше воинства. На вопросъ государя, почему онъ это сдѣлалъ, Шишковъ отвѣчалъ, что дворянство есть первое государственное сословіе, снабжающее войско изъ среды своей полководцами, военачальниками, ратниками и, словомъ, всѣми потребными силами, а потому, «яко цѣлое, долженствуетъ преимуществовать предъ частью самого себя».—На это, какъ пишетъ Шишковъ, императоръ сказалъ съ насмѣшкою: «Вотъ, стану я равнять такого-то съ такимъ-то!» (При этомъ онъ назвалъ двухъ лицъ по именамъ). Шишковъ отвѣчалъ: «Государь! сравненіе двухъ частныхъ лицъ не даетъ справедливаго заключенія о двухъ сословіяхъ, происходящихъ одно отъ другого». Шишковъ намѣревался продолжать еще далѣе свои доводы, но государь, не слушая докладчика, повелительнымъ тономъ приказалъ статью о воинствѣ поставить выше статьи о дворянствѣ. Шишковъ, «въ первый разъ видя его гнѣвнаго, принужденъ былъ замолчать».

О помѣщичьихъ крестьянахъ Шишковъ написалъ: «Мы увѣрены, что забота наша о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ними, на обоюдной пользѣ основанная, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей любви къ отечеству ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что, съ одной стороны, помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадахъ своихъ, заботою, а съ другой — они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства». Здѣсь, разсказываетъ Шишковъ, государь, оттолкнувъ отъ себя бумагу и весь вспыхнувъ, сказалъ: «Я не могу подписывать того, что противно моей совѣсти, и съ чѣмъ я нимало не согласенъ». При этомъ, указавъ на слова: «на

обоюдной пользѣ основанная», онъ былъ такъ взволнованъ и такимъ рѣшительнымъ движеніемъ пера вычеркнулъ это выраженіе, что Шишковъ, при всемъ своемъ упрямствѣ и при всей своей смѣлости, не рѣшился разжать губъ. По поводу этого доклада и нарисованной имъ идиллической картины крестьянскаго быта Шишковъ выражаетъ въ своихъ запискахъ сожалѣніе относительно несчастнаго предубѣжденія Александра противъ крѣпостного въ Россіи права, противъ дворянства и противъ всего прежняго устройства и порядка; по его мнѣнію, это предубѣжденіе «внушено въ него было

Фельдмаршалъ князь Шварценбергъ.
Съ гравированнаго портрета начала XIX столѣтія.

находившимся при немъ французомъ Лагарпомъ и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французовъ, отвращавшихъ глаза и сердце свое отъ одежды, языка, отъ нравовъ и, словомъ, отъ всего русскаго». Такимъ образомъ, по понятіямъ Шишкова, оказывалось, что отвращеніе государя отъ крѣпостного права было преступленіемъ противъ русской національности.

Графъ Аракчеевъ присутствовалъ при чтеніи государственнымъ секретаремъ проекта манифеста, но не принималъ участія въ возникшихъ спорахъ, сохраняя во время доклада глубокое молчаніе. По выходѣ отъ императора Шишковъ сказалъ ему: «Я думаю, ваше сіятельство находите меня правымъ, и если бы государю угодно было выслушать

меня безъ гнѣва, то я увѣренъ, что и онъ согласился бы со мною». Аракчеевъ и здѣсь продолжалъ упорно молчать, и они разошлись безъ всякихъ объясненій по этому вопросу. Трудно сказать, что думалъ лукавый царедворецъ, присутствуя при докладѣ Шишкова; между тѣмъ графу Аракчееву уже предстояло вскорѣ осуществить мысль государя о крѣпостномъ правѣ другого рода, — мысль, которою плѣнился Александръ, не замѣчая связи ея съ тѣми крѣпостными порядками, которые онъ такъ ненавидѣлъ. Эту мысль Александръ лично внесъ въ тотъ же манифестъ 30-го августа, хотя еще въ неясныхъ выраженіяхъ; а именно, въ статьѣ о воинствѣ онъ прибавилъ: «Надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства». Слова эти ясно предвѣщали новое бѣдствіе для русскаго народа: устройство въ близкомъ будущемъ военныхъ поселеній.

Въ концѣ манифеста 30-го августа народу даровались разныя льготы и милости, заключавшіяся въ 19-ти статьяхъ. Въ послѣдней статьѣ объявлялось всеобщее прощеніе всѣмъ лицамъ, которыя въ продолженіе войны «пристали къ неправой, Богу и людямъ ненавистной сторонѣ злонамѣреннаго врага»[376].

30-го августа 1814 года, въ день тезоименитства императора Александра, многіе высшіе государственные сановники были награждены государемъ. Фельдмаршалъ графъ Н. И. Салтыковъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство съ присвоеніемъ титула свѣтлости. Въ указѣ, данномъ по этому случаю Сенату, сказано: «Предъ наступленіемъ минувшей войны, учредивъ во время отсутствія нашего изъ столицъ порядокъ теченія государственныхъ дѣлъ, ввѣрили мы оной попеченію нашего генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова. Извѣстныя достоинства его, опытность, долговременною усердною службою пріобрѣтенная, и любовь къ отечеству побудили насъ на выборъ сей, и онъ, не взирая на преклонныя лѣта и болѣзненное состояніе, оправдалъ въ полной мѣрѣ довѣренность нашу». Но этимъ не исчерпывались милости, оказанныя государемъ своему старому воспитателю; въ тотъ же день послѣдовалъ еще слѣдующій высочайшій указъ: «Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія нашего къ долговременной службѣ генералъ-фельдмаршала князя Салтыкова и знаменитымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ отечеству, назначаемъ ему въ отличіе офицерскій караулъ».

Графу Аракчееву пожалованъ былъ портретъ при слѣдующемъ милостивомъ рескриптѣ: «Доказанная многократными опытами въ продолженіе всего царствованія нашего совершенная преданность и усердіе ваше къ намъ, трудолюбивое и попечительное исполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на васъ государственныхъ должностей, особливо же многопо-

лезныя содѣйствія ваши во всѣхъ подвигахъ и дѣлахъ, въ нынѣшнюю знаменитую войну происходившихъ, запечатлѣвая заслуги ваши намъ и отечеству, обращаютъ на нихъ въ полной мѣрѣ вниманіе и признательность нашу, во изъявленіе и засвидѣтельствованіе которыхъ препровождаемъ мы къ вамъ для возложенія на себя портретъ нашъ». На сей разъ Аракчеевъ соблаговолилъ принять пожалованную ему награду, но безъ лести преданный графъ остался и въ этомъ случаѣ вѣренъ усвоенной имъ системѣ безкорыстнаго служенія царю и отечеству

Генералъ Моро.
Съ гравированнаго портрета начала XIX столѣтія.

и, предваренный объ этомъ новомъ знакѣ монаршей милости, упросилъ государя пожаловать ему портретъ безъ алмазныхъ украшеній.

Князь Лопухинъ былъ возведенъ въ первый классъ. Неразлучный спутникъ государя во всѣхъ его путешествіяхъ, графъ Н. А. Толстой, получилъ алмазный перстень съ портретомъ и 50,000 рублей. Главнокомандующій въ С.-Петербургѣ С. К. Вязмитиновъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

30-го же августа 1814 года послѣдовало увольненіе, по разстроенному здоровью, министра юстиціи И. И. Дмитріева съ пенсіономъ въ 10,000 рублей; на его мѣсто былъ назначенъ Д. П. Трощинскій.

Назначеніе А. С. Шишкова государственнымъ секретаремъ, а графа Ростопчина московскимъ главнокомандующимъ было вызвано чрезвычайными обстоятельствами 1812 года и вовсе не соотвѣтствовало

личнымъ взглядамъ государя, составляя какъ бы уступку общественному мнѣнію; неудивительно, что послѣ заключенія мира они получили одновременно новое назначеніе. А. С. Шишкову повелѣно было быть членомъ Государственнаго Совѣта «въ воздаяніе долговременной службы и трудовъ, понесенныхъ въ минувшую войну». Графа Ростопчина ожидала подобная же участь[377]. Прибывъ въ Петербургъ, по случаю возвращенія государя изъ похода, графъ Ѳедоръ Васильевичъ былъ встрѣченъ холодно, что и слѣдовало ожидать послѣ кровавой расправы съ Верещагинымъ, случившейся въ день вступленія французовъ въ Москву. 30-го августа 1814 года графъ Ростопчинъ уволенъ былъ отъ занимаемой имъ должности по прошенію, «за разстроеннымъ здоровьемъ», и назначенъ «въ воздаяніе усердной службы» членомъ Государственнаго Совѣта. Мѣсто главнокомандующаго въ Москвѣ получилъ генералъ Тормасовъ. Графъ Ростопчинъ, вскорѣ послѣ увольненія, отправился за границу и оттуда писалъ: «Въ нѣмецкой землѣ мнѣ дѣлаютъ почести и признаютъ главнымъ орудіемъ гибели Наполеона. По крайней мѣрѣ, когда своимъ не угодилъ, то чужіе спасибо скажутъ».

Послѣ манифеста 30-го августа 1814 года, провозгласившаго всепрощеніе за политическіе проступки, совершенные во время нашествія враговъ на Россію, вспомнили наконецъ также и о Сперанскомъ, томившемся въ ссылкѣ, продолжавшейся уже болѣе двухъ лѣтъ. Со времени удаленія бывшаго государственнаго секретаря въ Нижній-Новгородъ, въ мартѣ 1812 года, многочисленные враги его не дремали; за всѣми разговорами и дѣйствіями его былъ установленъ бдительный надзоръ. Несмотря на постигшія Сперанскаго невзгоды, онъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, подобно тому, какъ и въ Петербургѣ въ дни своего могущества, продолжалъ уклоняться отъ предѣловъ благоразумной осторожности, требовавшейся обстоятельствами и средою, въ которой жилъ, и тѣмъ доставлялъ своимъ недоброжелателямъ желанный случай сообщать о немъ неблагопріятныя свѣдѣнія.

Графъ Ростопчинъ, пользуясь тревожными обстоятельствами 1812 года, также старался окончательно уронить его въ глазахъ императора Александра. 23-го іюля (4-го августа) 1812 года, Ростопчинъ писалъ изъ Москвы: «Не скрою отъ васъ, государь, что Сперанскій очень опасенъ (très dangereux) тамъ, гдѣ онъ теперь. Онъ тѣсно сблизился съ епископомъ Моисеемъ, который извѣстенъ какъ великій почитатель Бонапарта и великій хулитель вашихъ дѣйствій. Кромѣ того, Сперанскій, прикидываясь человѣкомъ очень благочестивымъ, при содѣйствіи популярности и лицемѣрія, снискалъ себѣ дружбу жителей Нижняго. Онъ сумѣлъ ихъ увѣрить, будто онъ жертва своей любви къ народу, которому якобы хотѣлъ доставить свободу, и что вы имъ пожертвовали министрамъ и дворянамъ. Въ настоящее время, когда врагъ нашъ станетъ

принимать всякія мѣры къ нарушенію общественнаго спокойствія и къ парализированію вашихъ гигантскихъ средствъ, нельзя быть достаточно бдительнымъ во всемъ, что относится къ охраненію этого спокойствія». Черезъ мѣсяцъ, 23-го августа (4-го сентября), графъ Ростопчинъ, продолжая свои яростныя нападки на Сперанскаго, снова писалъ государю: «Я послалъ къ графу Толстому увѣдомленіе относительно этого негодяя

Баронъ Генрихъ Жомини.

Съ гравюры Ройе, сдѣланной съ портрета Минере.

Сперанскаго (ce misérable Spéransky); онъ заставляетъ дѣйствовать Столыпина и Злобина въ Пензенской и Саратовской губерніяхъ; имѣется въ виду ослабить усердіе страхомъ. (il est question d'affaiblir le zèle par la crainte). Но надобно скорѣе противодѣйствовать этому и воспрепятствовать кознямъ, которыя ведутся противъ васъ».

Графъ Ростопчинъ не удовольствовался, однако, этими вылазками противъ безоружнаго изгнанника и замышлялъ противъ Сперанскаго

нѣчто еще худшее. Онъ потребовалъ отъ нижегородскаго губернатора Руновскаго присылки въ Москву тайнаго совѣтника Сперанскаго. Губернаторъ отвѣчалъ, что Сперанскій присланъ въ Нижній-Новгородъ по высочайшей волѣ и порученъ его надзору, а потому онъ не можетъ исполнить приказанія главнокомандующаго безъ особаго на то повелѣнія государя. Позволительно думать, что если бы графъ Ростопчинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи «ce misérable Spéransky» 2-го сентября 1812 года, то онъ, по всей вѣроятности, пріобщилъ бы его къ «масакру» Верещагина, какъ называетъ эту дикую расправу московскій почтъ-директоръ Руничъ въ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлеву.

Въ то время, когда надъ головою Сперанскаго скоплялись столь грозныя тучи, новый доносъ вызвалъ тяжкое отягощеніе его печальной изгнаннической судьбы. Нижегородскій вице-губернаторъ Крюковъ довелъ до свѣдѣнія генералъ-адъютанта Балашова, что 6-го августа 1812 года, въ день Преображенія Господня, Сперанскій, находясь у епископа Моисея, вступилъ съ преосвященнымъ передъ обѣденнымъ столомъ въ разговоръ, бесѣдуя о Наполеонѣ и объ успѣхахъ его предпріятій; при этомъ онъ замѣтилъ, что въ прошедшія кампаніи въ нѣмецкихъ областяхъ онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывалъ ему уваженіе и не только не допускалъ разграбленія храмовъ, но даже, для сбереженія ихъ, приставлялъ къ нимъ караулы.

Графъ П. А. Толстой, печальной памяти посолъ при французскомъ дворѣ, начальствовалъ въ 1812 году въ Нижнемъ Новгородѣ третьимъ округомъ военнаго ополченія и имѣлъ, сверхъ сего, особыя полномочія по гражданской части[378]. Къ нему 15-го (27-го) сентября, въ день коронаціи императора Александра, пріѣхалъ фельдъегерь съ собственноручнымъ письмомъ государя, въ которомъ было сказано: «При семъ прилагаю рапортъ вице-губернатора нижегородскаго о тайномъ совѣтникѣ Сперанскомъ. Если онъ справедливъ, то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь съ предписаніемъ губернатору, отъ моего имени, имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе». Не обративъ вниманія на оговорку, сдѣланную государемъ: «если онъ (т. е. рапортъ) справедливъ», графъ Толстой немедленно распорядился высылкою «вреднаго человѣка» въ тотъ же день въ Пермь, безъ всякихъ, съ своей стороны, разспросовъ и изслѣдованій[379].

Въ новомъ мѣстѣ изгнанія Сперанскій провелъ почти два года. Здѣсь онъ написалъ свою знаменитую объяснительную записку къ императору Александру, въ которой защищалъ выработанныя имъ, по указаніямъ государя, реформы и опровергалъ навѣты враговъ. «Что другое», писалъ Сперанскій, «вы отъ меня слышали, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ все-

общей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго». Въ заключеніе Сперанскій просилъ единой милости въ награду испытанныхъ имъ горестей, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе государю, къ славѣ его и ко благу государства подъятыхъ, дозволить ему съ семействомъ въ маленькой деревнѣ Великопольѣ (Новгородской губерніи) «провести остатокъ жизни, по-истинѣ одними трудами и горестями преизобильной». Письмо къ государю съ приложеніемъ оправдательной записки было увезено изъ Перми дочерью Сперанскаго и дошло въ руки монарха, но отвѣта не послѣдовало. Жестокая ссылка продолжалась.

Между тѣмъ императоръ Александръ вступилъ въ Парижъ, и съ окончательной побѣдой явился, наконецъ, и миръ. Сперанскій выбралъ это время, чтобы напомнить о себѣ. «Пріемлю смѣлость», писалъ онъ государю, 9-го (21-го) іюля 1814 года, «повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества всеподданнѣйшее мое поздравленіе съ вожделѣннымъ событіемъ всеобщаго мира. Провидѣніе, ввѣривъ вамъ, всемилостивѣйшій государь, совершеніе сего священнаго дѣла, показало, сколь благопріятна ему твердость духа и сіе святое самоотверженіе, непреклонное среди бѣдствій, кроткое среди успѣховъ, которое возвышаетъ всѣ другія достоинства и одно можетъ привлечь и утвердить на себѣ всѣ небесныя благословенія. Да будетъ миръ сей эпохою лучшихъ дней человѣчества, твердымъ союзомъ не только политическаго, но и нравственнаго народовъ образованія, новымъ залогомъ благоустройства и счастья вѣрныхъ вашихъ подданныхъ. Удаленіе мое отъ лица вашего и бѣдствія, меня постигшія, да не умалятъ въ очахъ вашихъ цѣну сихъ желаній. Никакое положеніе не лишитъ меня права быть вамъ приверженнымъ. Среди всеобщей радости не оскорбитесь, всемилостивѣйшій государь, склонить вниманіе ваше на горестную судьбу мою. Тому полтора года, какъ, бывъ принужденъ разстаться здѣсь съ моею дочерью, вручилъ я ей письмо для поднесенія Вашему Величеству при первомъ вѣрномъ и удобномъ случаѣ. Не знаю еще, дошло ли оно до рукъ вашихъ. Содержаніе его, съ перемѣною обстоятельствъ, не во многомъ измѣнилось. Я просилъ въ немъ единой милости: дозволенія сокрыть остатокъ скорбныхъ дней моихъ въ маленькой деревнѣ близъ Новагорода, дочери моей по наслѣдству доставшейся. Сей самой милости и теперь вторично испрашиваю въ твердомъ уповапіи на правосудіе и милосердіе ваше»[380].

Повторенная просьба Сперанскаго произвела свое дѣйствіе. 31-го августа (12-го сентября) 1814 года управляющій министерствомъ полиціи С. К. Вязмитиновъ увѣдомилъ Сперанскаго, что государь «всемилостивѣйше изволяетъ на желаніе его жить въ новгородской его деревнѣ Великопольѣ, въ полной будучи удостовѣренности, что скромное въ оной

житье его не подастъ повода къ какимъ-либо въ отмѣну сего мѣрамъ»[381].

Вскорѣ для императора Александра снова насталъ часъ отъѣзда: нужно было спѣшить на конгрессъ въ Вѣну. 1-го (13-го) сентября, въ 8 часовъ утра, государь покинулъ Каменноостровскій дворецъ и, помолившись въ Казанскомъ соборѣ, отправился въ Царское Село[382]. Посылая на другой день графу Аракчееву разныя бумаги, Александръ написалъ своему другу, сверхъ дѣловыхъ по нимъ указаній, еще слѣдующія строки: «Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, я проработалъ насквозь всю ночь и ѣду сейчасъ».

Въ одномъ экипажѣ съ государемъ помѣщался генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій. Это было первое путешествіе, въ которомъ онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Александромъ; доселѣ, начиная съ поѣздки въ Мемель въ 1802 году, это мѣсто безсмѣнно занималъ оберъ-гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой, который теперь по болѣзни остался въ Петербургѣ[383]. Въ Брестѣ государя ожидалъ Новосильцовъ, одинъ изъ главныхъ членовъ временнаго управленія Варшавскаго герцогства[384]. За нимъ слѣдовала польская депутація, во главѣ которой находился князь Сулковскій; они представились въ Бялѣ. По поводу пріема депутаціи императоромъ Новосильцовъ писалъ графу П. А. Строгонову: «Его рѣчь была такъ убѣдительна, такъ разумна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сдержанна и ловка, что я не могъ придти въ себя отъ удивленія. Онъ не обѣщалъ ничего, не принялъ на себя никакого обязательства, а все требовалъ[385]. Несмотря на то, всѣ, и даже такія достойныя личности, какъ Матусевичъ и князь Сулковскій, восторгались имъ послѣ пріема и въ высшей степени удивлялись ясности и вѣрности его мыслей».

Открывая походъ 1813 года, императоръ Александръ писалъ, какъ выше упомянуто, князю Чарторижскому: «Если, по окончаніи всѣхъ этихъ событій, я могъ бы на минуту очутиться въ нѣдрахъ вашего семейства, это причинило бы мнѣ безумную радость (cela me causerait un plaisir fou)». — Теперь же наступило время, когда оказывалось возможнымъ исполнить данное обѣщаніе и посѣтить Пулавы.

3-го (15-го) сентября намѣреніе государя остановиться въ Пулавахъ сдѣлалось извѣстнымъ въ семьѣ Чарторижскаго; вскорѣ начали съѣзжаться туда приглашенные въ ожиданіи пріѣзда высокаго гостя, появленіе котораго не лишено было политическаго значенія. Александръ подъѣхалъ къ замку въ коляскѣ съ княземъ Волконскимъ; у подъѣзда его ожидали князь Адамъ и другіе члены семьи Чарторижскихъ. «Вышедши изъ экипажа», пишетъ въ своемъ дневникѣ княгиня-мать, «императоръ привѣтствовалъ насъ съ тою вѣжливостью, которая такъ плѣнительна въ равныхъ намъ и такъ трогательна въ людяхъ, стоящихъ выше насъ. — «Я счастливъ, что опять въ Пулавахъ», сказалъ онъ, цѣлуя мнѣ руку:

Взятіе въ плѣнъ генерала Вандама въ Кульмскомъ сраженіи.

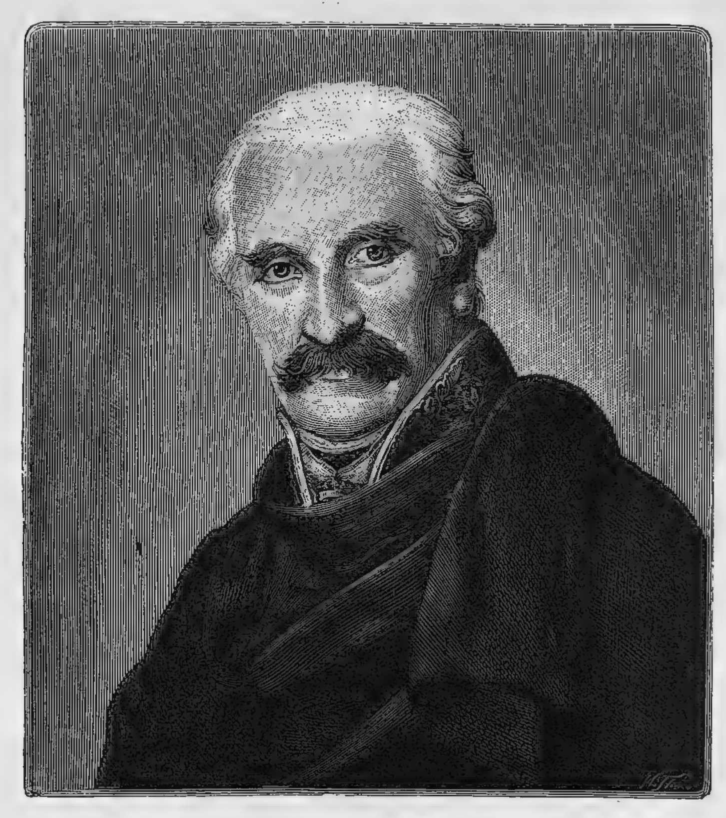
Гравюра Югеля съ картины Вольфа.

«чувствую себя дома».—Онъ сердечно поздоровался съ моею дочерью и бросился въ объятія моего сына. Поклонившись всѣмъ гостямъ, онъ сказалъ, что вернется, чтобы познакомиться съ ними, а теперь спѣшитъ поговорить со мною. Послѣ тысячи любезностей, что Пулавы для него «un lieu de préférence et de choix», онъ коснулся прошедшихъ и будущихъ дѣлъ. Онъ распространялся о томъ, какъ онъ любитъ поляковъ за ихъ храбрость. «Они защищаютъ такое благородное дѣло», сказалъ Александръ: «что я горячо желаю осчастливить ихъ и работаю для этой цѣли, но нужны терпѣніе и вѣра въ меня. Въ 1812 году я не могъ противиться могущественному напору непріятеля, но рѣшился бороться; морозъ и голодъ помогли мнѣ, и Богъ наказалъ Наполеона. Теперь меня болѣе всего занимаетъ Польша. Ѣду на конгрессъ, чтобы работать для нея, но надо двигать дѣло постепенно. У Польши три врага: Пруссія, Австрія и Россія, и одинъ другъ—это я. Если бы я хотѣлъ присоединить Галицію, пришлось бы сражаться. Пруссія соглашается возстановить Польшу, если ей отдадутъ часть Велико-Польши. А я хочу отдать польскимъ провинціямъ около 12-ти милліоновъ жителей. Составьте себѣ хорошую конституцію и сильную армію, и тогда посмотримъ»[386]. Послѣ этого разговора императоръ возвратился въ гостиную, гдѣ мой сынъ представлялъ ему всѣхъ гостей. Къ князю Константину Чарторижскому государь обратился со словами: «Мы были въ разныхъ лагеряхъ, но не были врагами. Я всегда васъ любилъ, а теперь еще больше люблю за борьбу вашу за отечество».

Послѣ обѣда Александръ провелъ вечеръ въ апартаментахъ княгини. На слѣдующее утро государь посѣтилъ храмъ Сивиллы, въ которомъ съ большимъ вниманіемъ осматривалъ всѣ собранныя драгоцѣнности. Замѣтивъ книгу съ именами посѣтителей, которыхъ перебывало со времени его послѣдняго посѣщенія въ 1805 году тысяча человѣкъ, онъ сказалъ: «Моя подпись есть въ началѣ книги, пусть же она будетъ и на послѣдней страницѣ». Возвращаясь ко дворцу, государь былъ встрѣченъ поджидавшею его толпою народа, преимущественно евреевъ; ихъ хотѣли удалить, но Александръ не дозволилъ этого, замѣтивъ: «Laissez les faire, c'est notre métier de monarques d'entendre les plaintes». Принявъ затѣмъ прошенія, онъ передалъ ихъ князю Волконскому; впослѣдствіи оказалось, что всѣ просьбы были удовлетворены. Прощаясь въ одиннадцать часовъ вечера съ семействомъ Чарторижскихъ, императоръ просилъ, чтобы никто не безпокоился ночью, когда онъ будетъ уѣзжать[387].

Когда во второмъ часу пополуночи Александръ вышелъ изъ своихъ покоевъ, чтобы сѣсть въ экипажъ, онъ, согласно выраженному имъ желанію, никого не встрѣтилъ. Оказалось, что все пулавское общество поспѣшило впередъ къ перевозу на Вислѣ и тамъ ожидало отъѣзжавшаго высокаго гостя съ музыкою и факелами. Государь былъ пріятно пора-

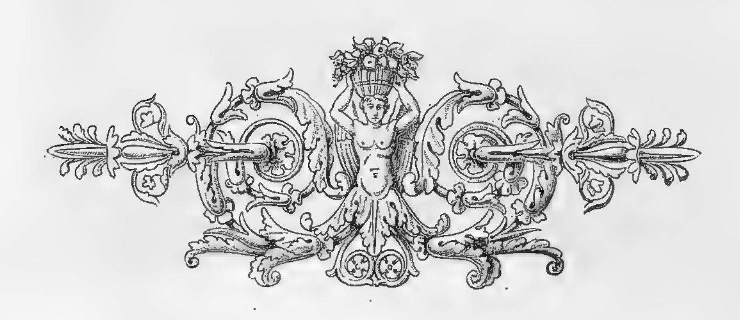
женъ этимъ вниманіемъ и, дружески простившись со всѣми, сказалъ: «До свиданія черезъ два мѣсяца въ Варшавѣ». Эти слова доказывали, что умиротворитель Европы разсчитывалъ скорѣе привести къ концу вѣнскіе переговоры, чѣмъ это оказалось возможнымъ въ дѣйствительности, благодаря дружному отпору и недоброжелательству къ Россіи неблагодарныхъ союзниковъ.

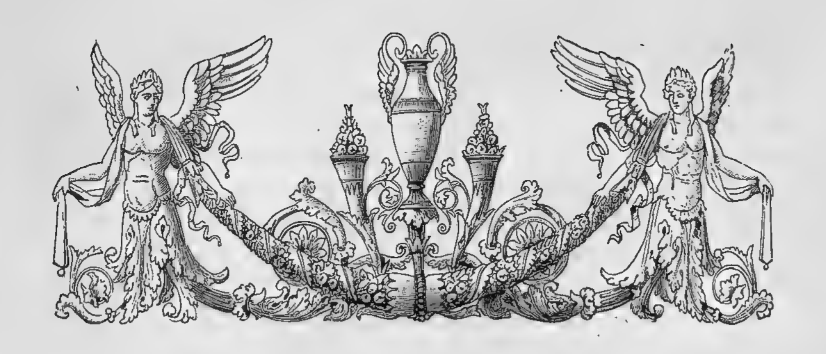

Фельдмаршалъ Блюхеръ.
Съ портрета Грегера 1816 года.

Князь Адамъ Чарторижскій также послѣдовалъ за государемъ въ Вѣну, но только не въ качествѣ официальнаго представителя русской политики; онъ явился среди собравшагося въ австрійской столицѣ европейскаго ареопага лишь въ качествѣ друга императора Александра и защитника польскихъ интересовъ. Чарторижскій теперь, подобно тому, какъ и прежде, явился поборникомъ придуманной имъ системы дуализма, то есть союза Россіи съ Польшею, династическаго и политическаго, основаннаго на обоюдной независимости; онъ не переставалъ утверждать,

что раздѣлъ Польши поколебалъ порядокъ и международное право въ Европѣ, и что политическія потрясенія будутъ неизбѣжно продолжаться, пока сопряженная съ раздѣломъ вопіющая историческая несправедливость не будетъ заглажена установленіемъ новаго политическаго порядка. Оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ своей основной идеѣ, Чарторижскій, подъ вліяніемъ благоразумія, былъ вынужденъ, однако, принять во вниманіе политическую обстановку данной минуты и сузить свою прежнюю программу 1805 года. Спокойно, безъ всякаго увлеченія, отбросивъ пагубный для Польши девизъ — все или ничего, князь Адамъ намѣренъ былъ добиться только возможнаго. Поэтому онъ задался цѣлью отстоять въ Вѣнѣ независимость хотя бы малой части прежней Польши и обезпечить за нею гарантіи, которыя могли бы надолго служить для всѣхъ поляковъ источникомъ законнаго договорнаго права, признаннаго всею Европою.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Послѣ посѣщенія семейства князя Чарторижскаго императоръ Александръ направился въ Вѣну, гдѣ уже начали собираться представители побѣдоносной коалиціи. 13-го (25-го) сентября 1814 года, государь торжественно въѣхалъ въ австрійскую столицу, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, и поселился въ Гофбургѣ. Они уговорились въѣхать въ городъ вмѣстѣ, чтобы показать вѣнскому двору, что между ними существуетъ полное согласіе. Александръ былъ веселъ и доволенъ и въ обращеніи, какъ замѣчаетъ очевидецъ, неподражаемъ. При немъ находились: генералъ-адъютанты князь Волконскій, Уваровъ, Чернышевъ, графъ Ожаровскій, князь Трубецкой, Голенищевъ-Кутузовъ и Жомини, флигель-адъютанты Брозинъ, Панкратьевъ и Киселевъ и статсъ-секретарь Марченко. Уполномоченными Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ были назначены графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, графъ Нессель-

роде и графъ Стакельбергъ; кромѣ того, по дипломатическимъ дѣламъ, государь пользовался еще содѣйствіемъ генералъ-адъютанта Поццо ди Борго, барона Анстета и графа Каподистріи.

15-го (27-го) сентября въ Вѣну прибыла императрица Елисавета Алексѣевна; кромѣ того, тамъ находились также сестры государя, великія княгини Марія и Екатерина Павловны. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ также пріѣхалъ въ Вѣну, но только на короткое время и затѣмъ снова возвратился въ Варшаву.

Въ лѣтописяхъ міра не встрѣчается такого собранія царственныхъ лицъ, какое поселилось у австрійскаго императора въ Гофбургѣ въ 1814 году. Кромѣ императора Александра и короля прусскаго, въ Вѣнѣ находились братъ короля прусскаго, принцъ Вильгельмъ, и принцъ Августъ, затѣмъ король датскій съ зятемъ, принцемъ Гольштейнъ-Бекскимъ, король баварскій, его супруга (сестра императрицы Елисаветы Алексѣевны), наслѣдный принцъ Лудвигъ, король виртембергскій и наслѣдный принцъ Вильгельмъ, бывшій вице-король итальянскій, принцъ Евгеній Богарне и, сверхъ того, различные нѣмецкіе князья цѣлыми сотнями. «Перечислить ихъ трудно, а еще труднѣе изложить всѣ ихъ притязанія», пишетъ очевидецъ. «Зато и положеніе ихъ во время конгресса было незавидное: никто не хотѣлъ ихъ выслушивать, ни отвѣчать на записки, которыя подавались ихъ уполномоченными. Въ этомъ царственномъ сонмѣ государь нашъ отличался не только видомъ и пріятною наружностью, но и своею доступностью, и если бы возможно было позабыть въ немъ его значеніе, то все-таки это былъ бы одинъ изъ любезнѣйшихъ на свѣтѣ людей».

Императоръ Францъ оставался совершенно чуждъ происходившему вокругъ него и среди царившей суеты сохранялъ то добродушное спокойствіе, которое такъ нравилось его невзыскательнымъ подданнымъ. Прусскій король, поднявъ голову, щеголялъ въ изящномъ гусарскомъ мундирѣ. Король виртембергскій удивлялъ всѣхъ чудовищною дородностью: животъ у него свисалъ складками до самыхъ колѣнъ[388]. Король датскій напоминалъ собою альбиноса. Незнакомый съ обычаями и пріемами большого европейскаго общества, онъ былъ всегда неловокъ и иной разъ не на мѣстѣ среди этихъ блестящихъ собраній. Гессенскій курфирстъ, у котораго на лицѣ было что-то въ родѣ рака, имѣвшій къ тому же ужасающую репутацію, вселялъ общее отвращеніе. И эти лица, и цѣлая толпа другихъ владѣтельныхъ особъ, которымъ, конечно, слѣдовало остаться дома, но которые, тѣмъ не менѣе, собрались въ Вѣнѣ, обратились въ царедворцевъ. «Въ самомъ дѣлѣ, они казались таковыми, особенно въ присутствіи русскаго императора, который, никогда не придавая важности этикету, гораздо больше оказывалъ вниманія швейцарскому ландману или хорошенькой вѣнской

женщинѣ, нежели всѣмъ этимъ германскимъ владѣтелямъ. Я не оправдываю императора», замѣчаетъ графиня Эдлингъ въ своихъ запискахъ: «ему, конечно, слѣдовало поступать иначе, потому что народы имѣютъ право требовать уваженія къ тѣмъ, кто управляетъ ими, и это неосторожное поведеніе немало содѣйствовало къ тому, чтобы создать государю враговъ. Изъ гордости они умалчивали о настоящей причинѣ

Лордъ Кестельри.

Съ гравированнаго портрета начала XIX столѣтія.

своей ненависти и ссылались только на страхъ, который должны внушать могущество и честолюбіе Россіи»[389].

Политическіе виды императора Александра, которыми онъ руководствовался передъ открытіемъ переговоровъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, были изложены имъ собственноручно въ краткой запискѣ (Points sommaires de l'instruction). Для Россіи государь требовалъ герцогства Варшавскаго; въ крайнемъ случаѣ онъ соглашался только уступить Пруссіи Познань до линіи, проведенной отъ Торна до Пейзерна и оттуда вдоль Просны до границы Силезіи, и Кульмскій округъ до Древенца, за исключеніемъ района вокругъ Торна[390].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Задача, которую намѣтилъ себѣ императоръ Александръ при открытіи конгресса, была вообще не легкая.

Образованіе и незыблемость союза всей Европы противъ Наполеона въ 1813 и 1814 годахъ были личнымъ дѣломъ Александра; преслѣдуемая имъ цѣль была достигнута благодаря особымъ свойствамъ его ума и характера. Государь и никто другой повелъ всю Европу въ Парижъ и, можно сказать, буквально повлекъ ее за собою. Между тѣмъ затрудненія и препятствія встрѣчались на каждомъ шагу. Для успѣшнаго продолженія борьбы съ Наполеономъ ему нужно было прежде всего привлечь на свою сторону Пруссію, а затѣмъ главнымъ образомъ Австрію; въ то же время приходилось направить дѣло такъ, чтобы эти державы отступили въ угоду Россіи отъ притязаній на области, которыя намѣревался сохранить за собою Александръ; нужно было успокоить ихъ недовѣріе, оставляя за собою свободу дѣйствій. Кромѣ того, нужно было побороть сопротивленіе австрійскаго кабинета, желавшаго удержать Наполеона на престолѣ. Императоръ Александръ достигъ предначертанной цѣли столько же посредствомъ присущаго ему дипломатическаго искусства, сколько благодаря своей счастливо одаренной личности. Чарующая обходительность государя, обаяніе его личности, склонность къ благороднымъ порывамъ, свойственный ему возвышенный образъ мыслей въ соединеніи съ рыцарскимъ обращеніемъ—немало содѣйствовали тому, чтобы склонить вѣсы европейской политики на сторону Россіи и обезпечить за ея державнымъ вождемъ первенствующій голосъ въ столь разнородной по своему составу коалиціи.

Съ удаленіемъ Наполеона союзникамъ предстояло разрѣшеніе не менѣе трудной задачи—раздѣлить между собою завоеванныя земли. Александру же, сверхъ того, приходилось побороть явное недоброжелательство и зависть Европы по отношенію къ возрастающему могуществу Россіи. Государь говорилъ не разъ: «Людская благодарность такъ же рѣдко встрѣчается, какъ бѣлый воронъ». Справедливость этого изреченія пришлось въ полной мѣрѣ испытать главѣ европейскаго ареопага во время дипломатической борьбы, начавшейся въ Вѣнѣ.

Одинъ изъ близкихъ очевидцевъ событій Вѣнскаго конгресса оставилъ въ своемъ дневникѣ слѣдующую характеристику императора Александра за это время. «Образъ мыслей его и жизни измѣнился до такой степени, что самые близкіе люди, издавна его окружавшіе, увѣряли меня, что по возвращеніи его изъ Парижа они съ трудомъ могли его узнать. Отбросивъ прежнюю нерѣшительность и робость, онъ сдѣлался самодѣятеленъ, твердъ и предпріимчивъ и не допускаетъ никого брать надъ собою верха. Въ первые годы его царствованія вообще отдавали справедливость кротости его и мягкосердію, но оспаривали политическія его дарованія, не подозрѣвали въ немъ военныхъ способ-

26

КАПИТУЛЯЦІЯ ПАРИЖА ВЪ 1814 ГОДУ.

Съ гравюры того времени, отпечатанной красками и изданной Артари въ Вѣнѣ.

ностей и не полагали силы въ его характерѣ. Опытъ убѣдилъ его, что употребляли во зло расположеніе его къ добру, язвительная улыбка равнодушія явилась на устахъ его, скрытность заступила мѣсто откровенности, и любовь къ уединенію сдѣлалась господствующею его чертою; онъ обращаетъ теперь врожденную ему проницательность пре-

Баронъ Карлъ Өедоровичъ Толь.
Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

имущественно къ тому, чтобы въ другихъ людяхъ открывать пороки и слабости, предугадывать пагубныя намѣренія ихъ и изыскивать средства отъ нихъ уклоняться. Перестали довѣрять его ласкамъ, если онъ кому-либо ихъ оказываетъ, и простонародное слово «надувать» сдѣлалось при дворѣ общимъ; можетъ быть, оно не для всѣхъ будетъ по-

нятно, но кто знаетъ хорошо нашу эпоху, согласится, что оно и есть лучшая характеристика оной. Онъ употребляетъ теперь своихъ генераловъ и дипломатовъ не какъ совѣтниковъ своихъ, но какъ исполнителей своей воли; они боятся его, какъ слуги своего господина. Не взирая на это, уваженіе близкихъ къ нему особъ отъ ежедневнаго съ нимъ обращенія не только не уменьшается, но увеличивается, и сіе происходитъ отъ того, что государь, какъ человѣкъ, по природнымъ способностямъ своимъ, по образованію, по опытности, по знанію свѣта, дѣлъ и людей, несравненно выше всѣхъ его окружающихъ и имѣетъ отъ того неоспоримую надъ ними поверхность, которою онъ обязанъ не сану своему, но личнымъ своимъ достоинствамъ. Для тѣхъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ находятся при немъ, таковое измѣненіе характера не очень пріятно. Они иногда жалуются, особенно, когда видятъ, что императоръ поступаетъ съ ними не столь учтиво, какъ съ австрійскими офицерами, даже малыхъ самыхъ чиновъ. Если государь не видитъ кого-либо изъ своихъ генераловъ или флигель-адъютантовъ нѣсколько времени, то рѣдко спрашиваетъ о причинѣ, почему такой-то не являлся при дворѣ, боленъ ли онъ и тому подобное, но когда случается, что какой-нибудь изъ знакомыхъ его величеству австрійцевъ занеможетъ, то немедленно посылаетъ узнавать о его здоровьѣ. Съ другой стороны должно сознаться, что и генералы, находящіеся съ императоромъ въ Вѣнѣ, заслуживаютъ холодное обращеніе съ ними государя, — хотя и всѣ люди честные, хорошіе военные, старые служивые, но на конгрессѣ, гдѣ соединены просвѣщеннѣйшія особы Европы, они кажутся совсѣмъ ничтожными. Когда пріѣзжаетъ къ нимъ какой-либо иностранецъ, отличный умомъ своимъ или свѣдѣніями, то они почти всѣ стараются его избѣгать, обнаруживая тѣмъ, сколь они чувствуютъ превосходство его надъ собою; я не встрѣтилъ на конгрессѣ ни одного русскаго, котораго бы способности соотвѣтствовали тѣмъ важнымъ обстоятельствамъ, въ коихъ отечество наше находится. Это обстоятельство обнаруживаетъ, почему императоръ преимущественно употребляетъ иностранцевъ и къ нимъ имѣетъ довѣріе, а съ другой стороны, можетъ быть, политика его заставляетъ окружать себя посредственными людьми, дабы потомство всю славу воздало ему одному. Не взирая на великое число чиновниковъ россійскаго дипломатическаго корпуса, находящихся въ Вѣнѣ, государь самъ занимается безпрестанно дѣлами, относящимися до конгресса. Въ затруднительныхъ случаяхъ, гдѣ уполномоченные его встрѣчаютъ противорѣчіе, онъ лично ведетъ переговоры, не только съ монархами, но даже съ министрами ихъ, которые проводятъ съ нимъ наединѣ по нѣсколько часовъ въ его кабинетѣ въ жаркихъ спорахъ. Мнѣ часто случается приглашать къ его величеству Меттерниха, Гарденберга, Веллингтона, Кестельри, Талей-

рана и другихъ и слышать изъ другой комнаты весьма продолжительные и громкіе ихъ разговоры и споры, изъ коихъ господа сіи выходили съ столь пламенными лицами, что принуждены бывали отирать съ нихъ потъ. Россія должна всегда сохранить въ памяти, что она въ роковую эпоху, ознаменованную столь важными событіями, имѣла такого государя, который, показавъ великія доблести въ ратномъ дѣлѣ, на общемъ европейскомъ ареопагѣ, гдѣ надлежало разсѣчь новый гордіевъ узелъ, удержавъ за собою первенствующее мѣсто, лично велъ переговоры съ иностранными дворами, не страшился возраженій искуснѣйшихъ государственныхъ мужей своего вѣка и торжествовалъ надъ ними не силою, но убѣжденіемъ и превосходствомъ своихъ умственныхъ способностей»...[391].

Насколько борьба съ недоброжелателями Россіи въ Вѣнѣ легла тяжелымъ бременемъ исключительно на императора Александра, можно видѣть изъ слѣдующаго случая: на одномъ изъ засѣданій конгресса Меттернихъ, Талейранъ и Кестельри вступили въ споръ съ графомъ Нессельроде и отклонили сдѣланное русскимъ уполномоченнымъ предложеніе, прося его объяснить причины въ защиту высказаннаго мнѣнія. «Господа», отвѣчалъ Нессельроде, «я нахожу справедливыми ваши возраженія и совершенно согласенъ съ вами, но государю моему угодно противное».

Относительно дипломатическихъ сотрудниковъ императора Александра на Вѣнскомъ конгрессѣ слѣдуетъ еще замѣтить, что изъ шести уполномоченныхъ нашихъ одинъ только графъ А. К. Разумовскій былъ природнымъ русскимъ, да и тотъ отъ Россіи почти отрекся; Нессельроде же былъ сыномъ графа Священной Римской имперіи и родился въ Лиссабонѣ; затѣмъ еще былъ лифляндецъ—графъ Стакельбергъ, одинъ эльзасецъ—Анстетъ, одинъ корсиканецъ—Поццо ди Борго, и одинъ корфіотъ—графъ Каподистріа. Къ этимъ особамъ должно присовокупить еще барона Штейна, который хотя и не находился на службѣ ни у одной державы, но пользовался особеннымъ довѣріемъ императора Александра. Въ сомнительныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ государь обращался къ его совѣтамъ.

Къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ долженъ былъ заняться Вѣнскій конгрессъ, принадлежала будущая судьба Саксоніи и Варшавскаго герцогства. Александръ предоставлялъ Саксонію королю прусскому и намѣревался удержать за собою Варшавское герцогство, возстановивъ наименованіе Польскаго королевства. Подобный планъ встрѣтилъ дружный отпоръ со стороны Меттерниха и французскаго уполномоченнаго Талейрана; къ нимъ присоединился также Кестельри. Лишь только Талейранъ появился въ Вѣнѣ, представитель побѣжденной Франціи съ неподражаемымъ искусствомъ занялъ на кон-

грессѣ вліятельное положеніе. «J'ai su m'asseoir», говорилъ онъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Талейранъ выступилъ защитникомъ строгой законности и уваженія ко всѣмъ правамъ; слово «légitimité» было своевременно пущено въ ходъ искуснымъ дипломатомъ и съ тѣхъ поръ сдѣлалось политическимъ терминомъ, усвоеннымъ представителями державъ въ эпоху реставраціи. «Талейранъ разыгрываетъ здѣсь министра Людо-

Герцогъ Веллингтонъ.

Съ гравюры Баумана, сдѣланной съ портрета Кнайта.

вика XIV», замѣтилъ не безъ основанія Александръ, когда обнаружились козни этого мнимаго защитника интересовъ Франціи, не замедлившаго вступить въ личныя пререканія съ бывшимъ героемъ своего воображенія и сердца.

Описывая свою первую аудіенцію у государя, имѣвшую мѣсто 19-го сентября (1-го октября), Талейранъ въ письмѣ къ Людовику XVIII замѣчаетъ, что Александръ не имѣлъ обычнаго привѣтливаго вида,

что рѣчь его была отрывиста, выраженіе серьезное, что вообще онъ выступилъ съ нѣкоторою торжественностью. «Я видѣлъ ясно, что онъ намѣренъ разыграть роль», присовокупилъ Талейранъ.

«— Прежде всего, каково положеніе вашей страны?—сказалъ Александръ.

Михаилъ Өедоровичъ Орловъ.

Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 г.

«— Такъ хорошо, какъ только ваше величество можете желать, и лучше, чѣмъ того можно было ожидать.

«— Общественное настроеніе?

«— Оно улучшается съ каждымъ днемъ.

«— Либеральныя идеи?

«— Ихъ нигдѣ нѣтъ столько, какъ во Франціи.

«— Но свобода печати?

«— Она возстановлена, за исключеніемъ немногихъ ограниченій, вызванныхъ обстоятельствами: они перестанутъ дѣйствовать по прошествіи двухъ лѣтъ и не помѣшаютъ до того времени появляться въ печати всему тому, что есть хорошаго и полезнаго.

«— А армія?

«— Она вся за короля. 130,000 человѣкъ подъ знаменами, и по первому призыву можно будетъ собрать еще 300,000».

Затѣмъ императоръ сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ, касавшихся маршаловъ, оппозиціи палатъ и личнаго положенія Талейрана.

«— Теперь поговоримъ о нашихъ дѣлахъ; ихъ нужно кончить здѣсь,—продолжалъ Александръ.

«— Это зависитъ отъ вашего величества. Они будутъ кончены скоро и благополучно, если ваше величество окажете при этомъ то же самое благородство и величіе души, какое явили въ дѣлахъ Франціи.

«— Однако необходимо, чтобы каждый нашелъ въ нихъ свои удобства (convenances).

«— И каждый — свое право.

«— Я сохраню за собою то, что занимаю.

«— Ваше величество изволите сохранить за собою лишь то, что будетъ законно принадлежать вамъ (ce qui sera légitimement à Elle).

«— Я дѣйствую въ согласіи съ великими державами.

«— Я не знаю, считаетъ ли ваше величество Францію въ ряду таковыхъ державъ.

«— Да, конечно; но если вы не хотите, чтобы каждый преслѣдовалъ свои удобства, то въ чемъ же заключаются ваши намѣренія?

«— Я прежде всего ставлю право (le droit), а затѣмъ удобства.

«— Удобства Европы суть право.

«— Эта рѣчь, государь, не ваша; она вамъ чужда, и ваше сердце не признаетъ ея.

«— Нѣтъ, повторяю, удобства Европы суть право».

При этихъ словахъ государя Талейранъ уперся головою въ стѣну и, ударяя по ней, воскликнулъ: «Европа, несчастная Европа!» Оборотившись затѣмъ снова къ императору, онъ спросилъ: «Неужели предопредѣлено, что вы ее погубите?» Государь отвѣтилъ: «Лучше война, чѣмъ отказаться отъ того, что занято мною».

Талейранъ опустилъ руки и, принимая видъ человѣка опечаленнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительнаго, какъ бы говорилъ государю своимъ видомъ: вина будетъ не на нашей сторонѣ, и замолчалъ.

Императоръ также замолкъ на нѣсколько мгновеній, а затѣмъ повторилъ: «Да, лучше война». Талейранъ остался въ томъ же положе-

ніи. Тогда Александръ въ волненіи торопливо и громко сказалъ: «Наступилъ часъ спектакля; я долженъ идти, я обѣщалъ императору; меня ждутъ».

Талейранъ пишетъ: «Онъ удалился; затѣмъ, открывъ двери, вернулся ко мнѣ и, сжавъ обѣими руками, измѣнившимся голосомъ сказалъ: «Прощайте, прощайте, мы еще увидимся». Во время всего этого

Маршалъ Мармонъ.

Съ гравированнаго портрета Калена.

разговора Польша и Саксонія ни разу не были названы. Желая указать на Саксонію, императоръ употребилъ въ разговорѣ выраженіе: «Тѣ, которые измѣнили дѣлу Европы (Ceux qui ont trahi la cause de l'Europ)e», на что я былъ вынужденъ возразить: «Государь, это только вопросъ времени и послѣдствіе затрудненій, вызванныхъ ходомъ обстоятельствъ (Sire, c'est là une question de date, et l'effet des embarras dans lesquels on a pu être jeté par les circonstances)». — Этими сло-

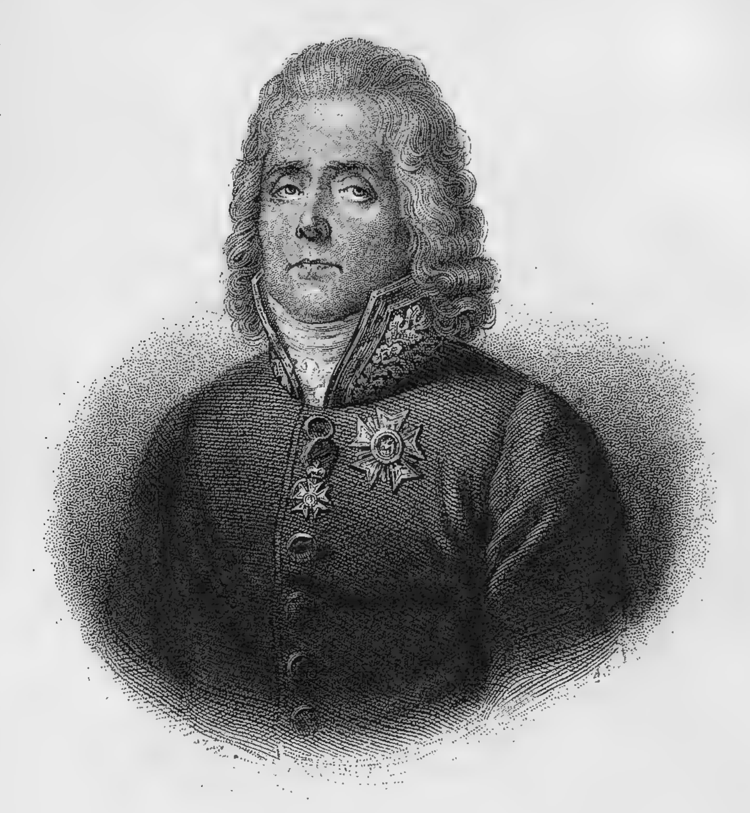
вами Талейранъ намѣревался воскресить въ памяти Александра тильзитское соглашеніе!

Въ заключеніе своего мелодраматическаго разсказа Талейранъ, тѣмъ не менѣе, признавался королю, что положеніе Франціи на конгрессѣ трудное и что съ каждымъ днемъ можетъ ухудшиться. По его словамъ, императоръ Александръ, побуждаемый Лагарпомъ и княземъ Чарторижскимъ, даетъ своему честолюбію полный просторъ. Пруссія разсчитываетъ на большія пріобрѣтенія. Трусливая Австрія одержима постыднымъ честолюбіемъ и готова идти на уступки ради поддержки своихъ видовъ. Англійскій уполномоченный слабъ [392].

Однако, недолго пришлось Талейрану жаловаться на Австрію и Англію относительно ихъ уступчивости передъ Россіею. Онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался извѣстнымъ орудіемъ европейской дипломатіи, столько разъ съ успѣхомъ употреблявшимся ею—устрашеніемъ и возбужденіемъ западныхъ державъ противъ Россіи. Несмотря на то, что 18-го (30-го) сентября Меттернихъ пригласилъ Талейрана лишь для присутствованія на предварительной конференціи соединенныхъ представителей Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, на одинаковыхъ правахъ съ испанскимъ посланникомъ, но вскорѣ уже обстановка, при которой предполагали начать вѣнскія совѣщанія, совершенно измѣнилась. 27-го сентября (9-го октября) Талейранъ донесъ королю, что Меттернихъ, приглашая его на вторую предварительную конференцію, прибавилъ въ запискѣ: «если онъ зайдетъ къ нему немного раньше, то представится возможность поговорить съ нимъ о вещахъ весьма важныхъ».—Явившись на это приглашеніе, Талейранъ во время бесѣды съ Меттернихомъ умышленно упомянулъ съ иронiею о союзникахъ. «Не говорите болѣе о союзникахъ, ихъ нѣтъ болѣе», отвѣтилъ австрійскій министръ.—Обрадовавшись такому неожиданному открытію, Талейранъ сказалъ: «Однако, здѣсь есть люди, которые должны быть таковыми (т. е. союзниками) въ томъ смыслѣ, что даже безъ соглашенія между собою всѣ они должны бы думать одинаково и желать одного и того же. Какъ у васъ хватаетъ храбрости образовать изъ Россіи какой-то поясъ вокругъ вашихъ главныхъ и важнѣйшихъ владѣній, Венгріи и Богеміи? Какимъ образомъ вы можете дозволить, чтобы владѣнія стараго, добраго сосѣда, въ семействѣ котораго замужемъ эрцгерцогиня, были бы уступлены вашему естественному врагу? Странно, что мы намѣрены противиться этому, а вы отъ этого отказываетесь. Я признаю, что саксонскій король при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ быть вынужденъ принести жертвы; я предполагаю, что онъ расположенъ сдѣлать это, потому что онъ благоразуменъ; но если намѣрены лишить его всѣхъ владѣній и передать Саксонское королевство Пруссіи, я никогда не соглашусь на это. Точно также я

никогда не дамъ согласія на передачу Люксембурга и Майнца Пруссіи. Тѣмъ менѣе я допущу, чтобы Россія перешла Вислу, имѣла въ Европѣ 44 милліона подданныхъ и границы на Одерѣ».

Меттернихъ взялъ Талейрана за руку и сказалъ ему: «Мы менѣе расходимся съ вами, чѣмъ вы полагаете; я обѣщаю вамъ, что Пруссія не получитъ ни Люксембурга, ни Майнца; мы также вовсе не желаемъ,

Талейранъ.

Съ гравированнаго портрета Боссельмана.

чтобы Россія увеличивалась сверхъ мѣры; что же касается Саксоніи, то мы употребимъ всѣ усилія, чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, часть ея»[393].

Такимъ образомъ, собственно говоря, брешь была пробита, и секретная статья Парижскаго трактата о раздѣлѣ между союзниками земель, завоеванныхъ у Франціи, безъ вмѣшательства этой державы, перестала существовать. Строгое соблюденіе этой статьи бывшими шомонскими союзниками всего болѣе безпокоило Талейрана передъ отъѣздомъ изъ

Парижа, и онъ замѣтилъ по этому случаю: «Если они потребуютъ, чтобы это условіе было въ точности исполнено, то я буду засѣдать тамъ, какъ это принято некстати называть, ad honores. Я буду открывать ротъ только изрѣдка, для виду; на слова мои не обратятъ вниманія» [394].—Всѣ эти опасенія оказались напрасными, единственно благодаря враждебнымъ чувствамъ западныхъ державъ по отношенію къ ихъ освободительницѣ Россіи.

Послѣ разговора съ Меттернихомъ, открывшаго Талейрану настоящія чувства и намѣренія вѣнскаго кабинета, онъ началъ уже дѣятельно работать въ пользу образованія тройственнаго союза между Франціею, Австріею и Англіею съ цѣлью противиться притязаніямъ Россіи и Пруссіи силою оружія.

11-го (23-го) октября, по просьбѣ Талейрана, состоялась вторичная аудіенція его у императора Александра. Это свиданіе продолжалось полтора часа, и бесѣда не сопровождалась никакими театральными выходками со стороны Талейрана. Существенныя части этого дѣлового разговора заключались въ слѣдующемъ:

«— Въ Парижѣ вы высказались въ пользу Польскаго королевства; какимъ образомъ совершилась такая перемѣна въ вашихъ взглядахъ?—спросилъ императоръ.

«— Мое мнѣніе, государь, остается безъ измѣненія: въ Парижѣ рѣчь шла о возстановленіи всей Польши. Я былъ тогда, какъ и теперь, сторонникомъ ея независимости. Но въ настоящее время рѣчь идетъ о совершенно другомъ: вопросъ поставленъ теперь въ зависимость отъ границъ, которыя обезпечили бы Австрію и Пруссію.

«— Онѣ не должны безпокоиться: впрочемъ, у меня двѣсти тысячъ человѣкъ въ герцогствѣ Варшавскомъ; пусть же меня выгонятъ. Я отдалъ Саксонію Пруссіи, Австрія на это согласна.

«— Я не знаю, согласна ли на это Австрія. Позволяю себѣ въ этомъ сомнѣваться, до такой степени оно противорѣчитъ ея интересамъ. Но можетъ ли согласіе Австріи сдѣлать Пруссію собственницею того, что принадлежитъ королю саксонскому?

«— Если саксонскій король не отречется, его повезутъ въ Россію, тамъ онъ и умретъ. Уже одинъ король умеръ тамъ.

«— Ваше величество позволите не вѣрить этому; не для того собрался конгрессъ, чтобы видѣть подобное покушеніе.

«— Какъ такъ! Покушеніе? Вотъ еще что! Развѣ не отправился въ Россію Станиславъ? Почему бы и королю саксонскому не отправиться туда? Положеніе ихъ одно и то же. Для меня тутъ не существуетъ никакой разницы. — Я полагалъ, что Франція кой-чѣмъ мнѣ обязана. Вы всегда говорите мнѣ о принципахъ: ваше общественное право для меня ровно ничего не значитъ; я не знаю, что это такое. Какое упо-

требленіе, думаете вы, я могу сдѣлать изъ всѣхъ вашихъ пергаментовъ и трактатовъ?[395]. Для меня одно превыше всего — это данное мною слово. Я его далъ и сдержу; я обѣщалъ Саксонію прусскому королю въ то время, когда мы сошлись вмѣстѣ.

«— Ваше величество обѣщали прусскому королю отъ девяти до десяти милліоновъ душъ; вы можете дать ему ихъ и безъ уничтоженія Саксоніи.

«— Саксонскій король измѣнникъ.

«— Государь, наименованіе измѣнника никогда не можетъ быть присвоено какому-либо королю; необходимо даже, чтобы оно никогда не было даваемо ему».

Послѣ минутнаго молчанія императоръ Александръ заключилъ бесѣду словами: «Король прусскій будетъ королемъ прусскимъ и саксонскимъ, такъ же, какъ я буду императоромъ россійскимъ и королемъ польскимъ. Предупредительность, которую Франція окажетъ мнѣ относительно этихъ двухъ пунктовъ, послужитъ мнѣ мѣриломъ той предупредительности, которую я окажу ей, съ своей стороны, во всемъ, что можетъ ее интересовать»[396].

Въ этихъ словахъ императора Александра слышится какъ бы отголосокъ наполеоновскаго прошлаго; такъ выражался Наполеонъ, когда онъ, какъ побѣдитель, предписывалъ свою волю трепетавшей передъ нимъ Европѣ. Но императоръ Александръ сознательно довелъ до гибели этого лучшаго союзника Россіи и замѣнилъ его несравненно менѣе надежными союзниками, готовыми измѣнить своему благодѣтелю на каждомъ шагу. Не подлежитъ сомнѣнію, что все, потребованное Александромъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, могло бы быть осуществлено гораздо ранѣе, цѣною меньшихъ пожертвованій и безъ всякихъ уступокъ завистливымъ сосѣдямъ, но при условіи сохраненія власти за Наполеономъ. Теперь же, за исчезновеніемъ великаго человѣка, передъ освободителемъ Европы созидались препятствія на каждомъ шагу, и облагодѣтельствованные друзья великодушно предоставляли ему выборъ между новой войною и уступками; мирныя соображенія должны были, конечно, восторжествовать въ концѣ концовъ, и Александру, послѣ мучительной борьбы, предстоялъ одинъ исходъ: вступить на путь соглашеній.

Тѣсно связанные между собою вопросы польскій и саксонскій должны были вызвать также столкновеніе между императоромъ Александромъ и Меттернихомъ; но оно получило болѣе рѣзкій оттѣнокъ, чѣмъ обмѣнъ мыслей съ Талейраномъ.

Антагонизмъ между Александромъ и Меттернихомъ начался еще до вѣнскихъ переговоровъ, когда австрійскій дипломатъ воспротивился намѣренію государя назначить въ осеннюю кампанію 1813 года главнокомандующимъ союзныхъ войскъ генерала Моро и провелъ на эту долж-

Домъ Талейрана въ Парижѣ, гдѣ жилъ императоръ Александръ I.

Съ литографіи того времени.

ность князя Шварценберга. Вызванная этимъ непріязнь получила новую пищу, когда австрійцы, вопреки обѣщанію императора Александра сохранить нейтралитетъ Швейцаріи, вторглись во Францію черезъ территорію покровительствуемой государемъ республики. Затѣмъ, во время всего похода 1814 года и послѣ занятія Парижа, немало было поводовъ къ разногласію между императоромъ и главою австрійскаго кабинета. Наконецъ, въ Вѣнѣ Александръ окончательно убѣдился въ настойчивомъ

преслѣдованіи Меттернихомъ одной цѣли: вездѣ становиться поперекъ намѣреній и проектовъ русскаго императора. Меттернихъ замѣчаетъ по этому поводу въ своихъ запискахъ, что ему было самой судьбою предназначено бороться съ такими монархами, какъ Наполеонъ и Александръ, и, прибавляетъ онъ, побѣдить ихъ. Меттернихъ пишетъ, что оппозиція его выводила изъ себя Александра, который осыпалъ его въ вѣнскихъ гостиныхъ сарказмами и неблагопріятными отзывами (mauvais propos). Увѣренный въ поддержкѣ императора Франца, Меттернихъ свидѣтельствуетъ, что ко всему этому онъ относился весьма равнодушно. Взаимное нерасположеніе привело къ сценѣ весьма страннаго характера, и вскорѣ слухъ о ней распространился по всему городу. Талейранъ писалъ о ней королю, 19-го (31-го) октября, слѣдующее: «Императоръ Александръ имѣлъ съ г. Меттернихомъ разговоръ, въ коемъ, какъ утверждаютъ, онъ обращался съ этимъ министромъ съ такимъ высокомѣріемъ и рѣзкостью выраженій, какія могли бы показаться чрезвычайными даже въ отношеніи одного изъ его слугъ. Меттернихъ сказалъ ему относительно Польши, что если рѣчь идетъ о созданіи таковой, то они (австрійцы) сами могли бы сдѣлать это; императоръ не только назвалъ это замѣчаніе неумѣстнымъ и неприличнымъ, но даже увлекся до того, что сказалъ, что онъ, Меттернихъ, единственный человѣкъ въ Австріи, который позволилъ бы себѣ столь мятежный тонъ (un ton de révolte). Говорятъ еще, что дѣло зашло такъ далеко, что Меттернихъ заявилъ ему, что будетъ просить своего государя назначить на конгрессъ вмѣсто себя другого министра. Меттернихъ вышелъ послѣ этой бесѣды въ такомъ состояніи, въ какомъ близкіе къ нему люди никогда не видѣли его»[397].

Но этимъ разговоромъ размолвка между императоромъ Александромъ и Меттернихомъ не окончилась. Въ разговорѣ съ прусскимъ уполномоченнымъ Гарденбергомъ Меттернихъ далъ понять ему, что императоръ Александръ, повидимому, болѣе заботится о Польшѣ, чѣмъ о Саксоніи. Встревоженный этимъ сообщеніемъ, Гарденбергъ поспѣшилъ передать услышанное Александру.—Государь отправился тотчасъ же къ императору Францу и объявилъ, что, считая себя лично оскорбленнымъ Меттернихомъ, онъ рѣшился вызвать его на поединокъ. Австрійскій императоръ замѣтилъ, что если государь желаетъ настоять на своемъ намѣреніи, то Меттернихъ, конечно, не откажетъ дать ему должное удовлетвореніе и приметъ его вызовъ, хотя не мѣшало бы имъ предварительно объясниться. Это объясненіе состоялось при посредствѣ генералъ-адъютанта Ожаровскаго. Меттернихъ оправдывался глухотою Гарденберга и тѣмъ, что тотъ его не совсѣмъ понялъ. Этимъ объясненіемъ закончилось дѣло о предполагаемомъ поединкѣ. Однакоже, императоръ не могъ забыть этой выходки австрійскаго дипломата и пе-

ресталъ являться на вечерахъ и балахъ Меттерниха. При ежедневныхъ почти встрѣчахъ въ вѣнскомъ обществѣ они дѣлали видъ, что не замѣчаютъ другъ друга. Подобное натянутое положеніе дѣлъ продолжалось до возвращенія Наполеона съ острова Эльбы во Францію.

Во время этой ожесточенной дипломатической борьбы изъ-за Польши и Саксоніи увеселенія, которыя устраивали для вѣнценосцевъ, собравшихся въ Вѣнѣ, не прекращались и поражали своею пышностью и разнообразіемъ. Балы, маскарады, представленія живыхъ картинъ, торжественные обѣды, фейерверки и карусели смѣнялись прогулками въ саняхъ, охотами, парадами. Принцъ де-Линь со свойственнымъ ему остроуміемъ имѣлъ полное основаніе сказать: «Le congrès danse, mais ne marche pas».

Среди этого водоворота самыхъ разнообразныхъ удовольствій императору Александру суждено было испытать и семейную радость.

29-го сентября (11-го октября) Данилевскій записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующую замѣтку: «Сегодня поутру я пошелъ по обыкновенію въ комнаты государя; князь Волконскій, выходя отъ его величества, сказалъ мнѣ съ какимъ-то особенно веселымъ видомъ, чтобы я сообщилъ графу Головкину для извѣщенія наслѣднаго, принца виртембергскаго, что императоръ назначаетъ въ половинѣ двѣнадцатаго часа свиданіе, которое его высочество желалъ имѣть. Едва окончилась аудіенція, какъ велѣно нарядить фельдъегеря для отправленія въ Петербургъ. Изъ всего замѣченнаго сегодня и судя по какому-то торжественному виду, съ которымъ наслѣдный принцъ вышелъ отъ императора, я заключилъ, что дѣло идетъ о свадьбѣ его съ великою княгинею Екатериною Павловною. Не знаю, сбудется ли моя догадка, но трудно найти достойнѣйшую чету. Итакъ, конгрессъ, какъ комедія, окончится женитьбою, и я полагаю, что фельдъегеря отправляютъ для того въ Петербургъ, чтобы извѣстить объ оной вдовствующую государыню, безъ согласія которой ничего не дѣлается въ императорской фамиліи».

Позднѣе, 1-го (13-го) октября, Данилевскій дополнилъ свой разсказъ о наслѣдномъ принцѣ виртембергскомъ еще слѣдующими строками, могущими служить характеристикою императора Александра: «Недавно за обѣдомъ у государя говорили о Фридрихѣ Второмъ. Императоръ восхвалялъ его военныя дарованія и ставилъ выше Наполеона, потому что онъ и въ самыхъ несчастіяхъ, послѣ проигранныхъ сраженій, умѣлъ находиться. Наслѣдный принцъ виртембергскій, соглашаясь съ нимъ, присовокупилъ, что онъ ему только одного не прощаетъ, что онъ изъ всѣхъ королей сдѣлалъ капраловъ (d'avoir rendu tous les rois caporaux). Выраженіе сіе весьма не понравилось государю, и его величество перемѣнилъ разговоръ, а какъ придворные изъ всего охотно выводятъ заключенія, то и при семъ случаѣ нѣкоторые увѣряли, что замѣчаніе сіе, сдѣланное виртембергскимъ принцемъ, можетъ разстроить женитьбу

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Съ гравированнаго портрета Ухтомскаго.

его съ Екатериною Павловною»[398]. — Опасенія царедворцевъ не оправдались, но, тѣмъ не менѣе, Александръ питалъ съ тѣхъ поръ нерасположеніе къ наслѣдному принцу[399].

Эрцгерцогъ Карлъ предложилъ императору Александру обозрѣть поля сраженій при Асппернѣ и Ваграмѣ; поѣздка эта состоялась въ концѣ сентября мѣсяца. Государю сопутствовали король прусскій, эрцгерцогъ Фердинандъ и наслѣдный принцъ баварскій. Эрцгерцогъ Карлъ объяснялъ движенія австрійскихъ войскъ, генералъ-адъютантъ Чернышевъ и графъ Виттъ, которые въ 1809 году находились во французской арміи, разсказывали о дѣйствіяхъ Наполеона. Рѣчь коснулась также распоряженій Наполеона послѣ Асппернскаго боя, когда онъ поручилъ Массенѣ спасеніе своей арміи и отправился затѣмъ почевать на островъ Лобау; государь замѣтилъ при этомъ: «Какой человѣкъ! Онъ даетъ подобныя приказанія генералу своему, а самъ ѣдетъ отдыхать и проводитъ всю ночь въ крѣпкомъ снѣ!» — Когда высокіе посѣтители стояли у берега Дуная, гдѣ Наполеонъ сѣлъ въ лодку, чтобы переправиться на островъ Лобау, то водворилось внезапно между всѣми молчаніе; въ эту минуту невольно каждый предавался размышленіямъ, что на семъ мѣстѣ могла рѣшиться участь вселенной; наслѣдный принцъ баварскій, показывая на рукавъ Дуная, говорилъ въ это время одинъ съ своимъ адъютантомъ довольно громко. «Государь, повидимому, его не жаловалъ и, оборотясь къ намъ, русскимъ, пишетъ Данилевскій, сказалъ вполголоса по-русски: «Онъ, конечно, дѣлаетъ свои диспозиціи, и если бы онъ здѣсь командовалъ, то, безъ сомнѣнія, Наполеонъ былъ бы разбитъ». Передъ обѣдомъ, приготовленнымъ въ Эннерсдорфѣ, мы, русскіе разговаривали между собою, стоя въ сторонѣ. Императоръ подошелъ къ намъ и сказалъ: «Обращайтесь какъ можно вѣжливѣе съ иностранцами; надобно имъ показать, что мы не медвѣди». Выпивъ за здоровье эрцгерцога Карла, мы поѣхали по Ваграмскому полю сраженія. — Въ теченіе сего дня эрцгерцогъ Карлъ плѣнилъ насъ необыкновенною своею скромностью: онъ не сказалъ ни слова лично о себѣ и говорилъ о прошедшихъ событіяхъ безъ всякаго лицепріятія, какъ мужъ, цѣнящій высокое достоинство своего соперника»[400].

6-го (18-го) октября праздновали въ Вѣнѣ первую годовщину Лейпцигской битвы; по этому случаю устроили въ Пратерѣ обѣдъ для 30,000 войскъ. Этому торжеству предшествовалъ парадъ. Государь, при приближеніи гренадерскаго своего имени полка, сталъ впереди перваго взвода, обнажилъ шпагу и отдалъ честь императору Францу, что принято было вѣнскими жителями съ большимъ удовольствіемъ, ибо никто этого не ожидалъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ продолженіе парада командовалъ своимъ кирасирскимъ полкомъ на нѣмецкомъ языкѣ и также салютовалъ австрійскому императору.

ВЪѢЗДЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ВЪ ПАРИЖЪ.

Съ акватинты того времени, отпечатанной красками и изданной Бовіе въ Парижѣ.

Молебствіе въ Парижѣ въ 1814 году.

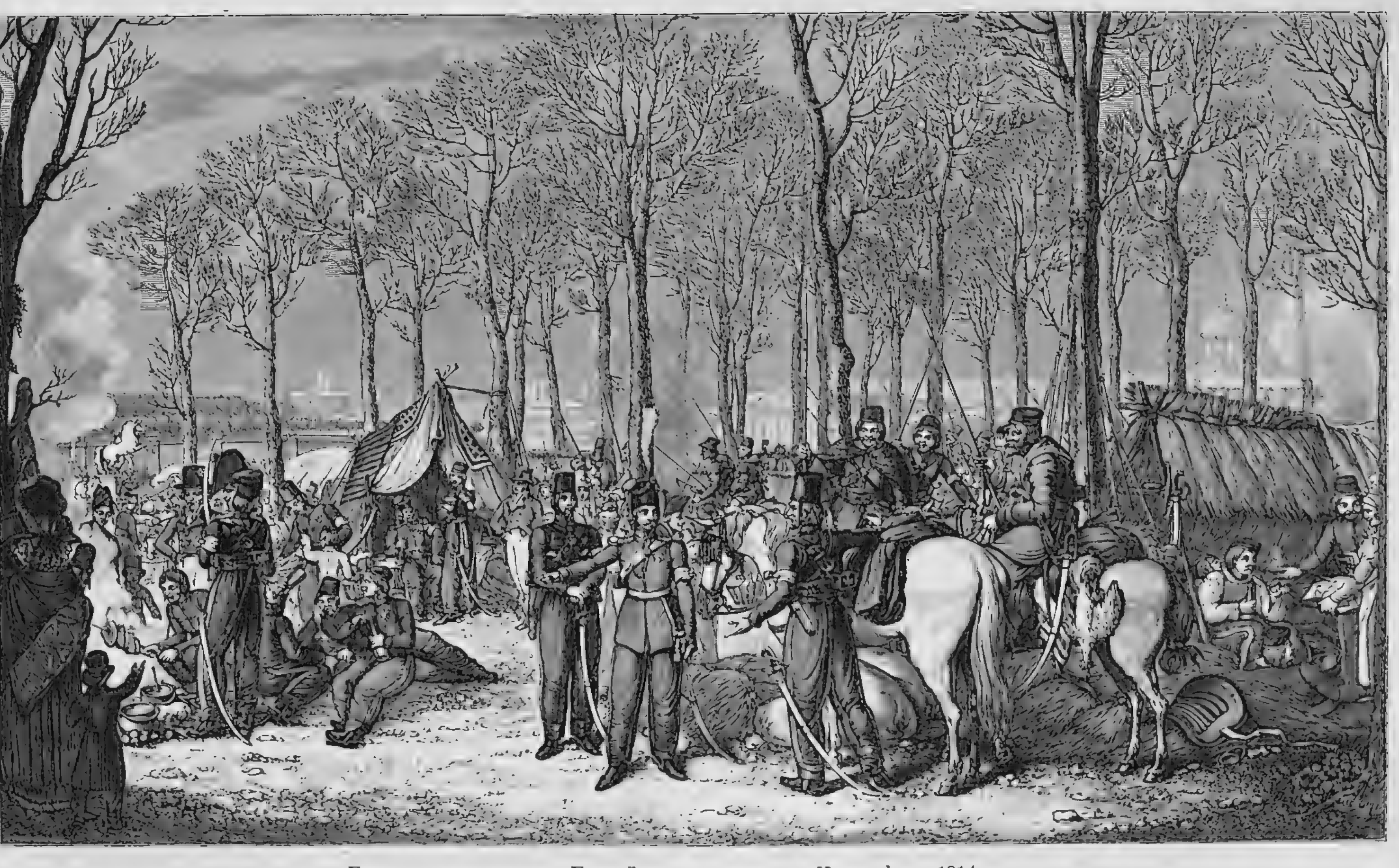
Съ гравюры Ческаго.

Присутствовавшія на празднествѣ царственныя особы привѣтствовали князя Шварценберга, какъ героя торжества и виновника Лейпцигской побѣды. Примѣру государей послѣдовали остальные, и Шварценбергъ не зналъ, куда дѣваться отъ расточаемыхъ ему со всѣхъ сторонъ поздравленій и привѣтствій. Произошла полная мистификація. Люди благоразумные находили ее совершенно неумѣстною въ такомъ торжественномъ случаѣ, но только пожимали плечами. Отъ павильона, назначеннаго для государей, какъ отъ центра, протянуты были столы. Войска угощались вперемежку съ городскими жителями и иностранцами, наполнявшими рощу. Всѣми овладѣло радостное чувство, и зрѣлище, которое представляли эти длинные столы, за которыми сидѣли пирующіе съ веселыми лицами, было очаровательно. Подъ конецъ пира государи показались на галереѣ, окружавшей павильонъ. Александръ, сіяя удовольствіемъ и благостью, взялъ бокалъ, подошелъ ближе къ рѣшеткѣ и выпилъ за здоровье народа и собранныхъ войскъ. Этотъ внезапный порывъ любящаго сердца въ человѣкѣ восхитительной наружности, преисполненномъ изящества въ каждомъ своемъ движеніи, возбудилъ всеобщій восторгъ. Толпа огласила воздухъ кликами любви и счастья, а русскіе плакали отъ горделивой радости[401].

На слѣдующій день государь пригласилъ болѣе трехсотъ особъ къ обѣденному столу въ великолѣпномъ домѣ графа А. К. Разумовскаго. Кромѣ двухъ императоровъ съ ихъ супругами, четырехъ королей и тридцати особъ, принадлежавшихъ къ владѣтельнымъ домамъ, тутъ находились только военные различныхъ державъ, участвовавшихъ въ великой битвѣ народовъ. За обѣдомъ государь обращалъ рѣчь преимущественно къ эрцгерцогу Карлу и къ фельдмаршалу князю Шварценбергу, котораго онъ обнялъ два раза.

12-го (24-го) октября императоръ Александръ предпринялъ путешествіе въ Венгрію; императоръ Францъ, эрцгерцогъ палатинъ, король прусскій и братъ его принцъ Вильгельмъ, также отправились туда. Государя сопровождали генералъ-адъютанты князь Волконскій и Уваровъ и полковникъ Михайловскій-Данилевскій. По прибытіи въ Офенъ, Александръ принималъ во дворцѣ духовенство, военныхъ, дворянъ, чиновниковъ и дамъ. Всѣ представлявшіеся были въ національномъ платьѣ. Императоръ явился тутъ въ первый разъ въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, что чрезвычайно понравилось венгерцамъ, какъ знакъ уваженія къ ихъ народному одѣянію. На придворномъ балу государь много танцовалъ и привелъ въ восхищеніе венгерскихъ дамъ.

Описывая пребываніе государя въ Венгріи, Данилевскій отмѣтилъ также въ своемъ дневникѣ сочувствіе, съ которымъ населеніе встрѣчало его, какъ русскаго, во время его прогулокъ по Офену и Пешту; въ особенности подходили къ нему сербы и славяне. Нѣкоторые изъ по-

Бивуакъ казаковъ въ Елисейскихъ поляхъ въ Парижѣ въ 1814 году.

Съ гравюры Опица.

слѣднихъ говорили: «Мы пріѣхали въ Офенъ издалека, чтобы увидѣть монарха славянскаго поколѣнія. Все, что мы о немъ слышали, увѣряетъ насъ, что онъ печать царей».

«Выраженіе поэтическое», пишетъ Данилевскій, «показывающее чувства соплеменниковъ нашихъ и единовѣрцевъ, которые часто обращаются мысленно къ Россіи съ такими желаніями, какія исполняли израильтянъ во время плѣненія вавилонскаго. Они разсказывали мнѣ о своемъ восхищеніи, когда узнали объ истребленіи непріятелей въ 1812 году. «Мы радовались, что Бонапартъ нашелъ преграду завоеваніямъ посреди славянскаго народа, сказалъ мнѣ Палковичъ, профессоръ славянской словесности въ Пресбургскомъ университетѣ, мы льстили себя сладостною надеждою, что государь объявитъ войну Австріи и освободитъ народы, ему соплеменные». Подданные австрійскаго двора славянскаго поколѣнія находятся въ утѣсненіи, и ничто не доказываетъ болѣе чувствованій ихъ къ намъ, какъ радость ихъ при видѣ русскихъ и откровенность, съ которою они говорятъ о несчастномъ положеніи своемъ, потому что они подвергаются великой опасности, ежели бы правительство о семъ узнало. Они смотрятъ на насъ, какъ на братьевъ, и искреннія желанія ихъ состоятъ въ томъ, чтобы находиться подъ Россійскою державою, которую они почитаютъ единственною защитою на землѣ, какъ по единовѣрію съ нами, такъ и по тому обстоятельству, что покровительство славянскихъ племенъ входило въ составъ политики нашего кабинета въ прошедшемъ столѣтіи. Хотя кажется, что дворъ нашъ перемѣнилъ въ семъ отношеніи свои мысли, но, по привычкѣ благодѣтельствовать славянамъ, государь не перестаетъ оказывать къ нимъ вниманіе. Неоднократно греческія духовныя лица изъ Иллиріи и Далмаціи имѣли у его величества въ Вѣнѣ аудіенціи, и когда замѣчено было, что сіе не нравилось австрійскому двору, то послѣ сего государь принималъ ихъ два раза втайнѣ. Такимъ образомъ, однажды въ темный вечеръ мнѣ приказано было одного греческаго исповѣданія архимандрита спрятать на дворѣ за стѣною дворца и потомъ провести его скрытно къ государю. Архимандритъ, который видимо испросилъ эту аудіенцію вопреки приказаній вѣнскаго двора, дрожалъ, чтобы его не узнали австрійскіе чиновники, находившіеся при нашемъ императорѣ».

Въ Венгріи славянамъ менѣе посчастливилось. Къ Данилевскому явились два серба съ просьбами на высочайшее имя. Одинъ изъ нихъ, Поповичъ, образовалъ въ послѣднюю русско-турецкую войну всю сербскую артиллерію и ею въ продолженіе похода начальствовалъ, а другой, Петровичъ, дядя Георгія Чернаго, командовалъ нѣкоторое время сербскими войсками; каждый изъ нихъ имѣлъ по шести ранъ. Они явились просить у императора пропитанія. Миръ, заключенный съ Пор-

Русскія войска въ Парижѣ въ 1814 году.

Съ картины проф. Виллевальде.

тою въ 1812 году, въ силу котораго Сербія была отдана подъ покровительство турокъ, лишилъ людей этихъ имущества; они были вынуждены спастись бѣгствомъ, чтобы не быть казненными мусульманами, принявшимися за совершеніе обычныхъ неистовствъ въ Бѣлградѣ и въ его окрестностяхъ. Къ удивленію Данилевскаго, этимъ сербамъ государь не оказалъ никакого вспоможенія.

16-го (28-го) октября императоръ Александръ покинулъ Офенъ и возвратился въ Вѣну черезъ Пресбургъ. Утромъ государь слушалъ обѣдню въ мѣстечкѣ Иремѣ, въ семи верстахъ отъ Офена, въ церкви, построенной на мѣстѣ погребенія великой княгини Александры Павловны. По поводу пребыванія въ Венгріи Данилевскій вообще замѣчаетъ: «истинно дружеское обращеніе съ нами венгерцевъ и ихъ непритворное расположеніе къ русскимъ болѣе и болѣе меня къ нимъ привязывали».

По возвращеніи императора Александра изъ Венгріи ему предстояло продолжать переговоры съ лукавыми союзниками. Возникшія между ними несогласія перестали быть тайною[402]. Данилевскій, въ дневникѣ отъ 16-го (28-го) ноября, пишетъ: «Слухи о несогласіи державъ, участвующихъ въ конгрессѣ, усиливаются ежедневно, и начинаютъ говорить о войнѣ, которая должна возгорѣться скоро между ними. Тайны дипломатовъ непроницаемы, но извѣстно, что многія державы вооружаются противъ Россіи, въ особенности, англичане. Они, стараясь присвоить себѣ всѣми способами деспотическую власть въ Европѣ и въ прочихъ частяхъ свѣта, утверждаютъ, что не слѣдуетъ уступить намъ Польши, потому что Россія, требуя этотъ край, обнаруживаетъ намѣреніе занять въ политической системѣ Европы мѣсто Наполеона. Кажется, что Россія лишилась въ переговорахъ той поверхности, которую она пріобрѣла великими пожертвованіями въ послѣдніе три похода и которая всѣми державами единодушно ей была уступлена въ Парижѣ. Дипломаты наши не поддержали того, что искуплено кровію военныхъ. Я полагаю одну изъ причинъ, по которой мы не сохранили на Вѣнскомъ конгрессѣ первенства, въ томъ, что мы отложили тогда на нѣсколько мѣсяцевъ заключеніе всеобщаго мира и утвержденіе статей, составляющихъ теперь предметъ переговоровъ, и не занялись этимъ въ бытность нашу въ столицѣ Франціи. Восхитительно было видѣть знамя русское, развѣвающееся на высотахъ Монмартра, но побѣда тогда только совершенна, когда увѣнчана блистательнымъ миромъ. Въ Парижѣ никто не смѣлъ возставать противъ первенства русскихъ, но оттуда императоръ поѣхалъ съ министрами въ Лондонъ какъ будто принимать поздравленіе въ счастливомъ окончаніи войны отъ надменныхъ англичанъ, которые вмѣнили посѣщеніе союзныхъ государей въ должную имъ дань признательности за денежныя ихъ вспоможенія. Изъ Лондона его величество отправился черезъ Голландію и нѣмецкія земли въ Петербургъ, а затѣмъ уже, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, поѣхалъ въ Вѣну. Итакъ, со дня отбытія изъ Парижа до дня пріѣзда въ Вѣну прошло два съ половиною мѣсяца, въ теченіе которыхъ съ нашей стороны ничего не было сдѣлано для удержанія поверхности, пріобрѣтенной нами надъ всѣми кабинетами. Между тѣмъ

англичане, австрійцы, пруссаки и французы употребляли всѣ усилія, чтобы въ мнѣніи народовъ и дворовъ уменьшить вліяніе Россіи и представить пожертвованія наши и подвиги нашихъ войскъ, по возможности, ничтожными, доказывая, что вліяніе Россіи на политическія дѣла Европы должно быть пагубнымъ для просвѣщенія и для самой независимости державъ. Два съ половиною мѣсяца были достаточны для сихъ кабинетовъ, чтобы успѣть въ своихъ непріязненныхъ въ отношеніи къ намъ поступкахъ, и потому едва мы представили на конгрессѣ требованія насчетъ Польши, какъ всѣ возстали противъ насъ и грозили войною, утверждая, что Россія желаетъ присвоить себѣ диктаторскую власть. Въ такомъ положеніи нашелъ я дѣла по пріѣздѣ моемъ въ Вѣну, гдѣ насъ приняли съ одинаковыми почестями съ королемъ виртембергскимъ и встрѣтили не какъ избавителей, но какъ людей, пагубному вліянію которыхъ должно противодѣйствовать. Менѣе нежели въ три мѣсяца мы завоевали Францію и Парижъ, но въ такое же время не можемъ кончить дѣлъ конгресса».

Вотъ къ какимъ печальнымъ, но справедливымъ размышленіямъ событія въ Вѣнѣ привели русскаго человѣка, имѣвшаго случай непосредственно наблюдать за ходомъ переговоровъ и за двусмысленными дѣйствіями офиціальныхъ союзниковъ россійскаго императора[403].

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ государь счелъ необходимымъ вновь обмѣняться съ Талейраномъ мыслями о положеніи дѣлъ конгресса. На вопросъ Александра, въ какомъ положеніи находятся дѣла, и каково отношеніе къ нимъ его, Талейрана, послѣдній отвѣтилъ, что оно осталось безъ измѣненія, и присовокупилъ при этомъ: «Если ваше величество намѣрены возстановить независимость Польши въ полномъ ея объемѣ, мы готовы поддержать васъ».

«— Я желалъ въ Парижѣ возстановленія Польши, и вы одобряли это», возразилъ Александръ: «я и теперь желаю этого, какъ человѣкъ, всегда вѣрный либеральнымъ идеямъ, которыхъ я никогда не покину. Но въ занимаемомъ мною положеніи желанія человѣка не могутъ служить руководствомъ для государя. Быть можетъ, настанетъ день, когда окажется возможнымъ возстановить Польшу, но въ настоящее время объ этомъ нельзя думать».

«— Если рѣчь идетъ лишь о раздѣлѣ герцогства Варшавскаго, то это дѣло относится гораздо болѣе къ Австріи и Пруссіи, чѣмъ къ намъ. Разъ эти двѣ державы признаютъ себя удовлетворенными въ этомъ отношеніи, мы также будемъ удовлетворены. Пока же это не будетъ имѣть мѣста, намъ предписано поддерживать ихъ, и долгъ нашъ велитъ намъ исполнить это, такъ какъ Австрія допустила проявленіе настоящихъ затрудненій, которыя ей было такъ легко предупредить».

«— Это какъ?»

«— Потребовавъ при заключеніи съ вами союза занять своими войсками часть герцогства Варшавскаго, которая принадлежала ей; вы бы, вѣроятно, не отказали ей въ этомъ, и если бы она заняла тогда этотъ край, вы бы не думали отнять его у нея».

«— Австрія и мы согласны между собою».

Король французскій Людовикъ XVIII.

Съ гравюры Гутьера, сдѣланной съ портрета Сандоца.

«— Въ обществѣ думаютъ объ этомъ противное».

«— Мы согласны между собою въ существенныхъ пунктахъ; споръ происходитъ лишь изъ-за нѣсколькихъ деревень».

«— Этотъ вопросъ имѣетъ вообще для Франціи второстепенное значеніе, но она выступаетъ впередъ въ саксонскомъ вопросѣ».

«—Дѣйствительно, саксонскій вопросъ имѣетъ для Бурбонскаго дома семейное значеніе».

«—Нисколько, государь; въ саксонскомъ вопросѣ рѣчь вовсе не идетъ объ отдѣльной личности или объ особомъ семействѣ; это дѣло касается интересовъ всѣхъ королей; оно касается ближе всего вашего величества, ибо ваша собственная выгода прежде всего требуетъ сохранить за собою пріобрѣтенную личную славу, блескъ которой падаетъ на вашу имперію. Ваше величество должны заботиться о этой славѣ не только для себя, но и для вашей страны, для которой она составляетъ наслѣдство; вы довершите ее, оказывая покровительство и требуя уваженія къ принципамъ, которые служатъ основаніемъ общественному порядку и всеобщей безопасности. Я говорю съ вами, государь, не какъ французскій министръ, а какъ человѣкъ, который къ вамъ искренно привязанъ».

«—Вы говорите о принципахъ; но вѣдь это тоже принципъ—держать данное слово, а я далъ слово».

«—Бываютъ различныя обязательства, и то обязательство, которое принято вашимъ величествомъ при переходѣ черезъ Нѣманъ по отношенію къ Европѣ должно имѣть преимущество передъ всѣми другими. Позвольте, государь, еще присовокупить, что на вмѣшательство Россіи въ дѣла Европы смотрятъ вообще съ ревностью и безпокойствомъ, и если оно было терпимо, то единственно ради личнаго характера вашего величества. Поэтому необходимо, чтобы этотъ характеръ всецѣло сохранился».

«—Это есть дѣло, которое касается только лично меня, и въ которомъ лишь я одинъ могу быть судьею».

«—Простите, государь: когда принадлежишь исторіи, весь міръ является судьею».

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Талейранъ выразилъ согласіе Франціи, ради сохраненія мира, уступить часть Саксоніи въ пользу Пруссіи; это предложеніе не было одобрено государемъ, какъ противное желаніямъ населенія, опасающагося раздѣла. Наконецъ Александръ сказалъ своему собесѣднику: «Послушайте, заключимъ сдѣлку (faisons un marché): будьте любезны для меня въ саксонскомъ вопросѣ, и я тѣмъ же отплачу вамъ въ неаполитанскомъ. Съ этой стороны у меня нѣтъ обязательствъ».

Талейранъ отвѣтилъ, что такая сдѣлка невозможна, такъ какъ между этими двумя вопросами нѣтъ ничего общаго.

«—Ну, такъ убѣдите пруссаковъ, чтобы они вернули мнѣ мое слово», сказалъ Александръ.

«—Я очень рѣдко вижусь съ ними, и, конечно, мнѣ не удастся убѣдить ихъ въ этомъ. Но ваше величество располагаете всѣми средствами, чтобы удовлетворить пруссаковъ».

«—Это какимъ образомъ?»

«—Удѣливъ имъ что-нибудь побольше изъ Польши».

«—Вы предлагаете мнѣ странный способъ», замѣтилъ Александръ по поводу этого остроумнаго предложенія. «Вы хотите, чтобы я взялъ у себя, чтобы дать имъ».

Въ заключеніе бесѣды Талейранъ заявилъ, что онъ долженъ настаивать на сохраненіи Саксонскаго королевства съ 1.600,000 жителей.

Графъ Поццо ди Борго.
Съ литографіи начала XIX столѣтія.

«—Да, отвѣтилъ ему государь, «вы очень настаиваете на рѣшенномъ вопросѣ» (Vous insistez beaucoup sur une chose décidée).

Сообщая Людовику XVIII содержаніе этого разговора, Талейранъ пришелъ къ заключенію относительно намѣреній императора Александра, что хотя государь считаетъ себя связаннымъ словомъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ бы очень счастливъ въ глубинѣ своей души имѣть благовидный предлогъ освободиться отъ него[404]. Но, высказавъ подоб-

ное предположеніе, Талейранъ черезъ нѣсколько дней сообщилъ однако королю, что императоръ Александръ все еще не обнаруживаетъ склонности къ уступкамъ [405].

Въ то время, когда совѣщанія конгресса съ каждымъ днемъ становились затруднительнѣе, когда Австрія, Франція и даже Баварія при-

Баронъ Штейнъ.
Съ литографіи Гейне.

ступили къ вооруженіямъ, и представлялась возможность разрыва Россіи съ западными державами, императоръ Александръ призналъ полезнымъ обратиться съ воззваніемъ къ польской арміи, призывая ее къ защитѣ отечества и къ сохраненію политическаго существованія страны [406]. Въ приказѣ по польской арміи цесаревича Константина Павловича, отъ 29-го ноября (11-го декабря) 1814 года, было сказано: «Вы ознаменовали себя великими подвигами въ борьбѣ, нерѣдко вамъ чуждой. Теперь, когда вы обратите всѣ свои усилія къ защитѣ отечества, вы

будете непобѣдимы. Безпредѣльная преданность императору, который желаетъ одного блага вашему отечеству, любовь къ его августѣйшей особѣ, повиновеніе, дисциплина, согласіе — вотъ средства, могущія обезпечить благоденствіе вашей страны, состоящей подъ мощной защитой императора. Такимъ путемъ вы достигнете той счастливой доли, которую другіе могутъ вамъ обѣщать, но которую лишь онъ одинъ можетъ вамъ доставить. Его могущество и его добродѣтели въ томъ ручаются».

Князь Чарторижскій удивлялся настойчивости, выказанной императоромъ Александромъ при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ въ вѣнскихъ переговорахъ по польскому вопросу, и писалъ по этому поводу отцу: «Императоръ продолжаетъ держаться своего намѣренія; его твердость и непоколебимость относительно Польши служатъ для меня предметомъ удивленія и уваженія. Всѣ кабинеты противъ него; никто не говоритъ намъ добраго слова, не помогаетъ намъ искренно. Здѣшніе русскіе тоже страшно негодуютъ и не извиняютъ императора. Этотъ хоръ изъ своихъ и чужихъ старается перекричать одинъ другого [407]. На меня тоже падаетъ ихъ гнѣвъ, какъ на защитника этого дѣла и воображаемаго совѣтника императора. Но, несмотря на всѣ эти бури, я все таки надѣюсь, что дѣло кончится хорошо для Польши» [408].

По мнѣнію Талейрана, въ виду положенія дѣлъ, обрисовавшагося на Вѣнскомъ конгрессѣ, Людовику XVIII предстояла новая миссія — спасти Европу отъ гибели, которою ей угрожали честолюбіе нѣкоторыхъ державъ, слѣпота и малодушіе другихъ. Хотя сначала Талейранъ высказывалъ относительно государей, собравшихся въ Вѣнѣ, мнѣніе, что у нихъ не хватаетъ мужества, чтобы поссориться, а также здраваго смысла, чтобы придти къ соглашенію [409], но вскорѣ онъ пришелъ къ другому заключенію. Въ декабрѣ 1814 года интриги, направленныя противъ Россіи, созрѣли настолько, что Талейранъ нашелъ возможнымъ предложить Кестельри подписать совмѣстно съ Австріей «маленькую конвенцію» (une petite convention) съ цѣлью обезпечить права саксонскаго короля. «Конвенція», спросилъ англійскій дипломатъ: «то есть, вы предлагаете союзъ?» Талейранъ возразилъ, что изъ этого можетъ выйти союзъ, если онъ пожелаетъ того. Этотъ обмѣнъ мыслей привелъ договаривавшіяся стороны къ окончательному заключенію, что нужно все сдѣлать, чтобы спасти честь, справедливость и будущность Европы! Вскорѣ старанія Талейрана въ этомъ смыслѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

22-го декабря 1814 года (3-го января 1815 года) Меттернихъ, Кестельри и Талейранъ подписали конвенцію, по условіямъ которой Австрія, Англія и Франція обязывались выставить по полутораста тысячъ каждая, въ случаѣ войны взаимно условиться насчетъ выбора главнокомандующаго и не иначе заключить миръ, какъ съ общаго согласія.

Положено было, сверхъ того, пригласить къ участію въ союзѣ Баварію, Виртембергъ и Нидерланды. Къ этимъ державамъ нужно еще присоединить Ганноверъ. Посылая королю конвенцію, Талейранъ умолялъ его о наискорѣйшей ратификаціи договора, прося употребить для этой работы лишь людей самыхъ испытанныхъ насчетъ тайны; предосторожность дипломатическихъ заговорщиковъ простиралась до того, что Австрія не рѣшилась отправить по этому поводу въ Парижъ курьера въ свое посольство. Хотя, по мнѣнію Талейрана, редакція нѣкоторыхъ статей конвенціи могла бы быть лучше отдѣлана, но, какъ онъ доносилъ королю, съ людьми слабаго характера нужно было торопиться и кончить дѣло. 7-го (19-го) января 1815 года Талейранъ получилъ обратно изъ Парижа ратификованную конвенцію.

Талейранъ торжествовалъ и писалъ королю: «Теперь коалиція разстроена и это навсегда (la coalition est dissoute et elle l'est pour toujours). Не только Франція не изолирована болѣе въ Европѣ, но ваше величество располагаете уже такою федеративною системою, что, кажется, и пятьдесятъ лѣтъ переговоровъ не могли бы вамъ доставить ее. Вы дѣйствуете въ союзѣ съ тремя великими державами, а вскорѣ присоединятся къ намъ всѣ государства, которыя руководствуются принципами, не имѣющими ничего общаго съ принципами революціонными. Вы будете въ полномъ смыслѣ главой и душой этого союза, образованнаго для защиты принциповъ, впервые вами провозглашенныхъ».

Князь Шварценбергъ, ввиду измѣнившихся политическихъ комбинацій, составилъ подробный планъ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, при чемъ было рѣшено, что кампанія начнется въ концѣ марта, при участіи стотысячной французской арміи, такъ какъ, по его соображеніямъ, «въ настоящее время ее можно бы вести съ большими выгодами, чѣмъ нѣсколько лѣтъ позже».

Великій дипломатъ, вызвавшій къ жизни воинственную конвенцію, не удовольствовался одержаннымъ столь быстро успѣхомъ и для усиленія вновь созданнаго союза предложилъ Меттерниху и Кестельри дѣйствовать сообща съ Франціею на Оттоманскую Порту, чтобы побудить ее, въ случаѣ надобности, произвести полезную диверсію противъ Россіи; они одобрили эти предположенія и предписали своимъ представителямъ въ Константинополѣ понуждать къ тому турецкое правительство. Кромѣ того, Талейранъ признавалъ необходимымъ установить подобное же соглашеніе съ Швеціею. Такимъ образомъ, въ европейской политической системѣ готовился хаосъ совершенно въ ущербъ истиннымъ выгодамъ Франціи; о возвращеніи ей чего-либо изъ наполеоновскихъ завоеваній не было и рѣчи. Талейранъ заявлялъ неоднократно въ продолженіе всего конгресса, что Франція добровольно отказалась

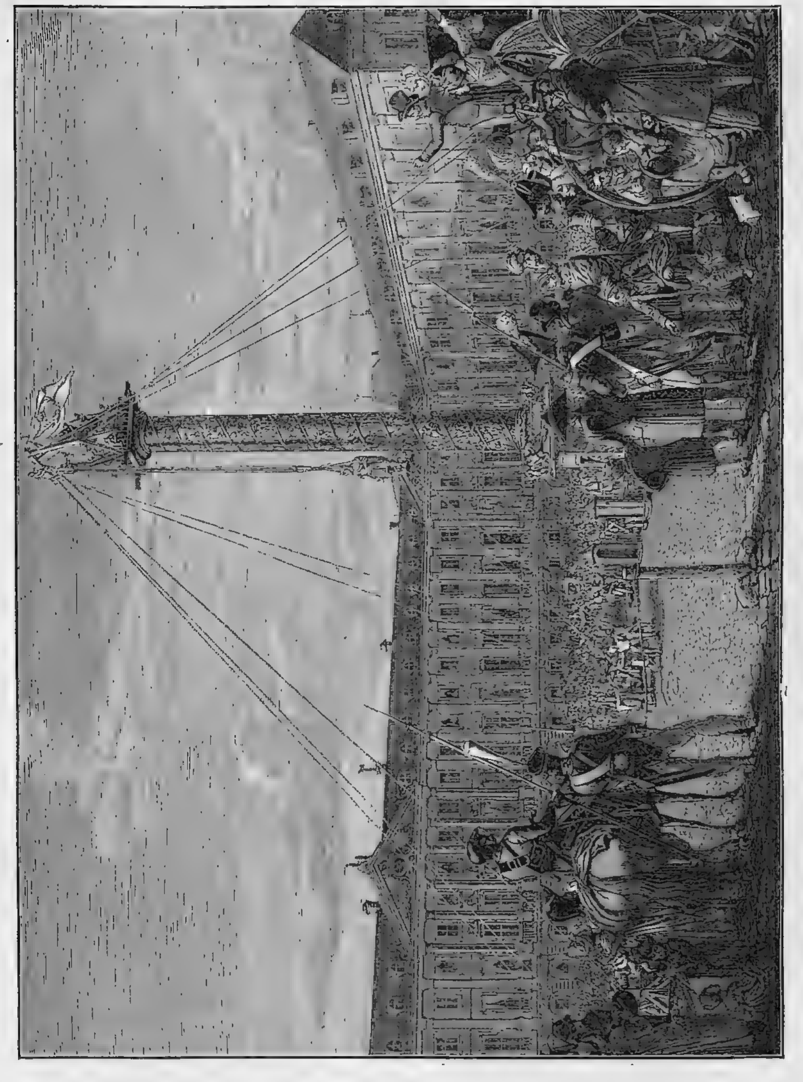
отъ возвращенія Бельгіи и лѣваго берега Рейна и не помышляетъ о расширеніи своихъ владѣній; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ угоду Австріи, пренебрегая насущными интересами Франціи, отклонилъ предложеніе водворить на Рейнѣ вмѣсто Пруссіи саксонскаго короля. Все было принесено въ жертву услужливымъ дипломатомъ ради собственныхъ выгодъ и особыхъ интересовъ Бурбонскаго дома[410].

Императоръ Александръ не подозрѣвалъ двуличія своихъ коварныхъ союзниковъ. Тайна враждебной Россіи политики соблюдена была настолько удачно, что государь продолжалъ, даже при посредствѣ Талейрана, переговоры, начатые имъ съ Людовикомъ XVIII по поводу брака великой княжны Анны Павловны съ герцогомъ Беррійскимъ[411].

Опасенія, высказанныя графомъ Каподистріа еще по заключеніи мира въ Парижѣ относительно вѣроятнаго исхода предстоявшаго тогда конгресса, получили блистательное подтвержденіе въ Вѣнѣ. Получивъ приказаніе государя изложить свое мнѣніе о Парижскомъ трактатѣ, Каподистріа подалъ записку, въ которой доказывалъ, что на конгрессѣ Россія, Австрія и Пруссія явятся съ домогательствами вознагражденій, а Франція и Англія выступятъ, какъ державы, уже вполнѣ удовлетворенныя, отъ которыхъ будетъ зависѣть согласіе на требованіе прочихъ; при такомъ положеніи дѣлъ, по мнѣнію Каподистріа, достаточно было бы одной изъ этихъ державъ перейти на сторону Англіи и Франціи, чтобы придать переговорамъ направленіе, вредное для двухъ остальныхъ. Александръ былъ пораженъ заключеніемъ, къ которому приводилъ графа Каподистріа разборъ Парижскаго мира, но, тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ: «Все это доктринерство; не безпокойтесь, я устрою дѣло». [412]

Въ то время, когда Талейранъ съ такимъ искусствомъ тайно подготовлялъ коалицію противъ императора Александра, Пруссія не разъ обнаружила колебанія въ выборѣ пути, которымъ она могла бы обезпечить за собою обладаніе Саксоніею. Прусскіе государственные люди вовсе не сочувствовали планамъ государя; Вильгельмъ Гумбольдтъ даже написалъ въ одной нотѣ, что, конечно, расширеніе предѣловъ Россіи нежелательно, но противиться этому событію нельзя, ибо оно служитъ естественнымъ послѣдствіемъ фальшивой системы, укоренившейся съ конца прошлаго столѣтія, системы, состоящей въ томъ, чтобы бороться съ преобладаніемъ Запада, опираясь на Востокъ. Именно для того чтобы на будущее время не могло случиться ничего подобнаго, чтобы Германія не нуждалась въ помощи Россіи, и слѣдуетъ усилить Пруссію присоединеніемъ къ ней Саксоніи; это необходимо не столько даже въ ея интересахъ, сколько въ интересахъ Европы. Отъ прусскаго правительства требуютъ, чтобы оно въ союзѣ съ Англіею и Австріею воспротивилось намѣреніямъ императора Александра по польскому вопросу; но благоразумно ли противиться имъ, когда они,

если только имъ суждено осуществиться, принесутъ вредъ самой Россіи. Затѣмъ Гумбольдтъ подробно развивалъ послѣднюю мысль съ замѣчательною проницательностью. Гарденбергъ, съ своей стороны,

Снятіе статуи Наполеона съ колонны на Вандомской площади въ Парижѣ въ 1814 году.

Съ гравюры Опица.

также намекалъ, что Пруссія не откажется разойтись съ Россіею, если ей будетъ гарантировано обладаніе Саксоніею.

Наконецъ, взаимныя отношенія дипломатовъ до того запутались, что императоръ Александръ вынужденъ былъ лично разъяснить дѣло. Онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать прусскаго короля и вступилъ съ нимъ въ

продолжительное объясненіе. Государь напомнилъ Фридриху-Вильгельму о соединявшихъ ихъ узахъ дружбы и о значеніи, которое онъ придаетъ этой дружбѣ, о желаніи своемъ, чтобы она навсегда оставалась неизмѣнною, о томъ, что такъ какъ они почти одинаковыхъ лѣтъ, то ему пріятно думать, что онъ еще долго будетъ свидѣтелемъ благополучія, которымъ отразится на подвластныхъ имъ народахъ тѣсный ихъ союзъ. Затѣмъ Александръ сказалъ, что онъ всегда связывалъ свою личную славу съ возстановленіемъ Польскаго королевства, и неужели теперь, когда онъ уже близокъ къ осуществленію своихъ желаній, неужели ему суждено испытать горечь видѣть между своими противниками самаго дорогого друга и единственнаго монарха, на чувства котораго онъ разсчитывалъ? Король разсыпался въ сердечныхъ изліяніяхъ и поклялся поддерживать его въ польскомъ вопросѣ. «Недостаточно», сказалъ ему императоръ: «если вы сами усвоите себѣ подобный взглядъ: необходимо еще, чтобы съ нимъ сообразовались ваши министры». Король призвалъ тогда Гарденберга, и государь повторилъ ему все сказанное имъ королю, и что король уже далъ ему свое слово. Когда затѣмъ Меттернихъ и Кестельри убѣдились, что Пруссія не намѣрена содѣйствовать ихъ видамъ, они высказали желаніе, чтобы Гарденбергъ подалъ въ отставку; но прусскій дипломатъ и не думалъ доводить свою вынужденную оппозицію до такого рѣшительнаго шага. Врагамъ императора Александра пришлось удовольствоваться, на первый разъ, тройственнымъ союзомъ, и Талейрану не удалось совершенно изолировать Россію, хотя онъ, не безъ основанія, доносилъ Людовику XVIII, что прусскій кабинетъ не раздѣляетъ слѣпой привязанности своего короля къ русскому государю.

Новые союзники Франціи не были, однако, воодушевлены одинаковымъ воинственнымъ пыломъ съ творцомъ этого соглашенія, такъ что, 27-го января (8-го февраля) 1815 года, Талейранъ не безъ грусти писалъ королю: «Война, которую никто не желаетъ предпринять и которую почти никто не въ состояніи предпринять, по всей вѣроятности, не произойдетъ» [413]. Дѣйствительно, державы, спорившія между собою на конгрессѣ, начали постепенно склоняться къ взаимнымъ уступкамъ; при такомъ настроеніи вѣнскіе переговоры вступили въ новый, болѣе примирительный, фазисъ. Императоръ Александръ началъ уже говорить о предстоявшемъ возвращеніи въ Россію, какъ неожиданно для всѣхъ произошло новое усложненіе, погубившее дѣло, созданное Талейраномъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ.

Въ ночь съ 22-го февраля (6-го марта) на 23-е февраля (7-е марта) 1815 года Меттернихъ получилъ извѣстіе объ отплытіи Наполеона съ острова Эльбы; оно было отправлено съ эстафетою австрійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Генуѣ и ограничивалось простымъ сообщеніемъ

28

РУССКІЕ ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ 1814 ГОДУ.

Съ акварели Опица (оригиналъ принадлежитъ П. Я. Дашкову).

факта[414]. Не придавая содержанію депеши особеннаго значенія, Меттернихъ вскрылъ пакетъ только утромъ и, познакомившись съ его содержаніемъ, тотчасъ же поспѣшилъ въ восьмомъ часу утра къ императору Францу, который приказалъ ему немедленно передать полученное извѣстіе императору Александру и королю прусскому. «Скажите имъ», присовокупилъ австрійскій монархъ: «что я готовъ отдать моей арміи

Принцъ-регентъ англійскій Георгъ IV.

Съ портрета начала XIX столѣтія.

приказаніе снова вступить во Францію. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что оба государя будутъ дѣйствовать въ согласіи со мною».

Въ первый разъ по истеченіи почти трехъ мѣсяцевъ со времени знаменитой размолвки Меттернихъ явился къ императору Александру. Австрійскій министръ былъ тотчасъ же принятъ и, сообщивъ полученное извѣстіе, передалъ вмѣстѣ съ тѣмъ слова императора Франца. «Государь высказался съ большимъ спокойствіемъ и достоинствомъ въ та-

комъ же смыслѣ, какъ и его августѣйшій союзникъ», пишетъ Меттернихъ. «Намъ не пришлось долго обсуждать мѣры, которыя слѣдовало принять; рѣшеніе послѣдовало быстрое и категорическое. Уладивъ это дѣло, императоръ сказалъ мнѣ: «Намъ остается еще окончить личную распрю. Мы оба христіане; наша святая вѣра заповѣдуетъ намъ прощать обиды. Обнимемъ другъ друга, и пусть все будетъ предано забвенію». Я отвѣтилъ императору, что, съ своей стороны, мнѣ нечего прощать, но что мнѣ приходится позабыть непріятные случаи, что, по всей справедливости, и его императорское величество находится въ такомъ же положеніи, и поэтому я не принимаю прощенія, но предлагаю все позабыть. Императоръ обнялъ меня и отпустилъ съ просьбою возвратить ему прежнюю дружбу. Въ продолженіе позднѣйшихъ нашихъ многократныхъ сношеній ни разу не было рѣчи о томъ времени, когда мы рассорились. Наши отношенія не замедлили принять прежній искренній характеръ»[415].

Вслѣдъ за тѣмъ Меттернихъ отправился къ прусскому королю, который отвѣтилъ на сдѣланное ему сообщеніе въ такомъ же смыслѣ. Въ десять часовъ у Меттерниха состоялось уже первое совѣщаніе, вызванное новымъ положеніемъ дѣлъ. Такимъ образомъ, война была рѣшена менѣе чѣмъ въ часъ времени.

Первымъ изъ уполномоченныхъ конгресса къ Меттерниху явился Талейранъ; прочитавъ извѣстіе, полученное изъ Генуи, онъ остался безмятежнымъ, и между двумя дипломатами завязался слѣдующій разговоръ, который Меттернихъ передаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующимъ образомъ:

Талейранъ—«Знаете ли вы, куда направляется Наполеонъ?»

Я—«Донесеніе ничего не говоритъ объ этомъ».

Талейранъ—«Онъ высадится гдѣ-нибудь на берегу Италіи и бросится въ Швейцарію».

Я—«Онъ двинется прямо на Парижъ (Il ira droit à Paris)».

«Вотъ исторія во всей ея простотѣ», заключаетъ свой разсказъ Меттернихъ[416].

Высказанное Меттернихомъ предположеніе относительно движенія Наполеона на Парижъ оправдалось на дѣлѣ. «Орелъ съ національнымъ знаменемъ полетитъ отъ одной колокольни къ другой до башенъ собора Богоматери»—говорилъ Наполеонъ своимъ солдатамъ и 8-го (20-го) марта 1815 года вступилъ въ Тюльерійскій дворецъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, въ то время, какъ Людовикъ XVIII находился уже на дорогѣ въ Лилль.

Бѣгство короля совершилось съ такою быстротою, что онъ забылъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ секретный договоръ 22-го декабря 1814 г. (3-го января 1815 года). Наполеонъ не замедлилъ воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ и, надѣясь разстроить собиравшуюся про-

Смотръ въ Гайдъ-Паркѣ въ 1814 году.

Съ гравюры Аткинсона.

тивъ него коалицію, отправилъ съ этимъ важнымъ документомъ остававшагося въ Парижѣ секретаря русской миссіи Бутягина въ Вѣну къ императору Александру. 27-го марта (8-го апрѣля) Бутягинъ вручилъ эту безцѣнную бумагу государю, который могъ наконецъ наглядно убѣдиться въ двуличіи своихъ союзниковъ. Насталъ моментъ чрезвычайной важности: русской политикѣ открывался широкій путь для достиженія ея завѣтныхъ цѣлей, согласованныхъ съ началами государственнаго эгоизма, а не съ романтикой. Но, какъ и слѣдовало ожидать, романтика одержала верхъ, и чувство неподдѣльнаго великодушія восторжествовало во всемъ своемъ величіи. Такимъ образомъ цѣль, которую имѣлъ въ виду Наполеонъ, рѣшившись на такое разоблаченіе политическихъ намѣреній Бурбонскаго дома, не была достигнута.

На слѣдующее утро послѣ прибытія Бутягина императоръ Александръ призвалъ къ себѣ Штейна и, давъ ему прочесть присланный Наполеономъ договоръ, сказалъ: «Я пригласилъ къ себѣ также князя Меттерниха и желаю, чтобы вы были свидѣтелемъ нашего разговора». Вскорѣ вошелъ Меттернихъ. Александръ показалъ ему бумагу и спросилъ: «Извѣстенъ ли вамъ этотъ документъ?». Князь не измѣнился въ лицѣ и молчалъ. Придумывая себѣ оправданіе, онъ хотѣлъ заговорить, но государь прервалъ его словами: «Меттернихъ, пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Теперь намъ предстоятъ другія дѣла. Наполеонъ возвратился, и поэтому нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, нежели когда-либо». Съ этими словами Александръ бросилъ трактатъ въ пылавшій подлѣ него каминъ и отпустилъ обоихъ министровъ[417].

Когда узнали, что секретный договоръ, придуманный Талейраномъ, находится въ рукахъ императора Александра, многіе почувствовали необходимость оправдать себя въ его глазахъ. Король баварскій явился къ государю съ объясненіями и извиненіями. Александръ замѣтилъ ему: «Вы были увлечены; я забылъ уже объ этомъ дѣлѣ»[418]. Уполномоченный нидерландскаго короля, фонъ-Гагернъ, не замедлилъ послѣдовать примѣру баварскаго короля и представилъ свои оправданія Александру черезъ Штейна: они также были приняты съ неизмѣнною благосклонностью. Страхъ передъ Наполеономъ немедленно заставилъ всѣ державы вновь возложить свои упованія на Россію и ожидать спасенія Европы отъ великодушія и безкорыстія русскаго государя.

Независимо отъ присылки договора, направленнаго противъ Россіи, Наполеонъ прибѣгъ еще къ другому средству для достиженія желаемаго примиренія съ императоромъ Александромъ. Съ 1814 года королева Гортензія находилась въ перепискѣ съ государемъ, и Наполеонъ поручилъ ей написать письмо своему неумолимому противнику съ цѣлью отклонить его отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Франціи и

убѣдить въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ возстановленной имперіи. Въ этомъ письмѣ отъ 13-го (25-го) марта, между прочимъ, сказано: «Итакъ, нація всецѣло высказалась за императора, но она хочетъ мира, и онъ будетъ настолько уменъ, чтобы слѣдовать въ этомъ отношеніи господствующему мнѣнію, ибо онъ уже испыталъ, и Бурбоны служатъ

Тріумфальныя ворота, сооруженныя жителями Петербурга въ честь гвардіи въ 1814 году.

Съ рисунка съ натуры Сабата.

примѣромъ тому, что можно оставаться государемъ только не отдѣляя своего дѣла отъ дѣла націи. Вотъ моя политика, и я имѣю основаніе думать, что это именно та, которой будутъ слѣдовать здѣсь; но съ нетерпѣніемъ ожидаютъ узнать о намѣреніяхъ императора Александра; говорятъ, что его интересы требуютъ мира съ Франціею, что онъ никогда не долженъ опасаться, что захотятъ причинить ему безпокойство

насчетъ Польши, что имѣютъ доказательства невозможности возвратиться къ нему, что онъ желалъ составить счастіе Франціи, и что поэтому онъ не можетъ начать противъ насъ войну, чтобы защитить фамилію, которая вовсе не оказалась признательною, и стать въ разрѣзъ съ мнѣніемъ націи, высказавшейся самымъ рѣшительнымъ образомъ, потому что, если человѣкъ является одинъ, чтобы возвратить себѣ престолъ, то это доказываетъ, что онъ призванъ волею всей націи. Онъ обѣщаетъ даровать либеральную конституцію, свободу печати, однимъ словомъ, онъ намѣренъ удовлетворить всѣхъ, и, если бы онъ не исполнилъ этого, онъ не могъ бы оставаться здѣсь. Неужели же тотъ, котораго мы любимъ, образъ дѣйствій котораго служитъ предметомъ трогательныхъ воспоминаній французовъ, явится сюда, чтобы причинить намъ новыя несчастія; я всегда утверждаю, что это невозможно, и такъ какъ все то, что я говорю вамъ, составляетъ главный предметъ всѣхъ моихъ разговоровъ, то мнѣ и пріятно повторить вамъ это и вѣрить, что вы не можете быть ничѣмъ другимъ, какъ нашимъ другомъ. Вы всегда успѣете сдѣлаться нашимъ врагомъ, если съ вами поступятъ непрямодушно и нечестно... однимъ словомъ, если вы будете нашимъ другомъ, все пойдетъ хорошо»[419].

Но увы! всѣ эти попытки Наполеона придать своему возвращенію на престолъ мирную развязку и отвлечь отъ коалиціи императора Александра оказались тщетными. Могучее, звучное, ласковое слово государя раздалось на конгрессѣ и всѣхъ ободрило, все примирило, все соединило. Грозная коалиція воскресла во всемъ своемъ величіи съ единодушнымъ намѣреніемъ покончить разъ навсегда съ Наполеономъ, съ этимъ «tracassier universel de l'Europe», какъ его остроумно назвалъ въ своихъ запискахъ князь Станиславъ Понятовскій[420].

13-го (25-го) марта 1815 года, въ тотъ самый день, когда королева Гортензія взывала о помощи и покровительствѣ къ императору Александру, послѣдовала декларація восьми державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, на основаніи которой Наполеонъ Бонапартъ, какъ врагъ и нарушитель общаго спокойствія, былъ объявленъ стоящимъ внѣ покровительства законовъ[421]; вмѣстѣ съ тѣмъ было изъявлено твердое намѣреніе державъ поддерживать всѣми средствами условія Парижскаго договора. Декларація сопровождалась заключеніемъ союзнаго договора, основаніемъ котораго послужилъ Шомонскій трактатъ. Россія, Англія, Австрія и Пруссія обязались каждая выставить по 150,000 человѣкъ и не прежде прекратить военныя дѣйствія, какъ лишивъ Наполеона возможности возмущать спокойствіе Европы; тогда же великія державы пригласили къ участію въ союзѣ всѣ прочія европейскія государства. По особому договору Англія обязалась уплатить Россіи, Австріи и Пруссіи субсидію въ 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; кромѣ того,

Видъ Бородина въ 1815 году.

Съ рисунка того времени.

тридцати германскимъ государствамъ, выставившимъ контингенты противъ Франціи, назначено было три съ половиною милліона фунтовъ стерлинговъ.

Вообще, противъ Наполеона союзники выставили 800,000 человѣкъ, изъ которыхъ 167,000 было русскихъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Барклая де-Толли. Русскія войска двинулись съ мѣста своего расположенія въ началѣ апрѣля, но могли достигнуть французской границы лишь въ іюнѣ, когда побѣда англо-прусскихъ войскъ при Ватерло уже рѣшила участь Наполеона. Корпуса графа Витгенштейна и принца Евгенія Виртембергскаго, выступившіе въ походъ нѣсколько позже, не дошли до Рейна; та же участь постигла и гвардейскій корпусъ. Указъ о походѣ гвардіи послѣдовалъ 27-го апрѣля (9-го мая), но она была остановлена въ Вильнѣ и осенью возвратилась въ столицу, не побывавъ вторично въ Парижѣ. Вообще, вся дѣйствующая армія, ввѣренная Барклаю, вмѣстѣ съ резервами и нестроевыми чинами простиралась до 225,000 человѣкъ. Начальникомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи былъ назначенъ генералъ Дибичъ.

По поводу предстоявшаго новаго похода противъ Франціи императоръ Александръ писалъ цесаревичу Константину Павловичу, 12-го (24-го) марта 1815 года, изъ Вѣны: «Вамъ уже извѣстно, что Наполеонъ вновь появился на сценѣ. Тѣ, которые были наиболѣе заинтересованы бдительно присматривать за нимъ, Бурбоны и англичане, проявили въ этомъ дѣлѣ глупость и безпечность, дѣйствительно преступную. Съ той минуты, какъ я узналъ объ его отъѣздѣ съ острова съ его маленькимъ войскомъ, я не сомнѣвался болѣе въ сильныхъ связяхъ его среди французской арміи и съ этого времени считалъ возможнымъ, что, соединившись съ первыми же войсками, вполнѣ расположенными къ нему, онъ двинется съ ними къ Парижу. Это именно то, что онъ исполнилъ. Онъ миновалъ Ліонъ, а Бурбоны до сихъ поръ не могутъ противопоставить ему сколько-нибудь значительныя силы. По полученіи перваго извѣстія объ его отъѣздѣ единогласно условились прибѣгнуть по отношенію къ нему къ самымъ рѣшительнымъ средствамъ, пока онъ не успѣетъ еще утвердить своего господства во Франціи и возстановить то военное могущество, которое позднѣе сдѣлаетъ напрасными всѣ наши усилія. Армія въ 150,000 австрійцевъ формируется въ Италіи. Противъ Страсбурга образуется армія, состоящая изъ 65,000 баварцевъ, 25,000 виртембергцевъ и 10,000 баденцевъ, которая будетъ поддержана и усилена 150,000 австрійцевъ. Прусская армія въ 160,000 человѣкъ формируется около Люксембурга, имѣя отъ себя на правомъ флангѣ другую армію, между Монсомъ и Намюромъ, состоящую изъ 60,000 англичанъ, 20,000 баварцевъ и 20,000 германцевъ, какъ-то: ганноверцевъ, брауншвейгцевъ и гессенцевъ. Наконецъ, наша армія,

6 avril 1814.

[illegible]

АКТЪ ОТРЕЧЕНІЯ ОТЪ ПРЕСТОЛА ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА.

численностью въ 200,000 человѣкъ, двинется къ Нюренбергу, образуя собою главный резервъ всѣхъ этихъ силъ, такъ что противъ этого генія зла и нарушителя общественнаго спокойствія будутъ располагать силами въ 860,000 человѣкъ. Весьма вѣроятно, онъ не будетъ въ состояніи выставить въ скоромъ времени въ поле даже и 400,000 человѣкъ; итакъ, съ помощью божественнаго Провидѣнія, я надѣюсь, что мы низверг-

Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ.

Съ гравированнаго портрета Скотникова.

немъ его вторично. Но необходимо уже, чтобы это было въ послѣдній разъ. Таково единогласное рѣшеніе всѣхъ державъ. Если я увижу, что борьба принимаетъ серьезный характеръ, я двину гвардію къ Бѣлостоку, равно какъ и гренадеръ и 1-й резервный кавалерійскій корпусъ[422]; въ противномъ случаѣ, я ихъ оставлю въ покоѣ тамъ, гдѣ они расположены въ настоящее время»[423].

Появленіе Наполеона въ Парижѣ тотчасъ заставило недоброжелателей Россіи заговорить другимъ языкомъ. Великодушный Александръ,

конечно, не допускалъ и мысли воспользоваться общимъ переполохомъ, чтобы потребовать себѣ новыхъ уступокъ, въ смыслѣ первоначальныхъ заявленій, сдѣланныхъ со стороны Россіи конгрессу, и тѣмъ успокоилъ и обрадовалъ своихъ союзниковъ. Талейранъ находилъ теперь для своего отечества даже выгоднымъ, чтобы императору Александру предоставлена была главная роль среди державъ, ополчившихся противъ Наполеона; въ донесеніи королю онъ указалъ и на побудительную причину къ тому: Александръ не можетъ питать никакихъ честолюбивыхъ замысловъ относительно Франціи. Государь, помирившись съ Меттернихомъ, пожелалъ видѣть и Талейрана[424]; онъ сказалъ ему: «Нужно отстранить взаимныя обвиненія, не возвращаться къ прошлому и заняться чистосердечно и съ пользою настоящимъ положеніемъ не съ цѣлью отысканія причинъ, его вызвавшихъ, но имѣя въ виду помочь дѣлу»[425]. Затѣмъ Александръ присовокупилъ еще, что онъ готовъ, въ случаѣ необходимости, пожертвовать послѣднимъ своимъ солдатомъ и послѣднимъ своимъ рублемъ за дѣло, въ которомъ замѣшана его честь[426]. Послѣ такихъ милостивыхъ словъ и драгоцѣнныхъ обѣщаній неудивительно, что Талейранъ писалъ Людовику XVIII: «L'empereur de Russie a le meilleur langage». Наконецъ, государь простеръ свое великодушіе даже до того, что въ разговорѣ съ Талейраномъ ни слова не упомянулъ о секретномъ договорѣ, присланномъ Наполеономъ изъ Парижа.

Ободренный пріемомъ Александра, Талейранъ при встрѣчѣ съ графомъ Нессельроде имѣлъ наглость сказать ему, что въ Парижѣ были оставлены только неважныя бумаги; когда же Нессельроде выразилъ по этому поводу нѣкоторое сомнѣніе, то онъ безъ всякаго замѣшательства замѣтилъ: «Да, я знаю, о чемъ вы хотите сказать: объ этомъ договорѣ; онъ былъ заключенъ безъ злого умысла. Что же касается меня, то я хотѣлъ только разстроить четверной союзъ (quadruple alliance)!» — «Злодѣй! (der Bösewicht)» восклицаетъ по этому поводу Штейнъ[427].

Въ разговорѣ съ Каподистріа императоръ Александръ выяснилъ ему свой взглядъ относительно секретнаго договора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Что вы думаете объ этомъ?» сказалъ государь, показывая графу этотъ актъ. — «Ваше величество, я этого ожидалъ». — «Конечно», сказалъ государь, «люди, которые работали надъ этимъ соглашеніемъ, не разсчитываютъ, чтобы въ настоящую минуту я призналъ его какъ бы не существующимъ. Тѣмъ не менѣе, я не скажу имъ ни слова и приказываю вамъ поступить точно такъ же. Достаточно будетъ, если я удвою бдительность въ договорѣ, который будетъ заключенъ для возобновленія войны и при открытіи похода»[428].

Война съ наполеоновскою Франціею не казалась, однако, всѣмъ равно необходимою; нашелся даже прусскій патріотъ, генералъ Гнейзенау, передавшій Гарденбергу записку, въ которой развивались мысли,

Князь Меттернихъ.

Съ гравюры Козенса, сдѣланной съ портрета Лауренса.

совершенно противныя рѣшеніямъ, принятымъ тогда въ Вѣнѣ. Гнейзенау представилъ Гарденбергу записку, въ которой доказывалъ, что теперь для Пруссіи насталъ удобный моментъ предъявить союзникамъ ультиматумъ относительно исполненія всѣхъ справедливыхъ требованій ея подъ угрозою выхода изъ союза; затѣмъ онъ подробно развивалъ всѣ выгоды, которыми союзъ съ Наполеономъ сопровождался бы для Пруссіи. Гарденбергъ отвергъ предложеніе, сдѣланное Гнейзенау, назвалъ его «eine moralische Enormität» и отказался даже довести эти мысли до свѣдѣнія короля, хотя и высказалъ, однако, увѣренность, что подобное безцеремонное поведеніе Пруссіи въ столь критическій моментъ побудило бы всѣ державы согласиться на всѣ предъявленныя ею требованія[429].

Возвращеніе Наполеона въ Парижъ встревожило Россію, но въ проявленіяхъ безпокойства видно было болѣе досады, чѣмъ страха. Въ одной только Москвѣ пріостановились съ новыми постройками, но ненадолго. Воображенію многихъ представлялось, что Наполеонъ попрежнему будетъ все продолжать идти впередъ, и предусмотрительные люди думали только объ одномъ, какъ бы на этотъ разъ своевременно начать укладываться, чтобы завоеватель не засталъ ихъ врасплохъ, какъ въ 1812 г. Въ Петербургѣ, напротивъ того, не сомнѣвались въ успѣшномъ исходѣ новой войны. «Поступокъ Наполеона въ глазахъ нашихъ», пишетъ Вигель, «былъ не что иное, какъ возмущеніе противъ Александра, на котораго въ двѣнадцатомъ году всѣ смотрѣли мы съ обиднымъ состраданіемъ и въ котораго черезъ три года вѣровали безпредѣльно. Грозный же повелитель народовъ, законодатель цѣлой Европы, ужасъ Россіи, который имя свое долженъ былъ дать столѣтію, въ которомъ жилъ, казался намъ отчаяннымъ пройдохой, которому нечего было терять и который въ послѣдній разъ хочетъ испытать свое счастіе. Сама Франція, сума переметная, въ мнѣніи нашемъ ниспала до состоянія слабой, вѣчно мятежной Польши, которую Россія столько разъ безъ труда унимала. Даже простой народъ полагалъ, что съ Бонапартомъ такъ же легко будетъ справиться, какъ съ Костюшкой, и что казакъ на арканѣ вѣрно притащитъ его въ русскій станъ»[430].

Возстановленіе Французской имперіи ускорило развязку спорныхъ вопросовъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года были подписаны трактаты между Россіею, Австріею и Пруссіею, опредѣлявшіе судьбу Варшавскаго герцогства; оно было навсегда присоединено къ Россійской имперіи, за исключеніемъ Позпани, Бромберга и Торна, отданныхъ Пруссіи, Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, и соляныхъ копей Велички, возвращенныхъ Австріи вмѣстѣ съ Тарнопольскою областью, которая съ 1809 года принадлежала Россіи[431]. Александръ принялъ титулъ короля польскаго и предоставлялъ себѣ

право даровать этому государству, предназначенному состоять подъ особеннымъ управленіемъ, то «внутреннее расширеніе» (extension intérieure), которое признаетъ за благо. Вообще же, полякамъ, какъ россійскимъ, такъ и австрійскимъ и прусскимъ подданнымъ, предположено было даровать народное представительство и національныя государственныя учрежденія (une représentation et des institutions nationales),

Баронъ Штакельбергъ.
Съ гравированнаго портрета начала XIX столѣтія.

согласныя съ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ полезнѣйшимъ и приличнѣйшимъ для него въ кругу его владѣній.

Въ тотъ же день былъ заключенъ уполномоченными Пруссіи и Саксоніи трактатъ, по условіямъ котораго король саксонскій уступилъ Пруссіи почти всю Лузацію и часть Саксоніи. Наконецъ, почти мѣсяцемъ позже, 27-го мая (8-го іюня) 1815 года, былъ подписанъ актъ Германскаго

союза, а на слѣдующій день, 28-го мая (9-го іюня) — главный актъ Вѣнскаго конгресса.

На основаніи условій конгресса 1815 года Россія увеличила свою территорію пространствомъ около 2,100 кв. миль съ народонаселеніемъ болѣе чѣмъ въ три милліона человѣкъ. Австрія пріобрѣла 2,300 кв. миль съ десятью милліонами человѣкъ, а Пруссія 2,217 кв. миль съ 5.362,000 человѣкъ. Такимъ образомъ, Россія, которая на своихъ плечахъ вынесла всю тяжесть трехлѣтней войны съ Наполеономъ и принесла наибольшія жертвы для торжества европейскихъ интересовъ, получила наименьшее вознагражденіе.

За нѣсколько дней до подписанія трактатовъ, опредѣлившихъ судьбу герцогства Варшавскаго, остававшагося столь долго въ неопредѣленномъ положеніи, императоръ Александръ извѣстилъ президента польскаго сената, графа Островскаго, о предстоявшемъ присоединеніи царства Польскаго къ Россійской имперіи. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, было сказано: «Если великій интересъ всеобщаго спокойствія не допустилъ, чтобы всѣ поляки были соединены подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ, то я, по крайней мѣрѣ, старался смягчить, насколько возможно, суровость разъединенія ихъ и доставить имъ повсюду возможное пользованіе ихъ національностью»[432].

Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ манифестъ жителямъ царства Польскаго о дарованіи имъ конституціи, самоуправленія, собственной арміи и свободы печати.

9-го (21-го) мая 1815 года въ Варшавѣ происходило торжество возстановленія Польскаго королевства. Князь Адамъ Чарторижскій въ письмѣ къ императору Александру выразился, что воспоминаніе объ этомъ днѣ должно быть для великодушнаго сердца государя наградою за его труды на благо человѣчества[433]. Въ католической соборной церкви собрались всѣ правительственныя лица, и послѣ Божественной службы были прочтены актъ отреченія короля саксонскаго, манифестъ императора всероссійскаго, короля польскаго, и основанія будущей конституціи. Государственный совѣтъ, сенатъ, чиновники и жители принесли присягу въ вѣрности государю и конституціи. Тогда же польское знамя съ бѣлымъ орломъ было водружено на королевскомъ замкѣ и на всѣхъ правительственныхъ зданіяхъ, а во всѣхъ церквахъ отслужено благодарственное молебствіе съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою. Затѣмъ всѣ государственные сановники отправились къ цесаревичу Константину Павловичу. Войска собрались на равнинѣ, близъ Воли, гдѣ былъ сооруженъ алтарь; тамъ военные чины, по-батальонно, присягали въ присутствіи августѣйшаго главнокомандующаго польскою арміею. Канонада и ружейные залпы, заключившіе торжество, прерывались громкими восклицаніями народа: да здравствуетъ нашъ король Александръ!

Князь Адамъ Чарторижскій, присланный государемъ изъ Вѣны, занялъ мѣсто въ совѣтѣ. 13-го (25-го) мая Александръ писалъ ему: «Вы имѣли случай ознакомиться съ моими намѣреніями относительно учрежденій, которыя я хочу установить въ Польшѣ, и улучшеній, которыя я желаю ввести въ этой странѣ. Вы постараетесь никогда не терять ихъ изъ виду при совѣщаніяхъ совѣта и обращать на нихъ все вниманіе вашихъ товарищей, для того, чтобы ходъ правительства и реформы, которыя ему поручено произвести, были согласны съ моими воззрѣніями»[434]. Для составленія конституціи былъ назначенъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго, изъ польскихъ сановниковъ.

Но благодушное настроеніе во вновь созданномъ царствѣ продолжалось недолго, и 17-го (29-го) іюля 1815 года князю Чарторижскому уже пришлось жаловаться государю на цесаревича и высказывать мнѣніе, что никакой врагъ не могъ бы повредить болѣе императору, и что словно желаютъ довести дѣло до разрыва. «Никакое усердіе, никакая покорность не могутъ его смягчить», писалъ Александру князь Адамъ. «Армія, нація, частныя лица, никто не находитъ милости въ его глазахъ. Конституція въ особенности подаетъ ему поводъ къ безпрестаннымъ язвительнымъ насмѣшкамъ; все, что есть правило, форма, законъ, подвергается глумленію и поднимается на смѣхъ, и, къ несчастію, дѣйствія уже послѣдовали за словами. Великій князь не соблюдаетъ даже военныхъ законовъ, которые онъ самъ утвердилъ. Онъ непремѣнно хочетъ ввести тѣлесныя наказанія и вчера приказалъ пустить ихъ въ ходъ, несмотря на единогласныя представленія комитета. Дезертирство, уже теперь значительное, сдѣлается всеобщимъ; въ сентябрѣ большинство офицеровъ попроситъ увольненія. Словомъ, какъ бы составленъ планъ для того, чтобы противодѣйствовать видамъ вашего величества, чтобы сдѣлать ваши благодѣянія мнимыми, чтобы въ самомъ началѣ предотвратить успѣхъ вашего предпріятія. Его императорское высочество въ такомъ случаѣ былъ бы, самъ того не вѣдая, слѣпымъ орудіемъ этого пагубнаго замысла, первымъ дѣйствіемъ коего было бы ожесточить въ равной степени и русскихъ, и поляковъ, и отнять всякую силу у самыхъ торжественныхъ изреченій вашего величества... Чего бы не далъ я для того, чтобы здѣсь сумѣли угодить великому князю и исполнить въ этомъ отношеніи желанія вашего величества! Но это рѣшительно невозможно, и, если онъ останется здѣсь, я предвижу, напротивъ того, самыя печальныя послѣдствія»[435].

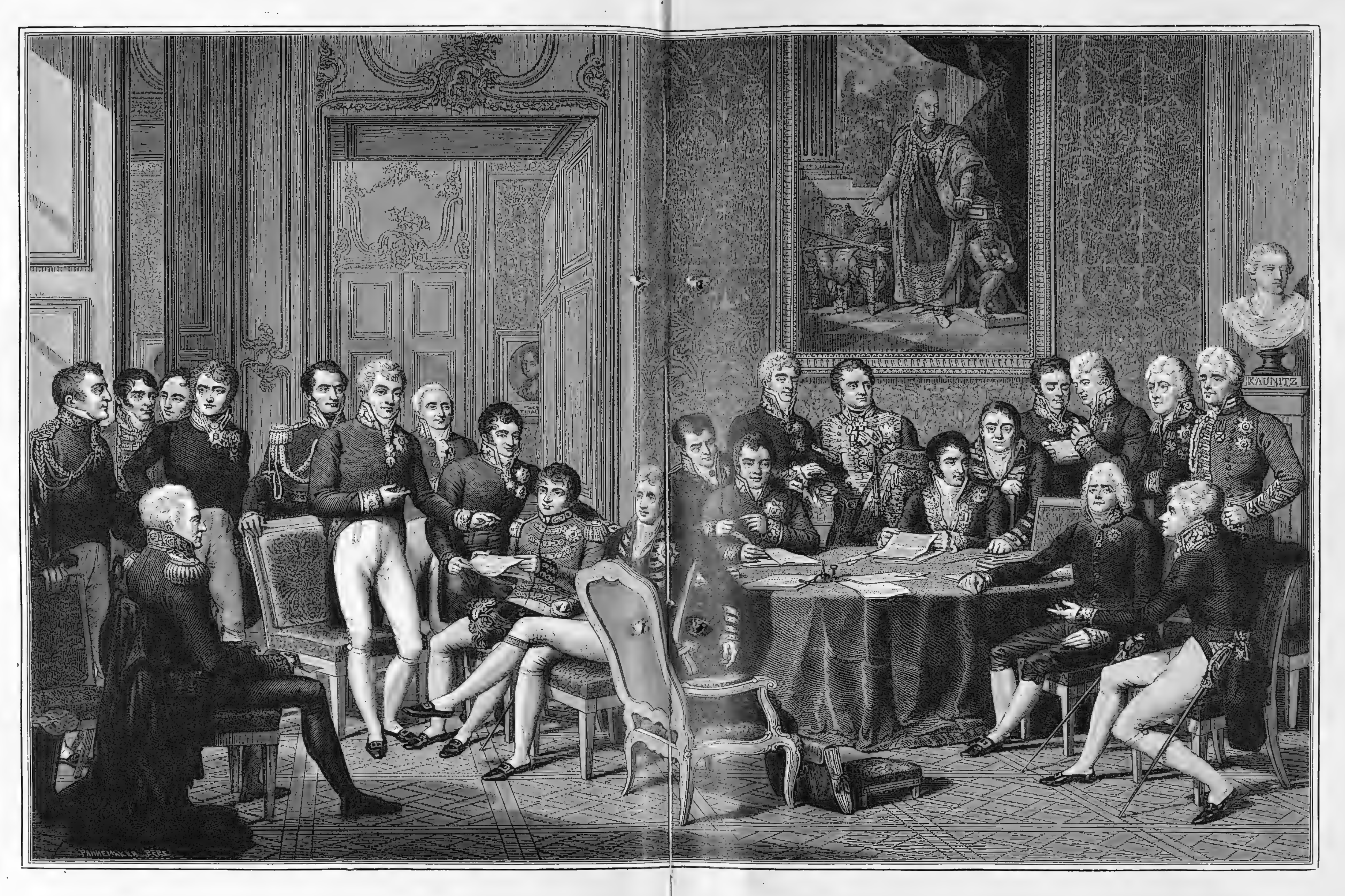
Дѣйствительно, вникая ближе въ варшавскую обстановку 1815 года, остается неразрѣшимой загадкой, какимъ образомъ императоръ Александръ, знавшій близко неукротимый нравъ своего брата, могъ рѣшиться вручить судьбу вновь созданнаго имъ королевства въ своенравныя руки цесаревича, личность котораго, какъ вѣроятнаго наслѣдника

россійскаго престола, смущала поляковъ со времени окончанія войны 1812 года[436]. Письмо князя Чарторижскаго не измѣнило рѣшеній, принятыхъ императоромъ Александромъ: цесаревичъ остался въ Варшавѣ и продолжалъ свой неполитическій образъ дѣйствій, плачевные результаты котораго обнаружили послѣдующія событія.

9-го (21-го) мая государь подписалъ въ Вѣнѣ манифестъ о поднятіи оружія противъ похитителя французскаго престола всѣми державами, хранящими законъ благочестія и правды. Въ томъ же манифестѣ возвѣщалось о присоединеніи къ Россіи обширнѣйшей части бывшаго герцогства Варшавскаго. «Симъ ограждается предѣловъ нашихъ безопасность, возникаетъ твердый оплотъ, навѣты и вражескія покушенія отражающій, возрождаются узы братства племенъ, взаимно между собою сопряженныхъ единствомъ происхожденія. Сего ради признали мы за благо устроить участь сего края, основавъ внутреннее управленіе онаго на особенныхъ правилахъ, свойственныхъ нарѣчію, обычаямъ жителей и къ мѣстному ихъ положенію примѣненныхъ. Слѣдуя ученію христіанскаго закона, коего владычество объемлетъ толикое число разноплеменныхъ народовъ, но при всемъ томъ отличающія ихъ свойства и обычаи сохраняетъ неизмѣнными, возжелали мы, созидая благополучіе новыхъ подданныхъ, поселить въ сердцахъ ихъ чувство приверженности къ престолу Нашему и тѣмъ изгладить навсегда слѣды прежнихъ бѣдствій, отъ пагубнаго несогласія и долговременной борьбы происходящихъ».

Не дожидаясь окончанія конгресса, императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вѣны 13-го (25-го) мая[437]. Государь желалъ, до прибытія русскихъ войскъ, находиться ближе къ Рейну и къ театру предстоявшихъ военныхъ дѣйствій[438].

Въ заключеніе краткаго очерка переговоровъ, происходившихъ въ Вѣнѣ, остается еще упомянуть о судьбѣ, постигшей неаполитанскаго короля Мюрата. Съ самаго открытія Вѣнскаго конгресса Талейранъ усердно домогался сверженія Мюрата и возстановленія въ Неаполѣ Бурбонской династіи въ лицѣ Фердинанда IV, желая тѣмъ сдѣлать угодное Людовику XVIII. Мюратъ, какъ ставленникъ Наполеона, не пользовался сочувствіемъ вѣнценосцевъ, засѣдавшихъ на конгрессѣ; даже императоръ Александръ въ разговорѣ съ Талейраномъ выразился о немъ неодобрительно и сказалъ: «C'est une canaille qui nous a tous trahis»[439]. Но по разнымъ причинамъ рѣшительныя противъ него дѣйствія были временно отложены. Когда же Наполеонъ покинулъ островъ Эльбу и возвратился въ Парижъ, Мюратъ поспѣшилъ поднять знамя итальянской независимости; смѣлое, но несвоевременное предпріятіе его, однако, не увѣнчалось успѣхомъ; австрійцы восторжествовали надъ этимъ движеніемъ, и Мюратъ бѣжалъ во Францію.

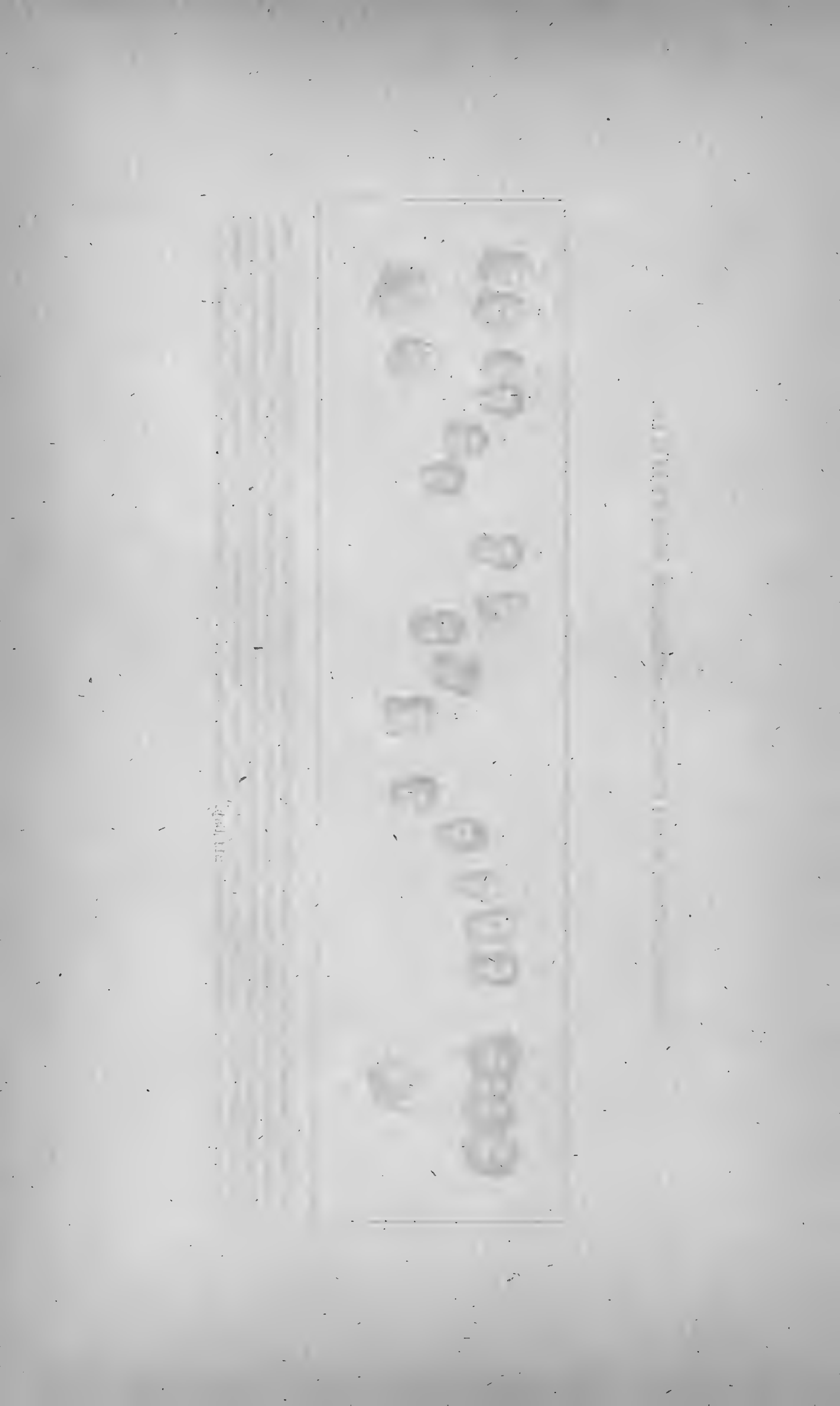
ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ.

Съ гравюры Годефр[illegible] сдѣлани[illegible]ъ картины Изабея.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ГРАВЮРѢ «ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ».

1) Герцогъ Веллингтонъ (Англія). 2) Графъ де Лобо (Португалія). 3) Кн. Гарденбергъ (Пруссія). 4) Кав. Салдана (Испанія). 5) Гр. Лёвенгильмъ (Швеція). 6) Гр. де Ноаль (Франція). 7) Кн. Меттернихъ (Австрія). 8) Гр. Латуръ-Дюпенъ (Франція). 9) Гр. Нессельроде (Россія). 10) Гр. Пальмелла (Португалія). 11) Виконтъ Кестельри (Англія). 12) Герцогъ Дальбергъ (Франція). 13) Бар. Вессенбергъ (Австрія). 14) Кн. Разумовскій (Россія). 15) Лордъ Стевартъ (Англія). 16) Кав. Гомецъ Лабрадоръ (Испанія). 17) Гр. Кланкарти (Англія). 18) Г. Вакенъ. 19) Кав. Генцъ. 20) Кн. Талейранъ (Франція). 21) Бар. Гумбольдтъ (Пруссія). 22) Гр. Штакельбергъ (Россія). 23) Гр. Каткартъ (Англія).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПОКИНУВЪ Вѣну, императоръ Александръ остановился на короткое время въ Мюнхенѣ и Штутгартѣ и 23-го мая (4-го іюня) прибылъ въ Гейльброннъ, избранный мѣстомъ для русской главной квартиры. Здѣсь произошла первая встрѣча государя съ баронессою Юліаною Криденеръ.

Баронесса Криденеръ (рожденная Фитингофъ), авторъ извѣстнаго романа «Valérie», давно уже изъ тщеславной свѣтской женщины обратилась въ кающуюся грѣшницу и вступила на путь мистическаго піетизма. Знакомство съ моравскими братьями и въ особенности съ Юнгъ-Штиллингомъ окончательно утвердило ея мысли въ благочестиво-филантропическомъ настроеніи. Она, со свойственною ей экзальтаціею, все больше и больше воображала, что ей предстоитъ великое дѣло, что самъ Богъ поручаетъ ей высокую миссію—обращать невѣрующихъ на путь истины. По замѣчанію ея біографа, она была готова сказать, подражая Людовику XIV:

«Le ciel c'est moi». Въ 1814 году баронесса Криденеръ сблизилась въ Карлсруэ съ фрейлиной Р. С. Стурдзою и черезъ нее проникла къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Но, по ея словамъ, внутренній голосъ говорилъ ей, что этимъ дѣло еще не кончено; предѣльную цѣль ея стремленій составляло сближеніе съ императоромъ Александромъ, душевное настроеніе котораго того времени стало ей вполнѣ извѣстно, какъ изъ разговоровъ со Стурдзою, такъ и послѣ свиданія государя съ Юнгъ-Штиллингомъ, состоявшагося во время высочайшаго пребыванія въ Брухзалѣ. Въ продолженіе Вѣнскаго конгресса Юліана Криденеръ поддерживала дѣятельную переписку съ Р. С. Стурдзою. Она коснулась въ этой перепискѣ императора Александра и великихъ и прекрасныхъ качествъ его души. «Я уже давно знаю, что Господь дастъ мнѣ радость видѣть его», писала г-жа Криденеръ: «если я буду жива, это будетъ одной изъ счастливыхъ минутъ моей жизни. Я имѣю множество вещей сказать ему, потому что я испытала многое по его поводу; Господь одинъ можетъ приготовить его сердце къ принятію ихъ; я не безпокоюсь объ этомъ; мое дѣло—быть безъ страха и упрека, его дѣло — преклониться передъ Христомъ, истиной». Къ этимъ душевнымъ изліяніямъ искусно примѣшивались тайныя пророчества: «буря приближается; эти лиліи явились, чтобы исчезнуть»[440]. Р. С. Стурдза была поражена этими таинственными предсказаніями и показала письмо императору Александру; онъ поручилъ ей написать баронессѣ Криденеръ, что почтетъ для себя счастіемъ встрѣчу съ нею. Въ такомъ же духѣ переписка продолжалась далѣе, и наконецъ на сцену появился «князь тьмы», который препятствовалъ говорить съ Александромъ, съ этимъ орудіемъ милосердія, о божественныхъ вещахъ. Но Всемогущій будетъ сильнѣе его, пишетъ г-жа Криденеръ. «Богъ, который любитъ пользоваться тѣми, кто въ глазахъ свѣта служитъ предметомъ униженія и насмѣшекъ, приготовилъ мое сердце къ тому смиренію, которое не ищетъ одобренія людей. Я только ничтожество. Онъ все, и земные цари трепещутъ передъ нимъ».

Выше уже упомянуто, что первый религіозный порывъ императора Александра, въ мистическомъ смыслѣ, проявился въ 1812 году, когда тяжелыя испытанія обрушились на Россію и вселили тревогу въ душѣ его. Религіозныя стремленія Александра не могли быть удовлетворены обычными церковными формами; онъ искалъ въ дѣлѣ религіи нѣчто другое. Разставшись, подъ вліяніемъ роковыхъ событій, съ тѣми гуманистическими идеалами, которые до нѣкоторой степени воодушевляли его съ юныхъ лѣтъ, и вступивъ на религіозную почву, онъ по свойствамъ своего характера и здѣсь руководствовался идеальными стремленіями, не разставаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ присущею ему сантиментальною романтикою. При такомъ настроеніи у Александра должна

была проявиться воспріимчивость къ внушеніямъ піетистовъ и мистиковъ. Заграничный походъ представлялъ много удобныхъ случаевъ къ этому: въ Силезіи государь посѣщалъ общины моравскихъ братьевъ, въ Баденѣ онъ бесѣдовалъ съ Юнгъ-Штиллингомъ, въ Лондонѣ оказывалъ большую благосклонность квакерамъ и выражалъ сочувствіе депутаціи Библейскаго общества. Затѣмъ настало время Вѣнскаго конгресса съ его нескончаемыми свѣтскими развлеченіями и политическими

Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій.

С̃ъ портрета, приложеннаго къ соч. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ».

разочарованіями. И вдругъ, среди этого общества, занятаго удовольствіями и темными дипломатическими интригами, грянуло извѣстіе объ исчезновеніи Наполеона съ острова Эльбы, о появленіи его во Франціи, о бѣгствѣ короля и безкровномъ водвореніи великаго человѣка на императорскомъ престолѣ. Необычайная легкость, съ которой однимъ появленіемъ своимъ Наполеонъ уничтожилъ владычество Бурбоновъ, поразила Александра. До сихъ поръ государь сомнѣвался въ народныхъ симпатіяхъ къ своему великому антагонисту; когда же соверши-

лись мартовскія событія 1815 года, они вызвали въ его душѣ жестокую внутреннюю борьбу, которую онъ скрывалъ отъ всѣхъ самымъ тщательнымъ образомъ. Лагарпъ старался поколебать рѣшенія, принятыя императоромъ, представивъ, что онъ не въ правѣ насиловать народъ, заставивъ его отказаться отъ избраннаго имъ монарха и подчиниться такому, который сдѣлался ему не только чуждъ, но даже ненавистенъ, и что такое несправедливое рѣшеніе не можетъ быть оправдано успѣшнымъ исходомъ начатаго дѣла. Александръ былъ взволнованъ, но не убѣжденъ представленными ему доводами. Стремясь прежде всего исполнить волю Божію, онъ не могъ помириться съ мыслью, чтобы Провидѣніе избрало Наполеона своимъ орудіемъ для блага Франціи: слишкомъ много крови, слишкомъ много слезъ было связано съ его дѣяніями. Подобныя размышленія не могли, однако, успокоить нравственную тревогу, поднявшуюся въ душѣ государя; но, обладая въ рѣдкой степени даромъ владѣть собою, Александръ скрылъ свои сомнѣнія, и никто не замѣчалъ его душевныхъ волненій[441]; всѣ восхищались, напротивъ того, его спокойствіемъ и невозмутимой твердостью.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ впечатлѣній императоръ Александръ прибылъ въ Гейльброннъ; онъ былъ удрученъ скукою и печалью послѣ всѣхъ торжественныхъ пріемовъ мюнхенскаго и виртембергскаго дворовъ. Душа его жаждала уединенія.

«Наконецъ, я вздохнулъ свободнѣе», разсказывалъ впослѣдствіи Александръ о своемъ пребываніи въ Гейльброннѣ Р. С. Стурдзѣ, «и первымъ моимъ движеніемъ было раскрыть книгу, которая всегда со мною; но отуманенный разсудокъ мой не проникалъ въ смыслъ читаемаго. Мысли мои были безсвязны, сердце стѣснено. Я оставилъ книгу и думалъ, какимъ бы утѣшеніемъ была для меня въ подобную минуту бесѣда съ сочувствующимъ душевно мнѣ человѣкомъ. Эта мысль напомнила мнѣ о васъ и о томъ, что вы говорили мнѣ о г-жѣ Криденеръ, а также о желаніи, высказанномъ мною вамъ, познакомиться съ нею. Гдѣ она теперь находится, спрашивалъ я себя, и какъ мнѣ повстрѣчаться съ нею? Никогда! Не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ услышалъ стукъ въ дверь. Это былъ князь Волконскій; съ видомъ нетерпѣнія и досады онъ сказалъ мнѣ, что поневолѣ безпокоитъ меня въ такой часъ только для того, чтобы отдѣлаться отъ женщины, которая настоятельно требуетъ свиданія со мною, и назвалъ г-жу Криденеръ. Вы можете судить о моемъ удивленіи! Мнѣ казалось, что это сновидѣніе. Такой внезапный отвѣтъ на мою мысль представился мнѣ не случайностью. Я принялъ ее тотчасъ же, и она, какъ бы читая въ моей душѣ, обратилась ко мнѣ съ сильными и утѣшительными словами, успокоившими тревожныя мысли, которыми я такъ давно мучился. Ея

появленіе оказалось для меня благодѣяніемъ, и я далъ себѣ слово продолжать столь дорогое для меня знакомство» [442].

Во время этого перваго свиданія г-жа Криденеръ подняла передъ Александромъ завѣсу прошедшаго и представила ему его жизнь со всѣми заблужденіями тщеславія и суетной гордости; она доказала своему слушателю, что минутное пробужденіе совѣсти, сознаніе своихъ слабостей и временное раскаяніе не являются полнымъ искупленіемъ грѣховъ и не

Домъ графа Разумовскаго въ Вѣнѣ, въ Пратерѣ, въ 1814 году.

Съ гравюры Шпрингера.

ведутъ еще къ духовному возрожденію. «Нѣтъ, государь», сказала она ему, «вы еще не приблизились къ Богочеловѣку, какъ преступникъ, просящій о помилованіи. Вы еще не получили помилованія отъ Того, Кто одинъ имѣетъ власть разрѣшать грѣхи на землѣ. Вы еще остаетесь въ своихъ грѣхахъ. Вы еще не смирились предъ Іисусомъ, не сказали еще, какъ мытарь, изъ глубины сердца: Боже, я великій грѣшникъ, помилуй меня! И вотъ почему вы не находите душевнаго мира. Послушайте словъ женщины, которая также была великой грѣшницей,

но нашла прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ у подножія креста Христова». — Въ этомъ смыслѣ г-жа Криденеръ говорила государю въ теченіе почти трехъ часовъ. Александръ могъ сказать только нѣсколько отрывочныхъ словъ; опустивъ голову на руки, онъ проливалъ обильныя слезы. Всѣ слова, имъ слышанныя, были, по выраженію Писанія, точно обоюдоострый мечъ, проникающій до самой глубины души и духа и судящій чувствованія и помышленія его сердца. Наконецъ г-жа Криденеръ, испуганная тѣмъ тревожнымъ состояніемъ, въ какое ея слова повергли Александра, сказала ему: «Государь, я прошу васъ простить мнѣ тонъ, какимъ я говорила. Повѣрьте, что я со всею искренностью сердца и передъ Богомъ сказала вамъ истины, которыя еще не были сказаны вамъ. Я только исполнила священный долгъ относительно васъ». — «Не бойтесь», отвѣчалъ Александръ: «всѣ ваши слова нашли мѣсто въ моемъ сердцѣ: вы помогли мнѣ открыть въ себѣ самомъ то, чего я еще никогда не подмѣчалъ въ себѣ; я благодарю за это Бога, но мнѣ нужно часто имѣть такіе разговоры, и я прошу васъ не удаляться»[443].

Съ этого дня веденіе подобныхъ бесѣдъ явилось для императора Александра душевною потребностью и нравственною поддержкою на томъ пути, на который онъ сталъ отнынѣ. По мнѣнію князя А. Н. Голицына, бесѣды Александра съ г-жею Криденеръ имѣли направленіе духовное, и, можетъ быть, онѣ только отчасти касались современныхъ событій. «Безъ сомнѣнія», говорилъ князь Голицынъ, «живущая вѣрою Криднерша подкрѣпляла эту развивающуюся вѣру въ государѣ своими безкорыстными и опытными совѣтами; она рѣшительно направила волю Александрову еще къ большему самопреданію и молитвѣ; она, можетъ быть, въ то же время раскрывала ему и тайну той молитвы духомъ, которая, бывъ отъ Бога назначена достояніемъ всѣхъ земнородныхъ, по несчастію, однако, есть удѣлъ только весьма немногихъ избранныхъ». Съ этого времени, впрочемъ, князю Голицыну оставалось только испытывать живое чувство удовольствія, наблюдая, «какъ исполински пошелъ императоръ по пути религіи»[444].

Если сфера нравственныхъ воззрѣній, среди которой сталъ обращаться Александръ, возбуждала къ себѣ полное сочувствіе князя Голицына, то Лагарпъ иначе смотрѣлъ на это дѣло; оно возбудило въ немъ чувство печали и лишило его возможности продолжать радоваться успѣхамъ своего царственнаго питомца. Взгляды ихъ стали расходиться по существу. Лагарпъ не одобрялъ крестоваго похода противъ Наполеона и старался, какъ выше упомянуто, поколебать въ этомъ отношеніи рѣшеніе, принятое государемъ на конгрессѣ. Не довольствуясь этимъ, Лагарпъ, послѣ отъѣзда Александра изъ Вѣны, продолжалъ еще болѣе настойчиво оспаривать направленіе, которому сталъ слѣдовать

обожаемый имъ воспитанникъ. Но старанія его измѣнить направленіе, принятое событіями, остались тщетными: для Александра геній зла олицетворялся въ эту эпоху въ образѣ Наполеона. Эту мысль государь высказалъ Лагарпу въ письмѣ отъ 29-го мая (10-го іюня) 1815 года. «Я получилъ два письма ваши», писалъ онъ. «Простите за откровенность, но я совершенно не раздѣляю вашего мнѣнія. Мнѣ даже кажется, что и вы измѣнили его послѣ разговоровъ нашихъ въ Вѣнѣ. Подчиняться генію зла значитъ упрочивать его власть, доставлять ему средства установить тиранію еще болѣе ужаснымъ образомъ, чѣмъ въ первый разъ. Надобно имѣть храбрость, чтобы бороться съ нимъ, и, съ помощію Божественнаго Провидѣнія, единства и настойчивости, мы достигнемъ счастливаго исхода. Въ этомъ заключается мое убѣжденіе» [445].

Графъ Каподистріа.
Съ гравированнаго портрета Молова.

Императоръ Александръ по обыкновенію, принятому имъ во время походовъ 1813 и 1814 годовъ, желалъ непремѣнно находиться въ средоточіи военныхъ дѣйствій. Австрійцамъ это намѣреніе было не по душѣ, и они прислали изъ своей главной квартиры въ Гейдельбергѣ

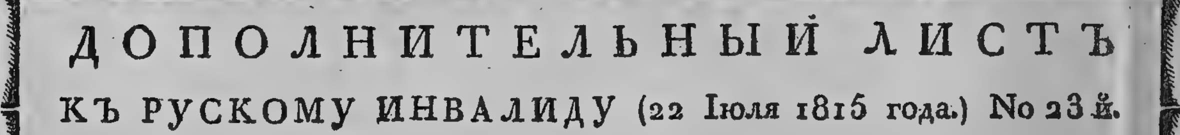
извѣщеніе, что въ этомъ небольшомъ городѣ трудно найти подходящее помѣщеніе и что поэтому полагали бы, что для его величества гораздо спокойнѣе будетъ продолжать пребываніе въ Гейльброннѣ. Государь приказалъ отвѣтить, что проситъ объ отводѣ для него въ Гейдельбергѣ только одного или двухъ домовъ и что главная квартира его расположится въ окрестныхъ деревняхъ. Затѣмъ Александръ 25-го мая (6-го іюня) переѣхалъ въ Гейдельбергъ и окончательно поселился за городомъ, на берегу Некара, въ домѣ англичанина Пикфорда; здѣсь государь пробылъ до 10-го (22-го) іюня, ожидая приближенія къ Рейну своей арміи.

Г-жа Криденеръ не замедлила также переѣхать въ Гейдельбергъ и поселиться недалеко отъ дома, занимаемаго государемъ. У нея онъ проводилъ большую часть своихъ вечеровъ и, слушая ея душеспасительныя наставленія, въ довѣрчивой бесѣдѣ передавалъ ей повѣсть скорбей и страстей, которыми омрачалась преисполненная горестями жизнь его. Въ этихъ бесѣдахъ участвовалъ также спутникъ и сотрудникъ г-жи Криденеръ Эмпейтазъ. Г-жа Криденеръ не льстила Александру и владѣла даромъ говорить правду, не нанося оскорбленія. По мнѣнію ея почитателей, она могла бы сдѣлаться для Россіи благодѣтельнымъ геніемъ, но этому будто бы помѣшало лицемѣріе разныхъ недостойныхъ лицъ, воспользовавшихся этимъ новымъ настроеніемъ государя какъ средствомъ для достиженія цѣлей, вовсе не согласныхъ съ возвышенными чувствами и намѣреніями Александра.

Убѣждаясь все болѣе въ силѣ покаянія и молитвы, государь сказалъ однажды Эмпейтазу: «Я могу увѣрить васъ, что часто, когда мнѣ случалось бывать въ трудныхъ положеніяхъ (des situations scabreuses)[446], я всегда выходилъ изъ нихъ молитвой. Я скажу вамъ нѣчто, что чрезвычайно удивило бы всѣхъ, если бы было извѣстно: когда въ совѣщаніяхъ съ министрами, далеко не имѣющими моихъ принциповъ, они оказываются противоположныхъ мнѣній, я, вмѣсто того, чтобы спорить, творю внутренно молитву, и мало-по-малу они приближаются къ принципамъ человѣколюбія и справедливости».

Усвоивъ себѣ обыкновеніе каждый день читать Св. Писаніе, Александръ сталъ искать въ немъ непосредственныхъ отвѣтовъ на свои сомнѣнія. «7-го (19-го) іюня», разсказываетъ Эмпейтазъ, «онъ читалъ 35-й псаломъ; вечеромъ онъ сказалъ намъ, что этотъ псаломъ разсѣялъ въ его душѣ всѣ остававшіяся у него безпокойства относительно успѣха войны; отнынѣ онъ убѣжденъ, что дѣйствовалъ согласно съ волей Божіей».

Во время пребыванія государя въ Гейдельбергѣ туда явились великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи. Бывшій воспитатель ихъ, генералъ Ламздорфъ, возвратился въ Россію, а мѣсто его занялъ генералъ-адъютантъ Коновницынъ[447]. Затѣмъ туда же пріѣхала великая княгиня Екатерина Павловна.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

КЪ РУСКОМУ ИНВАЛИДУ (22 Іюля 1815 года.) No 23 й.

ВЗЯТІЕ БУОНАПАРТЕ

Съ курьеромъ прибывшимъ сюда изъ Парижа, получено сего дня въ 1 по полудни достовѣрное извѣстіе о взятіи Буонапарте. Блокирующіе его при островѣ Ре Англійскіе корабли принудили его сдаться. Онъ немедлѣнно отвезенъ въ одну изъ сѣверныхъ крѣпостей Шотландіи, гдѣ и долженъ онъ остаться до конца жизни своей. Ожидаютъ подробности о семъ произшествіи объявленномъ въ Парижѣ чрезъ дополнительный листъ на которомъ была надпись: *Взятіе Наполеона* съ большими литерами. Говорятъ что радость добрыхъ Парижанъ неизъяснима!

Печатать позволяется. Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Г. Яценковъ.
Печатано въ Типографіи Прав. Сената, и продается у Г-на Крайа въ домѣ Бреммера на Исакіевской площади No. 197.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Съ рѣдкой литографіи Бегрова.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Еще до прибытія императора Александра австрійцы приступили къ разработкѣ общаго плана военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Онъ заключался въ томъ, чтобы, въ ожиданіи прибытія русской арміи къ среднему Рейну, сосредоточить англо-прусскую армію въ Бельгіи и на нижнемъ Рейнѣ, а свою, составленную изъ австрійскихъ и нѣмецкихъ войскъ, на верхнемъ Рейнѣ, чтобы войти въ связь съ австрійскою арміею, двигавшеюся изъ Италіи; по прибытіи же русской арміи къ Майнцу и Мангейму надлежало, по мнѣнію князя Шварценберга, направить ее на поддержаніе австрійской арміи къ Шомону. Затѣмъ обѣ союзныя массы должны были одновременно двинуться впередъ. Планъ этотъ, очевидно, былъ составленъ въ томъ предположеніи, какъ будто Наполеонъ располагалъ въ 1815 году несмѣтными силами, и свидѣтельствуетъ о всеобщемъ страхѣ, который великій полководецъ внушилъ прежними побѣдами. Императоръ Александръ началъ оспаривать цѣлесообразность выработаннаго Шварценбергомъ предположенія и между прочимъ высказалъ также мнѣніе о необходимости союзнымъ монархамъ быть вмѣстѣ въ одной главной квартирѣ, какъ и въ прошломъ году.

Въ политическихъ взглядахъ союзниковъ относительно будущей судьбы Франціи царствовало не меньшее разногласіе. Пока въ главной квартирѣ происходили совѣщанія и политическіе споры, Наполеонъ открылъ наступательныя дѣйствія противъ англо-прусской арміи и разбилъ Блюхера при Линьи. Это извѣстіе вызвало среди союзниковъ сильную тревогу. Немедленно собранъ былъ 8-го (20-го) іюня военный совѣтъ, на которомъ, отмѣнивъ прежде принятый планъ дѣйствій, рѣшили обѣ арміи, русскую и австрійскую, сосредоточить между Майнцомъ и Базелемъ и слѣдовать къ Нанси, имѣя въ виду сосредоточиться тамъ въ концѣ іюня (стараго стиля); баварской арміи поручено было прикрывать русскую армію съ праваго фланга, а корпусу графа Ланжерона обложить Страсбургъ и Ландау.

Тревожное настроеніе союзниковъ продолжалось недолго. 10-го (22-го) іюня было получено радостное для нихъ извѣстіе о рѣшительной побѣдѣ, одержанной при Ватерло; отнынѣ среди коалиціи стало преобладать исключительно одно соображеніе — въ возможно скорѣйшее время достигнуть Парижа. На другой день императоръ Александръ перенесъ свою главную квартиру въ Мангеймъ. Между тѣмъ событія во Франціи быстро подвигались къ окончательной развязкѣ; 13-го (25-го) іюня Наполеонъ вторично отказался отъ престола въ пользу своего сына и отправился въ Рошфоръ, чтобы удалиться въ Америку. Теперь Людовику XVIII оставалось только возвратиться въ свою столицу и принять корону изъ рукъ временнаго правительства, что онъ не замедлилъ исполнить съ возможною для него поспѣшностью и подъ покровительствомъ иностранныхъ штыковъ.

Приближаясь къ французскимъ предѣламъ, фельдмаршалъ графъ Барклай де-Толли отдалъ, по приказанію и ближайшимъ указаніямъ государя, приказъ по арміи, въ которомъ войска предварялись, что всѣ благомыслящіе и благонамѣренные французы — наши друзья: «Мирный и безоружный житель Франціи, въ жилищѣ и собственности своей, между нами долженъ быть столько же безопасенъ, какъ въ нашемъ отечествѣ наши соотечественники. Одни вооруженные и дѣйствующіе противъ насъ и союзниковъ нашихъ суть наши враги и непріятели: ихъ надлежитъ

Мюратъ.

Съ гравюры Боссельмана.

вамъ побѣждать и истреблять. Въ прошедшую войну, когда еще живо напечатлѣны были въ каждомъ изъ васъ всѣ ужасы причиненныхъ французами въ Россіи опустошеній, зажигательствъ, насильствъ и грабежей, когда духъ мщенія не могъ еще временемъ изгладиться въ чувствованіяхъ вашихъ, вы и тогда отличались безпримѣрною добродѣтелью щадить безоружныхъ жителей Франціи. Теперь, когда они ни въ чемъ невинны и когда ихъ объятія къ вамъ распростерты, вы тѣмъ паче обязываетесь усугубить сію добродѣтель, не посягать на обиду и озлобленіе мирныхъ и невооруженныхъ французовъ; напротивъ, защищать и покровительствовать несчастныя жертвы, угнетаемыя тиранствомъ и властолюбіемъ —

на сіе воля государя императора есть точная и непреложная».—Насколько милостивы были слова приказа относительно безоружныхъ французовъ, настолько же грозны были порицанія, расточаемыя въ немъ насчетъ Наполеона: «Справедливость, а съ нею и Богъ на нашей сторонѣ. Мы не жаждемъ, подобно Бонапарте, крови въ видахъ властолюбія: достиженіе общаго спокойствія, безопасности и незыблемаго благополучія народовъ есть единственная цѣль союзныхъ государей; слѣдовательно, съ твердымъ упованіемъ можемъ мы положиться на помощь Всемогущаго и съ увѣренностью ожидать новыхъ побѣдъ и уничтоженія вредныхъ замысловъ врага человѣчества».

Русскимъ войскамъ, проходившимъ черезъ Мангеймъ на лѣвый берегъ Рейна, императоръ Александръ дѣлалъ смотры; они удивляли иностранцевъ мужественнымъ видомъ солдатъ, исправностью оружія и хорошимъ состояніемъ лошадей. Дѣйствительно, поспѣшность, съ которою русскіе явились отъ Нѣмана къ Рейну, при сохраненіи во всѣхъ частяхъ отмѣннаго порядка, заслуживала признательной похвалы. Но отъ зоркаго ока государя не скрылись также и нѣкоторые недостатки, и онъ, не стѣсняясь, часто выражалъ свое неудовольствіе. Изъ слѣдующихъ трехъ строгихъ замѣчаній, сдѣланныхъ Александромъ и посланныхъ фельдмаршалу, можно видѣть, до какой степени онъ входилъ во всѣ подробности и даже мелочи, касавшіяся войскъ. Ахтырскій гусарскій полкъ найденъ былъ государемъ въ отличномъ состояніи, но было замѣчено, что нѣкоторые унтеръ-офицеры употребляли, противъ положенія, серебряныя цѣпочки на уздахъ. Другіе гусарскіе полки государь хулилъ за то, что на киверахъ солдатъ султаны были не довольно прямы. Объ артиллеріи 9-й пѣхотной дивизіи было сказано, что у исправнаго извозчика сбруя на лошадяхъ лучше; въ наказаніе велѣно было командиру роты служить за младшаго офицера въ продолженіе всего похода. Вотъ какими строгостями сопровождались гейдельбергскія душеспасительныя бесѣды.

Во время похода во Францію въ 1815 году военные подвиги русскихъ ограничились только взятіемъ штурмомъ города Шалона, при чемъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ захватилъ шесть орудій. Кромѣ того, русскія войска встрѣтили упорное сопротивленіе при обложеніи крѣпости Мецъ. Государь съ главною квартирою своею, съ императоромъ Францемъ и королемъ прусскимъ, слѣдовалъ при колоннѣ войскъ, находившейся подъ начальствомъ генерала Раевскаго[448].

Очевидецъ и участникъ этого почти безкровнаго похода занесъ въ свой дневникъ слѣдующія не лишенныя интереса замѣтки: «Можно сказать, что государь самъ предводительствуетъ всею арміею, а что Барклай де-Толли объявляетъ только его повелѣнія; всѣ донесенія приходятъ прямо къ императору, приказанія о движеніи войскъ и о направленіи ихъ отдаются его величествомъ. Князь Волконскій показываетъ ему

почти каждую бумагу, относящуюся до марша армiи; государь собственноручно сочиняетъ бумаги, которыя заслуживаютъ большого вниманiя, и лично повѣряетъ таблицы маршей, словомъ, онъ входитъ во всѣ подробности. Переходы дѣлаетъ онъ верхомъ, съ чужими веселъ и торжествуетъ;

Наполеонъ въ 1815 году.

Съ гравюры Гутьера, сдѣланной съ портрета Зандоца.

когда же занимается дѣломъ — важенъ, иногда бранчивъ, быстръ, но не тороплпвъ и взыскателенъ». Населенiе всюду съ любопытствомъ и сочувствiемъ встрѣчало государя; по нѣсколько часовъ народъ терпѣливо ожидалъ минуты, чтобы взглянуть на него, тогда какъ улицы, въ ко-

торыхъ жили императоръ Францъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ были пусты, «какъ будто бы монарховъ сихъ тамъ не было». Въ главной квартирѣ съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ слѣдили за извѣстіями, заключавшимися во французскихъ газетахъ, получавшихся изъ Парижа. «Сколько занимательно содержаніе парижскихъ вѣдомостей, столько же достойно примѣчанія краснорѣчіе ихъ издателей», читаемъ въ томъ же дневникѣ. «Какъ эти люди умѣютъ хорошо писать, и какъ мы еще далеки отъ нихъ въ семъ отношеніи! Самыя заблужденія ихъ изложены такимъ образомъ, что нельзя ими не любоваться; мы читаемъ и перечитываемъ самыя вздорныя ихъ пренія; можетъ быть, кромѣ прелестнаго изложенія происходитъ сіе отъ того, что большая часть ихъ словъ основана на теоріи правъ человѣчества и народовъ, а поэтому всѣ, даже и тѣ изъ русскихъ, которые закоренѣлы въ предразсудкахъ, и коихъ сила и слава въ непризнаваніи этихъ вѣчныхъ правилъ, охотно занимаются парижскими журналами. Сегодня знатнѣйшіе генералы, окружающіе государя, читали Монитеръ и другія газеты, и когда рѣчь шла объ отвлеченныхъ понятіяхъ, то нѣкоторые изъ нихъ не разумѣли настоящаго значенія оныхъ. Одинъ спросилъ меня, что такое слово «inviolable», о которомъ часто было упоминаемо, и полагалъ, что оно избавляло Наполеона только отъ тѣлеснаго наказанія; другой желалъ знать, существуетъ ли еще Рейнскій союзъ?»[449].

Однообразіе похода, который уподобился военной прогулкѣ, было прервано попытками французовъ организовать партизанскую войну; но она не успѣла получить опаснаго для арміи развитія вслѣдствіе занятія англо-прусскими войсками Парижа, сдавшагося на капитуляцію. Съ этой минуты война могла считаться оконченною. Не доѣзжая до Сенъ-Дизье, государь встрѣтилъ курьера, посланнаго изъ Парижа генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ съ донесеніемъ, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что, по мнѣнію Веллингтона, присутствіе императора Александра въ Парижѣ необходимо, такъ какъ онъ одинъ только въ состояніи разсѣчь Гордіевъ узелъ и принять мѣры, сообразныя съ обстоятельствами. Генералъ Гнейзенау, какъ свидѣтельствовалъ Чернышевъ, также былъ того мнѣнія, что, въ виду непріязненнаго расположенія парижанъ къ Бурбонамъ, одинъ государь можетъ распутать это дѣло, и что безъ него никто не осмѣливается ни на что рѣшиться; поэтому Веллингтонъ убѣдительно просилъ императора прибыть въ Парижъ, чтобы положить конецъ какъ личному его недоумѣнію, такъ равно и запутанности дѣлъ вообще.

По полученіи этого донесенія императоръ Александръ рѣшился немедленно опередить армію и проѣхать 200 верстъ, отдѣлявшія его отъ Парижа, по мѣстности, не занятой нашими войсками. 27-го іюня (9-го іюля) государь выѣхалъ изъ Сенъ-Дизье, сопровождаемый императоромъ Фран-

цемъ и королемъ прусскимъ. Для обезпеченія переѣзда заблаговременно было послано на каждую станцію до города Мо по полусотнѣ казаковъ; далѣе же монархи продолжали путь безъ конвоя. При государѣ находились графы Нессельроде и Каподистріа, князь Волконскій и адъютантъ послѣдняго, капитанъ Михайловскій-Данилевскій. Всѣ помѣстились въ девяти экипажахъ; положено было не отставать другъ отъ друга и ѣхать вмѣстѣ. «Должно удивляться», пишетъ по этому поводу Данилевскій: «съ какою смѣлостью государь отважился на опасный путь, въ которомъ сотня рѣшительныхъ французовъ могла перемѣнить участь вселенной».

28-го іюня (10-го іюля) Александръ благополучно достигъ Парижа и остановился въ Елисейскомъ дворцѣ. Когда парижане, не ожидавшіе такъ скоро увидѣть государя, узнали его, то взывали въ восторгѣ: «Вотъ Александръ, вотъ нашъ избавитель». Черезъ полчаса во дворецъ прибылъ король; на этотъ разъ онъ отказался разыгрывать Людовика XIV и первымъ поспѣшилъ привѣтствовать покровителя Франціи. Оба монарха провели вмѣстѣ болѣе часа, и когда вышли изъ комнаты, въ которой бесѣдовали, то на государѣ была голубая лента ордена Святого Духа, и король, обратившись къ стоявшимъ тамъ русскимъ, сказалъ императору: «Ваше величество, объявите этимъ господамъ, что на васъ не лента святого Андрея Первозваннаго». Они разстались, повидимому, ласковѣе и дружелюбнѣе, нежели встрѣтились.

Прибытіе императора Александра успокоило жителей Парижа; всѣ партіи признали въ немъ своего покровителя и возлагали на него свои надежды. Блюхеръ, намѣревавшійся взорвать Іенскій мостъ, приступилъ уже къ необходимымъ для сего приготовленіямъ, не взирая на протесты французскаго правительства; государь немедленно запретилъ исполнить намѣченное пруссаками варварское и безцѣльное распоряженіе. Кромѣ того, контрибуція, наложенная Блюхеромъ на Парижъ, была уменьшена, и, наконецъ, Александръ явился защитникомъ цѣлости Франціи противъ неумѣренныхъ требованій своихъ союзниковъ. Среди всеобщаго возбужденія умовъ и разныхъ предостереженій, получавшихся государемъ, онъ не подавалъ вида, что можно опасаться чего-либо: ходилъ по Парижу пѣшкомъ, иногда одинъ, прогуливался по Елисейскимъ полямъ верхомъ, въ сопровожденіи одного только конюшаго, и ѣздилъ по городу въ каретѣ, запряженной двумя лошадьми, съ двумя лакеями французами и съ кучеромъ, также французомъ, безъ всякаго прикрытія. Караулъ содержали въ Елисейскомъ дворцѣ попеременно пруссаки, англичане, а затѣмъ и русскіе; только на ночь дворецъ охраняли еще нѣсколько лейбъ-казаковъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Александра въ Парижъ, 29-го іюля (10-го августа), одна гренадерская и одна кирасирская дивизіи съ торже-

ствомъ вступили въ столицу Франціи. Во время церемоніальнаго марша нѣкоторыя части сбились съ ноги, за что полковые командиры, къ общему огорченію русскихъ, были арестованы.

Данилевскій сообщаетъ объ этомъ случаѣ весьма характерныя для того времени подробности: «Нѣкоторые генералы громко говорили, что этотъ поступокъ неприличенъ; другіе, которые находились ближе ко двору, увѣряли, что наказаніе еще не достаточно строго. Въ особенности возсталъ противъ сего генералъ Ермоловъ. Король прусскій пригласилъ офицеровъ своего полка, бывшаго С.-Петербургскаго гренадерскаго, къ обѣденному столу, въ продолженіе котораго государь безпрестанно отзывался съ худой стороны насчетъ упомянутыхъ трехъ полковъ и довелъ до слезъ начальника дивизіи генерала Рота. Надобно замѣтить, что сегодня во дворцѣ у императора въ караулѣ англичане; посему Ермоловъ предложилъ его величеству, что, буде дѣйствительно угодно арестовать тѣхъ полковниковъ, то, по крайней мѣрѣ, посадить ихъ въ русскую караульную, дабы не срамить нашего имени. «Нѣтъ», отвѣчалъ императоръ: «пусть они для большаго стыда будутъ содержаны у англичанъ».— Ермоловъ встрѣтилъ вечеромъ въ театрѣ великихъ князей и сказалъ имъ: «Развѣ полагаете, ваши высочества, что русскіе военные служатъ государю, а не отечеству? Они пришли въ Парижъ защищать Россію, а не для парадовъ. Таковыми поступками нельзя пріобрѣсти привязанности арміи».— Великіе князья по молодости и неопытности своей не знали, что отвѣчать на столь нескромныя и дерзкія рѣчи.— Увѣряютъ, что генералъ Ротъ сказалъ его величеству: «Я сожалѣю, что дивизія, которою я командую, не имѣетъ случая драться съ непріятелемъ: она бы доказала, что она не недостойна милости вашей».

А. П. Ермоловъ въ разговорѣ съ Н. Н. Муравьевымъ сообщилъ ему на Кавказѣ въ 1818 году слѣдующія подробности этого плачевнаго дѣла, дополняющія собою разсказъ Данилевскаго[450]. «Когда мы въ 1815 году вступили въ Парижъ парадомъ», говорилъ Ермоловъ: «я командовалъ корпусомъ, и государь приказалъ мнѣ арестовать на англинской гаубтвахтѣ двухъ полковыхъ командировъ за то, что несчастный какой-то взводъ съ ноги сбился.— «Государь», сказалъ я, «полковники сіи отличнѣйшіе офицеры, уважьте службу ихъ, а особливо не посылайте ихъ на иностранную гаубтвахту: у насъ есть Сибирь, крѣпость».— «Исполняйте долгъ свой», закричалъ государь, и я замолчалъ но не арестовалъ полковниковъ, думая, что это также пройдетъ[451]. Въ случаѣ, если бъ государь спросилъ объ нихъ, у меня заготовленъ былъ отвѣтъ, что они повели полки свои на квартиры въ селенія. Ввечеру государь спросилъ объ нихъ у князя Волконскаго, арестованы ли полковники, и, какъ ихъ на гаубтвахтѣ не было, то онъ раскричался на

ПРОЩАНІЕ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА СЪ ГВАРДІЕЙ ВЪ ФОНТЕНЕБЛО, 8-го (20-го) АПРѢЛЯ 1814 ГОДА

Съ гравюры Жирарде, сдѣланой съ картины Ораса Верне.

Смотръ союзныхъ армій въ Парижѣ въ 1815 году.
Съ гравюры Шарона, сдѣланной съ рисунка съ натуры Сентфаля.

Волконскаго и стращалъ его самого арестомъ. Волконскій, испугавшись, послалъ адъютантовъ своихъ отыскивать меня по всему Парижу; меня нашли въ театрѣ. Адъютантъ Христомъ Богомъ умаливалъ меня, чтобы я росписался въ полученіи записки Волконскаго; я принужденъ былъ выйти въ фойе и тамъ росписался. На другой день я пробовалъ просить государя, не помогло: я получилъ отказъ и принужденъ былъ арестовать полковниковъ на англійской гаубтвахтѣ—Какъ не обожать великаго Алексѣя Петровича!» прибавляетъ къ этому разсказу Муравьевъ.

Вообще, Александръ становился по службѣ все болѣе и болѣе взыскательнымъ. «Строгость», говорилъ онъ, «причиною, что наша армія есть самая храбрая и прекрасная». Въ 1814 году, во время пребыванія въ Парижѣ, государь разрѣшилъ всѣмъ военнымъ носить гражданское платье, не присутствовалъ болѣе на разводахъ и, какъ пишетъ очевидецъ, «будучи свидѣтелемъ подвиговъ арміи, убѣдился, какъ казалось, въ томъ, что строгое соблюденіе гарнизонной службы безполезно. Таковое расположеніе продолжалось и нынѣшняго года, по вступленіи нашемъ въ Парижъ, двѣ недѣли, и можно себѣ легко представить, сколь много сіе всѣхъ радовало. Однажды вечеромъ государь поѣхалъ гулять верхомъ по Елисейскимъ полямъ и встрѣтилъ Веллингтона, учившаго двѣнадцать рекрутъ. По возвращеніи государь сказалъ: «Wellington m'a fait revenir d'une grande erreur, en temps de paix il faut s'occuper des détails du service», и на другой день послѣ сей встрѣчи съ англійскимъ фельдмаршаломъ начались у насъ попрежнему разводы и ученья. Мнѣ кажется, что эта встрѣча была не случайная и что она была приготовлена англійскимъ министерствомъ въ томъ намѣреніи, чтобы отвлечь императора фронтовою службою отъ важнѣйшихъ занятій» [452].

Для характеристики императора Александра наблюдательный Данилевскій останавливается еще на слѣдующемъ случаѣ, относящемся также къ 1815 году: «Государь слѣдуетъ, кажется, русской пословицѣ, что всякая вина виновата. Недавно императоръ очень разсердился на князя Волконскаго за то, что затерялось какое-то важное донесеніе, полученное отъ нашего посланника при Нидерландскомъ дворѣ, и между прочимъ сказалъ ему въ гнѣвѣ при всѣхъ, что онъ его ушлетъ въ такое мѣсто, котораго князь не найдетъ на всѣхъ своихъ картахъ». — Хотя князь въ семъ дѣлѣ былъ не виноватъ, потому что, какъ мнѣ извѣстно, онъ положилъ полученную изъ Брюсселя депешу въ кабинетъ государя, гдѣ она во множествѣ бумагъ, вѣроятно, затерялась, но не менѣе того онъ чрезмѣрно былъ огорченъ, никого во весь день кромѣ меня къ себѣ не допускалъ, говорилъ мнѣ, что онъ все броситъ и уѣдетъ въ Россію, и, наконецъ, просилъ меня принести ему Библію. Подъ вечеръ государь за нимъ послалъ и, смѣясь, сказалъ ему: «Не правда ли, что ты

былъ виноватъ? помиримся». — «Вы бранитесь при всѣхъ», отвѣчалъ князь: «а миритесь наединѣ». — Они пробыли вдвоемъ съ часъ, и на другой день назначено быть званому обѣду, на которомъ императоръ хотѣлъ всему двору показать, что онъ болѣе не гнѣвается на своего

Александръ Ивановичъ Чернышевъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Сентъ-Обена.

любимца, и между прочимъ сказалъ: «Люди, живущіе вмѣстѣ, иногда ссорятся, но зато скоро и мирятся, напримѣръ, какъ мы съ Волконскимъ».

Гейдельбергскія душеспасительныя бесѣды, прерванныя непродолжительнымъ походомъ, возобновились въ Парижѣ. По приглашенію императора Александра, баронесса Криденеръ прибыла туда 2-го (14-го) іюля и поселилась по близости Елисейскаго дворца, въ отелѣ Моншеню. Го-

сударь постоянно видѣлся съ г-жею Криденеръ, слушалъ ея благочестивыя, вдохновенныя рѣчи и проводилъ у нея большую часть вечеровъ, продолжая прежнія бесѣды о своей грѣховности и о томъ душевномъ спокойствіи, которое наконецъ сдѣлалось его достояніемъ. Во время этихъ свиданій происходило чтеніе Св. Писанія, смѣнявшееся молитвою, подъ вліяніемъ которыхъ императоръ все больше и больше проникался убѣжденіемъ въ силѣ покаянія и смиренія. Подъ вліяніемъ этого новаго настроенія образъ жизни Александра совершенно измѣнился; онъ уединялся, избѣгалъ празднествъ и увеселеній. Г-жа Криденеръ писала: «Онъ обязанъ бывать иногда въ свѣтѣ, но онъ никогда не отправляется на спектакли или на балы; онъ говорилъ мнѣ, что эти вещи производятъ на него впечатлѣніе похоронъ и что онъ уже не можетъ понимать свѣтскихъ людей, предлагающихъ ему развлеченіе».

Въ то время какъ Александръ усердно молился и утѣшалъ себя духовною бесѣдою, во Франціи начались бѣлый терроръ и расправы за недавнія событія. Бурбоны избрали жертвами своей неумолимой мести трехъ наполеоновскихъ дѣятелей: полковника Лабедоера, маршала Нея и графа Лавалетта. Первые два были разстрѣляны, послѣднему же удалось спастись бѣгствомъ изъ тюрьмы. Императоръ Александръ безмолвствовалъ и, не внявъ никакимъ просьбамъ о спасеніи отъ казни этихъ несчастныхъ жертвъ политическихъ междоусобій Франціи, не произнесъ своего рѣшительнаго слова[453]. Генералъ-адъютантъ Жомини пытался спасти своего бывшаго начальника, маршала Нея, и осмѣлился прислать государю въ запечатанномъ конвертѣ оправданіе маршала; но Александръ прогнѣвался и велѣлъ написать генералу Жомини, что «доколѣ онъ находится въ службѣ его величества, то не долженъ заниматься никакими посторонними дѣлами, не принадлежащими къ сей службѣ».—Вмѣстѣ съ тѣмъ возвращено ему было и оправданіе Нея.

Послѣ тяжкаго и изнурительнаго похода русская армія такъ скоро оправилась, что до возвращенія ея въ отечество Александръ пожелалъ пощеголять ею и показать свои войска и непріятелямъ, и союзникамъ. Эта, какъ называетъ ее современникъ, мирная война принесла свою пользу. Императоръ, принявшій на себя роль великодушнаго покровителя Франціи, хотѣлъ показать союзникамъ огромныя силы, которыя онъ имѣлъ подъ рукою для поддержки своихъ намѣреній; помимо того, такъ какъ этотъ смотръ долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужить шумнымъ объявленіемъ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Франціи, то демонстрація получала и другое значеніе: выступленіе войскъ показывало, что Россія, по водвореніи законнаго правительства Людовика XVIII, не намѣрена болѣе участвовать въ дальнѣйшей войнѣ съ Франціею, если бы парижскіе переговоры не пришли къ мирному концу; къ тому же, «врагъ общаго мира и спокойствія», Наполеонъ, находился въ это время на

пути къ мѣсту своего заключенія на островѣ Св. Елены [454], и такимъ образомъ главная побудительная причина воинственнаго порыва Александра не существовала болѣе.

Первоначально государь полагалъ произвести смотръ своей арміи въ началѣ августа подъ Феръ-Шампенуазомъ, но потомъ отсрочилъ этотъ смотръ на нѣсколько недѣль, чтобы дать французскимъ крестьянамъ время убрать съ полей хлѣбъ, и вмѣсто Феръ-Шампенуаза избралъ въ Шампани, близъ Вертю (въ 120-ти верстахъ отъ Парижа) между Эперне, Бріеномъ и Шалономъ, обширную равнину, надъ которою господствуетъ уединенно лежащій высокій холмъ Монтеме (Mont-Aimé). Между тѣмъ какъ армія, подъ начальствомъ фельдмаршала Барклая, сосредоточивалась на этой мѣстности, въ императорской главной квартирѣ днемъ и ночью не прерывались работы: составлялись чертежи, обсуждали разстановку войскъ, какія движенія имъ произвести, и устанавливали командныя слова и сигналы для каждаго корпуса порознь. Государь самъ входилъ во всевозможныя подробности; къ нему носили разъ по двадцати въ день всѣ бумаги, касавшіяся этого смотра, на которомъ онъ намѣревался представить свою армію на судъ всей Европы. 25-го августа (6-го сентября) императоръ Александръ отправился съ княземъ Волконскимъ въ Вертю. Предположено было 26-го августа (7-го сентября), въ памятный день Бородинскаго сраженія, произвести примѣрный смотръ, а затѣмъ 29-го августа (10-го сентября) настоящій смотръ, въ присутствіи союзныхъ государей и всѣхъ приглашенныхъ на это торжество иностранцевъ. Собраніе должно было закончиться 30-го августа (11-го сентября), въ день тезоименитства государя, церковнымъ парадомъ. Въ строю находилось болѣе 150,000 человѣкъ при 540 орудіяхъ [455]; среди русскихъ войскъ отсутствовалъ только корпусъ графа Ланжерона, блокировавшій французскія крѣпости, еще не сдавшіяся союзникамъ: Тіонвиль, Мецъ, Верденъ и Сарлуи.

Репетиція парада въ присутствіи государя и великихъ князей Николая и Михаила Павловичей удалась вполнѣ. Внѣшнее состояніе войскъ было безукоризненное, всѣ построенія совершались въ примѣрномъ порядкѣ [456]. Въ минуту радостнаго чувства при видѣ такой блестящей арміи Александръ сказалъ: «Я вижу, что моя армія первая въ свѣтѣ; для нея нѣтъ ничего невозможнаго, и по самому наружному ея виду никакія войска не могутъ съ нею сравниться».

На другой день начали съѣзжаться иностранцы. Въ числѣ приглашенныхъ находилась, конечно, г-жа Криденеръ; она со своей свитой поселилась по близости отъ лагеря, въ замкѣ дю-Мениль. Съ утра явились за нею императорскіе экипажи, и почести, которыя Людовикъ XIV оказалъ г-жѣ Ментенонъ въ Компьенскомъ лагерѣ, не превосходили того почтенія, какое умиротворитель Европы оказалъ г-жѣ Криденеръ.

Родъ тріумфа, котораго она удостоилась въ лагерѣ при Вертю, обозначилъ высшую точку и, такъ сказать, свѣтлую вершину ея вліянія[457].

Въ числѣ прибывшихъ гостей находились императоръ австрійскій, король прусскій, герцогъ Веллингтонъ, князь Шварценбергъ и множество иностранныхъ принцевъ и другихъ особъ, явившихся по случаю этого торжества изъ Парижа, Голландіи, Лондона и другихъ мѣстъ.

29-го августа (10-го сентября) смотръ происходилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и во время репетиціи, въ присутствіи несмѣтнаго числа иностранцевъ, при чемъ во время церемоніальнаго марша государь лично предводительствовалъ арміею и салютовалъ союзнымъ монархамъ. Великій князь Николай Павловичъ въ первый разъ обнажилъ въ Вертю шпагу, передъ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ; великій князь Михаилъ Павловичъ находился во главѣ конной артиллеріи. Одинъ изъ присутствовавшихъ, англійскій адмиралъ Сидней Смитъ, объявилъ, что этотъ смотръ есть урокъ, даваемый россійскимъ императоромъ прочимъ народамъ. Герцогъ Веллингтонъ сказалъ: «Я никогда не воображалъ, чтобы можно было довести армію до столь великаго совершенства. Дѣйствительно, въ продолженіе церемоніальнаго марша, которымъ проходило болѣе 107,000 человѣкъ пѣхоты, никто не сбился съ ноги.

Послѣ смотра союзные государи, принцы, генералы и другія приглашенныя лица возвратились въ Вертю, въ главную квартиру императора, гдѣ ожидалъ ихъ великолѣпный обѣденный столъ, приготовленный на 300 приборовъ. Императоръ Александръ предложилъ тостъ: за миръ Европы и благоденствіе народовъ.

На слѣдующій день, въ день тезоименитства государя, состоялся церковный парадъ. Посреди долины Этретійской, окруженной цѣпью невысокихъ горъ, близъ горы Монкармона, въ пяти верстахъ отъ мѣста, гдѣ наканунѣ производился смотръ, приготовлено было по числу корпусовъ русской арміи семь церковныхъ наметовъ для богослуженія. Наметы эти были расположены въ три линіи и въ равныхъ между собою разстояніяхъ. Въ первой линіи находился одинъ только наметъ для гренадерскаго корпуса и всей артиллеріи, который господствовалъ надъ всѣми прочими, потому что былъ разбитъ на скатѣ горы Монкармона, при входѣ въ небольшую рощу; во второй линіи расположены были три намета и такое же число въ третьей линіи. Рано утромъ вся армія двинулась въ долину Этретійскую семью колоннами, кавалерія безъ лошадей, пѣхота безъ ружей. Каждый корпусъ, прибывъ къ своему церковному намету, выстроился открытымъ каре, состоявшимъ изъ трехъ фасовъ; каждый фасъ составлялся изъ цѣлой дивизіи. Люди обращены были лицомъ внутрь каре. Государь прибылъ къ каре гренадерскаго корпуса въ восьмомъ часу утра; когда же явились союзные монархи, началось божественное служеніе на семи престолахъ въ одно

время. Послѣ церковнаго парада иностранные государи отправились въ Парижъ; Александръ возвратился въ Вертю, гдѣ русскіе и иностранные генералы приглашены были къ обѣденному столу. Въ этотъ день фельдмаршалъ графъ Барклай де-Толли былъ возведенъ въ кня-

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.
Съ гравированнаго портрета начала XIX столѣтія.

жеское достоинство[458]. Въ приказѣ же, отданномъ по арміи, государь изъявлялъ сослуживцамъ своимъ благодарность за усердіе и исправность, найденныя имъ при осмотрѣ рядовъ ихъ на поляхъ Шампани, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвѣщалъ обратное шествіе арміи въ любезное отечество[459].

31-го августа (12-го сентября) императоръ осматривалъ корпуса арміи, каждый въ подробности, и раздавалъ награды[460]. На слѣдующій день Александръ возвратился въ Парижъ, гдѣ провелъ еще нѣкоторое время, посвященное исключительно политическимъ дѣламъ[461].

Къ этому времени относится заключеніе Священнаго союза. Задавшись мыслью о немъ, императоръ Александръ намѣревался, независимо отъ обыкновенныхъ политическихъ договоровъ, скрѣпить общую связь государствъ актомъ, основаннымъ на непреложныхъ истинахъ Божественнаго ученія, создать союзъ, который бы связалъ государей и народы братскими узами, освященными религіей, и былъ бы для нихъ, какъ Евангеліе, обязателенъ по совѣсти, по чувству и по долгу. Однажды императоръ Александръ сказалъ г-жѣ Криденеръ: «Я покидаю Францію, но до своего отъѣзда хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу, которой мы обязаны Ему за оказанное намъ покровительство, и призвать народы стать въ повиновеніе Евангелію. Я принесъ вамъ проектъ этого акта и прошу васъ внимательно разсмотрѣть его, и если вы не одобрите въ немъ какого-нибудь выраженія, то укажите мнѣ его. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мной въ этомъ актѣ богопочтенія (dans cet acte d'adoration), чтобы люди видѣли, что мы, какъ восточные волхвы, признаемъ верховную власть Бога Спасителя. Вы присоединитесь ко мнѣ въ молитвѣ Богу, чтобы мои союзники были расположены подписать его»[462].

Александръ собственноручно начерталъ актъ Священнаго союза; въ редактированіи же его приняли участіе А. С. Стурдза и графъ Каподистріа. Послѣдній осмѣлился замѣтить, что въ лѣтописяхъ дипломатіи не встрѣчается подобнаго акта, и что его величество могъ бы господствующую мысль этого акта выразить въ деклараціи или въ манифестѣ. Александръ отвѣчалъ, что рѣшеніе его неизмѣнно, что онъ беретъ на себя получить для этого акта подписи его союзниковъ, императора австрійскаго и короля прусскаго. Что же касается Франціи, Англіи и другихъ дворовъ, то это, сказалъ ему государь: «будетъ уже ваше дѣло».

Договоръ братскаго христіанскаго союза, задуманнаго Александромъ и названнаго Священнымъ союзомъ, состоялъ изъ трехъ статей, по которымъ союзники обязывались: 1) пребывать соединенными неразрывными узами братской дружбы, оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе, управлять подданными своими въ томъ же духѣ братства для охраненія правды и мира; 2) почитать себя членами единаго христіанскаго народа, поставленными Провидѣніемъ для управленія тремя отраслями одного и того же семейства, и 3) пригласить всѣ державы къ признанію этихъ правилъ и ко вступленію въ Священный союзъ. Вообще же государи, подписавшіе договоръ, обязывались «какъ въ управленіи

ETÂT MAJOR IMPERIAL.

No. 411.

A Vienne le 27 décembre 1814 / 8 janvier 1815

N. 67

Monsieur le comte,

Sa Majesté l'Empereur m'a chargé d'informer Votre Excellence, qu'il est parvenu à Sa connoissance, que Vous avez démandé au roi de Dannemarc des décorations pour différens officiers de votre armée. L'Empereur en a témoigné Son étonnement, et m'a ordonné de communiquer à Votre Excellence, que Sa Majesté a toujours désapprouvé, que des généraux fassent des présentations aux Souverains étrangers sans avoir obtenu la permission de Sa Majesté.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération

Monsieur le Comte

de Votre Excellence

le très humble et obéissant Serviteur
le P. Volkonsky

A S. E. M. le Cte de Bennigsen.

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. М. ВОЛКОНСКАГО ГРАФУ Л. Л. БЕНИГСЕНУ.

33

собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волей царей и ихъ дѣяніями».

Князь Адамъ Чарторижскій.
Съ гравюры Зольмана, сдѣланной съ портрета Паска.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ охотно изъявилъ согласіе сдѣлаться членомъ Священнаго союза, задуманнаго въ томъ же духѣ, въ какомъ происходила нѣкогда ночная сцена надъ могилою Фридриха Великаго въ гарнизонной церкви въ Потсдамѣ, и являвшагося осуществленіемъ мысли, высказанной монархами послѣ Бауценскаго сраженія: «Если Господь благословитъ наши начинанія», говорили они: «то мы воздадимъ хвалу Ему передъ лицомъ всего міра».

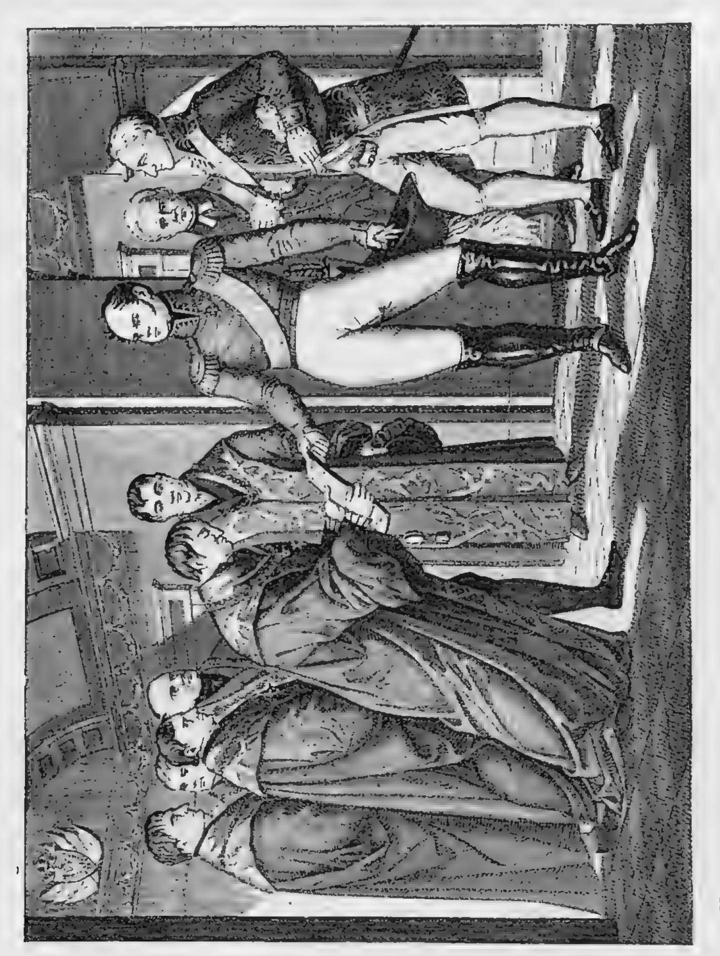
Императоръ Францъ отнесся къ предложенію присоединиться къ Священному союзу гораздо сдержаннѣе, будучи вообще неспособнымъ увлекаться фантазіями, романтикой и подчиняться какимъ бы то ни было порывамъ энтузіазма. Онъ подписался подъ договоромъ лишь тогда, когда Меттернихъ успокоилъ его увѣреніемъ, что на этотъ проектъ слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на безобидную болтовню[463]. Хотя Меттернихъ въ своемъ разсказѣ объ образованіи Священнаго союза называетъ его пренебрежительно «ce monument vide et sonore», но онъ умалчиваетъ объ одномъ: присоединившись къ этому договору, Австрія получила въ руки драгоцѣнное орудіе, чтобы поставить Россію во главѣ реакціи въ Европѣ, и этимъ орудіемъ Меттернихъ не замедлилъ воспользоваться съ неподражаемымъ искусствомъ для достиженія намѣченныхъ имъ политическихъ цѣлей.

Только два государя не получили приглашенія вступить въ Священный союзъ: папа и султанъ. Принцъ-регентъ ограничился письмомъ, въ которомъ высказывалъ одобреніе по поводу содержанія этого договора, но англійское правительство не присоединилось къ союзу изъ парламентскихъ соображеній.

Между тѣмъ переговоры относительно мира съ Франціей чрезвычайно затянулись вслѣдствіе существеннаго разногласія между союзниками относительно предстоявшаго имъ вознагражденія. Пруссія предлагала отнять у Франціи Эльзасъ и Лотарингію вмѣстѣ съ линіею сѣверныхъ крѣпостей. Одинъ императоръ Александръ рѣшительно высказался противъ лишенія Франціи завоеваній, сдѣланныхъ Людовикомъ XIV, и сослался на заявленіе державъ о томъ, что единственною цѣлью войны было ниспроверженіе Наполеона и возвращеніе къ порядку, установленному Парижскимъ миромъ. Но Австрія, Англія и Пруссія продолжали требовать раздробленія Франціи. Тогда Людовику XVIII внушили мысль написать императору Александру письмо, въ которомъ бы старый король объявилъ, что онъ слагаетъ съ себя корону, предпочитая лучше лишиться престола, нежели властвовать надъ Франціею униженною и раздробленною. Король послѣдовалъ совѣту, и Александръ, получивъ письмо, предъявилъ его союзникамъ[464]. Пруссія и Австрія отказались отъ своихъ требованій, Англія послѣдовала ихъ примѣру, и неприкосновенность границъ Франціи была спасена. Дальнѣйшіе переговоры вращались уже на временной оккупаціи нѣкоторыхъ французскихъ департаментовъ.

По условіямъ второго Парижскаго мира, подписаннаго только 8-го (20-го) ноября 1815 года, Франція понесла весьма умѣренныя земельныя потери и сохранила границы 1790 года. Сверхъ того, было положено какъ для обезпеченія уплаты контрибуціи въ 700 милліоновъ франковъ, такъ и для охраненія спокойствія страны, занять союзными войсками 17 крѣпостей въ сѣверо-восточныхъ департаментахъ. Изъ контрибуціи

на долю Россіи приходилось 100 милліоновъ франковъ. Оккупація Франціи иностранными войсками въ числѣ 150,000 человѣкъ была ограничена пятилѣтнимъ срокомъ, который предполагалось сократить до трехъ лѣтъ, если окажется возможнымъ предоставить охраненіе внутренняго спокойствія страны ея собственному правительству. Главнокомандующимъ оккупаціонныхъ войскъ былъ назначенъ герцогъ Веллингтонъ; въ составъ

Императоръ Александръ вручаетъ профессору Бродовскому актъ объ учрежденіи Варшавскаго университета.

Съ гравюры Антонія Кольберга.

этихъ войскъ вошелъ корпусъ графа М. С. Воронцова въ числѣ 27,000 человѣкъ съ 84-мя орудіями. По отдѣльному договору между Австріей, Англіей, Пруссіей и Россіей возобновлялись условія, заключенныя въ 1814 году въ Шомонѣ. Предметы изящныхъ искусствъ, захваченные французами со временъ революціонныхъ войнъ, были возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ[465].

Еще до отъѣзда Александра изъ Парижа король уволилъ Талейрана, утратившаго благоволеніе государя своими происками на Вѣнскомъ конгрессѣ; главою французскаго министерства былъ назначенъ бывшій одесскій военный губернаторъ герцогъ Ришелье, который принялъ эту тяжелую должность, только уступивъ убѣдительной просьбѣ императора Александра[466].

Ко времени вторичнаго пребыванія Александра во вновь завоеванной французской столицѣ относится также прибытіе польской депутаціи, во главѣ которой находился сенаторъ графъ Замойскій. Въ отвѣтъ на прочтенный имъ благодарственный адресъ Александръ сказалъ: «Я искренно тронутъ чувствами польскаго народа, вами переданными. Увѣрьте его моимъ именемъ, что мною руководитъ желаніе — возвратить ему существованіе. Соединяя его съ народомъ одного съ нимъ происхожденія, славянскаго, я упрочиваю его благосостояніе и спокойствіе: видѣть его счастливымъ — считаю лучшею себѣ наградою».

Императоръ Александръ изъ Парижа направился въ Брюссель[467]. Государя сопровождали только князь Волконскій и полковникъ Михайловскій-Данилевскій. Всѣ прочія лица свиты, военныя и гражданскія, отправились прямо въ Берлинъ.

Изъ Брюсселя императоръ поѣхалъ черезъ Лаонъ, Витри и Шомонъ въ Дижонъ, гдѣ онъ присутствовалъ на маневрахъ австрійской арміи. «На семъ пространствѣ», пишетъ Данилевскій, «заключающемъ въ себѣ болѣе пятисотъ верстъ, ни одинъ вооруженный не сопровождалъ государя, не взирая на то, что мы ѣхали въ землѣ непріятельской, гдѣ умы находились въ чрезвычайномъ броженіи. Жители мѣстъ, отдаленныхъ отъ большой дороги, старые и малые, мужчины и женщины, толпились на почтовыхъ дворахъ, чтобы взглянуть на благодѣтеля Франціи и спасителя ея, какъ они его называли, подавали ему просьбы и говорили о своихъ нуждахъ, какъ настоящему своему монарху».

Изъ Дижона императоръ Александръ прослѣдовалъ въ Базель, намѣреваясь совершить путешествіе по Швейцаріи. Для этой цѣли Лагарпъ составилъ маршрутъ, который, однако, подвергся нѣкоторому сокращенію. Государь, желая скорѣе поспѣть въ Берлинъ, посѣтилъ только Цюрихъ, Констанцъ и 29-го сентября (11-го октября) прибылъ въ Линдау.

«Мнѣ сказали», пишетъ Данилевскій: «что государь дорогою въ Цюрихъ изъ Базеля много шелъ пѣшкомъ, любовался богатствомъ земли и неоднократно заходилъ въ крестьянскіе домы. Дай Богъ, подумалъ я, чтобы видъ изобилія, порядка и опрятности, которые онъ въ нихъ, безъ сомнѣнія, находилъ, на него подѣйствовали, въ чемъ я не сомнѣваюсь, зная, сколь онъ расположенъ къ улучшенію состоянія его подданныхъ; но душа его, конечно, страдала, когда онъ сравнивалъ состо-

яніе вольныхъ швейцарскихъ поселянъ съ нашими крестьянами. Сердце государя напитано свободою; если бы онъ родился въ республикѣ, то онъ былъ бы ревностнѣйшимъ защитникомъ правъ народныхъ. Онъ первый началъ въ Россіи вводить нѣкоторое подобіе конституціонныхъ формъ и ограничивать власть самодержавную, но вельможи, окружавшіе его, и помѣщики русскіе не созрѣли еще до политическихъ теорій, составляющихъ предметъ размышленій нашихъ современниковъ. Онъ не могъ сохранить привязанности къ людямъ, которые не въ состояніи цѣнить основаній, содѣлывающихъ общества счастливыми; отъ сего происходитъ, можетъ быть, неуваженіе его къ русскимъ, предпочтеніе иностранцевъ и, что мнѣ даже страшно и думать, нѣкоторое охлажденіе къ России, которая монарха своего до сихъ поръ въ полной мѣрѣ не умѣетъ цѣнить. Признаемся, что не онъ, а мы виноваты. Исторія показываетъ намъ, что въ прочихъ государствахъ народы требовали отъ своихъ правительствъ правъ и принуждены были вступать съ ними въ состязаніе, а у насъ, напротивъ того, государь желалъ возвратить намъ оныя, но никто его не понималъ; напротивъ, многіе на него роптали».

По пріѣздѣ въ Линдау Данилевскій замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что «уже два дня, какъ государь скученъ, бранитъ камердинеровъ своихъ и князя Волконскаго, который съ нимъ почти выросъ, во всю жизнь былъ неразлученъ и душевно его любитъ. Я не знаю, какъ согласовать суровость, которую онъ сегодня показываетъ, съ обыкновенною его любезностью, особенно къ иностранцамъ; напримѣръ, чиновниковъ города Линдау государь такъ обворожилъ, что они, выходя отъ него, были въ истинномъ восхищеніи; когда же они уѣхали и никого не осталось въ домѣ, кромѣ насъ, русскихъ, то онъ опять началъ сердиться. Таковыя противорѣчія ясно обнаруживаютъ притворство, составляющее одну изъ главныхъ чертъ характера его.—Я сохраню навсегда истинное уваженіе къ великимъ его дарованіямъ, но не испытываю одинаковаго чувства къ личнымъ его свойствамъ».

Дальнѣйшее путешествіе императора послѣдовало черезъ Ульмъ и Нюренбергъ. Въ Богеміи государь остановился на нѣсколько дней у князя Шварценберга въ помѣстьи его Ворликъ, желая выразить бывшему главнокомандующему союзныхъ армій особое свое благорасположеніе [468]. Затѣмъ государь уже безостановочно продолжалъ путь черезъ Прагу и Силезію въ Берлинъ.

12-го (24-го) октября Александръ, сопутствуемый Фридрихомъ-Вильгельмомъ, торжественно въѣхалъ въ прусскую столицу верхомъ; войска разставлены были по улицамъ и проходили затѣмъ мимо ихъ величествъ [469]. Въ Берлинѣ встрѣтилъ государя пріѣхавшій туда двумя днями ранѣе великій князь Николай Павловичъ.

Пребываніе государя въ Берлинѣ было ознаменовано однимъ важнымъ событіемъ, политическое значеніе котораго для Россіи и Пруссіи сопровождалось одинаково важными послѣдствіями. 23-го октября (4-го ноября) русскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго былъ прусскій король, вступилъ въ Берлинъ. Въ тотъ же день при дворѣ состоялся обѣденный столъ, къ которому были приглашены всѣ штабъ-и оберъ-офицеры полка. Гости сидѣли за столомъ въ большой залѣ; рядомъ, въ другомъ покоѣ, кушали члены императорской и королевской фамилій; въ этотъ семейный кружокъ были приглашены только фельдмаршалы Блюхеръ и Барклай де-Толли. Среди обѣда императоръ и король поднялись съ своихъ мѣстъ и провозгласили здоровье помолвленныхъ великаго князя Николая Павловича и принцессы Шарлотты. Блюхеръ и Барклай передали этотъ тостъ въ сосѣднюю залу, и всѣ приглашенные къ королевскому столу поспѣшили принести свое поздравленіе.

Данилевскій, постоянно заносившій на страницы своего дневника всѣ замѣчательныя изреченія Александра и свои собственныя наблюденія надъ особенностями его характера, приводитъ слѣдующій отзывъ государя о Франціи, высказанный однажды за столомъ въ Берлинѣ: «Въ этой землѣ живутъ тридцать милліоновъ скотовъ, одаренныхъ словомъ, безъ правилъ, безъ чести; да можетъ ли что-нибудь быть тамъ, гдѣ нѣтъ религіи!»[470]. Изъ этого рѣзкаго отзыва императора видно, какое неизгладимое впечатлѣніе произвели на него событія 1815 года; шаткость политическихъ убѣжденій французовъ и легкость, съ которою они перешли на сторону Наполеона, причемъ многіе выдающіеся дѣятели еще наканунѣ возвращенія его въ Парижъ расточали увѣренность въ неизмѣнной преданности королю,—вселили въ душѣ Александра чувство презрѣнія къ французамъ. Къ этимъ чувствамъ, вызваннымъ недавними событіями, нужно еще присоединить мистическія увлеченія государя, весь тотъ складъ мыслей, подъ вліяніемъ котораго создался Священный союзъ, и тогда вышеприведенныя слова Александра, столь мало подходящія къ ученику Лагарпа, дѣлаются до нѣкоторой степени понятными.

27-го октября (8-го ноября) императоръ Александръ покинулъ Берлинъ и черезъ Франкфуртъ на Одерѣ прослѣдовалъ въ Калишъ, гдѣ въ первый разъ вступилъ на территорію созданнаго имъ Польскаго королевства; вмѣстѣ съ тѣмъ государь надѣлъ тамъ польскій мундиръ, на которомъ вмѣсто андреевской звѣзды красовался орденъ Бѣлаго Орла. 31-го октября (12-го ноября) Александръ въѣхалъ въ Варшаву верхомъ черезъ Мокотовскую заставу, среди польскихъ войскъ, окруженный сановниками королевства. Возгласы: «Да здравствуетъ Александръ, нашъ король!» раздавались среди народной толпы. Мать князя Адама Чарторижскаго прибыла съ дочерьми изъ Пулавъ и любовалась шествіемъ изъ оконъ дворца Макроновскихъ. Александръ замѣтилъ ее и привѣт-

ствовалъ поклономъ. На Саксонской площади войска прошли передъ императоромъ церемоніальнымъ маршемъ. На Краковскомъ предмѣстьи стояли мужскія и женскія учебныя заведенія. Передъ костеломъ капуциновъ духовенство ожидало прибытія своего монарха. Государь при-

Королевскій замокъ въ Варшавѣ.
Съ гравюры начала XIX столѣтія.

нялъ благословеніе отъ епископа келецкаго. На слѣдующій день былъ балъ у князя Адама Чарторижскаго. Императоръ открылъ балъ съ княгинею-матерью. «Все это казалось мнѣ сновидѣніемъ», пишетъ княгиня въ своемъ дневникѣ: «существуетъ Польша, король польскій, въ національ-

номъ мундирѣ и цвѣтахъ.—Слезы полились изъ моихъ глазъ: у меня есть родина, и я оставлю ее своимъ дѣтямъ»[471]. Слова эти, вырвавшіяся прямо изъ сердца, ярко рисуютъ радостное настроеніе, охватившее тогда все польское общество послѣ пережитыхъ имъ тяжелыхъ испытаній, сопровождавшихъ наполеоновскія войны.

Императоръ Александръ, возвративъ полякамъ политическое существованіе и самое имя ихъ, котораго они были лишены въ продолженіе двадцати лѣтъ, употреблялъ всѣ средства, чтобы пріобрѣсти расположеніе своихъ новыхъ подданныхъ; онъ разсыпалъ царскія щедроты на всѣ сословія народа. Снято было запрещеніе съ имѣній тѣхъ поляковъ, которые до послѣдняго времени служили подъ знаменами Наполеона; эта милость была распространена и на уроженцевъ западныхъ губерній Россіи. Государь удостоивалъ знатнѣйшихъ поляковъ посѣщеніемъ, присутствовалъ на многихъ балахъ, гдѣ старался очаровать всѣхъ, носилъ всегда польскій мундиръ и орденъ Бѣлаго Орла, пожаловалъ многихъ дѣвицъ въ фрейлины, назначилъ къ себѣ нѣсколько польскихъ генералъ- и флигель-адъютантовъ, раздалъ даже русскіе ордена и дѣлалъ денежныя вспоможенія. Учрежденъ былъ придворный штатъ для варшавскаго двора; въ виду этого были назначены придворные чины, и оставлена въ Варшавѣ нѣкоторая часть экипажей и верховыхъ и упряжныхъ лошадей, принадлежавшихъ императору и слѣдовавшихъ въ Петербургъ изъ Франціи. Между тѣмъ, по свидѣтельству русскаго очевидца, «поляки смотрѣли вообще на насъ пасмурно.—Они казались недовольными и даже не скрывали въ разговорахъ, что имъ слѣдуетъ возвратить Могилевъ, Витебскъ, Волынь, Подолію и Литву. Это не заслуживало другого отвѣта, кромѣ извѣстнаго стиха Дмитріева: «Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ».

Графъ Огинскій, прибывшій въ Варшаву съ высочайшаго разрѣшенія съ депутатами трехъ губерній: Виленской, Гродненской и Минской, былъ сперва принятъ государемъ наединѣ. Коснувшись въ разговорѣ недавнихъ политическихъ событій, Александръ сказалъ: «Я еще разъ вступилъ въ Парижъ, потерявъ въ моей арміи не болѣе пятидесяти человѣкъ. Подобныя чрезвычайныя событія не повторяются вѣками. Совершились и другія событія, которыя были предусмотрѣны и осуществились, потому что я хотѣлъ этого и обѣщалъ исполнить. Я держу свое слово и исполняю всѣ свои обязательства, какъ честный человѣкъ, для котораго обѣщаніе стоитъ клятвы.—Я всегда требовалъ отъ жителей этой страны терпѣнія и довѣрія. Въ проѣздъ мой черезъ Пулавы я видѣлъ многихъ, которые оказали мнѣ довѣріе. Они не обманули меня, и я имѣю основаніе быть почти всѣмъ довольнымъ. Я также не обманулъ ихъ съ своей стороны. Своимъ довѣріемъ они уполномочили меня работать для нихъ. Я все сдѣлалъ, что было возможно. Адамъ скажетъ вамъ,

4/К

Милостивый Государь Василий Назаровичь

Избрание меня членом вашего общества и доставленной вами диплом, в коем общество меня наградило столь приятным на мой счет выражением, я приемлю с истинною моею благодарностию, тем более, что я всегда почитал науки сего рода превышшими.

Из сего короткого моего изъяснения, вы каждый Милостивый Государь и любой сотоварищ почувствует силу моего удовольствия, и цену моей благодарности, которую я же и прошу принять на себя труд объявить всему почтенному нашему обществу, коего имею я ныне удовольствие быть членом

с истинным почтением честь [имею быть] всегда Ваш

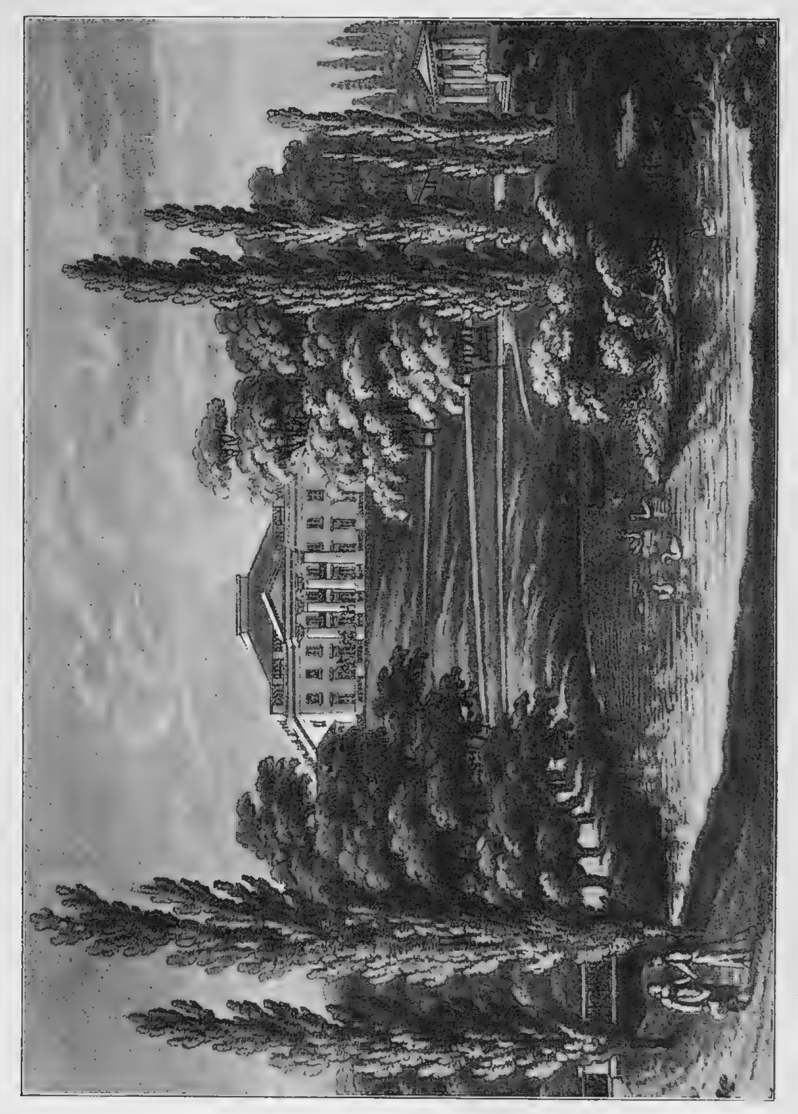
Милостивый Государь
покорный слуга
Граф Аракчеев

Г. Швейдниц
17 Мая
1813

ПИСЬМО ГРАФА А. А. АРАКЧЕЕВА КЪ В. Н. КАРАЗИНУ.

34.

чего мнѣ это стоило, и какія я долженъ былъ преодолѣть препятствія въ Вѣнѣ. Я создалъ это королевство и создалъ его на весьма прочныхъ основаніяхъ, потому что принудилъ европейскія державы обез-

Бельведерскій дворецъ въ Варшавѣ въ 1815 году.
Съ гравюры того времени.

печить договорами его существованіе. Сдѣлаю и все остальное, какъ было обѣщано; но это не можетъ быть исполнено разомъ. Необходимо довѣріе. Имѣю право на него послѣ всего, что сдѣлано мною, а мои рѣшенія неизмѣнны».

Когда Огинскій въ разговорѣ коснулся Литвы и отношеній этого края къ вновь созданному королевству, то Александръ изъявилъ согласіе на принятіе депутаціи, но при этомъ замѣтилъ: «Только не затрогивайте нѣжной струны, которая поставила бы меня въ затруднительное положеніе; я долженъ заранѣе знать содержаніе вашихъ желаній. — Я не могу допустить, чтобы вы просили о присоединеніи вашихъ областей къ Польшѣ, такъ какъ не слѣдуетъ подавать повода къ мысли, что вы меня о томъ просите. Необходимо, чтобы всѣ были убѣждены въ томъ, что я сдѣлаю это по собственному почину, что именно я желаю этого. Мнѣ извѣстно, что вы не можете признать удовлетворительными отношенія, существовавшія до сихъ поръ между вашими областями и Россіею. Каждый разсудительный человѣкъ убѣжденъ въ этомъ. — Никто не можетъ допустить предположенія, чтобы я намѣренъ былъ отдѣлить эти области отъ Россіи. Напротивъ, я хочу упрочить связь этихъ областей съ моей имперіею, заботясь о томъ, чтобы мои польскіе подданные не имѣли причинъ жаловаться. Вы недовольны въ Литвѣ, и ваше недовольство должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока вы не сольетесь съ вашими соотечественниками и не воспользуетесь благами конституціи; когда это совершится, тогда только ваше соединеніе съ Россіею будетъ сопровождаться довѣріемъ и полнымъ согласіемъ между обѣими націями. Мои доводы въ пользу осуществленія этого плана еще болѣе утвердятся, если я въ будущемъ найду поводъ быть столь же довольнымъ арміею и гражданскою частію въ королевствѣ, какъ въ настоящее время. До сихъ поръ я могу только хвалить ихъ. Когда я буду въ состояніи указать на это правительство, какъ на образцовое, и увидятъ, что существованіе его не сопровождается никакимъ вредомъ для имперіи, тогда мнѣ будетъ легко осуществить и остальное... Повторю еще разъ: довѣрія, и не ставьте меня въ затруднительное положеніе (Encore une fois de la confiance et ne me compromettez pas»)[472].

Въ заключеніе этой продолжительной бесѣды императоръ Александръ милостиво разрѣшилъ Огинскому говорить при представленіи депутаціи губерній Виленской, Гродненской и Минской отъ имени всѣхъ (Vous parlerez au nom de tous).

14-го (26-го) ноября депутація, предводительствуемая графомъ Огинскимъ, была введена дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ сенаторомъ В. С. Ланскимъ въ тронную залу. Выслушавъ благосклонно адресъ, прочитанный графомъ на французскомъ языкѣ, Александръ выразилъ полное удовольствіе по поводу вѣрноподданническихъ чувствъ жителей Литвы и заключилъ свою рѣчь словами: «Скажите вашимъ довѣрителямъ, что ихъ благосостояніе всегда составляло предметъ моихъ попеченій и заботъ. Увѣрьте ихъ, что я не забывалъ о нихъ даже среди

трудовъ, вызванныхъ войною, и что я всегда думаю о средствахъ къ улучшенію ихъ судьбы и обезпеченію ихъ спокойствія и счастія». Послѣ этихъ словъ Огинскій представилъ членовъ депутаціи, причемъ государь удостоилъ каждаго изъ нихъ нѣсколькихъ милостивыхъ словъ.

Когда депутаты удалились, императоръ, оставшись наединѣ съ Ланскимъ, улыбаясь, спросилъ его, какъ бы желая вывѣдать его мнѣнія и чувства:

Арсеній Андреевичъ Закревскій.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

— Итакъ, что вы думаете объ этой депутаціи?

— Ваше величество, отвѣчалъ Ланской,— безъ сомнѣнія, весьма довольны ею, слыша изъ устъ ея новое доказательство преданности вашихъ подданныхъ.

— Да, сказалъ императоръ,— я очень доволенъ высказанными мнѣ чувствами жителей Литвы; но не замѣтили ли вы въ этой рѣчи чего-либо болѣе?

— Очевидно, государь, отвѣчалъ Ланской,—что жители этихъ трехъ губерній питаютъ большое довѣріе къ милостямъ и участію, которыя вы имъ постоянно оказывали, и возлагаютъ всѣ свои надежды на благосклонное покровительство вашего величества.

— Они не ошибаются, возразилъ императоръ, — они правы, довѣряя мнѣ, и я сдѣлаю для нихъ даже гораздо болѣе, нежели они могутъ ожидать сегодня[473].

Ланской черезъ нѣсколько часовъ пересказалъ этотъ разговоръ виленскому депутату Вавржецкому[474], прибавивъ довѣрительно съ своей стороны, что императоръ дѣйствительно имѣетъ намѣреніе присоединить Литву къ царству Польскому, какъ только онъ не встрѣтитъ никакого неудобства къ выполненію этого предположенія, повидимому, сильно имъ покровительствуемаго.

15-го (27-го) ноября 1815 года императоръ Александръ подписалъ конституціонную хартію царства Польскаго. Оставалось еще назначить намѣстника; это званіе до послѣдней минуты разсчитывалъ получить князь Адамъ Чарторижскій[475]. Неожиданно для всѣхъ государь назначилъ на этотъ довѣренный постъ ветерана наполеоновскихъ войнъ, безногаго генерала Заіончека. Утвержденіе его въ этой должности состоялось въ ночь передъ отъѣздомъ Александра изъ Варшавы. «Это происходило во второмъ часу пополуночи», пишетъ Данилевскій: «я стоялъ въ комнатѣ передъ кабинетомъ государя съ княземъ Волконскимъ и съ статсъ-секретаремъ Марченко, какъ вдругъ вошелъ съ разстроеннымъ видомъ князь Чарторижскій и ходилъ по горницѣ болѣе четверти часа, и не только не взглянулъ на насъ во все сіе время ни одного разу, но даже не поклонился намъ: онъ былъ какъ въ изступленіи, вѣроятно, отъ оскорбленнаго самолюбія»[476].

Что произошло тогда между императоромъ Александромъ и княземъ Чарторижскимъ, какая причина вызвала внезапное охлажденіе къ нему его царственнаго друга, осталось тайной и не разъясняется ихъ перепиской.

Князь Чарторижскій, вынужденный довольствоваться сенаторскимъ кресломъ, старался скрыть тяжелый ударъ, нанесенный его самолюбію. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу онъ пишетъ: «Назначеніе Заіончека удивило всѣхъ чрезвычайно—оно имѣетъ одну хорошую сторону: въ виду его близкихъ отношеній къ великому князю Константину оно предотвратитъ многія огорченія и непріятности. Я могъ бы жаловаться на императора по разнымъ причинамъ, но это вещи чисто личныя, не относящіяся къ дѣлу. На мнѣ лежитъ тѣмъ больше обязательствъ, что я близко знакомъ съ его надеждами и благими намѣреніями. И поэтому я рѣшился не обращать вниманія на мелкія обиды и неудовольствія и буду работать насколько есть силъ съ прежнею ревностью

на какомъ бы то ни было поприщѣ. Я сознаю всю важность единодушія; ничто не должно посѣять раздора между членами правленія, и всѣ должны держаться тѣсно другъ друга. Когда рѣшается судьба отечества, то духъ партій неумѣстенъ»[477].

Изъ Варшавы императоръ Александръ выѣхалъ въ Вильну, гдѣ пробылъ два дня. Здѣсь государь принялъ данный ему литовскимъ дво-

Петръ Петровичъ Коновницынъ.
Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Сентъ-Обена.

рянствомъ балъ. Въ этотъ вечеръ весь городъ былъ добровольно иллюминованъ, причемъ на домѣ графа Огинскаго горѣлъ транспарантъ съ надписью: «Благодарность и довѣріе» (Reconnaissance et confiance). Императоръ замѣтилъ это и сказалъ графу: «Думаю, что я внушилъ довѣріе какъ вамъ, такъ и жителямъ Литвы; льщу себя увѣренностью пріобрѣсти право на благодарность вашу и надѣюсь заслужить ее въ скоромъ времени».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ночью на 2-е (14-е) декабря государь возвратился въ Петербургъ[478]; наканунѣ этого дня изъ-за границы прибыла императрица Елисавета Алексѣевна.

Но Петербургъ уже не увидѣлъ прежняго Александра; по свидѣтельству современниковъ, онъ казался скученъ и даже сердитъ. Никакими восторгами столица не встрѣтила его; казалось, Россія какъ бы сознавала, что наступало время тихое, но сумрачное. Государь сдѣлался болѣе взыскательнымъ и строгимъ въ отношеніи къ военной дисциплинѣ; офицерамъ было запрещено носить гражданское платье и приказывалось обращать вниманіе на строжайшее соблюденіе установленной формы въ одеждѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты мѣры къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во всѣ части государственнаго управленія. Статсъ-секретарь Молчановъ, распоряжавшійся важнѣйшими дѣлами государства въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ отставленъ. Наряжена была слѣдственная комиссія для разсмотрѣнія дѣйствій управлявшаго военнымъ министерствомъ князя А. И. Горчакова, который былъ тогда же уволенъ отъ должности. Всѣ приближенные его главные чиновники, Самбурскій, Приклонскій и другіе, были отданы подъ судъ и разсажены по гауптвахтамъ.

Послѣ удаленія князя Горчакова военное министерство получило новое образованіе. 12-го (24-го) декабря 1815 года послѣдовалъ указъ Сенату, въ которомъ сказано: «Трехлѣтній опытъ благополучно оконченной послѣдней войны, въ продолженіе коей лично присутствовалъ я при войскахъ, явилъ ощутительную пользу изданнаго въ 1812 году учрежденія о управленіи большой дѣйствующей арміи. Находя необходимымъ сохранить тотъ же порядокъ и въ мирное время по управленію всѣмъ вообще военнымъ департаментомъ, призналъ я за полезное дать оному новое устройство, примѣненное въ главныхъ основаніяхъ къ упомянутому учрежденію».—Вслѣдствіе этого было выработано новое положеніе, на основаніи котораго военная администрація раздѣлялась на двѣ части, и каждая изъ нихъ поручалась особому лицу. Военнымъ министромъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Коновницынъ; онъ получилъ въ завѣдываніе хозяйственныя части министерства (денежную, счетную, продовольственную) и былъ подчиненъ начальнику главнаго штаба его императорскаго величества, который распоряжался всѣми прочими дѣлами прежняго военнаго министерства. Начальникомъ главнаго штаба былъ назначенъ генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, генералъ-квартирмейстеромъ—генералъ-лейтенантъ баронъ Толь, дежурнымъ генераломъ—генералъ-адъютантъ Закревскій. Инспекторами артиллеріи и инженернаго корпуса остались генералы: баронъ Меллеръ-Закомельскій и Опперманъ.

Назначеніе князя Волконскаго навело Вигеля на слѣдующія размышленія: «Долго государствомъ былъ онъ мало замѣченъ въ толпѣ

Чарторижскихъ, Строгоновыхъ, Голицыныхъ и другихъ любимцевъ, всѣхъ, болѣе его отличенныхъ. Однако же самую мелкую вещь, поставленную у свѣтильника, нельзя не разглядѣть; но въ глазахъ Россіи все оставался онъ на одномъ планѣ съ метръ-д'отелемъ Миллеромъ, медикомъ Виллie и брадатымъ кучеромъ Ильею. Только въ 1815 году началъ онъ вдругъ вырастать до Аракчеева, до соперничества съ нимъ»[479].

День 12-го декабря доставилъ графу Аракчееву вожделѣнный случай снова отклонить предназначавшуюся ему новую царскую милость. Государь, не зная, чѣмъ наградить и обрадовать своего друга, вознамѣрился пожаловать его матери званіе статсъ-дамы, но, какъ сказано въ автобіографическихъ замѣткахъ Аракчеева, «графъ онаго не принялъ и упросилъ оное отмѣнить».

1815 годъ, преисполненный рядомъ неожиданныхъ событій, окончился важнымъ правительственнымъ мѣропріятіемъ, котораго никто не предвидѣлъ. 20-го декабря (1-го января 1816 года) появился высочайшій указъ о немедленной высылкѣ всѣхъ іезуитскаго ордена монаховъ изъ С.-Петербурга; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ былъ воспрещенъ въѣздъ въ обѣ столицы. Среди ночи они были снабжены шубами, теплыми сапогами и въ кибиткахъ отправлены въ резиденцію своихъ собратій—Полоцкъ. Въ этомъ же указѣ повелѣвалось католическую церковь въ Петербургѣ «поставить въ то устройство, въ коемъ она пребывала въ царствованіе императрицы Екатерины II и до 1800 года». Эта высылка положила конецъ педагогической дѣятельности іезуитовъ въ Петербургѣ. Слова Н. И. Тургенева, сказанныя въ 1812 году преемнику Грубера, іезуиту Березовскому, по случаю открытія Полоцкой академіи: — «Это начало конца; теперь вы натворите столько дѣлъ, что васъ выгонятъ» — оправдались на дѣлѣ самымъ непріятнымъ для ордена образомъ[480]. Правительство было вынуждено прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ въ виду случаевъ перехода въ католичество православныхъ воспитанниковъ іезуитскаго пансіона въ Петербургѣ; кромѣ того, вліяніе іезуитской пропаганды распространилось также замѣтнымъ образомъ и на свѣтскихъ дамъ столичнаго общества.

Но этою мѣрою не ограничились невзгоды, обрушившіяся на іезуитовъ въ царствованіе Александра. Черезъ нѣсколько лѣтъ, 13-го (25-го) марта 1820 года, повелѣно было выслать іезуитовъ окончательно изъ Россіи, съ тѣмъ, чтобы и впредь ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ ихъ не впускать; вмѣстѣ съ тѣмъ упразднена была іезуитская академія въ Полоцкѣ, равно какъ и всѣ подвѣдомственныя ей училища.

Актъ Священнаго союза, заключеннаго въ Парижѣ съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ, оставался нѣкоторое время тайнымъ, пока императоръ Александръ не пожелалъ сдѣлать его общеизвѣстнымъ. Для обнародованія этого договора избранъ былъ день Рождества Хри-

стова, 25-го декабря 1815 года (6-го января 1816 года). Въ манифестѣ, изданномъ по этому случаю, сказано: «Познавъ изъ опытовъ и бѣдственныхъ для всего свѣта послѣдствій, что ходъ прежнихъ политическихъ въ Европѣ между державами соотношеній не имѣлъ основаніемъ тѣхъ истинныхъ началъ, на коихъ премудрость Божія въ откровеніи своемъ утвердила покой и благоденствіе народовъ, приступили мы, совокупно съ ихъ величествами, австрійскимъ императоромъ Францомъ Первымъ и королемъ прусскимъ Фредерикомъ-Вильгельмомъ, къ постановленію между нами союза (приглашая къ тому и прочія христіанскія державы), въ которомъ обязуемся мы взаимно, какъ между собою, такъ и въ отношеніи къ подданнымъ нашимъ, принять единственнымъ ведущимъ къ оному средствомъ правило, почерпнутое изъ словесъ и ученія Спасителя нашего Іисуса Христа, благовѣствующаго людямъ жить аки братіямъ, не во враждѣ и злобѣ, но въ мирѣ и любви. Мы желаемъ и молимъ Всевышняго о ниспосланіи благодати своей, да утвердится Священный союзъ сей между всѣми державами, къ общему ихъ благу, и да не дерзаетъ никто, единодушіемъ всѣхъ прочихъ воспящаемый, отпасть отъ него. Сего ради, прилагая при семъ списокъ съ сего союза, повелѣваемъ обнародовать оный и прочитать въ церквахъ».

Святѣйшій Синодъ, въ свою очередь, повелѣлъ, напечатавъ договоръ Священнаго союза, выставить его на стѣнахъ храмовъ или вырѣзать на доскахъ, а также заимствовать изъ него мысли для проповѣдей.

Итакъ, съ 1816 года Россіи предстояло вступить на новый политическій путь — апокалипсическій; отнынѣ въ дипломатическихъ документахъ, относящихся къ этой эпохѣ, вмѣсто ясно преслѣдуемыхъ политическихъ цѣлей, встрѣчаются уже темныя толкованія о геніи зла, побѣжденномъ Провидѣніемъ, о Глаголѣ Всевышняго, о словѣ жизни[481]. Идеаломъ же государственныхъ дѣятелей того времени, стоявшихъ у дѣлъ, сдѣлалась какая-то неопредѣленная теологическо-патріархальная монархія. На Европу опускалась темная завѣса сплошной реакціи.

Etat-Major Impérial.

Bureau des mouvemens.

2.e SECTION.

N.° 247

Le Quartier-Général à Paris le 26. Mars / 7. Avril 1814.

Monsieur le Général,

Le Général Emmanuel annonce qu'aujourd'hui le Général Comte de France s'est présenté chez lui aux avantpostes en parlementaire pour l'informer que Napoléon après avoir abdiqué et signé l'acte d'abdication a pris avec une petite escorte la route d'Auxerre, pour se rendre en Bourgogne.—

Sa Majesté L'Empereur ordonne que Votre Excellence detache desuite un parti assés fort à sa poursuite afin si ce procédé de sa part a vraiment eu lieu, de le prendre et le saisir, et l'emmener vivant.

Agréez, Monsieur le Général, l'assurance de ma parfaite considération.

Le Prince Volkonsky

Aide-de-Camp-Général et Major-Général.

à M. le Général de Winzingerode.

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. М. ВОЛКОНСКАГО КЪ ГЕНЕРАЛУ ВИНЦЕНГЕРОДЕ.

35

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ.

1) Всего къ 1-му января 1810 года было назначено тридцать пять членовъ Совѣта.

2) Въ такихъ выраженіяхъ характеризуетъ рѣчь императора Александра біографъ М. М. Сперанскаго, баронъ М. А. Корфъ.

Даневскій, въ исторіи образованія Государственнаго Совѣта (С.-Петербургъ, 1859), пишетъ, что государь, «воспріявъ свое мѣсто, повелѣлъ членамъ Совѣта занять мѣста по старшинству ихъ чиновъ» (стр. 55).

3) Зачеркнуто: «и въ силахъ его многосложныхъ».

4) Вмѣсто зачеркнутаго: «чувствовать».

5) Вмѣсто зачеркнутаго: «безчисленныхъ».

6) Вмѣсто зачеркнутаго: «добрые».

7) Вмѣсто зачеркнутаго: «неизмѣннымъ».

8) Съ открытіемъ Государственнаго Совѣта, комиссія составленія законовъ подверглась также преобразованію; она была обращена въ установленіе, состоящее при Государственномъ Совѣтѣ и директоромъ ея былъ назначенъ Сперанскій.

Съ 30-го августа 1809 года Сперанскій былъ уже тайнымъ совѣтникомъ.

9) Ближайшими сотрудниками Сперанскаго по должностямъ статсъ-секретарей въ департаментахъ Совѣта сдѣлались: М. Л. Магницкій, С. А. Бижеичъ, А. Н. Оленинъ и Ѳ. И. Энгель. Изъ поименованныхъ здѣсь статсъ-секретарей Магницкій занималъ важнѣйшее мѣсто по департаменту законовъ и былъ довѣреннымъ лицомъ Сперанскаго.

10) Манифестомъ 21-го января 1812 года это же положеніе продолжено и на 1812 годъ.

11) Возраженія противъ новаго образованія Сената, какъ писалъ впослѣдствіи Сперанскій, происходили оттого, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы, и разумъ людей, его составлявшихъ, не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка, чтобы признать необходимость благотворныхъ перемѣнъ императора Александра. Сперанскій въ двухъ запискахъ представилъ государю, «сколь неудобно было бы, при такомъ расположеніи умовъ, продолжать сіе дѣло».

12) Такое мнѣніе высказалъ, напримѣръ, П. В. Чичаговъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову:

«Le premier jour de mon entrée au Conseil, on proposa d'assimiler les deux Finlandes. J'allais m'y opposer, je demandai à quoi cela pouvait être bon et quel changement

cela devait produire pour notre ancienne Finlande? Spéransky a été le promoteur de ce projet. Il voulut répondre, mais l'Empereur lui-même prit la parole et m'assura que cela ne produirait aucun changement, que toutes les deux étaient gouvernées sur les mêmes principes, que par le fait étant déjà réunies, on ne les réunissait que de nom. Je n'étais point d'humeur à entrer dans de grands détails, et encore moins à manifester ma première séance par une dispute avec le souverain, et je n'ai plus rien dit. Vraisemblablement, si j'avais même dit beaucoup de choses, que j'eusse même donné de bonnes raisons en opposition aux très mauvaises qu'on alléguait alors, cela n'aurait produit aucun effet. Je l'ai vu ensuite par expérience. Tout ce que voulait Spéransky devait se faire immanquablement, et toute opposition devenait une peine perdue». Архивъ князя Воронцова, книга 20-я, стр. 178.

П. В. Чичаговъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта 13-го ноября 1811 года.

Ф. Ф. Вигель по этому же поводу пишетъ въ своихъ запискахъ, что во всемъ, что было вредно и постыдно для Россіи, всегда находишь руку Сперанскаго.

13) «Je vous jure que ces formes me plaisent bien davantage que cet exercice d'un libre arbitre, qui n'a pour base que ma volonté, et qui admet un principe de perfection chez le souverain, qui n'est pas, hélas, dans l'humanité. Ici je ne peux me tromper, que parce que je le veux bien; toutes les lumières me sont offertes; là je ne suis entouré que d'incertitude et presque toujours d'habitudes, qui ont suppléé aux loix. Vous verrez comme je pense sur cela, là où il y a moyen d'opérer un changement dans mes États, puisque incessament je vais réunir la vieille Finlande à vous autres et lui donner la même constitution et les mêmes formes de liberté». Elof Tegnér: Gustaf Mauritz Armfelt—Stockholm. 1887, III, p. 294.

14) Elof Tegnér: G. M. Armfelt, III, p. 295: «Kejsaren är en ängel och en klok ängel. Att arbeta med honom är ett himmelrike».

15) Записки Ф. Ф. Вигеля. Москва. 1892. Часть 3-я, стр. 184.

16) Управленіе водяными и сухопутными сообщеніями учреждено было манифестомъ, послѣдовавшимъ 20-го ноября 1809 года. Должность главнаго директора была возложена на принца Георгія Ольденбургскаго; къ нему опредѣленъ былъ съ званіемъ статсъ-секретаря Ѳ. П. Лубяновскій.

17) Oeuvres complètes de J. de Maistre.—Lyon. 1886. T. 12, p. 101.

18) Высказанныя при этомъ случаѣ политическія воззрѣнія императрицы Маріи Ѳеодоровны сдѣлались извѣстными Коленкуру, который сообщилъ ихъ въ Парижъ. Нижеслѣдующія слова императрицы заслуживаютъ вниманія: «L'Empereur Napoléon ne tient pas à la Russie par principe et par sentiment, mais par besoin momentané de son concours; l'alliance actuelle n'est qu'une chose de circonstance pour paralyser le Nord pendant qu'on soumet le Midi. — Les paroles amicales ne sont venues qu'avec le divorce; on n'a proclamé ses sentiments pour la Russie qu'en même temps qu'on a divorcé».

Въ 1813 году Наполеонъ въ разговорѣ съ виртембергскимъ посланникомъ призналъ императрицу Марію Ѳеодоровну своимъ злѣйшимъ врагомъ (ma plus cruelle ennemie, l'impératrice-mère de Russie). Schlossberger: Politische und militärische Correspondenz König Friedrichs von Würtemberg mit Kaiser Napoleon I. 1805—1813.—Stuttgart. 1889.

19) Кардиналъ Мазарини говорилъ: «la maison d'Autriche, quand on la croit aux abois, a toujours un miracle à tirer de sa poche». Подобное чудо австрійскіе государственные люди совершили въ 1810 году.

20) Самая существенная часть конвенціи была передѣлана такимъ образомъ, что Наполеонъ обязывался «никогда не способствовать никакому предпріятію, клонящемуся къ возстановленію Польши».

21) «Je suis moralement sûr qu'avant deux ans nous aurons la guerre avec celle des deux puissances dont l'Empereur n'aura pas épousé la fille. Or, une guerre avec l'Autriche ne me cause aucune inquiétude, et je tremble d'une guerre avec la Russie; les conséquences en sont incalculables». Mémoires du chancelier Pasquier. T. I, p. 378.

Дальбергъ оцѣнилъ подобнымъ же образомъ политическія послѣдствія австрійскаго брака Наполеона и по этому поводу писалъ Меттерниху:

«Ce dont vous pouvez être sûr, c'est qu'en moins de cinq mois nous sommes en froid avec la Russie et en moins de dix-huit mois en guerre avec elle».

22) Аудіенція могла имѣть мѣсто только 26-го мая (7-го іюня) 1810 года, потому что ко времени прибытія князя Куракина въ Парижъ Наполеонъ отсутствовалъ, предпринявъ съ императрицею поѣздку въ Антверпенъ и въ голландскія провинціи.

23) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ къ графу Румянцеву, изъ Парижа, 30-го мая (11-го іюня) 1810 года.

24) Относительно Польши Наполеонъ заявилъ: «Je n'ai jamais eu l'idée de rétablir la Pologne». Онъ припомнилъ также 1807 годъ и сказалъ: «До Тильзитскаго мира я былъ воленъ идти, куда мнѣ угодно. Меня ждали 80,000 литовцевъ, и если я согласился на миръ, то только съ условіемъ, что вы присоединитесь ко мнѣ, чтобы помочь мнѣ заключить миръ съ Англіей».

Наполеонъ говорилъ также Куракину, что политическія выгоды Европы требуютъ, чтобы двѣ великія державы продолжали быть въ мирѣ, какъ это было въ продолженіе трехъ лѣтъ, и чтобы одна повелѣвала на сѣверѣ, а другая на югѣ.

25) «Je le répète, je ne veux ni ne puis vouloir aucune rupture entre la France et la Russie.... En un mot tout exige la continuation de l'alliance de la France et de la Russie, et jamais je ne songerai à y contrevenir si on ne m'y force point».

26) «J'ai contracté des engagements, que je n'ai pas de raison ni même de prétexte de violer. Ces engagements sont infiniment onéreux; j'y entrevois un tort réel pour la France, mais vous savez ce qui m'y a porté dans le temps... Si vous voulez faire la guerre à la Russie, je ne vous en empêcherai pas; je prendrai avec vous l'engagement de rester entièrement neutre».

Такой образъ дѣйствій Наполеона составилъ бы прямое нарушеніе союзнаго договора съ Россіею; а между тѣмъ онъ, не стѣсняясь, признавался въ этомъ намѣреніи представителю державы, не состоявшей съ нимъ пока въ союзѣ и не скрывавшей своихъ враждебныхъ чувствъ къ Россіи.

27) Metternich: Mémoires. T. 2, p.p. 375—377. Меттернихъ къ императору Францу, 16-го (28-го) іюля 1810 года.

28) См. въ приложеніяхъ записку: Coup d'oeil sur les affaires du continent et sur le rapprochement de la Russie vers la Grande-Bretagne.—Rapport à l'Empereur. 16 Mars 1810.

Можно положительно утверждать, что въ то время, когда Наполеонъ составлялъ планы, клонившіеся къ гибели Россіи, Александръ, съ своей стороны, не помышлялъ еще о войнѣ съ Франціею. Сущность мнѣній, выраженныхъ въ этой запискѣ, конечно, сдѣлалась извѣстною государю; что же удивительнаго, что онъ отвѣтилъ мѣрами, которыя могли обезпечить до нѣкоторой степени оборону имперіи. Самая записка была перехвачена съ другими бумагами въ 1812 году и была доставлена императору Александру въ Петербургъ, еще до отъѣзда его въ декабрѣ въ Вильну. Впечатлѣніе, которое чтеніе ея должно было произвести на государя, оказалось, безъ сомнѣнія, весьма сильнымъ. Неудивительно, что императоръ Александръ сталъ упорно настаивать на продолженіи войны съ Наполеономъ, добиваясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительнымъ образомъ его низложенія.

Записка 4-го (16-го) марта служитъ лучшимъ возраженіемъ мнѣнію, высказанному нѣкоторыми французскими историками, что первый шагъ къ разрыву былъ сдѣланъ со стороны Россіи, а не Франціи. Весь планъ нашествія въ Россію былъ задуманъ Наполеономъ задолго до тарифныхъ и ольденбургскихъ исторій.

29) «Ce projet peut paraître gigantesque; il n'est pourtant que le résultat de la confiance que doivent inspirer de plus grands prodiges accomplis par le génie de Votre Majesté».

30) Lebensbilder aus den Befreiungskriegen.—Iena. 1844. 3-te Abtheilung, p. 401.

31) Въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 14-го (26-го) августа 1810 г. князь Куракинъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: «J'ai formé le souhait que Votre Majesté puisse se représenter au vrai la figure et l'attitude que j'avais, étant souffrant dans mon lit; c'est dans cet état qu'on m'a dessiné et c'est d'après ce dessin qu'on a fait

la gravure que mon frère va présenter à Votre Majesté de ma part couvert de plaies, excitant la compassion de tous ceux qui me voyaient, j'ai pu me comparer au malheureux Lazare, cité dans le nouveau Testament».

Помимо страданій, вызванныхъ ранами, у князя Куракина разболѣлся еще сѣдалищный нервъ вслѣдствіе того, что, спасая посла, пришлось волочить его за ноги. Независимо отъ здоровья, князь Куракинъ лишился еще во время суматохи, сопровождавшей пожаръ, болѣе чѣмъ на 70,000 франковъ брильянтовъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

32) Графъ Н. М. Каменскій скончался въ Одессѣ 4-го мая 1811 года.

33) Одержавъ побѣду 22-го іюня, Кутузовъ сказалъ: «Если пойдемъ за турками, вѣроятно, достигнемъ Шумлы, но потомъ что́ станемъ дѣлать? Надобно будетъ возвращаться, и тогда, какъ въ прошломъ году, визирь объявитъ себя побѣдителемъ. Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмедъ-Бея, и онъ опять придетъ къ намъ».

34) Указъ Сенату отъ 29-го октября 1811 года.

35) «Conçoit-on ces chiens, ces brutes de Turcs, qui ont eu le talent de se faire battre de la sorte! Qui est-ce qui aurait pu le prévoir».

36) «J'oubliais de vous faire observer que le résultat de ces préparatifs immenses pourra fort bien être le repos, car les deux chefs s'effraieront mutuellement; mais si cet accord avait lieu, ce serait au moyen de quelque autre accord diabolique. D'un côté on reconnaîtrait le titre d'Empereur d'Occident, avec tout ce qui s'en suit, et de l'autre qu'est ce qui empêche ces deux Messieurs de se partager l'Europe? Je ne crois pas du tout que l'Empereur de Russie ait la moindre volonté d'acquérir, mais s'il ne peut éviter une guerre à mort sans acquérir, ni faire une paix sûre sans acquérir, je ne reponds de rien, et je ne puis me persuader que Napoléon ne lui fasse pas des propositions, après qu'il a vu que le projet de faire peur n'a pas réussi». Joseph de Maistre: Oeuvres complètes—Lyon. 1886. T. 12, p. 145. (Де-Местръ къ королю, 9-го (21-го) апрѣля 1812 года).

Упомянутое де-Местромъ выраженіе «Empereur d'Occident» останавливаетъ на себѣ вниманіе. Въ монографіи: «Le secret de 1812 par Alfred Sudre—Paris. 1887» авторъ утверждаетъ, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе, послѣ заключенія мира въ Москвѣ, провозгласить себя: «Empereur d'Occident, chef de la confédération européenne, défenseur de la religion chrétienne». Для этой церемоніи онъ будто бы взялъ съ собою въ походъ свою коронаціонную одежду, которая и погибла въ Россіи. Подобное предположеніе не представляетъ ничего невѣроятнаго, если вспомнить слова, сказанныя Наполеономъ передъ войною 1812 года: «Un particulier devenu souverain ne peut plus s'arrêter. Il doit monter sans cesse; il est perdu s'il reste stationnaire». Ségur: Histoire de Napoléon et de la Grande Armée.—Paris. 1873, p. 78.

37) Н. Я. Данилевскій: Россія и Европа. (Изданіе 4-е). — С.-Петербургъ. 1889, стр. 42.

38) «Voici une grande planète qui prend une fausse direction, je ne comprends plus rien à sa marche; elle ne peut agir ainsi que dans le dessein de nous quitter; tenons-nous sur nos gardes et prenons les précautions commandées par la prudence».

Донесеніе флигель-адъютанта Чернышева императору Александру изъ Парижа, отъ 9-го (21-го) апрѣля 1811 года (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

39) Донесеніе флигель-адъютанта Чернышева отъ 9-го (21-го) апрѣля 1811 года.

Шампаньи по поводу ольденбургскихъ дѣлъ сказалъ князю Куракину: «Il y a une fatalité dans les événements qui est irrésistible et à laquelle il faut savoir se soumettre: que les petits états ne peuvent jamais rester sur pied quand leur existence contrarie la politique et les intérêts des grandes puissances, que celles-là forment des torrents, qui engloutissent tout ce qui se trouve sur leur passage».

Наполеоновская точка зрѣнія выразилась также въ словахъ Шампаньи: «qu'il y a mille ans que Charlemagne était maître de Hambourg et des pays qui l'avoisinnent».

Донесеніе князя Куракина графу Румянцеву, отъ 27-го января (8-го февраля) 1811 года (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

40) «En conversant avec l'Empereur Alexandre, parlez aussi à son coeur, intéressez son honneur et sa sensibilité. Dites-lui que le souverain qu'il place dans une situation

pénible est celui qui, de son propre aveu, l'a si bien servi; celui à qui il a dit à Tilsit et dans ce jour qu'il regardait comme l'anniversaire de Pultawa: «Vous avez sauvé l'Empire Russe». Le prix de cet éminent service serait-il donc pour l'Empereur d'être forcé de faire la guerre à la Russie pour sauver son propre honneur et pour éviter le reproche d'avoir souffert dans ce haut point de gloire où il s'est élevé ce que Louis XV endormi dans les bras de madame Dubarry n'aurait pas supporté».

41) «La guerre aura lieu malgré moi, malgré lui (l'Empereur Alexandre), malgré les intérêts de la France et ceux de la Russie. J'ai déjà vu cela si souvent, que c'est mon expérience du passé qui me dévoile cet avenir. Tout cela est une scène d'opéra, et ce sont les Anglais qui tiennent les machines... Mais si je ne veux pas la guerre, et surtout si je suis très loin de vouloir être le Don Quichotte de la Pologne, j'ai du moins le droit d'exiger que la Russie reste fidèle à l'alliance».

Schlossberger: Correspondenz, p. 232.

42) «On lui reprochait surtout le manque d'information et la nullité de ses dépêches». Nesselrode: Notice biographique. Государственный Архивъ. Разрядъ XI, № 1151.

43) «J'arrive de Pétersbourg; je suis officiellement employé près du prince Kourakin, mais c'est auprès de vous que je suis accrédité. J'ai une correspondance particulière avec l'Empereur, et je vous apporte une lettre de lui». Mémoires du prince Talleyrand.—Paris. 1891. T. 1, p. 321.

44) Государственный Архивъ. Разрядъ III, № 1: «Письма графа Нессельроде изъ Парижа къ государственному секретарю Сперанскому, 1810 и 1811 годовъ».

Только два письма отъ 10-го (22-го) сентября 1811 года посланы графомъ Нессельроде изъ Вѣны, при возвращеніи его въ Россію.

45) Когда Талейранъ въ 1838 году умеръ, Альфредъ де-Виньи занесъ эту правдивую оцѣнку знаменитаго дипломата въ свой дневникъ: «M. de Talleyrand est mort. Les partis l'ont insulté, et ont été jusqu'à écrire: il n'y a en France qu'un malhonnête homme de moins. Les indignations sont toutes justifiées par sa vie... Il y a une immense flétrissure sur son nom, c'est d'être devenu le type du parjure élégant et récompensé». (Revue moderne 1866).

46) Талейранъ сошелся въ этомъ отношеніи съ прусскимъ патріотомъ Шарнгорстомъ, который говорилъ русскому послу графу Ливену: «Пріобрѣтеніе двухъ областей за Днѣстромъ можетъ ли въ настоящее время идти въ сравненіе съ защитою Пруссіи».

47) Наполеонъ сказалъ Метерниху еще въ іюлѣ 1810 года, что онъ намѣренъ отозвать Коленкура, «que cet ambassadeur avait été gâté à Pétersbourg par des cajoleries». Metternich: Mémoires. T. 2, p. 377.

48) Письмо графа Нессельроде изъ Парижа, отъ 5-го (17-го) августа 1811 года. Государственный Архивъ. Разрядъ III, № 1.

49) См. въ приложеніяхъ переписку императора Александра съ прусскимъ королемъ передъ войною 1812 года.

Высказанныя королемъ нѣжныя чувства не помѣшали, однако, Пруссіи потребовать отъ французскаго правительства, въ случаѣ успѣшнаго исхода предстоявшей кампаніи, уступки Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи. На это заявленіе Наполеонъ злостно замѣтилъ: «А клятва надъ гробомъ Фридриха?» (Et le serment sur le tombeau de Frédéric).

Недаромъ Наполеонъ сказалъ графу П. А. Толстому, когда тотъ настойчиво заступался за Пруссію и ея короля въ 1807 году: «Vous avez tort de vous intéresser tant à lui, vous verrez qu'il vous jouera encore de mauvais tours».

50) Въ день отъѣзда государя въ Вильну, 9-го (21-го) апрѣля 1812 года, императоръ Александръ писалъ наслѣдному принцу шведскому (бывшему маршалу Бернадоту):

«Un grand plan me semble devoir être embrassé: les nations Slaves, belliqueuses par leur nature, étant stimulées formeront un ensemble imposant et réunies aux mécontents de la Hongrie, produiront une diversion puissante contre l'Autriche et les possessions françaises de l'Adriatique. Dans les chances heureuses il ne sera pas impossible même de pénétrer par la Bosnie et la Croatie assez avant pour se mettre en contact avec les Tyroliens et par là avec la Suisse. J'envoie l'amiral Tchitchagoff, homme de tête, tout organiser en conséquence; mais il serait urgent que l'Angleterre voulut nous seconder puissa-

ment tant sur la Baltique, par ses armements maritimes, et en prenant à sa solde les bataillons allemands qu'on pourra former si la désertion s'introduit dans les troupes de la confédération, tant en fournissant de l'argent et des munitions aux Slaves qui agiront pour la cause de l'indépendance générale».

51) См. въ приложеніяхъ собственноручную записку императора Александра о сообщеніяхъ, которыя надо сдѣлать Англіи: (Note sur les communications à faire à l'Angleterre).—Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Campagnes, 1812.

Эту записку государь, уѣзжая въ Вильну, сообщилъ для руководства графу Румянцеву.

52) 7-го (19-го) іюня 1812 года императоръ Александръ писалъ адмиралу Чичагову изъ Вильны: «Quant à l'Autriche il s'agit de mettre vis-à-vis d'elle de la prudence. Voici l'état des choses relativement à cette puissance. Elle m'a fait dire que ce n'est que la nécessité absolue et l'impossibilité dans laquelle elle se trouve vu son état intérieur de pouvoir tenir à Napoléon un langage ferme, qui l'a forcé à signer son traité d'alliance. Mais qu'elle se bornera à ne faire agir que les 30,000 hommes stipulés contre nous, et que si nous évitons de l'attaquer de tout autre côté, la guerre ne se fera que sur un seul point, et qu'elle nous assure la tranquillité pour tout le reste de nos frontières, en s'engageant à ne pas remuer la grande masse de ses forces... J'ai répondu à toutes ces ouvertures, que la conduite de l'Autriche décidera de la mienne».

13-го (25-го) іюня, уже послѣ перехода французовъ черезъ Нѣманъ, императоръ повторилъ Чичагову указанія, данныя ему относительно Австріи: «D'après ce que je vous ai marqué il est nécessaire de ménager un peu l'Autriche pour ne pas s'en faire un ennemi plus redoutable qu'elle ne l'est dans ce moment, où elle paraît décidée à n'agir qu'avec son corps auxiliaire de 30,000 hommes». Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 207.

53) См. въ приложеніяхъ первое письмо императора Александра къ наслѣдному принцу шведскому, отъ 19-го (31-го) декабря 1810 года.

Для характеристики Александра особенно выдаются слѣдующія слова его письма: «Elevé moi-même par un républicain, j'ai de bonne heure appris à priser plus l'homme que les titres, ainsi je serai plus flatté des liens qui s'établiront entre nous comme homme à homme que comme souverains».

54) «Il paraît d'après toutes les données que la guerre va éclater sous peu, les armées françaises se trouvant déjà presque sur ma frontière. Ce courrier-ci porte au général Souchtelen les pleins-pouvoirs pour conclure ma paix avec l'Angleterre. Je n'y ai mis qu'une condition, celle que l'acte par lequel l'Angleterre stipulera des subsides à la Suède, soit signé en même temps. J'ai pensé que ce serait un motif de plus pour l'Angleterre de les accorder».

55) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 2-я, стр. 10.

Приведемъ здѣсь еще отзывъ о Сперанскомъ другого его современника, Д. П. Рунича, который пріобрѣлъ въ концѣ царствованія Александра столь печальную извѣстность въ исторіи русскаго просвѣщенія: «Ума—палата! хитрости—океанъ! способностей—не истощить. Сперанскій хотѣлъ быть Кромвелемъ, Вашингтономъ, Мирабо, Лафаеттомъ, Мазаніелло. Конституція вела къ тому и если бы удалась, то поставила бы Россію вверхъ дномъ. Она и вездѣ все путаетъ, и недаромъ говорятъ: у семи нянекъ—дитя безъ глазу» (Рукописныя замѣтки Д. П. Рунича).

56) Александръ началъ обвинять Сперанскаго въ томъ, что онъ въ учрежденіи министерствъ не слѣдовалъ данному ему для руководства (на французскомъ языкѣ) проекту Лагарпа о министерствахъ. Государь поручилъ де-Санглену сравнить учрежденіе министерствъ съ планомъ Лагарпа и сказалъ при этомъ: «обрусилъ, запуталъ и испортилъ проектъ человѣка, котораго я люблю, какъ только благодѣтеля любить можно».—«Здѣсь въ Петербургѣ, можно почти сказать, въ цѣломъ государствѣ, Сперанскій—предметъ общей ненависти. Вездѣ проявляется желаніе опрокинуть его учрежденія. Слѣдственно, и учрежденіе министерствъ есть тоже ошибка» (Записки Я. И. де-Санглена: Рукопись).

Въ перепискѣ де-Санглена съ М. П. Погодинымъ по дѣлу Сперанскаго приведены еще слѣдующія слова императора Александра: «Сперанскій вовлекъ меня въ глупость. За-

чѣмъ я согласился на Государственный Совѣтъ и на титулъ государственнаго секретаря. Я какъ будто отдѣлилъ себя отъ государства. Это глупо. И въ планѣ Лагарповомъ того не было».

57) М. Погодинъ: Сперанскій. Русскій Архивъ 1871 года. Стр. 1137.

58) Военно-ученый архивъ. Отд. 1, № 660 (б): Дѣло о сдѣланномъ княземъ Андреемъ Борисовичемъ Голицынымъ императору Николаю доносѣ по поводу заговора иллюминатовъ и связи съ нимъ Сперанскаго (1830—1831 годовъ).

Въ этомъ доносѣ князь Голицынъ открылъ государю «весь ужасный, тайный злоумышленный 25-ти лѣтній заговоръ противъ престола, самодержавія и славы Россіи» и указалъ на главнаго руководителя заговора: это былъ Сперанскій. По всѣмъ небылицамъ и преступнымъ замысламъ, возводимымъ княземъ Голицынымъ на Сперанскаго въ 1830 году, можно судить о той ненависти, которую онъ возбудилъ противъ себя въ 1812 году, и о тѣхъ нелѣпыхъ слухахъ, которыми эта ненависть поддерживалась среди общества его врагами.

59) Парротъ справедливо замѣтилъ въ письмѣ къ императору Александру: «Votre éducation, le règne de votre père, votre propre règne et surtout le caractère de vos grands ont dû vous rendre soupçonneux. Un ange le serait devenu à votre place».

60) Государственный Архивъ. Разрядъ VI, № 557.

61) Постепенное охлажденіе Александра къ Сперанскому было вызвано, въ числѣ другихъ причинъ, до нѣкоторой степени и желаніемъ избавиться отъ опеки человѣка, вліянію котораго онъ невольно подпалъ. Генералъ Савари подмѣтилъ во время своего пребыванія въ Россіи слѣдующую черту характера императора Александра, которая не можетъ быть оставлена безъ вниманія.

Савари писалъ Наполеону въ 1807 году: «J'ai cru m'apercevoir que l'idée d'être mené ou influencé lui était insupportable et même humiliante». Сборникъ Русскаго Императорскаго Общества (Политическая переписка генерала Савари), т. 83-й, стр. 173.

62) Императоръ Александръ сказалъ: «Il faut employer Бологовской pour les exterminer tous.—Un homme qui n'a ni foi, ni loi, et conséquemment capable de tout!» (Записки Я. И. де-Санглена: Рукопись).

Эти слова были сказаны Александромъ во время второй бесѣды съ де-Сангленомъ. Она открыла ему глаза, и онъ пишетъ: «Теперь стало для меня проясняться, что въ сущности все направлено противъ Сперанскаго; прочія лица орудія въ полномъ пренебреженіи у самого государя, какъ тому и быть надлежало».

При другомъ свиданіи государь сказалъ де-Санглену: «Интриганы такъ же нужны въ общемъ государственномъ дѣлѣ, какъ люди честные, иногда даже еще болѣе».

Очевидно, что уроки Наполеона, терпѣвшаго въ числѣ своихъ сотрудниковъ и совѣтниковъ Талейрана и Фуше, не прошли безслѣдно и принесли блестящіе плоды, горечь которыхъ пришлось испытать и самому учителю.

63) Армфельтъ прозрѣлъ, кажется, ранѣе прочихъ и до нѣкоторой степени проникъ въ тайну; это можно заключить изъ словъ его, сказанныхъ де-Санглену: «Sachez que Spéransky doit être immolé, coupable ou non; c'est indispensable pour rallier la nation au chef de l'État. La guerre que l'on va faire à Napoléon, n'est pas une guerre ordinaire, il faut nécessairement, pour ne pas succomber, la rendre nationale... Ecoutez le public. Comme il s'acharne: on a découvert une conspiration—voilà tout juste ce qu'il nous faut».—Этотъ разговоръ, замѣчаетъ де-Сангленъ, «удостовѣрилъ меня въ томъ, что я уже предчувствовалъ: Сперанскій съ товарищами будутъ жертвою политики» (Записки де-Санглена: Рукопись).

64) На подлинномъ письмѣ Сперанскаго нѣтъ никакихъ отмѣтокъ государя, только противъ этого мѣста карандашомъ поставлено его рукою NB. Это обстоятельство доказываетъ, что Александръ обратилъ на эти слова особенное вниманіе, и даетъ поводъ предполагать, не послужила ли эта неосторожная замѣтка Сперанскаго поводомъ къ тому, чтобы продлить пребываніе его въ Перми до 1814 года.

65) Императоръ Александръ уже послѣ удаленія Сперанскаго изъ Петербурга сказалъ: «въ немъ нѣтъ злобы, онъ болѣе способенъ на добро. Онъ религіозенъ, и я ни-

когда не замѣчалъ въ немъ пристрастія, а вражды еще менѣе» (Записки де-Санглена: Рукопись).

66) Записки де-Санглена: Рукопись.

67) «La lutte terrible qui va s'ouvrir décidera du sort de mon empire et je n'espère pas triompher du génie et des forces de mon ennemi. Mais je ne ferai sûrement pas une paix déshonorante; je m'ensevelirai plutôt sous les débris de l'empire. Si le ciel en a ordonné ainsi, parlez de moi à la postérité; vous connaissez mon coeur».—«Je le lui promis dans nos derniers embrassements et cette promesse m'est sacrée»—прибавляетъ Парротъ.

Эти слова императора Александра, сказанныя имъ другу при послѣднемъ прощаніи, воспроизведены Парротомъ въ письмѣ къ императору Николаю (Octobre 1832).

68) См. въ приложеніяхъ письмо Паррота къ императору Александру отъ 17-го марта 1812 года и позднѣйшее письмо его къ императору Николаю отъ 8-го января 1833 года въ которомъ онъ описываетъ это событіе и свое участіе въ немъ. Къ этимъ письмамъ мы присоединили еще замѣтку Паррота, относящуюся къ 1845 году, по поводу того же достопамятнаго событія.

69) Въ біографіи Сперанскаго барона Корфа встрѣчается неточность относительно дня, въ который имѣлъ мѣсто разговоръ императора Александра съ Парротомъ, а также и числа, въ которое написано было письмо послѣдняго къ государю: баронъ Корфъ пишетъ, что Парротъ вечеромъ 15-го марта имѣлъ прощальную аудіенцію, а письмо свое государю написалъ 16-го марта. Вслѣдствіе этой неточности въ числахъ авторъ біографіи пришелъ къ ошибочному заключенію, что Парротъ остался не безъ вліянія на развязку дѣла Сперанскаго—чего въ дѣйствительности не было—и что совѣтъ его былъ принятъ государемъ.

70) Въ перепискѣ де-Санглена съ М. П. Погодинымъ встрѣчается слѣдующій любопытный отзывъ императора Александра о Парротѣ: «Эти ученые все видятъ косо, и въ цѣль не попадаютъ, и съ жизнію мало знакомы, хотя онъ человѣкъ свѣтскій». Погодинъ съ своей стороны прибавляетъ: «Парротъ приведенъ былъ въ заблужденіе, какъ всѣ». Историкъ нашъ, когда онъ писалъ эти строки, и не подозрѣвалъ, во всемъ объемѣ, какую онъ изрекъ великую истину, такъ какъ ему совершенно не была извѣстна преднамѣренная комедія, разыгранная 16-го марта главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой поистинѣ шекспировской драмы изъ новѣйшей русской исторіи. «Русскій Архивъ», 1871 г., стр. 1131.

71) Эта бесѣда происходила въ Свенцянахъ, во время отступленія арміи къ Дриссѣ.

72) Государственный Архивъ. Разрядъ VI, № 557.

См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ разсказа императора Александра.

73) В. П. Панаевъ: «Совершеннолѣтіе наслѣдника цесаревича Александра Николаевича и замѣчательный разговоръ съ Сперанскимъ. 1834 годъ».

74) Поручивъ де-Санглену сопровождать Балашова, при отправленіи Сперанскаго въ ссылку, императоръ Александръ сказалъ: «Вы не можете и не должны ему мѣшать. Пусть онъ дѣйствуетъ какъ хочетъ, и вамъ я приказываю только быть при томъ. Это нужно лично для меня, потому что я увѣренъ, что вы ничего не скроете».

Сперанскій благополучно увезъ въ ссылку свои портфели, которые могли быть у него отобраны, когда 18-го марта Сангленъ разсказалъ государю подробности отправленія въ ссылку государственнаго секретаря. Но это не имѣло мѣста: слѣдовательно, Балашовъ былъ уполномоченъ такъ дѣйствовать.

75) У Сперанскаго недостало духа разбудить тещу и дочь, чтобы проститься съ ними. Онъ благословилъ только дверь ихъ спальни и оставилъ записку, которою приглашалъ обѣихъ отправиться вслѣдъ за нимъ по минованіи зимы (Баронъ М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. Томъ 2-й, стр. 19).

76) Государственный Архивъ. Разрядъ VI, № 557.

См. въ приложеніяхъ французскій текстъ этого письма. Оно напечатано нами впервые въ біографіи императора Александра I, помѣщенной въ Біографическомъ Словарѣ, издаваемомъ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Баронъ Корфъ въ сочиненіи своемъ: «Жизнь графа Сперанскаго», пишетъ: «Въ чемъ состояло это письмо, намъ неизвѣстно».

77) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 5-я, стр. 33.

Вигель находился въ это время въ Пензѣ; когда въ концѣ марта важная вѣсть о паденіи Сперанскаго получена была въ этомъ городѣ, то многіе приходили къ Вигелю поздравлять его съ первой побѣдою надъ французами, и, присовокупляетъ авторъ записокъ, «виноватъ, я принималъ поздравленія».

78) Двѣнадцатый годъ въ запискахъ Варвары Ивановны Бакуниной: «Русская Старина» 1885 года, т. 47-й, стр. 393.

79) Записки Я. И. де-Санглена: Рукопись.

Бесѣда императора Александра съ де-Сангленомъ заключаетъ въ себѣ еще слѣдующія подробности о послѣдней аудіенціи Сперанскаго; оказывается, что послѣдній, прибывъ въ Зимній дворецъ 17-го марта, зналъ, съ какою цѣлью его потребовалъ къ себѣ государь: «Когда Сперанскій ко мнѣ вошелъ и началъ раскрывать портфель», сообщилъ Александръ де-Санглену, «тогда сказалъ я ему: Не нужно, Михайло Михайловичъ. У меня есть другое дѣло понужнѣе, о которомъ съ вами переговорить хочу. И каково было мое удивленіе, когда онъ мнѣ хладнокровно отвѣчалъ: Государь! я все знаю. По выходѣ отъ васъ, я буду отправленъ въ Нижній-Новгородъ».

Де-Сангленъ полагаетъ, что Магницкій, отправляясь въ ссылку ранѣе Сперанскаго, предупредилъ о томъ своего пріятеля. Дѣйствительно, собираясь въ дорогу, Магницкій обратился къ Санглену съ словами: «Сперанскій долженъ теперь быть въ передней государя, въ ожиданіи назначеннаго ему въ 8 часовъ доклада; позвольте мнѣ написать ему двѣ строки».—«Могу ли я вамъ въ томъ помѣшать,—отвѣтилъ Сангленъ.—Вы выйдете въ спальню вашей супруги, куда одно уже приличіе не позволяетъ мнѣ за вами идти, и оттуда, безъ всякаго разрѣшенія съ моей стороны, можете дать знать Михайлу Михайловичу что вамъ угодно».—Послѣ этихъ словъ Магницкій вышелъ на нѣсколько минутъ въ боковую комнату.

Когда же Сангленъ послѣ отъѣзда Магницкаго пріѣхалъ въ домъ Сперанскаго къ поджидавшему его Балашову, онъ въ передней увидалъ двухъ лакеевъ, одѣтыхъ по-дорожному; на сдѣланный имъ вопросъ, что они за люди, они отвѣтили: «мы ѣдемъ съ Михайломъ Михайловичемъ въ Нижній-Новгородъ».

80) И. И. Дмитріевъ: Взглядъ на мою жизнь.—Москва, 1866. Часть 3-я, стр. 195.

Въ запискахъ Михайловскаго-Данилевскаго разсказъ Дмитріева переданъ нѣсколько полнѣе, а именно: «Государь присовокупилъ: поступокъ сей тѣмъ непростительнѣе, что, по званію государственнаго секретаря, Сперанскій могъ докладывать мнѣ во всякое время о неустройствахъ въ имперіи, не провозглашая ихъ, такъ сказать, всенародно».

81) Баронъ М. А. Корфъ: Жизнь графа Сперанскаго. Часть 3-я, стр. 25. Авторъ ошибается только въ днѣ аудіенціи графа Нессельроде, утверждая, что государь призвалъ его во дворецъ въ среду вечеромъ (то-есть 20-го марта). Въ запискахъ графа Нессельроде сказано, что аудіенція состоялась 19-го марта: «le mardi l'Empereur me fit venir» (Государственный Архивъ. Разрядъ XI, № 1151).

82) Де-Местръ пишетъ 9-го (21-го) апрѣля 1812 года:

«Un très mauvais sujet étranger disait un jour devant moi et d'autres: «Bientôt nous saurons à quoi nous en tenir, car si l'empereur ne fait pas juger Spéranski, le tout n'est qu'un tripot de cour». Oeuvres complètes de Joseph de Maistre. T. 12, p. 104.

83) Князь Куракинъ къ графу Румянцеву, 15-го (27-го) апрѣля 1812 года (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

По занятіи французами Вильны, Наполеонъ, бесѣдуя съ присланнымъ къ нему генералъ-адъютантомъ Балашовымъ, предложилъ ему тотъ же вопросъ: «Dites, je vous prie, pourquoi a-t-on éloigné..., celui que vous avez eu à votre conseil d'État... comment l'appelez-vous? Spie... Sper... je ne me souviens pas de son nom».—«Spéranski», отвѣтилъ Балашовъ.—«Oui».—«L'Empereur n'en était pas content», замѣтилъ собесѣдникъ Наполеона.—«Ce n'est pas pour trahison cependant?»—«Je ne le suppose pas, Sire, car de pareils forfaits ne manqueraient pas probablement d'être mis au jour et publiés».—«C'est donc quelque abus, volerie peut-être», заключилъ Наполеонъ (Военно-ученый архивъ. Отд. 2, № 4349).

84) «On a dit aussi que le principale crime de M-r Spéranski consistait dans des propos indiscrets qu'il avait tenu sur l'Empereur, blâmant son peu de caractère et d'énergie qui

le faisait hésiter dans l'exécution de mesures qu'il avait lui-même approuvées... On assure que l'Empereur a dit qu'on ne saurait point de quoi M-r Spéranski était coupable».

«Русскій Архивъ» 1882 года, книга 2-я.

85) «J'ai frémi en apprenant les dangers auxquels Votre Majesté a été exposée. Je la félicite du fond de mon coeur d'être parvenue à découvrir les trames qui tendaient à détruire son empire.—Votre Majesté a donné dans cette circonstance une grande preuve de clémence. Dieu veuille qu'elle soit profitable à ses sujets pour qu'ils évitent à l'avenir à Votre Majesté la douloureuse nécessité de faire de plus grands exemples».

86) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ (Lettres de cabinet: Suède).

87) Die nachgelassene Correspondenz zwischen dem Herzog Eugen von Württemberg und Hofmann.—Cannstatt. 1883, p. 63.

88) Андрей Андреевичъ Жерве былъ женатъ на родной сестрѣ г-жи Вейкардтъ, вдовы одного изъ самыхъ близкихъ друзей Сперанскаго.

89) Приведенная здѣсь выписка изъ письма Сперанскаго сдѣлана собственноручно императоромъ Александромъ и сообщена имъ графу Н. И. Салтыкову при письмѣ изъ Вильны отъ 19-го апрѣля 1812 года (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 459).

90) См. въ приложеніяхъ всеподданнѣйшее письмо Жерве, отъ 26-го марта 1812 года, съ указаніемъ пропущенныхъ мѣстъ во второй редакціи этого же письма.

91) Какъ и слѣдовало ожидать, Парротъ не замедлилъ заступиться за Бека и съ обычнымъ ему увлеченіемъ убѣждалъ императора Александра не придавать вѣры клеветѣ. Замѣчательно, однако, что уже въ письмѣ отъ 17-го марта Парротъ указываетъ государю, что онъ введенъ въ заблужденіе относительно Бека, подозрѣвая его въ «manque de fidélité»». Слѣдовательно, при послѣднемъ свиданіи Александра съ Парротомъ, 16-го марта, наканунѣ ссылки Сперанскаго, разговоръ коснулся и Бека, хотя государь не имѣлъ еще тогда въ рукахъ письма Сперанскаго съ приложеніемъ бумагъ, поступившихъ къ нему незаконнымъ порядкомъ.

См. въ приложеніяхъ два письма Паррота къ императору Александру по поводу Бека, отъ 27-го марта и 26-го мая 1812 года.

92) Архивъ Государственнаго Совѣта: дѣла Комитета 13-го января 1807 года (1812 годъ).

93) Замѣтка императора Александра о Бекѣ воспроизведена здѣсь съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника; она приложена къ дѣлу о Бекѣ и Жерве, производившемуся въ Комитетѣ 13-го января 1807 года (Архивъ Государственнаго Совѣта). Эта замѣтка составляетъ первый P. S. государя въ письмѣ его къ графу Салтыкову, отъ 13-го іюня 1812 года изъ Вильны, въ которомъ онъ извѣщалъ фельдмаршала о началѣ войны и вторженіи французовъ. Второй P. S. имѣетъ предметомъ выпускъ новыхъ ассигнацій на военные расходы (Военно-ученый архивъ. Отд. 1, № 459).

94) Бекъ и Жерве были призваны вмѣстѣ въ присутствіе Комитета 3-го іюля 1812 года.

95) С.-Петербургскій главнокомандующій С. К. Вязмитиновъ.

96) Архивъ Государственнаго Совѣта: дѣла Комитета 13-го января 1807 года (1812 годъ).

97) Бекъ умеръ въ 1853 году въ чинѣ тайнаго совѣтника и состоялъ старшимъ совѣтникомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

98) Эти слова доказываютъ, что при послѣдней аудіенціи Сперанскаго у государя не было рѣчи, въ числѣ прочихъ пунктовъ обвиненія, о вмѣшательствѣ его въ дипломатическую часть. Позволительно даже думать, что Бекъ и Жерве остались бы совсѣмъ внѣ отвѣтственности, и вообще, все это дѣло не появилось бы на свѣтъ Божій, если бы Сперанскій не имѣлъ при отправленіи своемъ въ ссылку неосторожной добросовѣстности представить свои дипломатическія бумаги прямо государю. Тогда, въ грудѣ прочихъ, онѣ, вѣроятно, не обратили бы на себя вниманія лицъ, занимавшихся разборкою бумагъ Сперанскаго. Заключеніе Бека въ крѣпость и послужившая къ тому причина сдѣлались извѣстными Сперанскому черезъ его друзей, которые, несмотря на всю строгость учиненнаго надъ нимъ полицейскаго надзора, нашли средства къ тайной перепискѣ съ изгнанникомъ.

О томъ, съ какою небрежностью обошлись съ бумагами Сперанскаго, свидѣтельствуетъ очевидецъ: на другой день послѣ исчезновенія Сперанскаго увидѣли у подъѣзда его дома дровни, на которыя сваливали кипы бумагъ; небрежно связанные листки разносило сильнымъ вѣтромъ, такъ что принуждены были бѣгать за ними по улицѣ.

99) Здѣсь очевидны: 1) нѣкоторое противорѣчіе съ показаніями Бека, нигдѣ не говорившаго, чтобы онъ предлагалъ или обѣщалъ Сперанскому сообщеніе своихъ бумагъ, и во 2) явное желаніе со стороны Сперанскаго оградить стараго своего друга Жерве, третье лицо, какъ онъ выражается, который не только прямо не названъ имъ, но и представленъ, съ измѣненіемъ ролей, почти какъ бы орудіемъ Бека. Вообще Сперанскій говоритъ здѣсь лишь о бумагахъ Бека, тогда какъ достовѣрно, что Жерве содержалъ государственнаго секретаря въ извѣстности о всемъ вообще ходѣ внѣшнихъ нашихъ сношеній и заграничной политики.

100) Здѣсь у Сперанскаго, вѣроятно, вкралась описка: должно читать Бломе (Blome). Онъ былъ датскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

101) Графъ Нессельроде приписывалъ вліянію и заступничеству Сперанскаго полученное имъ новое назначеніе; оно состоялось 26-го октября 1811 года.

102) Notice biographique sur le comte de Nesselrode, écrit en partie de sa main, en partie sous sa dictée (Государственный Архивъ. Разрядъ XI, № 1151). — Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1865 года появился русскій, далеко не полный и не точный переводъ этой біографической замѣтки подъ заглавіемъ: Записки графа Карла Васильевича Нессельроде. Нѣмецкій переводъ(съ русскаго) напечатанъ въ Берлинѣ въ 1866 году: «Des russischen Reichskanzlers Grafen Nesselrode Selbstbiographie.—Deutsch von Karl Klevesahl».

Приведенныя здѣсь слова императора Александра, сказанныя имъ графу Нессельроде, во французскомъ подлинникѣ слѣдующія: «Si je me décidais à faire une nouvelle démarche conciliante près de Napoléon, je doute qu'elle puisse aboutir à un dénouement pacifique; ja crois comme vous que la guerre est inévitable; dans ce cas je compte me mettre à la tête des armées, j'aurai alors besoin d'avoir auprès de moi un homme jeune, capable de me suivre partout à cheval et de se charger de ma correspondance politique. Le chancelier comte Roumiantzoff est vieux, maladif et ne saurait remplir cette tâche; c'est donc sur vous que j'ai jeté les yeux et j'espère que vous remplirez avec fidélité et discrétion une place toute de confiance».

103) Предсѣдатель департамента государственной экономіи Н. С. Мордвиновъ остался вѣренъ преобразовательнымъ мыслямъ Сперанскаго и вслѣдъ за его паденіемъ просилъ объ увольненіи отъ должности предсѣдателя въ департаментѣ. Оно состоялось 7-го апрѣля 1812 года. Мордвиновъ уѣхалъ изъ Петербурга въ деревню.

104) Записки А. С. Шишкова. Томъ 1-й, стр. 120.

105) С. Т. Аксаковъ: Семейная хроника и воспоминанія. Москва. 1856, стр. 506. (Воспоминанія объ А. С. Шишковѣ).

106) Указъ объ увольненіи по прошенію графа Гудовича послѣдовалъ нѣсколько ранѣе, а именно 13-го мая 1812 года, «для поправленія разстроеннаго его здоровья». Въ особомъ рескриптѣ на имя графа Гудовича императоръ Александръ пожаловалъ ему осыпанный алмазами портретъ для ношенія.

24-го мая императоръ Александръ писалъ графу Ростопчину: «L'obligation de garder quelques ménagements envers le maréchal a seule retardé votre nomination pour lui succéder».

107) Въ этотъ же день императоръ Александръ утвердилъ Учрежденіе Комитета Министровъ, которому была присвоена особенная власть по всѣмъ вообще дѣламъ государственнаго управленія.

108) Послѣ кончины графа Завадовскаго, послѣдовавшей 10-го января 1812 года предсѣдателемъ департамента законовъ былъ назначенъ графъ Кочубей (20-го января, 1812 года).

Указомъ 1-го апрѣля 1812 года графу Кочубею повелѣно было находиться при императорѣ Александрѣ, по особымъ порученіямъ, со времени отбытія государя изъ столицы.

109) Указомъ 16-го марта 1812 года военный министръ Барклай де-Толли былъ назначенъ главнокомандующимъ первой западной арміи, а князь Багратіонъ утвержденъ въ званіи главнокомандующаго второю западною арміею.

110) Дѣло объ учрежденіи іезуитской академіи въ Полоцкѣ было разсмотрѣно въ комитетѣ министровъ въ ноябрѣ 1811 года.—Торжественное открытіе академіи послѣдовало 10-го (22-го) іюня 1812 года въ присутствіи бѣлорусскаго военнаго губернатора герцога Александра Виртембергскаго и графа Жозефа де-Местра; сардинскій дипломатъ находился въ Полоцкѣ по порученію государя.

111) Oeuvres complètes de Joseph de Maistre. T. 12 (Correspondance 1811—1814).

Въ одномъ изъ донесеній де-Местра своему королю, отъ 27-го мая (8-го іюня) 1812 года, встрѣчается слѣдующее любопытное извѣстіе: «L'Empereur m'a demandé la plan d'un édit pour le rétablissement du royaume de Pologne et d'un manifeste pour l'annoncer: je l'ai fait. Je ne vois pas cependant que, pour le moment, il faille s'attendre à aucun résultat».

112) «Les circonstances me paraissent des plus favorables pour me livrer à une idée qui a été anciennement mon idée favorite, que j'ai été deux fois dans le cas de devoir ajourner sous l'empire des circonstances, mais qui n'en est pas moins resté dans le fond de ma pensée. Jamais le moment n'y a été plus propre». Письмо императора Александра къ князю Чарторижскому отъ 25-го декабря 1810 года (6-го января 1811 года). Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. 2, p. 250.

113) Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. 2, p. 272.

114) Князь Чарторижскій находилъ, что планы императора Александра относительно Польши слишкомъ хороши, чтобы они могли осуществиться на дѣлѣ, и что духъ зла, повидимому, всегда готовый разрушить предположенія, направленныя къ благу человѣчества, разстроитъ и эти планы. Опасенія князя Адама сбылись вполнѣ.

115) Waliszewski: La rivalité de deux empereurs (Статья по поводу 2-го тома сочиненія Вандаля: Napoléon et Alexandre I).

116) Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne.—Paris. 1827. T. 3-me, p.p. 34—121.

117) Отъ министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго, приглашены были къ торжеству: члены св. Синода, Государственнаго Совѣта, министры, наши и иностранные, и другіе знатнѣйшіе сановники государства. Изъ царской фамиліи присутствовали, кромѣ государя, обѣ императрицы, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и великая княжна Анна Павловна.—Первымъ директоромъ лицея былъ статскій совѣтникъ В. Ѳ. Малиновскій (состоявшій при Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ). Въ воспитанники лицея зачислены были 30 человѣкъ, лучше другихъ выдержавшіе экзамены.

118) Императоръ Александръ наградилъ въ тотъ же день молодого Куницына орденомъ св. Владиміра 4-й степени.

Во время торжественнаго акта профессоръ Кошанскій наименовалъ чиновниковъ и воспитанниковъ лицея, и каждый изъ нихъ, когда произносима была фамилія его, выходилъ изъ ряду и представлялся государю.

И. Селезневъ: Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея за первое его пятидесятилѣтіе, съ 1811 по 1861 годъ.—С.-Петербургъ. 1861.

27-го января 1814 года былъ открытъ еще учрежденный въ Царскомъ Селѣ, какъ разсадникъ для лицея, Благородный лицейскій пансіонъ.

119) Проектъ Воронихина удостоился утвержденія императора Павла 14-го ноября 1800 года, а комиссія для построенія собора была назначена въ томъ же году 22-го ноября.

120) Всѣ живописныя и скульптурныя произведенія Казанскаго собора были исполнены воспитанниками Академіи Художествъ. Ни одинъ иностранный художникъ или мастеровой не былъ допущенъ къ участію въ работѣ. На сооруженіе храма со всѣми его живописными украшеніями употреблено было 4.200,000 рублей.

А. Н. Воронихинъ скончался 21-го февраля 1814 года.

121) Директоромъ Публичной библіотеки былъ въ то время тайный совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.

122) Въ сентябрѣ 1812 года отправлены были водою въ Олонецкую губернію 189 ящиковъ со всѣми рукописями и лучшими книгами, которыя и оставались нѣсколько недѣль въ деревнѣ Устланкѣ. По очищеніи Москвы французами ящики были возвращены зимнимъ путемъ въ Петербургъ.

123) Кромѣ того въ княжествахъ находилась еще Дунайская или, какъ ее называли, Молдавская армія, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, въ составѣ до 40,000 человѣкъ, которая послѣ разныхъ предназначенныхъ ей фантастическихъ диверсій была, наконецъ, вызвана въ Россію и присоединена къ войскамъ Тормасова; но это осуществилось только въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Войска, находившіяся при открытіи войны 1812 года въ Финляндіи, не могли быть присоединены къ войскамъ, стоявшимъ на западной границѣ, по политическимъ соображеніямъ, которыя выяснились только послѣ свиданія императора Александра съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, состоявшагося въ августѣ мѣсяцѣ въ Або.

124) 11-го (23-го) іюня 1812 года:

«Je ne crains pas les revers. Votre Empire a deux puissants défenseurs dans son étendue et dans son climat... et quand même des circonstances malheureuses vous faisaient prendre le parti de vous retirer devant un ennemi victorieux, l'empereur de Russie restera toujours formidable à Moscou, terrible à Cazan et invincible à Tobolsk» (Военно-ученый архивъ. Отд. II № 4525 [а]).

125) Въ 1813 году, послѣ Лейпцигскаго сраженія, императоръ Александръ, находясь во Франкфуртѣ на Майнѣ, вспомнилъ о Фулѣ, наградилъ его орденомъ св. Владиміра первой степени и написалъ ему 30-го ноября (12-го декабря) письмо, въ которомъ признаетъ, что его планъ имѣлъ послѣдствіемъ спасеніе Россіи и Европы: «Des bords de la Moscova arrivé à ceux de Rhin, je crois m'acquitter d'un devoir, en vous adressant, mon général, ces lignes. Si j'ai quelque connaissance dans le métier de la guerre, c'est a vous seul que j'en dois les principes. Mais je vous dois plus encore; c'est vous qui avez conçu le plan, qui avec l'aide de la Providence a eu pour suite le salut de la Russie et pour résultat celui de l'Europe».

По полученіи этихъ милостивыхъ строкъ Фуль писалъ Штейну, что письмо государя доставило ему больше удовольствія, чѣмъ орденъ, ибо оно свидѣтельствуетъ объ его великодушіи и благородномъ образѣ мыслей.

126) Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго: «Русскій Архивъ» 1867 года, стр. 765.

127) Графъ Лористонъ къ Даву, отъ 12-го (24-го) апрѣля 1812 года изъ С.-Петербурга. Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 454.

128) Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre publiés par la comtesse de Choiseul-Gouffier.—Paris. 1829, p. 75.

Армфельтъ писалъ изъ Вильны: «L'Empereur se fait adorer de tout le monde et tourne complètement la tête aux femmes polonaises» (Goustaf Mauritz Armfelt af Elof Tegnér.—Stokholm. 1886. III, p. 399).

129) Извѣстія, которыя распространялись въ обществѣ о порядкахъ въ главной квартирѣ въ Вильнѣ, не были весьма утѣшительнаго свойства. Въ запискахъ Бакуниной читаемъ: «Пишутъ изъ Вильны, что занимаются разводами, праздниками и волокитствомъ, отъ старшихъ до младшихъ, по пословицѣ—игуменья за чарку, сестры за ковши; молодые офицеры пьютъ, играютъ и прочее.—Все въ бездѣйствіи, которое можно почти назвать столбнякомъ, когда подумаешь, что непріятель, самый хитрый, самый счастливый, искуснѣйшій полководецъ въ свѣтѣ, исполинскими шагами приближается къ предѣламъ нашимъ; 300,000 воиновъ подъ его предводительствомъ». «Русская Старина» 1885 года, т. 47-й, стр. 147: Двѣнадцатый годъ въ запискахъ В. И. Бакуниной.

130) Gustaf Mauritz Armfelt af Elof Tegnér.—Stokholm. 1887. III, p. 396.

131) Наполеонъ при свиданіи съ генералъ-адъютантомъ Балашовымъ въ Вильнѣ, въ іюнѣ 1812 года, сказалъ ему: «Comment peut-on mener des opérations militaires par un conseil! Toutes les guerres de cette façon ont été malheureuses. Moi, au milieu de la nuit, à 2 ou 3 heures, quand une bonne idée me passe par la tête, dans un quart d'heure l'ordre est donné, dans une demi-heure il est mis en exécution par les avant-postes: tandis qu'Armfelt propose, Benigsen examine, de Tolly délibère et Phull s'oppose, et tous ensemble ne font rien et perdent le temps» (Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 4349).

132) Наслѣдный принцъ шведскій, мнѣніемъ котораго императоръ Александръ въ это время сильно дорожилъ, также способствовалъ тому, чтобы поддерживать государя въ ошибочной оцѣнкѣ силъ, которыми располагалъ Наполеонъ, приготовляясь къ

нашествію на Россію. Онъ говорилъ нашему посланнику барону Николаи: «Я предполагаю, что войска Наполеона будутъ состоять изъ 250,000, но будьте увѣрены, что съ вами будутъ сражаться только 150,000, остальные ему необходимо оставить въ своемъ тылу».

133) Въ «Мониторѣ» отъ 28-го апрѣля (10-го мая) 1812 года было объявлено: «L'Empereur est parti aujourd'hui pour aller faire l'inspection de la Grande Armée réunie sur la Vistule. Sa Majesté l'Impératrice accompagne Sa Majesté jusqu'à Dresde où elle espère jouir du bonheur de voir son auguste famille».

Покидая Парижъ, Наполеонъ сознавалъ всѣ трудности задуманнаго имъ дѣла и, прощаясь съ префектомъ полиціи Пакье, признался, что предстоящее ему предпріятіе самое великое, самое трудное, на которое онъ когда-либо рѣшался: «однако, нужно довести до конца то, что начато» (l'entreprise la plus grande, la plus difficile que j'aie encore tentée; mais il faut bien achever ce qui est commencé). Mémoires du chancelier Pasquier. T. I, p. 525.

134) Въ инструкціи, данной графу Нарбонну 21-го апрѣля (3-го мая) 1812 года сказано: «Sa Majesté me charge de vous recommander beaucoup de réserve, de mesure et de prudence et de ne pas perdre de vue que vous avez affaire à un homme fin et soupçonneux.—Pour remplir l'objet politique de votre mission votre langage doit être extrêmement pacifique. Vous devez parler beaucoup, mais en termes généraux du désir qu'a Sa Majesté d'éviter la guerre et de parvenir sans effusion de sang à des arrangements qui rétablissent les deux puissances dans les rapports d'amitié où elles ont été jusqu'à ces derniers temps.—Elle ne pense point à la Pologne. Elle n'a en vue que des intérêts tout français.—L'objet de votre mission militaire est de prendre des renseignements» (Paris. Arch. Nat.).

135) Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 4377. «L'armée russe ne passera pas le Niémen ni entre Grodno et Tilsit, ni nulle part. Nous ne sommes pas assez heureux pour qu'ils y pensent. L'Empereur a l'air de s'attendre à perdre deux ou trois batailles, mais il fait semblant d'être déterminé à se faire battre s'il le faut en Tartarie» (Нарбоннъ къ Даву, 12-го (24-го) мая 1812 года изъ Варшавы).

136) «Je ne me fais point d'illusion; je sais combien l'empereur Napoléon est un grand général; mais vous le voyez j'ai pour moi léspace et le temps. Il n'est pas de coin reculé de ce territoire hostile pour vous, où je ne me retire, pas de poste lointain que je ne défende, avant de consentir à une paix honteuse. Je n'attaque pas; mais je ne poserai pas les armes, tant qu'il y aura un soldat étranger en Russie». Villemain: Souvenirs contemporains: M. de Narbonne.—Paris, 1874, p. 187.

Графиня Шоазель пишетъ по поводу аудіенціи Нарбонна, что онъ сказалъ: «L'Empereur était si bien sur son terrain, ses raisonnements ont tant de force et de logique, que je n'ai pu me retrancher que dans quelques phrases banales de cour» (Mémoires historiques sur l'Empereur Alexandre.—Paris. 1829, p. 80.

137) Pertz: Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein.—Berlin. 1851. B. 3, p. 55.

138) «On veut la guerre; je la ferai». Villemain: Souvenirs contemporains, p. 188.

139) Записка А. С. Шишкова. Стр. 125.

140) Государственный Архивъ. Разрядъ IV, № 238. См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ этого письма.

141) Де-Санглене въ своихъ запискахъ пишетъ, что еще до бала онъ получилъ эстафету изъ Ковны съ извѣстіемъ, что Наполеонъ въ этомъ мѣстѣ началъ переправляться съ своей арміей. Онъ немедленно доложилъ о томъ государю. «Я этого ожидалъ», отвѣчалъ Александръ: «но балъ все-таки будетъ».

142) «La Russie est entrainée par la fatalité».

143) Готовясь къ борьбѣ съ Россіею, Наполеонъ совершенно ложно оцѣнилъ характеръ Александра и духъ русскаго народа. Это видно изъ словъ его, сказанныхъ въ разное время Коленкуру, а именно: въ 1811 году—«Une bonne bataille aura raison des belles déterminations de votre ami Alexandre»; у Нѣмана—«Avant deux mois Alexandre me demandera la paix: les grands propriétaires l'y forceront»; въ Вильнѣ—«Avant deux mois les seigneurs russes forceront Alexandre à me demander la paix»; наконецъ, уже во время полнаго разгара войны—«Je signerai la paix dans Moscou».

Французскій историкъ Сорель справедливо пишетъ по поводу войны 1812 года и радужныхъ надеждъ участниковъ похода: «Aucun n'imaginait ce qu'ils trouvèrent: la solitude, une Espagne indéfinie, plate, morne, déserte, plus sinistre et plus désastreuse encore que l'autre».

144) «Von Alexanders feigherziger Schlaffheit erwarte ich alles. Nach einer verlorenen Schlacht tritt er alle Länder an der Düna und dem Dnepr ab; nach der zweiten Petersburg und Moskau und begnügt sich mit Casan und Astrachan». Письмо Гнейзенау къ графу Шазо отъ 2-го (14-го) февраля 1811 года. Pertz: Das Leben des Grafen Gneisenau. B. 2, s. 44.

145) Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 4349: Собственноручная записка генералъ-адъютанта Балашова о посылкѣ его къ императору Наполеону въ 1812 году.

146) «Dieu même ne peut pas faire que ce qui a été fait n'ait pas été». Наполеонъ къ императору Александру 19-го іюня (1-го іюля) 1812 года изъ Вильны.

147) Въ вышеупомянутыхъ запискахъ В. И. Бакуниной о 1812 годѣ (стр. 398) встрѣчается слѣдующая характеристика графа Аракчеева: «Злобный и мстительный человѣкъ, служилъ только въ Гатчинѣ, училъ военному искусству на Марсовомъ полѣ и на площадяхъ Исаакіевской и Дворцовой и, какъ увѣряютъ, разсуждаетъ о вещахъ совсѣмъ противно здравому разсудку».

148) Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 459.

Въ этомъ письмѣ, написанномъ изъ Бѣлковщизны, государь высказываетъ также свои опасенія относительно возможности для непріятеля пробраться до Петербурга и предлагаетъ графу подумать о семъ предметѣ, «чтобы уже рѣшено было по здравомъ размышленіи все то, что надобно будетъ увезти изъ Петербурга и о способахъ сего увоза. Въ торопяхъ сіе будетъ сдѣлано съ замѣшательствомъ и неосновательно. При семъ прилагаю реестръ того, что мнѣ на первый случай на память пришло».

149) Записки А. С. Шишкова, т. 1-й, стр. 139—148.

150) Записки генералъ-адъютанта графа Е. Ѳ. Комаровскаго. «Русскій Архивъ» 1867 года, стр. 774.

По поводу этого происшествія графъ Комаровскій замѣчаетъ: «Можно сказать, что душа и чувства графа Аракчеева были совершеннаго царедворца и чужды любви къ отечеству».

151) Подлинная собственноручная записка Шишкова за подписями графа Аракчеева, Александра Балашова и Александра Шишкова хранится въ собраніи бумагъ графа Аракчеева: Архивъ канцеляріи военнаго министерства (Дѣло № 33).

152) «Si Napoléon avance dans le nord, avançons au sud; s'il en veut à Pétersbourg, faisons le trembler pour Constantinople qu'il a bien plus à coeur». Предлагая, такимъ образомъ, вновь начать войну съ Оттоманской Портой, Чичаговъ писалъ: «Ce serait un vrai coup d'apoplexie pour Napoléon que d'enlever Constantinople à lui et à tous ceux qui s'en font un jouet.—Nous y trouverons des hommes, de l'argent et des vaisseaux à notre disposition.—Il n'y a que les entreprises inattendues, parce que peu de monde en conçoivent l'idée, qui peuvent produire quelque effet, qui puisse aujourd'hui contrebalancer les projets de notre ennemi extraordinaire par son génie» (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

153) «Le plan est très vaste, très hardi, mais qui peut répondre de sa réussité?» (Liachovo aux environs de Polotzk, le 6 Juillet 1812). Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 207.

154) «L'histoire de Constantinople peut être reproduite plus tard. Une fois nos affaires marchant bien contre Napoléon, nous pourrons reprendre votre plan contre les Turcs tout de suite et alors proclamer soit l'Empire des Slaves, soit celui des Grecs. Mais s'en occuper dans ce moment, où déjà nous avons à lutter contre tant d'embarras et des forces si nombreuses, me paraît hasardé et peu sage. Supposez un moment que nous devenions maîtres de Constantinople, cela n'augmente pas nos forces; cela sera toujours les mêmes 40,000 dont vous aurez à disposer à Constantinople comme à Bucharest, et vous conviendrez qu'ils se trouveront plus loin, et par conséquent moins dans la possibilité d'agir contre notre grand ennemi. C'est vers ses derrières qu'il faut fixer toute notre attention, soit par l'Adriatique en s'approchant du Tyrol et de la Suisse et par là du coeur de l'Alle-

magne et même des frontières de la France, soit plus directement par le duché de Varsovie, en y détruisant ce qu'il y organise et en les privant des ressources qu'il tire de ses derrières.—Ainsi je vous laisse le choix entre les deux partis» (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Тьеръ въ своей Исторіи консульства и имперіи (т. 14-й, стр. 435) приводитъ это письмо, но въ совершенно искаженномъ видѣ.

155) Записки графа Комаровскаго. «Русскій Архивъ» 1867 года, стр. 775.

156) Снегиревъ: Очеркъ жизни московскаго архіепископа Августина.—Москва. 1841, стр. 19—21 (Второе изданіе.—Москва. 1848, стр. 20—23).

Въ день посѣщенія императоромъ Успенскаго собора, 12-го (24-го) іюля, назначенъ былъ благодарственный молебенъ по случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою. Ратификацію Бухарестскаго мира султаномъ государь получилъ въ Смоленскѣ 9-го (21-го) іюля. Въ манифестѣ миръ былъ названъ «Богодарованнымъ».

157) Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 459. Письмо императора Александра изъ Москвы отъ 15-го (27-го) іюля 1812 года.

158) Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 4525 (а): Собственноручныя записки графа Ростопчина (на французскомъ языкѣ) о 1812 годѣ.

159) См. въ приложеніяхъ собственноручное письмо императора Александра къ принцу-регенту отъ 2-го (14-го) іюля 1812 года изъ Дрисскаго лагеря.

160) Государственный Архивъ. Разрядъ II, № 207.

«Décidé comme je le suis à pousser la guerre à tout outrance, j'ai dû songer à créer de nouvelles forces de réserve. Pour atteindre ce but j'ai dû me resoudre à arriver pour quelques jours au sein de l'empire pour y électriser les esprits et les préparer à de nouveaux sacrifices pour la cause sacrée pour laquelle nous combattons. Les effets ont surpassé mon attente.—Ajournons nos projets sur la Porte et songeons à employer tous nos moyens contre le grand ennemi que nous avons à combattre.—Conduisez toutes vos forces sur le Dniester et de là vers Doubno. Vous y serez renforcé de toute l'armée de Tormasoff (que j'emploierai ailleurs pour sa personne) et du corps de Richelieu, cela sera alors une armée de 8 à 9 divisions d'infanterie et de 4 à 5 de cavalerie, et vous pourrez alors prendre l'offensive, soit sur Pinsk, soit sur Lublin et Varsovie. Un tel mouvement placerait l'empereur Napoléon qui avance sur nous dans de mauvais draps, et pourrait donner une tournure toute différente aux affaires».—Aussitôt ayant fini avec Napoléon nous reviendrons à l'instant sur nos pas mais alors déjà pour créer un empire Slave».

161) «Je lui demandai des ordres et des instructions relativement à ce que je devais faire dans telle ou telle circonstance et je n'eus d'autre réponse que celle-ci: «Je vous donne plein pouvoir de faire ce que vous jugerez à propos; qui peut prévoir les événements! et je me repose sur vous». Il me communiqua seulement qu'il avait laissé à l'armée le général adjudant Koutouzow pour lui porter la nouvelle d'une bataille perdue, si cela arrivait. Il ne voulut pas que je l'accompagnasse jusqu'à la barrière, monta dans la calèche et partit, me laissant tout puissant, tout pénétré de sa confiance et dans la position la plus critique d'un improvisateur abandonné, auquel on a donné pour sujet Napoléon et Moscou». Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 4525 (а).

162) По поводу возвращенія государя въ Петербургъ въ запискахъ Бакуниной сказано: «Сердца наши, стѣсненныя горестью, озлобленныя, неудобны были чувствовать радости, ни чувствовать восторговъ. Обычное унылое молчаніе вездѣ царствовало, и день сей былъ для насъ мраченъ, подобно и предыдущимъ: по повелѣнію городъ былъ иллюминованъ» (стр. 401).

163) Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza).—Moscou. 1888, p. 63.

164) Mémoires de madame de Staël (Dix années d'exil).—Paris. 1861, p. 442.

165) Журналъ чрезвычайнаго комитета. Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 693. (Секретныя бумаги о военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года, подаренныя императоромъ Александромъ графу Аракчееву).

Въ запискахъ Бакуниной, въ которыхъ передано весьма отчетливо общественное настроеніе этой эпохи, читаемъ: «Извѣрившись совершенно Барклаю, полагали единственную надежду на князя Голенищева-Кутузова; одна у всѣхъ мысль, одинъ разговоръ;

возмущены женщины, старые, молодые, однимъ словомъ, всѣ состоянія, всѣ возрасты нарекли его единодушно спасителемъ отечества; единогласно призывали его, громко вездѣ раздавалось, что погибель наша неизбѣжна, когда не будетъ предводительствовать арміею князь Голенищевъ-Кутузовъ.

166) Записки графа Ѳ. П. Толстого. «Русская Старина» 1873 года. Т. 7-й, стр. 137.

167) Mémoires de la comtesse Elding, p. 74: «Le général Koutouzoff avait assuré l'empereur, en le quittant, que l'ennemi n'arriverait à Moscou qu'en passant sur son corps (l'expression dont il se servit).

168) Mémoires sur l'expédition de Russie, par le comte de Beauvollier.—Paris. 1825.

169) Историческія записки дѣйствительнаго статскаго совѣтника Іогана-Альберта Эренстрема, изданныя въ Упсалѣ (1812 г.) на шведскомъ языкѣ. 2-я часть, стр. 653.

170) Garden: Histoire générale des traités de paix. T. 13.

Swederus: Schwedens Politik und Kriege 1808—1814. Leipzig. 1866. T. 1.

171) «J'ai souvent porté ma pensée sur les projets que Votre Majesté me communiqua à Abo. J'ai calculé les chances qui peuvent en résulter, et sans me livrer à des espérances exagérées, je puis assurer Votre Majesté, que tout ce qui m'est parvenu de l'intérieur de la France est de nature à ne pas reléguer dans les invraisemblances, la possibilité de la réussite; mais l'exécution de ces projets ne peut avoir lieu qu'après que l'Allemagne sera délivrée de l'influence française». Наслѣдный принцъ императору Александру, 5-го (17-го) декабря 1812 года.

Императоръ Александръ отвѣчалъ наслѣдному принцу уже изъ Вильны, 26-го декабря 1812 года (7-го января 1813 года): «J'ai lu avec un plaisir infini ce que Votre Altesse veut bien me dire sur les projets dont nous nous sommes entretenus à Abo. Je regarderai leur réussite comme un bonheur pour l'humanité d'après les principes sages et libéraux que j'aime à reconnaitre en elle. Je ne puis assez engager Votre Altesse à y donner toute son attention» (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

172) Вильсонъ имѣлъ также порученіе просить государя о назначеніи новаго главнокомандующаго; но прибытіе князя Кутузова къ арміи уже рѣшило этотъ важнѣйшій вопросъ въ желательномъ для всей Россіи смыслѣ.

173 Général Sir Robert Wilson: Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte and the retreat of the French Army. 1812.—London. 1860, p. 114.

174) Передъ совѣтомъ Кутузовъ сказалъ на ухо принцу Евгенію Виртембергскому: «Ici ma tête, fut-elle bonne ou mauvaise, ne doit s'aider que d'elle même».

Въ совѣтѣ въ Филяхъ участвовали Барклай де-Толли, Беннигсенъ, Дохтуровъ, Уваровъ, графъ Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, Кайсаровъ, Толь и Раевскій. Милорадовичъ, командуя авангардомъ, не пріѣхалъ.

175) 6-го (18-го) сентября 1812 года императоръ Александръ писалъ графу Ростопчину: «J'aurais été complètement content de toute votre conduite dans ces cirsonstances si difficiles, sans l'affaire de Werestchaguin, ou plutôt de sa fin. Je suis trop vrai pour vous parler un autre langage que celui de la franchise. Son supplice était inutile et surtout ne devait jamais être fait de cette manière. Le pendre ou le fusiller aurait mieux valu».

Въ отвѣтъ на это письмо государя графъ Ростопчинъ сообщилъ подробности убіенія Верещагина (je le fis sabrer par mes ordonnances) и заключилъ свое оправданіе словами: «De tout temps je n'ai ambitionné que votre confiance. J'en ai été revêtu, et j'ai sauvé l'empire. Connaissant votre équité, malgré que j'ai eu le malheur de vous déplaire, je demeure persuadé que je possède votre estime, car Bonaparte m'honore de sa haine». Письмо отъ 2-го (14-го) декабря 1812 года изъ Москвы.

176) «Moscou déserte! Quel événement invraisemblable! Il faut y pénétrer. Allez, et amenez-moi les boyards». Comte de Ségur: Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812.—Paris. 1873. T. 2, p. 34.

177) Во всемъ городѣ оставалось не болѣе 10,000 жителей.

178) Смотря изъ Кремля на пылавшую Москву, Наполеонъ сказалъ: «Ceci nous présage les plus grands malheurs». Journal du maréchal Castellane.—Paris. 1895. T. I, p. 155.

179) См. въ приложеніяхъ письмо генералъ-адъютанта графа Мишо къ флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому, содержащее въ себѣ разсказъ о разговорѣ съ императоромъ Александромъ (Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 1835).

Александръ еще задолго до войны 1812 года носилъ въ себѣ предчувствіе неминуемости борьбы съ Франціею. Вѣроятно, послѣ эрфуртскаго свиданія, государь, разговаривая о Наполеонѣ съ сестрою своею, великою княгинею Маріей Павловною, сказалъ: «Il n'y a pas de place pour nous deux en Europe: tôt ou tard, l'un ou l'autre doit se retirer». Сочиненія князя П. А. Вяземскаго. Томъ 8-й, стр. 123.

180) Собственноручное письмо императора Александра къ князю Кутузову отъ 2-го (14-го) октября 1812 года.

181) Joseph de Maistre: Oeuvres complètes. T. 12, p. 233.

182) См. въ приложеніяхъ письма императрицы Елисаветы Алексѣевны къ маркграфинѣ баденской отъ 26-го августа (7-го сентября) и отъ 24-го сентября (6-го октября) 1812 года.

183) Mémoires de la comtesse Edling, p. 75.

184) Михайловскій-Данилевскій пишетъ: «Монархъ сей жилъ въ свое время въ величайшемъ уединеніи и не показывался народу; онъ не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ графа Аракчеева, съ коимъ только занимался дѣлами; обиталъ Каменный островъ, прогуливался одинъ и часто прислонялъ голову къ дереву, не примѣчая проходящихъ». (Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 1834.

185) Eylert: Charakter Züge aus dem Leben des Königs Friedrich-Wilhelm III. — Magdeburg. 1844. T. 2. Abtheilung 1, p. 247. «Der Brand von Moskau hat meine Seele erleuchtet, und das Gericht des Herrn auf den Eisfeldern hat mein Herz mit einer Glaubenswärme erfüllt, die es bis dahin so nie gefühlt. Nun lernte ich Gott kennen, wie die heilige Schrift ihn geoffenbart; nun verstand und verstehe ich seinen Willen und sein Gesetz, und der Entschluss wurde in mir reif und fest, mich und meine Regierung nur ihm und der Beförderung seiner Ehre zu widmen. Seit dieser Zeit bin ich ein Anderer geworden; der Erlösung Europa's von dem Verderben verdanke ich meine Erlösung und Freimachung».

Эти слова были сказаны Александромъ въ разговорѣ съ Эйлертомъ 8-го (20-го) сентября 1818 года въ Берлинѣ.

186) Mémoires de la comtesse Edling, p. 76—79. «Ses facultés intellectuelles et morales avaient pris un nouvel essor; son coeur était content, parce qu'il pouvait aimer ce qu'il y a de plus aimable dans la nature, l'Homme-Dieu. Enfin, les terribles merveilles de cette campagne désastreuse achevèrent de le convaincre qu'il n'y a de salut et de gloire qu'en Dieu, pour les peuples comme pour les rois».

187) Mémoires de la comtesse Edling, p. 79.

188) Въ 1814 году, послѣ сраженія при Шампоберѣ, Наполеонъ сказалъ взятому въ плѣнъ генералу Полторацкому по поводу флангового марша Кутузова: «Votre fin merle de Koutouzof m'a joliment mis dedans avec sa marche de flanc». Conversation de l'Empereur Napoléon avec le général russe Constantin Poltoratzky, en 1814, après la bataille de Champaubert. — Colmar. 1855, p. 5, (Extrait de la Revue d'Alsace, Mai 1855, p. 226).

189) Впослѣдствіи Кутузовъ по поводу Тарутинскаго лагеря замѣтилъ: «Tous les jours que nous sommes restés sur cette position étaient des jours d'or pour moi et pour l'armée et nous en avons profité».

190) «Voici la seconde fois que l'opinion publique s'est trompé dans son choix. Kamensky est devenu fou et Koutouzow une vieille femme-commère qui a perdu la tête, et croit faire quelque chose en ne faisant rien» (Графъ Ростопчинъ императору Александру 8-го (20-го) сентября 1812 года. Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 4525 [а]).

191) Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 4525 (а).

Впослѣдствіи, когда императоръ Александръ вступилъ въ Парижъ, графъ Ростопчинъ, вспоминая въ своей перепискѣ пережитыя событія, съ непримиримою злобою возвращается къ участію Кутузова въ событіяхъ 1812 года и пишетъ: «La seule chose que je regrette dans les événements passés, c'est le concours de circonstances qui ont placé à la tête des armées ce coquin de Koutouzow et l'on fait entrer par une fausse porte au temple

de l'immortalité». Архивъ князя Воронцова. Книга 8-я, стр. 471. (Письмо графа Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову отъ 28-го апрѣля 1814 года изъ Москвы).

192) 9-го (21-го) октября 1812 года (Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 317 (А): Подлинные рескрипты къ фельдмаршалу князю Кутузову).

193) Всеподданнѣйшій рапортъ князя Кутузова отъ 26-го сентября 1812 года.

194) Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 693.

195) Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 1834 (Рукопись Михайловскаго-Данилевскаго о двухъ разговорахъ императора Александра съ полковникомъ Мишо).

196) Ségur, Histoire de Napoléon et de la Grande Armée.—Paris. 1873, p. 123: «Mes compagnons! Vouz le rappelez-vous, ce champ funeste, où s'arrête la conquête du monde, où vingt ans de victoires vinrent échouer, où commença le grand écroulement de notre fortune?»

197) Wilson: Narrative of envents during the invasion of Russia, p. 234.

Кутузовъ высказалъ свой взглядъ на Англію еще подъ Тарутинымъ, въ разговорѣ съ русскимъ генераломъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы никогда, голубчикъ мой, съ тобою не согласимся; ты думаешь только о пользѣ Англіи, а по мнѣ, если этотъ островъ сегодня пойдетъ на дно моря, я не охну» (Изъ записокъ А. Ѳ. Воейкова).

198) Ségur: Histoire de Napoléon et de la Grande Armée.—Paris. 1873; p. 133: «Depuis ce moment il ne vit plus que Paris, de même qu'en partant de Paris il n'avait eu en vue que Moscou!»

199) Маршалъ Мортье, оставленный въ Москвѣ при выступленіи изъ нея французской арміи, послѣ безцѣльнаго взорванія Кремля присоединился къ главнымъ силамъ.

200) Наполеона сопровождали: Коленкуръ, Дюрокъ и графъ Лобау (Mouton). Бертье остался начальникомъ штаба у Мюрата. Тщетно князь Невшательскій умолялъ императора взять его съ собою; онъ плакалъ и говорилъ, что онъ съ нимъ никогда не разставался. Наполеонъ отвѣтилъ ему: «Cela ne se peut pas; il est nécessaire que vous restiez avec le roi de Naples. Je sais bien, moi, que vous n'êtes bon à rien, mais on ne le croit pas, et votre nom est de quelque effet sur l'armée». Journal du maréchal Castellane (1804—1862)—Paris. 1895. T. I, p. 202.

201) Бернгарди въ своей исторіи Россіи высказываетъ такой взглядъ: «императоръ Александръ видѣлъ дальше и лучше. Онъ все болѣе привыкалъ обнимать своимъ кругозоромъ великія событія. Александръ почти одинъ понималъ среди вліятельныхъ круговъ Россіи, что борьбу нельзя считать поконченною, пока могущество Наполеона не будетъ окончательно сломано, и что недостающія боевыя силы нельзя восполнить посредствомъ рекрутскихъ наборовъ въ Россіи, что для этого не имѣется ни достаточно времени, ни средствъ, что пополненія собственныхъ боевыхъ средствъ нужно искать въ союзахъ, заключенныхъ съ Пруссіей и Австріей, и что для этого необходимо призвать къ оружію Германію противъ владычества Наполеона. Онъ чувствовалъ, что русская армія должна слѣдовать за бѣгущимъ непріятелемъ съ увѣреннымъ видомъ побѣдителей, какъ бы она ни чувствовала себя слабою» (T. Bernhardi: Geschichte Russlands. T. 2. Abtheilung 2, p. 721).

202) «Si l'on veut une paix stable et solide, c'est à Paris qu'il faut la signer; j'en ai l'intime conviction». Mémoires de la comtesse Edling, p. 83—86.

203) Приказъ войскамъ императора Николая, въ лагерѣ при Бородинѣ, 26-го августа 1839 года: «Ребята! Предъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь, па этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за вѣру, царя и отечество! Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ—и мы вошли въ Парижъ. Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ императору Александру I,—его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ вашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему государю и общей матери нашей Россіи».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

А. П. Ермоловъ въ запискахъ своихъ (Москва. 1865. ч. 1, стр. 282) слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ историческое значеніе безпримѣрнаго подвига, совершеннаго русскимъ народомъ подъ предводительствомъ императора Александра: «Итакъ, въ теченіе семи мѣсяцевъ, потерявши не менѣе восьми губерній, впавшихъ во власть непріятеля, лишившись древней столицы, обращенной съ пепелъ, имѣя въ сердцѣ своемъ болѣе 500,000 враждебныхъ полчищъ, грозившихъ истребленіемъ, Россія восторжествовала! Императоръ примѣромъ непоколебимой твердости оживилъ въ каждомъ надежду спасенія отечества. Никто не щадилъ пожертвованій, призваны въ пособія всѣ средства, всѣ возможныя усилія. Исполненныя самоотверженія, двинулись храбрыя ополченія Россіи; ударилъ часъ освобожденія, и Богъ, поборникъ правыхъ, низложилъ горделивые замыслы враговъ, и уже нѣтъ ихъ на землѣ любезнаго отечества нашего!»

204) Всеподданнѣйшій рапортъ князя Кутузова, отъ 1-го (13-го) декабря 1812 года изъ Вильны (Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 693).

205) Донесеніе князя Кутузова, о которомъ упоминаетъ государь, было написано 25-го ноября (7-го декабря) 1812 года, еще до занятія русскими войсками Вильны. Фельдмаршалъ указываетъ въ немъ на необходимость остановиться съ главною арміею на нѣкоторое время около Вильны, въ виду ослабленія арміи «отъ того, что тысячами иногда усталыхъ и заболѣвшихъ должны были оставлять на дорогѣ, которые хотя и оправились и отдохнули, но по скорости движенія арміи никакъ оную догнать не могутъ».

206) 15 баталіоновъ князя Урусова должны были присоединиться къ главной арміи для укомплектованія ея.

207) Императоръ Александръ къ князю Кутузову, 2-го (14-го) декабря 1812 года изъ Петербурга (Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 1863).

208) Наканунѣ отъѣзда, 6-го (18-го) декабря, императоръ Александръ пожаловалъ князю Кутузову титулъ Смоленскаго, какъ сказано въ указѣ, въ память незабвенныхъ заслугъ фельдмаршала, «доведшаго многочисленныя непріятельскія войска, искусными движеніями своими и многократными побѣдами, до совершеннаго истощенія, истребленія и бѣгства, особливо же за нанесенное въ окрестностяхъ Смоленска сильное врагу пораженіе, за которымъ послѣдовало освобожденіе сего знаменитаго града и поспѣшное преслѣдуемыхъ непріятелей изъ Россіи удаленіе».

209) Wilson: Narrative.

210) Нѣсколько позже, 31-го декабря 1812 года (12-го января 1813 года) была объявлена подобная же милость курляндскимъ жителямъ (Указъ на имя рижскаго военнаго губернатора маркиза Паулуччи). Упоминая объ этихъ милостяхъ, нельзя не замѣтить того страннаго обстоятельства, что императоръ Александръ въ эту минуту общаго всепрощенія не распространилъ его на небольшое число русскихъ, провинившихся передъ отечествомъ во времена нашествія Наполеона. О нихъ какъ бы позабыли, и надъ ними тяготѣли слѣдствіе и судъ.

По поводу амнистіи полякамъ Лагарпъ писалъ впослѣдствіи императору Александру: «Sous un autre souverain, la moitié de la Pologne aurait été confisquée sans blesser ni les loix, ni les maximes reçues. Votre Majesté a cherché au contraire dans les motifs de la révolte les moyens de faire grâce, comme d'autres auraient cherché ceux de punir». Записка Лагарпа, написанная совмѣстно съ Поццо ди Борго 25-го іюня (7-го іюля) 1814 года.

211) «J'ai beaucoup souffert, j'ai ressenti de vives inquiétudes. Il y a eu beaucoup d'agitation à St.-Pétersbourg parmi les esprits, dont le plus grand nombre n'était pas satisfait des premières opérations militaires. Sous le règne précédent et sous le règne de l'impératrice Catherine, on s'occupait davantage des intrigues de la cour; aujourd'hui, tout le monde veut être initié dans les mystères du gouvernement, dans ceux de la politique; et le moyen de contenter toutes les opinions! — Je n'ai pas l'heureuse philosophie de Napoléon, et cette malheureuse campagne me coûte dix années de vie. Comtesse Choiseul-Gouffier: Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre. — Paris 1829, p. 141.

212) 16-го (28-го) декабря 1812 года.

213) Записки А. С. Шишкова. Т. 1-й, стр. 167.

214) «En satisfaisant la Russie sur la Pologne nous avons un moyen d'humilier l'Autriche et la reduire à rien. Quelle concession ne ferait pas l'empereur Alexandre si pour se tirer d'embarras on lui céderait la Pologne? Une mission au quartier général russe partagerait le monde en deux». Lebensbilder aus dem Befreiungs-Kriege. — Jena. 1814. Abtheilung 3, p. 464.

215) Въ манифестѣ, между прочимъ, было сказано, что исходъ событій 1812 года даже превзошелъ надежды государя: «Объявленное нами, при открытіи войны сей, свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли нашей, или лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? — мертвые, раненые и плѣнные! Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки».

Въ Бородинѣ, по распоряженію графа Ростопчина, было сожжено 56,811 человѣческихъ тѣлъ и 31,664 лошадиныхъ труповъ. Вообще, въ Московской, Смоленской и Витебской губерніяхъ было схоронено и сожжено болѣе 213,000 тѣлъ, а въ Вильнѣ и вокругъ этого города 53,000.

216) Iohannes Scherr: Blücher, seine Zeit und sein Leben.—Leipzig. 1863. B. 3, p. 10.

217) Эти мысли изложены въ письмѣ фельдмаршала Гнейзенау къ графу Чернышеву отъ 30-го іюня (12-го іюля) 1831 года изъ Познани.

«Si l'empereur Alexandre, après la retraite de Napoléon du territoire russe, n'eut pas continué la poursuite de l'envahisseur de son empire, s'il n'eut pas continué la guerre, s'il se fut contenté de faire sa paix avec lui, la Prusse serait encore sous l'influence de la France et l'Autriche n'aurait pas levé le bouclier contre elle. Alors point d'ile de S.-Hélène, Napoléon vivrait encore et Dieu sait comment il aurait vengé sur d'autres les désastres qu'il avait essuyé chez vous. Notre indépendance actuelle nous la devons à votre alliance» (Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 925).

218) Передъ выступленіемъ въ походъ императоръ Александръ отдалъ по войскамъ приказъ, въ которомъ сказано: «Вы видѣли въ землѣ нашей грабителей, расхищавшихъ домы невинныхъ поселянъ. Вы праведно кипѣли на нихъ гнѣвомъ и наказали злодѣевъ! Кто жъ захочетъ имъ уподобиться? Если же кто, паче чаянія, таковой сыщется, да не будетъ онъ русскій! Да исторгнется изъ среды васъ!.. Воины! сего требуетъ отъ васъ ваша православная вѣра, ваше отечество и царь вашъ».

219) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1813 года.

220) 12-го (24-го) декабря 1812 года князь Чарторижскій писалъ Н. Н. Новосильцову: «Après de pareils succès il faut faire de grandes et belles choses. Une conquête très chère et fort ordinaire comme tant d'autres serait trop peu et laisserait tout au même point. Le rétablissement de la Pologne dans le sens proposé est nécessaire à la Russie, à l'Angleterre, à toute l'Europe. C'est paralyser d'un trait les moyens de Napoléon dans le nord. Ce doit être une des conditions de la paix générale si l'on parvient à la conclure, et une manière de conduire la guerre avec succès si l'on ne peut l'éviter. Dans le cas où la guerre continue, il s'agit de faire en sorte que les Polonais veuillent donner leur dernier sol et se faire couper la gorge pour la cause commune. Le grand-duc Constantin les effraye surtout. Ils craignent qu'il n'y aura pas de constitution qui puisse les garantir des violences d'un successeur d'Alexandre». Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. 9-й, стр. 431.

221) Въ провозвѣщеніи къ жителямъ Варшавскаго герцогства, сочиненномъ Шишковымъ и подписанномъ императоромъ Александромъ еще въ Вильнѣ (25-го декабря 1812 года), сказано: «Вы опасаетесь мщенія. Не бойтесь. Россія умѣетъ побѣждать, но никогда не мститъ».

222) Императоръ Александръ къ князю Чарторижскому, 1-го (13-го) января 1813 года. (Mémoires du prince Adam Czartoryski: T. 2, p. 302).

Письмо оканчивалось слѣдующимъ дружескимъ привѣтомъ: «Si à l'issue de tous les événements, je pouvais me retrouver un moment au sein de votre famille, cela me causerait un peisir fou».

223) Фридрихъ-Вильгельмъ потребовалъ отъ Наполеона признанія нейтралитета Силезіи и уплаты 94-хъ милліоновъ франковъ за поставки, сдѣланныя въ 1812 году для французской арміи.

224) Рескриптъ императора Александра отъ 25-го апрѣля (7-го мая) 1813 года изъ Дрездена. Тѣло князя Кутузова было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Казанскомъ соборѣ 13-го (25-го) іюня 1813 года. По докладу государю, гдѣ похоронить Кутузова, Александръ собственноручно написалъ: «Мнѣ кажется приличнымъ положить его въ Казанскомъ соборѣ, украшенномъ его трофеями».

Въ 1815 году король Фридрихъ-Вильгельмъ соорудилъ въ Бунцлау памятникъ князю Кутузову, на которомъ красуется на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ надпись: «До сихъ мѣстъ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя войска; но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ днямъ его. Онъ спасъ отечество свое и отверзъ путь къ освобожденію Европы; да будетъ благословенна память героя».

225) Записки А. С. Шишкова. Т. I, стр. 194.

226) Une bataille donnée et gagnée par le général en chef d'Italie et d'Egypte.

227) Graf Donnersmarck: Erinnerungen aus meinem Leben. — Zerbst. 1846, p. 186—188.

228) «La prudence devait prévaloir, lorsqu'on avait lieu de s'attendre à la coopération d'une troisième puissance».

229) Рукописный журналъ 1813 года Михайловскаго-Данилевскаго.

230) Впослѣдствіи, когда въ 1839 году Михайловскій-Данилевскій составилъ «Описаніе войны 1813 года» и представилъ рукопись на высочайшій просмотръ, онъ, коснувшись неудавшейся миссіи Коленкура, написалъ: «долго европейскіе дворы не отваживались даже понимать во всемъ объемѣ великой и безкорыстной мысли Александра, но по совершеніи подвига, когда государствамъ возвращена была прежняя независимость, современники провозгласили Александра своимъ спасителемъ»; императоръ Николай собственноручно начерталъ противъ этого мѣста слѣдующія слова: «Къ стыду рода человѣческаго, память благодѣяній недолго сохраняется».

231) Прощаясь съ графомъ Местромъ 8-го (20-го) апрѣля 1812 года, передъ отъѣздомъ въ армію, императоръ Александръ спросилъ его: «Et de ce grand diable d'homme, que pensez-vous?» Oeuvres complètes de J. de Maistre. T. 12, p. 433.

232) «Je ne veux pas être témoin de cette déconfiture; commandez la retraite».

233) «Comment, après une telle boucherie, point de résultats! point de prisonniers! Ces gens-là ne me laisseront pas un clou».

234) Впослѣдствіи, въ 1818 году, императоръ Александръ въ разговорѣ съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ приписалъ этимъ словамъ Фридриха-Вильгельма III особенное значеніе, а именно, что король подалъ первую мысль объ учрежденіи Священнаго союза!

235) «Si les alliés ne veulent pas de bonne foi la paix, cet armistice peut nous devenir bien fatal».

236) Послѣ кончины принца Ольденбургскаго, скончавшагося 15-го (27-го) декабря 1812 года въ Твери, великая княгиня въ мартѣ 1813 года отправилась за границу на воды въ Богемію.

237) Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 209.

См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ письма императора Александра отъ 12-го (24-го) іюля 1813 года.

238) Государственный Архивъ. Разрядъ XI, № 1151.

239) Souvenirs sur la révolution, l'empire et la restauration par le général comte de Rochechouart.—Paris. 1889, p. 232.

240) Моро скончался двѣ недѣли спустя, послѣ ампутаціи обѣихъ ногъ выше колѣнъ; операцію сдѣлалъ лейбъ-медикъ Вилліе.

241) Наполеонъ высказалъ слѣдующее мнѣніе о Вандамѣ: «Si j'avais jamais l'occasion de faire la guerre contre les puissances infernales, il est le seul de mes généraux qui serait capable d'empoigner le diable».

242) 18-го (30-го) августа 1813 года императоръ Александръ писалъ графу Салтыкову изъ Теплица: «Всевышній единственная причина всѣхъ сихъ счастливыхъ событій». Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 459.

243) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1813 года.

244) Aus meinem Leben und aus meiner Zeit, von Ernst II Herzog von Sachsen Coburg Gotha.—Berlin. 1888. B. 1, p. 7.

245) Военные успѣхи, одержанные Сѣверною арміею, довершены были еще 25-го августа (6-го сентября) побѣдою при Деппевицѣ.

246) «Въ теоретическомъ смыслѣ, не принимая въ расчетъ свойствъ мѣстности, планъ Шварценберга былъ хорошъ; но онъ не выдерживалъ критики въ виду мѣстныхъ условій. Низменное, болотистое и крайне пересѣченное пространство между рѣками Плейссою и Эльстеромъ даже въ сухое время трудно проходимо, въ глубокую же осень, послѣ проливныхъ дождей, сдѣлалось почти непроходимымъ, тѣмъ болѣе для значительныхъ массъ, которыхъ здѣсь и развернуть нельзя. Сверхъ того, правый берегъ Плейссы на этомъ пространствѣ значительно командуетъ надъ лѣвымъ. Сюда именно Шварценбергъ предполагалъ направить, сверхъ корпуса Мерфельда, еще австрійскіе резервы принца Гессенъ-Гомбургскаго, прусскую и русскую гвардію и гренадеръ. Столь значительныя массы на такого рода мѣстности не могли бы быть вовсе употреблены, и, мало того, черезъ это сильно ослаблены были бы войска на правомъ берегу Плейссы, куда именно Наполеонъ и предполагалъ направить главную атаку».—«Предполагая, что Сѣверная и Силезская арміи находятся еще въ значительномъ удаленіи, Наполеонъ имѣлъ въ виду оставить на 4-е (16-е) октября лишь незначительныя силы по сѣверную сторону Лейпцига, направить корпуса Мармона и Сугама для усиленія войскъ по южную сторону Лейпцига, атаковать своимъ усиленнымъ лѣвымъ флангомъ правый флангъ Шварценберга и отбросить его къ Плейссѣ». Г. А. Лееръ. Война 1813 года.—С.-Петербургъ. 1886.

247) «Eh bien, monsieur le maréchal, puisque vous persistez, vous ferez avec l'armée autrichienne ce que vous voudrez, mais quant aux troupes russes du grand duc Constantin et de Barklay, elles iront à la droite de la Pleisse, où elles doivent être et pas ailleurs».

248) Отношенія, существовавшія тогда между королемъ прусскимъ и императоромъ Александромъ, лучше всего обрисовываются въ слѣдующемъ разсказѣ принца Леопольда Кобургскаго.

«Передъ Лейпцигскимъ сраженіемъ принцъ былъ посланъ къ Фридриху-Вильгельму, чтобы получить его согласіе по поводу какого-то распоряженія. Несмотря на важность этого порученія, принцъ не былъ принятъ королемъ и встрѣтилъ здѣсь Гнейзенау въ такомъ же выжидательномъ положеніи. Король, однако, не выходилъ и не высылалъ никакого приказанія. Послѣ настойчиваго объясненія принца съ дежурнымъ адъютантомъ наконецъ появился самъ Фридрихъ-Вильгельмъ и объявилъ съ неудовольствіемъ, что вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ имъ посланъ къ императору Александру запросъ, въ какой формѣ, въ русской или въ прусской, быть ему въ сраженіи, и удивляется, что принцъ не привезъ ему на этотъ счетъ распоряженій. Когда же Леопольдъ позволилъ себѣ скромныя возраженія, король вдругъ воспылалъ гнѣвомъ и сказалъ: «Я долженъ прежде всего знать, въ какомъ мнѣ быть мундирѣ, не могу же я выѣхать безъ панталонъ (Ich muss doch vor Allem wissen welche Uniform ich tragen soll, denn ohne Hosen werde ich wahrhaftig nicht marschiren können)». Къ счастью, съ такимъ нетерпѣніемъ поджидаемое распоряженіе было наконецъ получено, и Фридрихъ-Вильгельмъ тотчасъ подписалъ ожидаемыя отъ него повелѣнія».—Aus meinem Leben und aus meiner Zeit, von Ernst II Herzog von Sachsen Coburg Gotha B. I, p.p. 7—8.

249) Рукописный журналъ 1813 года Михайловскаго-Данилевскаго.

250) «Der Kaiser Alexander sprach mit einer Klarheit, Bestimmheit und Uebersicht der strategischen Bewegungen, dass er allgemeine Bewunderung erregte». Pluthe: Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814.—Berlin. 1817. T. 2, p. 414.

251) Король послалъ адъютанта къ союзнымъ монархамъ, прося о свиданіи. Австрійскій императоръ и король прусскій ничего не отвѣчали, а государь велѣлъ ему сказать, что пришлетъ отвѣтъ королю. Послѣ обѣда Александръ поручилъ Анштету ѣхать къ королю «lui annoncer que l'empereur Alexandre le déclare prisonnier et qu'une entrevue ne pourrait être que désagréable». Плѣннаго короля перевезли въ Берлинъ.

252) Въ день взятія Лейпцига государь возвелъ Бенигсена и Барклая въ графское достоинство, Милорадовичу была пожалована андреевская лента. Графъ Витгенштейнъ получилъ золотую саблю съ лаврами и алмазами. Изъ генералъ-майоровъ произведены были въ слѣдующій чинъ Дибичъ, Паскевичъ и Толь.

253) Послѣ сраженія при Денневицѣ наслѣдный принцъ сказалъ присланному къ нему флигель-адъютанту императора Александра, графу Рошешуару: «Il faut beaucoup de prudence dans ma position, elle est si délicate, si difficile; outre la répugnance bien naturelle que j'ai à verser le sang français, j'ai ma réputation à soutenir, je ne m'abuse pas: mon sort tient à une bataille; si je la perds, je demanderai un écu de six fracs à l'Europe, personne ne me le prêtera.—Si je pouvais ne m'en prendre qu'à Napoléon, cela serait bientôt fait. Bonaparte est un coquin, il faut le tuer; tant qu'il vivra, il sera le fléau du monde, il ne faut plus d'empereur, ce titre n'est pas français, il faut à la France un roi, mais un roi soldat; la race des Bourbons est une race usée qui ne remontera jamais sur l'eau. Quel est l'homme qui convient mieux que moi aux Français?» Souvenirs sur la révolution, l'empire et la restauration par le général comte de Rochechouart.— Paris. 1889, p. 250.

254) Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ оканчивается письмо государя къ графинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской: «C'est l'Être surprême seul qui a tout guidé et auquel nous devons tous ces succès éclatants». Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. 3-й, стр. 313.

255) Сенъ-Сиръ, оставшійся въ Дрезденѣ съ гарнизономъ болѣе чѣмъ въ 30,000 человѣкъ, вынужденъ былъ сдаться на капитуляцію 30-го октября (11-го ноября) 1813 года.

256) 26-го октября (7-го ноября) 1813 года императоръ Александръ писалъ графу Румянцеву: «Nous voici à Francfort et nos avant-postes sont sur le Rhin. Pour vous en donner un document irrécusable j'ai exigé de votre ami Bethman une lettre pour vous. J'ai fait la connaissance de son aimable famille» (Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 209).

257) 17-го (29-го) ноября 1813 года.

258) Во время пребыванія государя во Франкфуртѣ привезли изъ Россіи серебряную медаль за 1812 годъ, обѣщанную приказомъ государя по войскамъ отъ 5-го февраля 1813 года. «Хотя мы находились въ союзѣ со всею Европою», пишетъ Данилевскій, «но медали напоминали о времени, когда эти же самыя европейскія державы за годъ передъ тѣмъ, склоняясь подъ желѣзный скипетръ деспота, намѣревались оттѣснить насъ въ Азію, когда мы были одни, оставленные на произволъ собственныхъ силъ нашихъ, когда пламенѣли и Смоленскъ и Москва, но не устрашился государь, и не дрогнули сердца русскія» (Рукописный журналъ 1813 года).

259) 28-го октября (9-го ноября) 1813 года.

260) 19-го ноября (1-го декабря) 1813 года.

261) Михайловскій-Данилевскій въ рукописномъ журналѣ 1813 года пишетъ: «Времени предоставлено обнаружить, искреннее ли было желаніе мира со стороны воюющихъ державъ, или дѣлаемы были предложенія взаимно другъ другу только для выигранія времени; по крайней мѣрѣ, я знаю, что государь не намѣренъ былъ мириться съ Наполеономъ, не побывавъ въ Парижѣ, что онъ почиталъ необходимымъ для чести русскаго имени. Онъ не хотѣлъ даже долго останавливаться на Рейнѣ, а идти прямо въ Парижъ зимою, но союзники наши какъ бы оробѣли при видѣ границъ Франціи, вѣроятно, отъ неудачныхъ покушеній ихъ въ прежнія войны. Наконецъ, всѣ согласились съ императоромъ и послѣ долгихъ преній рѣшились начать наступательныя дѣйствія».

262) Рукописный журналъ 1813 года Михайловскаго-Данилевскаго.

263) Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 190.

264) «Rendre à chaque nation la pleine et entière jouissance de ses droits et de ses institutions; les placer toutes et nous placer nous-mêmes sous la sauvegarde d'une alliance générale, nous garantir et les préserver de l'ambition des conquérants: telles sont les bases sur lesquelles nous espérons avec l'aide de Dieu faire reposer ce nouveau système. La Providence nous a mis sur la route qui mène droit au but. Nous en avons parcouru une partie. Celle qui nous reste à faire est hérissée de grands obstacles. Il faut les applanir».

Эти слова были сказаны императоромъ Александромъ при отправленіи имъ графа Каподистріи въ Швейцарію (Государственный Архивъ и Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. 3, стр. 178: «Записка графа Іоанна Каподистріи о его служебной дѣятельности»).

265) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1814 года.

266) «Mon cher, mon respectable ami, je n'ai pas de mots pour vous rendre tout le bonheur que j'éprouve à l'idée de pouvoir enfin vous serrer dans mes bras et vous renouveler de bouche ma gratitude pour tout ce que je vous dois; car dans tous moments pénibles, c'est l'idée de ne pas être indigne de vos soins, qui m'a soutenu et a ranimé mon courage» (Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 190).

267) L. Schneider: Aus dem Leben Kaisers Wilhelms.—Berlin. 1888. B. 3, p. 224: «Tout ce que je suis et tout ce que,—peut être,—je vaux, c'est à M. La Harpe que je le dois».

268) «De ne rien précipiter, mais de laisser aux événements de la guerre le temps de développer leurs résultats» (Baron Brunnow: Aperçu des transactions politiques du cabinet de Russie. Сборникъ И. Р. И. О., т. 31, стр. 368).

269) 18-го (30) января 1814 года Кестельри писалъ лорду Ливерпулю: «По моему мнѣнію, въ настоящее время намъ всего опаснѣе рыцарское настроеніе императора Александра. Въ отношеніи къ Парижу его личные виды не сходятся ни съ политическими, ни съ военными соображеніями. Онъ, кажется, только ищетъ случая вступить во главѣ своей блистательной гвардіи въ Парижъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы противопоставить свое великодушіе опустошенію собственной столицы».

270) «Mes troupes! mes troupes! Est-ce qu'on croit que j'ai encore une armée? La presque totalité de ce que j'avais ramené d'Allemagne n'a-t-elle pas péri de cette affreuse maladie qui est venue mettre le comble à mes désastres? Une armée! Je serai bien heureux, si, dans trois semaines d'ici, je parviens à réunir trente ou quarante mille hommes». (Mémoires du chancelier Pasquier. T, 2, p. 131).

271) Чтобы различить союзныя войска, которыя принадлежали шести державамъ и подъ Ла-Ротьеромъ впервые сражались за одно общее дѣло, приказано было всѣмъ, отъ генерала до солдата, имѣть на лѣвомъ рукавѣ бѣлую повязку. Впослѣдствіи, при вступленіи союзниковъ въ Парижъ, эта повязка много способствовала къ распространенію среди французскаго населенія ложнаго убѣжденія, будто цвѣтъ повязки означалъ намѣреніе союзныхъ монарховъ возстановить Бурбоновъ на французскомъ престолѣ. Между тѣмъ, подъ Бріенномъ эта мысль вовсе не входила еще въ соображенія союзниковъ. Когда же генералъ-адъютантъ Жомини доложилъ императору Александру, что бѣлый цвѣтъ повязки подаетъ поводъ къ догадкѣ о расположеніи союзныхъ дворовъ къ Бурбонамъ,—государь отвѣтилъ: «Qu'est-ce que cela me fait».

272) «Après la bataille de Brienne l'on pouvait arriver à Paris et finir tout. Depuis lors les Autrichiens ont tout paralysé. L'empereur Alexandre voulait faire tomber Napoléon, mais ce n'était pas le compte de l'Autriche. Elle a exposé le sort de l'Europe et tout ce qui s'est obtenu jusqu'à présent pour soutenir Bonaparte et sa dynastie». Князь Чарторижскій къ Н. Н. Новосильцеву отъ 2-го (14) марта 1814 года изъ Шомона (Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 435).

273) Mémoires du duc de Raguse.—Paris. 1857. T. 6, p. 52.

Взятому при Шампоберѣ въ плѣнъ генералу Полторацкому Наполеонъ сказалъ тѣ же мысли: «Je porterai un coup à Blücher dont il ne se relevera pas, et ensuite, je dicterai, sur la Vistule, la paix à votre Empereur».—Въ отвѣтъ на слова Наполеона, Полторацкій пожалъ плечами и сказалъ: «Cela me paraît difficile».—A ces mots Napoléon le prit par l'une des épaulettes et lui dit: «Dans quelques jours vous allez l'apprendre, ec vous conviendrez alors que je suis sorcier» (Conversation de l'Empereur Napoléon avet le général russe Constantin Poltoratzky en 1814.—Colmar, 1855).

274) Мюрату Наполеонъ писалъ нѣсколько позже: «Je suppose que vous n'êtes pas de ceux qui imagineraient que le lion est mort et qu'on peut lui p... dessus. Si vous calculiez ainsi, vous feriez de faux calculs... vous verrez que mes affaires ne sont pas si mauvaises qu'on vous l'avait fait croire» (Lettres interceptées. Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

275) «Mylord, ce ne sera pas une paix; ce sera une trève, qui vous fera poser les armes momentanément. Je ne puis courir à votre secours, ayant quatre cents lieues à faire avec mes armées. Je ne ferai pas de paix tant que Napoléon sera sur le trône».

276) Въ 12 верстахъ отъ Троа.

277) 13-го (25) февраля.

278) «1. On ne livrera pas la bataille près de Bar-sur-Aube.

«2. Blücher continuera son mouvement séparé.

«3. La Grande Armée continuera son mouvement par Chaumont sur Langres.

«4. La continuation de ce mouvement dépendra des circonstances.

«5. Avertir Blücher des mouvements, décidés pour la Grande Armée, et des ordres qu'on a donnés à Winzingerode et à Bülow d'être sous son commandement.

«6. Donner à Winzingerode et à Bülow des ordres en conséquence.

«7. Donner à Blücher une latitude dans ses mouvements, pourvu toutefois qu'une certaine prudence militaire soit observée».

Подлинную записку императора Александра Меттернихъ взялъ себѣ на память. Она воспроизведена въ его запискахъ (Metternich: Mémoires. T. I, p. 263).

279) Витроль привезъ графу Нессельроде записку, написанную герцогомъ Дальбергомъ симпатическими чернилами, въ которой, между прочимъ, было сказано: «Vous marchez sur des béquilles, servez-vous de vos jambes et voulez ce que vous pouvez».

280) Mémoires du baron de Vitrolles.—Paris, 1884. T. I, pp. 115—126.

281) «Si vous les connaissiez, vous seriez persuadé que le fardeau d'une telle couronne serait trop lourd pour eux... peut être, une république sagement organisée conviendrait elle mieux à l'esprit français. Ce n'est pas impunément que les idées de liberté ont germé pendant longtemps dans un pays tel que le vôtre».

282) «Monsieur de Vitrolles, le jour où je serais à Paris, je ne reconnaîtrais plus d'autre allié que la nation française.—Je vous promets que cet entretien aura les plus grands résultats».

283) Впослѣдствіи Наполеонъ сказалъ австрійскому генералу Коллеру, сопровождавшему его на островъ Эльбу: «J'ai fait la marche sur S-t Dizier parce que je savais par une expérience de vingt années de guerre, que vous étiez dans les plus grandes allarmes dès que je vous envoyais une seule patrouille sur vos communications, mais cette fois j'y ai fait marcher des armées et vous vous en êtes fort peu soucié; c'est que vous aviez le diable au corps» (Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1814 года).

284) «Журналъ графа А. Аракчеева, писанный во время войны въ 1812, 1813 и 1814 годахъ съ означеніемъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ были ночлеги». На обложкѣ рукою графа Аракчеева сдѣлана приписка: «въ Грузинскую маленькую библіотеку».

285) Предпринявъ походъ во Францію, императоръ Александръ разрѣшилъ своимъ младшимъ братьямъ, великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, прибыть къ нему въ армію. 5-го (17-го) февраля великіе князья выѣхали изъ Петербурга; но воспитатель ихъ, генералъ Ламздорфъ, путешествовалъ съ такою медленностью, что не поспѣлъ къ рѣшительному моменту кампаніи 1814 года. По прибытіи въ Везуль оказалось, что дальнѣйшій путь въ главную армію прегражденъ; такимъ образомъ, великіе князья были лишены возможности участвовать въ славныхъ дѣлахъ, заключившихъ собою борьбу съ Наполеономъ. Они оставались въ Базелѣ до покоренія французской столицы и затѣмъ уже присоединились къ государю въ Парижѣ.

286) Императоръ Александръ отправился изъ Пужи 11-го (23) марта въ 8 часовъ вечера. Государь ѣхалъ не верхомъ, но въ коляскѣ, не оправившись еще отъ лихорадки, припадокъ которой почувствовалъ въ первый день Арсисскаго сраженія. Путь его былъ освѣщаемъ факелами. Въ 6 часовъ пополуночи Александръ прибылъ въ селеніе Дампьеръ, гдѣ остановился на привалѣ; отсюда онъ продолжалъ путь въ Сомепюи.

287) Барклай былъ возведенъ въ графское достоинство послѣ Лейпцигскаго сраженія.

288) Руководствуясь этою запискою князя Волконскаго, Михайловскій-Данилевскій описалъ совѣщаніе въ Сомепюи въ своемъ сочиненіи: Описаніе похода во Францію въ 1814 году.—С.-Петербургъ, 1845. Изданіе 3-е (первое изданіе послѣдовало въ 1836 г.), стр. 319—323.

Императоръ Вильгельмъ разсказывалъ Шнейдеру, что Лагарпъ далъ императору Александру совѣтъ овладѣть французскою столицею: «Man möge sich durch die Sprünge Napoleons nicht irre machen lassen; Frankreich sei nur in Paris zu besiegen» (Schneider: Aus dem Leben Kaiser Wilhelms. B. 3, p. 225).

Меттернихъ въ своихъ запискахъ имѣлъ наглость утверждать, что движеніе къ Парижу было предложено императору Александру и королю прусскому Шварценбергомъ: «le prince de Schwarzenberg proposa au Czar et au Roi de Prusse de marcher sur Paris avec toutes les forces des alliés» (Metternich: Mémoires. T. I, p. 191). Впрочемъ, по мнѣнію Меттерниха, «le prince de Schwarzenberg possédait les qualités essentielles d'un grand général».

289) Государь разсказывалъ князю А. Н. Голицыну, что во время совѣщанія онъ не рѣшился высказать собственное мнѣніе. «Въ глубинѣ сердца моего затаилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, какое-то непреоборимое желаніе предать это дѣло въ полную волю Божію. Совѣтъ продолжалъ заниматься, а я на-время оставилъ его и поспѣшилъ въ собственную мою комнату; тамъ колѣна мои подогнулись сами собою, и я излилъ предъ Господомъ все мое сердце». По окончаніи молитвы, даровавшей Александру «сладостный миръ въ мысляхъ, проникновеніе спокойствія», онъ поспѣшилъ въ совѣтъ и въ ту же минуту объявилъ ему непремѣнное намѣреніе идти немедленно на Парижъ. Разсказы князя Александра Николаевича Голицына, записанные Юріемъ Никитичемъ Бартеневымъ. «Русскій Архивъ» 1886 года. Книга 2-я, стр. 95.

290) Еще весною 1813 года Талейранъ не постѣснился сказать князю Шварценбергу, находившемуся тогда въ Парижѣ: «Le moment est venu où l'empereur doit devenir roi de France» (Oesterreichs Theilnahme an den Befreiungskriegen.—Wien. 1887, p. 787).

291) Peyre, architecte, capitaine de sapeurs-pompiers.

292) «Partez. Je vous donne le pouvoir de suspendre le feu, partout où vous le jugerez nécessaire. Je vous autorise, sans aucune responsabilité, à faire cesser les attaques les plus décisives et suspendre même la victoire pour prévenir et arrêter les désastres. Paris, privé de ses défenseurs dispersés et de son grand homme, ne saurait résister; j'en ai l'intime conviction. Mais en m'accordant la puissance et la victoire, Dieu veut que je n'en use que pour donner la paix et le repos au monde. Et cette paix, si nous pouvons l'obtenir sans combat, tant mieux, sinon, rendons nous à la nécessité et combattons, car, de gré ou de force, au pas de charge ou au pas de parade, sur des décombres ou sous des lambris dorés, il faut que l'Europe couche aujourd'hui même à Paris».

(Разсказъ Михаила Ѳедоровича Орлова о капитуляціи Парижа въ 1814 году).

293) По случаю взятія Парижа императоръ Александръ готовилъ такое же высокое отличіе графу Аракчееву. Въ автобіографическихъ замѣткахъ графа Алексѣя Андреевича сохранилась по этому поводу запись: «Марта 31-го дня 1814 года въ Парижѣ государь Императоръ Александръ I-й изволилъ произвесть графа Аракчеева въ фельдмаршалы, вмѣстѣ съ графомъ Барклаемъ, о чемъ и приказъ собственноручно былъ написанъ, но графъ Аракчеевъ онаго не принялъ и упросилъ государя отмѣнить».

294) «La ville de Paris est recommandée à la générosité des hautes puissances alliées».

295) «Ce n'est encore qu'une anecdote, mais cela peut devenir de l'histoire».

296) «C'est un beau coup d'échecs! je n'aurais jamais cru qu'un général de la coalition fût capable de le faire» (Metternich: Mémoires. T. I, p. 193).

297) «Je n'ai qu'un ennemi en France et cet ennemi c'est l'homme qui m'a trompé de la manière la plus indigne, qui a abusé de ma confiance, qui a trahi avec moi tous les serments, qui a porté dans mes états la guerre la plus inique, la plus odieuse. Toute réconciliation entre lui et moi est désormais impossible; mais je le répète, je n'ai en France que cet ennemi. Tous les français, hors lui, sont bien vus de moi. J'estime la France et les français, et je souhaite qu'ils me mettent dans le cas de leur faire du bien. J'honore le courage et la gloire de tous les braves contre lesquels je combats depuis deux ans, et que j'ai appris à estimer dans toutes les positions où ils se sont trouvés. Je serai toujours prêt à leur rendre la justice et les honneurs qui leur sont dus. Dites donc, messieurs, aux parisiens, que je n'entre pas dans leurs murs en ennemi, et qu'il ne tient qu'à eux de m'avoir pour ami; mais dites aussi que j'ai un ennemi unique en France, et qu'avec celui-là je suis irréconciliable» (Mémoire du chancelier Pasquier. T. 2, p. 246).

298). «Cette idée fut reproduite de vingt manières et toujours avec la plus extrême véhémence, et en traversant la chambre d'un bout à l'autre». (Pasquier. Id).

Приближаясь къ Парижу, князь Шварценбергъ обнародовалъ, по предложенію императора Александра, прокламацію, составленную Поццо ди Борго. Въ ней особенное значеніе получили слѣдующія слова: «Les souverains alliés cherchent de bonne foi autorité salutaire en France qui puisse cimenter l'union de toutes les nations et de tous les gouvernements avec elle». Пакье по поводу этой прокламаціи замѣчаетъ, что нельзя было яснѣе сказать: «Rejetez Napoléon, et tout ce que vous mettrez à sa place nous conviendra...» On peut mettre le succès qu'obtint en cette occasion l'habileté de M. de Pozzo au nombre des plus grands services qui aient été rendus à la maison de Bourbon, si même il ne doit pas être regardé comme le plus décisif».

299) Государственный Архивъ. Разрядъ XI, № 1151.

300) «Quelle brillante carrière cet homme pouvait encore parcourir!—Il pouvait donner la paix à l'Europe; il le pouvait, et il ne l'a pas fait! Maintenant le charme est rompu; Nous verrons ce qui réussira le mieux, de se faire craindre ou de se faire aimer». Эти слова императора Александра были сказаны фрейлинѣ Тизенгаузъ; она прибавляетъ: «Quelle noble émulation dans ce mot! se faire aimer! Oui, ce fut là tout le secret de la généreuse et loyale politique d'Alexandre» (Comtesse Choiseul-Gouffier: Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre.—Paris. 1829, p. 162).

301) Этотъ достопамятный разговоръ императора Александра съ А. П. Ермоловымъ приведенъ генераломъ Богдановичемъ въ сочиненіи: «Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Т. 4-й, стр. 507. Въ примѣчаніи авторъ прибавляетъ: «Слышано отъ А. П. Ермолова».

302) «On ne raisonnait pas. On respirait». Henri Houssaye. 1814.—Paris. 1888, p. 548.

303) «Méprise des deux côtés, qui amena une nouvelle journée des dupes». Henri Houssaye. 1814, p. 554.

Въ день вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ роялисты раздавали народу портретъ императора Александра со слѣдующею надписью:

> «D'un vainqueur généreux la sagesse profonde
> Rend la France à ses rois, donne la paix au monde».
> (Gravure populaire, dessiné et gravé par Benoist).

304) Рукопись Михайловскаго-Данилевскаго: «Случаи, предшествовавшіе занятію Парижа русскими, вступленіе ихъ въ оный и пребываніе въ немъ въ 1814 году».

305) Военнымъ губернаторомъ Парижа былъ назначенъ генералъ баронъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Сакенъ, а комендантомъ флигель-адъютантъ графъ Леонтій Петровичъ Рошешуаръ (Comte Louis Rochechouart).

306) Въ день вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ, 19-го (31-го) марта, императоръ Александръ нашелъ еще время извѣстить объ этомъ радостномъ событіи фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова слѣдующими собственноручными милостивыми строками:

«Пріятнѣйшею обязанностію себѣ поставляю извѣстить вашего сіятельства, что промысломъ Всевышняго Парижъ занятъ нами сегодня, послѣ жаркаго сраженія подъ стѣнами сего города, вчерась бывшаго, и въ которомъ достались намъ въ руки два генерала, 71 пушка и два знамя. Жители насъ встрѣтили не какъ враговъ, но какъ избавителей. Пребываю навсегда искренне вамъ привязанный

«Александръ».

Государь не позабылъ также оказать вниманіе канцлеру графу Румянцеву и написалъ ему письмо слѣдующаго содержанія: «Malgré la rigueur avec laquelle vous me traitez, monsieur le comte, je ne puis m'empêcher de vous tracer ces lignes pour vous annoncer la prise de Paris après un combat très chaud livré hier sous ses murs et qui nous a valu deux généraux, quelques milliers de prisonniers, 71 canons et deux drapeaux. Tout à vous» (Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 209).

307) «Vous le voyez, c'est la Providence qui le veut, elle se manifeste, elle se déclare; plus de doute, d'hésitation».

308) Наполеонъ обратился къ Меттерниху съ вопросомъ: «Savez-vous, pourquoi Louis XVIII n'est point assis ici en face de vous? Ce n'est que parce que j'y suis assis, moi. Tout autre n'aurait pas pu s'y soutenir, et si jamais je devais disparaître par suite d'une catastrophe, nul autre qu'un Bourbon ne pourrait s'asseoir à cette place» (Metternich: Mémoires. T. I, p. 198).

Въ такомъ же смыслѣ высказался Наполеонъ въ 1814 году Молліену, предлагавшему изъ предосторожности отправить казну изъ Парижа на Луару: «Mon cher, si les cosaques viennent devant Paris, il n'y a plus ni empire, ni empereur» (Mémoires du duc de Raguse T. 6, p. 53).

309) Разсказы князя Александра Николаевича Голицына, записанныя Юріемъ Никитичемъ Бартеневымъ. «Русскій Архивъ» 1886 года. Книга 2-я, стр. 97—100.

310) Въ понедѣльникъ 23-го марта (4-го апрѣля) 1814 года.

311) Въ собственноручномъ журналѣ графа Аракчеева за время войны въ 1812, 1813 и 1814 годахъ записано: «Государь изволилъ говѣть и пріобщаться св. Тайнъ, равномѣрно и графъ Аракчеевъ».

312) 23-го марта парижскій военный губернаторъ генералъ баронъ Сакенъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Государь императоръ надѣется и увѣренъ, что ни одинъ изъ русскихъ офицеровъ, въ противность церковнаго постановленія, во все время продолженія Страстной недѣли спектаклями пользоваться не будетъ, о чемъ войскамъ даю знать. А кто явится изъ русскихъ въ спектакль, о томъ будетъ извѣстно Его Императорскому Величеству».

313) По поводу полученнаго имъ отличія Лагарпъ писалъ Андрею Яковлевичу Дашкову (полномочному министру при Соединенныхъ Штатахъ) 18-го (30-го) апрѣля 1816 г.: «L'empereur a fait pour moi beaucoup plus qu'il n'aurait dû. Loin de contribuer à mon bonheur par les rangs et les décorations dont il m'a revêtu et dont je n'avais nul besoin pour l'aimer et lui être utile, il m'a exposé aux atteintes de l'envie qui ne manque jamais les occasions».

314) «J'ai trouvé l'empereur de Russie dans des dispositions très raisonnables. Il divague beaucoup moins que je ne l'aurais cru; le prince de Schwarzenberg aussi a été très content de lui. Du reste, il ne contient qu'à grand'peine sa joie de voir la tournure qu'ont prise les événements; mais aussi le succès dépasse tout ce qu'on pouvait espérer». Меттернихъ къ императору Францу 30-го марта (11-го апрѣля) 1814 года (Metternich: Mémoires. T. 2, p. 472).

315) «L'empereur chercha à me réfuter par des arguments qui faisaient honneur à sa générosité autant qu'ils étaient peu faits pour me rassurer sur l'avenir. Il me dit entre autres choses qu'on ne pouvait douter de la parole d'un soldat et d'un souverain sans lui faire injure». (Metternich: Mémoires. T. I, p. 194).

316) Меттернихъ сказалъ императору Александру: «Je mettrai mon nom au bas d'un traité qui en moins de deux ans nous ramènera sur le champ de bataille». Австрійскій дипломатъ прибавляетъ: «Les événements ont montré que je ne m'étais trompé que d'une année» (Metternich: T. I, p. 195).

317) «L'entrée de l'empereur d'Autriche eut lieu le 15 et se fit avec une pompe déplacée; il eût été de meilleur goût de la part du père de Marie-Louise d'arriver avec moins de fracas.—En général, l'impression que cette pompe produisit fut pénible dans Paris». (Mémoires du chancelier Pasquier. T. 2, p. 361).

318) Въ заключеніи письма отъ 17-го (29) апрѣля 1814 года сказано: «il existe une volonté nationale, quelques partis opposés, des opinions indécises, dont la modération seule peut triompher, si l'on ne veut point produire de nouvelles secousses, au moment où il s'agit de calmer et d'affermir, et ce triomphe est réservé à Votre Majesté. Elle subjuguera tous les coeurs, si elle manifeste des idées libérales tendantes à maintenir et à raffermir les institutions organiques de la France».

319) Государственный Архивъ. Разрядъ XI, № 1151.

320) «Déclaration de Saint-Ouen» отъ 20-го апрѣля (2-го мая) 1814 года.

321) Съ какими чувствами большинство французовъ относилось къ возвращенію Людовика XVIII, свидѣтельствуетъ современная «mauvaise plaisanterie»: Les anglais ont

nourri un cochon, les français l'ont acheté pour XVIII Louis, mais il ne vaut pas un Napoléon» (Karl von Nostitz Leben und Briefwechsel.—Dresden, 1848, p. 159).

322) Шатобріанъ, величая поступокъ короля «sublime», писалъ: «Безвѣстный, едва лишь успѣвшій возвратиться послѣ продолжительнаго изгнанія старецъ, въ качествѣ преемника св. Людовика, занималъ первое мѣсто въ Европѣ»,—«за столомъ»! иронически замѣчаетъ Бернгарди.

323) «Louis XIV ne m'aurait pas autrement reçu à Versailles dans le temps de sa plus grande puissance; on aurait dit que c'était lui qui venait de me replacer sur mon trône. Son accueil a produit sur moi le même effet qu'un sceau de glace qu'on m'eût jeté sur la tête» (Mémoires du comte de Villèle.—Paris. 1888. T. I, p. 234).

Вилель, какъ и слѣдовало ожидать, восхищается поведеніемъ короля, усматривая въ немъ «ce sentiment exquis des convenances, qui distingue notre nation et qui était spécialement le partage de Louis XVIII» (!?).

324) Mémoires du chancelier Pasquier. T. 2, p. 433.

Пакье пишетъ: «Dans les trois dernières semaines de mai, il y passa une grande partie de ses soirées. On y faisait de la musique, il s'y trouvait à son aise, c'était le lieu et la société où il se plaisait le mieux, ce qui, entre paranthèses, n'était pas vu de très bon oeil au château des Tuileries».

325) Pertz: Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. B. 3, p. 577.

326) «Son rôle était nouveau, et il l'a soutenu jusqu'au bout avec tant de bonne grâce que les plus incrédules ont dû reconnaître qu'il était une de ces productions rares, qui ne paraissent que de 1,000 en 1,000 ans».

327) «Mémoires du chancelier Pasquier. T. 2, p. 279.

«L'empereur Alexandre devenait très populaire. On voyait que tout émanait de lui, que tout roulait sur lui. Son allié le roi de Prusse passait inaperçu; on le voyait peu, il évitait de se montrer en public, y portait toujours un air de timidité qui ne pouvait lui donner un grand relief».

Въ 1815 году въ Парижѣ была издана книга подъ заглавіемъ: «Alexandrana ou bon mots et paroles remarquables d'Alexandre I-r pendant son séjour dans Paris».

328) Когда Наполеонъ узналъ о попыткахъ сбросить статую, онъ сказалъ: «C'est bien fait, il m'arrive là ce que j'ai mérité. Je ne voulais pas de statues, car je savais qu'il n'y a de sûreté à les recevoir que de la postérité. Pour les conserver de son vivant il faudrait être toujours heureux».

329) 26-го марта (7-го апрѣля) 1814 года въ «Монитерѣ» напечатано было объявленіе отъ полицейской префектуры: «Le monument élevé sur la place Vendôme est sous la sauvegarde de la magnanimité de Sa Majesté l'empereur Alexandre et de ses alliés. La statue qui le surmonte ne pouvant y rester, en descendra pour faire place à celle de la Paix». Впослѣдствіи изъ бронзы этой статуи отлили конную статую Генриха IV, поставленную на мосту Pont Neuf.

330) 27-го марта (9-го апрѣля) 1814 года.

331) Записки Николая Николаевича Муравьева 1814 года. «Русскій Архивъ» 1886 года. Книга 1-я, стр. 106.

332) «L'Empereur m'a reçu avec la plus grande bonté, mais toujours en commençant par le même compliment, que j'avais mal fait de venir. J'ai trouvé Sa Majesté Impériale dans les même idées relativement à nous; il me semble même qu'elles sont dans ce moment plus positives. Je me suis convaincu que c'était avec raison que Sa Majesté continuait à cacher ses véritables intentions à ce sujet. La cour de Vienne y est des plus opposées et jette les hauts cris à cette seul supposition... Mon arrivée a mis tous les cabinets en l'air, au point qu'on est venu traiter avec moi pour m'engager à m'éloigner, car je devenais, disait-on, un motif de brouillerie qui pouvait faire manquer les opérations contre la France... J'ai réussi à calmer parfaitement toutes ces peurs réelles ou simulées. La malheureuse situation du duché, les confiscations etc. etc. m'ont fourni toutes les raisons dont j'avais besoin». Князь Чарторижскій къ Н. Н. Новосильцеву, отъ 2-го (14-го) марта 1814 года изъ Шомона (Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 434).

333) 2-го (14-го) марта 1814 года князь Чарторижскій къ Н. Н. Новосильцову: «Pour ce qui est de nos affaires, je me crois parfaitement sûr, que l'empereur veut suivre ses anciennes idées, mais il veut les couvrir d'un voile impénétrable à d'autres, et qu'il veut soulever à son gré».

Если Меттернихъ недолюбливалъ князя Чарторижскаго, то и послѣдній не щадилъ австрійскаго дипломата. Въ томъ же письмѣ читаемъ: «Le cabinet autrichien a joué le rôle le plus misérable et le plus perfide. Le comte Metternich est un véritable roué politique quant aux principes; je ne sais s'il l'est quant aux talents... L'empereur est extrêmement en colère contre les autrichiens et ce sentiment est partagé par tous les militaires et tous les gens qui ont du sens et une âme».

Въ перепискѣ князя Чарторижскаго поражаютъ его отзывы о графѣ Аракчеевѣ. Онъ пишетъ: «Araktcheyeff est un excellent homme avec lequel il fait bon travailler. Le duché lui doit beaucoup de reconnaissance». Въ письмѣ же отъ 8-го (20-го) мая изъ Парижа (къ Н. Н. Новосильцову) онъ отзывается о немъ съ еще большею похвалою: «C'est un galant homme, avec lequel, malgré ses formes, il fait très bon d'avoir à faire» (Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 433—443).

334) Dębicki: Pulawy. T. II, p. p. 213—214.

335) «Oui, et j'espère que sous peu vous la porterez avec certitude de la conserver à jamais. Il est vrai que j'aurais bien de difficultés à surmonter, mais vous me voyez à Paris et cela suffit. Je passe l'éponge sur le passé et quoique j'aurais le droit de me plaindre de bien d'individus de votre nation, je veux tout oublier; je ne veux voir en vous que vos vertus; vous êtes des braves, vous avez rempli votre carrière avec loyauté».

336) «Messieurs! je ne suis pas un charlatan, je ne vous demanderai de la reconnaissance, que lorsque par des faits, qui vont sous peu se réaliser, j'y aurai acquis des droits. Je vous charge de témoigner à votre troupe les dispositions dans lesquelles vous me trouvez envers elle».

337) «Elle n'est pas incurable et elle vous fait honneur. Demanndez à vos compatriotes comme mes troupes se sont conduits dans votre pays: car depuis longtemps je suis bien intentionné envers votre nation».

338) «Les deux nations voisines, que les moeurs et la langue rapproche une fois unies doivent s'aimer à jamais».

339) «Mes voeux les plus chers sont accomplis, avec l'aide du Tout-Puissant, j'espère réaliser la régénération de la brave et respectable nation à laquelle vous appartenez. J'en ai pris l'engagement solennel, et de tout temps son bien être a occupé mes pensées. Les circonstances politiques seules ont mis des entraves à l'exécution de mes desseins. Ces obstacles n'existent plus. Deux années d'une lutte terrible, mais glorieuse les ont applanis. Un peu de temps encore, avec une marche sage et les polonais recouvreront leur patrie, leur nom et j'aurai la jouissance de les convaincre qu'oubliant le passé, celui qu'ils croyaient leur ennemi, sera celui qui réalisera leurs voeux. Combien il me sera satisfaisant, général, de vous voir mon aide dans ces travaux salutaires! Votre nom, votre caractère, vos talents seront mes meilleurs appuis».

340) «Dębicki: Pulawy. Lwow. 1887. T. 2, p. 216.

314) Stapfer's Briefwechsel, 2 B. s. 449: письмо Лагарпа къ Стаиферу отъ 24-го октября (4-го ноября) 1835 года изъ Лозанны. Припоминая эти слова, Лагарпъ пишетъ: «ces paroles-là retentissent encore au fond de mon coeur et je me complais à les rappeller en fixant son buste et ses portraits».

Въ другомъ письмѣ, отъ 13-го (25-го) ноября 1835 года, Лагарпъ снова возвращается къ этимъ словамъ Александра, но передаетъ ихъ въ нѣсколько иной редакціи: «Comment des hommes d'honneur renonceraient-ils à avoir une patrie? Je veux leur rendre une; je veux les préserver de la tentation de courrir de nouveaux hasards qui les rendraient malheureux. Je leur donnerai une constitution que je me réserve de développer et d'étendre à mesure qu'ils m'inspireront plus de confiance (p. 455)».

342) Пакье пишетъ: «A mon sens, il (Talleyrand) s'est décidé trop tôt. Il est facile de comprendre tout ce que la lecture d'une pareille convention dut susciter de mécontentement dans l'esprit de ceux qui n'étaient déjà que trop portés à en concevoir. Voilà don c

disaient-ils, ce qu'on a gagné à rappeler la maison de Bourbon... on s'était donc lié les mains à plaisir, on s'était ôté tout moyen d'obtenir un traité définitif raisonnable» (Mémoires du chancelier Pasquier. T. 2, pp. 380—383).

343) Императрица Жозефина не дожила до заключенія мира, сокрушившаго въ конецъ преобладающее значеніе Франціи, достигнутое побѣдами ея вѣнценоснаго супруга; наканунѣ этого печальнаго для нея дня, 17-го (29-го) мая, она скончалась въ Мальмезонѣ отъ горловой жабы. Погребальныя почести были отданы русскою гвардіею.

344) Составленіе манифеста и приказа приписываютъ А. П. Ермолову.—Въ то время Шишковъ не находился при государѣ. При открытіи похода 1814 года Шишковъ разстался съ Александромъ; чувствуя себя нездоровымъ, онъ просилъ отпуска и поѣхалъ въ Карлсруэ.

345) Въ матеріалахъ для біографіи А. П. Ермолова, собранныхъ Погодинымъ (Москва. 1864), читаемъ: «Барклаевъ приказъ къ арміи, очень неловкій, съ порицаніями французовъ, не понравился государю. Константинъ Павловичъ указалъ на Ермолова.— Ермоловъ заимствовалъ кое-что изъ Тита-Ливія и въ проектѣ приказа въ первый разъ употребилъ слово «товарищи»! Была также фраза: «я знаю каждаго изъ васъ, по крайней мѣрѣ, мѣсто, ознаменованное его подвигами». Ермоловъ прочелъ государю, потомъ въ другой разъ, и тотъ подписалъ (стр. 182)».

На это слѣдуетъ замѣтить, что слова «товарищи» въ приказѣ не встрѣчается; оно было замѣнено словомъ «воины».

346) «Un langage napoléonien: il faut, il faut; des ordres sont donnés» (Mémoires du comte Beugnot.—Paris, 1868. T. 2, p. 246).

347) По поводу выступленія союзныхъ войскъ изъ Парижа, состоявшагося 22-го мая (3-го іюня) 1814 года, Пакье пишетъ: «Le 3 au matin, avant huit heures... le grand événement s'accomplissait sans bruit, sans spectateurs. Personne ou presque personne ne s'était dérangé pour le voir. Il semblait que ce fût un mouvement de troupes ordinaire, comme il s'en fait dans les circonstances les plus simples» (Mémoires du chancelier Pasquier. T. 2, p. 441).

348) Генералъ-адъютантъ Поццо ди Борго былъ тогда назначенъ посломъ при французскомъ дворѣ.

349) «Araktcheyeff ne veut pas être de ce voyage et se rendra aux eaux». Князь Чарторижскій къ Н. Н. Новосильцову, 8-го (20-го) мая 1814 года изъ Парижа (Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 443).

350) 22-го мая (3-го іюня) 1814 года изъ Сенъ-Лё.

351) «Talleyrand le proclame «le héros de son imagination et de son coeur»; et le flatte et il le trompe» (Emile Ollivier: L'empire libéral.—Paris, 1895. T. 1, p. 59).

352) «Metternich: Mémoires. T. 2, p. 478 (Mémoire de Frédéric de Gentz): «Il (Alexandre) était furieux contre le prince de Talleyrand, qui, au moment de l'entrée des alliés à Paris, avait eu l'air de ne reconnaître d'autre loi que la volonté de l'empereur de Russie et qui, quatre semaines après, avait trouvé moyen de s'en rendre indépendant».

353) См. въ приложеніяхъ письмо Талейрана къ императору Александру отъ 1-го (13-го) іюня 1814 года (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Поццо ди Борго сдѣлалъ слѣдующую характеристику Талейрана: «C'est un homme qui ne ressemble à aucun autre: il gâte, il arrange, il intrigue, il gouverne de cent manières différentes par jour. Son intérêt pour les autres est proportionné au besoin qu'il en a dans le moment. Jusqu'à ses civilités sont des placements à usure qu'il faut payer avant la fin de la journée» (Поццо ди Борго къ графу Нессельроде, 14-го (26-го) сентября 1814 года).

354) Пакье пишетъ: «Cette lettre est précieuse de toutes manières, car on y trouve malgré les expressions d'attachement et les professions d'union dans les mêmes sentiments, un premier indice de la situation qui s'est développée pendant l'hiver suivant au congrès de Vienne, et qui a conduit M. de Talleyrand et l'empereur Alexandre à se placer l'un et l'autre sur des lignes si opposées, on peut même dire si ennemies» (Mémoires du chancelier Pasquier. T. 2, p. 442).

355) «Il quitta la France avec la conviction profonde, qu'il n'est pas donné à la prévoyance humaine de fonder un trône solide sur les débris de la révolution». Aperçu des transactions politiques du cabinet de Russie. Сборникъ И. Р. И. О., т. 31-й, стр. 416.

356) Блюхеръ, возбуждавшій особенное сочувствіе англичанъ, былъ внесенъ на рукахъ въ городъ. Уступая общей просьбѣ, онъ принужденъ былъ позволить окружавшимъ его дуврскимъ жителямъ отрѣзать по кусочку его мундира и остался въ одеждѣ, похожей на куртку.

357) Императоръ Францъ не сопровождалъ союзныхъ монарховъ при посѣщеніи ими Англіи; онъ послалъ по этому поводу Меттерниха съ извиненіями къ принцу-регенту.

358) Во время своего пребыванія въ Англіи императоръ Александръ ознакомился также съ народными школами, устроенными по такъ называемой Ланкастерской системѣ. Эта система обученія понравилась государю, и онъ рѣшилъ, по возвращеніи въ Россію, послать въ Англію нѣсколько лицъ для изученія способовъ преподаванія. Дѣйствительно, въ 1816 году четыре лучшихъ воспитанника Петербургскаго Педагогическаго Института были отправлены въ Англію съ этою цѣлью. Они должны были, подъ надзоромъ своего инспектора Штрандмана, заниматься въ Англіи посѣщеніемъ учебныхъ заведеній, устроенныхъ по Ланкастерской системѣ. Въ данной имъ инструкціи было сказано: «Всегда вы должны имѣть въ сердцѣ мысль о вашемъ отечествѣ, мысль о томъ, что можетъ быть ему полезно и чѣмъ вы можете современемъ оправдать довѣренность вашего начальства».

359) 6-го (18-го) іюня 1814 года.

360) «Pour l'empereur Alexandre ce séjour ne se passa pas sans quelques désagréments. Il ne sympathisait pas avec le prince-régent, depuis Georges IV. La grande duchesse Catherine, depuis reine de Würtemberg, l'avait précédé à Londres et s'était plus liée avec l'opposition qu'avec le parti Tory, qui était alors au pouvoir. Elle sût entrainer son frère dans les mêmes tendances ce qui déplut au prince-régent et fut cause de plusieurs froissements. L'empereur quitta l'Angleterre peu satisfait de son séjour, mais rapportant cependant une haute idée de la prospérité et de la grandeur de ce pays». Государственный Архивъ. Разрядъ XI, № 1151.

361) Th. Bernhardi: Geschichte Russlands. T. 1, p. 16.

Меттернихъ пишетъ, что государь обратился къ лорду Грею съ просьбою представить ему проектъ «sur la création d'une opposition en Russie. Après l'audience, lord Grey vint me trouver pour me demander des éclaircissement sur l'idée du Czar, qui lui paraissait aussi incompréhensible que peu pratique. «Est-ce que le Czar, me demanda lord Grey, songe à introduire un parlement en Russie? Dans le cas où il serait résolu à le faire,— et je me garderai bien de l'y pousser,—il n'aura pas à se préoccuper de créer l'opposition; elle ne lui manquera certainement pas». Metternich: Mémoires. T. 1, p. 325.

362) Императрица выѣхала изъ Россіи за границу въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца 1813 года.

363) 19-го іюня (1-го іюля) 1814 года.

364) Mémoires de la comtesse Edling, p. 141.

365) Записки А. С. Шишкова. Т. 1-й, стр. 301.

366) Временныя тріумфальныя ворота, выстроенныя по плану архитектора Гваренги, были сломаны въ 1829 году и замѣнены каменными воротами, причемъ постарались сохранить насколько возможно видъ прежняго сооруженія. Открытіе этого памятника войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ послѣдовало 18-го августа 1834 года.

Генералъ-адъютантъ Уваровъ, скончавшійся въ 1824 году, назначилъ въ завѣщаніи 400,000 руб. асс. для сооруженія памятника въ честь гвардейскаго корпуса; кромѣ того, для этой же цѣли поступили послѣ войны 1812 года значительныя денежныя пожертвованія отъ дворянства и купечества.

На тріумфальныхъ воротахъ надпись: «Побѣдоносной Россійской Императорской Гвардіи признательное отечество въ 18 день августа 1834 года».

367) По полученіи этого рескрипта графъ Румянцевъ отвѣтилъ всеподданнѣйшимъ письмомъ отъ 2-го (14-го) августа 1814 года: «Получа сейчасъ всемилостивѣйшій рескриптъ, которымъ Ваше Императорское Величество, внявъ просьбу мою, отъ всѣхъ дѣлъ меня уволить соизволили, спѣшу повергнуть себя къ освященнѣйшимъ стопамъ и принести здѣсь ту

глубочайшую благодарность, каковою меня преисполнить соизволили. Вы всемилостивѣйше упомянули службу мою не по мѣрѣ ея достоинства, а по свойственному вамъ великодушію и монаршему снисхожденію, которыми счастливите подданныхъ своихъ».

368) «Le chancelier Romanzoff qui était encore chef nominal du ministère des affaires étrangères profondément humilié de n'avoir pris aucune part aux grandes transactions qui immortalisaient le règne de l'empereur Alexandre, devenu presque sourd après deux coups d'apoplexie, donna sa démission qui fut acceptée. Je le remplaçai avec le titre modeste de secrétaire d'état dirigeant le ministère des affaires étrangères, que je conservai jusqu'au règne de l'empereur Nicolas». Государственный Архивъ. Разрядъ XI. № 1151: Записки графа Нессельроде.

369) Dépêches inédites du chevalier de Gentz aux Hospodars de Valachie.—Paris, 1876. T. 1, p. 96.

370) Пріемы происходили 5-го, 7-го, 8-го и 10-го августа. Депутаты отъ купечества были представлены 12-го августа.

371) «Messieurs, je vois avec plaisir réunis autour de moi les députés de ces gouvernements, dont la campagne de 1812 m'avait éloigné pour quelque temps. J'ai été très satisfait de la conduite de la plus grande partie de vos compatriotes, qui n'ont cessé de m'être attachés et fidèles. J'en ai vu avec peine quelques uns égarés par des insinuations étrangères et par de fausses espérances; mais je ne m'en suis vengé que par l'acte d'amnistie, d'après lequel vous avez pu juger de ma façon de penser. Dites à vos commettants que tout est oublié et pardonné, et qu'ils ne doivent point douter de tout l'intérêt que je leur porte, et du désir que j'ai de les voir heureux et contents».

372) «Messieurs, encore un peu de temps et de patience, et vous serez tous beaucoup plus satisfaits de moi». Mémoires de Michel Oginski.—Paris, 1827. T. 4, pp. 158—163.

373) «Ce plan si antipathique à la Russie». Записки графа Нессельроде. Государственный Архивъ. Разрядъ XI. № 1151.

374) Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 22-го августа 1814 года (№ 67) было напечатано: «Всѣ генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, какъ вышедшіе уже въ отставку, такъ и тѣ, кои за ранами впредь оставятъ службу и не имѣющіе другого состоянія, кромѣ опредѣленнаго при отставкѣ пенсіона, вызываются прибѣгать отнынѣ къ царю, къ отцу своему во всѣхъ своихъ нуждахъ! Для разсмотрѣнія же просьбъ ихъ и скорѣйшаго вспомоществованія нуждающимся, государь императоръ назначилъ особенный комитетъ, который будетъ оныя доводить до свѣдѣнія всемилосердаго отца и монарха, чрезъ преданнаго ему и отечеству съ совершенно русскимъ усердіемъ генерала, графа А. А. Аракчеева. И—вотъ исцѣлены раны русскаго воинства: ибо кто съ Александромъ Побѣдоноснымъ съ храбростію подвизался за дѣло свободы и правды, того Александръ отецъ съ любовію пріемлетъ въ свои объятія!»

Вотъ какою краснорѣчивою тирадою «Русскій Инвалидъ» привѣтствовалъ новое назначеніе графа Аракчеева, избраннаго государемъ орудіемъ своихъ филантропическихъ замысловъ.

375) Приказомъ отъ 26-го января 1816 года назначены были еще членами этого комитета генералъ-адъютанты графъ Шуваловъ, Васильчиковъ и князь Трубецкой.

Въ вѣдѣніе комитета, кромѣ суммъ, выданныхъ на сей предметъ изъ казны и пожертвованныхъ разными лицами, поступили въ декабрѣ 1815 года 395,000 рублей, собранныхъ издателемъ основаннаго въ 1813 году «Русскаго Инвалида», коллежскимъ совѣтникомъ Пезаровіусомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было, чтобы 1,200 офицеровъ, уже получавшихъ въ то время пенсіи отъ Пезаровіуса, продолжали оными пользоваться и впредь.

376) Еще до изданія этого манифеста, особымъ указомъ Сенату, отъ 21-го августа 1814 года, повелѣно было Алексѣя Шубина, лишеннаго чиновъ и дворянства и сосланнаго въ Сибирь на поселеніе въ 1802 году,—опредѣлить въ Сумскіе полки рядовымъ, «дабы онъ заслуживалъ вину свою».

377) Еще ранѣе, 22-го іюня 1814 года, графъ Ростопчинъ писалъ Барклаю де-Толли: «J'attends avec impatience le retour de Sa Majesté Impériale pour lui demander mon congé. J'ai besoin de veiller à ma fortune qui est dérangée, et restaurer ma santé qui

l'est encore davantage. C'est dans un pays chaud que je me remettrai de l'année 12, de Bonaparte, de Koutouzow et comp.».

378) Графъ Ростопчинъ обращался также къ графу Толстому съ просьбою выслать къ нему въ Москву Сперанскаго и писалъ по этому поводу 21-го августа (2-го сентября) 1812 года: «Отправленный къ вамъ нарочный эстафетъ съ приложенными письмами, въ подтвержденіе коихъ могу увѣрить васъ, что намѣреніямъ Сперанскаго и Столыпина я вѣрю, по дѣйствіямъ мартинистовъ здѣсь. Я увѣренъ, что вы примите нужныя мѣры для пресѣченія замысловъ скаредовъ, посягающихъ на отечество. Есть ли же заблагоразсудите, то отправьте и Сперанскаго и Столыпина сюда».—Это предложеніе доказываетъ наглядно, до какой крайности могъ увлекаться графъ Ростопчинъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Военно-ученый архивъ. Отд. 2, № 4525 (а).

379) 17-го (29-го) сентября графъ Толстой писалъ государю: «Получивъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе отъ 8-го сентября, въ ту же ночь отправилъ тайнаго совѣтника Сперанскаго въ Пермь, подъ присмотромъ полицейскаго офицера и съ должнымъ предписаніемъ къ тамошнему гражданскому губернатору. Выпроваждавшій его изъ города полицій мейстеръ доставилъ мнѣ отъ него конвертъ на Высочайшее Ваше имя, который у сего подношу, въ недоумѣніи однакожъ, долженъ ли я былъ сіе сдѣлать или нѣтъ и не прогнѣваю ли тѣмъ Вашего Императорскаго Величества».

Намъ не удалось до сихъ поръ найти въ архивахъ слѣдовъ этого всеподданнѣйшаго письма Сперанскаго. Біографъ Сперанскаго, баронъ Корфъ, пишетъ: «Письма къ государю Толстой не послалъ, и мы не знаемъ его содержанія». Судя по вышеприведенному всеподданнѣйшему донесенію графа Толстого, это замѣчаніе барона Корфа едва ли справедливо; что же касается содержанія письма Сперанскаго, то мы его дѣйствительно и до сихъ поръ не знаемъ.

380) Подлинникъ этого всеподданнѣйшаго письма найденъ нами въ военно-ученомъ архивѣ (Отд. I, № 469). Въ сочиненіи барона М. А. Корфа: «Жизнь графа Сперанскаго» (т. 2-й, стр. 91) приведено это письмо, но авторъ имѣлъ въ рукахъ невѣрный списокъ, а потому въ немъ встрѣчаются искаженія и пропуски.

381) Судя по позднѣйшему письму Сперанскаго къ графу Кочубею (20-го мая 1820 года), пермскій изгнанникъ ожидалъ другого. Онъ писалъ: «первое движеніе государя, всегда мнѣ благотворное, успѣли перемѣнить. Первое движеніе, мнѣ съ достовѣрностью тогда означенное, было вызвать меня въ Петербургъ; второе—проводить за присмотромъ въ деревню».

Начальнику Новгородской губерніи было предписано тотчасъ донести, когда Сперанскій прибудетъ въ деревню. «Распорядитесь», писалъ ему Вязмитиновъ, «чтобы безъ всякой огласки извѣстно вамъ было о его образѣ жизни и знакомствахъ, о чемъ и мнѣ отъ времени до времени давайте знать». Слѣдовательно, жизнь Сперанскаго въ Великопольѣ являлась въ сущности продолженіемъ пермской ссылки, и онъ продолжалъ оставаться въ глазахъ Александра вреднымъ человѣкомъ.

382) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга нѣсколько позже, 6-го (18-го) сентября и отправился прямо въ Варшаву, гдѣ ему предстояло стать во главѣ польской арміи.

383) Графъ Н. А. Толстой умеръ 9-го декабря 1816 года.

384) Императоръ Александръ пожаловалъ тогда Н. Н. Новосильцову орденъ св. Александра Невскаго; Новосильцовъ, по замѣчанію Данилевскаго (Рукописный журналъ 1814 года), «до сего времени отказывался отъ всѣхъ знаковъ отличія, которые ему были предлагаемы».

385) «Le discours qu'il leur a tenu était si fort de raison, si logique et en même temps si mesuré et si adroit que les bras me sont tombés d'étonnement. Il n'a rien promis, il ne s'est engagé à rien et a tout demandé».

386) Dębicki: Pulawy. T. 2, 220.

387) Императоръ Александръ даже въ Пулавахъ вспомнилъ графа Аракчеева, находившагося въ то время въ своемъ любезномъ Грузинѣ, и не упустилъ случая обрадовать его слѣдующими дружескими строками, написанными 6-го (18-го) сентября передъ отъѣздомъ: «Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за твои желанія отъ 5-го числа; ты знаешь, сколь искренно я тебя люблю. Сейчасъ ѣду далѣе».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

388) Это былъ принцъ Фридрихъ, родной братъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, находившійся нѣкогда на русской службѣ и удаленный императрицею Екатериною изъ Россіи.—Въ Эрфуртѣ король виртембергскій нерѣдко опаздывалъ къ обѣду, и Наполеонъ, подсмѣиваясь надъ нимъ, замѣтилъ: «Sa Majesté de Würtemberg vient toujours ventre à terre, mais elle vient toujours trop tard».

389) Mémoires de la comtesse Edling, p.p. 164—167. Къ этой характеристикѣ графиня прибавляетъ еще: «Ce prince, si imposant avec les souverains, était le plus poli des hommes envers les femmes et l'ami le plus affectueux pour ceux qu'il honorait de sa bienveillance».

390) См. въ приложеніяхъ:

1. Points sommaires de l'instruction; 2. Инструкція графу Нессельроде; 3. Инструкція для русскихъ посольствъ, высочайше утвержденная 13-го (25-го) мая 1815 года, по окончаніи Вѣнскаго конгресса (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

391) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1815 года.

392) Pallain: Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne.—Paris, 1881, p.p. 18—24.

Пакье, по поводу этого донесенія Талейрана, справедливо замѣчаетъ: «Je ne puis m'empêcher d'y trouver un manque de gravité tout à fait regrettable; ce n'est pas ainsi que se revèlent les caractères élevés dans la discussion des grandes affaires». Pasquier: Mémoires. T. 3, p. 77.

393) Pallain: Correspondance de Talleyrand, p. 32.

394) Mémoires du chancelier Pasquier. T. 3, p. 67.

395) «Je croyais que la France me devait quelque chose. Vous me parlez toujours de principes: votre droit public n'est rien pour moi; je ne sais ce que c'est. Quel cas croyez-vous que je fasse de tous vos parchemins et de tous vos traités».

Получивъ донесеніе Талейрана объ этомъ разговорѣ, Людовикъ XVIII отвѣчалъ: «Le ton et les principes qu'avec tant de raison on a reprochés à Buonaparte, n'étaient pas autres que ceux de l'empereur de Russie». Pallain: Correspondance de Talleyrand, p. 77. Mémoires du prince de Talleyrand.—Paris, 1891. T. 2, p. 418.

396) «Le roi de Prusse sera roi de Prusse et de Saxe, comme je serai empereur de Russie et roi de Pologne. Les complaisances que la France aura pour moi sur ces deux points, seront la mesure de celles que j'aurai moi-même pour elle sur tout ce qui peut l'intéresser». Pallain: Correspondance de Talleyrand, p. 77.

397) Pallain: Correspondance de Talleyrand, p. 86.

398) Рукописный журналъ 1814 года Михайловскаго-Данилевскаго.

399) Н. И. Гречъ приводитъ также этотъ случай въ своихъ запискахъ; онъ только ошибочно отнесенъ имъ къ 1816 году, причемъ дѣйствіе происходитъ за обѣдомъ въ Зимнемъ дворцѣ. Гречъ слѣдующимъ образомъ передаетъ слова наслѣднаго принца: «Дѣйствительно, онъ былъ великій полководецъ и мудрый государь. Вредно было только его пристрастіе къ фронту. По его примѣру всѣ государи Европы сдѣлались фельдфебелями».—Александръ не отвѣчалъ ни слова, только измѣнился въ лицѣ (Записки о моей жизни», стр. 355).

400) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1814 года.

401) Mémoires de la comtesse Edling, p. 181.

402) Среди тревожнаго положенія политическихъ дѣлъ, ознаменовавшаго Вѣнскій конгрессъ, императоръ Александръ не забывалъ графа Аракчеева. Узнавъ о нездоровьи его, онъ поспѣшилъ обрадовать грузинскаго отшельника ласковымъ словомъ въ письмѣ отъ 16-го (28-го) ноября слѣдующаго содержанія:

«Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я, любезный Алексѣй Андреевичъ, что ты былъ жестоко боленъ. Всемогущій Богъ услышалъ молитвы любящаго тебя, особливо того, котораго довѣренность къ тебѣ и надежда на твое пособіе въ многотрудныхъ его обязанностяхъ есть неограниченная. Побереги себя ради пользы отечества нашего и ради пребывающаго на вѣкъ тебѣ вѣрнымъ другомъ».

403) Въ дополненіе ко всему вышеизложенному см. въ приложеніяхъ «Записку о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ и отношеніи къ нимъ Россіи», составленную

совмѣстно Лагарпомъ и Поццо ди Борго 25-го іюня (7-го іюля) 1814 года (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

404) «Il est sûrement moins touché des intérêts de la Prusse et moins retenu par l'amitié qu'il porte au roi, qu'il n'est embarassé des promesses qu'il lui a faites, et je croirais volontiers que, malgré le caractère chevaleresque qu'il affecte, et tout esclave qu'il veut paraître de sa parole, il serait dans le fond de l'âme enchanté d'avoir un prétexte honnête pour se dégager». Pallain: Correspondance de Talleyrand, p. 127.

405) «Jusqu'ici l'empereur Alexandre n'a point fléchi». Pallain: Correspondance, p. 148.

406) Русской арміи дана была новая организація. 28-го октября (9-го ноября) 1814 года послѣдовалъ указъ Сенату, по которому были образованы двѣ арміи и назначены главнокомандующими: первой—фельдмаршалъ графъ Барклай де-Толли, второй—генералъ-отъ-кавалеріи графъ Бенигсенъ.

407) Дѣйствительно, русскіе государственные люди того времени, заодно со своими европейскими коллегами, противились возстановленію Польскаго королевства; въ конечной цѣли ихъ разсужденій между ними проявилось трогательное единодушіе. Первымъ на этотъ путь опозиціи выступилъ графъ Нессельроде, еще въ концѣ 1812 года; затѣмъ это дѣло продолжалъ Поццо ди Борго, находясь уже на Вѣнскомъ конгрессѣ. Даже генералъ-адъютантъ Чернышевъ, въ письмѣ на имя императора Александра, высказался не въ пользу любимой мысли государя. Михаилъ Ѳеодоровичъ Орловъ, хотя и не подавалъ записки, но также не сочувствовалъ намѣреніямъ Александра. Онъ пишетъ въ своихъ запискахъ по поводу возстановленія Польши, что для государя это дѣло было вопросомъ справедливости и сантиментальной политики: «въ этомъ великая его ошибка, источникъ столькихъ бѣдствій». Въ заключеніе Орловъ приводитъ слова Шамфора, что съ добрымъ сердцемъ нельзя выиграть и шахматной партіи.

408) Dębicki: Puławy. Т. 2, p. 233. Письмо князя Адама Чарторижскаго отъ 1-го (13-го) октября 1814 года.

409) «Ils n'ont ni le courage de se brouiller, ni le bon sens de s'entendre». Эти слова Талейрана приведены въ сочиненіи: «Aus Karls von Nostitz» Leben und Briefwechsel».— Dresden, 1848, p. 157.

410) Прадтъ справедливо замѣчаетъ: «La légitimité a sacrifié la politique».

411) Талейранъ отклонилъ Людовика XVIII отъ предположеннаго брака его племянника съ русской великой княжной. Въ письмѣ къ королю отъ 13-го (25-го) января 1815 года («Mémoires du prince de Talleyrand». Т. 2, p. 32) Талейранъ вдругъ заговорилъ по поводу «déplorable infirmité des facultés intellectuelles de la maison de Holsten», и указалъ на это обстоятельство какъ на причину, дѣлающую предполагаемый бракъ нежелательнымъ. Кромѣ того онъ указывалъ еще королю, что императоръ Александръ преисполненъ честолюбивыхъ замысловъ и революціонныхъ идей, «qu'il cherche à voiler sous le nom spécieux d'idées libérales».

412) «Tout cela est de la doctrine—ne soyez pas en peine, je me tirerai d'affaire». Capodistria: «Aperçu de ma carrière publique, depuis 1798 jusqu'à 1822».

Подобное же явленіе повторилось въ нашей исторіи въ 1878 году. Когда князю Горчакову выражены были сомнѣнія относительно принятія Европою условій Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго мира, то государственный канцлеръ отвѣтилъ: «Cela sera simplement l'endossement du notaire».—Парижскій миръ окончился Вѣнскимъ конгрессомъ, а Санъ-Стефанскій договоръ привелъ къ Берлинскому конгрессу.

413) «La guerre, que personne n'a envie de faire, que presque personne n'est en état de faire n'aura très probablement pas lieu». Pallain: «Correspondance de Talleyrand», p. 267.

414) Содержаніе депеши было слѣдующее: «Le commissaire anglais Campbell vient d'entrer dans le port pour s'informer si l'on n'a pas vu Napoléon à Gênes, attèndu qu'il a disparu de l'île d'Elbe. La réponse ayant été négative, la frégate anglaise a, sans plus tarder, regagné le large». Metternich: Mémoires. Т. 1, p. 204.

415) «Nous avons encore à vider un différent personnel. Nous sommes chrétiens tous les deux; or notre sainte loi nous commande de pardonner les offenses. Embrassons-nous et que tout soit oublié». Metternich: Mémoires. Т. 1, p. 328.

416) Metternich; Mémoires. T. 1, p. 206.

417) Pertz: Das Leben des Ministers vom Stein. B. 4, s. 395.

Memoiren des Freiherrn von Wolzogen.—Leipzig. 1851, p. 279.

418) «Vous avez été entrainé; je n'y pense plus» (Gagern: Mein Antheil an der Politik.—Stuttgart. 1826, p. 157).

Пертцъ въ біографіи Штейна пишетъ: Баварія не была увлечена, она подложила огонь.

419) Государственный Архивъ. Разрядъ IV. № 240.

См. въ приложеніяхъ французскій текстъ письма королевы Гортензіи.

420) Souvenirs du prince Stanislas Poniatowski: «Revue d'histoire diplomatique». 1895. № 4.

421) «Les puissances déclarent en conséquence, que Napoléon Bonaparte s'est placé hors des relations civiles et sociales, et que, comme ennemi et perturbateur du repos du monde il s'est livré à la vindicte publique».

422) Мѣсяцемъ позже, 17-го (29-го) апрѣля 1815 года, императоръ Александръ писалъ цесаревичу Константину Павловичу: «Quant à votre propre destination, je ne compte pas du tout vous laisser à l'armée de réserve, mais comme la besogne va devenir probablement sérieuse, je fais marcher la garde, les 1-res de grenadiers, cuirassiers et hulans; dès qu'ils seront à portée, vous les joindrez avec les bataillons et escadrons de la garde que vous avez à Varsovie, et vous me les amenerez, à moins que le Tout-Puissant n'en ordonne autrement en faisant finir tout cela plus tôt». Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 507 (a).

423) См. въ приложеніяхъ французскій текстъ письма императора Александра отъ 12-го (24-го) марта 1815 года.—Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 507 (a).

424) 14-го (26-го) марта 1815 года.

425) «Il faut écarter les récriminations, ne point revenir sur le passé et s'occuper franchement et utilement de l'état présent, non pour en rechercher les causes, mais pour y remédier». Pallain: Correspondance de Talleyrand, p. 365.—Mémoires du prince de Talleyrand. T. 3, p. 132.

426) Замѣтимъ здѣсь, что по всеподданнѣйшему отчету фельдмаршала Барклая де-Толли, представленному 24-го марта (5-го апрѣля) 1815 года изъ Варшавы, война съ французами 1812, 1813 и 1814 годовъ стоила Россіи 157.450,710 рублей 59 копеекъ ассигнаціями.

427) Pertz: Das Leben des Ministers vom Stein. B. 4, p. 395.

428) «Sans doute les hommes qui ont travaillé à cette transaction ne s'attendent pas à ce que je la considère en ce moment comme nonavenue. Cependant je ne leur en dirai pas le mot, et je vous ordonne d'en faire autant. Il me suffira de redoubler de vigilance dans le traité qu'on va conclure pour reprendre les armes et pour rentrer en campagne». Comte Capodistria: «Aperçu de ma carrière politique».

Секретный договоръ 3-го (15-го) января 1815 года напечатанъ въ запискахъ Гагерна: «Mein Antheil an der Politik». Stuttgart. 1826. B. 2, s. 303. Онъ состоитъ изъ 14-ти статей и одной секретной статьи.

429) Fürst Pückler Muskau.—Hamburg. 1873. B. 2, s. 377 (Aufsatz über Preussen.—Wie es ist, und—).

Если подобное Бисмарковское поведеніе Пруссіи могло безспорно доставить ей громадныя политическія выгоды, то каковы бы были результаты, если бы Россія совмѣстно съ Пруссіею придержалась бы въ 1815 году подобной политики государственнаго эгоизма и осуществила бы: «eine moralische Enormität», задуманную Гнейзенау.

430) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть IV, стр. 153.

431) «Le duché de Varsovie, à l'exception des parties dont il a été autrement disposé... est réuni à l'empire de Russie. Il y sera lié irrévocablement par sa constitution pour être possédé par Sa Majesté l'empereur de toutes les Russies, ses héritiers et ses successeurs à perpétuité».

432) «En prenant le titre de roi de Pologne, j'ai voulu satisfaire aux voeux de la nation. Le royaume de Pologne sera uni à l'empire de Russie par les titres de sa

propre constitution, sur laquelle je désire de fonder le bonheur du pays. Si le grand intérêt du repos général n'a pas permis que tous les polonais fussent réunis sous le même sceptre, je me suis efforcé du moins d'adoucir, autant que possible, les rigueurs de leur séparation et de leur obtenir partout la jouissance possible de leur nationalité». Письмо императора Александра отъ 18-го (30-го) апрѣля 1815 года изъ Вѣны.

См. въ приложеніяхъ письмо В. С. Ланского къ императору Александру отъ 4-го (16-го) мая 1815 года.

433) «La journée du 21 peut se compter entre celles dont le souvenir devient, pour le coeur généreux de Votre Majesté Impériale, une récompense de vos travaux, Sire, pour le bien de l'humanité». Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. 2, p. 333.

434) Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. 2, p. 329.

435) Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. 2, p. 337.

436) Однажды Р. С. Стурдза въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ въ Вѣнѣ коснулась цесаревича Константина Павловича и высказала государю мнѣніе, что она раздѣляетъ всеобщія опасенія, внушаемыя великимъ княземъ относительно будущаго въ виду отсутствія прямого наслѣдника. Александръ видимо огорчился этимъ признаніемъ и замѣтилъ: «Peut-être se trompe-t-on; l'âge calme les passions, il a déjà beaucoup changé». Стурдза замолчала, но покачала головою. «Mémoires de la comtesse Edling», p. 202.

437) Въ день отъѣзда изъ Вѣны императоръ Александръ возвелъ графа А. К. Разумовскаго въ княжеское достоинство, въ воздаяніе отличныхъ услугъ, оказанныхъ отечеству въ продолженіе Вѣнскаго конгресса.

438) Императрица Елисавета Алексѣевна покинула Вѣну 9-го (21-го) марта и отправилась черезъ Мюнхенъ въ Брухзалъ, гдѣ она предполагала выждать исходъ событій.

439) Pallain, Correspondance de Talleyrand, p. 287.

440) «L'orage s'avance; ces lys que lÉternel avait conservé, cet emblème d'une fleur pure et fragile qui brisait un sceptre de fer, parce que le Tout-Puissant le voulait ainsi, ces lys, qui auraient dû appeler à l'amour de Dieu, à la repentance, ont paru pour disparaître. La leçon est donnée, et les hommes plus endurcis que jamais ne rêvent que tumulte». Mémoires de la comtesse Edling, p. 217.

441) Всѣ эти обстоятельства не скрылись отъ зоркаго ока Р. С. Стурдзы; она пишетъ: «je l'observais avec trop d'intérêt pour ne pas le deviner. Des peines dont la source était si noble, si pure, ne pouvaient m'inspirer aucune inquiétude et je respectai le silence que l'empereur observait lui-même sur ce sujet». Mémoires de la comtesse Edling, p. 222.

442) «Comme si elle avait lu dans mon âme, elle m'adressa des paroles fortes et consolantes qui calmèrent le trouble dont j'étais obsédé depuis longtemps. Sa présence avait été un bienfait pour moi; je me promis de cultiver une connaissance aussi précieuse».—«Mémoires de la comtesse Edling», p.p. 231—233.

443) Empaytaz: Notice sur Alexandre, empereur de Russie.—Genève, 1840 (Deuxième édition), p. 13.

444) Разсказы князя А. Н. Голицына.—«Русскій Архивъ» 1886 года. Книга 2-я, стр. 93.

445) «Se plier au génie du mal, c'est consolider sa puissance, c'est lui offrir les moyens d'établir sa tyrannie d'une manière plus terrible que la première fois. Il faut avoir le courage de le combattre, et avec l'aide de la Providence Divine, de l'union et de la persévérance, nous arriverons à un résultat heureux.—Telle est ma conviction». Государственный Архивъ. Разрядъ V. № 190.

446) Эмпейтазъ прибавляетъ: «C'était son expression». Notice, p. 22.

447) Данилевскій пишетъ въ дневникѣ 1815 года: «Великіе князья не только любятъ государя какъ брата, но имѣютъ къ нему особенное благоговѣніе, какъ къ знаменитому мужу».—Когда русская армія вступила во Францію, великіе князья сопровождали императора на маршѣ къ Парижу.

448) Во время нахожденія главной квартиры въ Гагенау, прибыли къ императору Александру комиссары временнаго парижскаго правительства. Между ними находились Лафайетъ, Бенжаменъ Констанъ, Лафорэ.—Государь отказалъ имъ въ пріемѣ.

449) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1815 года.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

450) Записки Николая Николаевича Муравьева.—«Русскій Архивъ» 1886 года. Книга 3-я, стр. 299.

451) Этими словами А. П. Ермоловъ намекалъ на другой подобный случай, имѣвшій мѣсто въ 1813 году. На одномъ изъ франкфуртскихъ парадовъ Ермолову велѣно было арестовать дивизіоннаго начальника Удома, но онъ отказался сдѣлать это; когда же ему было повторено это приказаніе, то онъ отвѣчалъ, что пришлетъ свою собственную шпагу, но что тогда онъ уже не будетъ имѣть подлости взять ее назадъ. Этимъ все тогда и ограничилось.

Сравнивая эти два случая 1813 и 1815 годовъ, дѣлается нагляднымъ, какая глубокая перемѣна совершилась за это время во взглядахъ императора Александра и въ его душевномъ настроеніи.

452) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1815 года.

453) Заступничество Александра ограничилось неодобреніемъ этихъ жестокихъ мѣропріятій только на словахъ, въ разговорѣ съ герцогинею Ангулемскою, и то лишь относительно Лабедоера, въ которомъ принимала участіе г-жа Криденеръ.

«— A quoi servent de telles rigueurs; à quoi en veut-on venir?» сказалъ императоръ.

«Sire, la justice demande de la fermeté des mesures propres à imposer», возразила герцогиня.

Александръ, услышавъ подобный отзывъ изъ устъ женщины, съ негодованіемъ замѣтилъ: «Madame! si la justice a des droits, la charité réclame les siens».

«— Ma charité! On ne la distingue pas de la faiblesse», продолжала герцогиня.

«Vous vous trompez, madame, la charité gagne les coeurs, elle les fond. Serait-ce à nous à mettre des modifications à ce précepte par excellence?» сказалъ Александръ и отвернулся отъ жестокосердой собесѣдницы (Empeytaz: Notice, p. 35).

Конечно, подобнымъ разговоромъ трудно было спасти несчастную жертву политической мести; нужно было заговорить наполеоновскимъ языкомъ, чтобы образумить роялистовъ.—Лабедоеръ былъ разстрѣлянъ 7-го (19-го) августа 1815 года, до отъѣзда императора Александра изъ Парижа.

454) Въ 1852 году императоръ Николай въ собственноручной резолюціи коснулся участи, постигшей Наполеона, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «онъ императоромъ пересталъ быть, бывъ сосланъ и запертъ на островѣ Святой Елены».

455) Въ этомъ числѣ находились: 132 баталіона пѣхоты, 168 эскадроновъ кавалеріи, 35 ротъ пѣшей и 10 конной артиллеріи.

456) Данилевскій пишетъ: «Сегодня имѣлъ я новое доказательство, какъ императоръ не любитъ воспоминаній объ Отечественной войнѣ. Генералъ Толь, смотря съ Монтеме на выстроившуюся армію, сказалъ его величеству: «Какъ пріятно, что сегодня память Бородинскому сраженію». Государь не отвѣчалъ ни слова и отвернулся. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ лейбъ-медикъ Виллie и, сдѣлавъ замѣчаніе почти такого же содержанія, получилъ такой же молчаливый отвѣтъ. Но великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ восхищаются всѣмъ тѣмъ, что есть русское; великій князь Михаилъ взялъ меня съ жаромъ за руку, когда я ему сказалъ, что къ моему большому удовольствію сегодня не было съ нами ни одного иностранца, что всѣ окружавшіе государя русскіе». (Рукописный журналъ).

457) Г-жа Криденеръ описала потомъ торжество въ Вертю въ брошюрѣ: «Le camp des Vertus, ou la grande revue de l'armée russe dans la plaine de ce nom par l'empereur Alexandre' 1815». Въ этомъ патетическомъ диѳирамбѣ она превозноситъ Александра и указываетъ на поставленный тамъ крестъ, какъ на великолѣпный алтарь, который долженъ соединить все и который будетъ говорить: «Здѣсь преклонялся передъ Іисусомъ Христомъ герой и армія, любезная его сердцу; здѣсь народы сѣвера просили о счастіи Франціи».

458) Изъ гражданскихъ чиновниковъ графъ Каподистріа и Марченко назначены были 30-го августа статсъ-секретарями.

459) Въ память достославной войны съ французами императоръ Александръ повелѣлъ воздвигнуть въ Царскомъ Селѣ, у садовой рѣшетки, чугунныя тріумфальныя ворота съ надписями на русскомъ и французскомъ языкахъ: «Любезнымъ сослуживцамъ моимъ (A mes chers compagnons d'armes)».

460) Къ обѣденному столу, сверхъ русскихъ генераловъ, приглашены были и старшіе штабъ-офицеры, командиры полковъ, артиллерійскихъ бригадъ и оберъ-квартирмейстеры. За столомъ находилось болѣе трехсотъ особъ. «Государь передъ столомъ и послѣ обѣда изволилъ подходить почти къ каждому изъ своихъ сослуживцевъ и благодарилъ ихъ за усердную службу отъ искренняго сердца и въ такихъ выраженіяхъ, которыя для каждаго останутся незабвенными».—«Два знаменитые смотра войскъ во Франціи». Соч. генералъ-лейтенанта Хатова.—Спб. 1843.

461) При первомъ свиданіи съ г-жею Криденеръ Александръ, вспоминая съ восторгомъ о пребываніи своемъ въ Вертю, сказалъ: «Ce jour a été le plus beau de ma vie, jamais je ne l'oublierai. Mon coeur était rempli d'amour pour mes ennemis; j'ai pu prier avec ferveur pour eux tous, et c'est en pleurant au pied de la croix de Christ que j'ai demandé le salut de la France». Empaytaz: Notice, p. 40.

462) Empaytaz: Notice sur Alexandre, p. 40.

Авторъ прибавляетъ къ этимъ словамъ Александра слѣдующее замѣчаніе: «Qu'il était intéressant de voir cet homme entouré de tant de gloire, de toutes les grandeurs du trône, chercher ainsi avec nous, faibles disciples du Sauveur, la force et le secours de l'Eternel».

463) Меттернихъ утверждаетъ въ своихъ запискахъ, что императоръ Францъ подписалъ актъ Священнаго союза только послѣ нѣкоторыхъ измѣненій, сдѣланныхъ въ немъ рукою его довѣреннаго министра; но при этомъ Меттернихъ не поясняетъ, въ чемъ состояли измѣненія первоначальнаго текста этого договора. Metternich: Mémoires. T. 1, p. 210—212.

464) «Je refuserais d'être l'instrument de la perte de mon peuple, et je descendrais du trône plutôt que de consentir à ternir son antique splendeur par un abaissement sans exemple». Людовикъ XVIII къ императору Александру. Парижъ, 11-го (23-го) сентября 1815 года.

Передавая это письмо союзникамъ, Александръ сказалъ: «Je l'avais prévu: nous voilà plus embarassés que jamais. Louis XVIII renonce au trône, et fait bien. La France n'a plus de roi; trouvez lui en un autre, si vous pouvez. Quant à moi, je ne me mêlerai point d'une affaire qu'on aurait pu éviter. Il est temps d'ailleurs que je rentre chez moi et que tout ceci finisse». Mémoires de la comtesse Edling, p. 246.

465) Второй Парижскій миръ навелъ графа С. Р. Воронцова на слѣдующія размышленія:

«Il paraît qu'on s'occupe plus des avantages des autres que du bien-être de notre propre pays. Si au moins on obtenait pour tous ces sacrifices, surtout de la Prusse (qui s'est énormément agrandie) la ville de Mémel, pour avoir par le Niémen une frontière naturelle. Mais on n'est occupé que de la Pologne, qui reste sans aucun rapport avec la Russie et ne tient qu'à la personne d'Alexandre, contre les successeurs duquel elle fera la guerre toutes les fois que nous aurons quelques autres guerres embarassantes. Tout cela fait pitié». Архивъ князя Воронцова. Книга 17-я, стр. 424. Письмо графа С. Р. Воронцова къ сыну графу Михаилу Семеновичу, отъ 14-го (26-го) декабря 1815 года.

Князю А. К. Разумовскому, первому полномочному при заключеніи второго Парижскаго мира, императоръ Александръ пожаловалъ титулъ свѣтлости.

466) Герцога Ришелье замѣнилъ въ Одессѣ графъ Ланжеронъ.

Въ запискахъ графа Рошешуара приведены слова, сказанныя императоромъ Александромъ герцогу Ришелье при назначеніи его министромъ иностранныхъ дѣлъ и президентомъ совѣта: «Des intrigants de la pire espèce ont failli nous brouiller, le roi et moi, par des démarches injustifiables, nuisibles aux véritables intérêts de la France; je ne puis avoir aucune confiance en eux, vous seul m'en offrez assez pour oublier cet acte d'ingratitude; je vous délie de tous vos engagements envers moi, à la condition que vous servirez votre roi comme vous m'avez servi. Soyez le lien de l'alliance sincère entre les deux pays, je l'exige au nom du salut de la France». Comte de Rochechouart: Souvenirs, p. 413.

Талейранъ привѣтствовалъ вступленіе герцога Ришелье эпиграммою: «C'est le Français qui connaît le mieux la Crimée».

467) Михайловскій-Данилевскій пишетъ въ своемъ журналѣ, что государь выѣхалъ изъ Парижа рано утромъ 13-го (25-го) сентября. Между тѣмъ актъ Священнаго союза подписанъ въ Парижѣ 14-го (26-го) сентября 1815 года тремя союзными монархами. Какимъ образомъ согласовать это число съ днемъ отъѣзда Александра?

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

468) Пребываніе у князя Шварценберга ознаменовано было слѣдующимъ случаемъ: однажды, во время прогулки съ собравшимся тамъ небольшимъ обществомъ, Александръ увидѣлъ крестьянина, пахавшаго въ полѣ, подошелъ къ нему и, ставъ на его мѣсто, провелъ сохою борозду. Находившійся при этомъ художникъ воспроизвелъ впослѣдствіи этотъ эпизодъ на картинѣ. Разсказывали также, что когда императоръ съ княгиней выѣхали прогуляться, и лошади, которыми правилъ самъ князь, помчались слишкомъ быстро, Александръ, успокоивая ее, сказалъ: «Будьте покойны, онъ насъ велъ всегда вѣрно».

469) Императоръ, замѣтивъ полкъ своего имени, подъѣхалъ къ нему, чтобы отдать королю воинскія почести, но въ это время лошадь подъ нимъ споткнулась, и государь упалъ съ нея

Въ Берлинѣ поджидалъ государя уже прибывшій туда двумя днями ранѣе великій князь Николай Павловичъ.

470) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1815 года.

Къ этимъ словамъ Данилевскій прибавляетъ: «Онъ часъ отъ часу становится строже».

471) Dębicki: Pulawy. T. 2, p. 240.

472) Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne. T. 4, pp. 231—242.

473) «Ils ne se trompent pas; ils ont raison de se fier à moi, et je ferai pour eux bien plus même qu'ils ne peuvent s'y attendre aujourd'hui».

474) Le conseiller privé Thomas Wawrzecki.

475) Данилевскій пишетъ, что князь Адамъ Чарторижскій имѣлъ всѣ права, чтобы заступить въ отечествѣ своемъ первое мѣсто, т. е. быть намѣстникомъ. «Въ 1815 году никто въ семъ не сомнѣвался, и онъ до обнародованія конституціи и до введенія властей, въ оной опредѣленныхъ, управлялъ временно всѣми дѣлами, по коимъ онъ и докладывалъ государю, чему я самъ былъ ежедневно свидѣтелемъ. Мать его, которая есть одна изъ умнѣйшихъ женщинъ, и нѣкоторое число почетнѣйшихъ людей, принадлежащихъ къ его партіи, наполнили всѣ мѣста въ царствѣ чиновниками, къ нимъ приверженными, такъ что въ шутку начали называть Польшу не Польскимъ, а Пулавскимъ царствомъ, по имени Пулавы, наслѣдственнаго помѣстья Чарторижскихъ. До самаго отъѣзда государева изъ Варшавы были, кажется, они увѣрены въ своемъ успѣхѣ, то есть, что князь Адамъ будетъ намѣстникомъ, но по причинамъ, мнѣ неизвѣстнымъ, сего не состоялось».

476) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1816 года.

477) Dębicki: Pulawy. T. 2, p. 243.

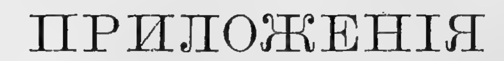
Польскій авторъ этого сочиненія называетъ Заіончека польскимъ якобинцемъ, заговорщикомъ изъ школы Коллонтая, принимавшимъ участіе въ клубныхъ интригахъ во время возстанія Костюшки; затѣмъ онъ говоритъ, что этотъ бывшій русскій плѣнный ради личныхъ цѣлей вкрался въ довѣріе къ цесаревичу и къ русскимъ генераламъ и дипломатамъ. Очевидно, что этотъ почтенный ветеранъ польской арміи не пользовался благорасположеніемъ партіи Чарторижскихъ.

478) «La grande âme est enfin rentrée dans son grand corps. L'empereur est arrivé», писалъ графъ Жозефъ де-Местръ, возвѣщая своему правительству прибытіе государя.

479) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть IV. Стр. 181. Вигель пишетъ по поводу князя Волконскаго еще слѣдующее: «Александръ, даже въ кругу самыхъ близкихъ по крови, не переставая быть любезнымъ, старался сохранить всю величественную свою важность. Нельзя, чтобы безпрестанное наблюденіе за самимъ собою никогда не утомляло его; наединѣ съ Волконскимъ любилъ онъ отдыхать; не открывая ему души своей, при немъ становился онъ человѣкомъ, который смѣется, сердится или бранится, какъ всѣ прочіе люди. На одномъ Волконскомъ истощалось иногда все дурное расположеніе духа государя, къ нему чрезмѣрно милостиваго: онъ все переносилъ со смиреніемъ». Отзывъ Вигеля вполнѣ сходится съ выше сообщенными выдержками изъ дневника Михайловскаго-Данилевскаго.

480) «C'est le commencement de la fin, vous en ferez tant qu'on vous renverra». La Russie et les Jésuites de 1792 à 1820 par H. Lutteroth.—Paris. 1845, p. 39.

481) См. въ приложеніяхъ рескриптъ императора Александра, написанный по случаю обнародованія договора Священнаго союза, на имя посла въ Лондонѣ графа Ливена, 18-го (30-го) марта 1816 года. Этотъ документъ можетъ служить нагляднымъ примѣромъ политическаго направленія, восторжествовавшаго послѣ 1815 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Проектъ учрежденія Правительствующаго Сената, представленный Сперанскимъ въ 1811 году.

Коренные законы Правительствующаго Сената.

I. Правительствующій Сенатъ есть верховное сословіе управленія въ имперіи.

II. Правительствующій Сенатъ именемъ Державной власти дѣйствуетъ посредствомъ министерствъ и главныхъ начальствъ на всѣ части управленія и охраняетъ силу его и порядокъ.

III. Указы Правительствующаго Сената исполняются во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ имперіи во всемъ пространствѣ ихъ и силѣ.

IV. Правительствующему Сенату ввѣряется храненіе Государственной печати, обнародованіе всѣхъ законовъ, уставовъ и учрежденій.

V. Все, что въ порядкѣ управленія превышаетъ предѣлы власти, ввѣренной въ особенности каждому министру, представляется на разрѣшеніе Правительствующаго Сената.

VI. Правительствующій Сенатъ разрѣшаетъ и управляетъ по законамъ, уставамъ и учрежденіямъ.

VII. Гдѣ законы, уставы и учрежденія къ разрѣшенію дѣлъ недостаточны, или когда по силѣ самыхъ сихъ узаконеній предметъ требуетъ непосредственнаго Высочайшаго разрѣшенія или утвержденія, тамъ Правительствующій Сенатъ испрашиваетъ онаго порядкомъ, для сего установленнымъ.

VIII. Въ Правительствующемъ Сенатѣ предсѣдательствуетъ императоръ.

IX. Въ отсутствіи императора, государственный канцлеръ, по самому его званію, занимаетъ мѣсто предсѣдателя въ Правительствующемъ Сенатѣ.

X. Въ отсутствіи государственнаго канцлера, председатель Правительствующаго Сената назначается на время по Высочайшему усмотрѣнію.

XI. Правительствующій Сенатъ составляется изъ государственныхъ министровъ, главныхъ начальниковъ разныхъ частей управленія и изъ товарищей министровъ.

XII. Подъ именемъ государственныхъ министровъ разумѣются какъ тѣ лица, коимъ ввѣрено управленіе опредѣленной какой-либо части, такъ равно и тѣ, кои исполняютъ сіе званіе безъ точнаго назначенія особенной части.

XIII. Правительствующій Сенатъ имѣетъ два рода собраній:

Въ одномъ предлагаются общія дѣла исполнительныя, коихъ рѣшеніе, по свойству ихъ и степени власти, принадлежитъ Правительствующему Сенату.

Въ другомъ предлагаются особенныя дѣла исполнительныя, зависящія непосредственно отъ Высочайшаго разрѣшенія.

XIV. Подробное образованіе каждаго собранія, предметы его и порядокъ производства дѣлъ опредѣляются его учрежденіемъ, которое на точномъ основаніи настоящихъ коренныхъ законовъ можетъ быть, по усмотрѣнію нуждъ и обстоятельствъ, дополняемо порядкомъ, для законодательной части установленнымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Образованіе Правительствующаго Сената въ порядкѣ общихъ дѣлъ исполнительныхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О ПРЕДМЕТАХЪ ОБЩИХЪ ДѢЛЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ.

§ 1.

Предметы общихъ дѣлъ исполнительныхъ опредѣляются не особеннымъ свойствомъ ихъ, но степенью власти, потребной къ разрѣшенію или исполненію.

§ 2.

Всѣ вообще дѣла, производимыя въ разныхъ министерствахъ, представляются на уваженіе Правительствующаго Сената:

1. Когда въ образѣ исполненія встрѣтятся недоумѣнія или затрудненія, коихъ разрѣшеніе, не предполагая новаго закона или отмѣны прежняго, зависитъ не отъ одного министерства, но отъ общаго соображенія и содѣйствія другихъ.

2. Когда между разными частями управленія какъ въ министерствахъ, такъ и губернскихъ начальствахъ произойдетъ сомнѣніе о точной принадлежности самаго предмета исполненія.

3. Когда дѣйствіе принятой какой-либо мѣры или точное исполненіе данныхъ предписаній по одной части будетъ преграждаемо въ другой предписаніями или

мѣрами противными, или же бездѣйствіемъ и недоразумѣніемъ начальствъ подчиненныхъ.

4. Когда мѣра, пріемлемая въ одномъ министерствѣ, по существу своему зависитъ отъ соображенія или требуетъ содѣйствія другихъ, или когда по теченію дѣлъ въ одномъ министерствѣ признано будетъ нужнымъ усилить принятыя имъ мѣры содѣйствіемъ другихъ.

5. Когда признано будетъ нужнымъ усилить исполненіе принятыхъ мѣръ понужденіемъ, пенями и взысканіями.

6. Когда предстанетъ нужда сдѣлать общее (циркулярное) предписаніе въ поясненіе или подтвержденіе существующихъ правилъ и учрежденій.

7. Когда признано будетъ нужнымъ собрать общія свѣдѣнія, коихъ составленіе и предметы относятся не къ одному министерству, но предполагаютъ содѣйствіе другихъ.

8. Когда въ какой-либо части управленія предстанетъ нужда дать повсемѣстные торги и заключить съ частными людьми контракты на знатную сумму, превышающую полномочіе, присвоенное уставами и учрежденіями разнымъ мѣстамъ и лицамъ.

9. Когда пользы государственныя или настоятельность дѣлъ въ поставкахъ и заготовленіяхъ на знатныя суммы, въ предыдущей статьѣ означенныя, требовать будутъ сократить торги или сроки вызововъ, сдѣлать временную перемѣну или какое-либо ограниченіе въ общемъ ихъ обрядѣ, или же въ существующихъ уже подрядахъ учинить лучшій распорядокъ въ движеніи ихъ и срокахъ, или, наконецъ, по неявкѣ желающихъ и по другимъ уважительнымъ обстоятельствамъ, представится нужнымъ замѣнить подрядъ учрежденіемъ коммиссіи или коммиссію превратить въ подрядъ.

10. Когда по подрядамъ, поставкамъ, коммиссіямъ и вообще по обязательствамъ частныхъ людей съ Правительствомъ возникнутъ недоразумѣнія, споры, неисполненія и взысканія, и когда въ случаяхъ сихъ мѣста и лица, Правительствующему Сенату подчиненныя, найдутся въ затрудненіи рѣшить дѣло силою закона по неясности контрактовъ или по другимъ уважительнымъ причинамъ, или когда на рѣшенія ихъ принесены будутъ въ Правительствующій Сенатъ жалобы.

Примѣчаніе. Само собою разумѣется, что сюда не входятъ иски на казну по имуществамъ движимымъ и недвижимымъ, по контрактамъ и обязательствамъ, судебнымъ порядкомъ (формою суда) производимые. Иски сего рода, по апелляціямъ ихъ, восходятъ въ Судебный Сенатъ и рѣшатся въономъ установленнымъ порядкомъ.

§ 3.

Сверхъ сихъ дѣлъ и другихъ сему подобныхъ, отъ всѣхъ министерствъ въ Правительствующій Сенатъ представляемыхъ, особенному его дѣйствію принадлежатъ слѣдующіе предметы:

I. Обнародованіе законовъ.

§ 4.

Всѣ законы, уставы, учрежденія и указы, къ порядку управленія принадлежащіе, для обнародованія ихъ вносятся въ Правительствующій Сенатъ и отъ онаго

доставляются для исполненія къ тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, къ коимъ сіе принадлежитъ. Въ нужныхъ случаяхъ Правительствующій Сенатъ чинитъ распорядокъ, установляетъ въ подробности мѣры исполненія ихъ, надзираетъ за точностію онаго и разрѣшаетъ силою законовъ встрѣчающіяся въ томъ затрудненія или недоумѣнія.

§ 5.

Всѣ указы, на имя частныхъ начальствъ или лицъ управляющихъ издаваемые, исключая дѣла, подлежащія тайнѣ, вносятся въ Правительствующій Сенатъ для свѣдѣнія и общаго соображенія.

§ 6.

Поелику храненіе Государственной печати принадлежитъ Правительствующему Сенату, то и приложеніе оной къ государственнымъ постановленіямъ, граматамъ, дипломамъ и трактатамъ, по установленному порядку, совершается въ Правительствующемъ Сенатѣ.

II. Охраненіе и удостовѣреніе правъ и преимуществъ, присвоенныхъ разнымъ состояніямъ.

§ 7.

Сюда принадлежатъ:

1. Разсмотрѣніе дѣлъ о доказательствѣ правъ на дворянское состояніе.
2. Таковое же разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ о переходѣ въ среднее состояніе.
3. Разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ въ нарушеніи правъ дворянскихъ и средняго состоянія людей при выборахъ и вообще охраненіе порядка выборовъ.
4. Составъ и продолженіе родословной книги дворянскихъ родовъ.
5. Составъ и продолженіе книги родовъ именитыхъ средняго состоянія.
6. Составъ и отправленіе всякаго рода граматъ, дипломовъ и патентовъ, къ внутреннему гражданскому управленію принадлежащихъ.
7. Дѣла по перечисленію въ подданство имперіи и распорядокъ принятія на оное присяги.

III. Составъ и управленіе разныхъ исполнительныхъ мѣстъ и должностей.

§ 8.

Сюда принадлежатъ:

1. Опредѣленія и увольненія отъ службы чиновниковъ, коихъ утвержденіе по существующимъ узаконеніямъ принадлежитъ Правительствующему Сенату.
2. Производство въ гражданскіе чины до 6-го класса, по силѣ существующихъ законовъ.

3. Отрѣшеніе отъ мѣстъ и преданіе суду чиновниковъ, опредѣляемыхъ Правительствующимъ Сенатомъ.

4. Общій надзоръ за дѣйствіемъ разныхъ мѣстъ управленія, происходящія отъ сего мѣры взысканія, понужденія и поощренія, закономъ установленныя, и разрѣшеніе возникающихъ между мѣстами управленія и суда споровъ и пререканій власти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБРАЗЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЕНАТѢ.

§ 9.

Для производства дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ полагаются статсъ-секретари, ихъ помощники и канцелярія.

§ 10.

Для общей связи дѣлъ, надзоръ за производствомъ ихъ поручается одному изъ министровъ по Высочайшему назначенію.

§ 11.

Назначеніе сіе возобновляется ежегодно.

§ 12.

Образъ производства дѣлъ заключаетъ въ себѣ: 1) порядокъ вступленія ихъ, 2) движеніе или собственно такъ называемое производство и 3) отправленіе дѣлъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПОРЯДОКЪ ВСТУПЛЕНІЯ ДѢЛЪ.

§ 13.

Дѣла въ Правительствующій Сенатъ вступаютъ:

1. Въ видѣ именныхъ Высочайшихъ манифестовъ, указовъ и Высочайшихъ повелѣній.

2. Въ видѣ представленій отъ министровъ.

3. Въ видѣ представленій отъ герольдіи по особеннымъ предметамъ, къ производству ея принадлежащимъ.

4. По прошеніямъ частныхъ людей, содержащимъ жалобы ихъ на мѣста и лица, Правительствующему Сенату подчиненныя, по разнымъ предметамъ управленія.

§ 14.

Мѣста и лица, министерствамъ подчиненныя, относятся къ Правительствующему Сенату непосредственно въ тѣхъ только дѣлахъ и случаяхъ, кои не принадлежатъ

особенно ни къ какому министерству, или въ коихъ, по общему министерствъ учреждению, именно право сіе имъ предоставлено; во всѣхъ же другихъ они вносятъ представленія къ начальствамъ ихъ, по установленному порядку.

§ 15.

Всѣ вообще бумаги, въ Правительствующій Сенатъ входящія, надписываются на его имя, вступаютъ къ министру, управляющему письмоводствомъ, распредѣляются по своимъ отдѣленіямъ и записываются въ журналы, по установленному порядку.

§ 16.

Для удобнѣйшаго и скорѣйшаго хода дѣлъ, представленія вступаютъ отъ министровъ въ видѣ краткихъ записокъ, по установленной для сего формѣ, и присылаются въ двухъ спискахъ (экземплярахъ) каждый за подписаніемъ министровъ.

§ 17.

Есть ли предметъ представленія, по обширности его, требуетъ подробнаго объясненія, то къ краткой запискѣ прилагается другая, объясняющая дѣло со всѣми существенными его обстоятельствами.

§ 18.

Всякое представленіе о предметѣ, подлежащемъ къ разрѣшенію Правительствующаго Сената, должно содержать въ себѣ мнѣніе министра представляющаго.

§ 19.

Министръ, управляющій письмоводствомъ, наблюдаетъ, чтобъ представленія имѣли опредѣленную форму. Въ случаѣ отступленія, онъ сносится предварительно съ министромъ, отъ коего вошло представленіе, и не можетъ предложить онаго Правительствующему Сенату, доколѣ не будетъ исправлено.

§ 20.

Къ представленіямъ, входящимъ отъ герольдіи объ опредѣленіяхъ, увольненіяхъ и производствахъ въ чины, всегда прилагаются и читаются послужные списки лицъ представляемыхъ, за скрѣпою герольдмейстера.

§ 21.

Прошенія отъ частныхъ лицъ представляются по формѣ, вообще установленной, но не предлагаются Правительствующему Сенату иначе, какъ по собраніи всѣхъ свѣдѣній, по содержанію ихъ нужныхъ, посредствомъ сношеній тѣхъ статсъ-секретарей, къ коимъ принадлежитъ дѣло.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ.

§ 22.

Всѣ представленія, въ Правительствующій Сенатъ входящія, предлагаются въ подлинникѣ. Бумаги къ свѣдѣнію докладываются кратко, по одной надписи ихъ содержанія.

§ 23.

Докладъ чинится статсъ-секретаремъ или его помощникомъ, по принадлежности.

§ 24.

Дѣла предлагаются не по очереди ихъ вступленія, но по степени ихъ настоятельности и важности.

§ 25.

Степень настоятельности опредѣляетъ председатель Правительствующаго Сената по списку, который предъ каждымъ засѣданіемъ предъявляетъ министръ, управляющій письмоводствомъ.

§ 26.

При назначеніи дѣлъ къ слушанію наблюдается:

1. Чтобъ Правительствующій Сенатъ не былъ затрудняемъ дѣлами, къ рѣшенію его не принадлежащими, зависящими отъ собственнаго распорядка министровъ или же не приведенными въ надлежащую ясность справками и нужными свѣдѣніями.

2. Чтобъ не были вносимы предметы, принадлежащіе къ части законодательной и слѣдующіе къ уваженію Государственнаго Совѣта.

3. Чтобъ не были вносимы дѣла, къ судебному порядку принадлежащія.

4. Чтобъ въ собраніяхъ Правительствующаго Сената для исполнительныхъ дѣлъ не были предлагаемы предметы, требующіе особеннаго Высочайшаго рѣшенія.

§ 27.

Всѣ таковыя представленія возвращаются чрезъ министра, управляющаго письмоводствомъ, не бывъ докладываемы Правительствующему Сенату.

§ 28.

По выслушаніи дѣла, председатель предлагаетъ вопросы, къ разрѣшенію или уваженію предлежащіе.

§ 29.

Министръ, представляющій дѣло, первый открываетъ разсужденіе. По немъ слѣдуютъ другіе члены.

§ 30.

Разсужденія всегда обращаются къ лицу предсѣдателя.

§ 31.

Разсужденія одного не прерываются другими.

§ 32.

Предсѣдатель охраняетъ порядокъ разсужденій, единство и силу вопроса, и, въ случаѣ отступленія, прекращаетъ разсужденія.

§ 33.

Въ разномысліи, голоса собираются по порядку, начиная съ младшихъ.

§ 34.

При равенствѣ голосовъ мнѣніе предсѣдателя имѣетъ перевѣсъ.

§ 35.

Предсѣдатель объявляетъ мнѣніе, большинствомъ голосовъ принятое.

§ 36.

Какъ скоро мнѣніе, большинствомъ голосовъ принятое, объявлено, всѣ разсужденія пресѣкаются, и дѣло считается окончательно рѣшеннымъ. Одно сіе мнѣніе составляетъ существо рѣшенія и приводится въ исполненіе.

§ 37.

Отсутствіе министра не прерываетъ теченія и рѣшенія дѣлъ, по части его предлагаемыхъ.

§ 38.

Въ отсутствіи министра и товарища его, можетъ быть, по усмотрѣнію предсѣдателя, приглашенъ директоръ департамента для объясненія дѣла, есть ли существо его и сложность обстоятельствъ того требуетъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ПОРЯДОКЪ ИСПОЛНЕНІЯ.

§ 39.

Въ самомъ присутствіи Правительствующаго Сената, по мѣрѣ предложенія дѣлъ, держится журналъ его рѣшеній.

§ 40.

Въ журналъ сей вносится кратко содержаніе всѣхъ бумагъ, къ слушанію предлагаемыхъ, и на каждую изъ нихъ отмѣчается назначенное по ней исполненіе и рѣшеніе.

§ 41.

При каждомъ рѣшеніи означается именно, какому министерству принадлежитъ исполненіе, или же Правительствующій Сенатъ предоставляетъ оное своей канцеляріи или герольдіи въ особенности.

§ 42.

Правительствующій Сенатъ предоставляетъ исполненіе симъ двумъ установленіямъ, по слѣдующимъ единственно предметамъ:

1. По обнародованію указовъ и общихъ постановленій.

2. По дѣламъ, не принадлежащимъ въ особенности ни къ одному министерству и выше сего подробно означеннымъ.

§ 43.

Во всѣхъ другихъ рѣшеніяхъ исполненіе предоставляется тому министру, къ коему принадлежитъ дѣло.

§ 44.

Когда въ существѣ дѣла встрѣтятся обстоятельства, изъ коихъ часть можетъ быть разрѣшена непосредственно Правительствующимъ Сенатомъ, а другая будетъ требовать Высочайшаго разрѣшенія, тогда Правительствующій Сенатъ, учредивъ мѣры, отъ него зависящія, предоставляетъ министру о другихъ внести докладъ на Высочайшее усмотрѣніе порядкомъ, для сего установленнымъ.

§ 45.

Есть ли рѣшеніе, по пространству предметовъ, въ него входящихъ, не можетъ быть означено подробно въ журналѣ при самомъ сужденіи дѣла, то на первый разъ изъясняется только вкратцѣ существо онаго. Министръ, управляющій письмоводствомъ, представитъ въ слѣдующее собраніе подробную журнальную записку, которая, по разсмотрѣніи и утвержденіи ея, и внесется въ журналъ того засѣданія, въ коемъ она будетъ слушана.

§ 46.

Въ случаяхъ особенной настоятельности, журнальная записка составляется и предлагается въ то же самое засѣданіе.

§ 47.

По окончаніи всѣхъ предметовъ засѣданія, читается журналъ дѣлъ и рѣшеній, въ теченіе онаго послѣдовавшихъ, и подписывается въ томъ же самомъ засѣданіи

предсѣдателемъ, министромъ, управляющимъ письмоводствомъ и статсъ-секретарями. Симъ закрывается собраніе.

§ 48.

Журналъ, такимъ образомъ составленный, прочитанный и подписанный, служитъ единственнымъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ исполненій, а именно:

1. Для исполненія по именнымъ Высочайшимъ указамъ, слѣдующимъ къ обнародованію, доставляется за скрѣпою статсъ-секретаря изъ журнала выписка въ то отдѣленіе канцеляріи, къ коему дѣла сего рода принадлежатъ.

2. Для исполненія по представленіямъ министровъ выписка изъ журнала означается на обоихъ экземплярахъ записокъ, отъ нихъ внесенныхъ. Одинъ изъ сихъ экземпляровъ отсылается къ министру, другой въ свое отдѣленіе, оба за скрѣпою статсъ-секретаря той части, къ коей принадлежитъ дѣло.

3. По дѣламъ герольдіи, такъ какъ и вообще по всѣмъ дѣламъ, отъ Правительствующаго Сената непосредственно зависящимъ, выписка изъ журнала означается также на самомъ представленіи, скрѣпляется и отсылается для дальнѣйшаго исполненія по принадлежности въ свое отдѣленіе.

4. По прошеніямъ частныхъ людей, содержащимъ жалобы ихъ на начальства, Правительствующему Сенату подчиненныя, выписка изъ журнала означается на самомъ прошеніи въ концѣ его или прилагается къ оному за скрѣпою и передается для дальнѣйшаго исполненія въ свое отдѣленіе.

§ 49.

Всѣ сіи отправленія и сообщенія выписокъ чинятся въ самый день засѣданія или, по крайней мѣрѣ, на другой день, что и возлагается на отвѣтственность статсъ-секретарей и на точное наблюденіе министра, управляющаго письмоводствомъ.

§ 50.

Когда исполненіе по рѣшенію предоставлено непосредственно канцеляріи Правительствующаго Сената или герольдіи, тогда по точному содержанію выписки изъ журнала составляется указъ въ своемъ отдѣленіи или въ герольдіи, свѣряется статсъ-секретаремъ или герольдмейстеромъ, разсматривается министромъ, управляющимъ письмоводствомъ, предается въ потребныхъ случаяхъ тисненію и отправляется по принадлежности.

§ 51.

Когда исполненіе предоставляется министерству, тогда въ предписаніяхъ, отъ него исходящихъ, изображается:

1. Содержаніе дѣла, представленнаго Правительствующему Сенату.

2. Рѣшеніе Сената точно тѣми словами, какъ оно въ выпискѣ журнала означено.

3. Къ сему присоединяются, по усмотрѣнію министра, подробныя мѣры исполненія, какія признаетъ онъ нужными. Мѣры сіи остаются совершенно на его отвѣтственности.

§ 52.

Всѣ прочія подробности производства дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ учреждаются по ближайшему соображенію министра, управляющаго письмоводствомъ, съ утвержденіемъ предсѣдателя, сообразно правиламъ вышеизложеннымъ и примѣняясь къ порядку, доселѣ существовавшему, безъ всякой однакоже отмѣны настоящихъ положеній и особливо безъ расширенія письмоводства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Образованіе Правительствующаго Сената въ порядкѣ особенныхъ дѣлъ исполнительныхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРЕДМЕТЫ ОСОБЕННЫХЪ СОБРАНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

§ 53.

Въ особенныхъ собраніяхъ Правительствующаго Сената предлагаются дѣла исполнительныя, требующія Высочайшаго разрѣшенія.

§ 54.

Къ дѣламъ сего рода принадлежатъ всѣ предметы управленія, предполагающіе новый распорядокъ или дополненіе правилъ, ограниченіе, распространеніе или отмѣну мѣръ, прежде правительствомъ принятыхъ и Высочайше утвержденныхъ.

§ 55.

Къ сему же роду дѣлъ въ особенности принадлежатъ:

1. Опредѣленіе и увольненіе отъ службы тѣхъ чиновниковъ, кои зависятъ отъ непосредственнаго Высочайшаго утвержденія.

2. Производство въ гражданскіе чины, начиная отъ 6-го класса.

3. Награда орденами и пенсіонами.

4. Отрѣшеніе отъ мѣстъ и преданіе суду чиновниковъ, опредѣляемыхъ Высочайшими повелѣніями.

5. Граматы, дипломы, патенты на чины и дворянскія достоинства.

6. Дѣла о сопричтеніи къ сословію дворянства по доказательствамъ, въ своемъ мѣстѣ представленнымъ и разсмотрѣннымъ въ Правительствующемъ Сенатѣ.

7. Случаи, подлежащіе Высочайшему разрѣшенію въ порядкѣ дворянскихъ и купеческихъ выборовъ и по охраненію правъ, сословіямъ симъ присвоенныхъ.

8. По дѣламъ Государственнаго Казначейства, сравнительное положеніе кредитовъ и предварительная смѣта суммъ, кои въ теченіе каждаго мѣсяца министры, по расписанію ихъ, потребовать могутъ.

§ 56.

Дѣла, тайнѣ подлежащія и чрезвычайныя, хотя и принадлежатъ къ общему составу управленія, но образъ доклада и порядокъ рѣшенія ихъ установляется на особенныхъ правилахъ и составляетъ предметъ особеннаго учрежденія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ ВЪ ОСОБЕННЫХЪ СОБРАНІЯХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

§ 57.

Порядокъ производства дѣлъ въ особенныхъ собраніяхъ Правительствующаго Сената учреждается въ двухъ различныхъ видахъ: 1) въ присутствіи Его Императорскаго Величества, и 2) въ отсутствіи.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

I. Порядокъ вступленія дѣлъ.

§ 58.

Дѣла въ особенное собраніе Правительствующаго Сената вступаютъ по представленіямъ министровъ или вносятся по непосредственнымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

§ 59.

Всѣ вообще дѣла, въ особенныя собранія Правительствующаго Сената вносимыя, доставляются къ министру, управляющему письмоводствомъ.

§ 60.

Для удобнѣйшаго и скорѣйшаго хода дѣлъ всѣ представленія вступаютъ въ видѣ краткихъ записокъ по установленной для сего формѣ и присылаются къ министру, управляющему письмоводствомъ, въ двухъ экземплярахъ, каждый за подписаніемъ министра.

§ 61.

Есть ли предметъ представленія по обширности его требуетъ подробнаго объясненія, то къ краткой запискѣ прилагается другая, представляющая дѣло со всѣми существенными его обстоятельствами.

§ 62.

Есть ли предметъ, по важности его и многосложности обстоятельствъ, требуетъ пространнаго изложенія, тогда представленія излагаются въ докладѣ по особенной формѣ, для сего установленной.

§ 63.

Всякое представленіе о предметѣ, подлежащемъ къ разсужденію, должно содержать въ себѣ мнѣніе министра представляющаго.

§ 64.

Есть ли дѣло по существу своему требуетъ подробнаго постановленія и указа, то къ мнѣнію прилагается предварительно и проектъ онаго.

§ 65.

Министръ, управляющій письмоводствомъ, наблюдаетъ, чтобъ представленіе имѣло опредѣленную форму. Въ случаѣ отступленія, онъ сносится предварительно съ министромъ, отъ коего вошло представленіе, и не можетъ предложить онаго, доколѣ не будетъ исправлено.

§ 66.

Вообще при представленіяхъ наблюдается:

1. Чтобъ не были предлагаемы въ нихъ дѣла, не приведенныя въ надлежащую ясность и не пополненныя всѣми нужными къ рѣшенію ихъ свѣдѣніями.

2. Чтобъ не были предлагаемы дѣла, по свойству ихъ принадлежащія къ Государственному Совѣту, къ Судебному Сенату, къ общимъ дѣламъ исполнительнымъ Правительствующаго Сената или же зависящія отъ собственнаго распорядка министровъ.

§ 67.

При представленіяхъ объ опредѣленіи, увольненіи и производствѣ въ чины прилагаются послужные списки, истребованные или свѣренные въ герольдіи, безъ чего представленія сіи не предлагаются.

II. Порядокъ производства дѣлъ.

§ 68.

Всѣ представленія предлагаются въ подлинникѣ. Предметы, подлежащіе къ свѣдѣнію, докладываются кратко по одной надписи ихъ содержанія или по перечневымъ ихъ табелямъ.

§ 69.

Докладъ производится однимъ изъ статсъ-секретарей по принадлежности.

§ 70.

Дѣла къ докладу назначаются председателемъ по степени ихъ настоятельности и важности.

§ 71.

По прочтеніи дѣла министръ представляющій присовокупляетъ къ оному словесныя изъясненія, когда признаетъ то нужнымъ.

§ 72.

Послѣ сего доклада каждый членъ можетъ предлагать свои примѣчанія.

§ 73.

Рѣчь всегда обращается къ председателю.

§ 74.

По выслушаніи мнѣній и примѣчаній, изъявленіе Высочайшей воли рѣшитъ дѣло окончательно.

III. Порядокъ исполненія.

§ 75.

Въ самомъ собраніи Правительствующаго Сената, по мѣрѣ предложенія дѣлъ, держится журналъ ихъ рѣшеній.

§ 76.

Въ журналъ сей вносится кратко содержаніе всѣхъ дѣлъ предлагаемыхъ и на каждое изъ нихъ означается послѣдовавшее Высочайшее рѣшеніе.

§ 77.

Есть ли рѣшеніе, по пространству его, не можетъ быть означено подробно въ журналѣ, то на первый разъ излагается только кратко существо его, а въ слѣдующее засѣданіе министръ, управляющій письмоводствомъ, представляетъ подробную записку, которая и вносится въ журналъ того дня.

§ 78.

По окончаніи всѣхъ предметовъ засѣданія, читается журналъ его и утверждается подписаніемъ государственнаго канцлера, а въ отсутствіи его однимъ изъ старшихъ министровъ, и сверхъ того подписывается министромъ, управляющимъ письмоводствомъ, и скрѣпляется статсъ-секретарями.

Симъ закрывается собраніе.

§ 79.

Журналъ, такимъ образомъ составленный, прочитанный и подписанный, служитъ единственнымъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ исполненій.

§ 80.

Первая степень исполненія состоитъ въ томъ, что рѣшеніе, въ журналѣ записанное, означается со всею точностію на самомъ представленіи, коего одинъ экземпляръ за скрѣпою статсъ-секретаря отсылается тогда же къ министру, а другой оставляется въ канцеляріи Правительствующаго Сената.

§ 81.

Вторая степень исполненія есть составленіе указовъ и предписаній. Тѣ и другія имѣютъ слѣдующія главныя правила.

I. О составленіи и формѣ указовъ.

§ 82.

Всѣ вообще указы по дѣламъ, рѣшеннымъ въ особенныхъ собраніяхъ Правительствующаго Сената, окончательно составляются въ канцеляріи его.

§ 83.

Указы сіи раздѣляются на три рода: 1) указы Правительствующему Сенату; 2) указы на имя министровъ и другихъ лицъ, и 3) указы объявляемые. Всѣ указы сіи имѣютъ опредѣленную форму.

§ 84.

Высочайшія рѣшенія изъявляются указами Правительствующему Сенату за Высочайшимъ подписаніемъ: 1) объ опредѣленіи, увольненіи и отрѣшеніи чиновниковъ, зависящихъ отъ Высочайшаго утвержденія, о производствѣ въ высшіе чины, о сопричтеніи къ дворянству, о назначеніи пенсій и другихъ доходовъ; 2) о мѣрахъ правительства, коими отмѣняются, ограничиваются или дополняются прежнія положенія, Высочайшими подписными указами ко всеобщему извѣстію и исполненію изданныя; 3) о всѣхъ дѣлахъ, по важности ихъ и по связи съ общественнымъ порядкомъ, для повсемѣстнаго свѣдѣнія и исполненія нужныхъ.

§ 85.

Но когда предметъ рѣшенія принадлежитъ не ко всѣмъ частямъ управленія, а къ нѣкоторымъ изъ нихъ въ особенности, и когда къ исполненію его надлежитъ только уполномочить одно или нѣкоторыя министерства или лица, тогда Высочайшія рѣшенія изъявляются указами на имя тѣхъ лицъ, къ коимъ принадлежитъ дѣло.

Примѣчаніе. Къ сему же роду указовъ принадлежатъ грамоты и указы о пожалованіи орденовъ; они имѣютъ свою особенную форму.

§ 86.

Всѣ прочія рѣшенія, кои по существу своему не принадлежатъ къ предметамъ, учреждаемымъ именными указами за Высочайшимъ подписаніемъ, приводятся въ дѣйствіе Высочайшими указами объявляемыми.

§ 87.

Объявляемые указы издаются въ Правительствующемъ Сенатѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ Высочайшія рѣшенія принадлежатъ къ общему свѣдѣнію и исполненію.

§ 88.

Указы сіи составляются выпискою изъ самаго журнала, за подписаніемъ министра, управляющаго письмоводствомъ.

§ 89.

Указы, слѣдующіе къ Высочайшему подписанію, представляются въ самомъ собраніи Правительствующаго Сената министромъ, управляющимъ письмоводствомъ. Они записываются, по утвержденіи ихъ, въ журналъ того засѣданія и отправляются по принадлежности.

§ 90.

По настоятельности дѣлъ, указы представляются министромъ, управляющимъ письмоводствомъ, къ Высочайшему утвержденію и внѣ собраній; но при первомъ засѣданіи они предъявляются въ ономъ для свѣдѣнія.

§ 91.

Всѣ вообще указы, исходящіе въ собраніи Правительствующаго Сената за Высочайшимъ подписаніемъ, скрѣпляются (контрасигнируются) тѣми министрами, къ коимъ принадлежатъ ихъ предметы.

§ 92.

Указы, исходящіе по дѣламъ государственнымъ общимъ, скрѣпляются государственнымъ канцлеромъ и отсылаются въ свои мѣста по принадлежности.

II. О составленіи и формѣ предписаній.

§ 93.

Когда Высочайшее рѣшеніе, принадлежа къ исполненію одного какого-либо лица или мѣста, не относится къ общему свѣдѣнію и не предполагаетъ само по себѣ ни отмѣны, ни дополненія въ существующихъ узаконеніяхъ, но служитъ имъ въ поясненіе или подтвержденіе, тогда оно объявляется, кому слѣдуетъ, предписаніемъ.

§ 94.

Предписанія, съ объявленіемъ Высочайшихъ рѣшеній, чинятся отъ министровъ по принадлежности каждаго.

§ 95.

По дѣламъ, въ собраніи Правительствующаго Сената рѣшеннымъ, министры уполномочиваются къ таковымъ предписаніямъ выписками изъ журнала, кои означаются на самыхъ представленіяхъ съ изъясненіемъ, что исполненіе рѣшеній имъ предоставляется.

§ 96.

Въ предписаніяхъ министровъ, по дѣламъ, рѣшеннымъ въ собраніи Правительствующаго Сената, означается:

1. Содержаніе представленія.

2. Высочайшее рѣшеніе точными словами, въ выпискѣ журнала изображенными.

3. Къ сему, по ближайшему усмотрѣнію министра, присовокупляются отъ имени его подробныя мѣры и распоряженія, какія къ исполненію рѣшенія или къ поясненію признаетъ онъ нужными. Мѣры сіи и изъясненія предоставляются усмотрѣнію его и отвѣтственности.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ ВЪ ОСОБЕННЫХЪ СОБРАНІЯХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВО ВРЕМЯ ОТСУТСТВІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

I. Предметы собраній.

§ 97.

Предметы особенныхъ собраній, во время отсутствія Его Императорскаго Величества, суть тѣ же самые, какъ и въ присутствіи.

§ 98.

Въ случаѣ долговременнаго отсутствія его Императорскаго Величества предметы особенныхъ Правительствующаго Сената собраній и предѣлы власти его опредѣляются особеннымъ наказомъ, который вручается каждый разъ предсѣдателю Правительствующаго Сената и предъявляется имъ для общаго всѣхъ министровъ исполненія.

II. Составъ собраній.

§ 99.

Въ дѣлахъ обыкновенныхъ составъ особенныхъ собраній Правительствующаго Сената остается непремѣннымъ.

§ 100.

Но когда, по силѣ особеннаго наказа, дѣйствующаго во время долговременнаго Высочайшаго отсутствія, предстанутъ дѣла высшей важности, тогда председатель Правительствующаго Сената назначаетъ чрезвычайное собраніе.

§ 101.

Въ чрезвычайномъ собраніи, сверхъ членовъ Правительствующаго Сената, присутствуютъ всѣ предсѣдатели Государственнаго Совѣта.

III. Порядокъ вступленія дѣлъ.

§ 102.

Вступленіе дѣлъ, во время отсутствія Его Императорскаго Величества, производится по правиламъ, вообще для сего установленнымъ.

IV. Порядокъ производства дѣлъ.

§ 103.

При сохраненіи общаго порядка въ производствѣ дѣлъ, выше сего установленнаго, во время отсутствія Его Императорскаго Величества наблюдаются слѣдующія особенныя правила.

§ 104.

По прочтеніи дѣла и по выслушаніи словесныхъ изъясненій министра представляющаго, есть ли окажутся разныя мнѣнія, то предсѣдатель Правительствующаго Сената прежде всего старается привести ихъ къ единству, а потомъ предлагаетъ существенные вопросы къ разрѣшенію.

§ 105.

Въ случаѣ разномыслія, голоса собираются, начиная съ младшихъ.

§ 106.

При равенствѣ мнѣній, голосъ предсѣдателя имѣетъ перевѣсъ.

§ 107.

Мнѣніе, большинствомъ голосовъ принятое, вносится одно въ журналъ. Причемъ въ журналѣ означаются имена членовъ, съ онымъ несогласныхъ.

§ 108.

Члены несогласные, въ теченіе двухъ дней, могутъ представить предсѣдателю особенныя свои мнѣнія, кои прилагаются къ журналу: по истеченіи сего срока отзывы ихъ уже не пріемлются.

V. Порядокъ исполненія.

§ 109.

Журналъ особенныхъ собраній Правительствующаго Сената, въ отсутствіе Его Императорскаго Величества, составляется и подписывается тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ присутствіи.

§ 110.

Къ журналу прилагаются подлинныя представленія министровъ, такъ, какъ и мнѣнія членовъ, съ общимъ положеніемъ несогласныхъ, и все вмѣстѣ препровождается на Высочайшее усмотрѣніе.

§ 111.

Есть ли по содержанію журнала предполагаются указы къ Высочайшему подписанію, то проекты ихъ, для ускоренія времени, прилагаются къ тому же отправленію.

§ 112.

Высочайшія рѣшенія, кои на журналъ сей послѣдуютъ, по полученіи ихъ предъявляются Правительствующему Сенату, означаются на самыхъ представленіяхъ, скрѣпляются и приводятся въ исполненіе порядкомъ, выше сего установленнымъ.

§ 113.

Сей порядокъ исполненія наблюдается въ обыкновенныхъ дѣлахъ управленія.

§ 114.

Но когда предстанутъ дѣла высшей важности, въ особенномъ наказѣ опредѣленныя, и когда по свойству сихъ составляется въ Правительствующемъ Сенатѣ для рѣшенія ихъ чрезвычайное собраніе, тогда образъ исполненія располагается на слѣдующихъ главныхъ правилахъ.

§ 115.

Въ чрезвычайныхъ собраніяхъ дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

§ 116.

По объявленіи рѣшенія, предсѣдатель Правительствующаго Сената предлагаетъ вопросъ о настоятельности исполненія.

§ 117.

Есть ли большинствомъ голосовъ исполненіе признано будетъ настоятельнымъ и нетерпящимъ того разстоянія времени, какое потребно бы было для испрошенія Высочайшаго утвержденія, то Правительствующій Сенатъ обязуется привести принятое имъ рѣшеніе въ полную его силу и дѣйствіе.

§ 118.

Для сего составляется особенный журналъ, въ коемъ:

1. Излагаются обстоятельства во всей ихъ ясности.
2. Изображаются причины, уваженныя Правительствующимъ Сенатомъ.
3. Излагается рѣшеніе и образъ его исполненія.

§ 119.

Журналъ сей подписывается всѣми членами въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ препровождается къ Его Императорскому Величеству съ обыкновеннымъ нарочнымъ чиновникомъ, есть ли для лучшаго объясненія обстоятельствъ признано будетъ сіе нужнымъ, а по другому списку журнала производится исполненіе или въ Правительствующемъ Сенатѣ, есть ли мѣра пріемлемая принадлежитъ къ общему свѣдѣнію и исполненію, или въ министерствѣ, есть ли исполненіе особенно до какихъ-либо частей принадлежать будетъ.

§ 120.

По журналамъ симъ въ Правительствующемъ Сенатѣ и въ министерствѣ чинится точное и немедленное исполненіе, и посылаются отъ Сената куда слѣдуетъ указы, а отъ министерствъ предписанія по особенной формѣ.

§ 121.

Указы сіи и предписанія во всѣхъ мѣстахъ исполняются точно такъ же, какъ указы, изданные за Высочайшимъ подписаніемъ.

§ 122.

Есть ли дѣло, составляющее предметъ чрезвычайнаго собранія Правительствующаго Сената, по существу своему принадлежитъ къ Государственному Совѣту, тогда, по сношенію председателей, учреждается для сего чрезвычайное общее собраніе Государственнаго Совѣта на точномъ основаніи его учрежденій (§ 29), и мнѣніе, въ Совѣтѣ принятое и председателемъ его подписанное, передастся въ Правительствующій Сенатъ и приводится въ надлежащую силу и дѣйствіе.

§ 123.

Въ сихъ случаяхъ въ журналѣ Правительствующаго Сената, такъ, какъ и въ указахъ его и въ предписаніяхъ министровъ, именно означается изъявленное Государственнымъ Совѣтомъ мнѣніе.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Положенія общія.

§ 124.

Часть сія содержитъ въ себѣ положенія, принадлежащія къ образованію Правительствующаго Сената вообще, какъ въ обыкновенныхъ его собраніяхъ, такъ и въ особенныхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПОРЯДОКЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯ И ОБРЯДЫ ПРИСУТСТВІЯ ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЕНАТѢ.

§ 125.

Государственный канцлеръ, въ отсутствіи Его Императорскаго Величества, вступаетъ въ званіе предсѣдателя Правительствующаго Сената вмѣстѣ съ опредѣленіемъ его въ званіе канцлера.

§ 126.

Государственные министры, главные начальники разныхъ частей управленія и товарищи министровъ вступаютъ въ присутствіе Правительствующаго Сената вмѣстѣ съ опредѣленіемъ ихъ въ сіи званія.

§ 127.

Государственный канцлеръ и всѣ члены Правительствующаго Сената опредѣляются въ званія ихъ именными указами за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ.

§ 128.

По опредѣленіи государственный канцлеръ даетъ присягу въ присутствіи Его Императорскаго Величества, прочіе члены въ присутствія Правительствующаго Сената.

§ 129.

Всѣ члены Правительствующаго Сената, по увольненіи ихъ отъ званій, ими носимыхъ, увольняются тѣмъ самымъ и отъ присутствія въ Правительствующемъ Сенатѣ.

§ 130.

Члены Правительствующаго Сената засѣдаютъ въономъ по старшинству ихъ чиновъ.

§ 131.

Дни присутствія въ Правительствующемъ Сенатѣ учреждаются особеннымъ расписаніемъ.

§ 132.

Сверхъ обыкновенныхъ дней присутствія, собранія Правительствующаго Сената составляются, по востребованію дѣлъ, особеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ или назначеніемъ государственнаго канцлера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

§ 133.

Власть, ввѣряемая Правительствующему Сенату, принадлежитъ единственно къ порядку управленія. Никакой новый законъ, уставъ и учрежденіе не могутъ быть изданы Правительствующимъ Сенатомъ, не бывъ разсмотрѣны и утверждены въ порядкѣ, для законодательной части установленномъ.

§ 134.

Правительствующій Сенатъ, дѣйствуя ввѣренною ему властію, можетъ понуждать всѣ подчиненныя ему мѣста и лица къ исполненію законовъ и учрежденій.

§ 135.

Послѣдствія, отъ сей власти происходящія, суть:

1) Опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ по тѣмъ мѣстамъ и должностямъ, коихъ утвержденіе присвоено непосредственно Правительствующему Сенату, по надлежащемъ представленіи и по правиламъ, для сего установленнымъ.

2) Надзоръ надъ дѣйствіемъ всѣхъ подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, взысканіе отъ нихъ отвѣтовъ въ случаѣ бездѣйствія или неправильнаго исполненія, удаленіе отъ должностей и преданіе суду тѣхъ чиновниковъ, кои опредѣляются Правительствующимъ Сенатомъ.

3) Разрѣшеніе силою законовъ или представленіемъ на Высочайшее усмотрѣніе разныхъ затрудненій, встрѣчающихся при исполненіи, когда превышаютъ они власть каждаго министерства въ особенности.

4) Производство въ чины до 6 класса.

§ 136.

Власть Правительствующаго Сената въ чрезвычайныхъ случаяхъ учреждается силою особеннаго наказа на правилахъ, выше, въ §§ 114—123, установленныхъ.

§ 137.

Правительствующій Сенатъ, охраняя предѣлы ввѣренной ему власти, не входитъ въ разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ, другимъ государственнымъ установленіямъ принадлежащихъ, въ особенности наблюдая, чтобъ дѣла, къ Судебному Сенату принадлежащія, не были сливаемы съ предметами управленія.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

ПОРЯДОКЪ СНОШЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА СЪ ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ УСТАНОВЛЕНІЯМИ.

§ 138.

Сношенія Правительствующаго Сената съ Государственнымъ Совѣтомъ производятся посредствомъ переписки министра, управляющаго письмоводствомъ, съ государственною канцеляріею.

§ 139.

Сношенія Правительствующаго Сената съ судебнымъ Сенатомъ производятся посредствомъ министра юстиціи.

§ 140.

Сношенія Правительствующаго Сената съ Святѣйшимъ Синодомъ производятся посредствомъ главно-управляющаго духовными дѣлами.

§ 141.

Всѣ прочія мѣста и лица, къ порядку государственнаго управленія принадлежащія, подчиняются Правительствующему Сенату, получаютъ и исполняютъ его указы.

Примѣчаніе. Мѣста и управленія, на особенномъ положеніи состоящія, какъ-то: банки, кабинетъ и тому подобныя, въ порядкѣ ихъ сношеній сохраняютъ правила, доселѣ установленныя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

УСТАНОВЛЕНІЯ, ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЕНАТѢ СОСТОЯЩІЯ.

§ 142.

При Правительствующемъ Сенатѣ состоятъ слѣдующія установленія:

1. Герольдія.
2. Канцелярія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

УСТРОЙСТВО ГЕРОЛЬДІИ.

§ 143.

Въ устройствѣ герольдіи опредѣляется: 1) предметы ея, 2) составъ, 3) порядокъ производства дѣлъ.

I. Предметы герольдіи.

§ 144.

Въ герольдіи производятся:

I. Всѣ дѣла, къ храненію великой государственной печати принадлежащія. Сюда относятся:

1. Составленіе и изготовленіе грамать и дипломовъ на дворянское, княжеское, графское и баронское достоинство, на разныя привилегіи, городамъ, обществамъ и сословіямъ даруемыя; граматы на недвижимыя имущества, въ собственность пожалованныя; патенты на чины.

2. Приложеніе государственной печати какъ къ симъ, такъ и вообще ко всѣмъ государственнымъ актамъ.

II. Всѣ дѣла по охраненію и удостовѣренію правъ и преимуществъ, разнымъ состояніямъ присвоенныхъ. Сюда принадлежатъ:

1. Разсмотрѣніе дѣлъ о доказательствѣ правъ на дворянское состояніе.

2. Таковое же разсмотрѣніе дѣлъ о переходѣ въ среднее состояніе.

3. Разсмотрѣніе дѣлъ въ нарушеніи правъ дворянскаго и средняго состоянія при выборахъ на службу и вообще о порядкѣ выборовъ.

4. Составъ и продолженіе родословной книги дворянскихъ родовъ (дворянскій гербовникъ).

5. Выдача свидѣтельствъ, удостовѣряющихъ права дворянства при опредѣленіи на службу и другихъ случаяхъ.

6. Дѣла по причисленію въ подданство Россіи и принятіе на оное присяги.

7. Свѣдѣнія о всѣхъ вообще дворянахъ, въ имперіи состоящихъ, по сношеніямъ съ губернскими дворянскими собраніями.

III. Всѣ дѣла по составу и замѣщенію чиновниками разныхъ мѣстъ и должностей. Сюда принадлежатъ:

1. Дѣла по опредѣленію и увольненію чиновниковъ, коихъ утвержденіе по существующимъ законамъ принадлежитъ Правительствующему Сенату.

2. Составленіе и изданіе общаго списка состоящихъ въ службѣ чиновниковъ.

3. Собраніе послужныхъ списковъ всѣхъ чиновъ, служащихъ по губерніямъ.

4. Паспорты чиновниковъ, причисленныхъ къ герольдіи, и дѣла тому подобныя.

IV. Дѣла по производству въ гражданскіе чины. Сюда принадлежатъ:

1. Всѣ представленія о производствахъ, отъ министерствъ и разныхъ частей управленія вступающія.

2. Представленія объ удостоеніи къ ордену св. Владиміра.

V. Часть экономическая. Сюда принадлежитъ собраніе пошлинъ за приложеніе печати, за выдачу гербовъ, за изготовленіе грамать и тому подобнаго.

II. Составъ герольдіи.

§ 145.

Герольдія составляется изъ одного герольдмейстера и опредѣленнаго числа совѣтниковъ.

§ 146.

По общей связи дѣлъ сего установленія съ производствомъ чиновниковъ, въ судебномъ порядкѣ служащихъ, двое изъ совѣтниковъ опредѣляются по представленію министра юстиціи.

§ 147.

Герольдія раздѣляется на отдѣленія и столы по различію и пространству ея предметовъ.

§ 148.

Совѣтники управляютъ каждый своимъ отдѣленіемъ, а въ соединеніи ихъ составляютъ, подъ предсѣдательствомъ герольдмейстера, общее присутствіе.

§ 149.

Герольдія, какъ особенный департаментъ, установленный при Правительствующемъ Сенатѣ для дѣлъ, съ храненіемъ государственной печати сопряженныхъ, состоитъ подъ главнымъ управленіемъ государственнаго канцлера.

§ 150.

Подробное ея образованіе, на основаніи правилъ общаго министерскаго учрежденія, опредѣляется государственнымъ канцлеромъ по Высочайшему утвержденію.

III. Порядокъ производства дѣлъ въ герольдіи.

§ 151.

Слѣдующіе роды дѣлъ разсматриваются въ общемъ присутствіи герольдіи и представляются съ мнѣніемъ ея Правительствующему Сенату:

1. Дѣла о правахъ на дворянство.
2. О переходѣ въ среднее состояніе.
3. О порядкѣ дворянскихъ и купеческихъ выборовъ.
4. О причисленіи въ подданство.
5. Объ опредѣленіи и увольненіи отъ службы.
6. О производствѣ въ чины.
7. Объ удостоеніи къ ордену св. Владиміра.

§ 152.

Прочія дѣла исполнительныя производятся и рѣшатся внутреннимъ распорядкомъ герольдіи. Порядокъ производства ихъ установляется сообразно правиламъ, въ общемъ министерскомъ учрежденіи изображеннымъ. Подробное приложеніе сего порядка и нужныя изъ онаго изъятія, по роду и свойству дѣлъ, учреждаются герольдмейстеромъ по утвержденію государственнаго канцлера.

§ 153.

Дѣла, слѣдующія къ разрѣшенію Правительствующаго Сената въ обыкновенныхъ его собраніяхъ, по назначенію государственнаго канцлера, докладываются герольдмейстеромъ и по разрѣшеніи ихъ возвращаются для исполненія въ герольдію установленнымъ порядкомъ.

§ 154.

Дѣла, кои будутъ слѣдовать къ Высочайшему разрѣшенію, доставляются отъ государственнаго канцлера къ министру, управляющему письмоводствомъ и предлагаются въ особенныхъ собраніяхъ Правительствующаго Сената установленнымъ порядкомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

УСТРОЙСТВО КАНЦЕЛЯРІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

§ 155.

Въ устройствѣ канцеляріи Правительствующаго Сената опредѣляется: 1) составъ ея и раздѣленіе дѣлъ; 2) образъ производства ихъ; 3) ревизія и отчеты; 4) установленія, при канцеляріи состоящія.

I. Составъ канцеляріи.

§ 156.

Канцелярія Правительствующаго Сената дѣлится на три отдѣленія.

§ 157.

Въ первомъ отдѣленіи вѣдаются:

1. Дѣла, непосредственно принадлежащія къ дѣйствію Правительствующаго Сената и не относящіяся въ особенности ни къ одному министерству.

2) Дѣла, отъ обоихъ военныхъ министерствъ вступающія.

§ 158.

Во второмъ отдѣленіи вѣдаются дѣла:

1. Министерства иностранныхъ дѣлъ по публичнымъ сношеніямъ.
2. Министерства юстиціи по сношеніямъ судебной части съ порядкомъ управленія
3. Министерства полиціи.
4. Главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

§ 159.

Въ третьемъ отдѣленіи вѣдаются дѣла:

1. Министерства просвѣщенія.

2. Главнаго управленія путей сообщенія.

3. Министерства внутреннихъ дѣлъ.

4. Министерства финансовъ, государственнаго казначейства и государственнаго контролера.

§ 160.

Всѣ представленія отъ министровъ и главныхъ начальниковъ объ опредѣленіи и увольненіи отъ должностей, зависящихъ отъ разрѣшенія Правительствующаго Сената въ обыкновенныхъ его собраніяхъ, такъ, какъ и о производствѣ въ чины до 6 класса, поступаютъ въ Правительствующій Сенатъ чрезъ герольдію и докладываются герольдмейстеромъ.

§ 161.

Для удобности и уравнительнаго расположенія по всѣмъ министерствамъ, представленія о производствѣ въ чины, такъ, какъ и представленія къ ордену св. Владиміра, вносятся въ сроки, кои Правительствующій Сенатъ не оставитъ учредить въ первыхъ своихъ собраніяхъ.

§ 162.

Представленія объ увольненіи и опредѣленіи къ должностямъ, зависящимъ отъ Высочайшаго разрѣшенія, такъ, какъ и о производствѣ въ чины, начиная отъ 6 класса, и удостоеніи къ орденамъ вносятся въ особенныя Правительствующаго Сената собранія отъ каждаго министра установленнымъ порядкомъ. Но при представленіяхъ сихъ должны быть прилагаемы послужные списки, предварительно свѣренные въ герольдіи и подписанные герольдмейстеромъ.

Примѣчаніе 1. Дѣла, принадлежащія къ герольдіи, не входятъ въ отдѣленія, но производятся и отправляются въ оной.

Примѣчаніе 2. Уравненіе дѣлъ по отдѣленіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одно изъ нихъ, по количеству ихъ, будетъ недостаточно къ скорому ихъ отправленію, представляется усмотрѣнію министра, управляющаго письмоводствомъ.

§ 163.

Всѣ отдѣленія канцеляріи состоятъ въ главномъ управленіи министра, управляющаго письмоводствомъ.

§ 164.

Каждое отдѣленіе въ особенности управляется статсъ-секретаремъ.

§ 165.

Въ пособіе статсъ-секретарямъ полагаются ихъ помощники.

§ 166.

Число помощниковъ, такъ, какъ и число канцелярскихъ чиновъ и прочія подробности, къ составу канцеляріи принадлежащія, опредѣляются особеннымъ штатомъ, который отъ министра, управляющаго письмоводствомъ, имѣетъ быть внесенъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената и представленъ на Высочайшее утвержденіе.

II. Образъ производства дѣлъ.

§ 167.

Порядокъ производства дѣлъ въ канцеляріи Правительствующаго Сената устанавливается сообразно правиламъ, въ §§ 28—38 и 52 сего учрежденія изображеннымъ, примѣняясь въ подробностяхъ онаго къ положеніямъ, въ общемъ министерскомъ учреждении постановленнымъ.

III. Ревизія дѣлъ и отчеты.

§ 168.

Главный надзоръ за успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ въ канцеляріи возлагается на министра, управляющаго письмоводствомъ.

§ 169.

Каждый мѣсяцъ статсъ-секретари производятъ ревизію дѣлъ, рѣшенныхъ и не рѣшенныхъ, и представляютъ министру, управляющему письмоводствомъ, вѣдомости по формамъ, кои отъ него даны будутъ.

§ 170.

Ежегодные отчеты о количествѣ рѣшенныхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ дѣлъ представляются Его Императорскому Величеству министромъ, управляющимъ письмоводствомъ, въ одномъ изъ особенныхъ собраній Правительствующаго Сената. Формы сихъ отчетовъ опредѣлены будутъ особеннымъ положеніемъ.

IV. Установленія при канцеляріи Правительствующаго Сената.

§ 171.

Подъ главнымъ надзоромъ министра, управляющаго письмоводствомъ, состоятъ два особенныя установленія: архивъ и типографія.

§ 172.

Архивъ Правительствующаго Сената составляется изъ самыхъ точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній и подлинныхъ постановленій по всѣмъ публичнымъ частямъ управленія. Министръ, управляющій письмоводствомъ, не оставитъ составить для него особенное положеніе и штатъ и представитъ его на разсмотрѣніе и утвержденіе Правительствующаго Сената.

§ 173.

Въ типографіи Правительствующаго Сената предаются тисненію всѣ публичныя постановленія, какъ изъ Правительствующаго Сената, такъ и по министерствамъ исходящія. Она должна быть общимъ для всѣхъ министерствъ заведеніемъ.

§ 174.

Подъ главнымъ надзоромъ министра, управляющаго письмоводствомъ, типографія Правительствующаго Сената имѣетъ собирать и издавать въ еженедѣльныхъ листахъ всѣ постановленія правительства, къ общему свѣдѣнію и исполненію нужныя.

§ 175.

Министръ, управляющій письмоводствомъ, неукоснительно представитъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Правительствующаго Сената способы къ устройству сего заведенія, штатъ его управленія и порядокъ состава и изданія еженедѣльныхъ листовъ, и другихъ ея (типографіи) обязанностей.

II.

Проектъ учрежденія Судебнаго Сената.

Коренные законы Судебнаго Сената.

I. Судебный Сенатъ есть верховное сословіе суда и его управленія въ имперіи.

II. Судебный Сенатъ именемъ Державной Власти управляетъ всѣми гражданскими судами, разсматриваетъ и вершитъ ихъ рѣшенія и охраняетъ правильность ихъ исполненія.

III. Въ дѣлахъ общаго судебнаго порядка Сенатъ управляетъ, судитъ и охраняетъ исполненіе суда по закону.

IV. Для дѣлъ чрезвычайныхъ установляется въ Судебномъ Сенатѣ верховный совѣстный и верховный уголовный судъ.

V. Верховный совѣстный и верховный уголовный судъ судятъ по разуму закона и по правдѣ.

VI. Родъ и свойство чрезвычайныхъ дѣлъ, верховному суду подлежащихъ, опредѣляется въ Государственномъ Совѣтѣ.

VII. Судебный Сенатъ составляется изъ сенаторовъ, Державною Властію непосредственно опредѣляемыхъ и избраніемъ въ сіе сословіе призываемыхъ.

VIII. Сенаторы могутъ занимать въ порядкѣ исполнительномъ другія должности, не лишаясь сего званія.

IX. Въ Судебномъ Сенатѣ предсѣдательствуетъ императоръ.

X. Когда императоръ не присутствуетъ, тогда мѣсто предсѣдателя занимаетъ одинъ изъ высшихъ государственныхъ чиновъ по Высочайшему назначенію.

XI. Судебный Сенатъ раздѣляется, по пространству его дѣйствій, на округи; по роду дѣлъ, на департаменты; по свойству ихъ, на отдѣленія.

XII. Указы Судебнаго Сената во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ имперіи исполняются во всемъ пространствѣ ихъ и силѣ.

XIII. Власть департаментовъ Сената и его отдѣленій во всѣхъ округахъ есть единообразна.

XIV. Соединенные департаменты въ каждомъ округѣ составляютъ общее собраніе.

XV. Верховный совѣстный и верховный уголовный судъ не раздѣляются по округамъ, но дѣйствуютъ соединенно для всей имперіи.

XVI. Подробное образованіе Судебнаго Сената, составъ его, предметы и образъ производства дѣлъ опредѣляются его учрежденіемъ, которое, по усмотрѣнію нуждъ и обстоятельствъ, на основаніи настоящихъ коренныхъ законовъ, можетъ быть дополняемо въ порядкѣ, для законодательной части установленномъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РАЗДѢЛЕНІЕ СЕНАТА.

§ 1.

Судебный Сенатъ, по пространству его дѣйствія, раздѣляется на четыре округа.

§ 2.

Мѣстопребываніе Сената по округамъ назначается въ обѣихъ столицахъ, въ Кіевѣ и въ Казани.

§ 3.

Въ каждомъ изъ сихъ мѣстъ округъ дѣйствій Сената составляется изъ опредѣленнаго числа губерній, назначаемыхъ особеннымъ расписаніемъ.

§ 4.

Въ каждомъ округѣ Сенатъ раздѣляется, по роду дѣлъ, на три департамента:

Первый департаментъ—казенныхъ тяжебныхъ дѣлъ.

Второй департаментъ—частныхъ тяжебныхъ дѣлъ.

Третій департаментъ—уголовныхъ дѣлъ.

Сверхъ сего полагается для межевыхъ дѣлъ, до окончанія ихъ, одинъ межевой департаментъ для всей имперіи. Мѣстопребываніе его назначается въ Москвѣ.

§ 5.

Каждый департаментъ имѣетъ два отдѣленія:

Одно для судебнаго управленія (для дѣлъ текущихъ и исполнительныхъ).

Другое для дѣлъ тяжебныхъ по апелляціи, или уголовныхъ, вступающихъ на ревизію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СОСТАВЪ ОТДѢЛЕНІЙ, ДЕПАРТАМЕНТОВЪ, ОБЩАГО СОБРАНІЯ И ВЕРХОВНЫХЪ, СОВѢСТНАГО И УГОЛОВНАГО СУДОВЪ.

I. Составъ отдѣленій.

§ 6.

Каждое отдѣленіе Судебнаго Сената состоитъ изъ одного предсѣдателя и изъ извѣстнаго числа сенаторовъ.

§ 7.

Для надзора за порядкомъ производства дѣлъ въ каждомъ отдѣленіи полагается оберъ-прокуроръ.

§ 8.

Для производства и пріуготовленія дѣлъ въ каждомъ отдѣленіи полагается потребное число рекетмейстеровъ и ихъ помощниковъ, кои въ отсутствіе рекетмейстеровъ занимаютъ ихъ мѣста или употребляются имъ въ пособіе.

§ 9.

Рекетмейстеры, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора и подъ главнымъ начальствомъ генералъ-прокурора, составляютъ въ каждомъ отдѣленіи особенное присутствіе подъ названіемъ присутствія рекетмейстеровъ.

II. Составъ департаментовъ.

§ 10.

Каждый департаментъ составляется изъ предсѣдателя и изъ сенаторовъ обоихъ его соединенныхъ отдѣленій.

§ 11.

Къ составу департамента причисляются оберъ-прокуроры, рекетмейстеры его отдѣленій и ихъ помощники.

§ 12.

Оберъ-прокуроры подчиняются генералъ-прокурору, рекетмейстеры оберъ-прокурору, рекетмейстерамъ подчиняются ихъ помощники.

III. Составъ общаго собранія.

§ 13.

Общее собраніе Сената въ каждомъ округѣ составляется изъ предсѣдателя Сената, изъ предсѣдателей и сенаторовъ всѣхъ соединенныхъ его департаментовъ и сверхъ того изъ сенаторовъ, при опредѣленіи коихъ не будетъ означено особеннаго департамента.

§ 14.

Для высшаго надзора за порядкомъ производства дѣлъ въ каждомъ округѣ Сената полагается генералъ-прокуроръ.

§ 15.

Генералъ-прокуроры подчиняются министру юстиціи и состоятъ въ точной его зависимости.

IV. Составъ верховнаго совѣстнаго суда.

§ 16.

Верховный совѣстный судъ составляется каждый разъ, когда предстанутъ дѣла, разсмотрѣнію его подлежащія.

§ 17.

Верховный совѣстный судъ открывается каждый разъ особеннымъ Высочайшимъ постановленіемъ, въ Государственномъ Совѣтѣ изданнымъ, съ означеніемъ именно предметовъ, ввѣряемыхъ его разсмотрѣнію и рѣшенію.

§ 18.

Для составленія верховнаго совѣстнаго суда избираются въ общемъ собраніи Судебнаго Сената изъ сенаторовъ двадцать четыре кандидата и одинъ предсѣдатель.

§ 19.

Изъ сихъ двадцати четырехъ кандидатовъ предоставляется тяжущимся избрать шесть членовъ, по три на каждую сторону. Избраніе сіе должно быть окончено въ теченіе одной недѣли.

§ 20.

Къ симъ шести членамъ присовокупляется, въ самый день открытія суда, толикое же число изъ тѣхъ же двадцати четырехъ кандидатовъ по жребію; и такимъ образомъ, верховный совѣстный судъ составляется изъ двѣнадцати членовъ и одного предсѣдателя.

§ 21.

Есть ли бы выборъ обѣихъ сторонъ тяжущихся палъ на одних и тѣхъ же членовъ, и потому число шести выборомъ симъ не было наполнено, тогда остальные въ число двѣнадцати избираются изъ сословія кандидатовъ по жребію.

§ 22.

Изъ остальныхъ двѣнадцати кандидатовъ замѣщаются также по жребію мѣста праздныя, кои, по болѣзни или другимъ причинамъ, въ теченіе суда оказаться могутъ.

§ 23.

Каждый сенаторъ, какое бы онъ впрочемъ званіе ни носилъ, можетъ быть избранъ членомъ верховнаго совѣстнаго суда.

V. Составъ верховнаго уголовнаго суда.

§ 24.

Верховный уголовный судъ учреждается тогда, какъ предстанутъ дѣла, оному подлежащія.

§ 25.

Верховный уголовный судъ открывается каждый разъ особеннымъ Высочайшимъ постановленіемъ, въ Государственномъ Совѣтѣ изданнымъ, съ означеніемъ именно предметовъ, ввѣряемыхъ его разсмотрѣнію и рѣшенію.

§ 26.

Верховный уголовный судъ составляется соединеніемъ верховныхъ государственныхъ сословій: Государственнаго Совѣта, Правительствующаго Сената и Судебнаго Сената, въ томъ мѣстѣ пребывающаго.

§ 27.

Предсѣдатель верховнаго уголовнаго суда опредѣляется по Высочайшему назначенію.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

ПОРЯДОКЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯ СЕНАТОРОВЪ И ЧИНОВЪ, КЪ СОСТАВУ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ.

§ 28.

Предсѣдатель Судебнаго Сената въ каждомъ округѣ опредѣляется изъ государственныхъ чиновниковъ по Высочайшему усмотрѣнію.

§ 29.

Предсѣдатель Судебнаго Сената сохраняетъ свое званіе, доколѣ особеннымъ повелѣніемъ не будетъ отозванъ, по предназначенію его къ другимъ должностямъ.

§ 30.

Предсѣдатель Судебнаго Сената есть членъ Государственнаго Совѣта по самому своему званію.

§ 31.

Предсѣдатели департаментовъ и отдѣленій опредѣляются по Высочайшему усмотрѣнію.

§ 32.

Сенаторы опредѣляются:

1. Непосредственными Высочайшими назначеніями.
2. Посредствомъ избранія дворянскимъ сословіемъ.

§ 33.

Для опредѣленія въ сенаторы по избранію, дворянское сословіе представляетъ извѣстное число кандидатовъ въ сенаторы своего округа, по особенному расписанію губерній.

§ 34.

Изъ сихъ кандидатовъ избираются и утверждаются сенаторы по Высочайшему назначенію.

§ 35.

Выборы возобновляются въ сроки, въ особенномъ положеніи означенные.

§ 36.

Списки избранныхъ кандидатовъ препровождаются предсѣдателю Сената и отъ него представляются на Высочайшее усмотрѣніе.

§ 37.

Избранные сенаторы, по смерти ихъ или по увольненіи, замѣщаются изъ кандидатовъ послѣдняго избранія.

§ 38.

Предсѣдатели и сенаторы увольняются отъ сего служенія:

1. По прошеніямъ ихъ.
2. По отзыву ихъ къ другимъ должностямъ.

§ 39.

Сенаторы, опредѣленные къ другимъ должностямъ, сохраняютъ ихъ званіе, но къ присутствію въ Сенатѣ не возвращаются, какъ по особенному Высочайшему повелѣнію.

§ 40.

Распредѣленіе сенаторовъ по департаментамъ и отдѣленіямъ того же округа такъ, какъ и назначеніе ихъ предсѣдателей, возобновляется ежегодно.

§ 41.

Всѣ дѣла, относящіяся до опредѣленія, увольненія и распредѣленія предсѣдателей и сенаторовъ, восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе непосредственно чрезъ предсѣдателя Сената.

§ 42.

Генералъ-прокуроры опредѣляются и увольняются Высочайшими повелѣніями, по представленію министра юстиціи.

§ 43.

Оберъ-прокуроры, рекетмейстеры и ихъ помощники утверждаются и увольняются Высочайшими повелѣніями, по представленію генералъ-прокуроровъ посредствомъ министра юстиціи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОБРЯДЫ ПРИСУТСТВІЯ ВЪ СУДЕБНОМЪ СЕНАТѢ.

§ 44.

Предсѣдатель Судебнаго Сената, предсѣдатели департаментовъ и отдѣленій опредѣляются Высочайшими указами за собственноручнымъ подписаніемъ.

§ 45.

Сенаторы опредѣляются, а избранные изъ нихъ утверждаются Высочайшими указами за собственноручнымъ подписаніемъ.

§ 46.

По опредѣленіи, предсѣдатель Сената даетъ присягу въ присутствіи Его Императорскаго Величества или въ присутствіи чиновъ, къ принятію оной присяги Его Императорскимъ Величествомъ уполномоченныхъ.

§ 47.

Предсѣдатели департаментовъ и отдѣленій и сенаторы приводятся къ присягѣ публично въ одной изъ главныхъ соборныхъ церквей въ первый воскресный или праздничный день, въ присутствіи всѣхъ предсѣдателей Сената, всѣхъ сенаторовъ и генералъ-прокурора.

§ 48.

Предсѣдатели въ Сенатѣ, въ департаментахъ и отдѣленіяхъ всегда занимаютъ первое мѣсто и имѣютъ первую подпись.

§ 49.

Прочіе сенаторы занимаютъ мѣста по старшинству ихъ чиновъ.

§ 50.

Предсѣдатель Сената можетъ присутствовать во всѣхъ департаментахъ его округа, по усмотрѣнію его и важности дѣлъ. Во время его присутствія, предсѣдатель департамента занимаетъ первое по немъ мѣсто.

§ 51.

Предсѣдатель департамента можетъ присутствовать въ отдѣленіяхъ его, по усмотрѣнію и важности дѣлъ. Предсѣдатель отдѣленія въ семъ случаѣ занимаетъ первое по немъ мѣсто.

§ 52.

Въ случаѣ болѣзни предсѣдателя Судебнаго Сената, старшій изъ предсѣдателей департаментовъ на то время занимаетъ его мѣсто: на случай же увольненія его въ отпускъ, назначается ему преемникъ, на время его отсутствія, особеннымъ Высочайшимъ указомъ.

§ 53.

Въ общемъ собраніи предсѣдатели департаментовъ занимаютъ мѣста противъ предсѣдателя Сената; предсѣдатели отдѣленій и сенаторы засѣдаютъ, не раздѣляя департаментовъ, по старшинству между собою и сообразно особенному расписанію.

§ 54.

Въ Верховномъ уголовномъ судѣ предсѣдатель его занимаетъ первое мѣсто и имѣетъ первую подпись; за нимъ слѣдуетъ предсѣдатель Сената; прочіе члены засѣдаютъ по сословіямъ ихъ.

§ 55.

Въ верховномъ совѣстномъ судѣ предсѣдатель его занимаетъ первое мѣсто и имѣетъ первую подпись; прочіе члены засѣдаютъ по старшинству.

§ 56.

Министръ юстиціи и генералъ-прокуроръ въ верховныхъ судахъ, въ общихъ собраніяхъ, въ департаментахъ и ихъ отдѣленіяхъ, каждый разъ, когда въ нихъ присутствуютъ, имѣютъ особенное мѣсто.

§ 57.

Оберъ-прокуроръ, по части коего производится дѣло, въ департаментахъ и отдѣленіяхъ, въ отсутствіе генералъ-прокурора, занимаетъ его мѣсто, а въ присутствіи его, оберъ-прокуроръ и рекетмейстеръ, производившій дѣло, засѣдаютъ при немъ.

§ 58.

Въ общихъ собраніяхъ и верховномъ совѣстномъ и уголовномъ судѣ оберъ-прокуроры, рекетмейстеры и ихъ помощники имѣютъ особенное мѣсто.

§ 59.

Дни присутствія въ Сенатѣ учреждаются особеннымъ расписаніемъ.

§ 60.

Сверхъ расписанія, предсѣдатель Сената, по сношенію съ генералъ-прокуроромъ, имѣетъ право и обязанность назначать засѣданія въ департаментахъ и въ общихъ собраніяхъ, судя по количеству дѣлъ, для успѣшнаго ихъ рѣшенія.

§ 61.

Присутствія рекетмейстеровъ учреждаются генералъ-прокуроромъ по удобности времени и количеству дѣлъ.

§ 62.

Сенаторы имѣютъ каждый годъ въ лѣтніе мѣсяцы свободное отъ присутствія время.

§ 63.

Пространство сего времени и порядокъ отсутствія сенаторовъ учреждаются ежегодно, сообразно количеству дѣлъ, и установляются комитетомъ, составленнымъ изъ всѣхъ предсѣдателей и генералъ-прокурора по Высочайшему утвержденію.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРЕДМЕТЫ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, ОБЩАГО СОБРАНІЯ И ВЕРХОВНЫХЪ СУДОВЪ.

Положенія общія.

§ 64.

Въ каждомъ департаментѣ Сената предметы его раздѣляются на два рода:
1) Дѣла по управленію подчиненными судебными мѣстами, или текущія, и
2) Дѣла по ревизіи или апелляціи, въ Сенатъ поступающія.

§ 65.

Дѣла перваго рода, или текущія, состоятъ единственно въ охраненіи судебнаго порядка въ мѣстахъ, Сенату подвластныхъ, по производству дѣлъ и исполненію рѣшеній. Они поступаютъ въ первое отдѣленіе каждаго департамента.

§ 66.

Дѣла второго рода состоятъ въ ревизіи самаго существа дѣла; они вступаютъ во второе отдѣленіе каждаго департамента.

§ 67.

Судебный Сенатъ, по жалобѣ частной, можетъ отмѣнить и уничтожить производство дѣла и образъ его исполненія, когда найдетъ оное несообразнымъ судебному порядку, но ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ входить въ рѣшеніе самаго существа дѣла прежде, нежели дойдетъ оно къ нему по апелляціи или ревизіи.

§ 68.

Отмѣнивъ неправильное производство дѣла, Сенатъ вмѣстѣ съ тѣмъ постановляетъ, какимъ образомъ оно должно быть приведено въ законный порядокъ.

§ 69.

Предметы каждаго департамента въ особенности опредѣляются въ нижеслѣдующихъ отдѣленіяхъ. Но есть ли бы возникло сомнѣніе о точной принадлежности дѣла между отдѣленіями одного департамента или между департаментами одного окружнаго Сената, то въ первомъ случаѣ, по представленію оберъ-прокурора, разрѣшаетъ сіе сомнѣніе генералъ-прокуроръ; а во второмъ, по представленію генералъ-прокурора, министръ юстиціи.

§ 70.

Есть ли бъ сомнѣніе возникло о принадлежности дѣла между двумя окружными Сенатами, тогда, по донесеніи о семъ генералъ-прокурора, министръ юстиціи испрашиваетъ Высочайшаго разрѣшенія въ порядкѣ, для сего установленномъ (Учрежденіе Правительствующаго Сената, § 2).

§ 71.

Есть ли бъ наконецъ сомнѣніе возникло о принадлежности дѣла между Судебнымъ и Правительствующимъ Сенатомъ, то, по донесеніи о семъ генералъ-прокурора, министръ юстиціи испрашиваетъ также Высочайшаго разрѣшенія въ порядкѣ, для сего установленномъ (Учрежденіе Правительствующаго Сената, § 2).

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПРЕДМЕТЫ ПЕРВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

§ 72.

Общій предметъ сего департамента есть всякое тяжебное дѣло, возникшее между казною и частными лицами по апелляціи или по жалобѣ частной на судебныя мѣста въ личныхъ гражданскихъ правахъ, въ имуществахъ движимыхъ и недвижимыхъ по праву обладанія, по договорамъ и контрактамъ.

Примѣчаніе. Жалобы, приносимыя отъ частныхъ лицъ на казенныя мѣста въ неисполненіи или нарушеніи контрактовъ, въ удержаніи слѣдующихъ имъ суммъ и вообще въ неправильномъ завладѣніи или удержаніи ихъ собственности, когда онѣ происходятъ не судебнымъ порядкомъ, но поступаютъ въ видѣ жалобъ къ высшему начальству на мѣста и лица, ему подчиненныя, не принадлежатъ къ предметамъ сего департамента: онѣ разсматриваются въ порядкѣ управленія и вершатся въ Правительствующемъ Сенатѣ. Но рѣшенія Правительствующаго Сената не преграждаютъ никому пути отыскивать правъ своихъ судомъ; и тогда дѣла сего рода судебнымъ порядкомъ по апелляціи могутъ дойти до разсмотрѣнія и рѣшенія Судебнаго Сената и принадлежатъ къ предметамъ перваго департамента.

§ 73.

Предметами перваго отдѣленія сего департамента суть всѣ дѣла, текущія или относящіяся къ производству и исполненію подчиненныхъ Сенату мѣстъ по искамъ казеннымъ. Таковы суть:

1. Всѣ жалобы, входящія въ Сенатъ на неправильное производство въ судебныхъ мѣстахъ по искамъ частныхъ людей на казнѣ и взаимно, въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ, по поставкамъ, подрядамъ и договорамъ.

2. Протесты прокуроровъ и казенныхъ дѣлъ стряпчихъ объ утратѣ казенныхъ пользъ по тѣмъ же предметамъ.

3. Жалобы и протесты на недостатокъ или неправильность исполненія.

§ 74.

Ко второму отдѣленію сего департамента принадлежатъ всѣ дѣла, входящія въ Сенатъ по апелляціи въ тяжбахъ частныхъ людей съ казною. Таковы суть:

1. Всѣ иски частныхъ людей на казну и взаимно по движимымъ или недвижимымъ имуществамъ, по подрядамъ, поставкамъ и договорамъ, когда они производятся судебнымъ порядкомъ.

2. Всѣ тяжбы о собственности, въ коихъ участвуютъ городскія, церковныя и другія общества, правительствомъ установленныя или имъ признанныя, обыватели войсковые, крестьяне казенные, удѣльные и другіе свободные поселяне.

3. Тяжбы о перемѣнахъ гражданскаго состоянія, какъ-то: отыскиваніе свободы и тому подобное.

Примѣчаніе. Дѣла о возстановленіи дворянскихъ родовъ, также переходъ изъ одного состоянія въ другое, принадлежатъ къ предметамъ управленія и не входятъ въ составъ дѣлъ судныхъ.

4. Дѣла тяжебныя по опекамъ и попечительствамъ надъ малолѣтними, умалишенными и подъ прещеніемъ состоящими.

Примѣчаніе. Одни дѣла тяжебныя по опекамъ и попечительствамъ, судебнымъ порядкомъ производимыя, принадлежатъ къ Судебному Сенату; дѣла же объ учрежденіи опекъ, надзоръ за правильностью ихъ управленія, разрѣшеніе на продажу имѣній для уплаты долговъ и тому подобныя принадлежатъ къ министерству и окончательно рѣшатся въ Правительствующемъ Сенатѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПРЕДМЕТЫ ВТОРОГО ДЕПАРТАМЕНТА.

§ 75.

Общій предметъ второго департамента составляютъ всѣ тяжбы, между частными людьми возникающія по правамъ ихъ личнымъ, по имуществамъ, движимымъ и недвижимымъ, и по договорамъ.

§ 76.

Къ первому отдѣленію сего департамента принадлежатъ:

1. Всѣ вообще частныя жалобы на образъ производства по дѣламъ тяжебнымъ между частными людьми и на недостатокъ или неправильность исполненія.

2. Всѣ вообще дѣла вексельныя, яко требующія въ рѣшеніи ихъ болѣе поспѣшности.

§ 77.

Предметъ второго отдѣленія сего департамента составляютъ апелляціонныя жалобы, по тяжбамъ между частными людьми, безъ участія казны, возникающія.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПРЕДМЕТЫ ТРЕТЬЯГО ДЕПАРТАМЕНТА.

§ 78.

Въ третьемъ департаментѣ вѣдаются всѣ дѣла уголовныя, какъ по преступленіямъ вообще, такъ и по преступленіямъ гражданскихъ должностей, входящія на ревизію Сената или по существу ихъ приговоровъ, или по мнѣніямъ губернаторовъ и по протестамъ прокуроровъ, или по жалобамъ подсудимыхъ какъ на рѣшенія судебныхъ мѣстъ, такъ и на производство.

Примѣчаніе. Дѣла по преступленіямъ военнымъ принадлежатъ военному суду.

§ 79.

Въ первое отдѣленіе сего департамента поступаютъ всѣ жалобы на неправильное производство уголовнаго суда или на неправильное его исполненіе.

§ 80.

Предметы втораго отдѣленія сего департамента суть:

1. Ревизія уголовныхъ дѣлъ на основаніи существующихъ законовъ.

2. Судъ надъ директорами департаментовъ, оберъ-прокурорами, вице-губернаторами, предсѣдателями палатъ, рекетмейстерами и прокурорами.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПРЕДМЕТЫ МЕЖЕВОГО ДЕПАРТАМЕНТА.

§ 81.

Предметы сего департамента остаются точно въ томъ положеніи, въ коемъ доселѣ они были. Къ первому его отдѣленію принадлежатъ всѣ дѣла по управленію межеванья, по производству межевыхъ дѣлъ на мѣстахъ и по исполненію, а ко второму относятся дѣла межевыя апелляціонныя.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПРЕДМЕТЫ ОБЩАГО СОБРАНІЯ.

§ 82.

Предметы общаго собранія, подобно какъ въ департаментахъ, относятся: 1) къ управленію суда, 2) къ ревизіи дѣлъ.

I. По управленію суда.

1. Всѣ Высочайшіе указы, принадлежащіе къ судебному порядку, вступаютъ въ общее собраніе и отъ него доставляются куда слѣдуетъ къ исполненію, въ потребныхъ же случаяхъ издаются во всеобщее извѣстіе.

2. Опредѣленіе и увольненіе предсѣдателей уголовной и гражданской палатъ, совѣтниковъ, прокуроровъ и стряпчихъ, на основаніи существующихъ о томъ постановленій.

3. Отрѣшеніе отъ должностей чиновниковъ, опредѣляемыхъ Судебнымъ Сенатомъ, и преданіе ихъ суду.

4. Обозрѣніе губерній въ отношеніи къ судебному порядку. Предметы и порядокъ сихъ обозрѣній означены будутъ въ особенномъ положеніи.

5. Ежегодные отчеты, кои Судебный Сенатъ имѣетъ представлять на Высочайшее усмотрѣніе, о положеніи судебнаго порядка въ округѣ его дѣйствія. Предметъ и образъ сихъ отчетовъ опредѣлены будутъ особенно.

II. Предметы общаго собранія по ревизіи и апелляціи.

1. Всѣ дѣла уголовныя, въ коихъ виновные осуждаются къ лишенію чести или къ гражданской смерти, по разногласію въ департаментѣ, входятъ на ревизію общаго собранія.

2. Дѣла тяжебныя и судныя, въ коихъ департаментъ большинствомъ голосовъ признаетъ недостатокъ закона или же такія обстоятельства, по коимъ подлежать они будутъ разсмотрѣнію верховнаго совѣстнаго суда или верховнаго уголовнаго суда.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ПРЕДМЕТЫ ВЕРХОВНАГО СОВѢСТНАГО СУДА.

§ 83.

Верховному совѣстному суду подлежатъ:

1. Дѣла, кои по образованію губернскихъ совѣстныхъ судовъ предназначены будутъ ревизіи верховнаго совѣстнаго суда.

2. Дѣла, кои по особенному порядку, въ главѣ седьмой сего учрежденія установляемому, признаны будутъ подлежащими разсмотрѣнію сего суда.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ПРЕДМЕТЫ ВЕРХОВНАГО УГОЛОВНАГО СУДА.

§ 84.

Верховному уголовному суду подлежатъ:

1. Высшіе роды государственныхъ преступленій, какъ-то: государственная измѣна, бунтъ и вообще преступленія противъ безопасности государственной, въ воинскомъ или гражданскомъ состояніи. Виды сихъ преступленій подробно означены будутъ въ уголовномъ уложеніи.

2. Преступленія должности высшихъ гражданскихъ чиновниковъ, а именно: министровъ, сенаторовъ, генералъ-прокуроровъ, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, принадлежатъ къ дѣйствію верховнаго уголовнаго суда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПРАВИЛА ОБЩІЯ.

§ 85.

Подъ именемъ производства разумѣется все движеніе дѣла, начиная со вступленія его въ Сенатъ до предложенія къ слушанію.

§ 86.

Главный надзоръ въ порядкѣ производства дѣлъ по всѣмъ округамъ Сената принадлежитъ министру юстиціи.

§ 87.

Надзоръ за правильнымъ и успѣшнымъ производствомъ дѣлъ въ каждомъ округѣ ввѣряется генералъ-прокурору и состоитъ въ точной его отвѣтственности.

§ 88.

Должность рекетмейстера есть: дать правильное движеніе дѣлу и наблюдать за симъ движеніемъ, доколѣ не войдетъ оно къ докладу Сената. Посему рекетмейстеры:

1. Даютъ резолюціи о принятіи бумагъ къ свѣдѣнію, о пріобщеніи къ дѣлу и къ справкамъ, отмѣчаютъ сіи резолюціи на бумагахъ и наблюдаютъ за исполненіемъ оныхъ въ канцеляріи.

2. Разсматриваютъ апелляціонныя и другія прошенія и, въ случаѣ нарушенія ихъ формы, сроковъ и вообще установленнаго къ подачѣ ихъ порядка, выдаютъ ихъ съ надписью.

3. Вносятъ апелляціонныя и ревизіонныя дѣла въ очередную книгу, которая выдается имъ за шнуромъ и печатью оберъ-прокурора.

4. Собираютъ всѣ свѣдѣнія, нужныя къ дѣлу, вызываютъ тяжущихся къ рукоприкладству и составляютъ сами или посредствомъ ихъ помощниковъ, подъ руководствомъ ихъ, записки по установленной формѣ.

§ 89.

Въ запискахъ, по изложеніи дѣла, рекетмейстеры непремѣнно обязаны въ заключеніе ихъ означить вопросами главныя обстоятельства, отъ рѣшенія коихъ зависитъ рѣшеніе самаго дѣла.

§ 90.

Все сіе рекетмейстеры исполняютъ подъ собственною ихъ отвѣтственностію, не докладывая ни Сенату, ни своему присутствію.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПРАВИЛА ОСОБЕННЫЯ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ДѢЛЪ АПЕЛЛЯЦІОННЫХЪ, ЧАСТНЫХЪ И КАЗЕННЫХЪ.

§ 91.

Когда всѣ свѣдѣнія собраны и записка составлена, тогда рекетмейстеръ за подписаніемъ своимъ и скрѣпою секретаря вноситъ записку въ присутствіе рекетмейстеровъ.

§ 92.

Въ присутствіи рекетмейстеровъ разсматриваются два главные вопроса:

1. Произведено ли дѣло въ надлежащемъ порядкѣ въ отношеніи къ его формѣ въ нижнихъ судебныхъ мѣстахъ.

2. Собраны ли рекетмейстеромъ всѣ свѣдѣнія, къ оному принадлежащія, и выведены ли существенные вопросы, отъ коихъ зависитъ рѣшеніе дѣла.

§ 93.

При разсмотрѣніи перваго вопроса, есть ли найдется, что дѣло въ судебныхъ мѣстахъ началось или произведено было неправильно, какъ-то, напримѣръ: не взяты надлежащія свидѣтельства, или упущены такія обстоятельства, безъ коихъ оно рѣшено быть не можетъ, и кои не могутъ быть иначе дополнены, какъ на мѣстѣ, тогда присутствіе составляетъ опредѣленіе о возвратѣ дѣла или о дополненіи его на мѣстѣ.

§ 94.

Опредѣленіе сіе, по данной формѣ, исполняется немедленно.

§ 95.

При разсмотрѣніи втораго вопроса, есть ли присутствіе усмотритъ, что свѣдѣнія, рекетмейстеромъ собранныя, недостаточны, или вопросы, имъ предложенные, не полны или не существенны, то опредѣляетъ сдѣлать нужныя дополненія и возлагаетъ оныя на рекетмейстера.

§ 96.

Жалобы на рекетмейстеровъ приносятся въ присутствіе рекетмейстеровъ.

§ 97.

Жалобы на рекетмейстеровъ могутъ быть приносимы единственно въ медленномъ дѣла приуготовленіи или въ неправильной выдачѣ прошеній съ надписью.

§ 98.

Присутствіе рѣшитъ сіи жалобы.

§ 99.

На присутствіе жалобы приносятся генералъ-прокурору.

§ 100.

Жалобы на присутствіе приносятся единственно въ неправильномъ обращеніи дѣла въ судебныя мѣста или въ медленномъ его производствѣ.

§ 101.

Генералъ-прокуроръ жалобы сіи рѣшитъ окончательно, и рѣшенія его присутствіе исполняетъ безпрекословно.

§ 102.

По пріуготовленіи такимъ образомъ дѣла, записка, изъ онаго рекетмейстеромъ составленная, въ присутствіи разсмотрѣнная и по назначенію его, въ чемъ нужно, дополненная и исправленная, предается тисненію на счетъ той стороны, которая по рѣшенію дѣла окажется виновною и которая обязана заплатить издержки тисненія по особенному расписанію.

§ 103.

Каждому сенатору того департамента, къ коему принадлежитъ дѣло, по напечатаніи записки доставляется одинъ ея списокъ (экземпляръ).

§ 104.

Каждой тяжущейся сторонѣ, налицо состоящей, выдается по одному списку (экземпляру).

§ 105.

Въ дѣлахъ апелляціонныхъ казенныхъ оберъ-прокуроръ представляетъ собою истца или отвѣтчика со стороны казны и защищаетъ его на томъ же основаніи, какъ вообще о стряпчихъ казенныхъ дѣлъ постановлено.

§ 106.

Тяжущимся сторонамъ дается одна недѣля срока, со времени выдачи имъ записки для дополненія ея, есть ли онѣ считаютъ сіе нужнымъ.

§ 107.

Тяжущіяся стороны, кои ни сами на лицо по вызовамъ не явились, ни повѣренныхъ не представили, теряютъ сіе право сообщенія и дополненія, и движеніе дѣла за отсутствіемъ ихъ не остановляется.

§ 108.

Тяжущіяся стороны имѣютъ право въ дополненіяхъ своихъ именно означать обстоятельства, кои въ запискѣ изъ дѣла пропущены или неправильно были изложены. Для сего дозволяется имъ, подъ надзоромъ секретаря, справляться съ подлиннымъ дѣломъ.

§ 109.

Кто черезъ недѣлю не представитъ дополненія, тотъ признается съ запискою согласнымъ, и послѣ отъ него никакія объясненія уже не пріемлются.

§ 110.

Дополненія отъ тяжущихся сторонъ, за подписаніемъ ихъ или повѣренныхъ, представляются къ рекетмейстеру, который, разсмотрѣвъ ихъ въ теченіе недѣли, или возвращаетъ сторонѣ, или же отсылаетъ прямо для преданія тисненію.

§ 111.

Дополненіе возвращается сторонѣ въ томъ единственномъ случаѣ, когда найдены въ немъ будутъ выраженія укоризненныя, порицанія личныя, или достоинству судебныхъ мѣстъ предосудительныя. Въ прочемъ пространство изъясненій, отступленіе и даже неправильности и противорѣчія, есть ли бы они въ дополненіи случились, не подлежатъ разсмотрѣнію рекетмейстера.

§ 112.

На исправленіе дополненія дается сроку одна недѣля.

§ 113.

Дополненіе предается тисненію на счетъ самихъ просителей и доставляется ими самими къ сенаторамъ департамента не позже, какъ черезъ недѣлю по напечатаніи.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ УГОЛОВНЫХЪ.

§ 114.

Дѣла уголовныя, входящія на ревизію Сената или по существу ихъ, или поступающія по жалобамъ обвиняемыхъ, по разногласію губернаторовъ, или по протесту прокуроровъ, производятся тѣмъ же порядкомъ, какъ и дѣла тяжебныя, съ тѣмъ только различіемъ, что записки, изъ нихъ составляемыя, тисненію не предаются и сторонамъ не сообщаются.

§ 115.

Есть ли уголовный судъ относится къ такимъ чиновникамъ, кои судятся въ Сенатѣ, тогда производство суда, или собственно такъ называемое слѣдствіе, принадлежитъ присутствію рекетмейстеровъ. Они составляютъ вопросные пункты, вопрошаютъ обвиняемыхъ, пріемлютъ отъ нихъ объясненія и наконецъ составляютъ изъ всего дѣла записку, какъ въ общихъ правилахъ производства дѣлъ означено.

§ 116.

Записка сія сообщается обвиняемому, и предоставляется ему свобода дѣлать на оную объясненія и дополненія и предавать ихъ тисненію точно тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ дѣлахъ апелляціонныхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ МЕЖЕВЫХЪ АПЕЛЛЯЦІОННЫХЪ.

§ 117.

Порядокъ рѣшенія межевыхъ апелляціонныхъ дѣлъ учреждается сообразно общимъ правиламъ, постановленнымъ о дѣлахъ тяжебныхъ апелляціонныхъ. Но какъ въ дѣлахъ сего рода важнѣйшія доказательства основываются на планахъ, коихъ тисненіе было бы затруднительно, то къ запискамъ прилагаются планы сокращенные, на счетъ тяжущихся сторонъ въ чертежной составленные и съ подлинными свѣренные.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ ТЕКУЩИХЪ.

§ 118.

Дѣла текущія производятся порядкомъ, въ общихъ правилахъ выше сего установленнымъ.

§ 119.

Записки по дѣламъ текущимъ не вносятся въ присутствіе рекетмейстеровъ, но по изготовленіи ихъ представляются прямо къ докладу Сената отъ того рекетмейстера, къ отдѣленію коего принадлежитъ дѣло.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ ВЪ ОБЩИХЪ СОБРАНІЯХЪ.

§ 120.

Производство дѣлъ въ общемъ собраніи состоитъ въ непосредственномъ наблюденіи генералъ-прокурора.

§ 121.

По роду дѣлъ, присвоенныхъ общимъ собраніямъ, порядокъ производства ихъ есть двоякій: 1) въ дѣлахъ судебнаго управленія; 2) въ дѣлахъ судебныхъ.

§ 122.

Въ дѣлахъ судебнаго управленія всѣ, входящія въ общее собраніе, бумаги докладываются въ подлинникѣ. Для собранія нужныхъ по онымъ свѣдѣній находится при общемъ собраніи особенный рекетмейстеръ съ потребнымъ числомъ помощниковъ.

§ 123.

Въ дѣлахъ судныхъ докладъ общему собранію чинится такъ же, какъ и въ департаментѣ, и тѣмъ же самымъ рекетмейстеромъ.

§ 124.

Къ докладу въ общемъ собраніи принадлежатъ: 1) записка, составленная въ присутствіи рекетмейстеровъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была представлена своему отдѣленію; 2) рѣшеніе отдѣленія и департамента; 3) особенныя мнѣнія, есть ли они въ департаментѣ или отдѣленіи послѣдовали.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ ВЪ ВЕРХОВНОМЪ СОВѢСТНОМЪ СУДѢ.

§ 125.

Въ верховномъ совѣстномъ судѣ генералъ-прокуроръ непосредственно надзираетъ за порядкомъ производства дѣлъ.

§ 126.

Предсѣдатель верховнаго совѣстнаго суда, члены его и генералъ-прокуроръ избираютъ изъ оберъ-прокуроровъ двухъ или трехъ дѣлопроизводителей, судя по пространству и количеству предлежащихъ дѣлъ.

§ 127.

Избранные оберъ-прокуроры, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора, составляютъ общее присутствіе, въ коемъ дѣло пріуготовляется къ докладу и собираются всѣ нужныя свѣдѣнія, примѣняясь къ общимъ правиламъ, о производствѣ дѣлъ постановленнымъ.

§ 128.

По пріуготовленіи дѣла, одинъ изъ рекетмейстеровъ, по избранію присутствія, докладываетъ Сенату.

§ 129.

Генералъ-прокуроръ доставляетъ всѣ нужныя по производству его объясненія.

ОТДѢЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ ВЪ ВЕРХОВНОМЪ УГОЛОВНОМЪ СУДѢ.

§ 130.

Въ верховномъ уголовномъ судѣ генералъ-прокуроръ непосредственно наблюдаетъ за порядкомъ производства дѣлъ.

§ 131.

Предсѣдатель верховнаго уголовнаго суда, члены его и генералъ-прокуроръ избираютъ изъ оберъ-прокуроровъ двухъ или и болѣе дѣлопроизводителей, судя по пространству и важности дѣлъ.

§ 132.

Избранные оберъ-прокуроры, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора, составляютъ общее присутствіе, въ коемъ собираются всѣ нужныя свѣдѣнія, чинятся обвиняемымъ допросы, пріемлются объясненія, и дѣло пріуготовляется къ докладу, на основаніи общихъ правилъ о производствѣ дѣлъ и особенныхъ о производствѣ дѣлъ уголовныхъ.

§ 133.

По пріуготовленіи дѣлъ, одинъ изъ рекетмейстеровъ, по избранію присутствія, докладываетъ верховному уголовному суду.

§ 134.

Генералъ-прокуроръ представляетъ всѣ, нужныя по производству дѣлъ, объясненія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПОРЯДОКЪ СУЖДЕНІЯ И РѢШЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПОЛОЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

§ 135.

Охраненіе порядка въ сужденіи и рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ департаментахъ Сената, по каждому его округу, возлагается на его предсѣдателя.

§ 136.

Подъ главнымъ его руководствомъ, ближайшій надзоръ за симъ порядкомъ въ департаментахъ и отдѣленіяхъ возлагается на ихъ предсѣдателей.

§ 137.

Есть ли оберъ-прокуроры въ отдѣленіяхъ или департаментахъ усмотрятъ нарушеніе сего порядка, они доносятъ генералъ-прокурору.

§ 138.

Генералъ-прокуроръ не входитъ непосредственно ни въ сужденіе дѣла, ни въ охраненіе порядка при сужденіи, но, въ случаѣ нарушенія порядка сего, относится къ предсѣдателю Сената, который одинъ имѣетъ власть возстановить и исправить упущенія.

§ 139.

Есть ли упущенія сіи не будутъ исправлены, то генералъ-прокуроръ относится къ министру юстиціи.

§ 140.

Министръ юстиціи доноситъ о томъ государю императору и ожидаетъ Высочайшихъ повелѣній.

§ 141.

Дѣла къ сужденію, по пріуготовленіи ихъ, назначаются въ отдѣленіяхъ оберъ-прокуроромъ, въ департаментахъ же и въ общемъ собраніи генералъ-прокуроромъ.

§ 142.

Дѣла апелляціонныя и уголовныя назначаются къ слушанію по очереди; текущія же и вексельныя, по соображенію старшинства ихъ вступленія съ степенемъ ихъ настоятельности.

§ 143.

Степень настоятельности можетъ опредѣлять генералъ-прокуроръ: оберъ-прокуроръ предлагаетъ дѣла единственно по старшинству вступленія, есть ли не получитъ отъ генералъ-прокурора особеннаго предписанія.

§ 144.

Присутствіе открывается предсѣдателемъ и никогда прежде, нежели всѣ члены будутъ въ собраніи, исключая отсутствующихъ по законнымъ причинамъ, о коихъ предварительно онъ долженъ быть извѣщаемъ.

§ 145.

По открытіи присутствія начинается чтеніе.

§ 146.

Чтеніе не прерывается.

§ 147.

По окончаніи чтенія, предсѣдатель означаетъ вопросы, предлежащіе къ разсужденію.

§ 148.

Каждый вопросъ разсматривается раздѣльно.

§ 149.

На каждый вопросъ оберъ-прокуроръ и рекетмейстеръ даютъ изъясненіе и предлагаютъ свое мнѣніе. Они имѣютъ голосъ совѣщательный, но въ рѣшеніи не участвуютъ.

§ 150.

По выслушаніи сихъ мнѣній и изъясненій, есть ли не всѣ члены изъявятъ на нихъ согласіе, то собираются голоса, начиная съ младшихъ.

§ 151.

Предсѣдатель объявляетъ въ краткихъ словахъ рѣшеніе, большинствомъ голосовъ принятое.

§ 152.

Есть ли число голосовъ будетъ равное, то согласіе предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 153.

Вопросъ, большинствомъ голосовъ одинъ разъ рѣшенный, не возобновляется и пріемлется уже основаніемъ къ рѣшенію другихъ, съ нимъ соединенныхъ.

§ 154.

По окончаніи всѣхъ вопросовъ, предсѣдатель кратко объявляетъ рѣшенія, большинствомъ голосовъ принятыя, и симъ оканчивается сужденіе дѣла.

§ 155.

Въ теченіе сужденія предсѣдатель охраняетъ силу и единство вопроса и прекращаетъ всѣ разсужденія, къ дѣлу не принадлежащія.

§ 156.

Всѣ разсужденія и мнѣнія членовъ обращаются къ лицу предсѣдателя. Разглагольствія ихъ между собою не допускаются.

§ 157.

Предсѣдатели въ отдѣленіяхъ имѣютъ тѣ же права и обязанности, какъ и предсѣдатель департамента.

§ 158.

Во время сужденія каждый сенаторъ можетъ требовать въ подлинномъ дѣлопроизводствѣ точнаго указанія какого-либо обстоятельства.

§ 159.

Засѣданія продолжаются не менѣе 4 часовъ, развѣ бы пріуготовленныхъ и не рѣшенныхъ дѣлъ совсѣмъ не было. Они закрываются предсѣдателемъ.

§ 160.

Предъ концомъ засѣданія оберъ-прокуроръ возвѣщаетъ дѣла, въ будущее присутствіе къ слушанію предлежащія.

§ 161.

Есть ли записки о сихъ дѣлахъ не были предварительно сообщены сенаторамъ, то предсѣдатель можетъ оныхъ требовать, и рекетмейстеръ обязанъ ихъ ему представить, безъ чего дѣла сіи и къ слушанію не допускаются.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОРЯДОКЪ ВЪ РѢШЕНИИ ДѢЛЪ АПЕЛЛЯЦІОННЫХЪ.

§ 162.

Къ докладу дѣла апелляціоннаго существенно принадлежатъ: 1) чтеніе записки, составленной рекетмейстеромъ и разсмотрѣнной въ присутствіи рекетмейстеровъ; 2) чтеніе дополненій, представленныхъ отъ тяжущихся сторонъ. Чтеніе производится секретаремъ.

§ 163.

Сужденіе сената въ дѣлахъ сего рода обращается прежде всего на форму или образъ его производства, а потомъ уже на самое существо ихъ.

§ 164.

Посему первый вопросъ, который въ дѣлѣ апелляціонномъ, по прочтеніи его, предлагается, состоитъ въ слѣдующемъ: находитъ ли Сенатъ производство дѣла правильнымъ и полнымъ?

§ 165.

Оберъ-прокуроръ и рекетмейстеръ объясняютъ производство.

§ 166.

Есть ли большинствомъ голосовъ производство дѣла признано будетъ неправильнымъ и не полнымъ, тогда дѣло возвращается въ присутствіе рекетмейстеровъ, безъ разсмотрѣнія существа его.

§ 167.

Присутствіе рекетмейстеровъ или дополняетъ оное нужными свѣдѣніями, или же возвращаетъ его въ судебныя мѣста, когда неправильность производства въ нихъ была допущена и не можетъ быть иначе исправлена, какъ на мѣстѣ (§ 93).

§ 168.

Рекетмейстеръ, въ производствѣ коего замѣчены будутъ болѣе трехъ разъ въ теченіе года упущенія, кои въ предыдущихъ статьяхъ означены и кои отъ него зависѣло въ началѣ производства предупредить или дополнить, подвергается взысканію, по усмотрѣнію генералъ-прокурора, и даже можетъ быть лишенъ своего мѣста, по усмотрѣнію министра юстиціи.

§ 169.

По разрѣшеніи перваго вопроса о формѣ или образѣ производства, Сенатъ приступаетъ къ разрѣшенію вопросовъ о существѣ дѣла порядкомъ вышеозначеннымъ (§ 149—155).

§ 170.

Единогласное рѣшеніе частнаго апелляціоннаго дѣла, въ отдѣленіи Сената состоявшееся, признается окончательнымъ, и жалобы на оное нигдѣ не пріемлются.

§ 171.

Дѣла, въ рѣшеніи коихъ окажется разногласіе въ отдѣленіи, переносятся въ департаментъ.

§ 172.

Въ департаментѣ дѣло разсматривается въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было представлено отдѣленію, съ присовокупленіемъ: 1) рѣшенія, въ отдѣленіи состоявшагося, 2) мнѣній членовъ, съ онымъ не согласившихся.

§ 173.

Сужденіе и рѣшеніе въ департаментѣ производится тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ отдѣленіи, на основаніи общихъ правилъ, выше постановленныхъ.

§ 174.

Рѣшеніе департамента, большинствомъ голосовъ принятое, въ дѣлахъ между частными лицами признается окончательнымъ, и жалобы на оное нигдѣ не пріемлются.

§ 175.

По дѣламъ тяжебнымъ казеннымъ и общественнымъ, прежде нежели послѣдуетъ въ отдѣленіи Сената рѣшительное опредѣленіе, резолюція онаго съ запискою, на коей она основана, сообщается каждый разъ чрезъ генералъ-прокурора тому министру, къ коему принадлежитъ дѣло.

§ 176.

Министръ обязанъ, по крайней мѣрѣ чрезъ двѣ недѣли по полученіи дѣла, дать свое по оному заключеніе.

§ 177.

По выслушаніи заключенія, Сенатъ полагаетъ рѣшеніе.

§ 178.

Единогласныя рѣшенія отдѣленій Сената въ дѣлахъ тяжебныхъ казенныхъ признаются окончательными, когда: 1) не отсуждается ими казенная собственность; 2) не уничтожается право личной свободы.

§ 179.

Но рѣшенія, не единогласныя или отсуждающія казенную собственность, или же уничтожающія право личной свободы, поступаютъ въ департаментъ.

§ 180.

Въ департаментѣ по симъ дѣламъ присутствуетъ предсѣдатель Сената; въ Санктпетербургѣ же, по дѣламъ важнымъ, приглашается тотъ министръ, къ коему принадлежитъ дѣло.

§ 181.

Единогласное рѣшеніе департамента считается окончательнымъ и приводится въ исполненіе; есть ли же рѣшеніе будетъ неединогласно, то дѣло рѣшится окончательно большинствомъ голосовъ; но есть ли рѣшеніемъ неединогласнымъ, но на большинствѣ голосовъ основаннымъ, отсуждается казенная собственность, или же уничтожается право личной свободы въ отмѣну мнѣнія, министромъ представленнаго, то дѣло вносится министромъ юстиціи въ Государственный Совѣтъ, по 29 статьѣ его Учрежденія.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ПОРЯДОКЪ РѢШЕНІЯ ДѢЛЪ УГОЛОВНЫХЪ.

§ 182.

Къ докладу дѣла уголовнаго существенно принадлежитъ: 1) чтеніе записки, составленной рекетмейстеромъ и разсмотрѣнной въ присутствіи рекетмейстеровъ; 2) чтеніе жалобы, принесенной отъ обвиняемаго, или мнѣніе губернатора, есть ли дѣло поступило на ревизію Сената по жалобѣ, или по разногласію губернатора.

§ 183.

Въ прочемъ сужденіе и рѣшеніе дѣлъ уголовныхъ производится сообразно общимъ правиламъ, выше изложеннымъ.

§ 184.

Единогласныя рѣшенія отдѣленій по дѣламъ уголовнымъ, коими обвиняемые не осуждаются къ лишенію жизни или чести, почитаются окончательными, въ случаѣ же разногласія переходятъ въ департаментъ и тамъ рѣшаются окончательно большинствомъ голосовъ.

§ 185.

Дѣла уголовныя, въ коихъ лица, имѣющія дворянское достоинство, присуждаются къ потерѣ политическихъ правъ или къ гражданской смерти, хотя бы и единогласно были рѣшены, поступаютъ въ департаментъ, а по разногласію въ ономъ, вносятся въ общее собраніе.

§ 186.

Окончательное рѣшеніе сихъ дѣлъ производится порядкомъ, въ уголовныхъ законахъ установленнымъ.

§ 187.

Судъ надъ чиновниками, коимъ присвоено право быть судимыми въ Сенатѣ, не вершится иначе, какъ въ общемъ собраніи.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПОРЯДОКЪ РѢШЕНІЯ ДѢЛЪ ТЕКУЩИХЪ.

§ 188.

Къ докладу дѣлъ текущихъ существенно принадлежитъ чтеніе записки, составленной рекетмейстеромъ изъ жалобы или прошенія, и собранныхъ по оной свѣдѣній.

§ 189.

Какъ подъ именемъ дѣлъ текущихъ разумѣются однѣ жалобы на производство дѣлъ и образъ ихъ исполненія, то при сужденіи дѣлъ сего рода Сенатъ никогда не касается самаго существа дѣла, но единственно охраняетъ порядокъ его производства и исполненія. Предсѣдатель отдѣленія особенно наблюдаетъ, чтобы сіе различіе съ точностію было сохраняемо.

§ 190.

Посему въ сужденіи каждаго текущаго дѣла два только слѣдующіе вопроса могутъ имѣть мѣсто:

1. Производство дѣла или образъ его исполненія, на которое принесена жалоба, сообразны ли судебному порядку?

2. Есть ли не сообразны, то какимъ образомъ, по точному смыслу сего порядка, должны они быть исправлены?

§ 191.

Дѣла текущія получаютъ окончательное ихъ совершеніе въ отдѣленіи, есть ли рѣшены будутъ единогласно; въ случаѣ же разногласія переходятъ въ департаментъ и тамъ рѣшатся окончательно по большинству голосовъ. Жалобы на сіе рѣшеніе нигдѣ не пріемлются.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПОРЯДОКЪ РѢШЕНІЯ ДѢЛЪ ВЪ ОБЩИХЪ СОБРАНІЯХЪ.

§ 192.

Рѣшеніе дѣлъ, принадлежащихъ къ судебному управленію, учреждается въ общихъ собраніяхъ сообразно общимъ правиламъ, о порядкѣ сужденія постановленнымъ, съ надлежащимъ ихъ къ сему роду дѣлъ примѣненіемъ.

§ 193.

Всѣ дѣла, къ судебному управленію принадлежащія, рѣшатся въ общемъ собраніи окончательно по большинству голосовъ.

§ 194.

Рѣшеніе дѣлъ судныхъ въ общемъ собраніи производится и совершается на тѣхъ же правилахъ, какъ и въ департаментѣ.

§ 195.

Дѣла тяжебныя, казенныя и частныя, въ двухъ только случаяхъ могутъ подлежать рѣшенію общаго Сената и собранія:

1. Когда при сужденіи дѣла въ департаментѣ найденъ будетъ на какой-либо важный случай недостатокъ яснаго закона. Въ семъ случаѣ общее собраніе Сената, разсмотрѣвъ дѣло, есть ли найдетъ заключеніе департамента правильнымъ, то, пріостановивъ рѣшеніе, представляетъ существенныя его обстоятельства чрезъ министра юстиціи на Высочайшее усмотрѣніе, съ испрошеніемъ новаго закона и съ своимъ о томъ мнѣніемъ. По разсмотрѣніи сего представленія въ Государственномъ Совѣтѣ, есть ли оно найдено будетъ правильнымъ, то издается дополненіе или изъясненіе закона порядкомъ, для сего установленнымъ; въ противномъ же случаѣ означается существующій законъ, на основаніи коего дѣло рѣшить должно.

2. Когда при разсмотрѣніи дѣла въ департаментѣ найдены будутъ такія чрезвычайныя обстоятельства, что рѣшеніе ихъ обыкновенными положительными законами было бы противно нравственнымъ уваженіямъ справедливости: въ семъ случаѣ общее собраніе, есть ли найдетъ заключеніе департамента правильнымъ, то, пріостановивъ рѣшеніе дѣла, представитъ обстоятельство сіе чрезъ министра юстиціи на Высочайшее усмотрѣніе съ изъясненіемъ причинъ, по коимъ оно считаетъ дѣло сіе подлежащимъ верховному совѣстному суду. Есть ли причины сіи найдены будутъ въ Государственномъ Совѣтѣ правильными, то дано будетъ повелѣніе о переносѣ дѣла въ верховный совѣстный судъ; въ противномъ же случаѣ оно предоставится законному его теченію.

§ 196.

Подобное сему представленіе общее собраніе чинитъ въ дѣлахъ уголовныхъ, когда, при сужденіи ихъ въ департаментѣ или же въ общемъ собраніи, найдутся преступленія, подлежащія верховному уголовному суду.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ПОРЯДОКЪ РѢШЕНІЯ ДѢЛЪ ВЪ ВЕРХОВНОМЪ СОВѢСТНОМЪ СУДѢ.

§ 197.

Верховный совѣстный судъ, въ порядкѣ рѣшенія дѣлъ, наблюдаетъ общія правила, выше сего постановленныя.

§ 198.

Сообразно симъ правиламъ судъ прежде всего обращается къ формѣ производства и, по вопросу предсѣдателя, рѣшитъ правильность онаго или назначаетъ нужныя дополненія, а потомъ уже поступаетъ къ самому существу дѣла и разрѣшаетъ вопросы не по словамъ токмо закона, но по разуму его и правдѣ.

§ 199.

Дѣла въ верховномъ совѣстномъ судѣ рѣшатся по большинству голосовъ, и рѣшенія сіи суть окончательны.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ПОРЯДОКЪ РѢШЕНІЯ ДѢЛЪ ВЪ ВЕРХОВНОМЪ УГОЛОВНОМЪ СУДѢ.

§ 200.

Верховный уголовный судъ въ порядкѣ рѣшенія дѣлъ наблюдаетъ общія правила, о рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ выше сего постановленныя.

§ 201.

Но какъ, по составу сего суда, неудобно было бы въ полномъ его собраніи входить во всѣ подробности, относящіяся къ формѣ производства, то при самомъ открытіи сего суда избираются шесть членовъ, кои, подъ начальствомъ предсѣдателя суда, составляютъ особенную коммиссію предварительнаго разсмотрѣнія.

§ 202.

Обязанность сей коммиссіи есть: разсмотрѣть производство дѣла во всей его подробности и удостовѣриться въ его правильности.

§ 203.

Есть ли коммиссія усмотритъ недостатокъ въ производствѣ дѣла, упущеніе въ допросахъ обвиняемому или неясность въ его отвѣтахъ, она обязана призвать его лично, или, въ случаѣ его отсутствія, взять отъ него письменное объясненіе и дополнить дѣло всѣмъ, что признаетъ она нужнымъ.

§ 204.

Дѣло, симъ образомъ разсмотрѣнное и дополненное, представляется верховному уголовному суду, который, не обращаясь уже на форму его, постановляетъ рѣшеніе о существѣ его.

§ 205.

Рѣшеніе верховнаго уголовнаго суда постановляется не токмо по словамъ закона, но по разуму его и правдѣ.

§ 206.

Окончательное рѣшеніе сихъ дѣлъ производится порядкомъ, въ уголовныхъ законахъ установленнымъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ПОРЯДОКЪ ИСПОЛНЕНІЯ.

§ 207.

Главный надзоръ въ порядкѣ судебнаго исполненія во всѣхъ вообще округахъ Сената принадлежитъ министру юстиціи.

§ 208.

Надзоръ въ исполненіи въ каждомъ округѣ Сената особенно принадлежитъ генералъ-прокурору.

§ 209.

Подъ надзоромъ генералъ-прокурора исполненіе производится въ общихъ собраніяхъ, въ департаментахъ и отдѣленіяхъ оберъ-прокурорами, рекетмейстерами и ихъ помощниками.

§ 210.

Всѣ постановленія по судебной части, къ исполненію отъ Сената исходящія, имѣютъ свою опредѣленную форму, безъ коей они не могутъ быть дѣйствительны.

§ 211.

Постановленія Судебнаго Сената удостовѣряются надлежащимъ подписаніемъ и скрѣпою и, сверхъ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приложеніемъ печати.

§ 212.

Судебный Сенатъ имѣетъ свою печать.

§ 213.

Печать Судебнаго Сената прилагается къ рѣшеніямъ Сената, собственность частную утверждающимъ, и къ другимъ важнѣйшимъ актамъ.

§ 214.

Хранитель печати Судебнаго Сената есть министръ юстиціи; въ особенности же въ каждомъ округѣ храненіе печати ввѣряется генералъ-прокурору.

§ 215.

Исполненіе начинается съ того времени, какъ дана будетъ Сенатомъ резолюція по дѣлу, и оканчивается внесеніемъ послѣдняго рапорта объ исполненіи въ тѣхъ мѣстахъ, коимъ оно будетъ предписано.

§ 216.

Поелику всѣ дѣла, въ Сенатъ входящія, раздѣляются вообще на два рода: на текущія, или дѣла управленія, и на дѣла апелляціи и ревизіи, то и образъ исполненія полагается двоякій. Рѣшенія Сената по дѣламъ текущимъ вносятся въ журналъ, а по дѣламъ апелляціи или ревизіи составляются особенные протоколы или опредѣленія.

§ 217.

Рѣшенія Сената по дѣламъ текущимъ составляются и вносятся въ журналъ тѣмъ рекетмейстеромъ, который ихъ докладывалъ, и не позже, какъ въ слѣдующее за тѣмъ присутствіе, представляются къ подписанію сенаторовъ.

§ 218.

Сенаторы, не согласившіеся съ рѣшеніемъ, не позже какъ черезъ недѣлю прилагаютъ особенныя мнѣнія. По истеченіи сего срока они считаются согласившимися, развѣ бы по какой либо законной причинѣ въ Сенатѣ присутствовать не могли или по родству и другимъ законнымъ уваженіямъ отъ участія въ дѣлѣ отреклись.

§ 219.

Изъ журнала, въ коемъ означено рѣшеніе Сената, и который подписанъ сенаторами, составляется указъ, подписывается въ департаментахъ и отдѣленіяхъ оберъ-прокуроромъ, скрѣпляется рекетмейстеромъ, дѣло производившимъ, и отправляется по принадлежности не позже, какъ чрезъ недѣлю по подписаніи рѣшеній, по дѣламъ же, не терпящимъ времени, и ранѣе.

§ 220.

По дѣламъ апелляціи и ревизіи опредѣленіе составляется: 1) изъ записки, представленной къ докладу отъ присутствія рекетмейстеровъ, 2) изъ рѣшеній, какія Сенатъ положитъ на главныя обстоятельства дѣла сходственно вопросамъ, отъ предсѣдателя при сужденіи его предложеннымъ. Рѣшенія сіи присоединяются, по данной формѣ, къ той самой запискѣ, которая читана въ Сенатѣ, и не позже какъ чрезъ недѣлю представляются къ подписанію сенаторовъ.

§ 221.

Съ опредѣленій, по подписаніи ихъ сенаторами, составляются указы.

§ 222.

Всѣ указы по дѣламъ тяжебнымъ апелляціоннымъ предаются тисненію, и выдаются печатные тяжущимся сторонамъ.

§ 223.

Поелику рѣшенія Сената въ дѣлѣ собственности составляютъ одно изъ важнѣйшихъ ея укрѣпленій, то указы, выдаваемые тяжущимся сторонамъ, должны въ самой внѣшней формѣ ихъ быть сообразны сему назначенію. Для сего они подписываются предсѣдателемъ Сената и генералъ-прокуроромъ, скрѣпляются оберъ-прокуроромъ и рекетмейстеромъ, дѣло производившимъ, и полагается на нихъ печать Сената со взятіемъ пошлинъ, кои по роду исковъ опредѣлены будутъ особеннымъ учрежденіемъ.

§ 224.

Таковые же указы, за подписаніемъ оберъ-прокурора и за скрѣпою рекетмейстера, отсылаются въ то судебное мѣсто, къ исполненію коего дѣло принадлежитъ.

§ 225.

Такимъ образомъ однимъ журналомъ въ дѣлахъ текущихъ, опредѣленіемъ въ дѣлахъ апелляціи и ревизіи и однимъ указомъ, который не что другое есть, какъ списокъ съ журнала и опредѣленія, совершается все исполненіе рѣшенныхъ дѣлъ въ Судебномъ Сенатѣ. Строго воспрещается введеніе всякихъ другихъ формъ и обрядовъ письмоводства.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

НАДЗОРЪ ИСПОЛНЕНІЯ.

§ 226.

Надзоръ исполненія раздѣляется на двѣ части: 1) надзоръ въ Судебномъ Сенатѣ, 2) въ мѣстахъ, ему подчиненныхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НАДЗОРЪ ИСПОЛНЕНІЯ ВЪ СЕНАТѢ.

§ 227.

Въ первые десять дней каждаго мѣсяца предсѣдатель Сената составляетъ особенное присутствіе изъ предсѣдателей департаментовъ и генералъ-прокурора для ревизіи исполненія.

§ 228.

Въ семъ присутствіи разсматривается по всѣмъ департаментамъ и отдѣленіямъ:

1. Число дѣлъ, оставшихся нерѣшенными.
2. Число дѣлъ, вновь въ теченіе предыдущаго мѣсяца поступившихъ.
3. Число дѣлъ, по коимъ состоялись рѣшенія Сената.
4. Число дѣлъ исполненныхъ, по коимъ состоялись уже указы.

§ 229.

Свѣдѣнія сіи представляются присутствію генералъ-прокуроромъ.

§ 230.

Присутствіе, сообразивъ всѣ сіи свѣдѣнія, естьли усмотритъ медленность въ пріуготовленіи дѣлъ, въ сужденіи ихъ или исполненіи или вообще несоразмѣрность между дѣлами входящими и рѣшенными, пріемлетъ мѣры къ успѣшному ихъ движенію.

§ 231.

Естьли несоразмѣрность сія найдена будетъ въ пріуготовленіи дѣлъ и въ исполненіи ихъ, то мѣры побужденія и исправленія предоставляются генералъ-прокурору.

§ 232.

Для уравненія и успѣха въ производствѣ дѣлъ генералъ-прокуроръ можетъ распредѣлять дѣлопроизводителей между отдѣленіями и департаментами, умножить дни присутствія рекетмейстеровъ и даже удвоить ихъ въ каждый день, естьли признаетъ сіе нужнымъ.

§ 233.

Есть ли несоразмѣрность найдена будетъ въ рѣшеніи дѣлъ, то мѣры исправленія пріемлются предсѣдателемъ Сената, который можетъ для сего удвоить въ каждый день присутствія департаментовъ или ихъ отдѣленій или же перевесть дѣла изъ одного отдѣленія въ другое и даже изъ одного департамента тяжебнаго въ другой, но между департаментами уголовнымъ и тяжебнымъ перемѣщеніе дѣлъ не допускается.

§ 234.

Общая табель дѣлъ и мѣры, принятыя присутствіемъ, представляются ежемѣсячно министру юстиціи за подписаніемъ генералъ-прокурора.

§ 235.

Министръ юстиціи, разсмотрѣвъ сіи табели, есть ли замѣтитъ въ дѣлахъ несоразмѣрность и признаетъ мѣры, принятыя присутствіемъ предсѣдателей, къ исправленію недостаточными, представляетъ замѣчанія свои на Высочайшее усмотрѣніе. Судя по важности ихъ, они разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, и полагаются мѣры побужденія.

§ 236.

Есть ли при ежемѣсячной ревизіи исполненія дѣлъ присутствіе предсѣдателей усмотритъ, что по какой-либо губерніи дѣла умножаются, оно не оставитъ обратить на положеніе судебной части въ сей губерніи особеннаго вниманія и усилить надзоръ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

НАДЗОРЪ ИСПОЛНЕНІЯ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

§ 237.

За точностію исполненія въ судебныхъ мѣстахъ каждой губерніи ближайшій надзоръ поручается губернскому прокурору.

§ 238.

Губернскій прокуроръ доставляетъ о положеніи дѣлъ вѣдомости генералъ-прокурору.

§ 239.

Есть ли генералъ-прокуроръ усмотритъ медленность и упущеніе, то предлагаетъ общему Сената собранію мѣры исправленія побужденіемъ судебныхъ мѣстъ, взысканіемъ или отрѣшеніемъ членовъ ихъ отъ мѣстъ.

§ 240.

Генералъ-прокуроръ, по жалобамъ на бездѣйствіе губернскаго прокурора или по другимъ доходящимъ до него свѣдѣніямъ о медленности или упущеніяхъ въ исполненіи, обязанъ удостовѣряться въ томъ личнымъ обозрѣніемъ.

§ 241.

Для удостовѣренія сего онъ употребляетъ рекетмейстеровъ, ихъ помощниковъ, а въ важныхъ случаяхъ и оберъ-прокуроровъ, отправляя ихъ на мѣста и снабжая на сіи случаи особеннымъ наказомъ.

§ 242.

Все, что принадлежитъ къ производству дѣлъ и исполнительной части судебнаго порядка, можетъ быть предметомъ сего обозрѣнія; но въ существо дѣлъ и рѣшеніе ихъ чиновники сіи не входятъ.

§ 243.

Сверхъ сихъ обозрѣній Сенатъ каждый годъ, для вящшаго надзора въ округѣ своемъ надъ судебнымъ порядкомъ, отправляетъ двухъ сенаторовъ. Особенный наказъ опредѣлитъ подробнѣе предметы сего обозрѣнія и пространство власти, сенаторамъ ввѣряемой.

§ 244.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ каждаго года представляются въ общемъ собраніи Сената отчеты сихъ обозрѣній, и пріемлются мѣры побужденія и исправленія.

§ 245.

Изъ сихъ отчетовъ составляется въ присутствіи предсѣдателей и генералъ-прокуроровъ отчетъ объ общемъ положеніи судебной части какъ въ Сенатѣ, такъ и въ его округѣ, разсматривается въ общемъ собраніи, по утвержденіи его подписывается всѣми сенаторами и представляется чрезъ министра юстиціи на Высочайшее усмотрѣніе.

§ 246.

Отчеты сіи соединяются въ Государственномъ Совѣтѣ, и по разсмотрѣніи оныхъ пріемлются общія мѣры къ благоустройству и охраненію судебнаго порядка въ имперіи.

§ 247.

Составъ и формы сихъ отчетовъ опредѣлены будутъ особеннымъ положеніемъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ СУДЕБНАГО СЕНАТА.

§ 248.

Власть, ввѣряемая Судебному Сенату, состоитъ:

1. Въ верховномъ рѣшеніи тяжебныхъ и судныхъ дѣлъ.
2. Въ охраненіи суднаго порядка въ мѣстахъ, ему подчиненныхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О ВЛАСТИ СЕНАТА ВЪ РѢШЕНІИ ТЯЖЕБНЫХЪ И СУДНЫХЪ ДѢЛЪ.

§ 249.

Всѣ дѣла тяжебныя и судныя рѣшатся въ Судебномъ Сенатѣ по большинству голосовъ, порядкомъ, въ главѣ седьмой установленнымъ, окончательно, и жалобы на сіи рѣшенія нигдѣ не пріемлются.

§ 250.

Изъ сего общаго правила исключаются слѣдующіе случаи:

1. Когда при сужденіи тяжебнаго дѣла въ Сенатѣ найденъ будетъ недостатокъ или неясность въ законѣ.

2. Когда въ дѣлѣ найдены будутъ обстоятельства, по коимъ оно подлежать будетъ къ разсмотрѣнію верховнаго совѣстнаго или верховнаго уголовнаго суда.

3. Когда большинствомъ голосовъ отсуждается казенная собственность, или уничтожается право личной свободы въ отмѣну мнѣнія, представленнаго отъ министра той казенной части, къ коей принадлежитъ дѣло.

Примѣчаніе 1. Порядокъ вершенія уголовныхъ дѣлъ, въ случаяхъ лишенія политическихъ правъ, остается на установленномъ законами основаніи.

Примѣчаніе 2. Порядокъ рѣшенія дѣлъ въ случаѣ вышеприведенныхъ изъятій подробно означенъ въ главѣ седьмой сего учрежденія.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О ВЛАСТИ СЕНАТА ВЪ ОХРАНЕНІИ СУДЕБНАГО ПОРЯДКА.

§ 251.

Судебный Сенатъ, дѣйствуя ввѣренною ему властію, имѣетъ право понуждать подчиненныя ему мѣста и лица къ точному сохраненію судебнаго порядка и къ исполненію законовъ и учрежденій.

§ 252.

Послѣдствія, отъ сей власти происходящія, суть:

1. Опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ по тѣмъ судебнымъ мѣстамъ и должностямъ, коихъ утвержденіе присвоено непосредственно Сенату, и представленіе докладовъ о тѣхъ, коихъ утвержденіе зависитъ отъ Высочайшаго усмотрѣнія.

2. Надзоръ надъ дѣйствіемъ всѣхъ подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, взысканіе отъ нихъ отвѣтовъ въ случаѣ бездѣйствія или неправильнаго исполненія, наложеніе пеней, удаленіе отъ должностей и преданіе ихъ суду въ случаѣ важныхъ преступленій.

3. Разрѣшеніе силою законовъ всѣхъ затрудненій, въ судебномъ производствѣ встрѣчающихся, отмѣна неправильныхъ рѣшеній и возстановленіе судебнаго порядка по дѣламъ, въ коихъ онъ будетъ нарушенъ.

Примѣчаніе. Подъ именемъ мѣстъ, Судебному Сенату подчиненныхъ, разумѣются здѣсь не только тѣ мѣста, кои по существу своему составляютъ судебныя установленія, но и тѣ мѣста управленія, кои имѣютъ власть надзора въ судебномъ порядкѣ, какъ-то: губернскія правленія, доколѣ часть сія пребудетъ въ составѣ ихъ соединенною.

§ 253.

Судебный Сенатъ, охраняя предѣлы ввѣренной ему власти, не входитъ въ разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ, другимъ государственнымъ установленіямъ принадлежащихъ, но въ потребныхъ случаяхъ сносится съ ними порядкомъ, въ послѣдующей главѣ установленнымъ.

§ 254.

Само собою однакожъ разумѣется, что искъ на казну, дошедшій къ разсмотрѣнію Судебнаго Сената апелляціоннымъ порядкомъ, подлежитъ его рѣшенію по правиламъ, въ главѣ седьмой установленнымъ, хотя бы въ искѣ семъ и было отказано по жалобѣ одной стороны въ Правительствующемъ Сенатѣ. Отказъ, въ порядкѣ управленія послѣдовавшій, ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть преградою къ отысканію права собственности, какъ въ движимомъ, такъ и недвижимомъ имуществѣ судебнымъ порядкомъ (§ 2 Учрежденія Правительствующаго Сената).

ГЛАВА ПЕРВАЯ НА ДЕСЯТЬ.

ПОРЯДОКЪ СНОШЕНІЙ СУДЕБНАГО СЕНАТА СЪ ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ УСТАНОВЛЕНІЯМИ

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О СНОШЕНІЯХЪ ОБЩИХЪ.

§ 255.

Сношенія Судебнаго Сената съ Государственнымъ Совѣтомъ учреждаются перепискою министра юстиціи съ Государственною Канцеляріею.

§ 256.

Сношенія Судебнаго Сената съ Правительствующимъ производятся посредствомъ министра юстиціи.

§ 257.

Сношенія Судебнаго Сената съ Святѣйшимъ Синодомъ производятся посредствомъ взаимныхъ вѣдѣній и въ потребныхъ случаяхъ посредствомъ переписки между министромъ юстиціи и главно-управляющимъ духовными дѣлами.

§ 258.

Всѣ прочія мѣста и лица, къ порядку судебному принадлежащія, подчиняются Судебному Сенату и исполняютъ его указы.

Примѣчаніе. Мѣста и управленія, на особенномъ положеніи состоящія, какъ-то, Кабинетъ и тому подобныя, въ порядкѣ ихъ сношеній съ Сенатомъ сохраняютъ правила, доселѣ установленныя.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ОБЪ ОСОБЕННЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ СУДЕБНАГО СЕНАТА СЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИМЪ ПО ГЕРОЛЬДІИ.

§ 259.

Поелику порядокъ производства въ гражданскіе чины во всей имперіи долженъ быть единообразенъ, то всѣ представленія о производствѣ чиновниковъ, служащихъ въ разныхъ судебныхъ установленіяхъ и въ самомъ Судебномъ Сенатѣ, чрезъ генералъ-прокуроровъ вступаютъ къ министру юстиціи.

§ 260.

Министръ юстиціи, разсмотрѣвъ оныя, съ мнѣніемъ своимъ вноситъ или въ обыкновенныя собранія Правительствующаго Сената чрезъ Герольдію, или въ особенныя, по принадлежности, на общемъ со всѣми другими министерствами основаніи.

§ 261.

Производства въ чины по судебнымъ установленіямъ учреждаются на правилахъ, единообразныхъ со всѣми другими установленіями (Учрежденіе Правительствующаго Сената, § 161).

§ 262.

Для особеннаго охраненія сихъ правилъ по судебной части полагаются въ Герольдіи два совѣтника, опредѣляемые по представленію министра юстиціи (Учрежденіе Правительствующаго Сената, § 146).

§ 263.

На сихъ же самыхъ правилахъ и тѣмъ же порядкомъ учреждаются и представленія къ ордену Св. Владиміра, такъ какъ и представленія объ отличіяхъ другими орденами и наградахъ при увольненіи отъ службы пенсіонами.

ГЛАВА ВТОРАЯ НА ДЕСЯТЬ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ КАНЦЕЛЯРІИ СУДЕБНАГО СЕНАТА.

§ 264.

Въ устройствѣ канцеляріи Судебнаго Сената опредѣляются: 1) составъ и ея управленіе, 2) образъ производства дѣлъ, 3) установленія, при канцеляріи состоящія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СОСТАВЪ КАНЦЕЛЯРІИ И УПРАВЛЕНІЕ ЕЯ.

§ 265.

Каждое отдѣленіе Судебнаго Сената имѣетъ свою канцелярію.

§ 266.

Каждая канцелярія дѣлится на отдѣленія, а отдѣленія дѣлятся на столы по количеству и пространству дѣлъ.

§ 267.

Надзоръ надъ производствомъ дѣлъ въ отдѣленіяхъ канцеляріи ввѣряется рекетмейстерамъ. Одно, два и болѣе отдѣленій поручаются надзору одного рекетмейстера.

§ 268.

Каждое отдѣленіе въ особенности управляется помощникомъ рекетмейстера или секретаремъ. Каждый столъ имѣетъ своего начальника стола.

§ 269.

Общее собраніе имѣетъ свою канцелярію.

§ 270.

Канцеляріи верховныхъ судовъ совѣстнаго и уголовнаго составляются временнымъ назначеніемъ генералъ-прокурора изъ канцеляріи департаментовъ.

§ 271.

Канцелярія каждаго отдѣленія Судебнаго Сената состоитъ въ управленіи оберъ-прокурора того отдѣленія. Канцелярскіе чины опредѣляются по его назначенію.

§ 272.

Канцеляріи всѣхъ департаментовъ состоятъ въ вѣдомствѣ генералъ-прокурора. Начальники столовъ опредѣляются его утвержденіемъ, по представленію оберъ-прокурора.

§ 273.

Вообще канцеляріи всѣхъ департаментовъ и общихъ собраній по всѣмъ округамъ состоятъ въ главномъ начальствѣ министра юстиціи.

§ 274.

Количество отдѣленій и столовъ, число рекетмейстеровъ, ихъ помощниковъ, столоначальниковъ и канцелярскихъ чиновъ и прочія подробности, къ составу канцеляріи принадлежащія, опредѣляются особеннымъ штатомъ, который отъ министра юстиціи имѣетъ быть составленъ и внесенъ на Высочайшее утвержденіе.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ И ФОРМЫ ПИСЬМОВОДСТВА.

§ 275.

Порядокъ производства дѣлъ въ канцеляріи Судебнаго Сената установляется сообразно правиламъ, въ главѣ шестой сего учрежденія означеннымъ, и примѣняясь въ подробностяхъ онаго къ положеніямъ, въ общемъ учрежденіи министерствъ изображеннымъ.

§ 276.

Формы письмоводства учреждаются сообразно порядку нынѣ существующему съ дополненіями и перемѣнами, какія въ составленіи записокъ и опредѣленій, также въ сношеніяхъ рекетмейстеровъ и оберъ-прокуроровъ съ разными мѣстами и лицами согласно правиламъ, въ § 88 сего Учрежденія изображеннымъ, имѣютъ быть введены.

§ 277.

Министръ юстиціи, къ точному опредѣленію обоихъ сихъ предметовъ, имѣетъ составить и внести на Высочайшее утвержденіе особенное положеніе.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

УСТАНОВЛЕНІЯ, ПРИ КАНЦЕЛЯРІИ СУДЕБНАГО СЕНАТА СОСТОЯЩІЯ.

§ 278.

Подъ главнымъ начальствомъ генералъ-прокурора въ каждомъ округѣ Судебнаго Сената состоятъ два особенныя установленія: архивъ и типографія.

§ 279.

Архивъ Судебнаго Сената составляется изъ всѣхъ рѣшенныхъ дѣлъ и подлинныхъ постановленій, по дѣламъ симъ послѣдовавшихъ. Министръ юстиціи имѣетъ составить для сего особенное подробное положеніе и, сообразивъ оное съ тѣмъ, которое будетъ издано для архива Правительствующаго Сената, ввести въ надлежащую силу и дѣйствіе.

§ 280.

Типографія Судебнаго Сената имѣетъ быть такъ устроена, чтобъ она могла предавать тисненію не только всѣ указы, слѣдующіе къ общему свѣдѣнію и исполненію, но и записки, по дѣламъ составляемыя, и дополненія, представляемыя отъ тяжущихся, безъ малѣйшаго умедленія.

§ 281.

Подъ главнымъ надзоромъ генералъ-прокурора въ сей же типографіи будутъ издаваемы еженедѣльные листы, содержащіе въ себѣ всѣ указы, къ судебному по-

рядку принадлежащіе, рѣшенія Сената, вызовы тяжущихся и тому подобные акты, къ свѣдѣнію и исполненію нужные.

§ 282.

О порядкѣ сего изданія, объ управленіи типографіей, о образѣ ея содержанія и устройства, о пошлинахъ, за тисненіе ею взимаемыхъ, и прочихъ подробностяхъ, министръ юстиціи не оставитъ сдѣлать особеннаго положенія и, сообразивъ оное съ тѣмъ, которое издано будетъ для Правительствующаго Сената, привести въ надлежащее дѣйствіе.

III.

Записка о взаимномъ положеніи Франціи и сѣверныхъ державъ въ началѣ 1810 года, представленная Наполеону 16 марта 1810 года.

Relations extérieures.

(Secret).
Division du Nord
(Cabinet de Sa Majesté).

Paris,
16 Mars 1810.

Rapport à Sa Majesté l'Empereur [1])

Sire.

L'acte solennel, conclu le 9 du mois dernier[2]), en établissant entre Votre Majesté Impériale et la cour de Vienne des rapports intimes et nouveaux, ne peut manquer d'amener un changement prochain dans la politique de l'Europe, et la prudence ne permet pas d'attendre les événements pour s'occuper des intérêts de l'Empire, relativement aux puissances du Nord. Votre Majesté demande un aperçu général de leur position, d'après la correspondance officielle de ses ministres et les relations secrètes des agents particuliers. J'ai l'honneur de lui soumettre ce travail, en y joignant d'après ses ordres, le tableau de mesures prises ou à prendre dans ces circonstances.

Tant que la maison d'Autriche, aveuglée par ses ressentiments, s'est livrée aux conseils et aux promesses du cabinet Britannique, Votre Majesté occupée ou menacée de guerres sanglantes en Allemagne, en Italie, en Espagne, en Portugal, a dû regarder ses liaisons avec la Russie comme un contrepoids nécessaire qui lui garantissait au moins la neutralité du Nord: je dis la neutralité plutôt que l'alliance, et ce n'est pas sans raison, car même depuis la dernière révolution de Suède et malgré l'apparente adhésion des quatre puissances qui règnent sur les côtes de la Baltique au système con-

[1]) Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Papiers interceptés 1812).
[2]) Contrat de mariage de Sa Majesté avec l'archi-duchesse Marie-Louise.

tinental formé contre l'Angleterre, il est évident que d'un côté, la corruption et la mauvaise foi des Cours, et de l'autre, les vieilles habitudes des peuples, ont ouvert mille communications qui devaient être fermées au commerce anglais. Les faits sont ici plus forts que tous les raisonnements: à la fin du mois de Décembre dernier 372 navires, chargés des productions de la Baltique sont entrés le même jour à Gravesend.

Le chanvre et les autres munitions navales ont tout à coup baissé de trente pour cent, quoique leur prix ne fit pas excessif auparavant. Dans le cours de 1809, les Anglais ont exporté pour quinze millions sterling de produits de leurs colonies ou de leurs manufactures (environ 360 millions de francs) pour le rocher d'Helgoland, d'où leurs facteurs les ont répandues en Russie, en Prusse, en Danemarc et même en Pologne et en Allemagne.— La Tamise est couverte de pavillons, à peu près inconnus jusqu'à ce jour (pavillons insurgés d'Espagne et de Portugal, pavillons Turcs, Grecs, du Brésil, de Jérusalem, de Sardaigne, de Sicile, de Pappembourg etc.), frivole déguisement sous lequel l'Angleterre seule fait un commerce immense, que le Nord favorise de tout son pouvoir. Les documents publiés par le ministère britannique et les rapports secrets de nos agents, attestent également tous ces faits.

Dans un tel état des choses, de quoi sert à la France la prétendue coalition des puissances septentrionales contre les Anglais? Sans forces maritimes pour agir efficacement contre eux, disposées secrètement à favoriser la fraude qui leur tient lieu d'un commerce autorisé, ce n'est que par de vaines ordonnances qu'elles ont l'air de concourir aux vues de Votre Majesté et de remplir leurs engagements. Aussi le blocus qui devait affamer l'Angleterre au milieu des richesses des deux Indes, n'est-il plus qu'un système incohérent, sans ensemble et sans résultats. La Russie, la Prusse, le Danemarc, la Suède, sous l'apparence d'une rupture ouverte avec la cour de Londres et d'une intime liaison avec la France, gardent une véritable neutralité qui n'est favorable qu'aux Anglais, puisque l'état de notre marine la rend absolument illusoire pour nous. Et tandis que les avantages que nous attendions de l'alliance de la Russie, s'évanouissent de jour en jour, la Russie, au contraire, s'empare rapidement de tous ceux que la nôtre lui avait promis. Déjà maîtresse paisible de la Finlande, il ne lui reste, pour réaliser toutes les conventions secrètes de Tilsit et d'Erfurth, qu'à s'assurer par un traité la possession de la Moldavie, de la Valachie et de la Bessarabie, depuis longtemps soumises et occupées par ses armes.

J'abandonne pour un moment les trois puissances secondaires qui font l'objet de ce travail, pour m'attacher uniquement à la Russie, dont l'influence peut seule contrarier les vues de Votre Majesté dans le Nord et à l'Orient de l'Europe. Jusqu'ici sa conduite n'a point inspiré de graves allarmes, et le caractère personnel de l'Empereur Alexandre offre des motifs de sécurité. Mais ce prince n'est ni assez fort pour donner à l'un de ses ministres une confiance exclusive, ni assez faible pour en être gouverné. Sa politique est une opinion personnelle: ses sentiments paraissent l'attacher à l'alliance de Votre Majesté, mais l'influence de l'Impératrice Mère quoiqu'elle soit d'affection plus que de politique, et la diversité de vues dans le conseil, agissent insensiblement, et comme à son insu, sur l'esprit de l'Empereur. L'Anglettere conserve à Pétérsbourg des intelligences plus ou moins suivies, des partisans plus ou moins zélés. Le change actuel de la Russie, l'état de ses finances obérées par les profusions des derniers règnes, le déficit de ses douanes depuis la guerre avec la Grande Bretagne et l'anéantissement du

commerce Hollandais, d'autres causes, réelles sans doute, mais adroitement exagérées dans le conseil du souverain, amèneront tôt ou tard un rapprochement avec les Anglais. La Prusse, la Suède, peut-être même le Danemarc, par crainte ou par affection, seront forcés de suivre l'impulsion de la Russie, et cet avenir ne serait pas éloigné, si le ministère britannique, recomposé par le marquis de Wellesley, présenterait enfin plus de garantie et de stabilité.

M. le duc de Vicence paraît être persuadé que les liens de l'alliance qui unit encore les deux empires seraient bientôt relâchés, si Votre Majesté n'avait garanti à l'Empereur Alexandre la cession de provinces turques situées sur la rive gauche du Danube, ou si le cabinet de Pétersboug croyait n'avoir plus besoin de cette garantie. Mais, en partant de ce principe, l'Angleterre ne peut-elle pas offrir une garantie pareille, pour acquérir une alliance bien plus utile à ses intérêts que celle des Turcs. Votre Majesté appuie la sienne par la présence d'une armée en Dalmatie; les Anglais peuvent assurer la leur par l'envoi d'une escadre dans l'Archipel; et le chemin est plus court pour une flotte de Malte aux Dardanelles, que pour une armée de Raguse à Constantinople.

Le Divan paraît indécis entre la France et l'Angleterre, sans affection, sans véritable confiance pour l'une ni pour l'autre, et convaincu que toutes les deux sont prêtes à le sacrifier à la Russie. Il est certain que tant que les Anglais verront dans l'Empereur Alexandre l'allié de Votre Majesté, ils exciteront les Turcs à la guerre; mais le jour même où leurs ouvertures seront accueillies à Pétersbourg et les ports de Russie ouverts à leurs vaisseaux, ils conseilleront la paix à Constantinople et garantiront volontiers la cession de la Moldavie, de la Valachie et de la Bessarabie. L'expérience du passé, à une époque moins grave et moins importante pour l'Angleterre, ne laisse aucun doute à cet égard, sur la flexibilité de sa politique. Le cabinet de Londres n'hésitera point à se charger de nos propres engagements envers le cabinet russe, et de plus, il s'efforcera de l'éblouir par les avantages d'un commerce qui releverait le crédit, décuplerait le produit des douanes et rendrait le mouvement aux finances de l'Empire. Le marquis de Wellesley s'est vanté qu'avant la fin de l'année il parviendrait à former une nouvelle coalition contre la France, et quoiqu'il ait du s'exagérer le succès de ses intrigues et l'effet que l'acte du 9 Février pourrait produire à Pétersbourg, il n'est pas douteux que ces mots prophétiques ne regardent la Russie et les Etats du Nord, soumis à son influence.

Quel est aujourd'hui l'objet principal, si ce n'est l'objet unique de l'ambition et de la politique du ministère Russe? L'acquisition des provinces turques sur la rive gauche du Danube — qui peut la lui procurer, prompte, sûre et irrévocable? Les armées et les négociations de la France, les flottes et les négociations de l'Angleterre. La France n'a rien obtenu du Divan à cet egard depuis plus de deux ans et l'on peut soupçonner à Pétersbourg qu'elle n'a rien voulu obtenir. L'Angleterre a réussi à faire armer les Turcs contre les Russes; aura-t-elle moins de succès, si elle leur conseille la paix, ou si elle commande cession désirée en bombardant le Sérail et en affamant Constantinople? Est-il vraisemblable que ces différentes questions ne soient plus discutées dans les conseils particuliers de l'Empereur Alexandre?

Il y a plus. Dans la direction actuelle des choses, la France et l'Angleterre semblent agir, toutes les deux en sens inverses de leurs véritables intérêts. La France, la

plus ancienne alliée de l'Empire Ottoman, ne peut rien gagner à l'agrandissement des Russes vers la mer Noire, et sans la garantie accordée par Votre Majesté dans une circonstance impérieuse, avec des vues qui n'ont jamais été secondées de bonne foi; il y aurait de fortes raisons de combattre pour l'intégrité de la Turquie au lieu d'en provoquer le démembrement. L'intérêt du royaume d'Italie est aujourd'hui le même là-dessus que celui de nos provinces méridionales. Les Anglais, au contraire, dès que leurs liaisons avec la cour de Pétersbourg seront rétablies, peuvent voir sans inquiétude le commerce du Levant passer dans les ports de Russie, il n'aura fait que changer de route pour arriver à Londres. Quant à l'accroissement politique et territorial de la puissance russe, l'Angleterre cessera d'en être allarmée ou jalouse dès qu'elle pourra l'opposer à la France. Ces principes seront vrais dans tous les temps; la France, qui les connaît, s'en est écartée par complaisance, l'Angleterre qui les connaît aussi, s'en écarte par passion. L'époque n'est pas éloignée où la force des choses les y ramènera l'une et l'autre.

Si l'on pouvait supposer que le ministère britannique accepterait franchement une paix compatible avec notre existance maritime et commerciale, les circonstances singulières où les deux pays sont placés pourraient y conduire. La Russie, sans doute, ne demanderait pas mieux que de signer un traité dont tous les avantages immédiats seraient pour elle. Après avoir acquis la Finlande, la Moldavie, la Valachie, la Bessarabie et une partie de la Pologne autrichienne, rouvrir ses ports au commerce de toutes les nations, relever son crédit, restaurer ses finances, affermir sa domination au Nord et à l'Orient, introduire l'ordre et l'économie dans son administration intérieur serait le chef d'oeuvre d'une politique heureuse autant qu'habile. La France n'envierait pas de si grands avantages, si les frères de Votre Majesté assis sur les trônes de Westphalie, de Naples, de Hollande et d'Espagne étaient reconnus par l'Angleterre, et si l'empire recouvrait avec ses colonies les moyens de relever sa marine. Mais il est impossible de se faire illusion. Le cabinet de Londres ne consentira, n'offrira même de garantir à la Russie les avantages dont on vient de parler que pour enlever à la France le fruit de dix ans de victoires. On ne peut espérer de sa politique actuelle qu'une trève passagère, une paix trompeuse et perfide, pendant laquelle les richesses nationales et la marine renaissante seraient livrées sans défense à la jalousie de l'Angleterre et détruites au premier signal. Ainsi la Russie a beaucoup à gagner et la France beaucoup à perdre, dans les conditions qui serviraient de base aux traités que pourrait consentir le cabinet britannique. L'une consoliderait ses acquisitions et renouerait des liaisons utiles et durables. L'autre livrerait le reste de ses capitaux à la foi de son ennemi, sans pouvoir en exiger aucune garantie; il faut des circonstances nouvelles, un nouveau règne, un ministère et des principes différents en Angleterre, pour que la France puisse espérer une paix solide. L'état de guerre vaut mieux qu'une trève de quelques mois, qui ne servirait qu'a tromper, par de fausses promesses, l'activité peu reflèchie et l'impatiente cupidité de nos négociants.

Il résulte de cet exposé fidèle que des intérêts évidemment opposés ameneront forcément une opposition plus ou moins marquée dans la politique de la France et de la Russie. Ainsi donc sans négliger les moyens de prolonger une alliance dont la base s'écroule, sans renoncer même tout à fait à l'espérance de trouver quelque sûreté dans une négociation avec le cabinet britannique, accoutumons nous d'avance à regarder la Russie comme l'alliée naturelle de l'Angleterre, et préparons nous à combattre sur le

continent les résultats du rapprochement de ces deux puissances, dès qu'il ne sera plus en notre pouvoir dé l'empêcher.

La France avait autrefois trois alliés qui contenaient dans de justes limites l'empire colossal que Pierre le Grand a fait peser sur l'Europe. Tous les trois existent encore, malheureux, affaiblis, découragés, mais pouvant recevoir une nouvelle vie et même être rendus à leur ancienne politique par la main créatrice de Votre Majesté.

1°) Les Turcs méritent d'occuper les premiers notre attention, soit à cause de la position superbe de leur empire, soit à cause de ses immenses ressources. Trente ans de défaites nourissent dans ce peuple une haine impuissante contre ses vainqueurs, mais ne l'éclairent point sur les moyens de réparer ses pertes. Les arts de la guerre n'y font que des progrès lents, incertains et souvent dangereux pour ceux qui les favorisent, témoin la catastrophe récente de Mustapha Bairactar. Cependant la valeur féroce et indisciplinée des Turcs laisse toujours quelques chances à la fortune. Le prince Bagration, général des Russes en Moldavie, vient d'en faire l'épreuve; et d'ailleurs un homme comme Hassan Pacha peut sortir tout à coup des rangs des Janissaires, un petit nombre d'officiers français et allemands peut mettre l'artillerie turque en état de résister avec avantage et fortifier les passages où les Russes victorieux viendraient s'arrêter. L'empire Ottoman n'est donc pas sans ressources possibles, sous le rapport militaire. Malheureusement, un Divan faible et corrompu, sans lumières et sans principes, cède alternativement à la terreur qu'inspire son maître et aux présents intéressés des Cours étrangères. Le caractère du Sultan Mahmoud ne s'est point encore manifesté au dehors: jusqu'à présent, il ne paraît occupé que du soin de perpétuer la race d'Othman, prête à s'éteindre. Ses ministres qui se succèdent avec une sanglante rapidité craignent presque également le Sultan, les Janissaires, les Français, les Anglais et les Russes. Notre alliance avec la Cour de Pétersbourg les a livrés quelque temps à l'influence de l'Angleterre. L'alliance de l'Angleterre avec la Russie nous les ramènerait promptement. Deux objets d'une égale importance doivent donc être suivis à Constantinople:

Le premier est de prolonger la guerre entre les Turcs et les Russes, tant qu'une grande partie de l'armée française est nécessaire en Espagne et en Portugal, de se réserver la médiation dans le traité qui sera conclu à la suite des événements, et de se tenir en mesure de faire reprendre les armes aux Turcs, quand les circonstances l'exigeront, en leur promettant les moyens de reconquérir les provinces qu'ils auront été forcés d'abandonner.

Le second objet non moins important et plus difficile est d'amener insensiblement la Porte à céder à Votre Majesté la Morée et Candie en échange des secours qu'elle recevrait pour se remettre en possession de la petite Tartarie et de la Crimée, plus nécessaires aux approvisionnements de Constantinople. Ce n'est pas ici le lieu de s'étendre sur cet ancien projet, qui mérite d'être discuté séparément, dans le cas d'une rupture avec la cour de Russie. Mais il faut dès à présent reprendre les négociations avec la Porte, essayer de tirer le Sultan de son apathie, et si la paix est inévitable, rejeter sur les Anglais la honteuse nécessité de céder la Moldavie et la Valachie. Soit que le cabinet de Londres en se rapprochant de celui de Pétersbourg en appuie ouvertement les prétentions auprès du Divan, soit que les conventions de Tilsit et d'Erfurt servent de base au traité futur, il importe que la France garantisse au Grand Seigneur

le reste de ses possessions, et lui fasse tacitement espérer des secours pour un autre temps. Depuis le retour de M. le comte de Sébastiani, cette mission délicate est confiée à M. Ruffin qui la remplit avec beaucoup d'intelligence, sans éveiller l'attention des Russes. Votre Majesté jugera sans doute qu'il est temps de faire passer à cet agent des instructions plus étendues; je crois pourtant nécessaire de laisser l'étrange position du Divan s'éclaircir un peu et prendre quelque fixité; car, en ce moment, où la Bulgarie est menacée par les Russes qui sont en guerre ouverte avec les Anglais, une escadre anglaise affame Constantinople, malgré l'alliance du Sultan avec la cour de Londres. Si l'Angleterre et la Russie étaient de bonne foi dans leurs querelles apparentes, la nature des choses plus forte que les haines politiques, leur donnerait donc encore des intérêts communs! Mais on soupçonne que les Anglais et les Russes ont eu des communications clandestines par Odessa et Kodgia bey, et les extraits de la correspondance de Constantinople, mis sous les yeux de Votre Majesté, confirment ces conjectures. Eh! comment expliquer autrement ce qui se passe? Les Turcs ne font la guerre que pour conserver leurs provinces au delà du Danube; la France, par deux traités particuliers, a garanti ces mêmes provinces à la Russie; l'Angleterre, ennemie déclarée de la Russie et de la France, aurait donc un intérêt manifeste à soutenir les Turcs, et l'une de ses escadres affame leur capitale! C'est, dit-on, parce que nos agents, de concert avec ceux de la Russie, veulent forcer le Divan à se conformer au décret qui ferme le continent aux marchandises anglaises. Mais le cabinet de Pétersbourg qui souffre patiemment les infractions continuelles que ce décret reçoit dans la Baltique, ne se bat pas au pied du mont Hémus pour le faire exécuter dans les ports du Levant: son but est d'arracher aux Turcs la cession fameuse de la Moldavie, de la Valachie et de la Bessarabie, et ce sont les Anglais qui favorisent de tous leurs moyens les efforts de leurs prétendus ennemis, en faisant semblant de les menacer d'une attaque sur la mer Noire? Le piège est grossièrement tendu, car l'escadre anglaise n'a pas même insulté les côte- de la petite Tartarie et de la Crimée, elle n'agit que contre ses alliés et seconde réelles ment les projets des Russes en mettant les ministres de la Porte entre la famine et la cession des trois provinces. Cette scène bizarre, qui se joue sous les murs du Sérail, appartient à la grande comédie politique dont le dénouement approche; la France n'en sera point la dupe; elle n'attendra point que Russie et l'Angleterre jettent le masque, pour revenir à ses anciennes liaisons et se préparer partout des ressources contre le rapprochement inévitable des cours de Londres et de Pétersbourg.

2°) Après les Turcs, ceux qui ont le plus d'intérêt à se rapprocher d'elle, ce sont les Suédois, aussi braves que les premiers Ottomans, plus instruits, plus éclairés, gouvernés par un gouvernement plus sage, mais moins fidèles et peu soumis, divisés entre eux, remuants, corruptibles et presque sans moyens de sortir de leur état actuel de faiblesse et d'abaissement. Il y a pourtant une nation en Suède, et le besoin d'avoir une patrie peut faire ici, dans un cas extrême, ce que le fanatisme religieux fait souvent chez les Turcs. Jamais la position du pays ne fut plus allarmante: la perte de la Finlande lui enlève un quart de sa population et de ses forces; Pétersbourg a acquis une frontière, Stockholm n'en a plus. L'alliance de l'Angleterre avec la Russie rendra le péril extrême, et l'on ne peut nier que ce ne soit une entreprise difficile, même pour la France, de tirer la Suède d'une position pareille pour lui rendre son indépendance et la sécurité. Le pre ier pas à faire pour y parvenir, c'est de réunir la nation contre la Russie,

d'étouffer dans les diètes et dans le sénat l'esprit de faction que les troubles civils ont fait naître, et que le cabinet de Pétersbourg a toujours soigneusement entretenu, enfin de consolider la puissance encore mal assurée du nouveau roi et de son successeu désigné. Quant au mariage de la princesse Laetitia avec le prince Royal de Suède que M. M. le comte d'Essen et le baron de Lagerbielke ont proposé, comme le meilleur moyen de ranimer les espérances publiques et l'ancien attachement des Suédois a la France, Votre Majesté pèsera dans sa sagesse les avantages et les dangers de cette mesure, dont l'éclat prématuré peut allarmer la Russie et précipiter son retour vers l'Angleterre. On est forcé d'observer ici que ce qui donne à nos négociations un caractère d'incertitude et quelque fois même un mouvement contraire à leur véritable objet, c'est qu'en prévoyant toujours l'époque où la Russie deviendra notre ennemie, nous devons pourtant respecter dans l'Empereur Alexandre l'allié de Votre Majesté. Cette contradiction politique nous oblige à tenir sans cesse un langage qui arrête la confiance des gouvernements prêts à se livrer à nous: elle gêne tous nos mouvements diplomatiques et leur ôte cette énergique franchise qui conviendrait mieux aux ministres du plus grand des souverains. C'est le résultat d'une alliance fondée sur des circonstances mobiles plutôt que sur des intérêts permanents. Il faut enfin s'attacher à un système positif relativement à la Suède: mais ce qui presse le plus, c'est l'envoi d'un homme éclairé qui puisse nous instruire fidèlement de la dispositon des esprits, du caractère politique du prince Royal et des ressources qui restent au royaume. M. de Lagerbielke est trop intéressé pour être cru légèrement, et nos communications directes avec la cour de Stockholm eussent été trop longtemps interrompues pour s'en tenir aux anciennes données sur les hommes et sur les choses. La mission du s-r Désaugiers remplira ce but sans exciter aucune inquiétude. Il convient de ne rien précipiter, sous les yeux, et pour ainsi dire, sous le canon des Russes. En éloignant encore pour quelque temps la paix de la Russie avec l'Angleterre et la Porte, Votre Majesté s'assure les moyens de terminer l'affaire d'Espagne, de chasser les Anglais du Portugal et d'affermir sa domination à l'Occident et au midi de l'Europe. Il serait à craindre que cette grande opération ne fut point finie, et que les premiers succès devinssent inutiles, si la face du Nord changeant tout à coup, Votre Majesté se voyait forcée de porter ses troupes en Allemagne, au lieu de les laisser quelque temps sur la péninsule espagnole. — Or des liaisons étroites et publiques, subitement contractées avec la Suède, peuvent engager la cour de Pétersbourg à terminer avec la même rapidité ses différents avec la Turquie et l'Angleterre, afin d'employer de plus grandes forces à retenir la Suède sous le joug. Il est donc prudent de donner aux Suédois des espérances et des subsides, d'affermir leur nouveau gouvernement, de fomenter les ressentiments que doit exciter la perte de la Finlande, mais de ne contracter une alliance d'éclat avec cette couronne ébranlée, qu'après avoir assuré la tranquillité des Espagnes et préparé des embarras à la Russie à l'Orient, au Nord et au centre de l'Europe.

3°) C'est ici que se présente le troisième des anciens alliés de la France contre le colosse de l'Empire Russe. — Encore plus accablé que les deux premiers, anéanti même pendant plusieurs années, il ne doit son existence actuelle qu'à son courage et à la sagesse prévoyante de Votre Majesté. La Pologne est ressuscitée dans le Duché de Varsovie: une armée de 60,000 hommes, prête à défendre son indépendance, est encore soutenue par 40,000 Saxons. Mais il faudrait réunir les deux parties de cette monarchie nouvelle, séparées par la Silésie prussienne. Les projets soumis à Votre Majesté sur

l'exécution de cette grande mesure sont le véritable complément du nouveau système européen: ils méritent un examen détaillé.

Le premier de ces projets partage les restes épars de la monarchie prussienne, donne la Silésie à la Saxe, réunit ainsi les provinces allemandes et les provinces polonaises de ce royaume, dont la population s'éleverait alors à plus de huit millions d'habitants. Une armée de 140,000 hommes en protégerait les frontières portées au delà de la Vistule et serait la première barrière opposée aux invasions de la Russie. Le Brandebourg, la Poméranie et le Hanovre, réunis aux états du roi de Westphalie, augmenteraient considérablement ses forces et l'influence française dans le Nord. Dantzig et Königsberg seraient déclarées villes impériales, comme Brême, Hambourg et Lubeck, sous la protection de la France. Les côtes de la Baltique et celles de la mer d'Allemagne, depuis Memel jusqu'à Embden, seraient alors véritablement fermées au commerce anglais, et les douanes françaises y seraient établies d'une manière permanente. Ce projet n'attaque point directement le territoire russe, mais il oppose à l'ambition du cabinet de Pétersbourg des masses capables d'une puissante résistance; il lui enlève le seul allié dont les états lui ouvrent le chemin de l'Allemagne; il borne tellement son influence en Europe, qu'on ne peut douter de ses efforts pour en empêcher l'exécution, et qu'il est dangereux d'en laisser entrevoir la pensée avant l'époque même où elle pourrait se réaliser; du reste les forces de la France employées dans un temps favorable et secondées par des négociations bien dirigées, assureraient l'exécution de ce plan, moins difficile qu'elle ne le paraît.

Le second projet, plus vaste, plus décisif, plus digne peut-être du génie de Votre Majesté allumerait en Europe la dernière guerre continentale: les moyens d'exécution sont d'une nature simple, et malgré son étendue, ne présentent pas de difficultés insurmontables, surtout en y intéressant l'Autriche. Ce projet consiste à réunir toute l'ancienne Pologne sous le gouvernement de Saxe, dont les différentes branches (des lignes Albertine et Ernestine) seraient appellées à la succession par ordre de primogéniture et seraient en attendant appanagées richement dans le royaume. Les starosties, les biens de la couronne et plusieurs territoires dans la Prusse orientale seraient uniquement destinés à former ces différents appanages pour les maisons de Weymar, de Gotha, de Cobourg, de Meiningen et d'Hilburghausen, ainsi que pour les frères du roi régnant. La Saxe et les petites principautés des cinq branches Ernestines seraient réunies au royaume de Westphalie, et le Brandebourg formerait un grand duché qui passerait à un prince de la maison de France. Pour dédommager l'Autriche de la perte de la Galicie, la Silésie et le comté de Glatz offrent un territoire, une population et des richesses équivalentes. Il ne serait pas impossible de payer sa coopération active dans l'exécution de ce plan d'une partie de la Valachie ou de la Servie. La Russie serait alors repoussée dans ses anciennes limites et ne conserverait de ses usurpations depuis un demi-siècle, que la Courlande et les provinces arrachées à l'empire Ottoman. Les Turcs, profitant de son abaissement et de l'attaque générale dirigée contre elle, pourraient ramener leurs limites jusqu'au Dniester, peut-être même jusqu'au Borysthène, dont le cours, depuis sa source jusqu'à Oczakow, devrait être la frontière des Russes. Des détails de ce plan et les moyens d'exécution qui seraient réunis à la force des armes, ont été mis sous les yeux de Votre Majesté avec le tableau des secours offerts et des intelligences entretenues dans la Pologne russe et dans la Pologne autrichienne.

Il est inutile d'en surcharger ce travail: j'observe seulement que le succès de cette entreprise consoliderait pour des siècles l'édifice d'une Europe nouvelle, et que le nombre, le courage, la supériorité décidée des armées françaises, la supériorité plus grande encore de celui qui les dirige, le voeu, l'empressement, l'enthousiasme des Polonais et la nullité de la Prusse depuis la paix de Tilsit, ne permettent pas de douter du succès, si la cour de Vienne, attachée à la cour de France par un lien auguste et par son intérêt bien entendu veut y coopérer. Cette cour n'oubliera point que la Russie n'est intervenue dans la dernière guerre que pour s'enrichir de ses dépouilles et lui enlever 400,000 habitants en Galicie. Ce qui lui reste en Pologne, resserré entre les provinces russes et le duché de Varsovie, est rempli de gentilhommes mal intentionnés et d'une fidélité plus que suspecte. Elle doit donc trouver un grand avantage à échanger de nouveaux sujets qui sont restés polonais contre une province qui fut autrichienne et qui s'en est souvenue longtemps. Elle satisfait à la fois une vieille ambition et une juste vengeance. L'inconvénient politique pour la France d'augmenter ainsi la masse de l'Autriche en Allemagne est bien compensé par les innombrables avantages de ce plan, qui fixerait irrévocablement dans les mains de Votre Majesté les destinées de l'Europe. Alors serait en effet rétabli l'Empire de Charlemagne, accru et fortifié par les lumières de dix siècles; alors la Russie serait véritablement séparée de l'Europe civilisée, et l'Angleterre du continent. Ce projet peut paraître gigantesque; il n'est pourtant que le résultat de la confiance que doivent inspirer de plus grands prodiges, accomplis par le génie de Votre Majesté.

Sans vouloir préjuger à cet égard les résolutions de sa profonde sagesse et quelque soit le parti qu'elle choisisse entre les différents projets qui lui sont soumis, il reste toujours démontré que c'est en Pologne que la France trouvera toujours ses plus utiles auxiliaires pour abaisser la puissance russe et pour sauver la Turquie et la Suède du joug dont elles sont menacées. C'est là que doit être établie la balance du Nord si nécessaire au repos du reste de l'Europe et à la grandeur de la France. On est forcé de reconnaître que dans tous les cas la ruine de la maison de Brandebourg est le premier moyen d'établir un ordre de choses inaltérable. La Prusse est devenue une espèce de superfétation politique dans le système créé par les événements et par les triomphes de Votre Majesté. La Westphalie et la Saxe doivent remplacer ce royaume dans l'influence que le génie d'un seul monarque lui avait acquise; mais cette influence doit être divisée pour ne plus devenir dangereuse et pour ne pas ajouter un poids trop considérable dans la balance en faveur de la maison d'Autriche. Si les nouveaux engagements que Votre Majesté va contracter avec la cour de Vienne, amènent, comme il est permis de l'espérer, une confiance entière et réciproque entre les deux gouvernements, Votre Majesté peut réparer elle-même une partie du mal que ses conquêtes ont fait à l'Autriche; mais nous ne perdrons jamais de vue l'importance des provinces illyriennes et la nécessité d'éloigner un territoire étranger des côtes Adriatiques. La prudence ne permet pas d'augmenter les forces de l'Autriche dans notre voisinage et de lui rouvrir des communications directes avec l'Angleterre; qu'elle reste Méditerannée, et que son ambition se dirige soit au Nord, soit à l'Orient de la Hongrie, suivant le sort que les événements feront à la Pologne et à la Turquie: c'est contre la Russie qu'elle doit tourner une rivalité qui n'existe plus entre elle et la Prusse. — Une politique semblable dirigera notre conduite envers la cour de Dresde: c'est vers la Pologne que la maison

de Saxe doit porter toutes ses vues, toutes ses forces, toutes les espérances de son ambition; des accroissements en Allemagne (si ce n'est en Silésie) l'écarteraient de sa nouvelle destination qui en fait une sentinelle avancée contre la Russie. Votre Majesté s'est assurée des dispositions particulières du baron de Senfft, aujourd'hui ministre des affaires étrangères en Saxe.—C'est un homme distingué pas ses lumières et sa probité; sa fortune personnelle, qui est située aux environs de Leipzig, et ses affections de famille l'attachent à l'Allemagne; il craint plus qu'il ne la désire la translation de la maison régnante en Pologne, et sous ce rapport il convient que les agents de France à Dresde et à Varsovie ne s'en rapportent pas entièrement à lui pour étendre et multiplier nos rapports dans la Lithuanie et la Pologne russe. Mais le baron de Senfft secondera vivement une guerre qui donnera l'espèrance de joindre géographiquement le duché de Varsovie au royaume de Saxe par l'acquisition de la Silésie: c'est le système favori de la cour de Dresde, qui, du reste, sera toujours prête à servir la France pour se délivrer du voisinage importun de la Prusse à laquelle il est temps d'arriver.

En attendant un avenir incertain qui décidera si elle doit exister encore, la cour de Berlin vit entre des regrets amers et de faibles espérances. Elle n'est pas encore bien revenue de l'étourdissement où l'a jetée la ruine de sa puissance, élevée si péniblement par Frédéric et si brusquement renversée par Votre Majesté. Les ministres prussiens semblent agités par un rêve pénible; mais l'épuisement de leurs finances, le déchirement de leurs provinces, l'occupation de leurs forteresses par nos troupes, leur font sentir à chaque instant la réalité de leur faiblesse et les livrent inutilement à toutes les fureurs d'une haine concentrée. — M. de Brockhausen, dont le caractère violent avait plusieurs fois laissé transpirer les véritables sentiments de sa cour, vient d'être remplacé ici par M. de Krusemarck, plus sage et plus mesuré. Mais un ministre de Prusse n'a plus rien à nous apprendre: le secret de son impuissance est révélé à l'Europe entière. Elle est à charge à ses voisins, méprisée de ses ennemis et à peu près inutile à ses alliés. M. de Krusemarck ne changera point sa situation.

Cependant il se présente une question que ce négociateur fait naître par ses propositions, et qui doit nous arrêter un moment. Dans le cas d'une rupture avec la Russie, quel parti la France peut-elle tirer de la Prusse? Il est aisé de répondre et de juger.

Les contributions que la cour de Berlin doit payer à la France, n'étant pas encore entièrement acquitées, les forteresses de Glogau, de Custrin et de Stettin sont toujours dans nos mains, et nous placent au centre du pays. Une alliance étroite avec la Prusse ne nous procurerait pas de plus grands avantages et nous demanderait le sacrifice de celui-ci. Son trésor épuisé n'offre aucune ressource de finances, et les troupes auxiliaires qu'elle peut fournir n'excèdent pas 30,000 hommes, fort mal intentionnés pour nous. Quel serait d'ailleurs le lien d'une pareille alliance? Votre Majesté daignerait-elle acheter la fidélité de la Prusse et lui rendre une existence assurée aux dépens de la Saxe, de la Pologne ou de la Westphalie? L'idée seule en est absurde; les états qui environnent le territoire prussien sont pour nous des alliés bien plus utiles et bien plus loyalement dévoués. De quelque manière que M. de Krusemarck colore les intentions de sa cour, dont il doit chercher à prévenir la ruine, il est clair que nous n'avons rien à gagner par son alliance, et qu'il nous importe au contraire de la rejeter au delà de la Vistule, en commençant la guerre avec la Russie.

A la vérité, sa haine mise en liberté d'agir, éclatera par un désespoir impuissant et donnera peut-être à la Russie quelques milliers d'hommes de plus que sa fausse amitié n'en donnerait à la France. Cinquante mille Prussiens, si l'on veut, pourront grossir les armées russes. Mais quelles ressources d'argent et de munitions trouveront-elles entre la Vistule et le Niémen, malgré la fidélité de cette cour errante? La France, au contraire, au premier coup de canon, disposera du Brandebourg, de la Poméranie et de la Silésie, pour exciter le zèle et augmenter la force de ses alliés. Elle trouvera dans ces trois provinces, surtout dans la dernière, quelques moyens non encore épuisés et les indemnités promises aux cours qui seconderont ses efforts. La Pologne, la Saxe, la Westphalie provoquent chaque jour ce partage, qui tentera certainement aussi le Danemarc et l'Autriche, et qui rattache, toutes les puissances d'Allemagne à la cause de la France contre l'Angleterre et la Russie. De pareils avantages peuvent-ils être balancés par un misérable secours de 30,000 hommes, avec lequel la Prusse acheterait sa conservation? Encore faut-il observer que, d'après les dispositions que la cour de Berlin cultive soigneusement dans l'esprit de ses sujets, les plus braves soldats et les meilleurs officiers de ses troupes ne se réuniraient aux Français que pour les abandonner à la première occasion et se réunir à leurs ennemis.

Il n'y a donc aucune utilité réelle à changer nos rapports actuels avec la Prusse pour tenter de l'attacher au système de la France et de la réunir à la confédération du Rhin. Les intérêts sont trop différents, les haines cachées trop actives et les souvenirs trop douloureux. Mais le ministre de Votre Majesté à Berlin n'en a pas moins un cercle de vigilence assez étendu. Les premiers symptomes d'un rapprochement secret entre les cours de Londres et de Pétersbourg doivent se manifester en Prusse. Déjà M. le comte de St. Marzan a donné des avis utiles sur les communications clandestines des Anglais avec les côtes de la Courlande, de la Prusse orientale et de la Lithuanie prussienne.

Il rendra des services plus importants, s'il peut découvrir les combinaisons éventuelles qui lient secrètement les cabinets de Pétersbourg et de Berlin, non qu'il soit difficile de juger de leurs vues et de leurs sentiments, mais jusqu'à quel point les promesses et les engagements réciproques ont-ils été portés? Quelle espérance a donnée l'Empereur Alexandre, quelle époque a-t-on jugé nécessaire d'attendre? Par quelles démonstrations s'est-on proposé de tromper les ministres de Votre Majesté? Tels sont les points délicats sur lesquels M. le comte de St. Marzan a reçu l'ordre de diriger ses recherches. Dès que l'organisation du ministère Wellesley sera complètement terminée à Londres, quelques mouvements se feront sentir à Pétersbourg et à Berlin: ils seront observés et suivis par tous les moyens anciens, auxquels on s'efforce d'en ajouter de nouveaux. Le cabinet du roi de Prusse est plus accessible que celui de l'Empereur de Russie. Malgré les menaces et les punitions dirigées au hazard, qui ont signalé le retour à Berlin, plusieurs amis de la France n'ont été ni découverts, ni découragés. Les bienfaits constants de Votre Majesté ajoutent à leur zèle, et l'on peut aisément prévoir l'époque où leurs services acquerront plus d'importance et d'activité.

Il reste à jeter un coup d'oeil rapide sur le Danemarc pour achever le compte général, demandé par Votre Majesté, sur la situation politique des États du Nord au commencement de cette année.—De tous les alliés de la France dans cette partie de l'Europe, le Danemarc est le seul qui aît contre l'Angleterre des motifs d'un ressentiment profond. Aussi la nation paraît-elle d'aussi bonne foi que le Prince dans les me-

sures prises contre le commerce britannique; et si l'on excepte quelques marchands d'Altona, de Tonningen et de Flensbourg, séduits par la cupidité, le sacrifice des intérêts particuliers, des usages et des anciennes commodités, a été fait loyalement par tous les sujets danois. Les nouvelles liaisons de Votre Majesté avec l'Autriche lui permettant de porter la plus grande partie de l'armée d'Allemagne dans le Hanovre et sur les frontières du Holstein, contribueront sans doute à maintenir la cour de Copenhague dans ses bonnes dispositions à l'égard de la France et dans son adhésion au système continental. Il est pourtant nécessaire d'observer que l'Angleterre a déjà fait plusieurs tentatives pour adoucir les ressentiments du Danemarc. Elle a traité de la manière la plus favorable les habitants de l'Islande et des îles de Féroë; chaque jour elle renvoie les prisonniers danois avec une bienveillance marquée; elle communique fréquemment avec les ports les plus septentrionaux de la Norvège, éloignés par leur position de la surveillance de nos agents, et l'on ignore les avis qu'on a pu recevoir à Copenhague par cette voie. De plus, l'Angleterre tient en son pouvoir les îles de S-te Croix, de St. Jean et de St. Thomas, aux Antilles, Trinquebar, à la côte du Coromandal, et tous les établissements danois dans les deux Indes. Le commerce de la capitale souffre de cette perte, et le ministère britannique n'a qu'à donner un ordre pour l'en consoler. Il peut même restituer une partie de la flotte danoise et sauver ainsi l'honneur du Danemarc sans aucun danger pour l'Angleterre. Enfin la cour de Russie exerce, depuis plus d'un demi-siècle, une influence puissante sur celle de Copenhague; notre alliance avec le cabinet de Pétersbourg a contribué beaucoup aux résolutions énergiques du Danemarc contre l'ennemi commun. Mais cette alliance une fois rompue, et la politique d'un nouveau ministère anglais offrant une satisfaction quelconque au Danois, il ne nous resterait pour dominer à Copenhague que la crainte d'une armée française dans les duchés de Holstein et de Sleswick. La Russie peut balancer cette crainte par une autre. Elle peut offrir à la Suède les moyens de s'emparer de la Norvège en dédommagement de la Finlande et forcer ainsi la cour de Copenhague à choisir entre deux périls égaux. Il serait possible que, dans ce cas, les liens du sang qui unissent les trois branches royales de la maison de Holstein, l'intérêt d'une capitale maritime et commerçante, la sécurité que peut inspirer la position des îles de Séelande et de Fionie contre une puissance sans marine, influassent fortement sur le cabinet danois. Et s'il refusait d'abord (ce qui est probable) de se joindre à la Russie, il est au moins certain qu'il réclamerait une neutralité ouverte, incompatible avec le système actuel de la France, et qu'il finirait par se jeter entre les bras de nos ennemis.

Il résulte de ce travail, fondé sur la correspondance des ministres de Votre Majesté dans les cours du Nord et sur les rapports secrets parvenus aux Relations Extérieures:

1°) que notre alliance avec la Russie, malgré le caractère personnel de l'Empereur Alexandre, doit être considérée comme précaire et touchant à sa fin;

2°) que le rapprochement des cours de Pétersbourg et de Londres, provoqué par diverses circonstances, ne peut être différé très longtemps et dépend en partie de la composition et de la politique d'un nouveau ministère anglais;

3°) que dans le cas d'une rupture avec la Russie, la Prusse doit être considérée comme ennemie, la France n'ayant nul intérêt à la faire entrer dans son système fédératif;

4°) que la Pologne et la Saxe sont l'allié le plus utile et fidèle de la France contre la Russie et le plus intéressé dans le partage des restes de la monarchie prussienne;

5°) qu'il ne faut rien négliger pour s'assurer de la Suède, soit par des subsides, soit même par un mariage avec une princesse de la famille impériale; mais que cette négociation doit être conduite avec une extrême circonspection pour ne pas allarmer la Russie et précipiter sa paix avec l'Angleterre et la Porte avant la conclusion des affaires d'Espagne et de Portugal;

6°) qu'il faut suivre à Constantinople les négociations commencées et les couvrir du même voile que celles proposées par la Suède, jusqu'au moment, où les troupes actuellemment employées au delà des Pyrénées pourront se porter dans l'Illyrie et dans le Nord de l'Allemagne;

7°) qu'il y a l'espérance fondée et les moyens d'engager le Danemarc et l'Autriche dans une alliance contre la Russie et l'Angleterre, mais que cet objet d'un intérêt majeur doit être traité séparément, et d'après les communications intimes que le mariage prochain de Votre Majesté doit établir entre elle et la cour de Vienne. Le plan de cette alliance et ses résultats devant être étendus ou modifiés, selon le parti qui sera préféré relativement à la Prusse et à la Pologne.

La possibilité d'une négociation utile ou illusoire avec le ministère anglais, sera l'objet d'un second travail qui complétera celui-ci.

Les extraits de la correspondance diplomatique et de la correspondance secrète, mis sous les yeux de Votre Majesté, présentent plus de détails sur le personnel des individus qui ont quelque influence dans les cours du Nord; ces détails confirment les assertions générales et les conjectures particulières qui font la base de ce rapport.

IV.

Первое письмо императора Александра къ наслѣдному принцу шведскому (Бернадоту).

St.-Pétersbourg, 19 (31) Décembre 1810.

Je m'empresse d'exprimer à Votre Altesse Royale, combien je suis sensible à la lettre q'elle a bien voulu m'écrire, de même qu'à l'accueil plein de bonté qu'elle a fait à mon aide de camp le colonel Czernicheff. Je l'avais chargé d'exprimer à Votre Altesse, combien je suis pénétré d'estime pour elle. Je trouve un nouveau plaisir à le lui exprimer encore par écrit. Je désire cimenter de plus en plus l'union qui existe entre la Suède et la Russie et les sentiments que Votre Altesse me témoigne, me donnent la certitude d'y penser en plein. Qu'elle se persuade que mon intérêt politique même me prescrit la conservation et le bonheur de la Suède; aussi je saisirai toutes les occasions pour en donner des témoignages évidents et Votre Altesse trouvera toujours en moi un allié fidèle.

Sur ce je prie Dieu etc.

Pour Votre Altesse Royale seule.

Après m'être acquitté de mes devoirs envers le prince Royal, qu'il me soit permis de m'adresser à l'homme distingué par ses talents, son caractère, ses principes. Je désire sincèrement votre amitié, votre confiance. Je les ambitionne même, parce que mon estime vous était voué depuis longtemps et quand vous n'étiez que simple général. Je suis fait pour comprendre l'expression dont vous vous êtes servi envers Czernicheff, et c'est d'âme que je veux être votre ami [1]). Elevé moi-même par un républicain, j'ai de bonne heure appris à priser plus l'homme que les titres, ainsi je serai plus flatté des liens qui s'établiront entre nous comme homme à homme que comme souverains. L'envoi de Czernicheff n'a été que dans ce but et dans l'intention de vous rassurer sur les inquiétudes qu'on s'était plu à vous donner. Tout ce qu'il m'a remarqué de vos sentiments m'a fait un plaisir extrême, parce que j'y ai reconnu ce caractère que j'ai toujours affectionné en vous. Comptez toujours sur moi et ne vous laissez jamais effaroucher par les craintes qu'on essayera de vous donner sur la Russie. Son intérêt se trouve dans la conservation de la Suède. Veuillez me répondre de la même manière par mes couriers: une lettre particulière sans étiquette me sera infiniment chère de votre part.

V.

Переписка императора Александра съ Фридрихомъ Вильгельмомъ III передъ войною 1812 года.

Фридрихъ Вильгельмъ III—императору Александру.

Berlin, 19 (31) Janvier 1812.

(Собственноручно).

J'ai tardé d'écrire de nouveau à Votre Majesté Impériale parce que dans la crise violente du moment et particulièrement dans la position embarassante et périlleuse où je me trouve, j'ai toujours combattu entre les devoirs du souverain et l'inclination dont mon coeur est pénétré. Que ne puis-je suivre aveuglement celle-ci! Votre Majesté sait par les communications faites au comte de Lieven, que j'ai envoyé secrètement le général de Scharnhorst à Vienne, que j'ai tout tenté pour faire prendre un parti décisif à cette cour, parce que rien n'aurait pu mieux justifier le choix de celui qui est conforme à

[1]) Въ донесеніи отъ 7-го (19) декабря 1810 года изъ Стокгольма Чернышевъ сообщилъ императору Александру слѣдующія слова наслѣднаго принца: «Il me dit ensuite qu'il me priait de porter à la connaissance de Votre Majesté Impériale que d'après tout ce qu'il avait entendu dire sur son caractère, son unique voeu était d'avoir le bonheur de s'entendre d'ami avec elle et de lui prouver qu'il n'en était pas indigne».

mes voeux. Mais toutes ces peines ont été infructueuses et j'ai acquis de nouveau la persuasion que l'Autriche quelque bien intentionnée qu'elle soit, désire et a le besoin le plus pressant de voir la guerre ajournée. Ce besoin, Sire, est celui de l'Europe entière, et celui de la Prusse en particulier, dont la situation a bien empiré depuis l'été passé, devenant de jour en jour plus dangereuse. J'envoie le colonel et aide de camp général de Knesebeck à Votre Majesté pour lui en rendre un compte exact, tant comme des résultats de cette misson à Vienne. Il vous exposera, Sire, avec cet abandon de confiance mes idées et mes voeux. Des amis éprouvés se doivent la vérité et je compte trop sur vos sentiments pour craindre un instant que vous puissiez douter des miens. Daignez écouter le colonel de Knesebeck qui est complètement informé des circonstances et de ma manière de voir. Je crois le maintien de la paix si important dans ce moment pour le salut de l'Europe et pour assurer et ne point compromettre ce grand but, que Votre Majesté s'est toujours proposé, que les sacrifices de considérations secondaires ne devraient rien couter. Vous l'atteindrez par là, Sire, et ce sera la gloire la plus digne de votre caractère d'avoir sauvé à l'humanité et à votre ami en particulier des malheurs incalculables.

Rien n'égale la tendre amitié et la haute estime avec lesquelles je ne cesserai d'être quels que soient les évènements,

Sire,
de Votre Majesté Impériale
le bon frère, ami et allié
Frédéric Guillaume.

Императоръ Александръ—Фридриху Вильгельму III.

Съ собственноручнаго черноваго отпуска императора Александра.

28 Février 1812.

M. le colonel de Knesebeck remettra ces lignes à Votre Majesté en réponse à la lettre qu'elle a bien voulu m'écrire. Il a pu se convaincre par lui-même, combien je suis éloigné de vouloir la guerre et combien de mon côté tous les moyens pour l'éviter ont été épuisés. Même dans ce moment je suis fermement décidé à ne pas la commencer. Ainsi Votre Majesté doit voir combien mes intentions sont d'accord avec les siennes, et si malheureusement la guerre a lieu, ce ne sera que parce que l'Empereur Napoléon l'aura décidé ainsi et alors tous mes soins pour l'éviter resteront impuissants. Du moins aurais-je la consolation d'avoir travaillé de tout mon pouvoir pendant des années à éviter ce fléau à l'humanité. Il ne me restera plus alors qu'à me confier à cet Être Tout-Puissant qui lit dans nos âmes, et sous sa puissante égide à me défendre avec courage et persévérence contre une agression injuste et motivée uniquement par l'ambition insatiable de l'Empereur Napoléon [1]).

Mon amitié pour Votre Majesté est à l'abri de tous les événements et ne finira qu'avec ma vie.

[1]) Первоначальная редакція была слѣдующая: une agression «aussi injuste que gratuite».

Фридрихъ Вильгельмъ III—императору Александру.

Potsdam, 19 (31) Mars 1812.

(Собственноручно).

Je suis navré de douleur, Sire, quand je réfléchis au parti que la nécessité la plus irrésistible m'a prescrit de choisir, mais je suis encore plus profondément affligé de penser que Votre Majesté Impériale, qui a toujours rendu justice à mes sentiments, pourrait ne pas me rendre la même justice dans le moment actuel. Votre lettre, Sire, me la fait appréhender. C'était pour éviter toute fausse interprétation de mes démarches que j'avais chargé le colonel de Knesebeck d'exposer verbalement et dans le plus grand détail à Votre Majesté les motifs qui m'ont guidés dans cette occasion. La justesse de ses idées et la solidité de ses principes vous étaient connus, et je suis peiné qu'il n'ait pas convaincu Votre Majesté du pouvoir impérieux des circonstances auxquels le devoir le plus sacré m'a fait sacrifier les affections de mon coeur.

Votre Majesté doit se rapeller ce que je lui ai détaillé dans un de mes derniers entretiens à St. Pétersbourg sur la situation où je me trouverai à Berlin cerné de tous côtés même en temps de paix de troupes étrangères. En transférant ma résidence de Königsberg à Berlin, ce que l'intérêt de mes états et le voeu même de Votre Majesté me conseillaient, je ne pouvais me déguiser à moi même que je serais à compter dès ce moment dans la dépendance complète de la France, et dans le cas d'une guerre entre la France et la Russie, mon système politique était sous de tels auspices malheureusement décidé.

Lorsque la bonne intelligence entre les deux empires commença à s'altérer, rapellez-vous, Sire, combien de fois je vous ai conjuré par écrit et fait conjurer par le comte Liewen de mettre tout en oeuvre pour éviter une guerre qui ne pouvait commencer que sous les auspices les plus défavorables, et qui dès que l'Autriche se refusait à toute espèce de participation, mettait la Prusse dans la nécessité cruelle de prendre un parti désespéré et de s'attacher à la France. Votre Majesté a cru qu'il était de son intérêt de faire les plus redoutables armements et de se taire sur les motifs et le but de ces préparatifs; j'ai toujours été dans l'idée que c'était le moyen le plus sûr d'amener la guerre: il y a un an que de simples explications et des ménagements dictés par l'intérêt général de l'Europe eussent prévenu la lutte terrible qui va s'engager. Maintenant les deux puissances sont en présence, et il est bien plus difficile de s'expliquer et de s'entendre.

A mesure que la crise approchait, ma situation devenait plus pénible et plus allarmante. Dans ces circonstances urgentes, où mes états pouvaient être envahis sur tous les points, où les forces et les ressources dont je pouvais disposer pouvaient être séparées et coupées dans tous les sens, avant que je puisse les réunir, où Votre Majesté fidèle à son système de ne pas prendre d'offensive, m'ôtait toute espérance de secours actif et prompt, où la destruction de la Prusse eût été le préalable de la guerre contre la Russie, j'ai dû aller au plus pressé, et avant toute chose sauver la monarchie d'une ruine prochaine. Vous devez bien être persuadé, Sire, que je ne me dissimule pas les conséquences désastreuses de la guerre pour mes états, ni les dangers auxquels ils peuvent encore être exposés dans la suite, mais je n'avais que le choix des inconvénients; le

péril du présent devait l'emporter, et quelque soit l'issue des événements, l'avenir m'offre dans l'intérêt bien entendu de la France et de la Russie et dans l'amitié précieuse de Votre Majesté des chances des conservation. Je n'ai pas besoin de vous dire, Sire, ce qu'il m'en a couté de prendre ce parti, mais je crois avoir satisfait à mon premier devoir, en immolant mes sentiments les plus chers à la conservation de l'état et je me repose dans ma conscience.

Plaignez-moi donc, Sire, mais ne me condamnez pas; s'il m'est permis de le dire, Votre Majesté s'est trouvée elle même dans des positions, où elle a jugé avec raison qu'il valait mieux se prêter à des circonstances cruelles que de périr fut-ce avec gloire, et où elle a pris des résolutions qui bien que sages, ont dû couter à son coeur magnanime. Quelque soit la tournure que prennent les événements, mon attachement inviolable pour la personne de Votre Majesté ne perdra rien de sa vivacité. Si la guerre éclate, nous ne nous ferons de mal que ce qui sera d'une nécessité stricte, nous nous rapellerons toujours que nous sommes unis, que nous devons un jour redevenir alliés, et tout en cédant à une fatalité irrésistible, nous conserverons la liberté et la sincérité de nos sentiments.

Oui, Sire, soyez sûr des miens, ils resteront les mêmes pour vous dans toutes les circonstances, me faisant gloire d'être pour la vie,

Sire,
de Votre Majesté Impériale
le bon frère, ami
et allié de coeur et d'âme

Frédéric Guillaume.

La superbe remonte pour laquelle j'ai déjà eu l'honneur de vous remercier, Sire, est arrivée ici, il y a environ six semaines; permettez que je vous en renouvelle encore l'expression de toute ma reconnaissance.

VI.

Изъ переписки Паррота по поводу дѣла Сперанскаго.

---

1) Письмо Паррота къ императору Александру отъ 17-го марта 1812 года.

Dimanche soir.

Il est onze heures, un silence profond règne autour de moi. Je veux écrire à mon bien-aimé, à cet être chéri dont je ne voudrais jamais me séparer. Vingt quatre heures se sont écoulées depuis le moment de mes derniers adieux. Je les ai passées en activité pour pouvoir vous répondre. Je vais à présent m'entretenir avec vous sur ce qui

peut vous intéresser le plus. J'étais heureux dans le moment de nos adieux malgré la douleur de la séparation; je sentais renaître la paix dans mon coeur et le vôtre, cette paix heureuse de dix ans qu'un nuage avait obscurcie. Mon Alexandre! Nous avons besoin de cette paix, tous deux. O! combien l'homme est au-dessus du monarque! Combien votre coeur vous élève au-dessus de la fortune! Quelque malheureux que votre règne puisse être sous les auspices terribles qui le dominent en ce moment, la postérité vous révèrera; je lui ferai connaître mon Alexandre.

Recevez dans ce moment décisif quelques conseils, la quintessence de mes réflexions sur votre position actuelle. Cette position, mon amour pour vous, le point de vue sur lequel je me trouve placé—tout m'en fait un devoir sacré. Je commence par Spéransky, comme vous le désirez. Du reste je ne m'en tiendrai à aucune règle. C'est pour vous seul que j'écris; c'est l'effusion de mon coeur. Vous me comprendrez.

Lorsque vous m'aviez confié votre douleur amère sur la trahison de Spéransky, vous étiez passionné. J'espère qu'à présent vous ne songerez plus à le faire fusiller. J'avoue que les faits que vous m'avez allégués le chargent fortement. Mais vous n'êtes pas dans la situation d'âme nécessaire pour juger de leur vérité, et quand vous le seriez, ce ne serait pas à vous à le juger, et une commission nommée à la hâte pour le faire ne sera composée que de ses ennemis. N'oubliez pas q'il est haï, parce que vous l'aviez placé trop haut. Personne ne doit être au-dessus des ministres que vous-même. Ne croyez pas que je veuille le protéger; je ne suis en aucune relation avec lui; je sais même qu'il n'est pas sans jalousie à mon égard et ce que vous m'avez dit autrefois de son caractère ne m'a pas suggéré l'envie de me rapprocher de lui.

Mais supposant qu'il soit coupable, ce qui ne me paraît pas encore avéré, c'est un tribunal légitime qui doit le juger, et vous n'avez ni le temps de faire la chose, ni le calme nécessaire pour choisir ce tribunal. Mon avis est qu'il soit éloigné de Pétersbourg et si bien surveillé qu'il ne puisse entretenir aucune communication avec l'ennemi. Après la campagne nommez ses juges parmi ce qu'il y a de plus intègre en hommes à votre portée. J'ai encore une raison pour douter que Spéransky soit aussi coupable qu'il le paraît, c'est que Rosenkampff est au nombre de ses délateurs, cet homme vil qui a essayé à faire tomber son bienfaiteur Novossilzoff et dont je déjouai alors la cabale sans vous l'avoir dit. Faites voir par la modération de vos mesures que vous ne donnez pas dans les idées outrées qu'on veut vous suggérer et éloignez Rosenkampff des affaires le plus tôt possible.

Vous vous trompez sur le compte de Beck. Il a ses défauts, qui sont saillants, mais sûrement pas celui de manquer de fidélité. J'ai récapitulé tout ce que je sais de sa vie. Si vous ne me croyez pas en ce moment, vous me croirez à la suite; vous verrez les accusations se fondre aux rayons de la verité. Craignez de regretter un jour de l'avoir méconnu.

Je ne vois personne pour remplacer Spéransky que le comte Kotschubey. N'hésitez pas quoique vous ne soyez pas tout à fait content de lui. En tout cas l'homme loyal fera honneur à votre choix.

A présent quelques mots sur vous-même.

Votre éducation, le règne de votre père, votre propre règne et surtout le caractère de vos grands ont dû vous rendre soupçonneux. Un ange le serait devenu à votre place. Ce secret ne peut en être un pour quiconque a de l'intérêt à vous observer et il

est devenu un des grands moyens par lesquels on agit sur vous. Ne m'objectez pas de fréquents moments de confiance, moins encore nos relations. C'est la nature qui se reveille en vous, qui perce la cuirasse que la malheureuse, la désolante expérience a ceinte autour de votre coeur. Résistez à ce funeste penchant que la coutume et la perversité des hommes veulent vous donner. Ne soyez que prudent; on travaille sûrement ce penchant dans l'affaire de Spéransky et l'on ne cessera de le faire pour s'emparer de vous. . . . .

Je vous rappelle Barclay, dont le défaut est la timidité, non en présence de l'ennemi, qui sait bien le contraire, mais vis-à-vis de vous. En entrant en campagne vous devez la faire disparaître. Traitez le en ami; vous doublez par là son génie dont cette timidité arrête l'essor; qu'il sache bien qu'aucun aveu, qu'aucune faute même ne peut lui faire perdre votre confiance; qu'il sente sa supériorité sur Arackchejew auprès de vous comme il doit la sentir en militaire. Dans la campagne de Pologne j'ai tâché de fixer vos regards sur lui, et il me justifiera [1]).

Vous paraissez vous fier à Armfeld. Je me défie de lui sans l'avoir vu. Mais en ce cas je juge l'homme par les moyens qu'il emploie, et Rosenkampff est un de ses principaux moyens. Si Armfeld a de l'âme ou du tact il doit connaître cet homme.

On dit dans le public que votre suite sera nombreuse. Je n'ai pas eu le temps de vous le demander. — Ne prenez que ce qu'il vous faut absolument. Vaut mieux manquer d'alentours qu'en avoir de trop. Au besoin vous ferez vous-même le travail, au moins aussi bien. Tout être superflu autour de vous est un suppôt de cabale qui jouera de l'armée à la capitale et de la capitale à l'armée. Voilà pourquoi je voudrais vous voir presque isolé. Avec l'étroit nécessaire en hommes vous ne manquerez de temps. Le secret consiste à ne faire que ce qu'il faut. Déchargez vous de règle de tous les détails minutieux, tels par exemple que les avancements dans les grades inférieurs au militaire, comme au civil. Car ce n'est pourtant pas à vous qu'en revient la reconnaissance. On n'en paye le tribut même au ministre que rarement; les chefs de chancellerie, les femmes ou les maîtresses sont les dieux tutélaires qu'on révère. Par contre dirigez une attention sévère sur l'exécution de ce que vous avez ordonné. Qu'on craigne partout de vous voir paraître. Bientôt on aimera votre apparition parce qu'on aura appris à se ranger à son devoir et espérera des récompenses. Ne soyez pas prodigue de dons honorifiques, mais soyez généreux en secours, car tous les petits officiers sont dans le besoin. Punissez les grands voleurs à l'armée avec sévérité selon les formes militaires, les petits avec compassion. C'est le moyen d'être rarement dans le cas de punir; les grands deviennent surveillants.

Je rêve à un être qui eût pu faire pour vous ce que l'impératrice Elisabeth eût fait. Le prince d'Oldenbourg, que vous mettez à la tête du conseil et que vous élevez à la dignité de grand duc, ne le pourra pas, même soutenu des talents de la grande duchesse. Son honnêteté, la noblesse de ses sentiments, le genre de ses connaissances n'ont pas assez de prix aux yeux vulgaires et en outre il vous doit en ce moment trop de reconnaissance. Cette idée m'afflige profondément. Pour le cas où, dénué de moyens vous espérez en vain le succès du zèle du prince et de l'activité des ministres,

[1]) Зачеркнуто: «Du reste vous savez que je n'ai jamais été en relation intime avec lui».

autorisez-moi à électriser l'impératrice pour l'idée de vous servir sans autre autorité que celle que lui donnent la nature et son coeur. Dans de grands moments chacun se met à sa place, il ne faut que la volonté sublime qui semble commander aux circonstances.

Dieu puissant! C'est ta volonté que je sois inactif pour mon Alexandre, pour ton bien-aimé. Je m'y soumets puisqu'il le faut.

Qu'il vous protège, ce Dieu de bonté, qui doit vous aimer pour votre coeur, qui doit vous guider puisqu'il vous a placé dans une carrière si difficile. Puisse son premier soin être de fortifier votre espérance pour cette guerre et par là vous la faire faire avec assurance. Je l'ai, cette assurance mâle. Qu'elle passe dans votre âme, qu'elle vivifie toutes vos actions, qu'elle suive toutes vos démarches, qu'elle électrise toute votre armée. Voilà mes adieux. — Je finis pour ne pas m'attendrir —

Votre Parrot.

2) Изъ письма Паррота къ императору Николаю отъ 8-го января 1833 года.

.... «Le moment le plus douloureux de la vie du noble Alexandre fut celui où, immédiatement avant la campagne de 1812, il se crut trahi, vendu à son ennemi par un homme de grand talent qu'il avait voulu élever à sa hauteur morale par tous les degrés de confiance et par des bienfaits qui le missent au-dessus de toute tentation. Il m'appela dans ce moment affreux où son coeur, son âme entière était déchirée, ulcérée par cette ingratitude. J'eus le bonheur de le calmer, de le détourner d'une action violente dictée par une passion juste en apparence, de conserver un homme marquant que Votre Majesté Impériale honore d'un haut degré de confiance et épargner à mon Alexandre un acte terrible, que les ennemis même de l'accusé eussent ensuite dépeint comme un acte de tyrannie. L'Empereur me remercia de mon conseil avec effusion de coeur et le suivit ponctuellement» [1]).

3) Замѣтка Паррота 1845 года по дѣлу Сперанскаго.

1-го января 1845 года Парротъ написалъ императору Николаю письмо, въ которомъ избралъ предметомъ для своей бесѣды судебные порядки того времени. Онъ писалъ между прочимъ: «Le souverain n'est pas juge, mais doit faire administrer la justice, dont le premier principe est que jamais la sentence ne doit précéder l'examen complet de la cause... Il est une voix publique en Russie comme ailleurs, quoique plus cachée. Elle parle haut quand elle vous approuve... mais la connaissez vous cette voix publique, quand elle vous désapprouve? Vient-on vous dire qu'elle s'attriste aussi

[1]) Баронъ М. А. Корфъ въ біографіи Сперанскаго привелъ русскій переводъ этого письма Паррота (т. 2-й, стр. 69), но далеко не точный и не полный. Пропущены, напримѣръ, слова Паррота относительно того, что Александръ хотѣлъ возвысить Сперанскаго до своей нравственной высоты. Когда Парротъ писалъ эти строки, онъ, конечно, не подозрѣвалъ, до какой степени онъ въ своемъ сужденіи уклонялся отъ истины, и какой ироническій оттѣнокъ получатъ современемъ его слова.

souvent qu'elle apprend que vous mettez le poid immense de l'autorité à la place de la loi, en faisant précéder la sentence à l'inquisition».

Парротъ хотѣлъ подтвердить свои мысли ссылкой на исторію Сперанскаго въ 1812 году, но затѣмъ вычеркнулъ свой разсказъ объ этомъ событіи, такъ что замѣтка Паррота сохранилась только въ черновомъ наброскѣ письма отъ 1-го января.

«Cet homme de grand sens que personne n'a pu jamais déchiffrer, avait été accusé de haute trahison, d'une correspondance secrète avec Napoléon, au moment où la guerre allait éclater. Tous les grands étaient contre lui, le ministre de la police à la tête. L'empereur outré comme vous vous l'imaginez, m'invita à venir chez lui le soir à 8 heures. Il me dépeignit avec une colère que je ne lui avais jamais vue et un sentiment qui lui arrachait des larmes, l'ingratitude de Spéransky. Après m'avoir énoncé les preuves qu'on lui avait fournies de cette trahison, il me dit: «Je suis décidé à le faire fusiller dès demain et c'est pour avoir votre avis là-dessus que je vous ai invité à venir». Je lui répondis qu'il était dans un état passionné et que cet état de son âme m'avait trop ému pour lui répondre sur le champ et que j'avais besoin de quelques heures pour pouvoir lui donner un conseil sage. Il était minuit quand je le quittai et le matin à 6 heures il reçut une lettre de moi qui portait en substance [1]), que le crime de Spéransky n'est pas assez avéré, qu'un souverain n'est pas un juge, que dans ce cas il serait juge et partie, qu'il ne pouvait même en ce moment nommer un comité pour le juger, tous les grands étant en quelque sorte complices de l'accusation et que le jugement devait être remis à la fin de la campagne. Je lui conseillai pour toute sûreté d'exiler Spéransky assez loin et de le faire surveiller assez exactement pour qu'il ne puisse continuer sa correspondance criminelle s'il l'avait commencée. L'empereur m'écrivit: «Je vous remercie pour le papier inclus dans votre lettre; je l'ai lue avec émotion et sensibilité. Croyez moi pour toujours tout à vous».

Il suivit mon conseil. Vous connaissez les événements qui suivirent».

VII.

Письмо Сперанскаго къ императору Александру изъ Нижняго Новгорода [2]).

A Nijéni Novgorod. Ce Mars 1812.

Sire,

Arrivé à ma destination il ne me reste qu'une grâce à demander à Votre Majesté, c'est celle de permettre que ma petite famille se réunisse à moi. Un enfant et trois anglaises réunies ensemble à mille verstes de Pétersbourg ne sauraient jamais former

[1]) Здѣсь Парротъ впалъ въ ошибку, вспоминая столь отдаленныя событія. Въ письмѣ къ императору Александру, написанномъ въ воскресенье вечеромъ 17-го марта, онъ говоритъ, что послѣ аудіенціи прошло 24 часа (Vingt quatre heures se sont écoulées depuis le moment de mes derniers adieux).

[2]) Государственный Архивъ. Разр. VI, № 557.

un objet de soupçons même pour les plus ombrageux de mes ennemis. La vie m'est déjà devenue assez pénible à supporter du moment que j'avais perdu vos bontés; mais elle me serait tout à fait insupportable si j'aurais dû être séparé de ma fille, unique consolation qui me reste sur la terre.

Je n'importunerai pas à présent l'attention de Votre Majesté de ma justification. Votre temps, Sire, est trop précieux et d'ailleurs il y a des objets qui pour être appréciés demandent à être vus à une certaine distance des temps et des lieux. L'unique bienfait que j'oserai solliciter pour le moment c'est de ne pas permettre que les papiers saisis dans mon cabinet soient éparpillés ou égarés. Je suppose qu'ils ont subi déjà leur examen; je désirerai donc qu'après avoir séparé tout ce qui concerne les affaires publiques, le reste fut réuni et mis en dépôt afin que Votre Majesté dans un temps plus opportun pût jeter un coup d'oeil sur leur contenu. Il y en a de deux sortes. Les uns regardent le plan de l'organisation générale conçu sous vos auspices et par vos ordres immédiats. L'original de ce plan doit se trouver dans le cabinet de Votre Majesté et une traduction française en a été remise dans le temps par vos ordres au prince d'Oldenbourg. Ce travail, Sire, source première et unique de tout ce qui m'est arrivé, est d'une nature trop relevée pour permettre qu'il soit confondu avec les autres et qu'il traîne dans les chancelleries du ministère. Je serai en Sibérie, Sire, que je ne cesserai de croire que tôt ou tard votre Majesté reviendra aux mêmes idées fondamentales: elles ont été empreintes dans votre coeur; ce n'ést pas moi qui les a proposées: je les ai trouvées toutes formées dans votre esprit et si leur exécution peut et doit être modifiée ou remise aux temps plus calmes, leur principe ne saurait jamais être attaqué.

Il y a d'autres pièces en petit nombre qui traitent de sujets politiques et surtout des affaires de la Pologne. Ce sont des mémoires que Votre Majesté m'avait demandés à différentes époques. Serait-il convenable, Sire, qu'ils devinssent à présent publiques?

Les archives de mon cabinet contiennent encore une suite de recherches sur les finances et sur les diverses parties des administrations publiques. C'est ma propriété la plus sacrée et peut-être la plus considérable. Serait-il juste que j'en sois privé?

Cependant quelque soit la manière dont Votre Majesté daignera envisager ces objets, je ne cesserai jamais me reposer sur le souvenir de ses bontés pour moi et quoique éloigné du service de l'état, je ne puis me défendre de me compter encore au service personnel de Votre Majesté.

Je suis avec respect,

Sire,
de Votre Majesté Impériale
le plus fidèle sujet
Spéransky.

VIII.

Изъ разговора императора Александра съ Н. Н. Новосильцовымъ о Сперанскомъ въ Свенцянахъ въ 1812 году [1]).

«Le croyez-vous traître? — dit-il à Nowossiltzow. — «Rien moins que cela; il n'est réellement coupable qu'envers moi seul, coupable d'avoir payé ma confiance et mon amitié par l'ingratitude la plus noire, la plus abominable. — Mais cela ne m'aurait pas encore porté à recourir à des mesures rigoureuses, si des personnes qui se sont donné la peine de suivre, depuis quelque temps ses paroles et ses actions, n'y avaient pas entrevu et dénoncé des circonstances qui faisaient soupçonner les intentions les plus malveillantes. Le temps, la situation dans laquelle se trouvait le pays, ne me permirent pas de m'occuper d'un strict et rigoureux examen des dénonciations qui me parvenaient à cet égard. Aussi lui ai-je dit en l'eloignant de ma personne:

«En tout autre temps j'aurais employé deux années pour vérifier avec la plus scrupuleuse attention tous les renseignements qui me sont parvenus concernant votre conduite et vos actions. Mais le temps, les circonstances ne me le permettent pas en ce moment: l'ennemi frappe à la porte de l'empire, et dans la situation où vous ont placé les soupçons que vous avez attiré sur vous par votre conduite et les propos que vous vous êtes permis, il m'importe de ne pas paraître coupable aux yeux de mes sujets, en cas de malheur, en continuant de vous accorder ma confiance, en vous conservant même la place que vous occupez. Votre situation est telle que je ne vous conseillerais même pas de rester à Pétersbourg ou dans la proximité de cette ville. Choisissez vous-même le lieu de votre séjour ultérieur — jusqu'à la fin des événements qui approchent; je joue gros jeu, et plus il est gros, d'autant plus vous risqueriez en cas de non réussite, vu le caractère du peuple auquel on a inspiré de la méfiance et de la haine pour vous».

IX.

Письмо Жерве къ императору Александру отъ 26-го марта 1812 года.

Sire,

J'apprends que M-r Beck est compromis et qu'il est soupçonné d'avoir fourni à M-r Spéransky certains papiers déchiffrés qui se sont trouvés dans son cabinet.

Il est de mon devoir le plus sacré d'éclaircir là-dessus l'opinion de Votre Majesté et je ne saurais mettre trop d'empressement à le faire. C'est moi, moi seul qui ai communiqué ces papiers à M-r de Spéransky, qui savait à la vérité que je les tenais de Beck, mais celui-ci ignorait complètement cet usage que j'en faisais. Il était dans l'ha-

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ VI, № 557.

bitude de m'envoyer ses déchiffrements, parce que spécialement chargé de cette partie j'étais à même de remplir de temps en temps les lacunes qui se présentent souvent dans cette sorte de pièces. Telle est, Sire, l'exacte vérité; je la dois toute entière à Votre Majesté Impériale, et je me flatte qu'elle trouvera juste de dégager dès lors M-r Beck de toute responsabilité sous ce rapport. Je ne fais qu'obéir aux lois de l'honneur de la loyauté, Sire, en vous faisant cet aveu.

Cependant je n'ai jamais cru m'écarter de ce que me prescrivaient mes serments et ma fidélité envers Votre Majesté, puisque jouissant de l'amitié intime de M-r de Spéransky, j'étais à même de juger du degré de confiance illimitée dont elle l'honorait, et que par conséquent je devais être bien loin de me douter que l'on pût jamais m'imputer à crime de la tenir au courant des affaires à ma connaissance [1]). Je croyais même par ce moyen rendre indirectement service à Votre Majesté Impériale et c'est là l'unique but qui m'a fait agir. Si je me suis trompé en allant trop loin dans mes confidences envers M. de Spéransky, je suis sans doute coupable, et je me soumets à telle punition que Votre Majesté jugera que je mérite. Je la supplie seulement de me permettre cette seule observation: si M. de Spéransky a pu abuser des communications de ce genre que je lui faisais, je dois naturellement être considéré comme son complice, quoique assurément j'ai ignoré cette trahison [2]). Mais est-il possible de le supposer, Sire, lorsque les ministres étrangers continuent à se servir des mêmes chiffres depuis plus d'un an que M-r de Spéransky a eu connaissance de ces papiers?

Je m'en remets entièrement à la justice de Votre Majesté et suis avec le plus profond respect,

Sire,
de Votre Majesté Impériale
le plus humble et le
plus fidèle sujet
Gervais.

---

[1]) Вмѣсто словъ: «et que par conséquent je devais être bien loin de me douter que l'on pût jamais m'imputer à crime de le tenir au courant des affaires à ma connaissance» въ первоначальной редакціи письма были слѣдующія, частью выпущенныя, частью измѣненныя по приказанію государя, слова:

«Je savais par conséquent, que les affaires du département dans lequel je sers lui étaient aussi peu étrangères, que celles de toutes les branches de l'administration. Vous daignerez vous rappeler, Sire, que d'après vos ordres, c'était par M. de Spéransky que je faisais de temps en temps parvenir à Votre Majesté les extraits de lettres particulières que m'adressait M. de Mallia de Vienne, et que dans ces derniers temps je servais d'intermédiaire à la correspondance que du sû de Votre Majesté M. de Spéransky entretenait avec le comte de Nesselrode à Paris. Je devais donc être bien loin de me douter que l'on pût jamais m'imputer à crime de tenir au courant des affaires à ma connaissance un homme investi d'une aussi grande latitude de confiance de la part de Votre Majesté Impériale».

[2]) Изъ этихъ строкъ письма Жерве можно заключить, что въ числѣ клеветъ, распущенныхъ насчетъ Сперанскаго, заключалось и обвиненіе, будто бы онъ употребилъ во зло ввѣренную ему тайну, т. е. предостерегъ иностранныя миссіи объ открытіи ихъ шифровъ. Но послѣдующія слова въ письмѣ Жерве, подтвержденныя и объясненіями, данными Бекомъ въ Комитетѣ 13-го января 1807 года, окончательно снимаютъ со Сперанскаго даже всякую тѣнь подозрѣнія въ такомъ гнусномъ преступленіи.

X.

Изъ переписки Паррота съ императоромъ Александромъ по поводу Бека.

Dorpat. 27 Mars 1812.

J'ignore, mon bien-aimé, si cette lettre vous trouvera encore à Pétersbourg, mais je la fais partir dans l'espoir qu'elle vous suivra.

Mon devoir me force à vous dire encore un mot sur Beck. La voix publique de Pétersbourg et de cette province le déclare innocent. Je vous ai dit d'après la connaissance assez exacte que j'ai de lui, que je le crois absolument incapable d'une trahison. Mais on est acharné depuis longtemps contre lui, parce qu'il met trop peu de retenue dans ses jugements sur certaines personnes et parce qu'il vous a fait tenir directement des papiers qui auraient dû auparavant passer par d'autres mains et ne pas vous parvenir.

Vous m'avez dit que depuis longtemps on vous a fourni des preuves contre lui, et cela précisément me ferait douter, si je n'en avais pas tant d'autres raisons. Je sais pour sûr qu'il n'a rien amassé; au contraire le peu de fortune qu'il a eu de sa femme n'existe plus, quoique je sache qu'il vit très médiocrement. Le jeune comte Sievers a été désigné à la place de Beck d'abord après son arrestation, ainsi avant la conviction—preuve qu'on voulait se défaire à cette occasion de Beck, de cet homme incommode qui travaille, il est vrai, jour et nuit, mais qui parle mal de ceux qui dirigent les affaires de ce département. Je le blâme d'avoir parlé, mais avouez que ces affaires ont été menées aussi mal que possible. Si cette lettre parvenait en d'autres mains, je m'attendrais au sort de Beck et l'on ne manquerait pas de prouver que mes visites chez le ministre de Bavière sont autant de trahisons. Mais je vous aime et vous dois la vérité.

Adieu, mon bien-aimé! Je vous répète mon ancien refrein: si les revers viennent, rapprochez votre Parrot de vous.

---

26 Mai 1812.

Je ne vous parlerai aujourd'hui que d'une chose, mon bien-aimé! Je plaiderai la cause de l'innocence déjà reconnue et cependant encore opprimée. Je suis instruit et puis à présent vous parler avec connaissance de cause. Beck est absolument innocent; je n'en ai jamais douté et à présent je n'ai plus besoin de vous en fournir les preuves[1]). Il est disculpé de toute liaison avec Spéransky; le chiffre qu'on a trouvé chez celui-ci y est parvenu par Gervais, de l'aveu de Gervais même. De quoi l'occupe-t-on encore et sous quel prétexte doit-il être détenu jusqu'à ce que les frontières soient libres d'ennemis? On lui impute quelques propos indiscrets. Mais la moitié de Pétersbourg devrait gémir dans les cachots, si on punissait les propos indiscrets qui se tiennent depuis trois ans, et que l'administration de Spéransky et de Romanzoff avait provoqués. Que ne pouvez-vous comme moi entendre la voix publique! Ce n'est point là la

[1]) Зачеркнуто въ черновомъ отпускѣ: «mais je croyais vous en devoir les preuves; vous les avez eues».

cause du malheur, ce n'est pas là le crime du pauvre Beck[1]. Tout ce qu'il a souffert, tout ce qu'il souffre à présent et tout ce qu'il souffrira à la suite, il le souffre pour vous, uniquement parce qu'il vous a instruit de choses que son chef vous eût cachées. La catastrophe de Spéransky n'a été qu'une occasion venue à propos pour assouvir la haine implacable. A tout évènement on vous avait déjà indisposé auparavant contre Beck en le rendant suspect, en vous le désignant comme un intrigant, et il ne restait plus qu'à y ajouter l'épithète de traître. J'envisage la chose de tous les côtés, je compare tout ce que vous m'avez dit vous-même sur Beck et je ne vois plus qu'une prévention qui puisse ralentir le désir que votre cœur a sûrement de lui rendre sa liberté et son honneur. O, mon Alexandre! Je conçois que vous hésitiez. Cela est fondé dans la nature de l'homme. Une persécution excitée de longue main ne se déracine pas facilement, surtout à votre place où le sort d'être trompé est si souvent à l'ordre du jour. Mais votre bonté naturelle triomphera de la prévention. C'est le cas de lui donner son essor; plus elle se manifestera, plus elle sera juste. Mettez-vous un instant à la place du malheureux qui a toujours rempli ses devoirs, avec une activité presque sans exemple (je ne connais pas de travailleur comme Beck), avec un zèle qui ne s'est jamais démenti et qui l'a poussé à faire pour vous servir une chose que l'homme ordinaire appelle une sottise, l'homme en place—un crime ministériel, l'honnête homme de toutes les conditions—un devoir moral. Quel sentiment amer ne doit pas s'emparer de son cœur au moment où on le traite en criminel, le jette dans un cachot, l'accuse de trahison! Quelle différence de sort entre lui innocent et Spéransky coupable! Vous lui devez un dédommagement à lui et, à sa famille désolée. Vous le devez à votre propre cœur. Même l'intérêt de l'état vous le conseille. La perte de Beck dans ce département serait irréparable. Le jeune comte Sievers peut avoir sa place, mais non le remplacer. Beck tient depuis tant d'années le fil des affaires, connaît toutes les cours de l'Europe et les ressorts qui les font agir et joint à cette longue expérience des connaissanses scientifiques rares dans les affaires.

La cause de Beck est à tous égards une cause morale, je l'ai plaidée avec une entière conviction et j'attends tout de mon bien-aimé. La malheureuse famille vous bénira.

XI.

Императоръ Александръ къ барону Штейну[2].

L'estime, Monsieur, que je vous ai toujours porté, n'a reçu aucune altération par les évènements qui vous ont éloigné du timon des affaires. L'énergie de votre caractère et vos talents éminents vous l'ont acquise.

[1] Зачеркнуто въ черновомъ отпускѣ: «qui vous a toujours été attaché».

[2] Съ черноваго собственноручнаго отпуска отъ 27-го марта 1812 года (Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Campagnes 1812).

Les circonstances décisives du moment doivent rallier tous les êtres bien pensants, amis de l'humanité et des idées libérales[1]). Il s'agit de les sauver de la barbarie et de l'esclavage qui se prèparent à les engloutir.

Napoléon veut achever l'asservissement de l'Europe, et pour y atteindre, il lui faut abattre la Russie. Depuis longtemps l'on s'y prépare à cette lutte et les moyens de résistance les plus énergiques y sont préparés de longue main. Cette guerre va être probablement la dernière, elle décidera du salut ou de la perte de l'Europe.

Les amis de la vertu et tous les êtres animés du sentiment d'indépendance et d'amour pour l'humanité sont tous intéressés au succès de cette lutte. Vous, Monsieur le baron, qui avez marqué d'une manière si brillante entre eux, vous ne pouvez nourrir d'autres sentiments que ceux de contribuer à faire réussir les efforts qu'on va faire dans le nord pour triompher du déspotisme envahissant de Napoléon.

Je vous invite de la manière la plus insistante à me communiquer vos idées, soit par écrit d'une manière sûre, soit de bouche en venant me joindre à Vilna. Le comte de Lieven vous communiquera à cet effet un passeport d'entrée. Votre présence en Bohême, il est vrai, pourrait être d'une grande utilité, étant placé pour ainsi dire au dos des armées françaises. Mais la faiblesse de l'Autriche et la toute apparence qu'elle va entrer sous les drapeaux de la France pourrait compromettre votre sureté, du moins celle de votre correspondance. Ce que je vous dis sur l'Autriche est de soûrce certaine, je vous engage donc à réfléchir mûrement sur l'importance de toutes ces circonstances et de choisir le parti qui vous paraîtra le plus propre à l'utilité de la grande cause à laquelle nous appartenons tous deux. Je n'ai pas besoin de vous dire que vous serez reçu en Russie à bras ouverts.

Tous les sentiments que je vous porte vous en sont un sûr garant.

XII.

Собственноручная записка императора Александра подъ заглавіемъ: «Note sur les communications à faire à l'Angleterre».

1. Le grand plan sur la réunion des Slaves pour faire une diversion contre l'Autriche et les possessions Françaises de l'Adriatique;

2. Pour en assurer le succès il est urgent que l'Angleterre nous seconde par

a) de grands armements maritimes sur la Baltique et l'Adriatique;

b) en fournissant des fusils, gibernes et cartouches pour les troupes allemandes que nous pourrons former des déserteurs de celles de la confédération, et pour les Slaves par les ports de l'Adriatique, qui tomberait en notre pouvoir;

c) en munissant les amiraux commandeurs de fonds assez considérables pour l'entretien tant des Allemands que des Slaves.

[1]) Зачеркнуто: «Ces sentiments m'ont constamment animé. C'est le mobile qui m'a fait agir».

3. Pendant que les armées françaises se trouvent entre la Vistule et le Niémen, c'est le moment de seconder puissament les Espagnols et les Portugais pour porter de ces côtés des coups sensibles à Napoléon.

4. De même inquiéter les côtes de sa domination partout où il sera possible seulement de le faire.

5. Rendre l'armée de la Sicile active et produire une diversion conséquente en Italie.

6. Bloquer de près Corfou et Les Ioniennes.

7. Seconder la Suède dans son expédition sur la Zélande et les possessions Danoises.

8. Veiller avec activité sur les flottes du Texel et de l'Escaut.

9. Prendre pour principe en général que la guerre qui va éclater en est une pour l'indépendance des nations, qu'elle est la dernière qui pourra avoir lieu, et par conséquent l'Angleterre est aussi intéressée que toutes les autres nations à y contribuer de tous ses moyens. Chaque puissance doit le faire d'après sa possibilité et sa position locale. Ainsi le rôle de l'Angleterre est d'y contribuer par les armements maritimes, en fournissant des munitions de guerre et se faisant le caissier, si on ose se servir de cette expression, de toutes les puissances qui pourront avoir besoin de fonds pour pousser la guerre avec vigueur.

10. Il est de la sagesse d'écarter toutes les chicanes, toutes les difficultés. Ce n'est qu'en les mettant de côté, qu'en allant franchement au devant de tout ce qui peut être utile à la cause générale, en mettant enfin la plus grande union et réunissant tous les intérêts qu'on parviendra à triompher d'un ennemi aussi redoutable.

11. Les exemples passés doivent prouver tous les malheurs d'une conduite différente.

XIII.

Собственноручный проектъ письма императора Александра къ Наполеону изъ Вильны 1812 года [1]).

Monsieur mon frère. Fidèle à la marche que je m'étais tracée j'envoie à Votre Majesté le — pour lui faire part que la paix entre la Russie et la Porte Ottomane a été signée le 10 Mai à Boukarest et ratifiée par le visir le 26 [2]). Malgré la facheuse position dans laquelle nous nous trouvons l'un envers l'autre, j'aime encore à espérer de ses sentiments personnels qu'elle prendra quelque part à un évènement aussi important pour moi. Le — est particulièrement chargé d'assurer Votre Majesté que cette paix en augmentant mes forces disponibles ne diminue en rien mes dispositions pacifiques à l'égard de la France.

Jusqu'à présent aucun engagement ne me lie à l'Angleterre et aucune altération n'a eu lieu dans les réglements de mon commerce. Je suis toujours prêt à négocier sur

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ IV. № 238.

[2]) Съ боку:
les facheux différends qui subsistent entre nous.

les bases que le prince Kourakin a été chargé de présenter au duc de Bassano et si Votre Majesté nourrit les mêmes sentiments que moi, la guerre peut encore s'éviter. Les négociateurs munis de pouvoirs nécessaires se rendront alors dans le lieu dont il sera facile de convenir [1]). Dans le cas contraire et ou elle voudrait prolonger cet état d'incertitude je dois lui déclarer avec toute franchise qu'elle me forcera, pour mettre fin à une gêne qui pèse fort sur mes peuples, d'ouvrir nos ports aux navires de toutes les nations. Maintenant il dépend de Votre Majestè [2]) d'éviter à l'humanité les malheurs d'une nouvelle guerre.

XIV.

Собственноручный черновой отпускъ письма императора Александра принцу регенту.

Camp de Drissa, le 2 Juillet 1812.

Monsieur mon frère! Dès le moment que l'empereur Napoléon par sa conduite hostile envers la Russie m'a dégagé des liens que les circonstances passées m'avaient fait contracter envers lui, un de mes premiers soins est de répondre à la lettre que Votre Altesse Royale a bien voulu m'écrire, en lui exprimant les vœux sincères que je forme pour sa prosperité et la gloire de sa régence.

J'ai épuisé tous les moyens possibles pour éviter à la Russie les malheurs de la guerre. D'accord parfaitement avec les principes énoncés dans la lettre et les communications ministérielles de Votre Altesse Royale, je trouvais que provoquer la guerre, c'était se rendre responsable des malheurs qu'elle pouvait amener et qui indubitablement agraverront le sort déjà si déplorable du continent de l'Europe. Mais tous mes soins, toute la fidélité scrupuleuse avec laquelle j'ai tenu mes engagements envers l'empereur Napoléon sont restés sans effet et j'ai été attaqué par lui et la frontiére de la Russie violée sans aucun prétexte quelconque. Maintenant il ne me reste pas de choix dans mes résolutions et la défense la plus vigoureuse, la plus prolongée est le seul parti que j'aie à prendre. Les revers ne m'effraient plus, puisque la responsabilité n'en pèse plus sur moi, et que tous mes efforts n'ont tendu qu'à éviter à ma patrie et à l'Europe ce nouveau fléau. Les circonstances actuelles vont lier plus étroitement que jamais la Russie à l'Angleterre. La sagacité de Votre Altesse Royale la convaincra de toute l'importance de l'époque présente. C'est la dernière lutte de l'indépendance contre l'asservissement, des idées libérales contre le système de la tyrannie. C'est enfin la cause de toutes les Puissances qui ne sont pas encore assujetties. Les plus grands efforts fais en commun, la plus grande persévérance à les soutenir sont seuls capables de la faire triompher. Tout commande la liaison la plus intime entre la Russie, l'Angleterre,

[1]) Зачеркнуто:
de votre quartier général.

[2]) Зачеркнуто:
de prévenir ce résultat tout comme c'est uniquement à elle.

la Suède, l'Espagne, le Portugal, la Sicile et la Turquie. Tout ce qui sera fait pour ce but, sera bien fait; tout ce qui en peut entraver ou retarder le succès sera un mal réel à la cause générale. Qu'il me soit permis d'énoncer toute mon opinion. Il me semble qu'il faudrait moins de transactions, de formes et plus de ces sentiments généreux, ardents qui porteraient à envisager tous les peuples unis pour le salut de leur liberté, comme des frères empressés à se porter mutuellement tous les secours dont ils pourraient avoir besoin et n'envisageant qu'un seul but, celui de leur salut commun. Telle est ma manière d'envisager les choses. L'égoisme soit des individus, soit des états, a amené l'ordre actuel des choses. C'est l'opposé qui seul parviendra à le changer. Je ne demande à Votre Altesse Royale d'autres secours que ceux qui pourront assurer le succès de notre cause. La Suède par contre en a un vrai besoin et les sentiments de son roi et du prince royal garantissent qu'ils seront employés à ce même but. Qu'elle se persuade que de mon côté je suis résolu à lutter jusqu'à l'extrémité et à prolonger cette lutte le plus longtemps possible.

J'ai été très content de la connaissance personnelle de l'amiral Benting, je m'en réfère avec confiance aux détails qu'il pourra donner à Votre Altesse Royale de notre conversation et désire beaucoup le revoir. Le sujet important que j'ai eu à traiter dans ma lettre m'a empêché de me servir de l'anglais, n'étant pas aussi maître de mes expressions dans cette langue qu'en français.

Je prie Votre Altesse Royale de croire aux sentiments d'attachement et de haute estime que je lui ai voués et qu'il me sera bien agréable de lui prouver en toute occasion.

XV.

Разговоръ императора Александра съ Эренстремомъ въ Гельсингфорсѣ въ 1812 году [1].

Императоръ поздно вечеромъ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ, былъ встрѣченъ у дверей своей квартиры генералъ-губернаторомъ Фридрихомъ Шернвалемъ и на его короткую привѣтственную рѣчь онъ отвѣтилъ: «C'est avec beaucoup de satisfaction que je me trouve au milieu de vous».

Это были первыя слова, которыя я услышалъ отъ него въ Финляндіи. Поднявшись наверхъ, въ залу, которая быстро наполнилась генералами, полковыми командирами и другими штабъ-офицерами (армія въ 15,000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія, подъ начальствомъ генерала Фокка, предназначенная для совокупныхъ дѣйствій съ шведскимъ корпусомъ, въ это время сосредоточена была у Гельсингфорса), государь обращался къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ разными вопросами и потомъ подошелъ къ губернатору со словами: «Quels beaux chemins en Finlande! C'est comme on allait sur du marbre. Il est vrai que la nature a beaucoup fait, mais l'art a encore contribué

[1]) Изъ записокъ Іоанна Альберта Эренстрема.

à perfectionner son ouvrage». Потомъ онъ спросилъ: «Comment vont les travaux à Helsingfors? Est-ce qu'ils avancent?»

Шернвалъ отвѣчалъ: «Personne ne pourra mieux répondre à ces questions que m-r d'Ehrenström, que Votre Majesté a chargé de la direction de ces travaux et que j'ai l'honneur de lui présenter maintenant».

Тогда государь подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Je suis charmé de faire votre connaissance personnelle», послѣ чего повторилъ свои вопросы; я отвѣтилъ: «Sire, jusqu'ici on n'a pu s'occuper que d'arrangements préparatoires; ils prennent encore beaucoup de temps; ce qui serait désolant, si l'on ne se rappelait, que Rome ne fût pas bâtie en un jour».—«C'est vrai», сказалъ онъ съ улыбкой, повернулся, кивнулъ головой собравшимся и пошелъ въ свои комнаты, куда генералъ-губернаторъ слѣдовалъ за нимъ для полученія приказаній. Черезъ нѣсколько минутъ этотъ генералъ открылъ двери и сказалъ: «M-r d'Ehrenström? L'Empereur vous ordonne d'entrer». Это отличіе чрезвычайно меня поразило и не могло быть пріятнымъ большинству лицъ, наполнявшихъ залу, между которыми находились многіе, имѣвшіе право на отдѣльную аудіенцію раньше меня. Войдя въ комнату государя, я остановился у дверей и низко поклонился; онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и повелъ во внутреннюю комнату, безъ сомнѣнія, для того, чтобъ нашъ разговоръ не разслышали въ залѣ, такъ какъ я долженъ былъ говорить погромче въ виду того, что онъ былъ глуховатъ на лѣвое ухо. Было около 10 часовъ вечера. Пораженный снисходительностью этого могущественнаго государя, которая такъ рѣзко противорѣчила жестокому обращенію со мною 18 лѣтъ тому назадъ въ моемъ отечествѣ, Швеціи, я спросилъ, извѣстно ли его величеству это обстоятельство. «Oui,—отвѣтилъ онъ,—parfaitement, et je vous en estime davantage; vous avez souffert de grands malheurs pour une bonne cause, et vous les avez souffert avec beaucoup de courage et de dignité». Потомъ онъ началъ говорить, но ни слова о новыхъ постройкахъ, а исключительно о политическомъ своемъ положеніи, о начатой войнѣ и предполагаемыхъ результатахъ, о настроеніи русскаго народа, о своихъ рѣшеніяхъ и пр., и пр., и все это съ такою откровенностью, какъ будто бы я былъ ему извѣстенъ уже давно и пользовался его полнымъ довѣріемъ или былъ членомъ его тайнаго совѣта, и съ такими подробностями, что рѣчь его затянулась болѣе чѣмъ на два часа, т.-е. за полночь. Я не могу припомнить всей этой рѣчи, хотя она была такъ умна и замѣчательна, что мнѣ не слѣдовало бы забыть и части ея. Могу привести только отдѣльныя фразы или такія выраженія, которыя глубже врѣзались въ мою память. Начну съ того замѣчанія, что императоръ Александръ всегда говорилъ прекрасно и такимъ правильнымъ языкомъ, что къ нему вполнѣ можно было отнести то, что сказано о г-жѣ Сталь, а именно, что ея рѣчи въ обществѣ, записанныя такъ, какъ она ихъ произносила, могли бы быть, безъ всякихъ поправокъ и добавленій, отправлены въ типографію для печатанія. Императоръ по поводу войны сказалъ:

«Lorsqu'on a vu qu'une guerre était inévitable, il a eu chez nous différentes opinions sur la manière d'entrer dans cette lutte. D'après une de ces opinions, il aurait fallu aller à la rencontre de l'ennemi, avant qu'il eût le temps de rassembler toutes ses masses et de se renforcer par toutes les troupes de ses auxiliaires. On aurait gagné par là de mettre l'empire à l'abri du malheur de devenir le théâtre de la guerre, le nombre des ennemis à combattre n'aurait pas été si grand, on aurait eu la Pologne

derrière soi, et on aurait pu tendre la main à l'Allemagne, qui gémit sous le joug de la France, et qui, probablement, n'attend qu'une occasion favorable pour s'en délivrer et se déclarer contre elle. Toutes ces raisons réunies ne laissaient pas de mettre un grand poids dans la balance en faveur de cette opinion. Mais d'un autre côté des considérations d'une haute importance faisaient pencher la balance vers le parti qu'on a pris, de se laisser attaquer. Depuis que la Russie est devenue une puissance européenne, elle a eu plusieurs et de longues guerres à soutenir, mais toujours hors de ses frontières. Le recrutement nécessaire des armées a constamment excité des murmures et du mécontentement chez les propriétaires des recrues. Quand les chances de la guerre n'ont pas été favorables à l'empire, on a élevé des cris contre le gouvernement, prétendant qu'il aurait pu éviter la guerre, qu'elle était mal conduite, que le choix des généraux était mauvais, etc. A cause de l'extrême éloignement de la scène, les oisifs et les discoureurs avaient beau jeu pour inventer tout ce qu'il leur plaisait, parce qu'ils ne souffraient qu'indirectement des évènements, même les plus fâcheux, d'une guerre, qui ne les intéressait que médiocrement. Maintenant il fallait convaincre la nation, que le gouvernement n'était pas agresseur, qu'il ne s'était armé que pour la défense de l'empire; il fallait intéresser vivement la nation à la guerre, en lui montrant celle-ci, pour la première fois, depuis plus d'un siècle, de près et dans ses foyers, ce qui était l'unique moyen de la rendre nationale et de réunir pour la défense commune tous les esprits et toutes les volontés autour du gouvernement; voilà les principaux motifs de la détermination prise d'attendre l'ennemi sur les frontières. On voit déjà les effets salutaires de cette résolution. L'esprit public dans ces circonstances est devenu parfait. On est généralement disposé à faire les plus grands sacrifices pour la patrie. Buonaparte, se flattant peut-être de trouver dans la population de la Russie un parti en sa faveur, fait un faux compte, car toutes les classes des habitants sont exaspérés contre lui et contre les Français. On en a des preuves convaincantes. Vous savez que les seigneurs russes, surtout à Moscou, ont un grand nombre de domestiques et de valetaille, qui, presque tous serfs, remplissent leurs cuisines et leurs basses-cours. Des émissaires français ont tâché de soulever cette multitude, en lui prêchant la liberté et en représentant l'arrivée des Français, comme le signal de leur délivrance et le commencement d'un meilleur ordre de choses. Au lieu de prêter l'oreille à ces insinuations séditieuses, les auditeurs se sont emparés des excitateurs de révolte et les ont amenés à leurs maîtres, pour être punis. — Enfin la terrible lutte est commencée. On ne peut pas en prévoir le résultat final. Les armées russes brûlent du désir de combattre, mais la prudence ordonne de retenir leur ardeur et d'éviter, autant que possible, de grandes batailles, dans lesquels l'ennemi, par sa longue expérience et par l'habilité de ses généraux, aurait une supériorité incontestable. Mes généraux ne peuvent pas se mesurer avec ceux-là; c'est pourquoi il faut qu'ils mettent la plus grande circonspection dans leurs mouvements. Voilà le prince Bagration, qui vient de faire une grande faute: il est bon et brave soldat, mais il n'est pas général; il a perdu une marche; il faut voir comment il pourra réparer cette négligence.—En tous cas, mon parti est irrévocablement pris. Jamais je ne signerai la paix avec Buonaparte, tant qu'il y aura un soldat français armé et ennemi sur le sol de l'empire».

До сихъ поръ государь, облокотившись рукою на комодъ, говорилъ одинъ, а я былъ только нѣмымъ слушателемъ. Когда онъ произнесъ свое увѣреніе, я вспомнилъ

ту перемѣнчивость въ рѣшеніяхъ, за которую его такъ обвиняли въ Европѣ и печальнымъ доказательствомъ которой былъ Тильзитскій миръ, уронившій его такъ сильно въ общественномъ мнѣніи. Считая упорство Россіи въ этой борьбѣ единственнымъ средствомъ для уничтоженія рано или поздно ненавистной мнѣ тиранической власти Бонапарта, для меня было чрезвычайно важно окончательно убѣдиться въ твердости заявленія императора, а потому я имѣлъ смѣлость сказать: «Ainsi Votre Majesté est fermement décidée à ne pas conclure la paix avec lui, même si les armes françaises dans cette guerre ont des succès marquants?»

Тогда императоръ Александръ быстро выпрямился, ударилъ кулакомъ по комоду и отвѣтилъ: «Non, pas même sur les bords de la Wolga!»

Въ эту минуту онъ мнѣ показался столь величественнымъ и могучимъ, звукъ его голоса и жесты выражали такую силу и такое непоколебимое рѣшеніе, что сомнѣнія мои исчезли, и я съ волненіемъ сказалъ: «Dieu soit loué de cette résolution généreuse! Puisse le ciel vous donner la force, Sire, de l'exécuter! Uniquement par là vous pouvez sauver votre empire et sauver l'Europe entière».

Этотъ разговоръ продолжался такъ долго, что я, можетъ быть, и противъ правилъ строгаго этикета, осмѣлился напомнить государю, что было уже такъ поздно, и ему, утомленному путешествіемъ, слѣдовало бы теперь отдохнуть. Указаніе это однакоже не было ему непріятно. Послѣ глубокаго поклона я вышелъ въ смежную комнату; государь слѣдовалъ туда за мною, продолжая разговоръ. Онъ желалъ узнать, довольна ли Финляндія настоящимъ своимъ положеніемъ. На это я отвѣтилъ: «Je ne me trouve pas dans le cas, Sire, de répondre avec exactitude et connaissance de cause à cette question. Je n'ai pas été assez longtemps dans le pays pour avoir pu m'informer de cette situation, et depuis qu'il a plu à Votre Majesté de me charger de la présidence du comité des batisses, je suis fixé ici et moins que jamais en état de connaître la disposition des esprits dans les provinces. Ce dont je suis sûr, parce que cela m'a été confirmé de toute part, c'est que la personne de Votre Majesté est généralement aimée en Finlande, qu'on est rempli d'admiration pour sa magnanimité, ainsi que de la plus profonde reconnaissance pour sa justice et sa bonté. Mais que Votre Majesté ne s'attende pas, qu'en si peu de temps les Finlandais puissent se livrer à des sentiments d'intimité et d'affection envers la nation russe, que pendant des siècles ils ont envisagé comme une nation ennemie, ou que tout d'un coup ils puissen rompre leurs liaisons d'amitié et d'attachement avec la Suède, avec laquelle ils ont étét unis pendant cinq cents ans, et d'où ils ont tiré leur religion, leur langue, leur civilisation, leurs loix et leurs usages. Vos sentiments, Sire, sont trop élevés et trop généreux, pour que dans votre âme vous ne méprisassiez une nation, capable de changer en un jour, ainsi dire, ses penchants, ses sentiments, ses affections et sa reconnaissance comme on change une chemise».

Великодушный монархъ тогда сказалъ: «Rien de plus naturel que l'éloignement des Finnois envers les Russes. Il date des temps où ceux-ci firent la guerre en Finlande en barbares et dévastateurs, et la haine, que cette conduite avait excitée, s'est transplantée de génération en génération, par tradition. J'espère cependant, qu'après la dernière guerre elle a diminuée beaucoup, car les ordres les plus sévères étaient donnés pour l'observation de la plus exacte discipline et pour la punition de chaque violence et il ne m'est pas parvenu de plaintes sur quelque transgression de ces ordres. J'ai re-

marqué avec satisfaction, pendant ce voyage, la bonne intelligence, qu'en plusieurs endroits j'ai trouvé établie entre les soldats russes et les paysans du pays. Je me flatte que cette bonne harmonie augmentera toujours». Потомъ, послѣ маленькой паузы, государь прибавилъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Nous n'avions pas pensé à la conquête de la Finlande; mais nous avons dû céder à la force des circonstances. Nous venions de sortir d'une guerre terrible avec la France, et nous n'étions pas en état alors d'en recommencer une nouvelle. Il a fallu du temps pour s'y préparer. La Suède a certainement fait une grande perte, mais on a songé aux moyens de lui procurer un dédommagement».

Изъ этихъ словъ я заключилъ, что государь желалъ дать понять, что Бонапартъ грозилъ ему войной, если бъ онъ не хотѣлъ покорить Финляндію, и что вознагражденіе, предлагаемое Швеціи за потерю этой страны, могло бы состоять лишь въ королевствѣ Норвегіи, отторгнутомъ отъ старинной союзницы Россіи—Даніи.

Когда, послѣ этой продолжительной аудіенціи, я вышелъ въ залу, она была совершенно пуста. Послѣ тщетнаго ожиданія, всѣ удалились, за исключеніемъ генералъ-губернатора, спавшаго сидя на стулѣ у дверей императорскихъ покоевъ. Я его разбудилъ; онъ вышелъ, но сейчасъ же вернулся съ приказаніемъ прислугѣ государя идти раздѣть монарха.

Во время обратнаго слѣдованія изъ Або въ Петербургъ, государь въ Гельсингфорсѣ получилъ извѣстіе о взятіи Смоленска французами; объ этомъ обстоятельствѣ онъ мнѣ напомнилъ семь лѣтъ спустя, т.-е. въ 1819 году, когда онъ совершилъ путешествіе по всей Финляндіи и провелъ двѣ ночи въ Гельсингфорсѣ. При этомъ же случаѣ онъ соблаговолилъ пожаловать мнѣ брильянтовую табакерку съ своимъ портретомъ. Тогда я въ послѣдній разъ видѣлъ этого достойнаго любви государя, покрытаго въ то время высшей земной славой побѣдоносца, миротворца и вершителя политическихъ судебъ Европы,—славой, еще болѣе возвеличенной безпримѣрной скромностью императора Александра.

XVI.

Изъ переписки императрицы Елисаветы Алексѣевны въ 1812 году.

Каменный Островъ, 26-го августа (7-го сентября) 1812 года.

Lundi, à 11 heures du matin.

Chère et bonne maman! Je puis donc enfin vous donner ce titre si cher que depuis quelques semaines je m'interdis dans les lettres que je vous adresse par la Suède et le Danemark.— Aurais-je jamais cru qu'il pourrait y avoir des circonstances quelconques qui me forceraient à m'imposer cette contrainte. C'est, je vous le repète, la crainte seule de vous compromettre et le désir qu'une de mes lettres Vous parvienne au moins de toutes celles que depuis deux mois j'écris au hasard qui m'a engagé à user de cette précaution. L'on ne sait pas à quelle extrémité peut se porter un être tel que celui qui vous tient sous sa puissance; il est probable que tous les moyens ordinaires de com-

munication entre la Russie et l'Allemagne sont déjà interrompus et vous risqueriez peut-être si l'on pouvait vous convaincre d'une correspondance avec vos enfants. De la manière dont je vous écris, ma bonne maman, et si vous voulez bien observer le même style à mon égard, cette conviction ne pourra jamais exister.

Avez—vous reçu la lettre où je vous engage, chère maman, à m'écrire sous l'adresse de m-ss Dunsfeld et Comp. banquiers à Copenhague et de mettre votre lettre sans adresse sous une enveloppe à leur nom; c'est un moyen qu'on m'a indiqué comme le meilleur. Cette maison est prévenue et si vous n'avez pas reçu la lettre où je vous parle de cet arrangement, j'ose vous prier ici, ma bien-aimée maman, d'essayer ce moyen de me faire parvenir de vos nouvelles, qui me sont d'une si grande consolation et dont me voilà entièrement privée depuis trois semaines. La dernière lettre qui nous soit parvenue c'est par Vienne. Si vous aviez la bonté d'en envoyer de temps en temps à m-r de Haak à Vienne, il ne lui serait pas impossible de profiter des communications qui existent toujours entre l'Autriche et la Russie pour nous les faire remettre. Mais peut-être et très probablement même m-r de Haak craindra de se compromettre. — Vous saurez mieux que moi, chère maman, ce qui est possible et je vous indique seulement tous les moyens qui se présentent à mon esprit.

Je suis sûre que vous êtes bien mal instruits en Allemagne de ce qui se passe chez nous, peut-être vous a-t-on déjà fait croire que nous avons fui en Sibérie tandis que nous n'avons pas quitté Pétersbourg. Nous sommes préparés à tout à la vérité hormis des négociations. Plus Napoléon s'avancera moins il doit croire une paix possible. C'est le sentiment unanime de l'Empereur et de toute la nation dans toutes ses classes. Et grâces au Ciel il existe la plus parfaite harmonie à cet egard. — C'est sur quoi Napoléon ne comptait pas, il s'est trompé en ceci comme en bien des choses. Chaque pas qu'il fait dans cette immense Russie l'approche davantage de l'abime. Nous verrons comment il supportera l'hiver.

Mercredi, 28 Août (9 Septembre).

Si les circonstances actuelles ont des côtés pénibles par toutes les souffrances et les malheurs individuels qu'elles occasionnent, elles en offrent aussi de sublimes et d'un genre qui ne se rencontrent que de loin en loin dans l'histoire du monde, puisque heureusement pour l'humanité des époques comme celle où nous vivons ne sont pas fréquentes. Il faut voir et entendre journellement comme nous des preuves de patriotisme et de dévouement et d'une bravoure héroïque dans tous les rangs militaires et civiles pour ne pas les croire exagérés. Ah, cette brave nation montre bien ce qu'elle est et ce que ceux qui la comprenaient savaient depuis longtemps, malgré qu'on s'obstinait à la traiter de barbare.—Les barbares du Nord et les bigots du midi de l'Europe sont cependant ceux qui donnent le plus de tablature à la Nation civilisée par excellence et ils sont loin d'être réduits à bout. Du moment que Napoléon eut passé nos frontières c'était comme une étincelle électrique qui s'étendit dans toute la Russie, et si l'immensité de son étendue avait permis que dans le même moment on en soit instruit dans tous les coins de l'empire, il se serait élevé un cri d'indignation si terrible qu'il aurait je crois retenti au bout de l'univers. A mesure que Napoléon avance, ce sentiment s'élève davantage. Des vieillards qui ont perdu tout leur bien, ou à peu près, disent: nous trouverons moyen de vivre, tout est préférable à une paix

honteuse. Des femmes qui ont tous les leurs à l'armée ne regardent les dangers qu'ils courent que comme secondaires et ne craignent que la paix.—Cette paix qui serait l'arrêt de mort de la Russie ne peut pas se faire heureusement; l'Empereur n'en conçoit pas l'idée, et quand même il le voudrait, il ne le pourrait pas. Voilà le beau héroïque de notre position.

Les agréments journaliers ne manquent pas. Les sentiments et les opinions qui pendant ces cinq ans avaient été réprimés, contraints et froissés à chaque instant, se dilatent journellement à présent. De tous côtés accourent des gens de tête et de mérite que la petitesse tyrannique de Napoléon obligeait de se cacher ou de fuir le continent. Enfin nous nous retrouvons ici en bonne compagnie, il règne une activité pour la bonne cause dont le bienfait est sensible à mon âme qui depuis tant d'années se meurt de l'atmosphère envenimée qui l'entourait. Les Anglais qui accourent de toute part, Espagnols, Allemands, martyrs de la bonne cause, tout cela ne fait qu'une famille; on s'embrasserait avec des Turcs comme avec des frères s'ils montraient le même zèle pour le bien général.

M-r de Darnberg est arrivé avec l'ambassadeur d'Angleterre; je ne l'ai pas vu encore, mais cette même occasion vous portera une lettre de sa part pour sa femme, puisque vous avez eu de tout temps, chère maman, la bonté de vous charger de sa correspondance.

J'ai taché, chère maman, de vous faire le tableau de la Russie et de St.-Pétersbourg. Madame de Staël qui y a tenu sa place pendant trois semaines est partie depuis quelques jours. Une imagination comme la sienne trouvait bien de la nourriture ici dans ce moment, aussi se propose-t-elle de faire un ouvrage sur la Russie; je pense sur le moment où elle l'a vue, car il serait difficile d'écrire savamment sur un pays où l'on a été si peu. Elle va passer l'hiver en Suède.

Jeudi, 29 Août (10 Septembre).

Il faut finir ma lettre. Dieu sait quand elle vous parviendra, ma bonne maman. Bien des choses auront changé de face probablement lorsqu'elle vous parviendra; car nous attendons à chaque instant la nouvelle de la première affaire générale qu'il y aura depuis le commencement de la campagne, si nous avons l'avantage; il est à croire que l'effet en sera bien essentiel.

Nous avons ici la nouvelle de la capture de Joseph Bonaparte par les Anglais; c'était facile à prévoir après la dernière victoire de cette brave armée. Le ciel semble depuis quelque temps favoriser la bonne cause. Ah, si l'Allemagne pouvait se réveiller! Comment peut-elle supporter de voir trainer ses malheureux Landeskinder tantôt en Espagne, tantôt en Russie pour y périr soit les armes à la main, soit de faim et de misère comme ici.

Notre brave comte Wittgenstein (que vous connaissez, chère maman, par mes lettres de Ploiis) a fait des merveilles pendant toute la campagne. Il a causé le plus grand dommage au corps d'Oudinot qui est grièvement blessé lui même et aux Bavarois, j'avoue que pour ceux-là, ich gönne es Ihnen, soit dit entre nous, car ce sont les âmes damnées des Français. Je n'oserais jamais avouer ce sentiment-là devant Amélie, aussi je me garde comme de meurtre dans ce moment-ci de toucher la corde de la Bavière ou des Bavarois devant elle.

Il m'en coute beaucoup de finir cette lettre, ma bonne et bien-aimée maman. Je voudrais surtout vous donner tous les noms que je vous adresse pour vous exprimer quoique faiblement ma tendresse. — Car je ne puis vous rendre à quel point il m'est pénible de vous écrire ces sèches lettres que je vous envoie par la poste. J'embrasse tendrement Frique et ses enfants. Adieu, ma bonne maman, ma chère maman, ma bien-aimée, bien tendrement chérie maman, c'est pour toutes les lettres passées et à venir — où je dois m'interdire de vous donner ce nom si cher. Que le ciel écoute les prières que je lui adresse journellement pour vous, que vous soyez bien portante et tranquille en compensation de la peine que me cause l'ignorance totale où je suis sur votre compte. Je baise mille et mille fois vos chères mains.

St.-Pétersbourg, 24 Septembre (6 Octobre) 1812.

Mardi à 2 h. du soir.

Ma chère et bonne maman, on m'annonce une occasion pour Vienne, et quoique j'ignore encore le sort de la lettre que je vous ai écrite il y a environ un mois par la même voie, je risque celle-ci. Vous devez être bien mal informés en Allemagne de ce qui se passe chez nous et indépendamment du bonheur que j'éprouve toujours lorsque je peux vous parler un peu librement, je regarde comme un devoir de vous instruire de l'état des choses, tel qu'il est. J'ai en horreur cet esprit de mensonge, qui fait une des bases fondamentales de la conduite de Napoléon, et quiconque le peut ne doit pas négliger de combattre les effets de toutes ses forces. On aura fait passer pour une défaite la bataille de Borodino, bien complètement gagnée par nous et si complètement, que Napoléon parcourait les rangs comme un fou en criant: «Français, voilà une bataille perdue, je n'en ai jamais perdue, souffrirez-vous que celle-ci le soit», et que le lendemain il a donné à l'ordre du jour, que l'armée française s'était couverte de honte; mais malheureusement nous n'avons pas su ou pas pu profiter de cette victoire et finalement Koutousoff a trouvé à propos d'abandonner Moscou. Voilà donc cette horde de barbares logés sur les ruines de cette belle capitale; ils ont agi là comme partout ailleurs. Notre peuple a commencé à mettre le feu à l'objet de toutes ses affections, plutôt que le laisser tomber en entier entre les mains de l'ennemi, et la grande nation ne discontinue pas de saccager, piller, détruire, tant qu'il y aura de quoi détruire;— en attendant notre armée a fait le tour de Moscou et elle est postée aux environs du chemin par où l'ennemi est venu et commence déjà à gêner ses communications. Napoléon en entrant à Moscou n'a trouvé rein de ce qu'il espérait; il comptait sur un public, il n'y en avait plus, tout avait quitté; il comptait sur des ressources, il n'a presque rien trouvé, il comptait sur l'effet moral, le découragement, l'abattement qu'il causerait à la nation — il n'a fait qu'exciter la rage et le désir de vengence; il comptait que la paix serait le résultat final de tout ceci; je joins ici la déclaration que l'Empereur a faite, du moment que l'évacuation de Moscou a été connue. Je suis sûre, chère maman, que vous serez satisfaite de son contenu. Elle a toute la noblesse, toute la dignité nécessaire, elle porte le caractère de la nation à laquelle elle est adressée. Je puis répondre que la résolution qu'elle annonce est inébranlable dans l'esprit de l'Empereur. — Pétersbourg même, dut-il subir le même sort, l'Empereur serait également éloigné de l'idée d'une paix honteuse. Cependant il n'y a pas de danger pressant pour

Pétersbourg; quoique beaucoup de personnes ont été très alarmées et ne sont pas encore rassurées. Assurément on ne peut répondre positivement de rien dans le temps où nous vivons et avec un furieux comme Napoléon, pour qui la vie de ses semblables n'est en aucune ligne de comparaison avec la moindre de ses fantaisies. Mais il est à 750 verstes, ce qui fait au delà de 100 milles; il y a un corps considérable entre Moscou et ici, et s'il avançait sur ce chemin, il aurait la grande armée toute entière sur son dos — il aurait un espace très considérable de marais à traverser en venant par le chemin de Moscou qu'on pourrait rendre impraticable en rompant les routes — enfin il n'y a pas de probabilité qu'il tente une entreprise aussi hasardeuse; et j'entre avec vous dans tous ces détails, chère maman, afin de vous ôter les inquiétudes que vous pourriez concevoir à ce sujet.

Au reste quelles que soient encore les épreuves par lesquelles nous soyons encore destinés à passer, dès que Napoléon ne peut pas espérer la paix, de l'avis de tout le monde, il se trouvera dans une fort mauvaise position à mesure qu'il prolongera son séjour en Russie. En attendant Mitau et une partie de la Courlande est reprise par nos troupes. Le corps français et prussien qui l'occupait s'est retiré à notre approche.

Ne vous ennuyé-je pas, chère maman, avec tous ces détails militaires — et à la distance où vous êtes, quoiqu'en formant les voeux les plus sincères pour nous, ne trouvez-vous pas mes récits un peu trop détaillés? Il me serait difficile de vous parler d'autre chose; c'est l'unique objet qui nous occupe, ou bien ce sont les effets différents de cette seule et unique cause. J'espère que nous verrons ici le duc d'Oels que j'appelle Duc de Brunswick, car je n'ai pas abandonné l'espoir de le voir rentrer dans ses droits. Il ne sera cependant pas ici aussitôt que je l'aurai désiré, car ce n'est que ces jours-ci qu'on lui envoie les passes-ports; mais toujours je me flatte que ce sera avant l'hiver.

Que de choses j'aurais encore à vous dire, ma bonne maman, si j'étais sûre sous tous les rapports de l'occasion; mais c'est ce qui n'est pas, je ne vous dis donc que ce que je pourrais vous dire par la poste, si je n'avais la crainte de vous attirer par là des désagréments. Quant à notre genre de vie il est bien simple, comme vous le pensez bien, excepté la lanterne magique de personnages de différentes nations, qui viennent de tous les coins du monde pour se réunir à Pétersbourg, comme sur la tour de Babel; ceci donnerait du piquant à notre existence actuelle, si d'ailleurs il n'y en avait pas déjà du reste — jusqu'à un aide de camp du général Moreau et qui arrive tout fraichement d'Amérique.

J'ai fait dernièrement aussi la connaissance de m-r Arndt, sur lequel j'avais fait des projets qui ont si entièrement échoués! Ceux qui le connaissent particulièrement ici en disent beaucoup de bien, et pour moi j'ai eu du plaisir à l'entendre parler la seule et unique fois, que je l'ai vu; ce qui surtout m'a prévenu en sa faveur, c'est le sentiment avec lequel il m'a parlé de Gustave; et certes il n'y a pas d'apparence dans ce moment qu'il puisse trouver son compte à énoncer des sentiments pareils, je dois donc les croire sincères.

XVII.

Графъ Мишо къ флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому о разговорѣ съ императоромъ Александромъ въ 1812 году [1]).

Juillet 1819.

Mon cher colonel.

Après l'entretien que nous eûmes hier sur les évènements de la guerre de l'année 12, je crois vous faire plaisir, très cher colonel, en vous faisant connaître une petite conversation que j'eus l'honneur d'avoir avec Sa Majesté notre très gracieux empereur le 8 Septembre 1812. Elle devrait faire époque dans l'histoire par la connaissance qu'elle donne de la force d'âme de notre souverain qui a été bien mal jugé par ceux qui l'ont cru au moment de conclure la paix après la perte de Moscou.

Vous savez, mon cher chevalier, que je fus envoyé à St.-Pétersbourg par le maréchal Koutouzoff pour porter la nouvelle à Sa Majesté de l'abandon de Moscou dont les flammes éclairèrent ma route jusqu'au delà de Mourom: jamais voyageur n'a eu le coeur plus sensiblement touché que le mien l'a été dans cette occasion; Russe de coeur et d'âme quoique étranger, porteur d'une des plus tristes nouvelles au meilleur des souverains, traversant un pays au milieu d'un demi-million et plus d'habitants de toutes classes qui émigraient n'emportant avec eux que l'amour de la patrie, l'espoir de la venger et un dévouement sans bornes pour leur adoré souverain, frappé tour à tour par la douleur de ma mission, de tout ce que je voyais, et par la joie de tout ce que j'entendais autour de moi de l'enthousiasme national, j'arrivais le 8 au matin à la capitale tout plein de chagrin par les tristes nouvelles que j'allais donner. Admis à l'instant par Sa Majesté dans son cabinet, l'empereur jugea d'abord par mon air que je n'avais rien de consolant à lui apprendre .... «M'apportez-vous des tristes nouvelles, colonel? me dit-il..... «Bien tristes», lui rèpondis-je, «l'abandon de Moscou»..... «Mais aurait-on livré mon ancienne capitale sans se battre?» — «Sire, les environs de Moscou n'offrent aucune position à pouvoir hazarder une bataille avec des forces inférieures; le maréchal a cru bien faire en conservant à Votre Majesté une armée dont la perte sans sauver Moscou aurait pu être de la plus grande conséquence, et, qui par les renforts que Votre Majesté vient de lui procurer et que je viens de rencontrer de toute part, se verra bientôt à même de reprendre l'offensive et faire repentir l'ennemi d'être [2]) pénétré dans le coeur de ses états» ...... «L'ennemi est-il entré en ville?»... «Oui, Sire, et elle est en cendre à l'heure qu'il est, je l'ai laissée toute en flammes».

A ces mots les yeux du souverain me firent si bien connaître l'état de son âme que j'en fus ému à ne pouvoir tenir...

«Je vois, colonel, par tout ce qui nous arrive que la Providence exige des grands sacrifices de nous; je suis prêt à me soumettre à toutes ses volontés. Mais dites moi, Michaud, comment avez-vous laissé l'esprit de l'armée en voyant abandonner ainsi mon ancienne capitale sans coup férir; est-ce que cela n'a pas influé sur le

[1]) Военно-ученый архивъ. Отд. II. № 1836.

[2]) М. И. Богдановичъ (въ «Исторіи 1812 года») поправилъ: «d'avoir».

moral du soldat? N'avez-vous pas aperçu du découragement? . . . «Sire, me permettez-vous, lui répondis-je, de vous parler franchement en loyal militaire» . . . . «Colonel, je l'exige toujours, mais dans ce moment surtout je vous prie de me parler comme vous l'avez fait autrefois; ne me cachez rien, je veux savoir absolument ce qu'il en est». . . . «Sire, j'ai laissé toute l'armée depuis les chefs jusqu'au dernier soldat sans exception dans une crainte épouvantable, effrayante». . . . «Comment ça, reprit le souverain d'un air indigné;—d'où peuvent naître les craintes? Mes Russes [1]) se laisseraient-ils abattre par quelques malheurs? . . . «Jamais, Sire, ils craignent seulement que Votre Majesté par bonté du coeur ne se laisse persuader de faire la paix; ils brulent de combattre et de lui prouver par le sacrifice de leur vie et par leur courage, combien ils lui sont dévoués». . . . «Ah! vous me tranquillisez, «colonel» (en frappant de la main sur mon épaule), eh bien, retournez à l'armée, dites à nos braves, dites à tous mes bons sujets, partout où vous passerez, que quand je n'aurai plus aucun soldat, je me mettrai moi-même à la tête de ma chère noblesse, de mes bons paysans et j'userai ainsi jusqu'à la dernière ressource de mon empire; il m'en offre encore plus que mes ennemis ne pensent, mais si jamais il fut écrit dans les decrets de la divine Providence que ma dynastie dût cesser de régner sur le trône de mes ancêtres, alors après avoir épuisé tous les moyens qui sont en mon pouvoir, je me laisserai croitre la barbe jusqu'ici (en portant la main sous la poitrine) [2]) et j'irai manger des pommes de terre avec le dernier de mes paysans plutôt que de signer la honte de ma patrie et de ma chère nation dont je sais apprécier les sacrifices qu'elle me fait» . . . . Puis allant jusqu'au fond de son cabinet et revenant à grands pas, le visage tout plein de feu, serrant de sa main mon bras. . . . «Colonel Michaud, n'oubliez pas ce que je vous dis ici; peut-être un jour nous nous le rappellerons avec plaisir. Napoléon ou moi, ou lui et moi, nous ne pouvons plus régner ensemble; j'ai appris à le connaître; il ne me trompera plus» . . . .

Il ne m'est pas donné, mon cher Danilefsky, de vous peindre ici l'état de mon âme en pensant au bonheur que j'allais apporter à notre armée [3]).

— «Sire, lui répondis-je, le coeur enthousiasmé de tout ce que je venais d'entendre,—Votre Majesté signe dans ce moment-ci la gloire de sa nation et le salut de l'Europe».

XVIII.

Изъ переписки императора Александра съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ.

St.-Pétersbourg, le 19 Septembre 1812.

Monsieur mon frère et cousin. Ce que j'ai craint est arrivé. Le prince Koutouzoff, n'a pas su profiter de la belle victoire du 26 Août. Après avoir constamment repoussé les attaques vigoureuses de l'empereur Napoléon pendant les journées du 24, 25 et 26, de manière que ce dernier jour l'ennemi ayant fait des pertes énormes à 6 heures après

[1]) Первоначально Мишо написалъ «mes militaires» и зачеркнулъ.

[2]) М. И. Богдановичъ передѣлалъ по-своему: («en portant la main sur sa poitrine»).

[3]) Послѣднія двѣ строки вычеркнуты М. И. Богдановичемъ.

dîner avait fait cesser le feu et s'était reployé en arrière à quelques verstes, en nous laissant le champ de bataille. Koutouzoff n'a pas eu assez d'audace pour l'attaquer à son tour, et a commis une faute semblable à celles qui ont terni pour nous la journée de Preussisch-Eylau, et pour les Anglais et les Espagnols celles de Tala Veyra et de Busacao, en se retirant le lendemain, la position qu'il occupait étant devenue à ce qu'il dit, trop étendue pour l'armée, après les pertes qu'elle avait essuyées dans ces trois glorieuses journées. Cette faute impardonable entraîna la perte de Moscou, n'ayant plus trouvé une seule position tenable en avant de cette capitale. Mais c'est Moscou vide qui est tombé au pouvoir de l'ennemi. De tous ses habitants il n'y est resté que les portiers des maisons. Cette perte est cruelle, j'en conviens, mais plus sous le rapport moral et politique que militaire. Du moins me donnera-t-elle l'occasion de présenter à l'Europe entière la plus grande preuve que je puisse offrir, de ma persévérance à soutenir la lutte contre son oppresseur, car après cette plaie, toutes les autres ne sont que des égratignures. Je réitère à Votre Altesse Royale l'assurance solennelle, que plus que jamais, moi et la nation à la tête de laquelle j'ai l'honneur de me trouver, sommes décidés à persévérer et à nous ensevelir plutôt sous les ruines de l'empire que de composer avec l'Attila moderne. Furieux de n'avoir pas trouvé à Moscou ni les richesses qu'il convoitait, ni la paix qu'il espérait y dicter, il a fait brûler cette belle capitale, qui ne présente plus maintenant qu'un monceau de cendres et de décombres.

Ma grande armée dans ce moment-ci se trouve sur la route de Kalouga, de manière à s'étendre par sa gauche sur celle de Smolensk. Elle a eu depuis plusieurs engagements partiels très avantageux avec l'ennemi, dans lesquels on lui a fait beaucoup de prisonniers et lui a enlevé déjà deux convois d'artillerie entre Mojaysk et Moscou. Le corps du général Winzingerode couvre en avant de Kline le chemin de Pétersbourg et s'étend par sa droite pareillement jusqu'à celui de Smolensk. Votre Altesse apercevra par là que le but de se trouver au dos de l'empereur Napoléon se trouve rempli. En attendant l'armée de Moldavie s'est réunie avec celle de Tormasoff. Elles agissent sur Minsk en tâchant de refouler les corps de Reigner et de Schwarzenberg dans le Duché de Varsovie, pour les empêcher de joindre la grande armée. Le général Wittgenstein que j'ai trouvé moyen de renforcer de dix-huit mille hommes, va dans cinq jours commencer ses opérations, qui auront pour but, en passant la Dvina au dessus de Polotzk, d'obliger par ce mouvement le corps de S-t Cyr d'abandonner sa position, en le refoulant pareillement sur la frontière du Duché de Varsovie, pour l'empêcher de se joindre à l'armée de Napoléon. Par ce mouvement Wittgenstein pourra donner la main à Tschitschagoff, et en occupant les bords de la Bérésina, couper toutes les communications de l'armée de Napoléon avec l'Europe.

Plus que jamais je compte sur l'amitié et la loyauté du roi et de Votre Altesse. C'est dans le moment où je lutte avec persévérance contre des revers, qu'elles voudront me témoigner ces sentiments auxquels je mets tant de prix. De mon côté je ne cesserai de faire tout ce qui est en mon pouvoir pour les convaincre du soin que j'emploie à remplir mes engagements envers la Suède.

Votre Altesse n'ignore pas que le corps en Finlande est resté tout l'été à sa disposition complète, et désœuvré pour moi, malgré le besoin que j'avais de troupes. Il aurait été encore à l'heure qu'il est à son entière disposition, d'après mes engagements,

si Votre Altesse elle-même ne m'eût pressé de l'employer du côté de Riga. Elle se rappellera de même, que je lui objectais plus d'une fois aux craintes, que ce corps aux prises avec l'ennemi, il ne dépendrait plus de moi de le dégager à volonté. L'expérience a prouvé que mes objections étaient fondées. Arrivé le lendemain du jour que j'ai quitté Votre Altesse à Helsingfors, et m'étant abouché avec les marins, ils m'ont démontré sur les cartes marines l'impossibilité absolue avec des vaisseaux de guerre et de grosses frégates même d'entrer dans le golfe de Riga, à cause du manque de profondeur. La grande partie de mes troupes étant à bord de ces bâtiments, il ne me restait plus d'autre moyen que de les faire débarquer à Revel. Le 12 Septembre v. st. elles se trouvaient malgré cela, toutes réunies à Riga, et le 14 les opérations ont commencé. Ce soir j'ai reçu le rapport que l'avant-garde de l'ennemi a été culbutée et qu'on lui avait fait 200 prisonniers. Mais j'ai tout lieu de craindre que cette expédition pourra durer bien plus que jusqu'au 1-r Octobre, terme auquel mes troupes devaient se retrouver disponibles pour Votre Altesse. J'ai laissé en attendant le général Demidoff en Finlande pour organiser les renforts que je me suis engagé à fournir à Votre Altesse. La circonstance fâcheuse de Moscou vient encore me contrecarrer dans mes dispositions pour cet objet, Koutouzoff ayant dû organiser sur le champ un corps sous les ordres du général Winzingerode pour couvrir la route de Pétersbourg. Il n'a pas eu d'autres troupes sous sa main dans cette direction que les nouvelles levées, que j'avais dirigé sur chariots depuis Twer (un des trois gouvernements les plus rapprochés de Pétersbourg) vers la Finlande.

Cependant malgré toutes ces entraves si majeures, et les circonstances difficiles dans lesquelles je me trouve moi-même, quelques semaines plus tard j'espère offrir à Votre Altesse un corps, peut-être plus faible que celui que je lui destinais, mais qui n'en sera pas moins d'une utilité efficace pour elle.

En attendant je suis allé malgré mes embarras au delà de mes engagements pécuniers, en fournissant tout de suite toute la quantité de farine que les employés de Votre Altesse ont désiré avoir, malgré les termes dont nous étions convenus. Je La prie de croire qu'elle me trouvera toujours prêt à faire ce qui dépendra seulement de moi pour lui prouver toute l'amitié que je lui ai vouée. Il me paraît que Votre Altesse, en portant ses forces sur la Fionie et les autres petites îles, ne risquerait rien de s'y établir pour l'hiver. Par là elle menacerait également et la Zélande et le Slesvick, et mes troupes viendraient l'y joindre successivement, car vers le printemps j'espère bien pouvoir avoir à la disposition de Votre Altesse tout le corps promis.

Il ne me reste à parler à Votre Altesse que d'une lettre que j'ai reçue de l'empereur Napoléon après l'occupation de Moscou. Ayant cherché en vain quelqu'un à Moscou, auquel il pût la confier, il s'empara d'un ancien officier aux gardes, retiré du service, nommé Iacovleff, qui conduisant un vieux oncle malade et avec lequel il voulait se retirer dans l'intérieur du pays, était tombé sans le savoir dans lesmains des ennemis. Le comte Löwenhjelm, auquel j'ai fait lire la lettre même, en rendra compte à Votre Altesse. Elle ne contient d'ailleurs que des fanfaronades.

Je suis etc.

XIX.

Собственноручный императора Александра черновой отпускъ декларацiи Пруссiи 1812 года.

Au moment de faire franchir aux armées que je commande les frontières de la Prusse, l'Empereur mon Maître me charge de déclarer que cette mesure ne doit être envisagée que comme une suite inévitable des opérations militaires. Fidèle au principe qui la fait agir dans tous les temps, Sa Majesté Impériale n'est guidée par aucune vue de conquête. Les sentiments de modération qui ont constamment caractérisé sa politique sont encore les mêmes après les succès décisifs par lesquels la Providence Divine a béni ses efforts légitimes. L'indépendance et la paix en seront les résultats. Sa Majesté les offre avec son assistance à tous les peuples, qui entrainés aujourd'hui contre elle, abandonneront la cause de Napoléon, pour ne suivre que celle de leurs vrais intérêts. Je les invite à profiter des chances heureuses que les armées russes leur ont ménagées, et de se rallier à elles dans la poursuite d'un ennemi, dont la fuite précipitée leur montre l'impuissance. C'est surtout à la Prusse que j'adresse cette invitation. L'intention de Sa Majesté l'Empereur est de faire cesser les malheurs qui l'accablent, de donner au roi des preuves de l'amitié qu'il lui conserve, de rendre à la monarchie de Frédéric son éclat et son étendue. J'espère que Sa Majesté Prussienne animée des sentiments que cette déclaration franche doit faire naître en elle, ne prendra dans ces circonstances d'autre parti que celui que réclament l'intérêt de ses états et les vœux de ses peuples. Dans cette conviction l'Empereur mon Maître m'a envoyé l'ordre positif de ne point traiter en pays ennemi les provinces de la Prusse où ses armées vont entrer et d'adoucir en autant que l'état de guerre peut le permettre les maux qui résulteraient pe cette occupation.

XX.

Собственноручное письмо императора Александра къ графу Н. П. Румянцеву.

Peterswaldau, 12 (24) Juillet 1813.

Enfin, monsieur le comte, je puis prendre la plume pour vous répondre à vos différentes lettres.

Avant de passer à tout autre sujet il faut que je fasse ma propre apologie. La maladie du maréchal et la reprise de l'offensive par Napoléon ont daté du même moment à peu près, c'est à dire, du commencement d'avril; ainsi le surcroît de la besogne militaire causée par l'approche de l'armée ennemie est venu fondre sur moi, au moment où la principale cheville ouvrière m'a manqué. Vous concevez sans peine le travail énorme qui en est résulté pour moi. Dès ce moment je puis dire que je n'ai pas eu à ma disposition non seulement un jour, mais pas même une seule nuit. Ajoutez à cela que

je n'ai passé sur place depuis le commencement d'avril que deux jour à Dresde, après lesquels nous avons marché à l'ennemi et depuis nous nous sommes trouvés en mouvement perpétuel. La conclusion de l'armistice a bien suspendu ce mouvement pour la troupe, mais pour moi, ma besogne n'en a pas diminué, elle n'a fait que changer de genre et une très grande activité a dû être employée pour réorganiser plusieurs parties essentielles dans l'armée, après une campagne d'au delà de 12 mois et des marches comme celles depuis Moscou jusqu'à Dresde. Après avoir réglé le plus exigeant, je suis parti d'abord pour Opotschna où des soins d'une autre espèce m'appelaient. A peine révenu que j'ai dû songer à une seconde course pour m'aboucher avec le prince royal de Suède à Trachenberg. De retour à Peterswaldau, après y avoir passé 24 heures, je suis reparti pour une nouvelle tournée de trois jours dans les montagnes sur les frontières de la Bohême pour différents objets militaires. Enfin ce n'est que depuis 5 jours que je me trouve proprement en place, et me voici la plume à la main pour vous écrire.

Ceux qui tranquillement habitent un même lieu, voient régulièrement se succéder un jour à l'autre et le temps s'écouler, trouvent que deux ou trois mois sont une époque très longue; mais pour ceux qui se trouvent en mouvement continuel, les semaines s'écoulent comme des jours, et les mois comme des semaines. Vous, monsieur le comte, qui vous êtes trouvé plus d'une fois, si ce n'est devant l'ennemi, du moins dans des trains de vie semblable pour l'activité, vous saurez très bien comprendre ce que je veux dire. Dans les jours de relâche que j'ai eu cependant depuis l'armistice, je me suis occupé à la lecture suivie des papiers que vous m'avez envoyés, comme vous le verrez par les dates de mes notes, car à leur réception pendant la campagne à peine avais-je le temps de parcourir le sommaire que vous m'en faisiez dans vos lettres.— J'ai tenu à vous restituer le tout ensemble et à me remettre une fois au courant.— Vous trouverez mes résolutions à côté des dépêches même qui en demandaient.

J'en viens maintenant aux demandes réitérées que vous m'avez adressées, monsieur le comte, pour avoir votre congé et que j'ai reçues au plus fort de nos mouvements. Je vous avoue franchement que je ne me suis pas attendu de votre part à une démarche pareille surtout dans les circonstances actuelles. Vous paraissez me reprocher que vous trouvant éloigné de moi, vous vous croyez écarté de l'ensemble des affaires politiques.— Soyez juste, pouvez vous m'en vouloir de ne vous avoir pas pris avec moi quand il s'agissait de subir une campagne d'hiver et après l'atteinte sérieuse que votre santé a soufferte lors du voyage à Vilna? Du moins ce dont je puis vous répondre positivement, c'est qu'en vous laissant à Pétersbourg je n'ai consulté que le soin de votre conservation. Après la justice que je me suis plu à rendre toujours à votre manière de remplir la place que je vous ai confiée, je ne m'attendais sûrement pas à trouver dans vos lettres des expressions comme celles dont vous vous êtes servi. Au reste je puis vous garantir d'après l'expérience de ces 7 mois et d'après ma conviction intime, que les diplomates et les négociateurs n'ont presque rien à faire dans l'époque où nous nous trouvons, que l'épée seule peut et doit décider de l'issue des évènements, que pour augmenter même les forces dont on a à disposer contre l'ennemi commun, en réunissant à la cause de nouvelles puissances, l'éloquence et l'habileté des négociateurs y est tout à fait inutile, car tout ne dépend que du plus ou du moins de résolution qu'ont les souverains pour affronter les périls, auxquels ils exposent leurs états en embrassant la cause pour la-

quelle nous combattons. Quand vous verrez la suite des papiers de tout ce temps, vous en serez convaincu vous même. Finalement persuadez-vous que jamais la plus légère intention de vous soustraire la connaissance des choses auxquelles votre place et j'ajouterai ma confiance personnelle vous donnent droit, n'a existé en moi. Les localités et surtout le mouvement continuel dans lequel je me suis trouvé m'en ont seuls ôté toute la possibilité.

Je vous engage donc, monsieur le comte, à vous désister de votre demande et à conserver une place à laquelle mon estime et ma confiance en vous vous a appelé. Du moins ne fusse que jusqu'à mon retour; alors vous aurez le choix ou de reprendre nos anciennes habitudes, ou de me quitter, si telle est enfin votre intention irrévocable.

Ma lettre n'étant que trop longue je m'arrête là pour aujourd'hui.

Tout à vous.

XXI.

Пермское письмо Сперанскаго къ императору Александру I [1]).

Всемилостивѣйшій Государь,

При отлученіи меня ваше императорское величество, между прочими знаками милостиваго вниманія, сказали мнѣ, что «во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, вы употребили бы годъ или два, чтобы точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія, къ вамъ о мнѣ дошедшія». Изъ сего я долженъ заключить, что мнѣніе ваше о мнѣ еще не рѣшено невозвратно. Впослѣдствіи назначеніе денежнаго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная защита ваша утвердили еще болѣе сію надежду.

[1]) Подлинникъ такъ называемаго «пермскаго» письма Сперанскаго къ императору Александру съ приложенной къ нему оправдательной запиской, посланнаго знаменитымъ изгнанникомъ изъ Перми, былъ найденъ нами послѣ долгихъ поисковъ среди бумагъ графа Аракчеева (Архивъ канцеляріи военнаго министерства: Бумаги графа Аракчеева, № 33), которому онъ былъ отданъ императоромъ Александромъ. Графъ Аракчеевъ переплелъ его вмѣстѣ съ другими важными историческими бумагами въ одну книгу со слѣдующимъ заглавіемъ: «Бумаги, собранныя графомъ Аракчеевымъ. 1-го января 1826 года въ С.-Петербургѣ». На всеподданнѣйшемъ подлинномъ письмѣ Сперанскаго имѣется слѣдующая собственноручная надпись графа Аракчеева: «Получено отъ государя 4-го апрѣля 1823 года. Читалъ 5-го апрѣля всѣ три оныя бумаги по утру въ 5 часовъ, въ спальнѣ».

Второй и третьей бумагъ, упоминаемыхъ Аракчеевымъ, нами не найдено, и не встрѣчается указаній, которыя позволяли бы судить объ ихъ содержаніи. Если допустить, что подъ второй бумагой подразумѣвается помѣщенная ниже оправдательная записка, а подъ первой—письмо, служащее введеніемъ къ ней, то все-таки остается неразъясненнымъ, что графъ Аракчеевъ подразумѣвалъ подъ третьей бумагой. По предположеніямъ П. И. Бартенева, это было, быть можетъ, или первое оправдательное письмо Сперанскаго, написанное имъ еще въ Петербургѣ въ самый день его ссылки, 17-го марта 1812 года, и которое императоръ Александръ показывалъ министру юстиціи И. И. Дмитріеву (см. «Взглядъ на мою жизнь», записки И. И. Дмитріева, стр. 196), или, быть

Среди дѣлъ столь высокой важности мнѣ казалось непристойнымъ развлекать собою ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ окончательный, могу ли я ласкаться, что ваше величество удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливымъ.

Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери, потому что всякій другой путь откровеннаго изъясненія мнѣ пресѣченъ, и не знаю еще, какъ и сіе дойдетъ непосредственно до рукъ вашихъ.

Удостойте, всемилостивѣйшій государь, вниманія объясненія, при семъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета. Судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости вашей, могла бы рѣшиться; но государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу внимать истинѣ, особливо, когда она касается до важныхъ дѣлъ государственныхъ.

Есмь съ благоговѣніемъ вашего императорскаго величества вѣрно-подданный

М. Сперанскій.

Въ самомъ началѣ царствованія ваше императорское величество постановили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего правительства, составить, наконецъ, твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразно духу времени и степени просвѣщенія, и слѣдовать ему неуклонно.

Отъ сего единаго начала постепенно возникали всѣ главныя учрежденія ваши, учрежденія, кои, по важности и пространству своему, могли бы прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, если бы или люди были справедливѣе, или обстоятельства счастливѣе.

Исполнители, коихъ ваше величество употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый попеременно въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія въ большемъ или меньшемъ степени. Сему и быть надлежало, когда ваше величество и сами нерѣдко встрѣчались съ такъ называемымъ общимъ мнѣніемъ, коего при-

можетъ, не найденное до сихъ поръ первое письмо Сперанскаго къ государю изъ Перми о которомъ онъ упоминаетъ въ приводимой ниже оправдательной запискѣ.

«Пермское» письмо Сперанскаго съ оправдательною запиской было напечатано первоначально въ книгѣ «Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому. Спб. 1862» и въ приложеніяхъ къ сочиненію А. Н. Пыпина: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885» (второе изданіе). Но и Масальскій и А. Н. Пыпинъ пользовались только рукописными копіями письма и записки, ходившими по рукамъ; по сравненію съ подлинникомъ, копіи эти оказываются не только преисполненными самыхъ грубыхъ ошибокъ, но мѣстами самый текстъ его подвергся искаженіямъ, и помимо того встрѣчаются пропуски. Впервые «пермское» письмо Сперанскаго съ приложенной къ нему оправдательной запиской, сличенное съ подлинникомъ, было напечатано нами въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1891 году. Въ виду исключительной важности этого письма для исторіи «дѣла» Сперанскаго и для характеристики личности какъ Сперанскаго, такъ и самого императора Александра, мы позволяемъ себѣ воспроизвести это письмо въ настоящемъ трудѣ, какъ естественное дополненіе печатаемыхъ нами неизданныхъ документовъ, касающихся ссылки Сперанскаго. Письмо это, какъ видно изъ его текста, было отправлено Сперанскимъ съ его дочерью, уѣхавшей изъ Перми 4-го февраля 1813 года. Но ни на самомъ письмѣ, ни на оправдательной запискѣ не обозначено ни года, ни числа, ни мѣста, гдѣ и когда оно написано.

вычка и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

Не взирая на сіе, черезъ 12 лѣтъ ваше величество постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы, но главная мысль и намѣреніе оставались непремѣнными.

До 1808-го года я былъ почти только зрителемъ и удаленнымъ исполнителемъ сихъ преобразованій; но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда, въ 1803-мъ году вашему величеству угодно было поручить мнѣ черезъ графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

Въ концѣ 1808-го года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, ваше величество начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ вамъ вошедшія, и нерѣдко удостоивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій вашего величества надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое.

Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія[1]).

Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ, съ 1801-го года занимавшимъ ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе.

Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ, посредствомъ законовъ и установленій, утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы.

Въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и исправленій, ваше величество положили, наконецъ, приводить его въ дѣйствіе.

Блистательнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана, приуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но ваше величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно содѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уновленій[2]).

Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ вмѣстѣ съ ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда ихъ преслѣдовавшая.

I. Совѣтъ. Учрежденіе сіе, за мѣсяцъ прежде открытія, сообщено было графу Николаю Ивановичу, графу Завадовскому и к. Лопухину. Словесно и письменно они

[1]) Слова «планъ всеобщаго государственнаго образованія» подчеркнуты въ подлинникѣ.

[2]) Въ первоначально напечатанныхъ и рукописныхъ спискахъ «пермскаго» письма Сперанскаго слово «блистательнѣе» замѣнено словомъ «полезнѣе», а слова «предпочли твердость сему блеску и» совершенно пропущены.

его одобрили. Всѣ послѣдствія его оправдали. Но одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе французскому, хотя кромѣ раздѣленія дѣлъ ничего они не имѣютъ общаго. Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ Совѣтъ? Не единымъ ли словомъ его? Но зависть или клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными.

II. Министерства. Въ манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи министрамъ, но до 1810 года ихъ не было. Безпорядокъ и смѣшеніе, при личныхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ, доходили до крайности. Ваше величество, стоя въ средоточіи дѣлъ, въ собственной работѣ вашей съ министрами, болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ о необходимости сего учрежденія. По мыслямъ вашего величества составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе председателей Совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ Совѣтѣ. На семъ основанъ былъ манифестъ о раздѣленіи министерствъ и составленъ общій уставъ.

Въ раздѣленіи министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежняго перемѣна въ размѣщеніи или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны и на будущее время нѣсколько разъ еще измѣниться могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя министерства: полиціи и контроля; но первое учреждено по собственному и личному убѣжденію вашего величества въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ, неоспоримомъ и очевидномъ.

Общій уставъ постановилъ самые точные и ясные предѣлы отношеніямъ и власти министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылію и прахомъ, но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

Надлежало приступить къ частнымъ уставамъ. Возложено было на самыхъ министровъ составить проекты, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привесть въ единство.

Здѣсь каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми, и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства—и это былъ я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного министра финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента и сверхъ того нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе ста тысячъ рублей. Въ самыхъ правилахъ наказа надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти, привести ее въ предѣлы. преградить насильныя. завладѣнія одной части надъ другою, и, словомъ, всѣ сіи наказы вовсе передѣлатьа Можно ли было сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всякаго добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?

Другіе, можетъ быть, меня счастливѣе, совершатъ сію работу, но совершить ее необходимо: ибо какъ скоро одно министерство движется по данному направленію, то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другія; иначе они другъ друга затруднять будутъ, какъ то опытъ уже и доказалъ и доказывать будетъ.

Между тѣмъ какъ занимались сею работою, ваше величество подтверждали мнѣ многократно о образованіи Сената.

III. Сенатъ. Образованіе Сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ, совершенно противуположныхъ.

Проектъ сего образованія прежде всего сообщенъ былъ графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письменные ихъ отзывы при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего онъ разсмотрѣнъ въ собраніи председателей, напечатанъ и внесенъ въ Совѣтъ; мѣсяцъ времени опредѣленъ былъ для того, чтобъ каждый у себя дома могъ его обдумать.

Изъ хода сего дѣла всякъ легко могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласія, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностію.

Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду здѣсь упоминать о томъ, что въ укоризнахъ сихъ было жестокаго и терзающаго мою личность. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи, большею частью, происходили отъ того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы, и разумъ людей, его составляющихъ, не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка, чтобы признать благотворныя ваши перемѣны необходимыми. И, слѣдовательно, надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобъ, наконецъ, такъ сказать, ихъ ощупали, и тогда, вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія.

Мысль сія съ горестію вырывалась у меня въ самыхъ публичныхъ разговорахъ и разсужденіяхъ. Я представилъ ее во всей силѣ и вашему величеству и означилъ даже въ докладной моей запискѣ, которая при дѣлахъ и теперь должна находиться. Могъ ли я тогда подумать, что сіе самое разсужденіе дастъ поводъ врагамъ моимъ сдѣлать то злобное приложеніе, какое впослѣдствіи оказалось?

Между тѣмъ, мнѣнія въ пользу проекта были многочисленны и уважительны. Съ твердостію и чистотою намѣреній, ваше величество не рѣшались еще остановить исполненія; двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколь неудобно было бы, при настоящемъ расположеніи умовъ, продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ симъ возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили, наконецъ, ваше величество отложить его до времени.

Дай Богъ, всемилостивѣйшій государь, чтобъ время сіе настало. Проектъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ, или и совсѣмъ передѣланъ людьми, болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что безъ устройства Сената, сообразно устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и вамъ заботы, нежели пользы и достоинства.

IV. Законы. Есть люди, кои и комиссію законовъ считаютъ вреднымъ установленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени почти непрерывно существовала.

Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того ходу, какого бы желалъ; но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано, въ теченіе двухъ лѣтъ, болѣе, нежели во все предыдущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязныхъ планахъ и обѣщаніяхъ; въ мое время не только составлены твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ Совѣтѣ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія; третья и послѣдняя требовала только отдѣлки.

Со всѣмъ тѣмъ никогда не хвалился я сими работами и охотно, и въ свѣтѣ, и передъ вашимъ величествомъ, раздѣлялъ честь ихъ съ комиссіею; но несправедливости людей принуждаютъ меня, наконецъ, быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ комиссіи, т. е. отъ г-на Розенкампфа, и есть ли найдутъ во стѣ два параграфа, коими бы я воспользовался, я уступлю имъ всю честь сего произведенія. Сличеніе сіе не трудно: ибо компиляціи сіи всѣ остались въ моемъ кабинетѣ.

Другіе искали доказать, что уложеніе, мною внесенное, есть переводъ съ французскаго или близкое подражаніе: ложь или незнаніе, кои изобличить также не трудно, ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и коренного ихъ языка, можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ, ни во французскихъ университетахъ.

V. Финансы. Въ исходѣ 1809 г., тогда, какъ ваше величество занимали меня планомъ общаго образованія, предсталъ вопросъ, дѣлу сему посторонній, но по важности своей привлекавшій на себя все ваше вниманіе. Ваше величество съ справедливымъ безпокойствомъ взирали на постоянный упадокъ ассигнацій и не могли съ равнодушіемъ видѣть, что средства къ наполненію недостатковъ, вамъ представляемыя, состояли въ умноженіи тѣхъ же ассигнацій. Безпокойство сіе возросло до высшаго степени, когда въ смѣтѣ на 1810 годъ, заранѣе представленной, открытъ былъ ужасный недостатокъ въ 105.000,000 рубл., а способовъ къ замѣнѣ его никакихъ въ виду не было.

Вступало къ вамъ множество проектовъ, но всѣ они представляли минутныя и вредныя облегченія. Ваше величество желали открыть корень зла и пресѣчь его, доколѣ была еще возможность.

Сею одною рѣшительностію, смѣло могу утвердить, ваше величество спасли тогда государство отъ банкротства.

Послѣ многократныхъ о семъ разсужденій составленъ былъ планъ финансовъ и внесенъ въ комитетъ, который тогда въ домѣ г. Гурьева собирался. По двухнедѣльномъ предварительномъ разсмотрѣніи, онъ признанъ былъ необходимымъ и представленъ Совѣту. Были споры, но самое важное большинство его одобрили. Принялись за исполненіе.

Здѣсь тѣ же самые члены правительства, кои планъ одобрили, вмѣсто того, чтобъ единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его, и тотъ, кто долженъ былъ главнымъ быть его исполнителемъ, министръ финансовъ, не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ его противникомъ на дѣлѣ.

Откуда сіе противорѣчіе? Оно объясняется слѣдующимъ. Весьма легко сказать: прекратить выпускъ ассигнацій, но надобно было чѣмъ-нибудь ихъ замѣнить. Для сего надлежало:

1) Сократить и привести въ порядокъ издержки, а здѣсь-то и неудобства и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе и, въ концѣ всего,

еще ожидать ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу. Могъ ли кому нравиться сей вещей порядокъ?

2) Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ двадцать лѣтъ Россія ихъ не знала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однако же, чтобъ кто-нибудь ее понесъ. Судьба и несправедливость людей меня избрало на сію жертву; меня осыпали эпиграммами, ругательствами и проч., а другіе были въ сторонѣ.

Были попытки и тогда уже окружить ваше величество страхами народнаго неудовольствія и подозрѣніями во мнѣ. Отчетъ, который за 1810-й годъ имѣлъ я счастіе представить въ февралѣ послѣдующаго года, изображалъ во всей ихъ силѣ мои опасенія. Я предвидѣлъ, не безъ страха, всѣ личныя слѣдствія и тогда же просилъ уволить меня отъ званія г. (государственнаго) секретаря[1]). Ваше величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои страхи, и мои желанія.

Такъ прошелъ 1810 годъ.

1811-й годъ представилъ совсѣмъ противныя явленія. Тутъ министръ финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременные. Онъ, министръ, доказывалъ, что въ половинѣ года все станетъ; прошелъ цѣлый годъ, ничто не остановилось, и передержка была малозначуща. Тѣмъ не менѣе, я и въ семъ году былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

Насталъ 1812-й годъ. Недостатокъ весьма важный и, сверхъ того, близкая война. Министръ финансовъ представилъ систему налоговъ чрезмѣрно крутую и тягостную[2]). Часть ихъ принята, другая замѣнена налогами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужили послѣ министру финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя отвѣтственность и, по примѣру 1810-го года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія.

Есть ли бы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія сего министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ Совѣта, а манифестъ съ примѣчаніями, толкованіями, московскими вѣстями и ложными страхами, ходилъ по рукамъ.

Я мнилъ, что спокойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разсѣетъ сію бурю. Въ самомъ дѣлѣ, она начинала утихать; налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ[3]).

Но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть[4]) не дремала и воспользовалась сопряженіемъ обстоятельствъ.

Приступаю къ подробностямъ, весьма для меня горестнымъ.

Я не знаю съ точностію, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня ваше величество сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1) что финансо-

[1]) Отчетъ сей въ бумагахъ. Прим. самого Сперанскаго.

[2]) Представленіе его и журналы Совѣта въ Канцеляріи Государственной. Прим. самого Сперанскаго.

[3]) Большая ихъ часть и теперь еще существуетъ. Прим. самого Сперанскаго.

[4]) Разумѣю моихъ доносителей. Имена ихъ вашему величеству извѣстны. Прим. самого Сперанскаго.

выми дѣлами я старался разстроить государство; 2) привести налогами въ ненависть правительство; 3) отзывы о правительствѣ.

1) О финансахъ. Къ 1810-му году доходы государственные составляли около 125,000,000. Къ 1812-му они доведены были до 300.000,000. Приращеніе—въ два года 175.000,000.

Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать, а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ, перемѣнить нельзя.

Смѣло могу еще разъ утверждать, что, перемѣнивъ систему финансовъ, ваше величество спасли государство отъ банкротства. Придетъ время, всемилостивѣйшій государь, когда благія учрежденія ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословеніе людей благомыслящихъ. Тогда, смѣю думать, и мое имя, и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія.

Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанныя, всегда выдержатъ съ честью самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ государственныхъ людей, не только у насъ, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать, что если бы въ свое время онъ не былъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но и встрѣтить ее было бы не съ чѣмъ. И тотъ же планъ, въ обширныхъ его примѣненіяхъ, можетъ еще доставить важныя пособія въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

Но отчего же столько ропоту? Отъ того, что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

Отчего же — еще вопрошаютъ — понизились еще болѣе ассигнаціи со времени введенія плана? Это есть секретъ правительства; онъ состоитъ въ томъ: 1) что въ то же самое время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46.000,000 новыхъ ассигнацій; 2) въ томъ, что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, по единому незнанію, представленъ былъ неправильный счетъ той массы, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать никакъ было невозможно, основаны были первыя операціи. Но, со всѣмъ тѣмъ, унизясь въ первый годъ, ассигнаціи потомъ такъ твердо установились, что въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ онѣ сохраняли постоянно свое достоинство, и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ свободнѣе, по цѣнѣ ихъ, принимаются въ народѣ, нежели самое серебро. Сіе ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита?

2) О ропотѣ отъ налоговъ. Какое странное притязаніе желать, чтобы народъ кланялся и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами! Естественно, сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ, а современемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ. Гдѣ же не бранили за налоги? Но можно ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? Если налоги въ половинѣ февраля произвели опасный ропотъ, то куда же дѣвалась сія опасность въ мартѣ, въ маѣ, въ іюнѣ? Гдѣ слѣды сего общаго неудовольствія? Какимъ же волшебствомъ тотъ же народъ, то же дворянство, коего ропотъ въ февралѣ стращали, въ маѣ и іюнѣ готовы были всѣмъ жертвовать? Откуда сія перемѣна? Налоги не были сложены; напротивъ во многихъ мѣстахъ усилены. Слѣдовательно, опасный ропотъ сей была басня, выдуманная людьми легкомысленными, кои, проживъ весь вѣкъ свой въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же самымъ сплетнямъ и московскимъ вѣстямъ судятъ и о дѣлахъ государственныхъ и даже (горько помыслить) мнятъ управлять ими.

Не могу миновать здѣсь одного примѣчанія, которое и прежде, въ первомъ письмѣ моемъ отсюда, я старался, сколько могъ, означить.

Не попустите, всемилостивѣйшій государь, чтобъ система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе вашего величества, чтобъ система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели или люди коварные и властолюбивые могутъ видѣть въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и вамъ, всемилостивѣйшій государь, дѣйствительно и лично преданныхъ,—могутъ, въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропоты опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самого Величества. Но Богъ, проведшій васъ сквозь толикое множество трудныхъ происшествій и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія, сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ русскимъ правиламъ. Истинныя русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между государемъ и подданными, точное отношеніе отца къ дѣтямъ; а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не русскіе, но совѣты или малодушные, или злые, и во всѣхъ отношеніяхъ васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ; напротивъ—строптиво и ужасно, когда его слушаютъ. Простите, всемилостивѣйшій государь, сіе невольное сердца моего изліяніе. Враги мои могли очернить меня передъ вами, но никогда не отучатъ сердца моего желать вашей славы, сохраненія вашего достоинства и кроткаго правленія.

3) Объ отзывахъ. Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоитъ въ томъ, что я отзывался худо о правительствѣ.

Если доносители разумѣютъ подъ именемъ правительства тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, то есть разныя установленія, то правда, что я не скрывался и въ послѣднее время съ горестію многимъ повторялъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и, смѣю сказать, и мнѣніе вашего величества; скрывать же сего я не имѣлъ никакой нужды.

Если разумѣютъ подъ именемъ правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Горесть—видѣть все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчію и, при покорности намѣреніямъ вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противоположность имъ на дѣлѣ, горесть, снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой-либо въ дѣлахъ успѣхъ, не взирая на всѣ ваши желанія, горесть сія часто, а особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, всемилостивѣйшій государь, измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще

терзаемъ самыми жестокими укоризнами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? И, впрочемъ, сіи самые члены правительства, коихъ чувствительность отзывомъ симъ толико оскорбилась, не воздали ли мнѣ сами за сіе сторицею?

Но, чтобъ могъ я подъ именемъ правительства разумѣть особу вашего величества, душа моя возмущается при размышленіи, что я доведенъ до того, чтобъ опровергать сію гнусную клевету иначе, какъ презрѣніемъ. Съ 1801-го года, чрезъ 12 лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душою за всѣми вашими намѣреніями и въ послѣдніе два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ всего сего смѣю сослаться на собственныя ваши воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я вамъ подносилъ. Какимъ же образомъ, съ какою уродливою лживостью, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ я порицать и злословить въ послѣднее время то, что очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіе толь многихъ лѣтъ? Для чего? Какую цѣль могла имѣть сія лживость? Возбудить неудовольствіе, но въ комъ?—Въ Армфельдѣ и Балашовѣ?—И на какой же конецъ? Чтобъ сдѣлать переворотъ въ правительствѣ? Но въ чью пользу? Гдѣ способы? Гдѣ сообщники? Гдѣ связи? Въ дѣлахъ 20-тилѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двухгодичномъ моемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и уши открыты слушать обо мнѣ всякую клевету и нелѣпость, открылъ ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой-либо связи подозрительной?

Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце. Непріятели мои могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ французской системѣ, но ваше величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведеніе мое столь было ясно, что, если бы бумаги и дѣла мои можно было напечатать, тогда сами непріятели мои устыдились бы своихъ предположеній. Не я ли былъ одинъ изъ первыхъ, который обращалъ вниманіе вашего величества на предстоявшую войну и на всѣ козни, ей предшествовавшія? Ссылаюсь на подробныя записки, многократно, въ разныхъ эпохахъ и за долгое время поднесенныя. Онѣ всѣ находятся въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто, можетъ быть, по крайней мѣрѣ случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобъ заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, какъ я. Когда отправляли въ Парижъ графа Нессельрода, на краткое время, съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному, и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представлялъ вашему величеству открыть съ нимъ переписку, которая впослѣдствіи содѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ? И впрочемъ, если бы и не могъ я привести сихъ и симъ подобныхъ множества подробностей и доводовъ, какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ то же время всемѣрно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы; быть глубокимъ честолюбцемъ и

имѣть вокругъ себя однихъ враговъ; желать привести у народа въ ненависть правительство и себя перваго и прежде всего подвергать неминуемо сей самой ненависти? Пусть согласятъ все сіе мои доносители: мнѣ и писать, и мыслить о семъ уже омерзительно.

Между тѣмъ, однако же, сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія[1]), составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, единственное пятно моего въ народѣ обвиненія.

Вамъ единственно, всемилостивѣйшій государь, вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать: въ вѣчной правдѣ передъ Богомъ, вы обязаны, государь, сіе сдѣлать. Вы не можете тутъ имѣть во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вашею тайною, а не своею, я связанъ; слѣдовательно, вамъ же и развязать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?

Обращаюсь еще разъ къ личнымъ отзывамъ. Отчего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Оттого, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ[2]).

Если бы въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно мнѣ было не спускаться къ симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, я легко могъ бы показать и начало ихъ, и происхожденіе; открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы и личные корыстолюбивые ихъ разсчеты; указать всѣ лица, запечатлѣть каждое изъ нихъ своею печатью, обличить ложь въ самомъ ея средоточіи и представить на все столь ясные доводы, что они сами бы, можетъ быть, онѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? Онѣ будутъ теперь имѣть видъ рекриминацій, всегда ненавистныхъ. И сверхъ того, враги мои, можетъ быть, и въ сію минуту стоятъ передъ вашимъ величествомъ, а я за 2,000 верстъ, и весь почти совершенно въ ихъ власти[3]).

Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое, бывъ обвиненію постороннимъ, чрезмѣрно однако же обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною.

Ваше величество, припомнить, безъ сомнѣнія, изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у васъ минуту вниманія. «На что?» изволили вы спросить. «Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ казать канцлеру, не представивъ прежде вамъ». Ваше величество сказали мнѣ, что позовете его чрезъ Геслера, что дѣйствительно и исполнили и, давъ ему ваши наставленія, дозволили и впередъ въ подобныхъ случаяхъ также къ себѣ относиться. Бекъ, благодаря меня за сей случай, предложилъ, что когда встрѣтится въ дѣлѣ его что-либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать въ чистотѣ совѣсти, не считая меня чуждымъ правительству и его тайнамъ. Съ вѣдома ли его или нѣтъ, но чрезъ третье лицо, въ самомъ дѣлѣ, изрѣдка и безъ связи, получилъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что они

[1]) А паче въ Пермь. Прим. самого Сперанскаго.

[2]) Въ подлинникѣ съ боку поставлено карандашомъ, повидимому, рукою императора Александра, NB. Это, впрочемъ, единственная помѣта, встрѣчающаяся на страницахъ подлиннаго письма Сперанскаго.

[3]) Это не фраза, а сущая истина. Прим. самого Сперанскаго.

въ себѣ содержали? Пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія, кои, стоя въ средоточіи дѣлъ и имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ вашему величеству, я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе всегда зналъ, нежели они. Что могли мнѣ новаго сказать какой-нибудь г. Бушъ и ему подобные жалкіе дипломаты?[1]) Слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги, даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать имъ высокой важности. Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ [2]) удостовѣритъ васъ, всемилостивѣйшій государь, въ маловажности ихъ; числа ихъ докажутъ, что онѣ вошли ко мнѣ безъ связи, а все вмѣстѣ можетъ увѣрить, что тутъ могло быть легкомысліе, но никто никогда не въ силахъ превратить его въ государственное преступленіе.

Со всѣмъ тѣмъ, и прежде, и теперь, я повергаю себя единственно въ ваше великодушіе и желаю еще лучше быть прощеннымъ, нежели во всемъ правымъ.

Нужно ли, всемилостивѣйшій государь, чтобъ я оправдывалъ себя и противъ тѣхъ обвиненій, кои разсѣеваемы были моими врагами, о нравственныхъ моихъ правилахъ и связяхъ моихъ съ мартинистами, иллюминатами и проч.?

Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ; вообще о всѣхъ вещахъ я старался имѣть собственныя мои мнѣнія и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

Когда ваше величество пожелали о предметахъ сего рода и, въ особенности, о мистической ихъ части имѣть свѣдѣнія, я съ удовольствіемъ готовъ былъ посвятить вамъ всѣ плоды моихъ собственныхъ изысканій и размышленій. Бесѣды сіи мнѣ тѣмъ были пріятнѣе, чѣмъ болѣе я видѣлъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными вашими чувствіями. Не изъ книгъ, не изъ сектъ и партій почерпалъ я сіи истины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многодѣліе прервали слишкомъ рано сіи лестныя для меня сношенія, и хотя не имѣлъ еще я времени открыть вамъ во всемъ пространствѣ истинное ихъ знаменованіе, но, судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное ваше сердце и на самыя бумаги, у васъ оставшіяся, что другое въ сихъ истинахъ вы отъ меня слышали, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго? Да и когда, при какомъ случаѣ, слышали вы, всемилостивѣйшій государь, отъ меня другія правила? Во все время, какъ я пользовался вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ вашихъ? На кого навелъ я какую-либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту терпѣливость къ ихъ слабостямъ, ту кротость и снисхожденіе, коею Богъ и природа въ благости своей васъ одарили.

Всемилостивѣйшій государь! Въ невидимомъ присутствіи Бога Сердцевѣда смѣю здѣсь вопросить: такъ ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего государя и желающій привесть его въ ненависть?

Простите, всемилостивѣйшій государь, пространство сихъ изъясненій. Въ теченіе двухъ почти лѣтъ враги мои говорили одни. Мнѣ оставалось страдать и молчать.

[1]) См. въ примѣчаніяхъ прим. № 100.

[2]) При удаленіи, я доставилъ ихъ вашему величеству. Прим. самого Сперанскаго.

Въ награду всѣхъ горестей, мною претерпѣнныхъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе вамъ, къ славѣ вашей и благу государства подъятыхъ, въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ и, наконецъ, въ воспоминаніе тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между вами и мною,—прошу единой милости: дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, по-истинѣ, одними трудами и горестями преизобильной.

Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую-либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную или судебную, я приму сіе личное отъ вашего величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только свободы и забвенія.

Богъ, общій Отецъ и Судія государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія вашего величества на пользу государства, да ниспошлетъ вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично вамъ преданнѣе.

XXII.

Оправдательная записка Сперанскаго на Французскомъ языкѣ [1]).

Dès son avénement au trône l'Empereur a conçu le grand projet de régulariser les pouvoirs de l'état par les lois et d'assurer la marche de l'administration par les règlements et les institutions.

Ce projet, hautement annoncé dès l'année 1801, avait essuyé à sa naissance beaucoup d'opposition. Les vues bienfaisantes de Sa Majesté avaient été méconnues, calomniées et traversées, et cependant, malgré toutes ces contrariétés, elles faisaient tous les jours des progrès. C'est à ces progrès qu'on doit attribuer: 1) La réforme du Conseil en 1801; il fut dès lors appellé Conseil d'État et reçut une instruction dont celle de 1810 n'est qu'une suite et un développement ultérieur. 2) Le rétablissement de la Commission des lois. 3) La Charte du Sénat. 4) L'institution du ministère en 1802. Toutes ces réformes et institutions tenaient à une seule idée, se rattachaient à un seul principe. Mais conçues dans le silence du cabinet, ébauchées à la hâte, réalisées par parties détachées et sans suite, elles paraissaient ne tenir à aucun ensemble et être jetées-là par hasard ou par un intérêt momentané. Aussi à l'époque de leur naissance toutes ces réformes ont-elles été accueillies avec une défaveur plus ou moins marquée. L'administration, dirigée par des vues partielles, marchait sans plan et sans ensemble. Les nouvelles institutions cadraient mal avec les anciennes; les desseinsded Sa Majesté étaient paralisés, et les réformes les plus salutaires produisaient plus de mal que de bien.

[1]) Госуд. Архивъ. Разр. VI, № 557.

Tel était l'état des choses en 1808, lorsque l'Empereur commença à introduire m-r Spéransky dans ses vues et à l'entretenir de ses desseins. Les difficultés étaient trop palpables pour se faire illusion sur le succès. Aussi ce n'est qu'avec beaucoup de lenteur et après une suite de tatonnements que m-r Spéransky s'est décidé à prendre une part active dans les affaires et de changer ainsi une existence tranquille et aisée, accompagnée de l'estime publique, pour une carrière hérissée d'obstacles et de dangers. Il ne prévoyait pas encore alors tous les sacrifices qu'il serait forcé de faire dans la suite.

Toute l'année 1809 avait été employée à combiner les idées éparses sur les réformes et d'en faire un plan général. Ce plan n'est autre chose qu'un développement raisonné de tout ce qui a été conçu, médité et, en partie, exécuté par l'Empereur dès l'année 1801. Il n'était basé que sur la même idée principale de régulariser les pouvoirs par les lois et d'assurer l'administration par les règlements et les institutions. Ce plan, discuté et approuvé par les têtes les plus saines, les plus froides, avait été enfin adopté comme principe d'action et comme une norme invariable de toutes les réformes à faire ou à désirer. L'année 1810 avait été désignée comme l'époque où l'on commencerait à mettre ce plan à exécution. Le choix de cette époque eut l'influence la plus sinistre sur tout le reste. Les sentiments du public étaient alors au plus haut degrès d'exaspération sur les suites désastreuses du système politique. Toutes les institutions, tout ce que faisait le gouvernement avait aux yeux du public un caractère d'asservissement et de propension forcée ou aveugle aux vues de la France. C'est à cette imputation que tous les cris des mécontents se sont ralliés; et l'ambition blessée, et la médiocrité trompée, tout se para de belle marque du patriotisme pour faire éclater des vengeances personnelles.

Une autre cause non moins active vint se réunir à celle-là. Les dérangements de finances ont leur période de plénitude. Insensibles au commencement, c'est à cette époque qu'ils deployent presque subitement toute leur maligne influence. Malheureusement, en 1810 on touchait justement à cette période. Il n'y avait pas un moment à perdre; il fallait se hâter de prévenir le danger. Une banqueroute désastreuse menaçait l'état. Mais comment rétablir les finances sans réduction, ni impôt? Or, en faisant des réductions on froisse les abus, on restreint les depenses ambitieuses; en créant des impôts, on attaque les propriétaires. Voilà donc l'homme public aux prises tout à la fois avec les propriétaires et avec les consommateurs, c'est à dire avec la plus grande majorité de la nation.

Le sort cependant en était jeté; il fallait dévouer sa tête à l'indignation publique et mener de front et les réformes de l'administration, et les mesures de finances. Quel champ vaste pour exercer l'ignorance, la calomnie, l'envie, toutes les passions déchaînées! Aussi ce champ fut-il bien cultivé. M-r Spéransky était tour à tour un illuminé, un franc-maçon, un ennemi juré de la noblesse; enfin travesti, parodié, couvert d'épigrammes, de satyres et de carricatures, il a reçu tous les honneurs de la célébrité la plus désastreuse. Ou lassés ou sumis, ses amis peu nombreux l'abandonnaient. L'Empereur le soutenait seul contre tous.

Mais l'instant approchait où ce soutien même devait lui manquer.

Tandis que le vulgaire des mécontents laissait évaporer sa bile en de vaines déclamations, des esprits plus réfléchis, plus profondément ambitieux cherchaient à tirer

parti de cet état de choses. Deux personnages, jouissant déjà de la confiance de l'Empereur, proposaient à m-r Spéransky de les aggréger à ses vues et d'établir un comité secret et anonyme qui eût toute la direction des affaires, tandis que le Conseil et le Sénat ne feraient que les exécuter. M-r Spéransky eût la droiture de rejeter cette proposition et la maladresse de ne pas en instruire l'Empereur. Cette faute était capitale. L'homme du cabinet n'a pas sû dans cette occurence délier les fils délicats de la trame déjà ourdie. Il n'a pas senti qu'une confidence de cette nature, aussitôt qu'elle est reçue, ne peut plus être traitée sans conséquence. Il fallait ou se plier ou combattre. M-r Spéransky ne fit ni l'un, ni l'autre et fut bientôt culbuté.

Le comité s'organisa. C'est dans les opérations de finances qu'il chercha les moyens de sa consistance. Il commença par censurer tout ce qui avait été fait. L'attaque fut vigoureuse, parce que personne ne la repoussait. On proposa ensuite deux cent millions de roubles à créer par un seul trait de plume [1]), sans aucunes taxes, ni impôts. Mais pour que cette opération miraculeuse réussit, on y attacha une condition assez dure, c'est de changer la forme de l'administration actuelle, d'exclure le Conseil d'État de toute affaire de finances, de toutes mesures importantes et de concentrer le tout dans ce comité anonyme.

Comment l'esprit juste de l'Empereur a-t-il pu s'arrêter à un projet aussi téméraire et si visiblement intéressé? Cela s'explique aisément par l'époque où ce projet a été conçu, par le caractère des personnes qui l'ont proposé, et par la situation des afaires politiques. On était en février 1812. Le manifeste sur les impôts venait de paraître. Grande rumeur à Moscou et à Pétersbourg. Il fallait s'y attendre, car qui aime les impôts? Mais à l'affût de tous ces bruits était un des personnages du comité secret. Était-il donc si difficile de les exagérer et de convertir le mécontentement de quelques propriétaires en un cri général et public? Quelques personnages arrivés de Moscou ont merveilleusement aidé à cette persuasion, de sorte que bientôt tout parût en combustion à la cour, comme à la ville. «Et dans quelles circonstances se permet-on (c'est le langage que le comité et ses dupes tenaient alors) d'aliéner et d'exaspérer ainsi l'esprit de la nation et surtout de la noblesse? C'est à l'ouverture de la guerre la plus périlleuse et qui demande la plus grande réunion de forces morales et physiques! Est-ce là l'époque de songer à payer des dettes imaginaires et à décrier les assignats, premier nerf de la guerre?»

Ces réflexions si frivoles dans le fond, sous une apparence de justesse, revinrent exagérées, commentées et embellies à l'Empereur; et quoique parties des foyers désignés, présentées cependant avec adresse, elles paraissaient venir de tous côtés et prendre leur origine aux sources les plus éloignées.

Comment l'esprit le plus ferme pouvait-il résister à cette force? Quelle responsabilité l'Empereur prenait sur lui, s'il méprisait ces bruits? La seule probabilité de ces prédictions si multipliées et si terribles, ne suffirait-elle pas pour prendre en considération majeure tout ce que le comité avait présenté? Loin de taxer l'Empereur d'inconstance, ne fallait-il pas plutôt l'admirer d'avoir soutenu si longtemps son secrétaire seul contre tous?

[1]) Ce nouveau plan de finances était connu de m-r Spéransky avant son départ, mais il ne croyait pas alors qu'on eût osé le présenter; tant il lui paraissait absurde.

La chute était donc naturelle. Mais une chute ordinaire (congé ou renvoi) n'assurait pas les vues du comité. C'était faire les choses à demi. «M-r Spéransky congédié ne pouvait-il pas se relever, pénétrer le mystère de la nouvelle administration, l'attaquer à son tour et renverser ce frêle édifice?» Le comité composé de courtisans consommés dans l'intrigue ne pouvait pas méconnaître le danger. Il a été donc tout naturellement conduit à chercher les moyens d'enchaîner tellement son adversaire qu'il ne puisse écrire une ligne, prononcer une parole qui ne fût jugée et commentée par la force même qui allait le dominer. Bref, il doit être exilé et gardé à vue. Mais sous quel prétexte? Quelles seront les preuves? Dans les grandes crises politiques, la seule présomption du danger est déjà censée suffisante pour motiver les mesures de précaution. Or, il y a ici plus que présomption. «Est-il possible que m-r Spéransky ait travaillé a décréditer les assignats, à proclamer des dettes imaginaires, à exaspérer la nation par les impôts, à désorganiser toutes les parties de l'administration sans plan, ni dessein? Qu'on aille saisir ses papiers, et on y verra sûrement des preuves irrécusables; et d'ailleurs, est-ce un exil que d'être renvoyé à Nijny, au centre de la Russie, où il jouira de ses richesses et soignera sa santé? Enfin, quel autre moyen plus facile pour s'assurer de ses papiers et pour découvrir ses vues?»

C'est ainsi que le meilleur des souverains se laissa entraîner par les insinuations d'un fameux intrigant aidé de collègues dignes de lui.

Mais comment cet intrigant marqué dans toute l'Europe au coin de la reprobation générale, se trouvait-il en crédit auprès de l'Empereur? Quelle monstrueuse association de la franchise et de la loyauté, avec l'astuce et la fripponerie? Demandez-le à ce même m-r Spéransky, qui, toujours occupé des choses, ne comptait pour rien les personnes et croyait qu'il était indifférent pour lui et pour l'état qu'un homme de ce caractère approchât du souverain.

Mais quellès étaient les vues du comité en s'armant ainsi non seulement contre la personne, mais contre les institutions? Ses vues étaient palpables et évidentes: c'était de s'emparer du pouvoir, de gouverner tout et de ne répondre de rien. La chute de la personne n'était là qu'un objet sécondaire, mais indispensable. Le but principal était de gouverner sous le nom de l'Empereur.

C'est au génie de l'Empereur qu'il faut attribuer que ce projet infernal soit resté sans effet. Sa Majesté a eu l'inspiration de faire discuter le nouveau plan de finances au Conseil d'État, et elle ne tarda pas à recueillir les preuves les moins équivoques de toute l'absurdité de ces visions saugrenues. Cela suffisait dans l'esprit juste de l'Empereur pour répandre de la défiance sur tout le reste.

Ainsi ce fameux comité de 200 millions de ressources claires et nettes est mort avant même d'entrer en activité.

Mais tandis qu'il expirait sous la discussion saine et froide du Conseil, m-r Spéransky jeté dans une kibitka courait en exil. Sa maison était devenue un objet de terreur. Ses papiers furent saisis. On se jeta à les éplucher, à les examiner.

Quelle fut la consternation de ces messieurs quand ils virent l'impossibilité de trouver rien qui pût servir à fonder leurs délations. Ne vous allarmez pas cependant, messieurs du comité, voici une découverte précieuse: dans les piles de papiers m-r Spéransky avait indiqué lui-même quelques vieilles dépêches déchiffrées qu'il tenait d'un fonctionnaire public. «Comment ces dépêches se trouvaient-elles chez lui? Comment osait-il

s'emparer ainsi des secrets de l'état, qui ne lui étaient pas confiés?» Mais, oserait-on demander à ces messieurs, ont-ils lu ces dépêches? Qu'est-ce qu'elles contiennent? Ne sont-ce que des nouvelles courantes et déjà vieilles sur les bruits de la guerre? M-r Spéransky ne participait-il pas aux affaires même diplomatiques d'une manière tout autrement importante?[1]). Ne tenait-il pas de la personne même de l'Empereur des communications beaucoup plus intimes, et qu'est-ce que ces dépêches pouvaient lui apprendre de nouveau? «Tout cela peut-être vrai; c'est cependant une grande indiscrétion». Oui, il en convient; mais, messieurs, vous avez commencé, ce semble, par l'accuser de haute trahison, vous avez cherché dans ses papiers des plans de révolution, et vous avez abouti à n'y trouver que de l'indiscrétion. Ainsi l'homme public, qui a servi l'état dans une des charges principales, sera calomnié, saisi, traité en criminel, exilé, et un simple tripotage de chancellerie servira de prétexte suffisant à toutes les rigueurs, et ce motif prévaudra seul sur tous les services qu'il a pu rendre à l'état. On relèvera cette faute (si faute y est) avec éclat, et on ne daignera pas même jeter les yeux sur les preuves incontestables et multipliées qui se trouvent dans les mêmes papiers et tout à côté de ces mêmes dépêches, de la pureté de ses intentions, de l'intégrité de sa conduite, de son attachement inviolable à la bonne cause, de l'intérêt qu'il a mis à dévoiler les vues hostiles de la France, à signaler, bien longtemps avant les autres, les dangers et les inconvenients de son système; on ne tiendra aucun compte de sa persévérance dans les principes politiques actuellement rétablis et de tous les sacrifices qu'il a fait en soutenant ces principes contre l'assendant prédominant de ceux qui étaient alors attachés au système de la France.

L'Empereur a été, peut-être, un des premiers à se rappeler et à reconnaître toutes ces vérités. Sa Majesté convenait du moins qu'on n'avait rien trouvé de préjudiciable dans les papiers de m-r Spéransky. Cet aveu était terrible pour le comité. Il le devenait surtout du moment que leur plan de finances avait échoué. «Vous avez accusé m-r Spéransky, pourrait-on leur dire, d'avoir ruiné l'état par ses opérations financières; mais ces opérations cependant sont maintenues. Rien n'est changé au plan qu'il avait adopté. Vous avez prétendu que la nation était exaspérée par les impôts et vous avez offert de les remplacer par des millions crées d'un tour de baguette; mais vos millions sont refusés et les impôts sont continués. Vous avez prétendu trouver des preuves de haute trahison dans les papiers de m-r Spéransky, mais on n'a rien trouvé qui en eût seulement l'apparence». Qu'est-ce que le comité pouvait répondre à ces assertions? Il ne lui restait d'autre ressource qu'à exciter des bruits populaires, à exaspérer le public par les inculpations les plus fausses et les plus odieuses, à semer des pamphlets, des satyres et des épigrammes; et puisqu'il n'a pas réussi à découvrir la haute trahison, il s'est attaché à prouver qu'il y avait du danger pour le souverain de vouloir soutenir un homme, innocent ou coupable, mais devenu l'objet de la vindicte publique.

[1]) Здѣсь Сперанскій намекаетъ на слѣдующее порученіе, данное графу Нессельроде. «Въ январѣ 1810 года (пишетъ графъ Нессельроде въ своихъ запискахъ) мнѣ предложили отправиться въ Парижъ, подъ предлогомъ заключенія займа, въ дѣйствительности же для того, чтобъ увѣдомлять о происходившемъ тамъ императора Александра, чрезъ посредство Сперанскаго, всецѣло пользовавшагося тогда высочайшимъ довѣріемъ... Куракинъ и министръ иностранныхъ дѣлъ (т.-е. канцлеръ графъ Румянцевъ) ничего о томъ не подозрѣвали. Письма мои основывались на разговорахъ съ Талейраномъ и другими лицами, противниками возраставшаго честолюбія Наполеона».

C'est ainsi que le comité acheva brillamment la carrière de mensonges et d'intrigues qu'il s'est proposé de franchir. Voici, en résumé, l'enchainement de ses démarches: 1) Il voulait d'abord s'ingérer dans les affaires et les gouverner conjointement avec m-r Spéransky. 2) Sur son refus il se constitua à part et proposa un nouveau plan de finances. 3) Une des conditions indispensables de ce plan était l'exil de m-r Spéransky. 4) Cet exil fut obtenu, mais le plan de finance échoua; de là 5) une nécessité absolue de donner un autre prétexte à son exil. On a donc insinué à Sa Majesté qu'il était dangereux d'être juste et qu'il fallait ménager l'opinion publique. En attendant on tâcha de recueillir les notions les plus absurdes sur la manière de vivre de m-r Spéransky en province, et on n'a cessé de le calomnier qu'après l'avoir conduit aux portes de la Sibérie.

Couvert d'opprobre, mais fort de la pureté de sa conscience, deux grandes consolations lui restent sur la terre. La première est de penser que la Providence a préservé et préservera l'Empereur et l'empire des projets désastreux du comité. La seconde est d'espérer que tôt ou tard on rendra justice à ses vues et à son dévouement illimité aux vrais intérêts de Sa Majesté. Si cette espérance était trompée, il souffrira tout en silence; mais il citera un jour ses ennemis au tribunal de Celui Qui juge les coeurs et les pensées.

XXIII.

Письмо Талейрана къ императору Александру [1]).

13 Juin 1814.

Sire,

Je n'ai point vu Votre Majesté avant son départ, et j'ose lui en faire un reproche dans la sincerité respectueuse du plus tendre attachement.

Sire, des relations importantes vous livrèrent il y a longtemps mes secrets sentiments, votre estime en fut la suite; elle me consola pendant plusieurs années et m'aida à soutenir des pénibles épreuves. Je démêlai d'avance votre destinée et je sentis que je pourrais, tout français que j'étais, m'associer à vos projets parce qu'ils ne cesseraient point d'être magnanimes: vous l'avez remplie toute entière cette belle destinée. Si je vous ai suivi dans votre noble carrière, ne me privez point de ma récompense, je le demande au héros de mon imagination, et, j'ose ajouter, de mon coeur.

Vous avez sauvé la France, votre entrée à Paris a signalé la fin du despotisme: quelques soient vos secrètes observations, si vous y étiez encore appelé, ce que vous avez fait, il faudrait le faire encore, car vous ne pourriez manquer à votre gloire quand même vous croiriez avoir entrevu la monarchie disposée à ressaisir un peu plus d'autorité que vous ne le croyez nécessaire et les Français négliger le soin de leur indépendance. Après tout que sommes nous encore, et qui peut se flatter à la suite d'une pareille tourmente de comprendre en peu de temps le caractère des Français? N'en

[1]) Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ: Campagnes 1814.

doutez pas, Sire, le roi que vous nous avez reconquis, s'il veut nous donner des institutions utiles, sera obligé, en y mêlant quelques précautions, de chercher dans son heureuse mémoire ce que nous étions autrefois, pour bien juger de ce qui nous convient. Détournés par une sombre oppression de nos habitudes nationales, nous paraîtrons longtemps étrangers au gouvernement qu'on nous donnera.

Les Français, en général, étaient et seront légers dans leurs impressions, on les verra toujours prompts à les répandre, parce qu'un secret instinct les avertit qu'elles ne doivent pas être de longue durée. Cette mobilité les conduira à déposer bientôt une confiance assez étendue dans les mains de leur souverain, et le nôtre n'en abusera pas.

En France le roi a toujours été beaucoup plus que la patrie; il semble pour nous qu'elle se soit fait homme; nous n'avons point d'orgueil national, mais une vanité étendue qui, bien réglée, produit un sentiment très fort de l'honneur individuel. Nos opinions ou plutôt nos goûts ont souvent dirigé nos rois (Bonaparte eût répandu plus impunément le sang français, s'il n'eût voulu nous asservir à ses sombres manières). Les formes, les manières de nos souverains nous ont façonné à notre tour, et de cette réaction mutuelle vous verrez sortir de chez nous un mode de gouverner et d'obéir qui, après tout, pourrait finir par mériter le nom de constitution. Le roi a longtemps étudié notre histoire; il nous sait; il sait donner son caractère royal à tout ce qui émane de lui; et quand nous serons rentrés en nous même, nous reviendrons à cette habitude vraiment française de nous approprier les actions et les qualités de notre roi: d'ailleurs les principes libéraux marchent avec l'esprit du siècle; il faut qu'on y arrive: et si Votre Majesté veut se fier à ma parole, je lui promets que nous aurons de la monarchie liée à la liberté, qu'elle verra les hommes de mérite accueillis et placés en France, et je garantis à votre gloire le bonheur de notre pays.

Sire, je conviens que vous avez vu à Paris beaucoup de mécontents: mais en écartant encore la promptitude de la dernière révolution et la surprise de tant de passions toutes agitées en même temps, qu'est-ce que Paris aprés tout? Rien qu'une ville d'appointements. La cessation seule des appointements a averti les parisiens du despotisme de Bonaparte. Si l'on avait continué de payer les gens en place, c'est en vain que les provinces auraient gémi de la tyrannie. Les provinces, voilà la vraie France; c'est là qu'on bénit réellement le retour de la maison de Bourbon et que l'on proclame votre heureuse victoire.

Votre Majesté me pardonnera les longueurs de cette lettre; elles étaient indispensables pour répondre à la plus grande partie de vos généreuses inquiétudes: elles me tiendront lieu d'une explication que j'aurais tant aimé à lui donner. Le général Pozzo que je vois tous les jours et que je ne puis trop vous remercier, Sire, de nous avoir laissé, nous regardera, nous avertira, car nous aurons besoin quelques fois d'être averti: je traiterai avec lui les intérêts de la nation, et si, comme je l'espère, Votre Majesté honore la France de quelques moments de retour, il vous dira, et vous verrez vous-même que je ne vous aurai pas trompé.

Une autre confidente, une seule, a reçu le secret de mon chagrin: je veux parler de la duchesse de Courlande que vous honorez de vos bontés et qui entend si bien mes inquiétudes. Quand nous aurons le bonheur de vous revoir, je lui laisserai le soin de vous dire combien j'ai été peiné, et elle vous dira aussi que je ne méritais pas de l'être.

Mais, Sire, que votre âme généreuse sache avoir un peu de patience! Vrai bon Français que je suis, permettez moi de vous demander en vieux langage français de nous laisser reprendre l'ancienne accoutumance de l'amour de nos rois; ce n'est pas à vous à refuser de comprendre l'influence de ce sentiment sur une grande nation.

Veuillez agréer, Sire, avec votre bonté accoutumée l'hommage du profond respect avec lequel je suis,

Sire,

de Votre Majesté,

le très humble et très obéissant serviteur,

le prince de Benevent.

XXIV.

Записка Лагарпа и Поццо ди Борго императору Александру, отъ 25-го іюня (7-го іюля) 1814 года, о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ.

Sire,

Monsieur de La Harpe a cru qu'il pouvait être utile au service de Votre Majesté, de venir mettre à ses pieds quelques réflexions sur l'état actuel des affaires, et j'avoue, Sire, que je me suis réuni à cet égard à son opinion.

Il est du devoir de ceux des serviteurs de Votre Majesté qui comme nous ont plus d'obligations à remplir envers elle, d'observer les combinaisons lointaines des cabinets et la marche de l'opinion dans cette crise importante et pour ainsi dire unique. Voici ce qu'elles paraissent nous présenter,

La gloire presque exclusive que Votre Majesté a obtenue par l'évènement qui vient de délivrer le monde, a excité toutes les jalousies. Ceux qui sont alarmés de cet état et de cette prééminence que l'histoire vous prépare cherchent à en diminuer l'impression, en dirigeant l'attention de l'Europe sur des projets, que Votre Majesté n'a pas, et sur des principes supposés qui ne sont pas du tout la règle de sa conduite.

Votre Majesté a reçu de la nature et de l'éducation l'amour de la justice: maître d'un trône absolu à l'âge de vingt deux ans, elle n'a pas fait verser une larme, elle n'a pas commis un acte de rigueur. Sous un autre souverain la moitié de la Pologne aurait été confisquée sans blesser ni les lois, ni les maximes reçues. Votre Majesté a cherché au contraire dans les motifs de la révolte les moyens de faire grâce, comme d'autres auraient cherché ceux de punir. Elle a traversé l'Europe en conquérant et n'a été applaudi que comme libérateur; par elle l'Autriche se relève de son humiliation, la Prusse renaît de ses cendres, l'Allemagne reprend son caractère national, la France est rendue à elle même et au reste du monde, l'Espagne a vu tarir la source de ses larmes, l'Italie commencera à être moins malheureuse, et l'Angleterre, dont les dangers à la vérité n'étaient pas aussi imminents, a vu ses fardeaux s'alléger et toutes les portes du bonheur s'ouvrir devant elle. Les nations et les gouvernements marchent vers une meilleure organisation et des réformes utiles, et si les hommes de ce siècle ont la force de suivre lentement la pente naturelle des choses, le succès est immanquable.

Mais, Sire, au milieu de tant de gloire, de l'admiration et de l'enthousiasme universel, l'oeil observateur découvre les germes d'une opposition également générale, semés adroitement pour embarasser la marche et altérer, s'il était possible, le caractère du rôle sublime, dont Votre Majesté a su s'emparer.

Le gouvernement anglais n'est pas envers Votre Majesté dans des termes confidentiels; nous dirions plus, il assume une attitude qui dénote l'alarme, en conséquence la froideur, la jalousie, et enfin l'opposition sourde ou déclarée.

La Prusse qui doit tout à Votre Majesté est inquiète; elle voudrait certainement ne jamais mécontenter Votre Majesté; cependant son adhésion commence déjà à être un effort, et les efforts fatiguent même en politique.

La France cherche à s'attacher à son système, elle soupire après une alliance de famille, mais la France n'a pas encore assez de matériaux et de faits à cet égard, pour fixer son opinion.

L'Autriche est rivale, et sans que cette rivalité amène une rupture ouverte, elle verra avec plaisir tout ce qui peut mettre de l'éloignement entre Votre Majesté et la partie gouvernante de l'Europe.

L'Allemagne cherche à se fédérer. Si l'influence de Votre Majesté est employée d'une manière conforme à l'esprit dominant et aux intérêts positifs du pays, Votre Majesté en est virtuellement le chef et le garant de cette fédération. Les ennemis de sa gloire cherchent à répandre partout des bruits, qui lui sont contraires; ils paraissent n'être parvenu jusqu'à présent qu'à établir une tendance d'opposition, mais cette tendance peut se convertir en système et en mesures, si les causes qui l'ont produite, agissent sans être contrariées.

Il parait que Votre Majesté pourrait déjouer tous les calculs de la jalousie et de la haine d'une manière tout à fait sûre. Elle n'a pas d'intérêts directs à démêler avec l'Angleterre; l'influence de cette puissance, sans être décisive sur le continent, se trouve cependant plus ou moins partout; au lieu de jeter cette influence dans la balance opposée, il conviendrait à l'attirer dans la sienne; rien ne sera plus facile avec quelque ménagement.

Les Bourbons ont été rétablis sur le trône de France par les armes et la persévérance de Votre Majesté; ils sont entourés d'intérêts politiquement opposés aux leurs; Votre Majesté seule n'en a pas de contraires; qu'elle veuille leur persuader, qu'elle prend part à leur sort, qu'elle daigne honorer de sa bienveillance les personnes, qui dans les occasions graves dirigeront leur politique, et les Bourbons seront ses coopérateurs, ses satellites. Dans la situation actuelle de leur famille, le duc de Berry donnera des rois à la France, c'est dans la vôtre, Sire, qu'ils veulent chercher un appui; il paraît convenable de ne pas négliger cette offre, il faut s'attendre dans ce cas que ce sera l'Autriche, qui probablement présentera une reine à la France.

A côté du bien immense, qui résulte de la restauration de la dynastie légitime en France, il peut exister, il est vrai, quelques inconvénients secondaires, mais qui oserait calculer ceux, qui auraient été la conséquence d'une nouvelle usurpation? Bonaparte seul pouvait régner par le fait, parce qu'il était le produit de lui-même, et de mille autres causes à la fois, qui n'appartiendront plus à aucun autre.

La Prusse va recevoir le complément de son existence de Votre Majesté; ce grand bienfait peut être accompagné de toutes les grâces, qu'elle sait employer, et qui lui

appartiennent pour ainsi dire exclusivement. Qu'elle maintienne une juste balance parmi les intérêts différents dans la réorganisation de l'Allemagne, en prenant pour base l'unité de force dans le cas d'invasions étrangères et l'équité des droits dans les rapports de la politique intérieure, et Votre Majesté sera l'arbitre, le bienfaiteur et le conservateur de ce pays.

L'Autriche est alarmée d'un côté et avide de l'autre; son ministre actuel s'est enveloppé dans ses propres intrigues; il a disparu devant les grandes choses, que Votre Majesté a faites, mais il s'efforce maintenant d'accourir à tous les bruits, de participer à toutes les inquiétudes, et il devient insensiblement le centre, où aboutissent toutes les confidences odieuses, que le soupçon ou l'imposture enfantent envers Votre Majesté. La cour de Vienne veut des conquêtes immenses avec le ton d'une grande humilité, rien n'est plus aisé que de la combattre par ses propres armes et de la dégriser par ses propres intrigues.

Dans une exposition de cette nature les détails sont impossibles à indiquer, mais la marche général n'est pas impossible, ni à indiquer, ni à démontrer.

Quant aux intérêts directs de Votre Majesté, ils sont pour le moment limités au territoire polonais, comme objet de conquête immédiate, et à la Turquie, comme projet de politique future et exclusivement russe.

On parle souvent des vues d'agrandissement, que l'on suppose à Votre Majestè; il n'en existe aucune qui ne soit inférieure à celles des autres: une augmentation de territoire en Pologne lui est indispensablement nécessaire: Thorn, Zamost et Sandomir doivent lui appartenir; ces points fortifiés, réunis à Modlin constituent une frontière militaire et lui donnent le pouvoir, si elle veut en user, d'aller chanter le Te Deum à Constantinople en dépit de qui que ce soit, comme elle l'a celébré à Paris; mais, Sire, ceux qui voudraient ravir à Votre Majesté ces avantages, et qui désirent de convertir contre elle cette même Europe qu'elle a sauvée, masquent leurs desseins sous le voile d'une question plus générale et cherchent par là d'en faire une question européenne.

La prudence exige de séparer tout ce qui concerne l'agrandissement du territoire d'avec la forme du gouvernement intérieur de la Pologne: c'est un objet à part qui ne saurait être pris en considération sans délibérer sur mille autres dont Votre Majesté seule est le juge. Elle seule a le premier intérêt à calculer, quel sera l'effet en Europe du titre de roi de Pologne réuni à celui d'empereur de Russie?

Dans le cas où cette réunion aurait lieu, si les provinces polonaises incrustées pour ainsi dire à l'empire doivent en être détachées pour faire partie du royaume?

Si la nation polonaise est une fois réunie en masse, quelle sera la forme de gouvernement applicable à sa nouvelle existence politique, à son caractère et à ses moeurs?

Cette forme de gouvernement aura-t-elle une influence sur l'empire de Russie, et de quelle nature?

Existerait-il une armée polonaise qui ne sera payée que par les finances de ce royaume?

Jusqu'à quel point l'association purement politique de la Pologne à la couronne de Russie pourra-t-elle être regardée indissoluble?

La Prusse et l'Autriche perdant l'espoir de conserver les provinces polonaises en doivent-elles désirer et opérer pour rendre ce pays tout à fait indépendant de la Russie?

Cette indépendance ne pourrait-elle pas réunir tous les polonais et devenir l'intérêt général de toute l'Europe et de la Turquie au point que la Russie ne pourrait plus s'y opposer?

Telles sont les questions qui se présentent à côté de mille autres sur ce sujet immense; mais c'est Votre Majesté seule qui doit les fixer d'une manière séparée et sans compliquer l'agrandissement du territoire avec une mesure de politique intérieure qui concerne l'architecture et le mécanisme de son empire.

Si ces observations, que monsieur de La Harpe assurera Votre Majesté avoir été faites en commun peuvent paraître de quelque utilité, nous nous regarderons tous les deux bien heureux d'avoir mérité l'indulgence de Votre Majesté; dans le cas contraire qu'elle daigne bien croire, que comme elle est l'objet principal de nos devoirs et de notre amour, elle doit être celui de notre sollicitude».

XXV.

Вѣнскій конгрессъ.

1.

Собственноручная записка императора Александра.

1814 года (августъ).

Points sommaires de l'instruction.

Pour la Russie.

Le duché de Varsovie.

Au pis aller je ne consens à céder que Posen jusqu'à une ligne tirée depuis Thorn jusqu'à Peysern et de là le long de la Prosna jusqu'à la frontière de la Silésie, et le district de Culm jusqu'à la Drevenz à l'exception d'un rayon autour de Thorn.

Pour l'Autriche.

Le nord de l'Italie jusqu'au Tessin et le lac Majeur; le Vénitien, le Tyrol, le Salzbourg, l'Innviertel et la Dalmatie.

Pour la Prusse.

Ses anciens états et la Saxe jusqu'à une ligne à tirer le long de l'Elster ou même au delà.

Le reste de la Saxe Royale devra être cédé à la maison de Weimar, une parcelle à celle de Cobourg.

Appuyer autant que faire se pourra les intérêts du duc d'Oldenbourg.

Pour le reste des princes de l'Allemagne veiller autant que possible qu'on ne bouleverse par trop l'état des choses actuels.

Les princes qui m'intéressent le plus fort sont le roi de Wurtemberg, le grand duc de Bade et le grand duc de Darmstadt.

En sus je m'intéresse à un établissement pour la vice-reine et qui pourrait être pris sur un des anciens électorats éclésiastiques.

2.

Императоръ Александръ графу Нессельроде [1]).

M. le comte Nesselrode. Conformément aux projets arrêtés à Londres, je me suis décidé à vous envoyer à Vienne pour y préparer conjointement avec les ministres d'Autriche, d'Angleterre et de Prusse tous les plans relatifs à l'arrangement futur de l'Europe. En vous chargeant d'une mission d'un si haut intérêt, je compte avec confiance sur votre zèle et exactitude à remplir les intentions que je vais vous développer dans la présente instruction.

Déjà les questions majeures qu'il s'agit de résoudre ont donné lieu à plusieurs discussions entre moi et mes alliés. A Paris le chancelier de Prusse me remit le mémoire que vous trouverez ci-joint et où il posa les bases d'un arrangement général [2]). En examinant cette pièce avec l'attention que demandent des objets d'une si grande importance, je me suis convaincu que les stipulations qu'elle renferme sont loin de jsatisfaire les intérêts de la Russie. Le duché de Varsovie est une conquête que j'ai faite sur l'empire de Napoléon. Tout le continent de l'Europe s'était ligué contre moi, lorsque j'ai repoussé la plus injuste aggression. Néanmoins je n'ai pas hésité à la délivrance de ces mêmes puissances des efforts non moins étendus que ceux qui ont sauvé la Russie. Maintenant que les succès qui ont été obtenus permettent de reconstituer les principaux états de l'Europe dans les proportions où ils se trouvaient avant les dernières guerres de Bonaparte et de procurer même à plusieurs d'entr'eux des agrandissements importants, il est juste que mes sujets soient indemnisés pour tant de sacrifices, et qu'une frontière militaire les préserve à jamais des malheurs d'une nouvelle invasion. Ce but atteint je me déclare complètement satisfait. Il prouvera que dans les prétentions que je soutiens il n'entre aucun principe dangereux pour le repos futur de l'Europe, aucune vue d'ambition qui doive altérer les relations qui subsistent entre

[1]) Approuvé à Kamennoy Ostroff le Août 1814.

[2]) Записка князя Гарденберга помѣчена: «Парижъ, 29-го апрѣля 1814 года» съ заглавіемъ: «Plan pour l'arrangement futur de l'Europe».

О правахъ Россіи на вознагражденіе въ ней было сказано слѣдующее: «La Russie dont le souverain magnanime et la brave armée ont tant fait pour la cause commune a tous les titres à un agrandissement considérable».

moi et mes alliés. La conservation du duché de Varsovie est tout ce que je leur demande et à ce prix je suis prêt à soutenir l'Autriche et la Prusse dans toutes les propositions qu'elles feront pour être indemnisées des parties de ce duché qui jadis leur ont appartenues. Je vais même plus loin. M'étant engagé par le traité de Kalisch de procurer à la Prusse un territoire qui lie l'ancienne Prusse à la Silésie, je consens, si elle devait y insister, à ce qu'elle recouvre le département de Posen et le district de Culm. Dans cette supposition la frontière serait établie d'après les lignes que vous trouverez tracées avec détail dans le mémoire ci-joint. Les frontières vis-à-vis de l'Autriche s'y trouvent également indiquées. Je ne saurai en aucun cas lui restituer du duché de Varsovie que les salines de Wiliczka avec le rayon de Podgorce, de façon que de ce côté la Vistule formera la frontière. A l'exception des districts désignés, tout le duché de Varsovie resterait à ma disposition pour être réuni à la Russie. Si l'on cherchait à provoquer quelques explications sur la forme de gouvernement que je suis intentionné de donner à ce pays, vous vous refuseriez à y répondre; vous déclareriez qu'il serait contre ma dignité d'entrer dans de semblables explications, que ne demandant pas compte des arrangements que les autres puissances se proposent de faire sous ce rapport, je crois avoir tous les droits de prétendre que personne n'intervienne dans ceux que je croirai les plus avantageux pour le bonheur des peuples que la Providence a réunis à mon empire. Pour éviter le soupçon de toute arrière pensée, pour calmer toute inquiétude et faire tomber toute appréhension de projets contraires à la tranquillité future de l'Europe, je suis prêt à donner à l'Autriche et à la Prusse relativement aux provinces de l'ancienne Pologne qu'elles conserveront en vertu de l'arrangement actuel, toutes les garanties qu'elles pourront désirer, tous les actes de cession et de possession qu'elles jugeront nécessaires pour la formation de leurs états. L'Autriche renfermerait sans doute dans ses possessions tous les éléments de puissance et de prospérité en acquérant:

1) Tout le nord de l'Italie jusqu'au Tessin et le lac Majeur y compris le Vénitien.
2) Le Tirol.
3) Le Salzbourg.
4) L'Innviertel.
5) Les provinces Illyriennes.
6) La Dalmatie.

Elle deviendrait une puissance d'environ 26 millions d'habitants. Les parties dont se composerait cette monarchie seraient parfaitement concentrées et par conséquent susceptibles de la meilleure défense. Ces acquisitions se composeraient des provinces les plus belles et les plus riches de l'Europe. Elle se trouverait donc amplement indemnisée de ce qu'elle ne recouvrera pas de ses anciennes possessions polonaises, car comment placer sur la même ligne les habitants de la Gallicie et ceux de la Lombardie et des pays fertiles que baigne l'Adriatique. Le calcul par nombre d'âmes et milles quarrées, sur lequel se fonde le mémoire du chancelier de Prusse, ne saurait être admis pour estimer la valeur des acquisitions que chaque puissance fera. Par conséquent quand même le nombre d'âmes que l'Autriche acquiert par les arrangements que je propose ne correspond pas entièrement à celui stipulé dans le mémoire prussien, elle gagne tant sous d'autres rapports statistiques et militaires que son lot devrait la satisfaire complètement, d'autant plus qu'indépendamment des autres avantages, il lui donne une

influence prépondérente sur l'Italie, puisque les états de Parme, la Toscane, le Modenois, ne peuvent au fond être envisagés que comme des provinces autrichiennes.

Les mêmes considérations sont également applicables à la Prusse. Outre ses anciennes possessions qu'elle va recouvrer, je souscris à ce qu'elle réunisse la Saxe jusqu'à l'Elster et à la frontière de Bohême et que ce soit par ce pays qu'elle s'indemnise des parties de la Pologne qu'elle ne recuperait point. Il est certainement impossible de lui procurer une indemnité plus complète et plus avantageuse sous tous les rapports. Quand même ses vues porteraient sur des acquisitions au delà de l'Elster, je ne m'y opposerai point. Je désirerais seulement qu'une partie de la Saxe soit réunie au duché de Weimar, une autre à celui de Cobourg.

Quant aux arrangements généraux pour l'Allemagne, le plan du chancelier de Prusse me paraît donner lieu à trop de ravirements dans l'état de possession de chaque prince. Il serait à désirer que l'on s'en tint à des principes plus simples et que l'on bouleverserait le moins possible. S'il y avait moyen d'obtenir quelques agrandissements pour le duc d'Oldenbourg, je le verrais avec plaisir. Il y a tous les titres par les pertes qu'il a essuyées et les vexations sans exemple que Napoléon a fait peser sur lui. Les princes de l'Allemagne auxquels je porte après lui le plus d'intérêt, sont le roi de Wurtemberg et les grands ducs de Bade et de Darmstadt. Vous veillerez à ce qu'ils ne soient pas lésés dans les arrangements qui seront pris à leur égard. Vous connaissez les assurances qui ont été données au vice-roi d'Italie, vous soutiendrez donc également ses intérêts ainsi que ceux de l'ex-reine Westphalie et vous emploierez tous vos soins afin qu'ils obtiennent un établissement convenable et constitué en souveraineté indépendante. Ils pourraient à mon avis être le mieux formés dans un des anciens électorats éclésiastiques situés sur la rive gauche du Rhin.

Tels sont les différents objets que je vous prescris de soigner particulièrement dans vos conférences avec les ministres d'Autriche, d'Angleterre et de Prusse. Vous connaissez d'ailleurs trop bien mes intentions et ma manière d'envisager les questions qui vont être agitées pour que je crois avoir besoin d'entrer vis-à-vis de vous dans de plus amples développements.

3.

Projet d'instruction générale pour les missions de Sa Majesté Impériale[1].

Vienne, 13 (25) Mai 1815.

Les intérêts et les rapports politiques des états qui constituent le système de l'Europe furent de tout temps associés et subordonnés à des causes générales, à de grands évènements et aux nouvelles combinaisons qui en devenaient le résultat nécessaire.

Il suit de là que les rapports dont se compose le système actuel de l'Europe dépendent essentiellement:

1°) Des causes qui ont amené la guerre des années 1812 et 1813. 2°) Des événements qui ont déterminé la paix de Paris. 3°) Des principes qui ont réglé les trans-

[1]) На подлинномъ рукою императора Александра написано: «Быть по сему».

actions du congrès de Vienne. 4°) Des motifs qui ont nécessité l'alliance du 25 Mars 1815. 5°) Des conséquences que peut amener la présente guerre.

En développant les principes que Sa Majesté l'Empereur a invariablement suivis durant cette mémorable période et desquels elle est décidée de ne point s'écarter, on fera connaître dans toute son étendue aux missions de Sa Majesté Impériale:

1°) Le système actuel de l'Europe dans ses véritables rapports avec le système du cabinet de Russie.

2°) La ligne de conduite d'après laquelle il est de l'intention de l'Empereur que les ministres accrédités aux différentes cours règlent leur coopération respective à l'effet de cimenter par des soins assidus et uniformes les relations pacifiques des états européens avec son empire.

Guerre de l'année 1812 et 1813.

Le continent européen démoralisé par la révolution allait subir le joug du despotisme militaire imposé par la France. Buonaparte provoqua la guerre d'invasion dirigée contre la Russie. Le succès de cette entreprise eût consommé l'asservissement de l'univers.

Cette guerre ainsi que la domination universelle à laquelle aspirait Buonaparte étaient les conséquences nécessaires du système auquel cet homme devait la puissance colossale dont il se trouvait revêtu. Son pouvoir était le résultat des calamités qui depuis une longue suite d'années affligeaient la France et le monde entier; sa force s'accroissait en raison de l'humiliation des gouvernements et de l'avilissement des peuples.

Les maux portés à leur comble rendaient inévitables une réaction de la part des peuples opprimés. Pour devenir générale et produire un résultat il lui fallait une occasion et un point d'appui ferme et inébranlable. La guerre de Russie donna le signal désiré; la modération et la persévérance de l'Empereur offrit ce point d'appui. En effet les nations guidées par cette impulsion, s'élevèrent rapidement à leur dignité première, firent cause commune avec la Russie et placèrent leur indépandance respective sous les auspices les plus glorieux.

En suivant dans leur connexion naturelle les évènements politiques et militaires qui ont amené cet heureux changement, on acquiert la conviction intime des vérités suivantes:

1°) Que la Grande Alliance a dû ses succès à l'ascendant de l'opinion publique sur les conseils de la plupart des cabinets.

2°) Que cette force entrainante de l'opinion était le fruit de l'esprit du siècle développé par la révolution et porté à un haut degré d'exaltation par le despotisme français.

3°) Que cet esprit du siècle propagé chez toutes les nations et joint au malheur des temps produisit la tendance des peuples au régime guerrier et celle non moins prononcée à une existence constitutionnelle.

Ces vérités que l'expérience a confirmées et rendues incontestables, étaient de nature à indiquer clairement les principes qui auraient dû présider à l'action réunie de tous les cabinets, afin de reconstruire solidement le système européen et d'assurer au monde le bienfait d'une paix durable.

Nulle force humaine ne pouvant faire retrograder l'esprit public et le replacer dans sa direction primitive, toute la politique aurait dû consister à examiner et à consulter la situation morale des peuples respectifs pour déterminer conformément à ce point de vue général l'extension territoriale, les institutions intérieures, ainsi que les rapports mutuels des états, dont la réunion devait former désormais la grande famille européenne.

D'après cette considération le rétablissement de l'équilibre par la reproduction de petits états intermédiaires devenait impossible, vu surtout le relâchement des ressorts moraux et la prépondérance universelle de la force militaire. Par conséquent en adoptant de toute nécessité l'échelle des grandes dimensions pour les états qui se composaient en tout ou en partie de pays sortis de la crise révolutionnaire, il fallait en même temps établir pour base de leur repos intérieur des institutions consacrées par des actes constitutionnels.

Paix de Paris.

Le premier des principes énoncés ci-dessus a été suffisamment observé dans les transactions territoriales arrêtées par le traité de Paris (18 (30) Mai 1814). Le second a rencontré une forte résistance suscitée par les préjugés et la jalousie.

L'Empereur témoigna expressément à l'époque où il s'est agi d'en faire l'application, le désir de voir la nation française concourir dans des formes légales à la restauration de son gouvernement légitime.

Ce voeu était dicté par la conviction intime de Sa Majesté Impériale, que les Bourbons ne pouvaient occuper le trône pour le repos de l'Europe et le bonheur de la France, qu'autant que les intérêts de cette antique dynastie seraient identifiés à ceux de la nation française, tels qu'ils avaient été créés et consolidés par 30 ans de révolution.

Cette conception aussi simple que vraie, déduite de la nature même des choses, ne trouva point d'accès auprès des Bourbons et ne fut point suffisamment appréciée par les cabinets des puissances alliées de la Russie.

La faire prévaloir par un acte de prépondérance manifeste ou par des moyens indirects, c'eût été s'arroger sur la France un droit qui répugnait à la modération de l'Empereur: c'eût été réveiller la jalousie des autres cabinets et les mettre à même d'alarmer le monde sur l'ascendant dominateur attribué à la Russie.

L'Empereur a conséquemment préféré d'abandonner au cours des évènements la décision de cette grande question, et ce n'est pas sans la plus vive douleur, que Sa Majesté voyait dans le traité de Fontainebleau conclu le 11 Avril 1814 le germe des nouveaux troubles dont la France était menacée.

Mais ce traité dicté par la nature des circonstances et par le motif impérieux d'épargner l'effusion de sang, en atteignant d'un seul trait l'objet de la guerre, a été signé au moment où les alliés et la France étaient dans la ferme persuasion, que le nouveau gouvernement accepterait une constitution, au lieu d'en donner une, et en partant de cette hypothèse l'existence de Buonaparte à l'île d'Elbe, loin d'être menaçante pour le trône légitime, allait devenir un de ses appuis. Il en a été autrement. Ces espérances s'évanouirent bientôt. Mais il était impossible de revenir sur les stipulations de Fontainebleau, qui avaient tous les caractères d'un engagement solennel.

L'Empereur n'a pu donc que faire des voeux sincères pour le bonheur de la France et de l'Europe et donner à toutes les puissances une nouvelle preuve du zèle qui l'animait pour le bien général, en suggérant le moyen de concilier leurs intérêts et de consolider leurs rapports.

En déférant à un congrès général les arrangements relatifs à la reconstruction du système européen, Sa Majesté Impériale a eu l'intention de donner au monde une nouvelle preuve de sa modération, ainsi que de son désir de soustraire les transactions politiques à la prépondérance militaire, en les plaçant désormais sous la sauvegarde des principes de droit et de convenance générale que le despotisme de Buonaparte avait fait disparaître du code civil et politique des états.

En soumettant ses propres intérêts aux décisions du congrès, en y admettant la participation libre de la France, comme celle de tous les autres états, Sa Majesté s'est flatté de procurer à tous les gouvernements le moyen de recouvrer leur crédit et d'affermir leur autorité respective.

Tant que les armées alliées occupaient la France et que l'existence de son gouvernement était en discussion, tant que le sort de la Belgique était un objet de négociation féconde en combinaisons variées, tant que les intérêts de l'Angleterre relativement aux colonies et à la possession de l'île de Malthe n'avaient pas encore été réglés, il est hors de doute que les arrangements territoriaux et politiques relatifs à la Pologne, à la reconstruction de la Prusse, de l'Autriche et de l'Italie, aux questions territoriales et constitutionnelles du corps germanique auraient pu être avantageusement et promptement terminés sous l'influence prédominante de la force militaire et par conséquent sous celle de la Russie. Mais cette idée n'a jamais pu ébranler les principes de l'Empereur. Sa Majesté prévit toutes les difficultés que la politique rétrécie de l'Autriche et celle des autres cabinets allait occasionner dans les discussions réservées au congrès. Elle n'a pas hésité néanmoins à se servir uniquement de la patience, de la modération et de la douceur pour les aplanir.

Congrès de Vienne.

Les traités conclus entre les puissances alliées, pendant le cours de la guerre, et celui de Paris, fixaient les bases sur lesquelles le congrès de Vienne était appelé à reconstruire le système de l'Europe. Par sa composition ce système devait d'un côté mettre les alliés à même de remplir leurs engagements et de l'autre faire naître de l'ensemble de ces combinaisons un équilibre général.

Cet équilibre devait consister dans la puissance relative qu'aurait acquise chaque état, au moyen de laquelle il eût pu maintenir son indépendance par ses propres moyens, et n'aurait jamais par contre attenté à celle des autres, sans s'attirer l'animadversion de l'Europe entière, toujours prête à réunir ses forces pour réprimer la moindre atteinte à son repos. Un troisième principe propre à contribuer au maintien de l'équilibre et à sa consistance indépendante de l'appui de la force militaire, c'eût été celui de ne point perdre de vue, dans les repartitions de territoire, l'intégrité des pays, dont il s'agissait de disposer, en travaillant en même temps à procurer aux contrées à peine échappées à la crise révolutionnaire, les avantages d'un système représentatif. Si les cabinets des puissances alliées s'étaient constamment et de commun

accord interdit toute déviation de ces principes, dès lors un véritable intérêt national aurait donné aux transactions du congrès cette solidité et ce caractère de permanence qu'aucune autre garantie ne saurait leur assurer.

L'Empereur n'a point laissé ignorer à ses alliés les voeux qu'il formait à cet égard. Mais les cabinets au lieu d'y voir une adhésion impartiale à un système déduit de la nature des choses et dirigé vers l'unique but de procurer à l'Europe une paix durable, se sont plû à y apercevoir les symptomes d'une ambition démésurée, qui ne pouvaient présager à l'Europe qu'une prépondérance absolue de la Russie. Cette appréhension chimérique, nourrie par les insinuations habiles des ambassadeurs des puissances impatientes d'exercer un ascendant prématuré dans les négociations fomentées par la jalousie de l'Angleterre et de l'Autriche, s'empara tellement des esprits et les aveugla au point, qu'une nouvelle ligue entre l'Autriche, l'Angleterre, la France et la Bavière [1]), fut mystérieusement conclue au moment où l'Empereur abandonnait avec loyauté et franchise la décision des intérêts les plus directs de son empire à une discussion libre avec ses alliés, au moment où Sa Majesté s'était montrée le plus disposée à respecter tous les égards et même à porter des sacrifices aux convenances que les cabinets d'Autriche, de France et d'Angleterre faisaient envisager comme autant de principes de droit.

Par cet état de choses Sa Majesté Impériale se trouva placée dans la pénible alternative, ou de maintenir à la rigueur ses principes et de les faire prévaloir par la voie des armes, ou de leur faire subir des modifications inséparables de la marche lente des négociations, uniquement dans la vue de détourner des peuples le fléau de la guerre.

Le premier parti était en opposition directe aux intentions pacifiques de Sa Majesté Impériale, qui ne tendaient qu'à assurer le bien général; il eût été absurde de vouloir l'obtenir par la force militaire. L'Empereur s'est donc arrêté au second, en y portant un esprit de conciliation, que ni la duplicité, ni les tergiversations n'ont pu altérer.

Ce qui a soutenu, ce qui soutiendra constamment la persévérance de Sa Majesté dans la ligne de conduite qu'elle s'est tracée, c'est la conviction profonde que les décrets de l'Eternel président seuls aux destinées des empires, et que les grandes combinaisons qui changent la face de l'univers, loin d'être produites par les conseils humains et les calculs des cabinets, dérivent au contraire de l'enchainement des causes générales. Conformément à ces principes, l'Empereur après avoir mis en oeuvre toutes les ressources de la négociation pour soutenir les droits et les intérêts des nations qui par des sacrifices sans nombre avaient acquis de nouveaux titres au repos et à la félicité, a dû finalement acquiescer à des stipulations qui ne remplissent que très imparfaitement le but qu'on s'était proposé. Les traités ci-joints [2]), ainsi que l'acte général du congrès qui embrasse toutes les dispositions arrêtées de commun accord entre les puissances, offrent l'ensemble de tout ce qui a été fait pour la réorganisation du système européen.

Pour ce qui concerne les rapports mutuels entre les differents états (nonobstant les déviations dont on a cité plus haut un exemple), il semble que l'intention de tous les

[1]) Traité secret d'alliance conclu le 3 Janvier 1815.

[2]) Traités concernant la Pologne.

Traité concernant la Saxe, la Sardaigne etc.
Acte général du congrès.

cabinets est d'établir par des garanties réciproques l'inviolabilité des transactions du congrès. Par un effet immédiat de ce pacte entre tous les états européens, il arriverait que celui qui parmi eux enfreindrait le premier les stipulations qui le concernent serait de fait considéré comme ayant déclaré la guerre à tous les autres états. Le projet de cette stipulation appartient au cabinet d'Angleterre. Pour peu qu'on envisage les dimensions de l'empire Britannique et les éléments dont se compose sa puissance, on conçoit aisément les motifs qui peuvent avoir déterminé ses ministres à faire cette proposition. Tout en saisissant l'étendue des considérations qui l'avaient dictée, lEmpereur n'hésita pas néanmoins à l'accueillir. Sa Majesté fit plus. Elle alla au devant des désirs formés par les cabinets de Vienne et de St. James et consentit à ce que le principe des garanties réciproques fut appliqué à la conservation de l'empire Ottoman, en se réservant uniquement le droit de s'entendre à l'amiable, et à l'exclusion de toute intervention étrangère avec la Sublime Porte, sur les points demeurés en discussion, à la suite du traité de Bucarest.

Mais soit que le pacte des garanties réciproques fasse partie de l'instrument général du congrès, soit qu'en raison des circonstances actuelles, les autres cabinets se décident à en ajourner la sanction, les principes de ce pacte étant inhérents à ceux qui ont réglé la reconstruction européenne, il s'en suit nécessairement, que les puissances respectives seront dans le cas de s'y conformer, sans y être astreintes par une stipulation diplomatique.

Les faits en général et notamment le traité d'alliance du 13 (25) Mars de cette année, la guerre que l'Europe va entreprendre, viennent à l'appui de cette observation.

Alliance du 13 (25) Mars 1815. Guerre contre Buonaparte.

Le traité de Paris replace la France dans ses limites naturelles, laisse à la disposition de l'Europe les territoires nécessaires à la reconstruction des états qui composent son système, ramène autant que possible ce système à des principes de droit et de convenance morale et tend à mitiger par degrés ceux que la force militaire avait fait prévaloir.

Or tolérer et reconnaître la révolution qui vient de s'opérer en France et qui a reporté Buonaparte sur le trône, ce serait renoncer à tous ses avantages, détruire instantanément toutes les espérances les plus légitimes. Ce serait exposer à un nouveau bouleversement les états qui viennent de se réorganiser en récupérant les pays enlevés par Buonaparte; ce serait s'écarter de la moralité et de la justice des principes qui ont armé les nations en 1812 et 1813; ce serait enfin exposer à des troubles interminables, à des calamités sans bornes la famille européenne.

Il suit de là que l'intérêt qui a dicté la nouvelle alliance, est un intérêt commun à tous, qui s'applique indistinctement aux rapports intérieurs et extérieurs de tous les peuples et de tous les gouvernements.

On a tout lieu de présumer, d'après cela, que nulle combinaison partielle suggérée par la faiblesse ou par l'égoisme ne pourra diminuer la force et l'importance de cet intérêt, ni faire redouter conséquemment à la grande alliance une défection quelconque. Ce qui le persuade davantage c'est la précision avec laquelle on a déterminé l'objet de

la présente guerre, dans le traité du 13 (25) Mars et dans tous les actes qui en font le complément [1]).

A ces motifs se joint la considération importante, que quelques soient les épreuves difficiles que pourraient occasionner les chances de la guerre, l'Empereur ne cessera d'accorder des soins vigilants à l'effet d'imprimer ce même caractère inaltérable d'intérêt général à l'alliance, à la guerre qu'elle entreprend, ainsi qu'aux résultats qu'elle se propose d'atteindre.

Cet intérêt changerait de nature et perdrait toute sa force, du moment que la grande alliance au lieu de se borner à diriger la guerre contre Buonaparte se proposerait de ramener en France arbitrairement et d'après des vues isolées, un ordre de choses quelconque, si elle voulait renverser Buonaparte pour replacer Louis XVIII sur le trône, sans étendre plus loin sa prévoyance et sans considérer qu'entre ces deux extrêmes il existe une nation française, dont les intérêts légitimes ne sauraient être impunément sacrifiés à une fausse politique ou subordonnés à des motifs particuliers.

L'expérience vient de le prouver. Tous les cabinets qui se sont fait illusion sur l'esprit du siècle, ceux qui ont cru pouvoir réduire toute la politique à la seule combinaison des intérêts ministériels, ceux qui ont fondé leur système sur celui d'une alliance avec les Bourbons, viennent de se convaincre par le fait du peu de réalité de ces théories. Si cette funeste et mémorable leçon n'est point perdue pour le repos du monde, nul doute que les liens de la nouvelle alliance ne doivent être indissolubles, que l'objet de la guerre ne demeure toujours le même, que ses succés ne soient immanquables.

Toutes les puissances feront des sacrifices pour le bonheur de la France si essentiel à celui de l'Europe: aucune d'elles ne portera dans sa coopération l'arrière pensée d'acquérir par suite de cette guerre un allié plus intime dans le gouvernement français, ou celle de réduire la France à un état d'humiliation et d'épuisement, qui l'empêche de redevenir partie intégrante du système européen.

Résultats auxquels vise la grande alliance.

Le plus heureux serait de faire renaître en peu de temps et par des mesures sagement combinées un gouvernement en France, qui mette pour toujours Buonaparte et les siens dans l'impossibilité de redevenir les despotes de cette nation et les fauteurs d'une révolution européenne. A cet effet, il ne suffit pas de détruire Buonaparte de sa personne; il importe de plus de neutraliser en France l'esprit qui l'a reporté sur le trône, et mettre à l'abri de nouvelles réactions les peuples qui sont le plus susceptibles de la contagion révolutionnaire. Ce n'est donc point par la seule force des armes, que l'on peut se flatter d'atteindre en peu de temps un aussi grand résultat. C'est une politique éclairée et libérale qui doit y préparer les voies et consolider le prix de tant d'efforts.

L'intention de l'Empereur est que ses ministres, chacun dans sa sphère d'activité respective, travaillent assiduement à obtenir cette heureuse fin.

[1]) Traité du 13 (25) Mars.
Déclaration du ministère britannique.
Accession des autres cabinets.

Rapports de la Russie avec le système de l'Europe. Conduite de ses ministres.

De tout temps la force croissante de l'empire Russe a excité la jalousie des cabinets européens. Les succès de la dernière guerre ont encore fortifié ce sentiment. Il est injuste et inconsidéré. La Russie est dans la vigueur de l'âge, dans le développement progressif et naturel de ses ressources morales. Elle ne saurait donc retrograder. Néanmoins ses progrès n'ont point été dirigés par des vues d'agrandissement. Ils n'ont eu pour but que le bonheur et le salut des nations.

L'Empereur pénétré de cette vérité et de ces principes, a pris à tâche d'écarter tous les motifs et même toutes les apparences qui auraient pu en quelque sorte autoriser cette jalousie, ou faire concevoir aux autres puissances le soupçon que Sa Majesté Impériale protégée visiblement par une force supérieure et aidée des ressources immenses que lui offrent l'étendue de son empire et la belliqueuse énergie de ses sujets, eut en vue d'augmenter sa puissance et de lui faire franchir les limites tracées par la plus stricte justice et la plus invariable modération. Sa Majesté Impériale n'a de même exigé aucune prééminence, soit dans le commandement des armées, soit dans les négociations. Loin de vouloir faire primer son cabinet par l'appareil des formes extérieures et de lui procurer l'initiative et la préséance dans les discussions, l'Empereur a constamment adhéré aux mêmes principes de modération et de réserve, en discutant les intérêts en commun et en évitant de séparer la cause de la Russie de celle de ses alliés.

C'est à cette conduite que l'Europe est redevable du résultat pacifique obtenu par le congrès, ainsi que du système des garanties réciproques.

Il suit de là que ce dernier système exclut nécessairement celui des alliances partielles, ou d'un travail préparatoire pour en conclure à l'avenir, à moins que les autres états ne déviennent des principes généraux arrêtés de concert.

En résumant toutes les considérations développées ci-dessus, on doit en conclure que les rapports de la Russie avec toutes les puissances de l'Europe sont éminemment pacifiques, et c'est à les cimenter que les ministres de Sa Majesté Impériale doivent principalement consacrer leurs efforts. Pour y réussir il importe de convaincre les cabinets respectifs des intentions de Sa Majesté et de travailler à leur faire partager insensiblement ses principes.

Parmi les puissances, celles qui ont donné des témoignages plus directs et plus multipliés de leur déférence pleine et entière aux vues de Sa Majesté Impériale, ce sont la Prusse et la Suède.

Une juste réciprocité impose par conséquent aux ministres de Sa Majesté Impériale l'obligation de témoigner à leur tour un plus haut degré de confiance et d'intimité aux ministres de ces deux cours.

Pendant la guerre actuelle, il importe que les ministres de Sa Majesté en se référant aux principes consignés dans la présente instruction, travaillent sans relâche à soutenir la cause commune par le puissant mobile de l'opinion publique.

Instruits comme ils le seront régulièrement du cours des évènements et de la marche des opérations militaires, ils s'appliqueront à en propager la connaissance, en se servant à cet effet de leurs relations particulières. Ils adopteront uniformément

leur langage et leur correspondance au point de vue général indiqué dans ce travail, qui seul est de nature à faire apprécier au juste le passé et à fixer les opinions sur les combinaisons à venir. Chaque ministre, dans sa sphère d'activité respective, observera avec attention la marche du gouvernement auprès duquel il est accrédité, l'influence des évènements sur sa situation intérieure, et rendra du tout un compte exact au ministère de Sa Majesté Impériale.

XXVI.

Extrait d'une lettre de Sa Majesté l'Empereur à Son Altesse Impériale le Grand Duc Constantin. En date de Vienne du 12 (24) Mars 1815 [1]).

Vous saurez déjà que Napoléon a reparu sur la scène. Ceux qui étaient le plus intéressés à le bien garder, les Bourbons et les Anglais, y ont mis une ineptie et une insouciance vraiment criminelle. Dès le moment que j'ai appris son départ de son île avec sa petite troupe, je n'ai plus douté un moment qu'il n'eût des intelligences très fortes dans l'armée française, et dès cet instant j'ai prévu la possibilité que joignant les premières troupes qui lui étaient bien disposées, il se dirigera avec un corps d'armée sur Paris. C'est justement ce qu'il a fait. Il a déjà dépassé Lyon, et les Bourbons jusqu'à ce moment ne peuvent pas réussir à disposer contre lui d'une force un peu majeure.

Dès la première nouvelle de son départ, on est unanimement convenu d'employer les efforts communs les plus vigoureux pour agir contre lui avant qu'il ne puisse bien-ancrer sa puissance en France et rétablir cette force militaire imposante, qui plus tard rendra tous nos efforts vains. Une armée de 150,000 Autrichiens se forme en Italie. Vis-à-vis de Strasbourg une armée composée de 65,000 Bavarois, de 25,000 Wirtembergeois et de 10,000 Badois va être soutenue et renforcée par 150,000 Autrichiens. Une armée prussienne de 160,000 hommes se forme près de Luxembourg, ayant à sa droite une autre entre Mons et Namur composée de 60,000 Anglais, 20,000 Bataves et 20,000 Allemands, tels que Hanovriens, Brunswikois er Hessois. Enfin notre armée forte de 200,000 hommes va se porter vers Nuremberg pour faire la grande réserve de toutes ces forces, de manière qu'on va disposer contre ce génie du mal et ce perturbateur du repos public d'une masse de moyens de 860,000 hommes. Très certainement de longtemps il ne pourra pas même mettre 400,000 hommes en campagne, ainsi avec l'assistance de la Providence Divine, j'espère que nous parviendrons à l'abattre pour la seconde fois. Mais il faudra déjà que ce soit la dernière. Telle est la décision unanime de toutes les puissances.

Je fais d'abord marcher quatre corps d'armée, c'est-à-dire le 3-me, le 4-me, 5-me et 6-me, l'avant-garde de Iermoloff, deux divisions de grenadiers et le 2-me et le 3-me corps de réserve de cavalerie, ce qui fait en tout 13 divisions d'infanterie et huit de

[1]) Военно-ученый Архивъ. Отд. I. № 507 (а).

cavalerie ou bien 200,000 hommes passés. Je garde dans mes frontières le 1-er et 2-e corps, les deux corps de l'armée de Bennigsen, deux divisions de la garde, la 1-ère de grenadiers, le 1-er corps de réserve de cavalerie et le corps des chasseurs à cheval, en tout 13 divisions d'infanterie et 3 de cavalerie, c'est-à-dire au delà de 200,000 hommes; en outre l'armée de réserve qui se composera des 3-mes bataillons et des 7-mes escadrons. Si je verrai que la lutte s'engage sérieusement, je ferai marcher la garde vers Bialistok, ainsi que la 1-re de grenadiers et le 1-er corps de réserve de cavalerie; si non, je les laisserai en repos là où il sont maintenant. . . . . L'aniversaire de demain nous retrace de bien beaux souvenirs et mon coeur aime à vous rappeler toute la reconnaissance que je vous dois.

XXVII.

Письмо королевы Гортензіи къ императору Александру отъ 13-го (25-го) марта 1815 года [1]).

J'ai le coeur triste de voir partir la seule personne qui pouvait me donner de vos nouvelles; je ne vois plus de moyens de m'entretenir quelquefois avec vous, à moins que vous ne le fassiez naître, et toute cette vilaine politique vous le permettra-t-elle? Vous devez savoir tous les changements qui sont arrivés en France; depuis longtemps je voyais bien que cela ne pouvait durer comme cela était, et vous même aviez bien jugé que les Bourbons prenaient la France tout le contraire de ce qu'il fallait la prendre; aussi le seul parti qu'ils ont ici ne consiste-t-il qu'en la noblesse ancienne, ce qui fait une grande partie de nos salons de Paris. La nation est donc tout entière à l'Empereur, mais elle veut la paix, et il aura assez d'esprit pour suivre en cela l'opinion dominante, car il a déjà éprouvé, et les Bourbons en sont un exemple, qu'on ne peut rester souverain qu'en ne séparant pas sa cause de celle de la nation. Voici ma politique, et je crois bien que c'est celle qu'on suivra ici; mais on attend avec impatience les intentions de l'Empereur Alexandre, on dit que son intérêt est d'être en paix avec la France, qu'il ne doit jamais craindre qu'on veuille l'inquiéter sur la Pologne, qu'on a la preuve qu'il est impossible de retourner chez lui, qu'il a désiré faire le bonheur de la France, qu'il ne viendra donc pas nous apporter la guerre, pour défendre une famille qui n'était guère reconnaissante envers lui et pour aller en contradiction avec une nation qui s'est bien déclarée, car un homme qui arrive tout seul reprendre son trône prouve bien qu'il y est appelé par le voeu de la nation. Il promet une constitution libérale, la liberté de la presse, enfin il veut contenter tout le monde, et s'il ne le faisait pas, il ne pourrait pas y rester. Serait-ce donc celui que nous aimons, dont les Français se rappellent encore avec sensibilité tous les procédés, qui viendrait nous apporter ici de nouveaux malheurs; je soutiens toujours que c'estimpossible, et comme ce que je viens de vous dire fait le principal sujet de toutes mes con-

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ IV. № 240.

versations, j'aime à vous en parler et à croire que vous ne pouvez jamais être que notre ami. Vous seriez toujours à temps d'être notre ennemi si l'on n'était pas vrai et loyal envers vous. Mais je quitte toute cette politique qui me paraît si froide, quand je cause avec vous: je veux vous parler un peu de moi: je comptais cependant ne plus vous écrire—je m'étais persuadée que vous aviez eu de l'intérêt pour moi, mais pas l'amitié que vous m'aviez promise, car un petit mot de vous m'aurait été souvent bien doux et bien nécessaire, aussi je n'écris aujourd'hui que pour moi, parce que j'y trouve du plaisir, et quand Boutiaguine serait parti, je regretterai bien de ne pas l'avoir fait. Je veux en dépit de vous que vous vous rappeliez combien vous avez été bien pour moi. Votre tendre intérêt dans tous nos malheurs, qui a sû si bien les adoucir, vos soins pour assurer notre avenir, tout cela si vous ne l'oubliez pas m'est une assurance que je ne vous suis pas indifférente, car on aime toujours ceux qu'on a obligé et quant à ces derniers, je ne vous dirai pas ce qu'ils sentent, vous le devinerez facilement, mais je vous avouerai que je suis bien triste dans ce moment, je n'ai besoin pour être heureuse qu'un peu de tranquillité et d'affection, et me voilà en..... [1]) et tourmentée par toutes les visites d'indifférents; en vérité malgré l'avantage que mes enfants peuvent trouver dans ce changement de position, puisque l'autre n'était pas assuré, et bien je regrette déjà ma tranquillité et puis si vous nous faites la guerre que tout sera triste. J'ai eu quelques moments bien pénibles à passer; on s'était amusé à faire courir le bruit que j'avais vendu mes diamants pour payer les troupes. Vous jugez comme cela me ressemble; on a voulu m'arrêter. J'ai été huit jours cachée, cependant au départ du roi je lui ai écrit pour le remercier de ses bontés; j'ai cru lui devoir cela, après en avoir été bien reçue dans les deux audiences qu'il m'avait données. J'ai envoyé aussi chez les duchesses d'Orléans et de Bourbon pour les prier de s'adresser à moi dans tout ce qu'elles pourraient désirer près de l'Empereur et que je serais heureuse de pouvoir leur être utile. Voilà le bon côté de ma position, car elle me serait bien à charge si quelquefois je ne pouvais trouver le moyen de protéger ceux qui souffrent. Vous savez peut être que l'Empereur Napoléon m'en voulait beaucoup d'avoir accepté un sort en France pour mes enfants. Je ne doute pas que sa famille n'ai fait tout au monde pour l'aigrir contre moi; mais il a pu juger lui même de la considération que par ma conduite mesurée j'ai pu conserver, ici et après une explication où il m'a dit qu'il s'était promis de ne plus me revoir, il m'a assuré qu'il oubliait tout et qu'il ne fallait plus en parler.

Je crois prouver que je compte assez sur votre bienveillance pour vous occuper comme cela de tous les détails qui me regardent; c'est que si vous saviez comme il m'est doux de vous écrire, mon ami, c'est ce dont j'ai le plus besoin, et toutes ces grandeurs que le monde recherche tant, ne vaut pas à mes yeux l'assurance de votre affection, et quand je pense que je n'aurai plus de vos nouvelles, j'en ai vraiment envie de pleurer; enfin ne m'oubliez pas, n'importe ce que le sort décide, croyez toujours que ma façon d'aimer vaut bien quelque chose; je partagerai toujours tout ce qui pourra vous arriver et en faisant des voeux pour votre bonheur, je croirai en faire aussi pour moi.....

Enfin si vous êtes notre ami, tout ira bien.

---

[1]) Слово не разобрано.

XXVIII.

Ланской—императору Александру.

Варшава, 4-го мая 1815 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Бывшаго Сената Герцогства Варшавскаго президентъ Островскій объявилъ публикѣ повелѣніе къ нему Вашего Императорскаго Величества о участи герцогства.

Хотя полагаю, что доведено уже до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, какъ принято сіе объявленіе, но вмѣняю въ обязанность съ своей стороны донести Вашему Величеству, что оно не произвело такого вліянія, какого ожидать бы можно отъ народа болѣе чувствительнаго.

Причиною есть слѣдующее:

Болѣе уже года, хотя несовершенно, но извѣстно было настоящее событіе; во все сіе время непрестанно было толковано, какимъ образомъ возстановится существованіе Польши. Всеобщее желаніе частію искренно, частію притворно запальчивое, но имѣющее одну и ту же цѣль, чтобъ быть Польшѣ владѣніемъ отдѣльнымъ и въ томъ же пространствѣ, въ какомъ было оно прежде раздѣленій, такъ помрачило нѣкоторые умы, что вмѣсто довлѣемой признательности къ безпримѣрнымъ благотвореніямъ Вашего Императорскаго Величества, оказываемымъ сей націи, вмѣсто покорнаго благодаренія за высокое въ судьбѣ ея участіе, наконецъ, вмѣсто того, чтобъ чувствовать, чтобъ превозноситься снисхожденіемъ, съ которымъ Ваше Императорское Величество принимали, какъ уже извѣстно было, осчастливить ихъ принятіемъ титула короля, они (подстрекаемые свойственною нѣкоторымъ кичливостію, что по твердости духа, по храбрости и другимъ мнимымъ достоинствамъ они единственны) наполнились мечтаніемъ, что возстановленіе Польши попрежнему королевствомъ быть должно и такъ рѣшительно опредѣляли сіе, какъ бы были въ правѣ того требовать.

Обольщенные таковымъ заблужденіемъ казались быть доброхотнѣе для насъ, нежели когда-нибудь; но теперь сіе прельщеніе исчезло, и холодность, особенно, какъ говорятъ, чрезъ отдѣленіе нѣкоторыхъ частей герцогства къ Пруссіи и Австріи, становится примѣтною до такой опрометчивости, что объявленіе титула короля и увѣреніе въ будущемъ конституціонномъ правленіи принимаются не за милость, но за опасенія послѣдствій отъ бѣглеца изъ Эльбы.

Я увѣренъ въ душѣ моей, что приверженность нѣкоторыхъ, а особливо военныхъ, къ врагу Европы не угаснетъ, и ничто не обратитъ къ намъ ихъ расположенія. Туда манятъ ихъ прелести грабежа, тамъ господствуетъ дерзкая вольность, тамъ ни за какое безчиніе нѣтъ отвѣтственности; здѣсь порядокъ, чинопочитаніе, повиновеніе повелѣніямъ, точность въ исполненіи ихъ и отвѣтствіе за преступленіе правилъ службы и даже правилъ добродѣтели.

Государь, простите русскому, открывающему предъ Тобою чувства свои и осмѣливающемуся еще изъяснить, что благосердіе Твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ и вообще войско польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ прави-

ламъ; и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда излить ядъ свой на насъ. Болѣе не смѣю говорить о семъ и, какъ сынъ отечества, какъ вѣрный подданный Вашему Императорскому Величеству, не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ неможно.

Всемилостивѣйшій Государь,
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Ланской.

XXIX.

Императоръ Александръ—графу Ливену [1]).

St.-Pétersbourg, le 18 Mars 1816.

Monsieur l'ambassadeur comte de Lieven. Ayant jugé nécessaire de donner une entière notoriété à l'acte d'alliance fraternelle et chrétienne conclu le 14 Septembre de l'année dernière avec mes alliés, Sa Majesté l'Empereur d'Autriche et Sa Majesté le Roi de Prusse, je me suis réservé d'en faire connaître l'esprit et le véritable point de vue aux personnes revêtues de ma confiance et chargées comme vous l'êtes, d'être les interprètes de mes intentions auprès des monarques amis ou alliés de la Russie. Les développements que je vous transmets par la présente, ne laissent rien à désirer sur le contenu de l'acte en lui-même, et sur le manifeste qui en a annoncé la conclusion à mes peuples.

L'ensemble des notions qui me sont parvenues jusqu'à ce jour, relativement aux fausses interprétations données à ce gage d'union et d'harmonie, démontre l'importance d'une explication plus précise des motifs qui l'ont cimenté. Le génie du mal, terrassé par l'action supérieure d'une Providence qui dispose à son gré des souverains et des peuples, semble faire de nouveaux efforts, pour prêter à cette stipulation des vues politiques aussi peu compatibles avec la pureté des intentions qui l'ont dictée, que contraires au but salutaire qu'elle est destinée à remplir.

Mes alliés et moi, pénétrés de la grande pensée qui a présidé aux évènements de la dernière lutte européenne, avons eu en vue d'appliquer plus efficacement aux relations civiles et politiques des états les principes de paix, de concorde et d'amour qui sont le fruit de la religion et de la morale du christianisme.

En conséquence nous nous sommes plu à considérer un acte de cette nature, comme étant le meilleur moyen de nous pénétrer plus intimement nous mêmes de ces préceptes conservateurs, trop longtemps relégués dans la sphère étroite des rapports individuels, de les faire apprécier aux autres et d'en rendre par là la pratique plus active, plus étendue et plus uniforme.

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ XV. № 284.

Dès longtemps tout homme impartial a dû être frappé de l'extrême circonspection à laquelle se trouvaient réduits ces principes salutaires, et n'a pu qu'attribuer à cette cause l'enchainement des calamités qui ont affligé le monde depuis nombre d'années. La base sur laquelle repose la sainteté du serment, une fois ébranlée, les préceptes de fraternité et d'amour, vraie source de toute liberté civile, devenus secondaires, on ne pouvait se flatter de travailler utilement au salut des peuples sans un retour absolu vers ces mêmes principes, sans un aveu solennel, qui servit à en fixer l'époque et qui assujettit à cette règle invariable les rapports mutuels des souverains et des nations qui leur sont confiées.

Telle étant l'intention qui a suggéré cet acte, le but unique et exclusif de l'alliance ne peut être que le maintien de la paix et le ralliement de tous les intérêts moraux des peuples, que la Divine Providence s'est plu à réunir sous la bannière de la croix.

Un acte de cette nature ne saurait renfermer en soi aucune vue hostile à l'égard des peuples qui n'ont point le bonheur d'être chrétiens. Il n'a pour objet que de favoriser la prospérité intérieure de chaque état et le bien général de tous, qui doit résulter de l'amitié entre leurs souverains, rendue d'autant plus indissoluble, qu'elle est indépendante des causes accidentelles.

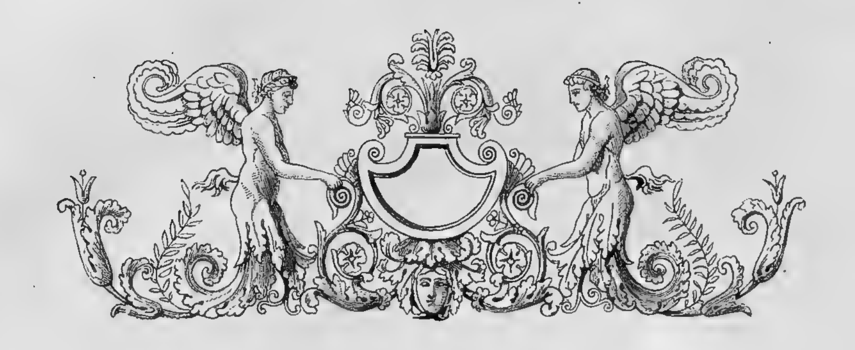
Un acte qui porte ce caractère peut encore moins se référer à des projets de conquête, attendu que son but ne saurait être atteint par la force des armes. Ce n'est que par l'ascendant de l'exemple et la séduction pacifique du bonheur, dont jouiront les nations chrétiennes sous les auspices tutélaires de leur religion, que l'on peut espérer de voir sa lumière consolante se répandre indistinctement sur toutes les nations.

Tels sont les développements que j'ai désiré vous faire connaître sur la teneur et l'objet de l'acte du 14 Septembre, ainsi que sur le motif de sa publication. Il n'est que l'expression simple et précise des sentiments gravés dans le coeur de mes frères d'armes et alliés, ainsi que dans le mien. Leurs Majestés partagent donc sans doute l'intention qui m'a porté à le rendre public, et c'est dans cette conviction intime, ainsi que pour contribuer au maintien de la paix, dont l'Europe goute actuellement les douceurs, que je me propose de notifier l'énoncé de ces sentiments à tous les gouvernements étrangers au christianisme et que la malveillance aurait pu indisposer contre cette alliance éminemment pacifique, parce qu'elle est conforme au véritable espri de la religion.

D'après la teneur des explications énoncées ci-dessus, que je vous charge de communiquer au Prince Régent et à lord Castlereagh, vous êtes autorisé à le prévenir que mon intention est d'adresser à la Sublime Porte, par l'organe de mon envoyé, une démarche conçue dans le même sens et propre à dissiper toutes les inquiétudes. Vous ajouterez, qu'il me serait agréable de voir ces explications amicales vis-à-vis de la Porte appuyées par celles du cabinet de Sa Majesté Britannique.

Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait en sa sainte et digne garde.

Alexandre.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ И АВТОГРАФЫ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ТОМѢ.

Портреты.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

Виды мѣстностей, зданій, бытовые и др. рисунки.

Автографы.

I.

Письмо барона Бенигсена къ императору Александру съ резолюціей государя и надписью военнаго министра Барклая де-Толли.

Sire!

Къ сведению въ секретную канцелярию ибо по сему уже исполнено.

Je prends la liberté de prier tres-humblement, Votre Majesté Imperiale, d'avoir la graçe de me permettre, que je puisse arriver à St.-Pétersbourg, pour quelques affaires particulieres, mais aussi pour y jouir du bonheur de me mettre aux pieds de Votre Majesté Imperiale.

Je suis

Sire

de Votre Majesté Imperiale.

le tres humble tres obeissant et tres fidel
Général de Cavalerie Baron de Bennigsen.

Je vous prie General de repondre que
je n'ai pas juge apropos d'acquiescer
à la demande de M. de Beningsen.

a Vilna
ce 22 May
1810.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 9).

II.

Рескриптъ императора Александра I адмиралу маркизу де-Траверсе.

Господину Адмиралу Маркизу де Траверсѣ.

Предпишитѣ съ нарочнымъ курьеромъ Полковнику Гапену съ девятію Гранодерскими ротами трехъ Морскихъ Полковъ, выступить завтрѣ въ Среду 4-го Октября изъ Кронштата и переехавъ на Ораніенбаумскую сторону, расположится на ночлегъ въ деревнѣ Мартышкиной и около лещащихъ селеніяхъ. Въ четверкъ же 5-го притить въ тѣ квартеры около Краснаго кабака, въ которыхъ ежегодно морскія полки помещаются приходя для Крещенія въ Петербургъ. Въ Пятницу 6-го числа дается имъ роздыхъ; а въ Суботу 7-го вступить имъ въ Петербургъ и въ 9-ть часовъ по утру меня ожидать въ Михайловскомъ екзерциргаузѣ. С.-Петербургъ. Октября 3-го 1811 года.

Александръ.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 25).

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

III.

Рескриптъ императора Александра I поручику Шильдеру.

Господинъ Порутчикъ Шильдеръ.

Въ воздаяніе отличнаго усердія вашего къ службѣ и трудовъ, понесенныхъ вами во время производства Бобруйскихъ крѣпостныхъ работъ, жалую васъ кавалеромъ ордена святыя Анны третьяго класса, коего знакъ у сего къ вамъ препровождая, повелѣваю возложить насебя и носить по установленію. Увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящшему продолженію ревностной службы вашей. Пребываю вамъ Благосклонный.

Александръ.

въ С.-Петербургѣ.
27-го Декабря 1811-го.

Военный Министръ Барклай де Толли.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 41).

IV.

Письмо М. М. Сперанскаго къ М. Б. Барклай де-Толли.

Милостивый Государь Михайла Богдановичъ.

Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть Г-пу дѣйствительному Камергеру Лавалю заняться редакціею статей о военныхъ дѣйствіяхъ Молдавской Арміи на французскомъ языкѣ для изданія оныхъ въ иностранныхъ журналахъ. Въ слѣдствіе сего Государю Императору было угодно, чтобъ Ваше Высокопревосходительство сообщали Г-ну Лавалю подробныя выписки изъ донесеній по мѣрѣ ихъ поступленія разумѣя тѣхъ статей, кои должны быть публичны. Дабы статьямъ симъ весьма неправильно въ иностранныхъ журналахъ изложеннымъ, дать болѣе связи и единства Г-нъ Лаваль считаетъ нужнымъ начать краткимъ описаніемъ дѣйствій начиная съ открытія сей Кампаніи или съ дѣла при Бассарджикѣ. Посему не угодно ли вамъ Милостивый Государь будетъ доставить ему бумаги къ сему относящіеся а потомъ доставлять послѣдующія по мѣрѣ движенія дѣлъ.

Съ совершеннымъ почитаніемъ честь имѣю быть.

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
М. Сперанскій.

Въ СПБургѣ
Іюля 4 дня
1810.

Его В-ству М. Б. Барклаю де Толли.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 57).

V.

Предписаніе М. И. Кутузова къ графу Ланжерону.

Секретно.

Господину Генералъ-Лейтенанту Графу Ланжерону.

Завтра утромъ извольте ваше сіятельство выступивъ изъ нынѣшняго расположенія съ корпусомъ вамъ ввѣреннымъ слѣдовать въ вновназначенный лагерь на Петрику и тамъ расположиться, и по выходѣ буду я ожидать рапорта вашего.—выступление сие удобно затрі чеса досвета. Генералъ Го: Кутузовъ.

2-е Іюня 1811.
№ 331.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 105).

VI.

Объявленіе графа Ѳ. В. Ростопчина.

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія, привезли отъ главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія.

Вчерашній день 26-го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею Русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣиствовалъ противъ его. Завтре надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую Святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизчетная. Онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать нѣкого), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сего дня, съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ Армію 4000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды, провіанта. Православные, будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества. Наша готова; естьли придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Русской.

Графъ Растопчинъ.

27 Августа
1812.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 121).

VII.

Приказъ Наполеона, отданный въ Москвѣ, въ 1812 году.

Nepoléon, Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la confidération du Rhin, Mediateur de la Confidération Suisse, etc. etc.

Avons décrété et decrétons:

Art. 1-er.

Le Colonel Naglé, est nommé Général de Brigade.

Art. 2.

Il sera employé, en cette qualité, au 4-ème corps de la Grande armée.

Art. 3.

Notre Ministre de la Guerre est chargé de l'exécution du présent décret,
Donné à notre quartier général Impérial de Moscou, le 11 Octobre 1812.

Napoléon.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 137).

VIII.

Секретное предписаніе адмирала Чичагова къ графу Ланжерону.

Секретно.

Господину Генералу отъ инфантеріи Графу Ланжерону.

Наполеонова армія въ бѣгствѣ, виновникъ бѣдствія Европы съ нею—Мы находимся на путяхъ Его. Легко быть можетъ, что всевышнему угодно будетъ прекратить гнѣвъ свой предавъ Его намъ, почему желаю я чтобъ примѣты сего человѣка были всѣмъ извѣстны. Онъ росту малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящшей же надѣжности ловить и приводить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я не говорю о наградѣ за сего . . . . Извѣстныя щедроты Монарха . . . . за сіе отвѣтствуютъ.

П. Чичаговъ.

№ 1146.
Минскъ.
7 Ноября
1812.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 153).

IX.

Актъ отреченія отъ престола императора Наполеона.

6 Avril 1814.

Les puissances alliées ayant proclamé que l'Empereur Napoléon était le seul obstacle au rétablissement de la paix en Europe, l'empereur Napoléon fidèle à ses serments, déclare qu'il renonce pour lui et ses héritiers aux trônes de France et d'Italie, parce qu'il n'est aucun sacrifice personnel, même celui de la vie, qu'il ne soit prêt à faire à l'intérêt de la France.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 313).

X.

Дополнительный листъ къ «Русскому Инвалиду» (22 іюля 1815 года), №. 23-й.

Взятіе Буонапарте.

Съ курьеромъ прибывшимъ сюда изъ Парижа, получено сего дня въ 1 по полудни достовѣрное извѣстіе о взятіи Буонапарте. Блокирующіе его при островѣ Ре Англійскіе корабли принудили его сдаться. Онъ немедлѣнно отвезенъ въ одну изъ сѣверныхъ крѣпостей Шотландіи, гдѣ и долженъ онъ остаться до конца жизни своей. Ожидаютъ подробности о семъ произшествіи объявленномъ въ Парижѣ чрезъ дополнительный листъ на которомъ была надпись: Взятіе Наполеона съ большими литерами. Говорятъ что радость добрыхъ Парижанъ неизъяснима!

Печатать позволяется. Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Г. Яценковъ.

Печатано въ Типографіи Прав. Сената, и продается у Г-на Края, въ домѣ Бреммера, на Исакіевской площади, No 197.

Прибавленіе къ «Русскому Инвалиду» 22 іюля 1815 года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 329).

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

XI.

Письмо князя П. М. Волконскаго къ А. А. Бенигсену.

Etat major Imperial.
№ 411.

A Vienne Le $\frac{\text{27 Decembre 1814.}}{\text{8 Janvier 1815.}}$

№ 67.

Monsieur le comte.

Sa Majesté l'Empereur m'a chargé d'informer Votre Excellence, qu'il est parvenu à Sa connaissance, que Vous avez démandé au roi de Dannemarc des décorations pour différens officiers de votre armée L'Empereur en a temoigné Son étonnement, et m'a ordonné de communiquer à Votre Excellence, que Sa Majesté a toujours désapprouvé, que des généraux fassent des presentations aux Souverains étrangers sans avoir obtenu la permission de Sa Majesté.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération.
Monsieur le Comte
da Votre Excellence
le très humble et obeissant serviteur

le P. Volkonsky.

A S. E. M-r le C-te de Bennigsen.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 345).

XII.

Письмо графа А. А. Аракчеева къ В. Н. Каразину.

Милостивый Государь Василій Назаровичъ.

Избраніе меня членомъ вашего общества и доставленной вами дипломъ, въ коемъ общество меня наградило столь пріятнымъ на мой счотъ выраженіемъ, я пріемлю съ истинною моею благодарностію, тѣмъ болѣе, что я всегда полагалъ награды сего рода первѣйшими.

Изъ сего короткаго моего изъясненія, вы конечно Милостивый Государь и любезной сотоварищъ почувствуетѣ силу моего удовольствія, и цѣну моей благодарности, которую уже и прошу принять на себя трудъ объявить всему почтенному нашему обществу коего имѣю я нынѣ удовольствіе быть членомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду всегда вашъ
Милостиваго Государя
покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.

Г. Швейдницъ.
17 маія
1813.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 353).

XIII.

Письмо князя П. М. Волконскаго къ генералу Винцингероде [1]).

Etat major Impérial.
Bureau des mouvements.
2-e section.
№ 287.

Le Quartier-Général à Paris
le $\frac{26 \text{ Mars.}}{7 \text{ Avril.}}$ 1814.

Monsieur le général.

Le général Emmanuel anonce qu'aujourd'hui de la part du général comte de France s'est présenté chez lui aux avant-postes en parlementaire pour l'informer que Napoléon aprés avoir abdiqué et signé l'acte d'abdication a pris avec une petite escorte la route d'Auxerre, pour se rendre en Bourgogne.

Sa Majesté l'Empereur ordonne que Votre Excellence detache de suite un parti assés fort à sa poursuite, afin si ce procedé de sa part a vraiment eu lieu, de le joindre le saisir, et l'emmener vivant.

Agrées, Monsieur le Général, l'assurance de ma parfaite considération

Le Prince Volkonsky,
Aide de camp général et major-général.

A S. E. M-r le Général de Winzingerode etc., etc.

На оборотѣ этого письма надпись:

Его Высокопревосходительству

Г. Г. отъ К. Бр. Винцингероде.

Весьма нужное.
№ 287.

Близъ Sens.

Отправлено въ 11 часовъ вечера.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 361).

[1]) Изъ собранія автографовъ Леона Викентьевича Зволинскаго.

